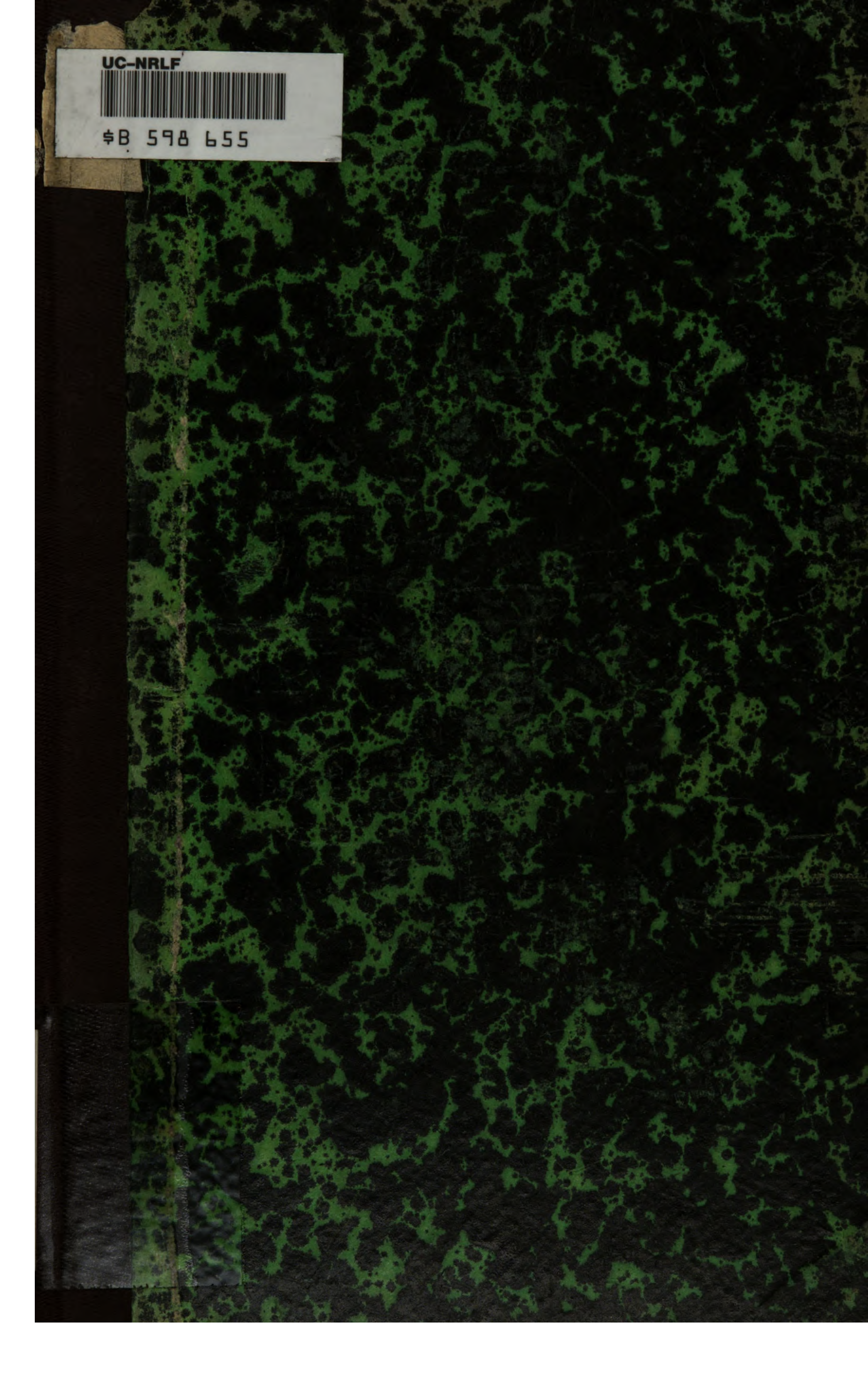

UC-NRLF
$B 598 655

НОВЫЯ КНИГИ.

Изданія редакціи журнала „МІРЪ БОЖІЙ“:

1. **Физическія явленія на земномъ шарѣ. Элизе Реклю.** Сокращеніе „Земли“ того же автора, **сдѣланное имъ самимъ.** Переводъ съ французскаго 5-го изданія, и съ примѣчаніями и дополненіями **Д. А. Коропчевскаго.** Съ 118 рисунками въ текстѣ съ прибавленіемъ словаря географическихъ именъ. Цѣна 1 р. 60 к., съ пересылкой 1 р. 75 к. Подписчики журнала „Міръ Божій“, выписывающіе черезъ редакцію, за пересылку не платятъ.

2. **Письма объ эстетическомъ воспитаніи. В. Острогорскаго.** Изданіе II. Цѣна 40 к.

3. **Очерки Пушкинской Руси. В. Острогорскаго.** Изданіе II. Цѣна 40 к.

4. **Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Ив. Иванова.** Жизнь, личность, творчество. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

5. **Процессъ оплодотворенія въ растительномъ царствѣ. И. Бородина.** Цѣна 1 р. 50 к.

6. **Основанія элементарной психологіи. Г. Компейрэ.** Перев. съ франц. подъ ред. прив.-доц. **Г. Челпанова.** Цѣна 80 к.

7. **Тайна богатой наслѣдницы.** Романъ **Вальтера Безанта.** Цѣна 80 к.

Годъ VI-й. № 6-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ІЮНЬ

1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1897.

Дозволено цензурою 27-го мая 1897 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

О СПЯЧКѢ У ЖИВОТНЫХЪ.

Жизнь есть явленіе такой необъятной сложности, такой ослѣпительной многосторонности, что уму человѣческому трудно охватить это явленіе цѣликомъ, не ограничивая своихъ задачъ, не сосредоточивая своихъ усилій на изученіи преимущественно тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ сторонъ жизни. Въ этомъ заключается, безъ сомнѣнія, одна изъ главныхъ причинъ, почему въ разныя эпохи развитія ученія о животныхъ преобладало-то стремленіе къ описанію внѣшнихъ сторонъ ихъ образа жизни, то систематизація ихъ внѣшнихъ формъ, то, наконецъ, выдвигались на первый планъ морфологическіе интересы, которые, со временъ Кювье, овладѣли зоологіею на долгое время и господствуютъ въ ней и теперь, такъ какъ генетическій принципъ, прочно установленный работами Дарвина, хотя и объединяетъ морфологію съ другими отраслями біологіи, но до сихъ поръ опирается почти исключительно на морфологическія основанія. Благодаря этому нѣсколько одностороннему преобладанію морфологіи, другія отрасли науки о животныхъ отодвинуты, поневолѣ, на задній планъ, и менѣе всего разрабатывается едва ли не интереснѣйшая часть нашей науки,—изученіе *образа жизни* (экологіи) животныхъ. Такія имена, какъ Спалланцани, Реомюръ, Рёзель, Де-Гееръ—принадлежатъ XVIII столѣтію и не имѣютъ себѣ равныхъ по отношенію къ изученію такъ-называемой *экологіи*, въ нашемъ вѣкѣ, выставившемъ цѣлый рядъ блестящихъ дѣятелей въ морфологическомъ направленіи.

Посвящая настоящую бесѣду одному изъ самыхъ поучительныхъ явленій образа жизни животныхъ,—такъ называемой *спячкѣ* или *летаргіи* и обращаясь къ литературнымъ источникамъ, мы убѣждаемся, что и здѣсь почти все лучшее и наиболѣе обстоятельное представляетъ собою наслѣдіе былыхъ временъ, когда естествоиспытатели болѣе или, по крайней мѣрѣ, не менѣе интересовались самою жизнью животныхъ, чѣмъ анатоміею, эмбріологіею и генеалогіею ихъ. Восемнадцатый вѣкъ и первая половина нашего

истекающаго девятнадцаго столѣтія доставили большую часть того, что мы знаемъ о спячкѣ, и монографія бреславльскаго профессора Баркова, вышедшая въ свѣтъ въ 1846 году, до сихъ поръ остается наиболѣе полнымъ сочиненіемъ по этому вопросу *). Новѣйшія работы, можетъ быть, точнѣе и совершеннѣе по своимъ методамъ,—по той многосторонности, обширности знанія, исчерпывающей полнотѣ, какъ въ книгѣ Баркова,—въ нихъ далеко нѣтъ. А между тѣмъ вопросъ о спячкѣ животныхъ есть вопросъ коренной біологической важности и затрогиваетъ, какъ показалъ одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, профессоръ Хорватъ, самые основные принципы физіологіи, которымъ явленія спячки во многомъ, повидимому, противорѣчатъ.

Что такое спячка? На этотъ вопросъ отвѣтить не легко, если не считать за отвѣтъ простое описаніе самаго явленія; не легко, во-первыхъ, потому, что физіологическія причины спячки далеко недостаточно выяснены, а во-вторыхъ, потому, что подъ общимъ именемъ спячки обыкновенно довольно неразборчиво смѣшиваются явленія весьма разнообразнаго характера. Сюда относятъ и зимнее оцѣпенѣніе различныхъ грызуновъ, и сонъ медвѣдя, и окоченѣніе лягушекъ подъ льдомъ, и временное высыханіе разныхъ мелкихъ суставчатыхъ животныхъ и коловратокъ, и энцистированіе инфузорій, и проч. Вообще, къ явленіямъ спячки, съ большею или

*) Литература о спячкѣ довольно велика и разбросана въ разныхъ сочиненіяхъ, изъ коихъ нѣкоторыя рѣдки и мало извѣстны. Поэтому, считаемъ не лишнимъ указать здѣсь главнѣйшія изъ этихъ сочиненій въ хронологическомъ порядкѣ: *Mangili*, Mémoire sur la léthargie périodique de quelques mammifères. Annales de Muséum d'hist. natur. Paris, t. X, 1807. *Saissy*, Recherches experimentales, anatomiques, chimiques etc. sur la physique des animaux hibernants. Paris, 1878. *Prunelle*, Recherches sur les phénoménes et sur les causes du sommeil hibernal de quelques mammifères. Annales du Muséum T. 18, 1811. *Czermak*, Beobachtungen über den Winterschlaf von Myoxus glis. Med. Jahrb. d. österr. Kaiserst. N. F. Bd. 6, 1834. *Barkow*, der Winterschlaf nach seinen Erscheinungen im Thierreich. Berlin, 1846. *Valentin*. Untersuchungen über den Winterschlaf der Murmelthiere. II-te Abhandlung in Moleschott's Untersuchungen zur Naturlehre des Menschen und der Thiere. 1857. *Horvath*, Beitrag zur Lehre über den Winterschlaf. Verhandl. d. physik. medic. Gesellschaft in Würzburg, 1878. Bd. 12, 1879. Bd. 13; *Онъ же*. Ueber die Respiration des Winterschläfer, тамъ же 1880, Bd. 14. *Bergonzini*, Sul Myoxus avellanarius e sul letargo dei mammiferi ibernanti. Modena 1880. *Ehrmann*, Ueber Fettgewebsbildung aus dem als Winterschlafdrüse bezeichneten Fettorgan. Sitz. ber. d. Wiener Akad. naturw. Classe, Bd. 87, Abth. 3. 1883. *Скориченко*. Угнетеніе жизни (старое и новое о зимней спячкѣ). Дисс. на степ. доктора медицины, Спб. 1891. *R. Dubois*. Physiologie comparée de la marmotte. Etude sur le mécanisme de la thérmogenèse et du sommeil chez les Mammifères. Paris, 1896. (Annales de l'Université de Lyon), Дальнѣйшія указанія читатель найдетъ въ указанныхъ здѣсь сочиненіяхъ.

меньшею натяжкою, могутъ быть отнесены всѣ различныя формы *пониженія жизненной дѣятельности* до возможной для даннаго существа минимальной величины, безъ утраты жизнеспособности животнаго. Чтобы получить нѣкоторое наглядное представленіе о формахъ и распространенности этихъ явленій въ мірѣ животныхъ, сдѣлаемъ краткій систематическій обзоръ ихъ по типамъ и классамъ животнаго царства.

У *простѣйшихъ* (одноклѣточныхъ) животныхъ (*Protozoa*) при неблагопріятныхъ условіяхъ жизни нерѣдко наступаетъ такъ называемое *энцистированіе*. Высыхаетъ ли водоемъ, гдѣ кишатъ различныя корненожки и инфузоріи, накопляется ли въ немъ слишкомъ много гніющихъ веществъ и вредныхъ для жизни газовъ, — эти микроскопическія существа опускаются на дно, сокращаютъ свое тѣло и выдѣляютъ вокругъ себя скорлупку (*цисту*). Внутри этой скорлупки тѣло животнаго претерпѣваетъ нѣкоторыя измѣненія, именно упрощается въ своемъ строеніи. «Покрывшись оболочкой, инфузорія нерѣдко вращается вокругъ своей оси, но вскорѣ исчезаютъ рѣснички, равно какъ и другія эктоплозматическія образованія, и движенія прекращаются. Затѣмъ происходитъ дальнѣйшій регрессивный метаморфозъ, выражающійся въ исчезновеніи рта и глотки. Сократительная вакуола продолжаетъ довольно долго сокращаться, но постепенно замедляетъ свои сокращенія, пока не остановится совершенно. Энтоплазма сильно уплотняется и въ ней просвѣчиваетъ только сильно преломляющее свѣтъ ядро» (Шевяковъ). Упростившись такимъ образомъ, инфузорія, подъ защитой своей скорлупки, въ кажущемся безжизненномъ состояніи, противостоитъ безнаказанно множеству опасностей, которыхъ она и въ теченіе одной минуты не выдержала бы въ свободномъ, не энцистированномъ видѣ. Пусть высохнетъ лужа, гдѣ она обитала, пусть раскалится и растрескается отъ горячихъ солнечныхъ лучей илистое дно, пусть вѣтеръ разнесетъ цисты вмѣстѣ съ пылью, — энцистированнымъ существамъ ничто не страшно. Они живутъ внутри своихъ скорлупокъ жизнью медленною, никакими внѣшними признаками не выражающеюся,—но несомнѣнно живутъ и имѣютъ какой-то, вѣроятно до крайности слабый обмѣнъ веществъ внутри своего тѣла, такъ какъ, попавъ въ благопріятныя условія (въ воду), снова оживаютъ, возвращаютъ себѣ свое прежнее устройство и сбрасываютъ скорлупку. И что особенно удивительно, это то, что, при полномъ отсутствіи пищи, инфузоріи въ цистахъ могутъ сохранять жизненность очень долго,—нѣкоторыя, какъ наблюдалось, до 7 лѣтъ; между тѣмъ свободныя, дѣятельныя инфузоріи очень прожорливы и постоянно нуждаются въ пищѣ.

*

Вслѣдъ за простѣйшими животными, по порядку зоологической систематики, мы должны были бы разсмотрѣть губокъ, кишечнополостныхъ (полиповъ, медузъ и проч.) и иглокожихъ (морскихъ звѣздъ, морскихъ ежей и т. п.). Но, во-первыхъ, все это животныя водныя, обитающія въ моряхъ, рѣже въ рѣкахъ и прѣсноводныхъ озерахъ, въ средѣ, сравнительно мало измѣнчивой по своей температурѣ и другимъ жизненнымъ условіямъ; во-вторыхъ, въ силу преобладающаго въ наукѣ морфологическаго направленія, образъ жизни этихъ, на волѣ трудно наблюдаемыхъ, животныхъ изученъ весьма мало. Очень интересно было бы, напримѣръ, знать поближе и поточнѣе общую продолжительность жизни разныхъ иглокожихъ и состояніе ихъ въ сѣверныхъ моряхъ во время зимы, но имѣющіяся на этотъ счетъ свѣдѣнія слишкомъ скудны. Почти все, что мы знаемъ о бездѣйственномъ *зимнемъ* состояніи губокъ и полиповъ, относится къ ихъ прѣсноводнымъ формамъ, которыхъ очень мало по сравненію съ множествомъ морскихъ. Такъ, мы знаемъ, что обыкновенная прѣсноводная гидра (Hydra fusca, viridis) зимуетъ въ стадіи яйца. Яйцо это представляетъ собою клѣточку, хорошо защищенную наружною оболочкою и уподобляющееся, такъ сказать, энцистированной инфузоріи, подобно которой оно можетъ вынести зимній холодъ и дождаться весеннихъ дней, когда вода потеплѣетъ и наполнится животными, нужными для питанія гидры. Весною изъ яйца развивается личинка, постепенно превращающаяся въ гидру. Мы знаемъ также, что у прѣсноводной губки-бадяги (Spongilla) зимуютъ такъ называемыя *геммулы* или *зимнія почки*, представляющія собою группы однообразныхъ клѣточекъ, защищенныя твердою скорлупкою,—опять-таки подобно энцистированнымъ простѣйшимъ животнымъ; весною содержимое такой скорлупки освобождается изъ нея и развивается въ молодую губочку.

Что касается различныхъ классовъ разнохарактернаго типа *червей* (Vermes), то здѣсь извѣстно много примѣровъ бездѣйственнаго состоянія въ теченіе зимы или при другихъ неблагопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ зимуютъ яйца, покрытыя скорлупою (нѣкоторыя турбелляріи, коловертки), другіе виды зимуютъ въ зрѣломъ состояніи, напримѣръ, піявки, дождевые и иные черви. Піявки закапываются въ илъ, гдѣ проводятъ зиму въ неподвижномъ состояніи,—разумѣется, не принимая пищи; дождевые черви уходятъ глубже въ землю, гдѣ и пережидаютъ неблагопріятное время года. Недавно были точно описаны два случая нахожденія живыхъ дождевыхъ червей внутри кусковъ льда. Многіе изъ червей ведутъ паразитный образъ жизни и поэтому должны раздѣлять зимовку и невольное воздержаніе

отъ пищи съ своими «хозяевами»: если эти послѣдніе впадаютъ въ бездѣйственное состояніе, то и паразитамъ ничего болѣе не остается, какъ послѣдовать ихъ примѣру—или погибнуть. Но жизненность этихъ червей слишкомъ крѣпка для того, чтобы они гибли при такихъ обстоятельствахъ: напротивъ, они выдерживаютъ безъ всякаго для себя вреда самыя неблагопріятныя условія. Такъ, еще Рудольфи (въ 1809 году) наблюдалъ круглыхъ глистъ (Filaria capsularia) въ замерзшихъ, обледенѣлыхъ селедкахъ; будучи положены въ воду, черви эти начали двигаться. Интересны наблюденія Баркова надъ небольшими круглыми глистами (Physaloptera clausa), которыя нерѣдко попадаются въ желудкѣ ежа. Ежъ, какъ мы увидимъ ниже, принадлежитъ къ животнымъ, претерпѣвающимъ такъ называемую «зимнюю спячку», въ теченіе которой онъ долгое время не принимаетъ никакой пищи и температура его тѣла сильно понижается. Черви, вынутые зимою изъ ежа, погруженнаго въ глубокую спячку, не двигались и не подавали никакихъ признаковъ жизни; положенные въ теплую воду, они, однако, вполнѣ оживали, а при новомъ охлажденіи снова впадали въ оцѣпенѣніе. Замѣчательно, что нѣкоторые свободно живущіе круглые черви изъ семейства *угрицъ* (Anguillulidae), особенно же ихъ личинки, паразитирующія въ зернахъ растеній, могутъ выдерживать высушиваніе, не теряя жизненности; будучи положены въ воду, они оживаютъ,—явленіе, параллельное энцистированію инфузорій. Подобная же способность констатирована для нѣкоторыхъ *коловратокъ* (Rotatoria). Нѣкоторыя коловратки, по новымъ наблюденіямъ Л. Плэта, даже *нуждаются* въ высыханіи на нѣкоторое время и безъ этого долго жить не могутъ.

Относительно *моллюсковъ* также извѣстны примѣры оцѣпенѣнія, притомъ какъ *зимняго*, такъ и *лѣтняго*. Уже Аристотель зналъ, что разныя улитки (относимыя въ настоящее время къ *легочнымъ* моллюскамъ), какъ голыя, такъ и покрытыя раковиною, зимою впадаютъ въ спячку; тоже говорятъ Спалланцани, Барковъ и позднѣйшіе наблюдатели. Водяныя улитки подвергаются оцѣпенѣнію при замерзаніи воды; наземныя, если онѣ имѣютъ раковину, закрываютъ ее плотною известковою крышечкою, которая весьма тверда, но, вѣроятно, имѣетъ поры для прохожденія воздуха. Такъ, обыкновенная *яблонная улитка* (Helix pomatia) осенью зарывается довольно глубоко подъ мохъ и въ землю и сильно съеживается внутри раковины, такъ что между крышечкою и тѣломъ животнаго образуется пространство, пересѣкаемое еще одною или нѣсколькими тонкими перегородками. Замѣчательно, что легочная полость у такихъ зимующихъ улитокъ часто бываетъ наполнена кровью. Съ наступленіемъ

теплаго времени (или если улитку бросить, напр., въ теплую воду), животное выталкиваетъ ногою свою крышечку и начинаетъ активную жизнь. Подобное же закупориваніе раковины можетъ произойти и лѣтомъ, если окружающій воздухъ становится слишкомъ зноевъ и сухъ. Такъ, южноевропейскія улитки днемъ, подъ палящими лучами солнца, плотно прижимаются отверстіемъ раковины къ какому-либо предмету или закрываютъ входъ въ раковину затвердѣвающею слизью, а ночью или послѣ дождя открываютъ свое подвижное жилище и бодро ползаютъ. Тропическія улитки впадаютъ такимъ образомъ на долгое время въ лѣтнюю спячку, изъ которой пробуждаются съ наступленіемъ періода дождей, оживляющихъ растительный и животный міръ.

Вслѣдъ за моллюсками надо сказать о такъ называемыхъ *моллюскообразныхъ* животныхъ (Molluscoidea), къ которымъ принадлежатъ *мшанки* и *плеченогія*. Мшанки—это почти всегда колоніальныя животныя, ведущія сидячую жизнь въ прѣсной или морской водѣ и по внѣшнему виду обыкновенно напоминающія гидроидныхъ полиповъ. Въ нашихъ широтахъ эти своеобразныя, низко организованныя животныя, конечно, подвергаются угнетающему дѣйствію зимы. Нѣкоторыя изъ нихъ (Paludicella) отшнуровываютъ осенью такъ называемыя *зимнія почки*, которыя остаются въ оцѣпенѣломъ состояніи до слѣдующей весны, чтобы произвести новую колонію; другіе виды (напримѣръ, родъ Cristatella) образуютъ такъ называемые *статобласты*,—тоже родъ внутреннихъ почекъ, окруженныхъ двулопастною скорлупкою; статобласты весьма напоминаютъ описанныя выше *геммулы* губокъ и играютъ такую же роль, какъ вообще зимущія почки или яйца.

Плеченогія (Brachiopoda)—морскія животныя, по внѣшности напоминающія двустворчатораковинныхъ моллюсковъ. Объ ихъ зимнемъ оцѣпенѣломъ состояніи, такъ же какъ и о зимованіи *оболочниковъ* (Tunicata) почти ничего неизвѣстно, хотя между ними есть сѣверные виды, живущіе въ очень холодныхъ, зимою отчасти замерзающихъ моряхъ, оболочники иногда на очень небольшой глубинѣ.

Чрезвычайно богатый формами типъ *членистоногихъ* животныхъ (Arthropoda), къ которому принадлежатъ ракообразныя, паукообразныя, многоножки и насѣкомыя, представляетъ много интересныхъ примѣровъ временнаго оцѣпенѣнія и кажущейся безжизненности. *Ракообразныя*, какъ и другія водныя животныя, въ отношеніи спячки изучены весьма мало; даже относительно обыковеннаго *рѣчного рака* (Astacus fluviatilis) неизвѣстно навѣрное, впадаетъ ли онъ зимою въ оцѣпенѣніе, или нѣтъ,—яркій

примѣръ крайней неполноты нашихъ свѣдѣній объ образѣ жизни даже обыкновеннѣйшихъ животныхъ! Въ новѣйшее время извѣстный знатокъ ракообразныхъ, Клаусъ, показалъ, что мелкія низшія ракообразныя (Ostracoda, Copepoda) могутъ высыхать вмѣстѣ съ иломъ и очень долго пребывать въ бездѣйственномъ состояніи, не теряя жизнеспособности. Что касается до *паукообразныхъ*, то одни изъ нихъ зимуютъ въ стадіи яицъ, другія— въ совершенномъ состояніи, причемъ впадаютъ въ неподвижность. Относительно *многоножекъ* опять-таки достовѣрныхъ наблюденій о спячкѣ не имѣется; во всякомъ случаѣ хищныя многоножки были находимы поздно осенью и въ началѣ зимы въ дѣятельномъ состояніи подъ корою пней, подъ мохомъ и проч., гдѣ онѣ, повидимому, поѣдали насѣкомыхъ. Весьма интересныя явленія временной «безжизненности» представляютъ микроскопическія животныя изъ класса *Tardigrada*, систематическое положеніе которыхъ до сихъ поръ очень неясно (они нѣсколько напоминаютъ маленькихъ паучковъ). Эти животныя могутъ *высыхать*, какъ вышеупомянутыя мелкія ракообразныя, и долгое время сохранять способность къ оживанію, если снова попадутъ во влажную среду. Таковъ, напр., маленькій организмъ, не безъ остроумія названный *Macrobiotus Hufelandi* въ честь знаменитаго нѣмецкаго медика начала XIX вѣка Гуфеланда, написавшаго «Макробіотику», т.-е. книгу объ искусствѣ продленія жизни.

Безконечно разнообразный міръ *насѣкомыхъ*, какъ извѣстно. наиболѣе дѣятеленъ тогда, когда растительный міръ также находится въ полной дѣятельности, т.-е. въ умѣренныхъ широтахъ въ теченіе весны и лѣта, а въ тропикахъ—по минованіи мертвящаго періода засухъ. Хотя многія насѣкомыя любятъ жаръ и солнечный свѣтъ, но лишь при условіи извѣстной влажности воздуха и почвы; всякій, кто дѣлалъ энтомологическія экскурсіи знаетъ, что и у насъ въ іюлѣ, въ самые знойные часы послѣ полудня, насѣкомыя летаютъ и вообще движутся сравнительно мало и какъ бы ищутъ прохлады и покоя въ травѣ, подъ тѣнью листьевъ и т. п. Въ тропикахъ же во время жаровъ жизнь насѣкомыхъ совсѣмъ замираетъ и вновь пробуждается лишь послѣ первыхъ дождей. Такимъ образомъ можно сказать, что въ жаркихъ странахъ насѣкомыя имѣютъ лѣтнюю спячку. Въ нашихъ широтахъ временемъ бездѣйствія и оцѣпенѣнія является для нихъ зима, причемъ разныя насѣкомыя зимуютъ въ разныхъ степеняхъ развитія: въ видѣ яицъ, личинокъ, куколокъ или совершенныхъ насѣкомыхъ. Въ видѣ яицъ зимуютъ очень многія насѣкомыя, напр., многія бабочки откладываютъ свои яйца въ концѣ лѣта

и осенью на кору деревьевъ и яйца эти выдерживаютъ жестокіе зимніе морозы безъ всякаго для себя вреда (такъ зимуютъ яйца *шелкопряда-монашенки*, *зимней пяденицы* и проч.). Замѣчательно, что у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ эти зимнія яйца даже *должны* испытать дѣйствіе холода и безъ этого погибаютъ; такъ, по крайней мѣрѣ, доказано для нѣкоторыхъ случаевъ, гдѣ были сдѣланы спеціальныя наблюденія на этотъ счетъ. Еще въ 1869 году французскій ученый Дюкло показалъ, что можно ускорить вылупленіе шелковичныхъ червей изъ яицъ, если грену (яйца) подвергнуть временно сильному охлажденію, замѣняющему естественный зимній холодъ; если же все время держать грену въ тепломъ мѣстѣ, то вылупленія червей не происходитъ вовсе и яйца умираютъ. То же самое можно сказать и о яйцахъ многихъ тлей (напр., *Lachnus*); они также умираютъ, если не будутъ подвергнуты дѣйствію зимняго холода. Другія насѣкомыя зимуютъ въ стадіи личинки, причемъ обыкновенно забираются подъ мохъ, въ землю, въ разныя щели. Такъ зимуютъ, напр., гусеницы весьма вреднаго для лѣсовъ *сосноваго шелкопряда* (Gastropacha pini). Эти зимующія личинки лежатъ всю зиму въ оцѣпенѣломъ состояніи, не принимая пищи; при этомъ онѣ могутъ выносить весьма низкія температуры.

«Съ давнихъ временъ извѣстно, что гусеницы могутъ замерзать и оживать снова. Такъ, Буадюваль наблюдалъ гусеницъ Leucania, которыхъ можно было принять за ледяныя сосульки; изломъ ихъ былъ ровенъ и онѣ звенѣли, падая въ стаканъ. Тѣмъ не менѣе, почти всѣ онѣ превратились весною, по обыкновенію, въ куколокъ, изъ которыхъ, затѣмъ, въ обычное время вышли бабочки. Россъ видѣлъ въ полярныхъ странахъ гусеницъ, которыя оживали послѣ 4 морозовъ до — 42°, длившихся по недѣлѣ и сопровождавшихся оттепелями. Гусеницы виноградной пиралиды, замороженныя до 6 разъ, остались живы. Въ Маконнэ, въ 1837 году, холодъ доходилъ до — 17°, виноградники пострадали, а гусеницы уцѣлѣли». (Жираръ). Данныя эти требуютъ, впрочемъ, провѣрки.

Въ стадіи куколки также зимуютъ очень многія насѣкомыя (напр., *сосновая пяденица*, *сосновая совка* и пр.) и также выдерживаютъ въ этомъ видѣ очень сильные холода. Замѣчательно, что и помимо вліянія холода, нѣкоторыя насѣкомыя въ стадіи куколки лежатъ иногда чрезмѣрно долго, напр., нѣсколько лѣтъ вмѣсто одной зимы: у нихъ жизненныя явленія почему-то задерживаются. Наконецъ, нѣкоторые виды зимуютъ въ окоченѣломъ видѣ во взросломъ состояніи, напр., нѣкоторыя бабочки, которыя

и появляются весною, какъ только начнетъ сходить снѣгъ. Таковы нѣкоторыя *ванессы* (крапивница, Антіопа), желтая *крушинница* (Gonopteryx Rhamni) и мн. др. Замѣчательно, что нѣкоторыя изъ зимующихъ насѣкомыхъ также *нуждаются* въ холодѣ, какъ мы видѣли это выше относительно яицъ. Такъ, хвойныя тли изъ рода *Chermes* зимуютъ, сидя на почкахъ и на корѣ, не покрытыя ничѣмъ, кромѣ небольшого воскового выдѣленія; эти крошечныя, почти микроскопическія насѣкомыя выносятъ безъ вреда для себя самые страшные морозы, но попробуйте осенью поставить вѣтки или деревца съ этими тлями въ не очень холодное помѣщеніе, и тли, изъятыя отъ почему-то необходимаго для нихъ вліянія морозовъ, всѣ погибнутъ.

Среди *позвоночныхъ* животныхъ многія подвержены спячкѣ, преимущественно зимней. Такъ, относительно *рыбъ* доказано прямыми наблюденіями, что многія изъ нашихъ прѣсноводныхъ видовъ зимою становятся болѣе или менѣе неподвижными, а нѣкоторые зарываются въ тину, илъ и т. п. и впадаютъ въ настоящее оцѣпенѣніе. Окуни, напримѣръ, «по перволедью нѣкоторое время (въ рѣкахъ очень недолго) держатся въ верхнихъ слояхъ воды, болѣе богатыхъ воздухомъ, почти подо льдомъ. При этомъ рѣзкомъ измѣненіи условій своего существованія они, видимо, чувствуютъ недостатокъ воздуха и, пока не обтерпятся, не привыкнутъ къ новымъ условіямъ и не осядутъ на дно, не принимаютъ никакой пищи... Съ образованіемъ толстаго слоя льда, въ серединѣ зимы, окуни, повидимому, не выходятъ изъ своихъ становищъ и лежатъ здѣсь на днѣ, почти неподвижно, тѣсными рядами, въ нѣсколькихъ слоевъ» (Сабанѣевъ). Болѣе сильное оцѣпенѣніе замѣчается у карповъ, карасей, линей. Карпы или сазаны забираются на зимовку въ разныя углубленія и ямы на днѣ рѣкъ и впадаютъ тамъ въ неподвижное состояніе. «Замѣчательно, что южнорусскіе сазаны зимуютъ очень часто вмѣстѣ съ своими постоянными спутниками и злѣйшими врагами—сомами. Послѣдніе залегаютъ еще раньше, на самомъ днѣ, а потому сазаны ложатся на нихъ» (Сабанѣевъ). Караси и лини забираются въ тину, иногда зарываясь въ нее весьма глубоко; въ холодныя зимы рыбы эти совсѣмъ окоченѣваютъ и, будучи вырыты изъ тины, долго не подаютъ никакихъ признаковъ жизни. Для нѣкоторыхъ тропическихъ рыбъ констатирована, напротивъ, «лѣтняя» спячка: при пересыханіи водовмѣстилищъ, служившихъ имъ жизненною средою, рыбы эти зарываются въ илъ. Таковы нѣкоторые виды изъ семейства *сомовъ* (Siluridae), напр., панцырный бразильскій сомъ Doras costatus, который путешествуетъ, при пересыханіи рѣкъ и

болотъ, по сушѣ, а если не найдетъ новаго водоема, то глубоко уходитъ въ илъ и впадаетъ въ оцѣпенѣніе. То же наблюдалось и для остъ-индскихъ лазящихъ рыбъ (Anabas scandens), принадлежащихъ къ подотряду *лабиринтожаберныхъ*; эти рыбы также ловко ползаютъ по землѣ при помощи своихъ зазубренныхъ жаберныхъ крышекъ; не находя воды, онѣ также зарываются въ илъ. Эта привычка ихъ знакома туземному населенію, которое пользуется ею для легкаго добыванія множества этихъ рыбъ изъ дна пересохшихъ прудовъ; рыбы лежатъ тамъ въ оцѣпенѣніи, но, будучи вынуты, вскорѣ начинаютъ двигаться. Но едва ли не самый замѣчательный примѣръ подобной спячки представляетъ африканская *двойнодышащая* рыба Protopterus annectens. Двойнодышащія рыбы называются такъ потому, что имѣютъ двоякіе органы дыханія: и жабры, и легкія (превращенный плавательный пузырь). Когда водовмѣстилища, въ которыхъ живетъ Protopterus, пересыхаютъ, то рыба уходитъ въ илъ и, свернувшись, окружаетъ себя, съ помощью выдѣляемой ея кожею обильной слизи, толстою капсулой. Отъ рта рыбы черезъ стѣнку капсулы проходитъ наружу каналъ, служащій для доступа воздуха къ рыбѣ. Въ этихъ капсулахъ рыбы могутъ жить, не принимая пищи, довольно долго и въ такомъ видѣ ихъ пересылаютъ въ Европу; если капсулу положить въ тепловатую воду, то она размягчается и рыба выходитъ. Рыбъ этихъ держатъ въ акваріяхъ; въ Лондонѣ онѣ жили три года вполнѣ благополучно, жестоко хищничая на счетъ остальныхъ обитателей акварія и не ощущая, повидимому, никакой потребности зарываться въ илъ, такъ какъ воды для нихъ все время было вполнѣ достаточно. Такимъ образомъ, у этихъ рыбъ спячка не составляетъ *потребности*: онѣ лишь *способны* прибѣгать къ ней въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

Относительно *амфибій* извѣстно, что лягушки и жабы зимою впадаютъ въ оцѣпенѣніе и могутъ сильно охлаждаться, не теряя жизненности. Зимующія лягушки бывали находимы въ дуплахъ, подъ камнями, въ илѣ и т. п., жабы въ землѣ и проч. О живучести жабъ, замурованныхъ въ глину, въ известнякъ и т. п. существуетъ цѣлая литература; утверждаютъ, будто-бы жабы могутъ прожить такимъ образомъ очень долго,—десятки и даже сотни (!) лѣтъ. Послѣднее, конечно, крайне сомнительно и, по всей вѣроятности, сильно преувеличено; но въ литературѣ существуютъ все-таки достойныя довѣрія показанія, что замурованныя жабы остаются живыми въ теченіе мѣсяцевъ. Живучесть амфибій вообще поразительна; онѣ выносятъ безъ вреда для себя рѣзкія перемѣны температуры, сильныя пораненія, продолжительный голодъ и проч. За-

мороженное сердце лягушки послѣ оттаиванія снова начинаетъ биться; тритоны возстановляютъ отрѣзанныя конечности. Неудивительно, что при такой живучести жаба, впавшая въ оцѣпенѣніе, долгое время можетъ находиться безъ пищи. Въ тропическихъ странахъ, вмѣсто окоченѣнія отъ холода, амфибіи зарываются при засухахъ въ илъ или землю и проводятъ нѣкоторое время въ оцѣпенѣніи, подобно описаннымъ выше рыбамъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что спячка амфибій не представляетъ для нихъ обязательнаго періодическаго явленія жизни: она, такъ сказать, вынуждается обстоятельствами, но не необходима, если внѣшнія условія не слишкомъ неблагопріятны. Въ зоологическихъ и физіологическихъ лабораторіяхъ держатъ, напр., лягушекъ всю зиму и онѣ не впадаютъ въ оцѣпенѣніе.

Рептиліи, по отношенію къ спячкѣ, имѣютъ много общаго съ амфибіями. Какъ послѣднія, такъ и первыя зимуютъ, напр., въ дуплахъ, подъ мохомъ и т. п. (ящерицы, змѣи, черепахи) въ окоченѣломъ состояніи. Крокодилы во время засухъ зарываются въ илъ и впадаютъ въ «лѣтнюю спячку»; это вполнѣ подтверждено новѣйшими наблюденіями (Эминъ-Паша, Штульманъ).

Всѣ до сихъ поръ упоминавшіяся нами животныя принадлежатъ къ числу такъ называемыхъ *холоднокровныхъ*, т.-е. неимѣющихъ *постоянной температуры* тѣла. Эти животныя могутъ охлаждаться или нагрѣваться весьма значительно, въ зависимости отъ окружающей среды; ящерица, сидящая на стѣнѣ, ярко освѣщенной солнцемъ, можетъ нагрѣться до такой степени, что почти обжигаетъ схватывающую ее руку, и таже самая ящерица зимою, безъ вреда для своей жизнеспособности, замерзаетъ до полнаго окоченѣнія. Не таковы *теплокровныя* животныя: у нихъ температура крови *постоянна*, т.-е. колеблется нормальнымъ образомъ лишь въ узкихъ предѣлахъ. Къ теплокровнымъ принадлежатъ *птицы* и *млекопитающія*; у первыхъ температура крови бываетъ обыкновенно около 35° R., у вторыхъ—около 30° R. При всей таинственности явленія зимней или лѣтней спячки, все-таки, напр., замерзаніе и пониженіе жизнедѣятельности холоднокровныхъ животныхъ не кажется особенно удивительнымъ; но дѣло въ томъ, что спячка бываетъ и у теплокровныхъ животныхъ и зимою сопровождается такимъ пониженіемъ температуры, какое внѣ спячки является положительно невозможнымъ при сохраненіи жизни животнаго. Неудивительно, поэтому, что именно спячка теплокровныхъ животныхъ, — это загадочное явленіе, противорѣчащее, по словамъ проф. Хорвата, всѣмъ основнымъ положеніямъ физіологіи,—всего болѣе привлекала къ себѣ вниманіе изслѣдователей.

Существуетъ ли спячка у птицъ? Въ прежнія времена на этотъ вопросъ, не колеблясь, отвѣчали утвердительно. По Аристотелю, изъ птицъ подвержены зимней спячкѣ аисты, дрозды, нѣкоторые виды голубей и (на короткое время) совы и луни. Но чѣмъ больше становилась извѣстна жизнь птицъ, чѣмъ болѣе выяснялась исторія ихъ перелетовъ, тѣмъ болѣе сокращалось число птицъ, которыя, будто бы, впадаютъ зимою въ спячку. Болѣе всего существуетъ разсказовъ о ласточкахъ, этихъ превосходныхъ летунахъ, покидающихъ наши страны осенью и улетающихъ на далекій югъ; разсказываютъ, будто бы ласточки иногда зимуютъ у насъ въ оцѣпенѣломъ состояніи и даже подъ водою, какъ какія-нибудь рыбы или амфибіи. Въ послѣдніе годы англійскій орнитологъ Диксонъ, авторъ довольно плохой книжки о перелетахъ птицъ, снова настойчиво поднимаетъ вопросъ о спячкѣ ласточекъ,—вопросъ, на который лучшіе знатоки жизни птицъ давно уже отвѣтили отрицательно. Нѣтъ сомнѣнія, что отдѣльные экземпляры ласточекъ запаздываютъ при осеннемъ отлетѣ, окоченѣваютъ отъ холода и, повидимому, медленно умираютъ въ оцѣпенѣніи; иногда ихъ находили въ такомъ состояніи, причемъ согрѣвшіяся птички на короткое время оживали, чтобы затѣмъ вскорѣ умереть. Это временное предсмертное оцѣпенѣніе, слѣдовательно, нельзя приравнивать къ спячкѣ, которая представляетъ собою особую способность животнаго приходить на нѣкоторое время въ бездѣйственное состояніе съ пониженнымъ обмѣномъ веществъ въ тѣлѣ, причемъ, однако, жизнеспособность сохраняется вся, цѣликомъ. По всей вѣроятности, Барковъ вполнѣ правъ, говоря, что птицы—единственный классъ между позвоночными животными, для котораго совершенно нельзя признать существованія спячки.

За то *млекопитающія*, эти, безспорно, высшія изъ позвоночныхъ животныхъ, представляютъ много примѣровъ спячки. Зимняя спячка наблюдается у многихъ летучихъ мышей, у ежей, барсуковъ, сонь, хомяковъ, тушканчиковъ, сурковъ, сусликовъ; о бѣлкѣ и медвѣдѣ также обыкновенно говорятъ, что они впадаютъ въ спячку, что, впрочемъ, не совсѣмъ вѣрно. Медвѣдь, правда, крѣпко спитъ въ своей берлогѣ въ холодныхъ странахъ въ зимніе мѣсяцы и подолгу не принимаетъ пищи, отчего сильно худѣетъ; однако, онъ можетъ быть пробужденъ сильнымъ шумомъ, а въ болѣе мягкія зимы и въ болѣе теплыхъ странахъ и вовсе не впадаетъ въ продолжительный сонъ. Что зимнее оцѣпенѣніе для медвѣдя не обязательно (какъ для многихъ животныхъ, имѣющихъ настоящую зимнюю спячку), доказывается, какъ справедливо замѣчаетъ Ризенталь, примѣромъ ручныхъ медвѣдей, которые оста-

ются дѣятельными всю зиму. То же относится и къ бѣлкѣ. Правда, въ суровыя зимы она залѣзаетъ въ дупло, затыкаетъ входное отверстіе и спитъ, свернувшись клубочкомъ, но при сильномъ постукиваніи по стволу она просыпается, а при сравнительно теплой погодѣ и добровольно покидаетъ свое зимнее гнѣздо. Медвѣдь и бѣлка, слѣдовательно, имѣютъ *зимній сонъ*, а не *спячку*, что, какъ мы сейчасъ увидимъ, вовсе не одно и то же.

Летучія мыши европейской фауны на зиму обыкновенно впадаютъ въ оцѣпенѣніе. Онѣ зимуютъ обществами или по одиночкѣ, въ дуплахъ, въ пещерахъ, въ погребахъ, на чердакахъ и т. п. «Положеніе, принимаемое летучими мышами во время спячки, весьма различно и характерно для отдѣльныхъ группъ и породъ; проще и чаще всего тѣ случаи, когда летучія мыши висятъ внизъ головою, прицѣпившись когтями заднихъ ногъ и прижавъ крылья къ бокамъ. Многія висятъ при этомъ свободно подъ кровлею или сводомъ; большая часть висятъ подобнымъ же образомъ по стѣнамъ; нѣкоторыя отчасти подпираются и передними конечностями... Очень многія изъ листоносыхъ летучихъ мышей принимаютъ такое замѣчательное положеніе, что, проходя мимо, скорѣе примешь ихъ за грибы, чѣмъ за животныхъ» (Кохъ). Спячка не у всѣхъ летучихъ мышей одинаково глубока; нѣкоторые виды менѣе другихъ чувствительны къ холоду, — такія летучія мыши по временамъ, когда температура вокругъ нѣсколько повышается, просыпаются и летаютъ; другія остаются неподвижными, повидимому, всю зиму. «Чрезвычайно замѣчательно и удивительно съ физіологической точки зрѣнія, что такое прожорливое животное, какъ летучая мышь, которая во время бодрствованія требуетъ такъ много пищи, болѣе трети своей жизни можетъ существовать безъ всякой пищи. Температура крови у европейскихъ видовъ лѣтомъ всегда выше 32° С (25,6° R); въ южныхъ климатахъ она значительно выше и даже у насъ въ іюнѣ я нашелъ у одного ушана температуру крови въ 33° С. Эта температура зимою сильно падаетъ и паденіе это болѣе или менѣе зависитъ отъ окружающей температуры. У обитателей болѣе теплыхъ странъ, у которыхъ температура крови иногда превосходитъ 40° С, разница отъ температуры зимы или дождливаго времени относительно не такъ велика, какъ у нашихъ сѣверныхъ видовъ, у которыхъ понижающее вліяніе температуры воздуха иногда бываетъ такъ значительно, что летучія мыши окоченѣваютъ и болѣе не просыпаются. Самую низкую температуру крови я нашелъ у курносой летучей мыши (Synotus barbastellus), которая вообще довольно нечувствительна къ погодѣ и зимуетъ въ выходной части пещеръ и строе-

ній, гдѣ она едва защищена отъ холода; эта температура у экземпляровъ, зимовавшихъ въ сводахъ Дилленбургскаго замка, между камнями, на которыхъ висѣли ледяныя сосульки длиною болѣе фута, достигала все-таки 12° С.» (Кохъ). Замѣчательно, что чрезмѣрное пониженіе окружающей температуры *пробуждаетъ* летучихъ мышей: пробудившись, онѣ обыкновенно замерзаютъ и умираютъ. Уже изъ этого можно видѣть, что спячка для летучихъ мышей не есть простое слѣдствіе пониженія температуры воздуха; это подтверждается еще и тѣмъ, что иногда и *лѣтомъ* летучія мыши впадаютъ на нѣкоторое время въ оцѣпенѣлое состояніе, безъ всякихъ видимыхъ причинъ. Спячка у нихъ—особая способность или наклонность къ оцѣпенѣнію, выражающаяся, правда, особенно при извѣстномъ пониженіи температуры, но зависящая, очевидно, не отъ одного этого пониженія.

Относительно *ежей* лучшія наблюденія принадлежатъ Баркову. До поздней осени ежъ остается бодрымъ, прожорливымъ животнымъ; только съ рѣшительнымъ наступленіемъ зимнихъ холодовъ уходитъ онъ подъ корни стволовъ и пней, подъ хворостъ и въ другія естественныя убѣжища и, полусвернувшись, впадаетъ въ глубокую спячку. Старые ежи впадаютъ въ спячку ранѣе молодыхъ и спятъ крѣпче. Если окружающая температура всю зиму остается достаточно низкою, то ежъ не просыпается ни разу до самой весны; если же температура значительно повышается, то животное можетъ проснуться, послѣ чего, при новомъ пониженіи температуры, спячка обыкновенно возобновляется.

Близкій родичъ ежа, мадагаскарскій *тенрекъ* (Centetes ecaudatus) также впадаетъ въ спячку, но не отъ зимняго холода, котораго на его родинѣ не бываетъ, а на время засухи, подобно тамошнимъ рептиліямъ и амфибіямъ.

Что касается *барсука*, то весьма сомнительно, можно ли сравнить его зимній сонъ съ настоящею спячкой. Барсукъ вообще довольно сонливое животное,—«drei Viertel seines Lebens verschläft der Dachs vergebens» *), говоритъ нѣмецкая пословица. Съ наступленіемъ зимы барсукъ забирается въ свою нору, свертывается, засовываетъ морду между передними ногами и засыпаетъ; но сонъ этотъ при каждой оттепели или вообще при замѣтномъ повышеніи температуры прерывается и барсукъ нерѣдко даже выходитъ изъ норы на нѣкоторое время. Что спячка для барсука, какъ и для медвѣдя, не есть нѣчто необходимое, доказывается примѣромъ ручныхъ барсуковъ, смолоду воспитанныхъ въ неволѣ:

---

*) Три четверти своей жизни барсукъ проводитъ въ безполезномъ снѣ.

они и не думаютъ впадать зимою въ оцѣпенѣніе. Сонъ барсука, скорѣе, представляетъ собою просто вынужденное бездѣйствіе въ теченіе зимы, когда это по преимуществу растительноядное животное не можетъ найти себѣ достаточно пищи; передъ впаденіемъ въ зимній сонъ барсукъ сильно наѣдается и жирѣетъ, а при пробужденіи раннею весною оказывается чрезвычайно тощимъ.

Весьма типично выражено явленіе спячки у многихъ *грызуновъ*,—у сонь (Myoxus), хомяковъ (Cricetus), сурковъ (Arctomys), тушканчиковъ (Dipus), сусликовъ (Spermophilus). *Сони*—небольшіе звѣрки, дѣятельные обыкновенно только ночью, а днемъ спокойно спящіе въ своемъ гнѣздѣ, отчего, безъ сомнѣнія, и произошло самое названіе ихъ. Ихъ извѣстно всего съ полдюжины видовъ, обитающихъ въ средней и южной Европѣ, отчасти въ Африкѣ. По внѣшнему виду сони напоминаютъ отчасти бѣлокъ (довольно пушистый хвостъ, короткія переднія и болѣе длинныя заднія ноги), отчасти мышей (заостренная мордочка, большія голыя уши). Виды сонь, водящіеся въ умѣренныхъ климатахъ, на зиму впадаютъ въ спячку, которая не разъ была предметомъ спеціальныхъ наблюденій, и еще сравнительно недавно (1880) итальянскій ученый Бергонцини напечаталъ спеціальное изслѣдованіе о зимнемъ снѣ этихъ звѣрковъ. Спячка эта для нихъ явленіе необходимое; сони засыпаютъ не только при сильномъ пониженіи температуры, но и въ теплой комнатѣ, а иногда безъ всякой видимой причины впадаютъ въ летаргію (на нѣкоторое время) даже лѣтомъ; такъ, еще въ 1807 году Манджили наблюдалъ спячку сони въ іюнѣ, при $+15^0$ R. Зимняя спячка у нихъ, впрочемъ, не непрерывна; при повышеніи окружающей температуры, а также иногда безъ всякой видимой причины, сони просыпаются, ѣдятъ немного изъ собранныхъ ими на зиму запасовъ и снова засыпаютъ.

Хомякъ, этотъ прожорливый житель степей и полей, позднею осенью, хорошенько отъѣвшись и разжирѣвъ, забирается въ свою нору, мягко выстланную тонкими соломинами, затыкаетъ входъ въ нору землею и впадаетъ въ летаргію. Время отъ времени хомяки, однако, просыпаются, а при теплой погодѣ даже выходятъ изъ норъ. Въ неволѣ хомяки, даже содержимые въ холодной комнатѣ, спятъ съ частыми перерывами, а нѣкоторые экземпляры и вовсе не впадаютъ въ спячку цѣлую зиму.

Сурки принадлежатъ къ числу тѣхъ животныхъ, которыхъ спячка наиболѣе изслѣдована; по крайней мѣрѣ это относится къ горному (альпійскому) сурку (Arctomys marmotta), водящемуся въ Западной Европѣ. Эти звѣрки осенью забираются въ норы, гдѣ

и спятъ семьями, причемъ въ норѣ температура, не смотря на внѣшній холодъ, держится сравнительно высокою (10—11° С), конечно, благодаря, во-первыхъ, собственной теплотѣ животныхъ, во-вторыхъ, тому обстоятельству, что входъ въ нору плотно заткнутъ травою, землей и т. п. При нормальныхъ условіяхъ спячка сурковъ длится съ короткими перерывами до весны. Нашъ русскій степной сурокъ или байбакъ (Arctomys bobac) имѣетъ такую же точно спячку, только впадаетъ въ оцѣпенѣніе нѣсколько позднѣе, и, какъ говорятъ, закупоривъ нору, еще нѣкоторое время бодрствуетъ въ ней и ѣстъ.

О спячкѣ *тушканчиковъ* извѣстно мало. Передъ наступленіемъ зимы они уходятъ въ свои норы, свертываются клубкомъ, обвивая хвостъ вокругъ тѣла, и спятъ, повидимому, непрерывно до весны. Впрочемъ, одинъ нѣмецкій ученый (Гаймъ) держалъ у себя тушканчика, который въ теплой комнатѣ зимою не впадалъ въ спячку и охотно грѣлся у печки.

Наконецъ, *суслики*, также какъ и сурки, принадлежатъ къ животнымъ, наиболѣе изученнымъ въ отношеніи зимней спячки. Они съ наступленіемъ зимы впадаютъ въ летаргію, которая, однакоже, насколько можно судить по наблюденіямъ надъ спящими сусликами въ неволѣ, не непрерывна, а чередуется болѣе или менѣе часто съ бодрственнымъ состояніемъ. Суслики спятъ не семьями, какъ сурки, а по одиночкѣ; содержимые въ неволѣ, они просыпаются особенно часто.

Кромѣ только что названныхъ млекопитающихъ, есть еще другія, которымъ приписывается зимняя спячка,—нѣкоторые виды мышей, дикобразъ, черный американскій медвѣдь и пр.; но всѣ эти случаи до сихъ поръ мало изучены.

Что угнетенное состояніе, аналогичное съ спячкою животныхъ, не чуждо и человѣческому организму, доказывается, какъ нельзя лучше, многочисленными примѣрами летаргіи, приводимыми въ медицинской литературѣ. Обмираніе или мнимое умираніе до такой степени маскируетъ картину смерти, сопровождаясь почти полною остановкою кровеобращенія и дыханія и сильнымъ пониженіемъ температуры, что мнимоумершихъ людей нерѣдко хоронятъ заживо. Есть субъекты, которые могутъ произвольно вызывать у себя подобное обмираніе на нѣкоторое время. Близкое, хотя и не совсѣмъ однородное явленіе съ этимъ обмираніемъ представляетъ собою ненормально продолжительный сонъ,—особая болѣзнь, наблюдаемая у отдѣльныхъ лицъ, а мѣстами, повидимому, эпидемическая. Извѣстны случаи, когда люди, послѣ сильнаго утомленія, спали по нѣскольку дней и даже недѣль подрядъ. Но, безъ

сомнѣнія, всего болѣе подходятъ къ явленіямъ спячки тѣ замѣчательныя формы продолжительнаго угнетенія жизнедѣятельности, которыя наблюдаются у индійскихъ факировъ. Пріучивъ себя постепенно къ продолжительному сну и возможно полной неподвижности, эти своеобразные самоистязатели, подрѣзавъ уздечку языка, закидываютъ его назадъ въ глотку, прикрывая входъ въ дыхательное горло; въ такомъ состояніи похолодѣвшій и совершенно неподвижный факиръ можетъ быть положенъ въ склепъ и пробыть тамъ безъ пищи и питья нѣсколько недѣль, лишь бы въ склепѣ было извѣстное количество воздуха. По вырытіи изъ склепа факиръ, которому выправляютъ языкъ изъ глотки, постепенно оживаетъ. Разсказы о факирахъ кажутся столь чудовищными, что имъ съ трудомъ вѣрится; однако нѣкоторые случаи обмиранія факировъ, повидимому, вполнѣ удостовѣрены.

Мы кончили нашъ краткій обзоръ распространенія явленій угнетенія жизни въ животномъ царствѣ. Какъ ни кратокъ этотъ очеркъ, но сообщенныхъ въ немъ фактовъ достаточно, чтобы убѣдиться въ широкомъ распространеніи разсматриваемыхъ нами явленій: начиная микроскопическою корненожкою и кончая высшимъ изъ созданій—человѣкомъ, всюду мы видимъ болѣе или менѣе выраженную способность организма понижать свою жизнедѣятельность, сводить до минимума свои потребности и въ этомъ состояніи *скрытой жизни* пережидать неблагопріятное время, чтобы затѣмъ снова развить съ прежней силой жизненную энергію, которая казалась уже совершенно угасшею. Формы оцѣпенѣнія или спячки разнообразны, но ихъ можно подвести подъ двѣ главныя рубрики. Именно, въ однихъ случаяхъ пониженіе жизненныхъ функцій составляетъ только *способность*, а отнюдь *не потребность* организма; таковы, напримѣръ, явленія энцистированія многихъ инфузорій, зимній сонъ рыбъ и многихъ другихъ холоднокровныхъ животныхъ и т. д.: всѣ эти существа пользуются своею способностью къ экономизированію жизненныхъ проявленій только при *неблагопріятныхъ* обстоятельствахъ, напримѣръ, при охлажденіи, засухѣ, голодѣ и т. п., при благопріятныхъ же условіяхъ продолжаютъ себѣ жить нормальнымъ образомъ. Другіе же организмы, напротивъ, не только способны къ временному оцѣпенѣнію и кажущейся безжизненности, но прямо *нуждаются* въ извѣстныхъ воздѣйствіяхъ, вызывающихъ это угнетеніе жизни, которое у нихъ представляетъ собою необходимое *періодичеекое явленіе* ихъ жизненнаго цикла. Такъ, яйца нѣкоторыхъ насѣкомыхъ обязательно

должны претерпѣть зимнее охлажденіе,—безъ этого они не станутъ развиваться; такъ, сони или летучія мыши впадаютъ въ извѣстное время въ спячку, даже если окружающая температура вовсе не такъ низка, чтобы вызвать оцѣпенѣніе. Въ этихъ случаяхъ временное угнетеніе жизни вошло въ жизненный обиходъ организмовъ,—это своеобразное приспособленіе къ перенесенію неблагопріятныхъ условій сдѣлалось настолько прочнымъ, что проявляется и тогда, когда эти условія почему-либо не наступаютъ въ обычное время. Несмотря, однако, на это различіе между двумя только-что указанными категоріями явленій спячки, всѣ эти явленія въ основѣ своей однородны и сводятся къ одной общей способности, повидимому *принципіально присущей* животному организму,—способности къ *скрытой* (*латентной*) *жизни*. Можно выразиться и еще общѣе: эта способность присуща не только животному, но и растительному организму, такъ какъ и растенія могутъ, въ видѣ споръ или сѣмянъ, неопредѣленно долгое время сохранять жизненность при полной или почти полной бездѣятельности, а зимній сонъ деревьевъ, напримѣръ, во многомъ соотвѣтствуетъ зимней спячкѣ животныхъ. Слѣдовательно, спячка есть проявленіе весьма важнаго общаго свойства организмовъ (свойства протоплазмы, могли бы мы сказать),—способности къ латентной жизни.

Такимъ образомъ, одинъ уже общій обзоръ распространенія спячки въ животномъ царствѣ привелъ насъ къ довольно важному выводу,—къ признанію принципіальнаго значенія спячки, какъ проявленія одного изъ коренныхъ свойствъ живой матеріи. Но мы еще не знакомы съ подробностями явленій спячки и теперь должны обратиться къ обсужденію этихъ подробностей; можетъ быть, это обсужденіе дастъ намъ возможность придти къ какому-нибудь выводу о происхожденіи и механизмѣ интересующихъ насъ явленій.

Проф. **Н. Холодковскій.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГИМНЪ ЛЮБВИ.

Подъ хохотъ злорадный могучаго зла,
Подъ стоны мятелей пугливыхъ,
Какъ ландышъ укромный, Любовь расцвѣла
Средь нашихъ сердецъ боязливыхъ.
Лазурныя грёзы ея стерегли
Не добрые эльфы и гномы,
Но стаи шакаловъ, бродившихъ вдали,
И злобно роптавшіе громы.
Преграды со всѣхъ возставали сторонъ,
Какъ сказочныхъ горъ великаны,—
Различія вѣры, враждебность племенъ,
Людскихъ предразсудковъ туманы...
Всѣ призраки ада, всѣ духи скорбей
Тѣснились къ ея изголовью;
Но бодрствовалъ ангелъ-хранитель надъ ней
Съ небесной своею любовью.

Отважно впередъ и впередъ она шла,
Волшебница съ ласковымъ взглядомъ,
И даль становилась ясна и свѣтла,
На страхъ копошившимся гадамъ.
Любовь побѣждала! вѣнчалась Любовь!—
Судьба тогда злѣй ополчилась...
. . . .
Томленье разлуки, тупая вражда,
При жизни весь ужасъ могилы;
Безъ вѣсти живой за годами года,
Убившіе лучшія силы.
Безумья порывы... удары клеветъ...
Но выше, все выше держала
Свой дивно-прекрасный, божественный свѣтъ
Безсмертная дочь Идеала!

*

Ахъ, часто я чуднаго демона клялъ,
Который такъ долго и жадно
Всю лучшую кровь изъ меня выпивалъ,
Томилъ и терзалъ безпощадно.
И звалъ я отжившею ложью Любовь,
Въ грядущее мысль устремляя...
Но гнѣвъ укрощался—и славилъ я вновь
Ее, какъ посланницу рая.
И нынѣ я вѣрю, мой другъ: побѣдить
Любовь и могила невластна!
Вѣкамъ она будетъ далекимъ свѣтить,
Какъ грёза эдема прекрасна!

П. Я.

ЖИВАЯ ЖИЗНЬ.

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

*(Продолженіе *).*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VI.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, что Глѣбъ оставался въ Кочедаровкѣ, отецъ Серафимъ много думалъ объ этой неожиданной перемѣнѣ и у него являлось невольное ощущеніе страха. Варя всѣ эти дни была необыкновенно нѣжна съ нимъ и ея счастье, повидимому, продолжалось. Ликующій радостный видъ не покидалъ ее.

Онъ думалъ о томъ, что вѣдь это должно же чѣмъ-нибудь кончиться. Вотъ Глѣбъ уѣзжаетъ, они любятъ другъ друга. Это было бы прекрасно. Они, конечно, и раньше любили другъ друга, но теперь сказали объ этомъ, это очень важно. Они могли еще годъ, два не называть этого чувства и тогда не было бы никакой перемѣны, но теперь не можетъ же это пройти такъ безслѣдно. Съ нимъ они не хотятъ говорить объ этомъ. Очевидно, они или стѣсняются, или хотятъ обойтись безъ него.

Это его тяготило, онъ переживалъ состояніе полной неизвѣстности. Съ его точки зрѣнія, въ жизни Вари наступилъ роковой моментъ и между тѣмъ это совершается безъ него. Онъ какъ бы посторонній дѣлу человѣкъ.

И онъ рѣшилъ заговорить объ этомъ съ Глѣбомъ. Онъ нашелъ моментъ, выбравъ, конечно, такой, когда Варя не могла ихъ слышать и началъ съ самыхъ общихъ предметовъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

— А неособенно-то пріятно три дня сидѣть въ вагонѣ!

— Да,—отозвался Глѣбъ,—въ особенности въ третьемъ классѣ.

— Оно, конечно, во второмъ или въ первомъ — куда лучше!—говорилъ отецъ Серафимъ, еще не зная, какъ перейти къ дѣлу.

— Когда-нибудь буду ѣздить и во второмъ! — сказалъ Глѣбъ.

— А какъ вы думаете, Глѣбъ Назаровичъ, сколько еще лѣтъ вамъ придется учиться?

— Этого не знаю. Собственно изъ университетскаго курса осталось три года. Это тамъ видно будетъ.

— Да, а вотъ странно, я вспомнилъ... Вспомнилъ одинъ случай. Такъ, къ примѣру. Знавалъ я одного іерея. Онъ былъ старъ и вдовъ и имѣлъ дочь. И случилось, что познакомился съ нею одинъ молодой человѣкъ, ну, скажемъ, студентъ. И вотъ молодые люди влюбились другъ въ друга и думаетъ старикъ: что жъ теперь будетъ, какъ они поступятъ? Ему кажется, что, коли влюбились, такъ онъ возьметъ да и женится на ней. Такъ обыкновенно бываетъ. А онъ не тутъ-то и было; у него, знаете, были какіе-то планы, профессоромъ хотѣлъ онъ стать, ужъ этого не могу я вамъ сказать навѣрное. И говоритъ онъ старику, — отцу то-есть: Я, молъ, дочь вашу люблю и она меня любитъ, а жениться мы, молъ, подождемъ, потому что мнѣ надо на профессора учиться. И долженъ я, молъ, уѣхать далеко, очень далеко. Онъ ему и говоритъ: зачѣмъ же вамъ далеко ѣхать, когда тутъ по близости тоже можете учиться и на профессора выходить? Всего вотъ, примѣрно, какъ у насъ, на пароходѣ, двѣсти верстъ. День ѣзды, не болѣе. А онъ все свое твердитъ: нѣтъ, говоритъ, мнѣ надо далеко. А дѣвица, само собою разумѣется, сохнетъ... И какъ вы полагаете, Глѣбъ Назаровичъ, какъ надо было бы старику поступить въ семъ случаѣ?

И думалъ отецъ Серафимъ, что онъ удивительно тонко намекаетъ. Глѣбъ, конечно, понялъ смыслъ этого разсказа и ему очень хотѣлось открыться. Но разсказать ему все, не посовѣтовавшись съ Варей, онъ не рѣшился. Онъ нашелъ возможнымъ только высказаться по этому поводу.

— Что жъ, отецъ Серафимъ, я полагаю, что любовь— въ порядкѣ вещей, и любовь, конечно, доставляетъ счастье. Но если оно помѣшаетъ достигнуть завѣтной цѣли, то потомъ на нее падетъ тѣнь недовольства и она будетъ этимъ самымъ

отравлена. Съ вашимъ молодымъ человѣкомъ, о которомъ вы говорили, я не могу не согласиться. Если онъ имѣлъ серьезныя намѣренія учиться и, какъ вы говорите, сдѣлаться ученымъ человѣкомъ, то конечно ему слѣдовало ѣхать въ Петербургъ, потому что ни одинъ городъ не можетъ дать для человѣка, ищущаго знаній, столько, сколько даетъ Петербургъ, и, если бы онъ женился и не поѣхалъ, то уже это былъ бы для него убытокъ. Если они дѣйствительно любили, эти молодые люди, то эта любовь должна была дать имъ силы легче перенести разлуку. Она должна была согрѣвать ихъ и въ разлукѣ. У любви большая сила, отецъ Серафимъ,—говорилъ Глѣбъ очень серьезно.

— Пусть будетъ такъ, пусть будетъ такъ!—подтверждалъ какъ бы про себя старикъ, но въ глубинѣ души онъ не вѣрилъ въ эту силу любви. По его мнѣнію, въ любви разлука еще тяжелѣе, чѣмъ въ дружбѣ.

Наконецъ, наступило время прощанья. Варя выражала желаніе поѣхать въ городъ и проводить его, какъ въ прошломъ году. Но Глѣбъ отвергъ это.

— Какъ? тебѣ не хочется, чтобъ я тебя проводила?—съ удивленіемъ спросила Варя.

— Нѣтъ, очень хочется, ты знаешь! Но мнѣ кажется, что намъ будетъ слишкомъ тяжело. Тамъ будетъ родня и знакомые съ своимъ равнодушнымъ видомъ, съ холодными, лицемѣрными взглядами. Это будетъ невыносимо.

— Можетъ быть, тебѣ неловко, если кто-нибудь узнаетъ о нашей любви?—съ чуть-чуть замѣтной ревностью въ тонѣ и во взглядѣ спросила Варя.

— Опять не то, Варя. Но признаюсь, что мнѣ не было бы пріятно, если бы какой-нибудь любопытный взоръ проникъ въ мою душу и прикоснулся бы къ тому, чѣмъ я дорожу и что считаю святымъ. Пусть знаютъ это всѣ, я могу только гордиться твоею любовью, но пусть знаютъ отъ кого хотятъ, я никому не скажу этого. Потому что я знаю, что всѣ они ниже моего чувства, они его не стоютъ.

— Какой ты гордый, Глѣбъ!

— Я гордъ тобой, Варя!

— Пожалуй, ты правъ; лучше простимся здѣсь, на полной свободѣ.

Рано утромъ поднялся Глѣбъ для того, чтобы проститься послѣдній разъ съ Варей и ѣхать. У Вари былъ какой-то торжественный, сосредоточенный видъ. Лицо ея было печально,

но эта печаль была совсѣмъ другого характера, чѣмъ прежняя. Въ ней свѣтилась какая-то теплота и сердечность. Они сидѣли въ гостиной; было раннее утро, въ открытое окно врывался свѣжій утренній воздухъ. На столѣ шипѣлъ самоваръ и все было готово для легкаго дорожнаго завтрака. Они сидѣли молча, смотрѣли другъ на друга и думали одну и ту же думу. Высказать все, чѣмъ наполнено сердце, въ такой краткій срокъ нельзя. А въ молчаніи одними взглядами, полными глубокаго выраженія, высказывается многое.

Вышелъ изъ кабинета отецъ Серафимъ. Это произошло какъ-то совсѣмъ неожиданно. Онъ хотѣлъ говорить что-то напутственное и даже произнесъ какія-то слова. Варя поднялась, быстро пошла къ нему, порывисто обняла его и положила голову на его грудь.

— Папа!—произнесла она и голосъ ея прерывался:—я люблю его... я люблю Глѣба!

Онъ нѣжно положилъ руку на ея голову и произнесъ тихо, успокоительно, какъ ребенку:

— Я знаю, дитя мое, знаю... я все знаю.

Глѣбъ тоже всталъ. Отецъ Серафимъ продолжалъ:

— Ну, что жъ, дѣти мои, дѣло хорошее! Любовь, если она чиста — украшеніе жизни... Молоды вы и оба честные, сердечные, оттого и любите другъ друга. Ну, вотъ видишь, и напрасно ты скрывала отъ отца. Я говорю, что это хорошо и одобряю; и отлично дѣлаете, что любите другъ друга; только вотъ что,—началъ, было, онъ, желая, повидимому, высказать свой обычный взглядъ, но потомъ остановился, махнулъ рукой и, какъ бы рѣшившись больше не возвращаться къ этому, продолжалъ:—Ну, да что ужъ, вы, конечно, все по своему... Нечего и распространяться. У насъ, въ наше время, было бы не то... Да, видно, съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не суйся... Ну, и Богъ васъ да благословитъ... Надо только одно: чтобы было терпѣніе. Хватитъ ли? Чтобы не надорваться... Я о Варѣ говорю,—обратился онъ къ Глѣбу,—она у меня слабенькая... Притомъ же у Глѣба есть наука, она его наполнить можетъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, папочка, меня хватитъ! — воскликнула Варя,—пусть учится Глѣбъ! въ этомъ мое торжество, чтобъ онъ учился.

— Ну, тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, дитя мое.

Онъ благословилъ ихъ. Глаза его были влажны отъ слезъ. Они оба подошли къ нему, горячо обняли его и расцѣловали.

Потомъ онъ ушелъ въ кабинетъ и вынесъ оттуда маленькій крестикъ и поблагословилъ имъ Глѣба. Молодые люди простились. Лошади были поданы. У Вари были слезы на глазахъ, но она не плакала.

Глѣбъ съ очень серьезнымъ блѣднымъ лицомъ еще разъ обнялъ старика и Варю, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ.

Когда онъ проѣзжалъ чрезъ село, въ которомъ выросъ, то по дорогѣ встрѣтилъ отца Василія, который шелъ куда-то на похороны.

— Какъ? — воскликнулъ отецъ Василій, — ты уже уѣзжаешь?—опять въ Петербургъ? Вотъ хорошо было бы, ежели бъ ты когда-нибудь вспомнилъ про насъ, да написалъ бы намъ. Эхъ, да что ты тамъ своимъ естественнымъ наукамъ обучаешься!? Къ чему это? Оно, конечно, любопытно знать, что и какъ, да только пользы практической не вижу!

— Зачѣмъ же практическая польза?—спросилъ Глѣбъ,— я ея и не ищу.

— Да не въ томъ! Я не о пользѣ для себя говорю, а о томъ, что надобно пользу для ближняго искать, вотъ что я полагаю. Ты не смотри на меня такъ и не удивляйся; я знаю, какія у тебя мысли. Ты думаешь: откуда это онъ взялъ? съ чего это онъ о пользѣ для ближняго заговорилъ, коли въ семинаріи былъ оболтусъ-оболтусомъ и никакихъ мыслей у него въ головѣ не появлялось? Это такъ, да въ томъ-то и дѣло, братъ, что даже вотъ такой оболтусъ, какъ я, какъ поживетъ въ этакихъ мѣстахъ да какъ посмотритъ на эту сѣрую жизнь, такъ и его проберетъ насквозь... Нельзя смотрѣть безъ жалости, Глѣбъ Назаровичъ, какую они жизнь ведутъ... Вотъ у насъ въ околоткѣ цѣлыхъ пять деревень... Люди такъ и мрутъ отъ какихъ-то кишечныхъ болѣзней, какъ мухи мрутъ... а врачебной помощи—хоть шаромъ покати! Есть, говорятъ, гдѣ-то земскій врачъ, да только никогда мы его не видимъ, потому онъ одинъ на полъ-уѣзда. Вотъ ты бы медицину, медицину позналъ, это я понимаю, въ этомъ я пользу увидалъ бы; да сюда, къ намъ, къ намъ, въ родныя мѣста! Такъ-то, Глѣбъ Назаровичъ!

Глѣбъ ничего не отвѣтилъ на это, но по дорогѣ въ городъ онъ долго размышлялъ на эту тему. „Нѣтъ,—говорилъ онъ себѣ,—чистая наука выше всего и никогда я не измѣню ей“.

Въ городѣ онъ узналъ, что Срѣтенскій уже уѣхалъ. Ему самому пришлось немного времени потратить на сборы. Его маленькій чемоданъ былъ готовъ, оставалось только положить

его на извозчика и ѣхать на пароходъ. Но онъ отложилъ это до слѣдующаго дня; все-таки надо было побыть хоть послѣдній день съ родственниками. Отецъ Лаврентій не на шутку обижался и Глѣбъ хотѣлъ заплатить ему эту маленькую дань...

Утромъ въ день отъѣзда Глѣбъ зашелъ къ матери, чтобъ проститься съ нею. Къ его удивленію, Ирина Власьевна отнеслась къ нему ласково и нѣжно. Она подозвала его къ себѣ, попросила сѣсть рядомъ и заговорила сердечнымъ голосомъ.

— Слушай, Глѣбъ, вотъ ты опять уѣзжаешь, можетъ быть—я умру и больше тебя не увижу, да и навѣрняка умру. Это ужь видно. Силъ во мнѣ совсѣмъ нѣтъ. А тебѣ скажу, что я уже не та, нѣтъ у меня этой прежней злобности и жалѣю я о томъ, что она была. Правъ ты или неправъ, а нехорошо со стороны матери этакъ-то злобствовать на свое дитя. Нѣтъ, Глѣбъ, я съ тобой теперь совсѣмъ помирилась. Коли тебѣ по душѣ это ученіе, то и учись. И желаю я тебѣ, Глѣбъ, достигнуть того, къ чему у тебя есть стремленіе.

Глѣбъ горячо обнялъ ее и расцѣловалъ; она всплакнула и поблагословила его въ послѣдній разъ. Хотѣлось ему сказать ей о своемъ счастьѣ, но онъ не рѣшился; пожалуй, не пойметъ или пойметъ какъ-нибудь неправильно и отъ этого будетъ ей еще лишнее огорченіе.

Груня смотрѣла на него какъ-то иронически.

— А Варя, не бойсь, тебя проводить не пріѣхала!—сказала она съ нѣкоторымъ ядомъ.

— Нѣтъ, не пріѣхала и не пріѣдетъ!—отвѣтилъ Глѣбъ.

— Гм... то-то и оно.

— А что же это значитъ?—полюбопытствовалъ Глѣбъ.

— Да ничего. Я только такъ; вижу, что не пріѣхала и говорю, что не пріѣхала.

Она замолчала, а черезъ нѣсколько минутъ опять заговорила какимъ-то страннымъ, рѣшительнымъ тономъ:

— А знаешь что, Глѣбъ? что, какъ я возьму да и прикачу къ тебѣ въ Петербургъ?

— Зачѣмъ?—съ удивленіемъ спросилъ Глѣбъ.

— Да такъ, къ брату, по родственному... Что жъ, тутъ меня никто сватать не хочетъ. Что жъ я буду такъ-то вотъ у родственниковъ на шеѣ сидѣть? Все жъ таки братъ, онъ ближе.

— Да я ничего не имѣлъ бы противъ... Только у меня средствъ нѣтъ содержать тебя. А впрочемъ, можетъ быть, заработаю.

— Ну, вотъ, спасибо!—саркастически молвила Груня.—

Все-таки видно, что ты чувствуешь... А тамъ, говорятъ, можно и безъ особенной учености на акушерку или на фельдшерицу выучиться.

— Если есть охота и будетъ терпѣніе, то это хорошо,— сказалъ Глѣбъ,—лучше что-нибудь знать. Хорошо имѣть какое-нибудь ремесло...

— Ну, вотъ! Такъ ты смотри: я подумаю, подумаю, да и катну...

Глѣбъ не могъ смотрѣть на это серьезно. Если бы Груня говорила это просто, то онъ еще могъ бы допустить съ ея стороны такую рѣшимость. Но въ томъ-то и дѣло, что она говорила съ видимымъ желаніемъ доставить ему непріятность.

На пароходной пристани провожали его родственники. Не было ни отца Петра, ни его матушки; но Глѣбъ передъ тѣмъ, какъ ѣхать на пароходъ, самъ заѣхалъ къ нимъ проститься. Матушка не поѣхала, потому что Вари не было. Она отвела его въ сторону и тихонько спросила:

— А что же, Глѣбъ Назаровичъ, съ Варей значитъ, вы не такъ-то ужъ?

— Отчего вы думаете? Нѣтъ, съ Варей мы... какъ прежде!—отвѣтилъ Глѣбъ.

— А что же она не пріѣхала проводить васъ? Въ прошломъ году была.

Глѣбъ зналъ ея сердечное расположеніе къ нему и къ Варѣ и ему было извѣстно, что ничѣмъ онъ такъ не могъ бы доставить ей величайшее удовольствіе, какъ сообщеніемъ о своей любви и своемъ счастіи, и онъ рѣшилъ порадовать ее.

— Съ Варей, матушка, мы теперь женихъ и невѣста!— сказалъ онъ.

— Ну? Правда? и отецъ Серафимъ знаетъ?

— Конечно и отецъ Серафимъ знаетъ.

И матушка вдругъ совершенно внезапно и неожиданно бросилась ему на шею.

— Дай вамъ Богъ, дай вамъ Богъ!—съ глубокимъ чувствомъ говорила она.—Только вотъ что странно: какъ же вы теперь уѣзжаете? Женихъ и невѣста и вдругъ уѣзжаете?

— Мы не торопимся, матушка, мы еще молоды! цѣлая жизнь у насъ еще впереди!

— Тяжело вамъ будетъ, Глѣбъ Назаровичъ, а ужъ Варенькѣ еще тяжелѣе. Охъ, я бы не смогла... Я бы на ея мѣстѣ ужъ не знаю какъ, а поѣхала бы за вами.

Потомъ Глѣбъ узналъ, что матушка ѣздила въ Кочеда-

ровку къ Варѣ, спеціально затѣмъ, чтобы поздравить ее съ счастьемъ.

Черезъ полчаса послѣ этой сцены Глѣбъ былъ на пароходѣ. Онъ простился съ родственниками и уѣхалъ.

VII.

Опять потянулся тотъ же путь, какимъ онъ ѣхалъ уже два раза. Три дня неудобства въ вагонѣ, спертый воздухъ, постоянная смѣна впечатлѣній, которыя отъ этого не становились разнообразнѣе. На этотъ разъ дорога казалась ему и длиннѣе, и скучнѣе. Тогда всѣ эти мѣста казались ему новыми, а теперь они были ему хорошо извѣстны. Кромѣ того, теперь у него было какое-то жгучее ощущеніе разлуки, какого прежде онъ не испытывалъ. Тогда онъ весь былъ проникнутъ сознаніемъ, что, наконецъ, близокъ къ достиженію своей цѣли. Теперь эта цѣль была у него въ рукахъ. Но вотъ и Петербургъ, такой же сѣренькій и сырой, какимъ онъ нашелъ его при своемъ первомъ пріѣздѣ. Онъ, конечно, отправился съ своимъ чемоданомъ въ тѣ же меблированныя комнаты, въ Гончарной улицѣ, гдѣ останавливался въ первый разъ. Это было ему по средствамъ. Отдохнувъ съ полчаса, онъ сталъ думать о квартирѣ. Первая мысль была поѣхать посѣтить чухонку въ шестомъ этажѣ на Вознесенскомъ проспектѣ. Онъ туда и отправился.

Чухонка, увидѣвъ его, чрезвычайно обрадовалась и чуть не упала въ его объятія. Но затѣмъ лицо ея приняло печальное выраженіе, когда пришлось сообщить, что комната занята какимъ-то чиновникомъ.

— Его теперь нѣтъ, онъ на должности,—объяснила она,— но когда придетъ я непремѣнно попрошу его переѣхать.

— Но зачѣмъ же?—возражалъ Глѣбъ,—можетъ быть, ему это неудобно.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ такой безпокойный, по ночамъ поздно приходитъ и не всегда трезвый... Онъ мнѣ долженъ тамъ что-то рубля два съ полтиной, такъ ужь я лучше прощу ему долгъ, только чтобы съѣхалъ.

Глѣбъ на всякій случай оставилъ ей адресъ меблированныхъ комнатъ въ Гончарной. Очень тронутый привязанностью чухонки, онъ тѣмъ не менѣе прошелся по дворамъ, разыскивая комнату. Но ничего подходящаго не нашелъ, все было слишкомъ дорого для него. Семь-восемь рублей въ мѣсяцъ, это—

былъ максимумъ, который онъ могъ платить. Тутъ онъ вспомнилъ о своемъ урокѣ и ему пришла мысль зайти туда и справиться, не произошло ли тамъ какихъ-либо перемѣнъ. Все его благополучіе основывалось на этомъ урокѣ. Если бы тамъ ему отказали, то онъ рѣшительно не зналъ бы, куда дѣваться.

Онъ пошелъ на Сергіевскую. Оказалось, что его ученикъ былъ уже въ Петербургѣ и всѣ переѣхали съ дачи. Когда онъ объяснилъ свои затрудненія по части квартиры, ему совершенно неожиданно сдѣлали предложеніе.

— У насъ есть лишняя комнатка. Не хотите ли занять ее? Мы можемъ вамъ дать комнату и платить десять рублей.

Это предложеніе было чрезвычайно заманчиво, оно прибавляло къ бюджету Глѣба ровно два рубля въ мѣсяцъ. Тѣмъ не менѣе онъ колебался. Ему показали комнату; оказалось, что въ нее надо было попадать черезъ гостиную и вообще она находилась въ слишкомъ близкомъ соприкосновеніи съ остальной квартирой. Чувство свободы, которому было такое раздолье на шестомъ этажѣ въ Вознесенскомъ проспектѣ, заговорило въ немъ, и онъ откровенно высказалъ это хозяевамъ. Его поняли и согласились съ нимъ. Вообще Глѣбъ нравился имъ своей простотой, прямодушіемъ и нѣкоторой наивностью.

Это была большая семья, занимавшая квартиру въ девять комнатъ. Глава семьи, по фамиліи Мазуринъ, служилъ на желѣзной дорогѣ и, кромѣ того, управлялъ большимъ домомъ, гдѣ и пользовался квартирой, приплачивая за нее еще небольшую сумму. Центральной фигурой въ семействѣ была дочь,— здоровая, красивая, молодая дѣвушка, учившаяся въ консерваторіи пѣнію. Глѣбъ никогда не слышалъ ея голоса, но въ семьѣ постоянно говорили о немъ и возлагали на него большія надежды. Она любила красиво одѣваться и изъ общихъ доходовъ Мазурина значительная доля тратилась на ея туалеты. Это дѣлалось съ удовольствіемъ и безъ сожалѣнія именно потому, что будущая пѣвица должна была все возвратить съ избыткомъ. Лицо у нея было странное. Въ глазахъ, блестящихъ и какихъ-то острыхъ, постоянно играла страстная жажда жизни, что-то сильное, рѣшительное и слегка даже хищное. Неизвѣстно, почему, къ Глѣбу она относилась очень благосклонно и, когда онъ приходилъ на урокъ, она всегда старалась поговорить съ нимъ, сдѣлать ему какую-нибудь любезность, предлагала чай, печенье. Приходила даже во время урока, какъ бы случайно, по ошибкѣ, или находила какой-нибудь поводъ принести пепельницу, спросить, который часъ.

Глѣбъ не замѣчалъ этого, а если кое-что и видѣлъ, то не придавалъ этому никакого значенія. Просто любезные люди и только.

Когда онъ пришелъ въ Гончарную, то узналъ, что къ нему являлась какая-то чухонка. Онъ понялъ, что это была его хозяйка. Вечеромъ она опять пришла и сообщила, что чиновникъ согласился съѣхать. Глѣбъ выразилъ искреннюю радость. Онъ убѣдился, что за семь рублей рѣшительно невозможно найти комнату и что эта была, быть можетъ, единственная во всемъ Петербургѣ.

— Вотъ и отлично!—сказалъ онъ,—поблагодарите отъ меня вашего чиновника; завтра я и переѣду.

Чухонка тоже была довольна и ушла. На другой день утромъ Глѣбъ, пользуясь тѣмъ, что жилъ еще недалеко отъ Александро-Невской лавры, отправился къ Лозовскому. Товарищи при встрѣчѣ искренно обнялись.

— Ахъ, знаешь,—вдохновенно говорилъ Лозовскій,—я до сихъ поръ еще полонъ впечатлѣній отъ моей поѣздки. Да, жить въ Соловкахъ или вообще гдѣ-нибудь въ томъ краю, это очень близко къ идеалу счастья, то-есть, къ моему идеалу, къ одиночеству. Но полный идеалъ можетъ быть достигнутъ развѣ только на полюсѣ, потому что туда вовсе не забирается человѣкъ. Къ сожалѣнію, тамъ и жить нельзя.

— Скажи, пожалуйста, Лозовскій,—спросилъ его Глѣбъ,—почему ты такъ возстаешь противъ человѣка? что онъ тебѣ сдѣлалъ?

— Ничего онъ мнѣ не сдѣлалъ. Это было бы очень мелко съ моей стороны, еслибъ я возставалъ противъ него именно потому, что онъ мнѣ что-нибудь сдѣлалъ. А вообще дрянное племя. Чѣмъ больше я наблюдаю, тѣмъ больше убѣждаюсь, что напрасно онъ гордится своими преимуществами надъ животными. Онъ гордится своимъ умомъ. А по моему, эта разница вовсе не въ пользу человѣка. Скорѣе для животнаго можетъ служить извиненіемъ то, что у него нѣтъ ума, потому что, обладая умомъ, человѣкъ остается такимъ же животнымъ, какъ и прочія твари.

— Въ чемъ же твой идеалъ?

— А вотъ именно въ этомъ: не быть животнымъ, вовсе не быть животнымъ, и провести это до мелочей.

— Это недостижимо!

— Но по крайней мѣрѣ достигаемо. Уже процессъ достиганія очень много значитъ.

— Ну, напримѣръ, вѣдь ты не можешь отказаться отъ пищи?

— Отказаться нѣтъ, но отказываться могу. Ты знаешь, я и теперь уже отказываюсь. Я, напримѣръ, ѣмъ только одно блюдо за обѣдомъ и нахожу въ этомъ большое удовлетвореніе. Товарищи удивляются и не понимаютъ, а я имъ и не объясняю. Къ чему? это имъ несродно. Ну, да, впрочемъ, это и тебѣ не особенно-то сродно. Я тебя люблю, но ты человѣкъ совсѣмъ другого типа. Разскажи мнѣ что-нибудь о твоей Варварѣ Серафимовнѣ и о самомъ отцѣ Серафимѣ.

— Что же о нихъ разсказывать? у нихъ все по старому.

При этомъ отъ Лозовскаго не ускользнуло, что Глѣбъ слегка покраснѣлъ.

— Надѣюсь, не женился, однако!—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, но...

— Но объяснился въ любви. Такъ, что ли?

— Пожалуй...

— Все, какъ по нотамъ... То-то. Хорошо, что я тебѣ прочиталъ тогда наставленіе, пригодилось вѣдь, а? Я думаю, была критическая минута и ты вспомнилъ мои слова и они помогли тебѣ во время ухватиться за умъ... Что жъ, вы другъ друга стоите.

— Это что же, иронія?

— Почему иронія? Каждый ищетъ счастья примѣнительно къ себѣ, къ своимъ склонностямъ, къ своей натурѣ. Для меня счастье въ томъ, чтобы какъ можно менѣе соприкасаться съ людьми, для тебя, наоборотъ, въ близости съ ними. Ну, что жъ, значитъ все въ порядкѣ. Ты благоразуменъ и навѣрно съумѣешь дождаться, пока кончишь курсъ. Не правда ли? Слѣдовательно, у тебя есть всѣ шансы, что оба вы достигнете такъ-называемаго счастья. А жить будешь гдѣ? все тамъ же, у чухонки?

— Да. Была опасность. Какой-то чиновникъ залегъ на моей постели, но очень ужъ ко мнѣ расположена чухонка; она его умолила, простила даже ему долгъ въ два съ полтиной, и онъ сжалился. Завтра переѣзжаю.

— Буду у тебя въ гостяхъ. У тебя вѣдь тоже есть своего рода преимущество. На шестомъ этажѣ, чуть что не на крышѣ, въ квартирѣ ни души, вѣдь чухонку считать нельзя; это, такъ сказать, нулевое существо, она не можетъ помѣшать одиночеству, а значитъ и счастью. Ахъ, да,—вспомнилъ онъ,—вѣдь Стрѣтенскій здѣсь. Очевидно, ты не исполнилъ моего порученія и не сказалъ ему, что онъ тупое животное. Иначе онъ не пришелъ бы ко мнѣ.

— А онъ былъ у тебя?

— Представь себѣ, явился, и я такъ былъ изумленъ и такъ посмотрѣлъ на него, что ему даже стало неловко, я это замѣтилъ. Клянусь честью, что въ эту минуту онъ понялъ, что незачѣмъ было приходить. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь это все-равно, какъ если бы вдругъ Волга стала впадать въ Балтійское море. Въ новомъ мундирчикѣ, блеститъ, какъ хорошо наваксенный сапогъ. Чортъ знаетъ, какъ онъ меня возмутилъ. И съ какой стати это ему такъ наряжаться? Подумаешь, что всю жизнь провелъ въ блескѣ. А вѣдь нашего же поля ягода,—бурсакъ. Остановился въ какомъ-то Грандъ-Отелѣ, должно быть, нѣчто очень драгоцѣнное, судя по названію. И пришелъ-то онъ спеціально затѣмъ, чтобы похвастаться, что онъ студентъ и что у него есть деньги. Присмотрѣлъ квартиру, „избралъ ресторанъ для обѣда“, такъ и выражается—избралъ, говоритъ, ресторанъ, и обо всемъ этомъ говоритъ пресерьезно. Боже мой! Вотъ ничтожество, типическое ничтожество, пустота и пошлостъ. Знаешь, когда я вижу такихъ людей, меня разбираетъ злоба. И вотъ, когда мнѣ хочется куда-нибудь на полюсъ! Вѣдь удивительное дѣло! Въ какой-нибудь корпораціи, ну, скажемъ, въ полку, что ли, гдѣ всѣ порядочные люди, если попадется какой-нибудь негодяй, то сейчасъ это считается, что онъ какъ бы позоритъ мундиръ тамъ и честь корпораціи. А вѣдь въ человѣчествѣ,—чѣмъ же это не корпорація? даже весьма почтенная!—въ немъ милліоны такихъ пошляковъ и ничтожествъ и оно ничего, смотритъ на это довольно благодушно... Не понимаю только, какъ могло такое зелье вырости на семинарской почвѣ! Этого я не понимаю. Вѣдь вотъ мы же съ тобой, конечно, существа несовершенныя, но все же не то...

— Это оттого,—сказалъ Глѣбъ,—что онъ долго жилъ дома и былъ съ большими средствами... Это портитъ такія головы, какъ у него.

— Э, я думаю, что такія головы все портитъ!

Жизнь Глѣба опять вошла въ старую колею. Въ университетѣ онъ встрѣтился съ Чаудономъ; тотъ сдѣлался еще серьезнѣе и страшно налегалъ на занятія физикой, но онъ не покидалъ и химіи и даже хотѣлъ спеціализироваться въ ней; это и понятно: у него былъ химическій заводъ.

Радолинъ, узнавъ, что онъ пріѣхалъ, зашелъ къ нему на Вознесенскій проспектъ.

— Что жъ,—спросилъ онъ,—вы попрежнему будете на урокъ ходить?

— Да, — отвѣтилъ Глѣбъ, — только въ другіе часы, немного раньше. Я буду уходить въ шесть часовъ.

— Ну, это все равно. Такъ я въ шесть часовъ буду приходить. А знаете, я вѣдь перемѣнилъ факультетъ. Я теперь филологъ.

— Почему же именно филологъ, а, напримѣръ, не юристъ?

— Юристомъ быть тяжело. Тамъ нужна энергія, талантъ, краснорѣчіе, а у меня ничего этого нѣтъ. Мнѣ нужно такое дѣло, которое шло бы по извѣстной колеѣ, которое само бы себя дѣлало. А учительское дѣло спокойное и тихое, изо дня въ день, знаете, одно и то же.

— А медицина? вѣдь вы, кажется, говорили о медицинѣ?

— Долго ждать. Тутъ скорѣе, а мнѣ, знаете, это все надоѣло ужасно. Такъ я буду къ вамъ ходить спать.

— Пожалуйста, ходите. Это мнѣ не можетъ помѣшать.

Глѣбъ занимался еще усерднѣе прошлогодняго. Первое письмо отъ Вари онъ получилъ черезъ недѣлю послѣ пріѣзда. Онъ получилъ его въ отвѣтъ на свое, которое послалъ въ тотъ же день, когда вступилъ на петербургскую почву. Письмо Вари было полно поэзіи: „ничего я не боюсь теперь, мой милый,—писала она,—мое сердце бьется для тебя и навѣрно въ тактъ съ твоимъ сердцемъ. Скажи Лозовскому, когда встрѣтишь его, что двѣ части души нашли другъ друга и соединились... Хотѣла бы поучиться, очень бы хотѣла, чтобы быть такой же умной, какъ ты. Но ничего. Учись за себя и за меня. Вѣдь я теперь слилась съ тобой и мнѣ кажется, что когда ты учишься, то и я становлюсь умнѣе. А какая у насъ осень! Въ саду падаютъ листья и повсюду желтый цвѣтъ. Въ прошломъ году это навѣвало на меня грусть, а теперь ничего. Въ этомъ даже есть своего рода поэзія; какая-то тихая печаль словно убаюкиваетъ меня. Съ отцомъ у меня полный миръ. Вмѣстѣ читаемъ духовныя книги. Онъ тебя очень любитъ, какъ сына, и часто говоритъ о тебѣ съ любовью. Отецъ Василій спрашивалъ у меня твой петербургскій адресъ, я сказала. Прижимаюсь къ твоей груди въ томъ мѣстѣ, гдѣ бьется твое сердце. Самая счастливая изъ смертныхъ, твоя Варя“.

Когда Глѣбъ читалъ это письмо, ему казалось, что высшаго счастья нѣтъ и не можетъ быть на землѣ.

Между тѣмъ знакомства Глѣба мало-по-малу расширялись. Въ университетѣ многіе студенты изъ другихъ курсовъ и факультетовъ, встрѣчаясь съ нимъ каждый день, привыкали къ нему и потомъ уже, на одномъ этомъ основаніи, считались знакомыми. У него было нѣсколько такихъ, съ которыми онъ здоровался и вступалъ въ разговоръ, даже не зная ихъ фамилій. Но какъ-то ни въ комъ онъ не находилъ особеннаго интереса, по всей вѣроятности потому, что недостаточно всматривался въ нихъ, по крайней мѣрѣ, самъ, онъ такъ себѣ объяснялъ это.

Вниманіе его обратилъ на себя одинъ, нѣкто Свиборскій. Высокій, энергичнаго вида, съ красивой кудрявой головой, съ блестящими глазами, онъ былъ юристъ, но, кажется, мало занимался юриспруденціей. Онъ постоянно говорилъ о томъ, что среди студентовъ мало общности и что нужно непремѣнно устроить эту общность. Самъ онъ пописывалъ стихи и прозу, но, кажется, нигдѣ не печаталъ. Однажды онъ обратился къ Глѣбу.

— Не придете ли провести вечерокъ на нейтральной почвѣ?

— Что значитъ на нейтральной почвѣ?—спросилъ Глѣбъ.

— Да видите ли, это въ одномъ семействѣ, но хозяева уйдутъ изъ дому, чтобъ не стѣснять. Будутъ студенты и нѣкоторыя дамы.

Глѣбъ сильно стѣснялся, но все-таки пошелъ. Долженъ же онъ когда-нибудь присматриваться къ людямъ, нельзя же ему всегда оставаться дикаремъ.

Онъ отправился, какъ было назначено, въ Караванную улицу. Входъ оказался весьма приличнымъ. Глѣбу даже неловко было идти по бѣлой дорожкѣ наверхъ, такъ какъ у него не было галошъ, а на улицѣ было мокро. Въ хорошо обставленной квартирѣ онъ нашелъ уже душъ десять, потомъ пришли еще. Половина изъ нихъ были дамы. Ему показалось, что между ними не было дѣвушекъ, а все были замужнія; онъ судилъ отчасти по возрасту, отчасти такъ, по какому-то неопредѣленному чувству. Было нѣсколько студентовъ. Сразу обозначилось, что Свиборскій играетъ преобладающую роль. Онъ говорилъ длинную рѣчь о единеніи на литературной почвѣ. Единеніе будетъ состоять въ томъ, что члены кружка будутъ читать свои произведенія, другіе будутъ высказывать мнѣнія. Онъ говорилъ хорошо, краснорѣчиво и гладко. Дамы смотрѣли на него очень внимательно. Потомъ онъ началъ читать

свои стихи, затѣмъ прозу, потомъ опять стихи и опять прозу. Весь вечеръ былъ наполненъ имъ.

Глѣбъ ушелъ съ неопредѣленнымъ впечатлѣніемъ; такъ какъ это былъ предварительный вечеръ, на которомъ еще вырабатывалась программа, то нельзя было ни о чемъ судить. Когда онъ пошелъ въ слѣдующій разъ, то Свиборскій обратился къ нему съ вопросомъ:

— Не принесли ли вы чего-нибудь?

— Право, я не умѣю писать,—отвѣтилъ Глѣбъ,—я никогда не пишу.

— Но надо пробовать, господа,—замѣтилъ Свиборскій.

— Но я даже пробовать не умѣю!—отвѣтилъ Глѣбъ.

На этомъ вечерѣ ни у кого ничего не оказалось и читались опять произведенія Свиборскаго. Третій вечеръ былъ въ другой квартирѣ, у самого инициатора; были тѣ же дамы и еще двѣ новыхъ. Студентовъ явилось меньше. Опять никто ничего не приготовилъ, но у Свиборскаго былъ большой запасъ и за нимъ дѣло никогда не стояло. Подавали чай съ печеньемъ. Глѣбъ на этотъ разъ окончательно убѣдился, что Свиборскій устраиваетъ вечера для собственнаго удовольствія, просто чтобъ фигурировать передъ дамами въ наиболѣе красивой роли.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ его Глѣбъ,—почему вы не печатаете вашихъ произведеній?

— Гдѣ?

— Въ журналахъ.

— Гм, въ такомъ случаѣ я вижу, что вы не имѣете представленія о смыслѣ и направленіи нашей программы. Развѣ вы не видите, что все то, что читается здѣсь, носитъ совсѣмъ новый характеръ, совсѣмъ новое направленіе. Мы хотимъ создать это новое направленіе. Старыя формы обветшали, надо дать что-нибудь новое.

Глѣбъ пожалъ плечами.

— Право, я не замѣчаю тутъ ничего новаго,—чистосердечно замѣтилъ онъ.—Ваши стихи, какъ и всякіе другіе стихи, точно такъ же, какъ и проза.

— Вамъ такъ кажется?

— Да.

— Почему же вы не высказали это?

— Да, право, я не зналъ, что это надо высказывать. Я никакъ не думалъ, что вся суть въ томъ, чтобы не было похоже на то, что есть и то, что обыкновенно. Я не думаю,

что нужно непремѣнно искать новыхъ формъ; я вотъ сейчасъ у себя дома перечитывалъ Лермонтова и нахожу, что онъ прекрасенъ. Я думаю, что необходимы новыя идеи, это другое дѣло. А форма всякая хороша, если она хорошо выполнена и если въ ней есть содержаніе.

Послѣ этого Глѣбъ скоро ушелъ, провожаемый общимъ молчаніемъ. Ясно было, что Свиборскій успѣлъ уже покорить всѣхъ дамъ своего кружка, можетъ быть, не столько своей поэзіей, сколько наружностью. Что это были за дамы, Глѣбъ такъ и не узналъ. Ихъ фамиліи ему ничего не говорили, а сами онѣ ничѣмъ его не заинтересовали. Больше онъ не пошелъ туда и Свиборскій при встрѣчѣ смотрѣлъ на него холодно.

Но однажды—это было въ концѣ года—Свиборскій, увидя его въ вестибюлѣ, очень живо подбѣжалъ къ нему. Онъ держалъ въ рукахъ книжку журнала.

— Вы не видали?—спросилъ онъ.—Помните, я читалъ вамъ тогда стихи „Умирающая весна"? Они напечатаны.

И онъ показалъ въ книжкѣ маленькіе стихи, всего въ восемь строчекъ.

— Значитъ, вы помѣстили въ старомъ журналѣ съ старымъ направленіемъ?—сказалъ Глѣбъ.

— Ну, что жъ, это не важно. Знаете, вѣдь поэзія космополитична. Она уживается вездѣ.

Онъ, видимо, былъ въ восторгѣ отъ того, что напечатали его стихи.

VIII.

Между тѣмъ какъ время шло, и Глѣбъ получалъ отъ Вари письма, изъ которыхъ заключалъ, что она благоденствуетъ и цвѣтетъ, въ Кочедаровкѣ происходили событія нѣсколько иного характера.

Это правда, что Варя и отецъ Серафимъ жили въ полномъ мирѣ и согласіи и что они вмѣстѣ читали духовныя книги, какъ писала ему Варвара Серафимовна. У отца Серафима были слабоваты глаза и Варя, читая вслухъ, часто присаживалась къ нему и, нѣжно охвативъ его одной рукой, въ другой держала книгу. Старикъ блаженствовалъ. Онъ видѣлъ въ ея глазахъ счастье и ничего такого, что наводило бы его на размышленіе, не замѣчалъ.

Онъ не видалъ, какъ она томилась, какъ тяжелы были ея вздохи, какъ иногда по цѣлымъ часамъ стояла она у

окна и глядѣла вдаль. Если бы какимъ-нибудь волшебствомъ Глѣбъ могъ прилетѣть изъ своего далека и появиться передъ нею на одно мгновенье, улыбнуться и шепнуть ей: „я люблю тебя“, она была бы счастлива безконечно. Но онъ такъ далеко, такъ далеко. И въ груди ея выростала тоска, она не спала ночей и въ сущности всегда была глубоко одинока. Она была вездѣ и со всѣми одинока; только съ Глѣбомъ она чувствовала себя такъ, какъ будто была окружена цѣлымъ міромъ дорогихъ и близкихъ ея сердцу существъ.

И вотъ однажды она сидѣла съ книгой. Отецъ Серафимъ полуприлегъ на диванѣ въ гостиной. Она сидѣла въ креслѣ у его изголовья. Голосъ ея раздавался звонко, онъ слушалъ.

Но вотъ въ голосѣ ея послышалось что-то прерывистое, нетвердое, какъ бываетъ, когда вдругъ жалость овладѣетъ человѣкомъ и ему захочется плакать; потомъ вдругъ книга выпала изъ ея рукъ, она склонила свою голову на его плечо и зарыдала.

Онъ встревожился и приподнялся.

— Что съ тобой, дитя мое? что случилось? въ чемъ дѣло?— съ глубокимъ волненіемъ спрашивалъ отецъ Серафимъ.

Рыданія мѣшали ей говорить.

— Папа... папочка... я не могу, не могу...

— Что именно? Чего не можешь? Говори же, Варя?

— Не могу безъ него... Такъ далеко, такъ далеко... У меня сердце рвется... Оно когда-нибудь выскочитъ изъ груди и улетитъ къ нему безъ меня... Вы не знаете, вы не видите...

— Ты скрываешь, дитя мое?

— Скрываю... Ахъ, милый отецъ, вы не сердитесь; это я для того, чтобы вамъ не было больно, а теперь не выдержала и вотъ...

Онъ успокаивалъ ее.

— Ну, ничего, ничего, что-нибудь придумаемъ. Что-нибудь сочинимъ.

Онъ говорилъ это, но что придумать и что сочинить, онъ этого не зналъ. Онъ гладилъ ея волосы, говорилъ ей еще какія-то утѣшительныя слова и тонъ его голоса былъ такой мягкій, такой любовный, что она начала успокаиваться. Она сдѣлала надъ собой усиліе, встряхнулась, подняла голову, вытерла слезы и сказала:

— Это былъ припадокъ и это уже прошло и этого больше не будетъ. О, право же, я съумѣю владѣть собой. Вы, папа, не безпокойтесь, право же, право.

Но для него эти слова уже не годились. Онъ сталъ зорко наблюдать за нею и увидѣлъ и вздохи, и тайныя слезы, и муки...

Теперь наступила и его очередь скрывать отъ нея. Онъ думалъ въ одиночку. Когда она еще спала, раннимъ осеннимъ утромъ, когда было еще темно и только востокъ загорался слабымъ свѣтомъ, онъ ходилъ одиноко по двору и думалъ свою думу. Что ему дѣлать? Отпустить ее? Какъ? одну? Нѣтъ, этого онъ не могъ сдѣлать. Онъ не рѣшался на это даже тогда, когда между ними была только дружба. А теперь жаркое чувство, горячая кровь, безразсудность молодости... О, нѣтъ, нѣтъ. Если бы что случилось, какой-нибудь безумный шагъ, вѣдь онъ во всемъ былъ бы виноватъ. Вѣдь у нихъ у обоихъ нѣтъ никого, кто слѣдилъ бы за ними, указывалъ бы имъ, сдерживалъ бы ихъ.

И онъ ничего не могъ придумать. А Варя между тѣмъ храбрилась, но онъ уже зналъ цѣну этой храбрости. Да, она приноситъ ему великую жертву, онъ это понималъ. Что же онъ могъ ей принести? Если бы дѣло было въ томъ, что только надо отпустить, какъ прежде, когда онъ боялся одиночества и въ этомъ была вся суть, онъ, пожалуй, теперь, узнавши о ея жертвѣ, готовъ былъ бы сдѣлать это. Но при новыхъ условіяхъ вѣдь эта жертва могла бы принести ей пагубу. Нѣтъ, на это онъ даже права не имѣтъ. Такъ что же дѣлать? что же дѣлать?

Ѣздилъ отецъ Серафимъ въ дальній монастырь, гдѣ былъ старецъ схимникъ, славившійся своею святостью. Во время говѣнья отецъ Серафимъ исповѣдывался у него; на этотъ разъ онъ попросилъ у него совѣта. Но схимникъ ничего не придумалъ для него. „Богъ далъ тебѣ сокровище—дочь,— сказалъ онъ,—береги ее паче зеницы ока... Дѣва—хрупкое созданіе; за ней надо слѣдить, чтобы не обронить ее случайно; упадетъ и разобьется“.

Это было, быть можетъ, и очень глубокомысленно, но ничего не прибавило отцу Серафиму. И вотъ однажды онъ въ тоскѣ ходилъ по двору, заглядывалъ въ сараи и видѣлъ, какъ Леонидъ Ивановичъ возился съ его добромъ, какъ онъ старался, какъ хлопоталъ, обливаясь потомъ. Изъ за чего? Вѣдь ему отъ этого никакой корысти не будетъ! Значитъ, преданъ человѣкъ.

И такъ онъ наблюдалъ каждый день. Прежде онъ не обращалъ вниманія на дѣятельность Леонида Ивановича, а

теперь, разъ подумавъ объ этомъ, уже не могъ отдѣлаться отъ этихъ наблюденій: „преданъ человѣкъ, преданъ; это видно!—твердилъ онъ себѣ,—значитъ, чувствуетъ, значитъ онъ и пойметъ меня“. И у него было такое напряженное состояніе нервовъ, что эта мысль показалась ему роковой,—онъ вдругъ повѣрилъ въ нее. Вѣдь всѣ эти дни онъ такъ метался изъ стороны въ сторону и душа его такъ истомилась въ этихъ напрасныхъ исканіяхъ.

Онъ вошелъ къ себѣ въ кабинетъ, положилъ земной поклонъ передъ крестомъ, позади котораго теплилась лампада, и мысленно сказалъ себѣ: „Чувствую я, что Богъ хочетъ сдѣлать мнѣ указаніе и избираетъ для того Леонида. Такъ вотъ же открою ему свою душу, и какъ онъ посовѣтуетъ, такъ и будетъ“... И онъ твердо и безповоротно далъ себѣ слово поступить такъ, какъ думалось ему передъ крестомъ. Затѣмъ онъ призвалъ въ кабинетъ Леонида.

Варя очень удивилась, узнавъ, что отецъ заперся въ кабинетѣ съ Леонидомъ. О чемъ они могутъ такъ таинственно говорить? Вѣдь Леонидъ былъ олицетвореніемъ хозяйства. Развѣ случилось что-нибудь важное въ дѣлахъ отца?

А въ кабинетѣ происходилъ душевный разговоръ.

— Садись, Леонидъ,—сказалъ отецъ Сирафимъ.—Садись, я тебя не спроста позвалъ.

Леонидъ сѣлъ, но не спрашивалъ. Онъ вообще никогда не торопился впередъ съ вопросами, у него была привычка ждать; онъ зналъ, что то, что должно совершиться, непременно совершится само собой. Два старика сидѣли другъ противъ друга. Отецъ Серафимъ говорилъ:

— Прибѣгаю я къ тебѣ, Леонидъ, за совѣтомъ въ самомъ трудномъ дѣлѣ моей жизни. Помоги мнѣ, помоги мнѣ совѣтомъ,—твой совѣтъ будетъ дружескій, я знаю. Ну, такъ слушай же; откровенно тебѣ разскажу все, ничего не утаю. Вотъ въ чемъ дѣло: видалъ ты, къ намъ ѣздилъ молодой человѣкъ, отца Назарія Щедротова, что въ Богоявленскомъ служилъ, сынъ? Отецъ Назарій теперь скончался, а сынъ его, этотъ самый молодой человѣкъ, духовное званіе бросилъ, а пошелъ по свѣтской части. Прекрасный молодой человѣкъ, неглупый и благородный. Учится онъ въ Петербургѣ, въ университетѣ, и очень наукѣ преданъ. И вотъ этотъ самый молодой человѣкъ сердечно полюбилъ мою Вареньку, а Варенька и его безъ ума полюбила и нужно ему непремѣнно для своей науки быть въ Петербургѣ, а она, Варенька, то-

скуетъ безмѣрно и жить безъ него не можетъ. Жениться имъ нельзя, молоды они очень и свои у нихъ цѣли и планы. Такъ вотъ, видя, что Варенька страдаетъ, я и задумался: что могу я сдѣлать въ такомъ случаѣ, чтобы страданія ея прекратились? Вотъ и къ схимнику ѣздилъ и ему во всемъ признавался, да ничего онъ мнѣ не сказалъ: Береги, говоритъ, сокровище,—да развѣ я не берегу? Въ томъ-то и дѣло все, чтобы сберечь его, да получше. Рвется она къ нему, Леонидъ, рвется, какъ птица изъ клѣтки на волю, и это понятно, любовь нетерпѣлива. Но скажи же мнѣ, Леонидъ, развѣ я могу отпустить ее туда, въ этотъ большой городъ, гдѣ столько соблазновъ и всякой опасности?

Леонидъ слушалъ внимательно и когда отецъ Серафимъ задалъ ему этотъ вопросъ, онъ, не перемѣняя позы, не сдѣлавъ никакого движенія, очень просто и очень твердо отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не можете и не дѣлайте этого!

— А какъ же быть? какъ быть?

— Какъ быть? —какъ эхо повторилъ Леонидъ: — какъ быть?

И онъ задумался и долго сидѣлъ молча, а отецъ Серафимъ не мѣшалъ ему думать, вѣруя, что онъ придумаетъ нѣчто важное и значительное. И Леонидъ заговорилъ:

— Послушаете ли вы меня, отецъ Серафимъ?

— Послушаю, говори, послушаю!

— Хорошо. Сами говорите, что для васъ жизнь теперь вся въ ней, что вамъ не для кого и жить, какъ не для Варвары Серафимовны, такъ ужъ надо это, отецъ Серафимъ, до конца доводить.

— Что же ты разумѣешь?

— Да вотъ что, отецъ Серафимъ. Хозяйство у васъ идетъ хорошо, денежки у васъ, слава Богу, прикоплены изрядныя, и отъ хозяйства доходъ каждый годъ получается не малый. И есть у васъ вѣрный человѣкъ, вотъ онъ сидитъ передъ вами, ужъ во мнѣ-то вы не усомнитесь, отецъ Серафимъ, я то васъ не подведу. Тогда вотъ же: оставьте вы на меня хозяйство, подайте вы въ заштатъ и поѣзжайте съ Варварой Серафимовной въ городъ С.-Петербургъ.

Отецъ Серафимъ весь превратился въ изумленіе.

— Мнѣ? мнѣ двинуться съ мѣста? Мнѣ ѣхать въ Петербургъ? И тамъ кончать свою жизнь?

— Эхъ, отецъ Серафимъ. къ чему намъ жизнь, какъ не для дѣтей? Все для нихъ, отецъ Серафимъ.

Отецъ Серафимъ заходилъ по комнатѣ. Онъ говорилъ какъ бы самъ съ собой:—тяжело, тяжело это ты придумалъ, Леонидъ. На сѣверъ... Тамъ и воздухъ не такой, тамъ, сказываютъ, и солнца не видно.

— Э, у васъ свое солнце—Варенька...

— Но скажи же мнѣ, какъ это могло придти тебѣ въ голову? Вѣдь, это такое рѣшительное дѣло.

— Такъ просто и пришло, отецъ Серафимъ, и потому пришло оно, что очень ужъ оно просто, такъ просто, такъ просто... Что же дѣлать-то? Коли для дочери, а ея счастье въ томъ, то значитъ и нужно ѣхать, вотъ и все. Э, что! повидаете свѣтъ, отецъ Серафимъ. Сколько лѣтъ служили вы, надо же вамъ и отдохнуть, и людей повидать. А я ваше хозяйство отлично поведу и хорошій доходъ вамъ буду присылать; а въ лѣтнее время вы, какъ какой-нибудь помѣщикъ, въ свою усадьбу наѣзжать будете, какъ на дачу.

— Охъ, тяжелыя вещи ты говоришь, Леонидъ, тяжелыя! Такъ вѣдь я передъ крестомъ обѣщалъ, слѣдственно придется поступить по твоему...

— И поступите такъ, отецъ Серафимъ! право, потомъ даже благодарить будете...

Отецъ Серафимъ остановился передъ нимъ:

— Ну, спасибо тебѣ, спасибо, Леонидъ. Тяжкое ты придумалъ мнѣ дѣло, а все-жъ таки спасибо.

И старики поцѣловались.

IX.

Отецъ Серафимъ ходилъ еще дня три въ глубокой задумчивости. Онъ останавливался въ разныхъ углахъ своего дома и двора и со всѣмъ ему жалко было разставаться. Онъ думалъ прежде, что сложитъ здѣсь свои кости, а теперь придется везти ихъ Богъ знаетъ куда. Поѣздка въ Петербургъ представлялась ему дѣломъ грандіознымъ. Если бы прежде, до этого рѣшенія, кто-нибудь спросилъ его, что труднѣе: въ Патербургъ поѣхать или забраться на луну, то онъ не зналъ бы, что отвѣчать.

Но потомъ его мысли какъ-то всѣ уложились въ этомъ рѣшеніи, онъ свыкся съ нимъ и вдругъ просвѣтлѣлъ. Онъ еще разъ призвалъ къ себѣ Леонида и сказалъ ему:

— Ну, да, ты правъ, я таки рѣшился, рѣшился совсѣмъ и безповоротно, а только ты Варѣ не говори, я хочу ей великій сюрпризъ сдѣлать.

Но заявлять объ этомъ Леониду было лишнее. Леонидъ былъ молчаливъ, какъ могила.

Съ вечера отецъ Серафимъ приказалъ на утро приготовить экипажъ и сказалъ Варѣ:

— Ну, Варя, я поѣду въ городъ, а ты оставайся на хозяйствѣ.

Обыкновенно онъ бралъ Варю съ собой, и это очень удивило Варю, что онъ теперь какъ бы отказался брать ее.

— Да видишь ли, изъ города мнѣ надо будетъ заѣхать тамъ въ одно недальнее село. Тамъ товарищъ, онъ больной, просилъ навѣстить его.

Но онъ сказалъ это крайне нетвердымъ голосомъ, онъ хотѣлъ, чтобы вѣсть о его рѣшеніи не дошла до Вари въ городѣ какимъ-нибудь косвеннымъ путемъ. На другой день утромъ онъ уѣхалъ.

Варя не чувствовала тягости отъ одиночества. Напротивъ, одиночество было ей теперь легче. Можно было подолгу сидѣть у окна и съ тоской глядѣть въ безконечную даль, можно было вздыхать и плакать.

А Глѣбъ писалъ ей часто; она получала его письма черезъ каждые два дня. И вмѣсто счастья, эти письма доставляли ей муки. Хотя они и были полны горячей любви, но для нея они казались холодными, она хотѣла его видѣть, съ нимъ говорить, смотрѣть въ его глаза и сидѣть близко-близко.

Отецъ Серафимъ пріѣхалъ въ городъ и прямо приступилъ къ дѣлу. Онъ началъ съ того, что подалъ за штатъ. Это никого не удивило. Ему было уже за шестьдесятъ лѣтъ. Всѣ знали, что у него большія средства. Естественно, что ему хочется отдохнуть. А духовное начальство всегда радо, когда освобождается мѣсто, потому что у него всегда есть кандидаты. И потому дѣло отца Серафима очень скоро уладилось. Тутъ же при немъ на его мѣсто консисторія назначила новаго священника.

И теперь онъ возвращался домой радостно; онъ зналъ навѣрное, что доставитъ Варѣ неописуемую радость. Онъ представлялъ себѣ, какъ она приметъ это, какъ заблестятъ ея глазки, зарумянятся ея щечки и она бросится обнимать и цѣловать его. „Все для тебя, все для тебя, милое мое дитя“, говорилъ онъ себѣ мысленно, думая о Варѣ.

Въ городѣ онъ заѣзжалъ въ банкъ, гдѣ у него хранились деньги, и устроилъ переводъ ихъ на Петербургъ. Онъ дѣлалъ это съ какимъ-то тайнымъ удивленіемъ. Его самого всякій разъ

изумляло, когда онъ произносилъ слово „Петербургъ" и представлялъ себя ѣдущимъ туда. Никогда въ жизни это не приходило ему въ голову, никогда бы онъ не повѣрилъ, если бы его увѣряли въ томъ, что онъ умретъ не здѣсь, не въ Кочедаровкѣ, на своемъ посту, съ которымъ онъ сжился и сросся тѣломъ и душой.

И вотъ онъ видитъ уже свой домъ и сердце его забилось такъ, какъ давно уже не билось. Сколько лѣтъ, сколько лѣтъ! вѣдь это не проходитъ безслѣдно.

Варя сидитъ на завалинкѣ и ждетъ его; въ рукахъ у нея бумага—ну, это, конечно, письмо отъ Глѣба, другому нечему быть. Такъ и есть.

— Получила отъ милаго дружка?—ласково спрашиваетъ онъ ее, слѣзая на землю.

— Получила!—отвѣчаетъ Варя,—безъ васъ уже второе.

Варя цѣлуетъ его. А въ глазахъ у нея грусть. Значитъ, думаетъ отецъ Серафимъ, читая письма, она груститъ по Глѣбѣ.

И онъ теперь началъ бояться своего предстоящаго сообщенія. Какъ онъ скажетъ ей? Пожалуй, радость будетъ такъ велика, что окажется ей не по силамъ.

И онъ все думаетъ о томъ, какъ бы лучше это сдѣлать и молчитъ до вечерняго чая. Подали самоваръ. Варя начала дѣлать чай.

— Ахъ, папа, какая досада,—промолвила она,—я забыла вамъ сказать, чтобъ вы купили чаю.

— А зачѣмъ?—какъ-то странно съ полуулыбкой спросилъ отецъ Серафимъ?—а?

— Да у насъ весь вѣдь вышелъ, какъ же мы будемъ безъ чаю?

— Э, пустое, мы въ Петербургѣ купимъ,—еще болѣе страннымъ тономъ отвѣтилъ отецъ Серафимъ. Варя начала хохотать. Съ чего это ему пришли въ голову такія странныя шутки?

— Вы, кажется, спите, папа, или у васъ бредъ. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ мы будемъ безъ чаю?

— Охъ-охъ-охъ!—простоналъ отецъ Серафимъ,—а нелегко это рѣшиться на такую штуку, какъ ты думаешь?

— О какой это штукѣ вы говорите?

— Да вотъ, насчетъ этого, чтобы въ Петербургъ поѣхать.

— Ну, ужъ этого я совсѣмъ не понимаю!

— Да что-жъ тутъ такого? развѣ это такъ трудно? Подать за штатъ, забрать денежки, а у насъ, слава Богу, онѣ есть, да и махнуть.

Варя смотрѣла на него съ недоумѣніемъ и изумленіемъ.

— Знаете, папа, это даже жестоко, такъ шутить со мной!—серьезно промолвила она.

— Правда, правда, дитя мое,—также очень серьезно согласился отецъ Серафимъ.—Не хорошо такъ шутить. Нѣтъ, ужъ я буду говорить какъ слѣдуетъ... Старъ я, служить больше не могу... Вотъ и пошелъ за штатъ.

— Папа?

— Не вѣришь?.. Ну, такъ вотъ, читай бумагу.

Онъ вынулъ изъ кармана бумагу и далъ ее Варѣ. Она читаетъ и не вѣритъ. Дѣйствительно бумага, и въ бумагѣ написано это слово: „за штатъ".

— Папа, что же это значитъ?

— Ну, то и значитъ, что написано... Такъ-то, Варенька, мое милое дитя! Ты вздумала скрывать отъ меня слезы и вздохи, а я все видѣлъ, ну, вотъ и придумалъ... Такъ вотъ же, ты укладывай вещи и вези старика въ самый Петербургъ. Ужъ такъ рѣшилъ, такъ рѣшилъ...

Варя не двигалась съ мѣста; лицо ея выражало страшное напряженіе, она никакъ не могла понять, что все это значитъ. Это невѣроятно!

Отецъ Серафимъ подошелъ къ ней и положилъ руку на ея голову.

— Варенька, я вовсе не шучу. Говорю тебѣ: я такъ рѣшилъ.

— Папочка! — промолвила она и въ ея глазахъ заблистали слезы.—Папочка!

— Для тебя, дитя мое, для тебя, единое мое родное дитя!

— Папа!..

Она бросилась къ нему на грудь и конвульсивно прижималась къ нему. Слезы катились изъ ея глазъ.

— Добрый, милый, славный... золотой мой отецъ!

И дальше она не могла говорить, а все прижималась къ нему и цѣловала его, а слезы все лились и она никакъ не могла унять ихъ.

— Ну, полно, полно,—говорилъ отецъ Серафимъ,—всю рясу мнѣ слезами испортила. Такъ вотъ, значитъ, все отъ тебя зависитъ; я и деньги перевелъ, и все... Значитъ только твои сборы, за ними задержка. Только вотъ библіотеку хочу взять съ собой... Это будетъ большой ящикъ. Рѣшилъ Гришѣ ее подарить...

— Я сейчасъ напишу объ этомъ Глѣбу,—сказала Варя.

— Нѣтъ не пиши, пусть онъ не знаетъ. Нѣтъ, писать не надо... А мы къ нему сюрпризомъ прибудемъ, невзначай. Онъ подумаетъ, что ангелы въ образѣ человѣка сошли на землю.

— Правда... не буду ему писать.

— А знаешь, кто все это сдѣлалъ? Вѣдь это Леонидъ, это онъ меня надоумилъ. Я рѣшилъ въ душѣ своей и передъ крестомъ пообѣщалъ, что какъ онъ скажетъ, такъ и будетъ, потому что самъ я запутался и никакъ распутаться не могъ. А онъ такъ прямо и сказалъ: подавайте, говоритъ, заштатъ и поѣзжайте, потому что дочь у васъ одна и все для нея надо сдѣлать...

— Милый Леонидъ Ивановичъ!

Варя въ порывѣ радости побѣжала во дворъ, отыскала Леонида и начала цѣловать его.

Начались сборы. Варя собиралась и дивилась этому и вещи вываливались у нея изъ рукъ. Дочь Леонида помогала ей. Составлялись одинъ за другимъ порядочной величины ящики и корзины.

Въ концѣ ноября пошли дожди. Дороги испортились, но это не пугало ни Варю, ни отца Серафима. Она жадно стремилась, а онъ безповоротно рѣшилъ. Онъ уже привыкъ къ мысли, которая еще такъ недавно казалась ему такой невѣроятной.

— Э,—говорилъ онъ,—не все ли равно, гдѣ жить и гдѣ помирать. Гдѣ любимые люди, тамъ и хорошо, а Богъ одинъ надъ всѣми и вездѣ, и приметъ духъ мой, гдѣ бы ни разстался онъ съ моимъ грѣшнымъ тѣломъ.

Наконецъ, былъ назначенъ отъѣздъ. Отецъ Серафимъ прощался съ прихожанами. Вся деревня собралась проводить стараго батюшку, съ которымъ въ теченіе многихъ лѣтъ сжилась, какъ съ роднымъ. Леонидъ смотрѣлъ сурово, изподлобья, но по его волосатымъ щекамъ катились слезы.

Варѣ тоже было грустно разставаться съ тѣми мѣстами, гдѣ у нея было столько дорогихъ воспоминаній. Здѣсь она родилась и выросла, а что всего дороже, здѣсь она ближе узнала Глѣба и слышала отъ него первое признаніе въ любви. Но грусть ея не могла выразиться съ сильнымъ напряженіемъ, этому мѣшало стремленіе, которое подгоняло ее впередъ скорѣе и скорѣе.

Къ вечеру они были въ городѣ. Варя зашла къ отцу Петру Смиренскому.

— Я пришла проститься съ вами?—сказала она матушкѣ.

— Какъ проститься? развѣ ты уѣзжаешь далеко?

— О, да, очень далеко,—отвѣтила Варя,—въ самый Петербургъ.

— Что ты, Богъ съ тобой!—воскликнула матушка.

— Да вѣдь вы же знаете! Глѣбъ вамъ говорилъ!

— Такъ какъ же отецъ Серафимъ рѣшается тебя отпустить?

— Папа тоже ѣдетъ со мной.

Матушка превратилась въ изумленіе.

— Отецъ Серафимъ ѣдетъ... Ну это ты сказки разсказываешь! вотъ ужъ этому-то я никогда не повѣрю.

— Но увѣряю васъ. Вотъ приходите завтра на пароходъ и увидите, какъ мы оба уѣдемъ. Неужели я стала бы васъ обманывать?

Тогда матушка съ искреннимъ восторгомъ кинулась ей на шею и начала обнимать ее.

— Да вѣдь это такъ и должно быть, конечно, конечно,—говорила она, сразу примирившись съ той самой мыслью, которая только что казалась ей невѣроятною.

Отецъ Серафимъ побывалъ и у отца Лаврентія, но здѣсь онъ былъ не вполнѣ откровененъ.

— Ѣду въ Кіевъ, а можетъ, и до Москвы доберусь, чтобы святынямъ тамошнимъ поклониться.

Онъ не хотѣлъ объяснять отцу Лаврентію все, чтобы не услышать излишнихъ восклицаній удивленія, недоумѣнія и такъ дальше.

— Да это такъ и будетъ,—говорилъ онъ Варѣ, какъ бы оправдываясь въ томъ, что ему пришлось сказать неправду:—мы и въ Кіевъ заѣдемъ и у московскихъ святынь побываемъ. Ужъ ты мнѣ должна сдѣлать эту уступку. И вѣдь немного времени займетъ все,—дня три-четыре лишнихъ.

И вотъ они уѣхали. Погода была сѣренькая, когда пароходъ отошелъ отъ пристани, и это было кстати,—жалѣть было не о чемъ, не было солнца, съ которымъ было бы жаль разставаться.

Дорога казалась Варѣ нестерпимо длинной и скучной. Она рвалась поскорѣе впередъ, но отцу Серафиму не показывала виду. Въ Кіевѣ она сопровождала его въ пещеры и ей доставляло какое-то особенное, мучительное наслажденіе останавливаться, медлить ради него, въ то время,

какъ каждую минуту она сознавала непобѣдимое желаніе поскорѣе ѣхать дальше. Онъ, въ свою очередь, понималъ, какая это была съ ея стороны жертва и старался какъ можно сократить свое пребываніе въ дорогѣ. Въ Москвѣ они посѣтили Кремль и съѣздили къ Троицѣ-Сергію.

— Не сердись, не сердись, Варенька!—успокоительно говорилъ ей отецъ Серафимъ,—это было бы грѣшно мнѣ, старому іерею, проѣхать мимо святынь и не поклониться имъ.

— О, папа, я такъ рада, что вы нашли хоть въ чемъ-нибудь удовольствіе въ этой поѣздкѣ.—И она не лгала, она видѣла, что онъ испытывалъ большое наслажденіе и радовалась этому.

— Ну, вотъ, значитъ ужъ это послѣдняя остановка! теперь ужъ прямо поѣдемъ!—сказалъ отецъ Серафимъ, садясь въ поѣздъ въ Москвѣ.

Въ Петербургѣ они, къ своему удивленію, нашли хорошую санную дорогу. На вокзалѣ ихъ какъ-то подхватили вмѣстѣ съ вещами и куда-то повезли, въ какую-то гостинницу, на Большой Морской. Они не возражали, потому что ничего не знали въ этомъ городѣ. Но имъ повезло. Гостинница оказалась хорошей: имъ дали чистый помѣстительный нумеръ въ двѣ комнаты.

Варя вся дрожала отъ внутренняго волненія. То, что она переживала, какъ вдругъ внезапно повернулась ея жизнь, походило на какую-то феерію. Она за дорогу похудѣла, глаза ея сдѣлались больше, но на лицѣ ея сіяла радость и отецъ Серафимъ видѣлъ, что эта худоба ничего дурного не означаетъ. Они пріѣхали утромъ. Варя, конечно, тотчасъ же начала выражать нетерпѣніе.

— Надо сейчасъ же послать къ Глѣбу,—говорила она,—вѣдь тутъ есть посыльные.

— Но куда? куда?—возражалъ отецъ Серафимъ,—онъ теперь въ университетѣ. Вотъ мы въ три часа пообѣдаемъ, а тамъ и махнемъ къ нему.

„Къ нему, къ нему!“ Эти слова откликались въ ея сердцѣ, какъ дивная музыка. Ей казалось, что она достигла высшаго счастья. Когда они ѣхали съ вокзала, она не видала Петербурга. Среди попадавшихся навстрѣчу пѣшеходовъ она старалась разсмотрѣть, не встрѣтитъ ли случайно его, и въ сущности она не видала ни одного лица. Отецъ Серафимъ прилегъ на диванѣ и уснулъ. Дорога утомила его, а она стояла у окна и все смотрѣла, не пройдетъ

ли мимо случайно знакомое лицо. Пробило три часа, имъ дали обѣдъ.

Глѣбъ въ этотъ день кончилъ занятія часа въ два и зашелъ въ кухмистерскую. Въ этотъ день онъ обѣдалъ. Въ три часа онъ былъ дома и испытывалъ глубокое уныніе, такъ какъ узналъ, что почтальонъ не принесъ письма отъ Вари; уже пятый день онъ ничего не получалъ отъ нея. Послѣднее письмо было очень грустно. Она писала, что скучаетъ невыносимо, что ей тяжело, и онъ теперь каждый день приходилъ домой съ ожиданіемъ, не случилось ли чего-нибудь съ нею, не больна ли она, наконецъ, не надоѣло ли ей скучать и она рѣшила забыть обо всемъ этомъ?

На урокъ онъ уходилъ обыкновенно въ шесть часовъ, а теперь сѣлъ за столъ и началъ писать письмо, полное нѣжныхъ укоровъ. Можно ли такъ забывать хорошаго друга? неужели не приходитъ въ голову, какъ онъ тревожится, томится, какіе ужасы возникаютъ въ его головѣ! Развѣ она хочетъ, чтобъ онъ бросилъ все и помчался туда, къ ней? Состояніе его духа было мучительно. Вѣдь письмо, которое онъ пошлетъ ей сегодня, будетъ идти три дня и столько же времени надо на отвѣтъ. Когда еще онъ узнаетъ, что тамъ дѣлается? Онъ давно уже не испытывалъ такой мучительной тоски.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

И. Потапенко.

АЛКОГОЛИЗМЪ И БОРЬБА СЪ НИМЪ.

«Алкоголь—это демонъ физическаго вырожденія, Пандоровъ ящикъ умственной деградаціи, злой геній нравственнаго извращенія. Помимо своего парализующаго дѣйствія на головной мозгъ и нервные центры, алкоголь измѣняетъ строеніе важныхъ для жизни органовъ, производитъ стойкія разстройства во многихъ другихъ тканяхъ и нарушаетъ большую часть физическихъ отправленій». (Kerr, «Пьянство, его причины, лѣченіе и судебно-медицинское значеніе», перев. подъ ред. пр. П. И. Ковалевскаго, 1889 г.).

Пьянство представляетъ безспорно одно изъ выдающихся бѣдствій человѣчества: дѣйствуя гибельно на умственный, нравственный и физическій складъ индивидуума, разрушая духовный и матеріальный строй семьи, и, что ужаснѣе всего, приводя потомство въ силу закона наслѣдственности къ пьянству же, преступности или сумасшествію,—оно, будучи притомъ распространено въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, является важнымъ соціальнымъ зломъ. Если мысль о вредѣ пьянства до извѣстной степени и распространена въ публикѣ, то, какъ мы полагаемъ, слишкомъ еще не популяренъ взглядъ, вполнѣ установленный наукой, что пьянство—это болѣзнь нервной системы, болѣзнь, имѣющая свою клиническую картину, обусловливающая опредѣленныя патолого-анатомическія измѣненія въ органахъ, имѣющая свою этіологію (причины) и, наконецъ, лѣченіе. Настоящій очеркъ посвящается обзору данной болѣзни и тѣхъ мѣръ, которыя предпринимаются нынѣ для борьбы съ ней *).

*) Литература по вопросу о пьянствѣ довольно обширна; наиболѣе обстоятельные обзоры по этому предмету читатель можетъ найти въ слѣдующихъ источникахъ, послужившихъ также и намъ матеріаломъ для даннаго очерка: *d-r Kerr*, Пьянство, его причины, лѣченіе и судебно-медицинское значеніе, пер. под. ред. проф. Ковалевскаго. 1889 г.—*Проф. Ковалевскій*, Пьянство, его причины и лѣченіе. 1889 г.—*Миноръ*, Къ вопросу о пьянствѣ и его лѣченіи. 1887 г.—*Миноръ*, Лѣченіе алкоголизма въ спеціальныхъ лѣчебницахъ. 1896 г.—

I.

Пьянство ведетъ свое начало со временъ глубокой древности, какъ о томъ свидѣтельствуютъ историческіе памятники.

За много вѣковъ до Р. Х., именно въ 1116 г., появился въ Китаѣ императорскій указъ, такъ-называемое «Извѣщеніе о пьянствѣ», въ которомъ указывается на сильное распространеніе среди китайцевъ пьянства, и предписывается воздержаніе отъ хмельныхъ напитковъ подъ угрозой даже смертной казни; разрушеніе государствъ, какъ говорится въ указѣ, слѣдуетъ приписать пьянству. Другой историческій памятникъ китайцевъ «Книга Поэзіи» также указываетъ на столь широкое распространеніе среди китайцевъ пьянства, что оно угрожало даже паденіемъ государства; напитки приготовлялись изъ злаковъ, и, надо полагать, спиртъ былъ извѣстенъ китайцамъ за много вѣковъ до появленія его въ Европѣ. Среди другого народа древности—древне-арійцевъ или индійцевъ за много вѣковъ до Р. Х., какъ видно изъ священныхъ книгъ древнихъ браминовъ, пьянство было также сильно распространено,—пили «сому», позднѣе «суру»—сокъ растенія съ водой, медемъ и ячменемъ. Весьма распространены были хмельные напитки и среди древнихъ персовъ; они употребляли, между прочимъ, такъ называемую «banga», приготовлявшуюся изъ cannabis sativa. У грековъ мы встрѣчаемъ уже виноградное вино, которымъ они упивались безъ мѣры: ихъ празднества въ честь Діонисія или Бахуса представляютъ безобразное пьянство со всевозможными эксцессами. Въ произведеніяхъ Гомера не мало удѣляется вниманія описанію пьянства.

Римляне вмѣстѣ съ цивилизаціей унаслѣдовали отъ грековъ также и злоупотребленіе виномъ. Плиній старшій подробно описы-

---

Брандтъ, Борьба съ пьянствомъ за границей и въ Россіи. 1897 г.—*Коровинъ*, Общественная борьба съ пьянствомъ въ связи съ устройствомъ лѣчебницъ для алкоголиковъ въ Англіи, Швейцаріи и Германіи. 1895 г.—*Шапиро*, Алкоголизмъ, см. Реальная энциклопедія медицинскихъ наукъ проф. Eulenburg'а и проф. Афанасьева.—*Проф. Мержеевскій*, Къ вопросу объ алкоголизмѣ, см. «Вѣстникъ Психіатріи» 1883 г.—*Проф. Янжулъ* см. «Вѣстникъ Европы» 1888 г. кн. 6 и 7.—*Проф. Крафтъ-Эбингъ*, Публичная лекція, см. «Медицина» 1890 г. № 14.—*Колпаковъ*, Къ вопросу объ алкоголизмѣ въ С.-Петербургѣ и о мѣрахъ общественной борьбы съ нимъ въ связи съ устройствомъ спеціальныхъ лѣчебницъ для алкоголиковъ. 1896 г. *Якубовичъ*, О пьянствѣ дѣтей и вліяніе вина на дѣтскій организмъ. 1894 г.—*Baer*, Der Alcoholismus. 1878 г.—*Baer* Die Trunksucht und ihre Abwehr. 1890 г.—*Näcke*, Der Alcohol als ätiologisches Moment bei chronischen Psychosen см. Der Irrenfreund 1895 г. № 3 и 4.—*Smith*, Die Alcoholfrage und ihre Bedeutung für Volkswohl und Volksgesundheit Eine Sozialmedizinische Studie für Aerzte und gebildete Laien. 1896 г.

ваетъ культуру виноградной лозы, способы приготовленія вина, котораго въ тѣ времена насчитывалось около 200 сортовъ *), и обстоятельно изображаетъ сильную распространенность пьянства среди римлянъ. Далѣе, кому неизвѣстны пиры императорскаго періода, такъ-называемые «Лукулловскіе», съ ихъ безпредѣльнымъ пьянствомъ и всевозможными излишествами? Пьянство, какъ всеобщій національный порокъ, часто служило темой для сатирика, философа, оратора.

Германцы, покорившіе Римъ, обладали уже въ то время своимъ національнымъ напиткомъ—пивомъ и притомъ предавались употребленію его съ такимъ усердіемъ, какъ видно изъ сочиненій Тацита, что римляне нерѣдко бывали обязаны успѣхамъ въ сраженіи именно пьянству своихъ противниковъ. Въ началѣ среднихъ вѣковъ появляются въ Германіи законы, преслѣдующіе пьянство; на борьбу съ этимъ зломъ выступаютъ проповѣдники, но цѣли не достигаютъ. Кромѣ пива, меда, разныхъ сортовъ винъ, виноградныхъ, яблочныхъ, грушевыхъ и пр., которыя обходились дешевле содержавшихъ ихъ бочекъ, появляется въ XIII в. въ Европѣ и водка. Въ началѣ, подъ названіемъ aqua vitae (вода жизни), она была лишь лѣчебнымъ средствомъ, но вскорѣ, какъ предметъ торгового оборота, получила громадное распространеніе. Зло начинаетъ принимать угрожающіе размѣры. Кромѣ законовъ, проповѣдей, появляются «ордены воздержанія», но всѣ эти средства оказываются слишкомъ недостаточными противъ сплошной эпидеміи пьянства. По словамъ проф. Янжула, во всѣхъ классахъ средневѣковаго общества, отъ высшихъ и до низшихъ, кутежъ и пьянство сдѣлались обыкновеннымъ времяпрепровожденіемъ, и въ XV и XVI вв. эта всенародная страсть къ пьянству достигла высшаго своего пункта: князья подавали плохой примѣръ своимъ подданнымъ, а потому всѣ предписанія и наказы закона по этому предмету становились безсмысленны и безполезны. Католическое духовенство, черное и бѣлое, ничѣмъ въ этомъ случаѣ, по своей невоздержности, не отличалось отъ мірянъ. Лучшіе виноградники и пивные заводы, а равно наиболѣе посѣщаемые погребки и пивныя принадлежали въ то время монастырямъ; сами разсадники просвѣщенія, германскіе университеты того времени, ревниво держались за привилегіи имѣть собственные погреба съ напитками, виномъ и пивомъ, безданно и безпошлинно, и профессора подавали студентамъ примѣръ невоздержанія». Реформаціи не подъ силу было

*) См. «Очерки исторіи естествознанія» Даннемана, «Міръ Божій», январь, 1897 г.

*

побороть такое сплошное зло. Въ 1541 г. Мартинъ Лютеръ пишетъ: «къ прискорбію, вся Германія зачумлена пьянствомъ; мы проповѣдуемъ и кричимъ противъ него, но это не помогаетъ... Каждая страна должна имѣть своего дьявола: нашъ нѣмецкій дьяволъ—добрая бочка вина, а имя ему—пьянство», а реформаторъ Меланхтонъ восклицаетъ: «мы, нѣмцы, пропиваемъ наше имущество, наше здоровье и самое царство небесное» *).

30-лѣтняя война, нанесшая, между прочимъ, сильный ударъ культурѣ винограда, и наступившій впослѣдствіи подъемъ умственнаго и вообще духовнаго уровня націи, привели къ уменьшенію этой сплошной эпидеміи въ Германіи.

Не будемъ подробно останавливаться на исторіи пьянства въ Англіи; скажемъ лишь, что средніе вѣка представляютъ и здѣсь, какъ въ Германіи, картину сплошного пьянства, и бѣдствіе это со всѣми своими послѣдствіями достигло особенно грандіозныхъ размѣровъ во всѣхъ слояхъ общества въ XVII и XVIII вв. и приняло угрожающій характеръ для страны. Тогда изданъ былъ такъ называемый Gin Act въ 1736 г.—законъ, доведшій, благодаря повышенію акциза и налога на право торговли спиртными напитками, цѣну бутылки водки до 7 шиллинговъ, т. е. до такой высоты, что законъ этотъ можно считать прямо запретительнымъ; за нарушеніе закона полагался не только штрафъ, но и тѣлесное наказаніе, данъ просторъ доносчикамъ. Интересно отмѣтить, что такіе строгіе законы оказались безсильными противъ народной

---

*) Сплошное пьянство того времени обрисовывается также въ студенческой пѣснѣ, помѣщенной въ средневѣковомъ сборникѣ «Carmina Clericorum»:

Bibit pauper et aegrotus,
Bibit exul et ignotus,
Bibit puer, bibit canus,
Bibit praesul et decanus,
Bibit soror, bibit frater,
Bibit avus, bibit mater,
Bibit iste, bibit ille,
Bibunt centum, bibunt mille,

т. е. «пьетъ бѣднякъ и больной, изгнанникъ и всякій оборванецъ, пьютъ мальчишки, пьютъ попы, пьютъ деканы и епископы; пьетъ сестра и братецъ, пьютъ дѣдушка съ мамашей; пьетъ и тотъ, и этотъ, пьютъ сотни, пьютъ тысячи».

Самъ Лютеръ платилъ не малую дань «нѣмецкому дьяволу» и свою благосклонность къ вину запечатлѣлъ въ знаменитой поговоркѣ:

«Wer liebt nicht Wein, Weib und Gesang,
Ist ein Narr sein Leben lang»,—

т. е. «кто не любитъ вина, женщинъ и пѣсенъ, тотъ болванъ на всю свою жизнь».

страсти: появилась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ тайная продажа водки, аптекаря усердно занялись продажей ея подъ видомъ разныхъ цѣлебныхъ средствъ; народъ стоялъ за торговцевъ и по своему расправлялся съ доносчиками и акцизными чиновниками; нарушителей закона заключали въ тюрьмы, ссылали, а пьянство нисколько не уменьшалось; Gin-Act пришлось спустя 7 лѣтъ отмѣнить. Уменьшеніе пьянства въ Англіи, послѣдовавшее лишь во второй половинѣ настоящаго столѣтія, находится, несомнѣнно, въ связи съ подъемомъ экономическаго и культурнаго уровня націи.

Если кинемъ взоръ на прошлое нашего отечества, то увидимъ, что и оно нисколько не отличается въ отношеніи пьянства отъ другихъ народовъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, передавая слова князя Владиміра посламъ: «Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того быти», въ древнихъ пѣсняхъ способность перепить другихъ представляетъ доблесть богатыря, послы наши изумляли заграницей своимъ обильнымъ употребленіемъ хмельныхъ напитковъ. До XVI вѣка у насъ пили по преимуществу пиво, медъ, вино, а въ XVI вѣкѣ быстро распространилась водка. Вмѣсто прежней корчмы, появляется «царевъ кабакъ», и съ тѣхъ поръ пьянство становится по истинѣ народнымъ бѣдствіемъ. Не мало, разумѣется, тому способствовали цѣловальники, которые прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы избавиться отъ наказанія за недоборы въ царской казнѣ, если они держали кабаки «на вѣру», или чтобы вернуть уплаченное въ казну, если брали вино «на отпускъ».

Хотя и предпринимались попытки уменьшить пьянство, хотя и мѣнялись способы продажи водки—то она монополизировалась правительствомъ, то отдавалась на откупъ, но все же пьянство оставалось по прежнему, и если многіе изъ отличавшихся въ прежнія времена пьянствомъ народовъ, какъ китайцы, индійцы, греки, потомки римлянъ, въ настоящее время до извѣстной степени избавлены отъ этого бѣдствія, то о нашемъ народѣ, къ глубокому сожалѣнію, сказать этого нельзя, равно какъ и о большинствѣ европейцевъ.

II.

Постараемся представить размѣры пьянства въ настоящее время, хотя сдѣлать это, за отсутствіемъ, какъ увидимъ далѣе, подлежащихъ критеріевъ, весьма затруднительно. Посмотримъ, какія суммы пропиваются ежегодно у насъ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ.

Въ Россіи выкурено безводнаго спирта *):

Въ 1890—1891	г.	31.322.000 ведеръ.
» 1891—1892	»	27.351.000 »
» 1892—1893	»	26.555.000 »
» 1893—1894	»	29.647.000 »
» 1894—1895	»	28.651.000 »

Если принять въ среднемъ 29.000.000 ведеръ, то, считая стоимость ведра безводнаго спирта вмѣстѣ съ акцизомъ въ 13 руб., получимъ около 380 милліоновъ руб., пропиваемыхъ ежегодно въ Россіи.

Въ Германіи въ теченіе года (1889—1890) было выпито водки 2.279.828 гектолитровъ на сумму 603.948.400 марокъ, пива—47.524.928 гектолитровъ стоимостью въ 1.425.747.840 марокъ и вина 3.352.899 гектолитровъ цѣною въ 335.289.900 марокъ, что въ общемъ составитъ сумму почти въ 2½ милліарда марокъ, т. е. на каждую душу 50 марокъ.

Англія расходуетъ въ среднемъ въ годъ на спиртные напитки громадную сумму въ 84 мил. фун. стерл.

Слѣдующая таблица показываетъ количество напитковъ, потребляемыхъ въ разныхъ государствахъ каждымъ жителемъ въ литрахъ:

	Безводн. спиртъ.	Пиво.	Вино.
Франція	7,7	2,2	94
Данія	6,2	33	1
Голландія	4,46	39	2
Бельгія	4,45	187	3
Германія	4,4	107,8	6,4
Австро-Венгрія	4,37	33	22
Россія	3,37	4,6	3
Швеція	3,25	11	1
Швейцарія	3,16	45	1
Великобританія съ Ирландіей. .	2,68	143,9	2
Соединенные Штаты	2,4	31,3	—
Финляндія	2,1	—	—
Норвегія	1,84	29,5	1
Италія	1,4	0,9	95

Судить, однако, по такимъ голымъ цифровымъ даннымъ о распространенности пьянства въ той или другой странѣ было бы черезчуръ ошибочно: Франція, напримѣръ, фигурирующая въ этой таблицѣ на первомъ мѣстѣ, по всестороннимъ наблюденіямъ, гораздо меньше подвержена этому недугу, чѣмъ, напримѣръ, Англія, занимающая десятое мѣсто, или Россія — седьмое мѣсто. Главная

*) Цифровыя данныя по этому вопросу мы приводимъ изъ произведенія Б. Ф. Брандта «Борьба съ пьянствомъ заграницей и въ Россіи».

суть дѣла не въ томъ, *сколько* выпивается круглымъ счетомъ за годъ хмельныхъ напитковъ каждымъ, а *какъ* они выпиваются: понемногу-ли ежедневно, или «рѣдко да мѣтко», какъ, напримѣръ, у насъ, въ Россіи. Большое значеніе имѣетъ также крѣпость употребляемаго напитка: водка, напримѣръ, гораздо вреднѣе пива или вина.

Нѣсколько болѣе вѣрными выразителями распространенности пьянства въ данномъ государствѣ могутъ служить такого рода статистическія данныя: въ Германіи, напримѣръ, въ 1889 г. половина преступленій противъ личности и значительная часть преступленій противъ имущества совершены пьяницами; тамъ же отъ 50 до 90% бродягъ и нищихъ доведены до этого положенія пьянствомъ; около 80% содержащихся въ рабочихъ домахъ—пьяницы. Въ Англіи, приблизительно, ³/₄ преступленій совершены благодаря все тому же недугу; аналогичные факты мы видимъ и въ другихъ государствахъ.

Не менѣе яркія данныя для сужденія о распространенности и гибельности пьянства даетъ намъ статистика душевнобольныхъ: въ прусскихъ домахъ для умалишенныхъ 23%, а, если считать только мужчинъ, то 40% (!) обязаны своей болѣзнью пьянству.

Отъ 8 до 12% самоубійствъ, считая въ разныхъ странахъ, совершается алкоголиками. Случаи замерзанія, драки съ увѣчьями и даже смертными исходами обыкновенно обязаны своимъ происхожденіемъ пьянству. Среднее годичное число умирающихъ въ Европейской Россіи отъ опоя составляетъ 5.603 случая, т. е. около двухъ смертей на тысячу общей годичной смертности.

Если эти голыя цифры сами по себѣ уже производятъ удручающее впечатлѣніе, то во сколько разъ оно должно усилиться, когда представимъ себѣ, что всѣ эти алкоголики-преступники, сумасшедшіе, самоубійцы, оставляютъ послѣ себя потомство, надъ головой котораго виситъ, какъ Дамокловъ мечъ, въ силу неизбѣжнаго закона наслѣдственности, ужасный рокъ—стать сумасшедшимъ, преступникомъ или алкоголикомъ. А что приходится переиспытать всей семьѣ, глава которой пьяница, сколько безъисходной нужды, сколько безпредѣльныхъ нравственныхъ мукъ!

III.

Что же собственно представляетъ пьянство — порокъ или болѣзнь?

Отвѣтить на такой вопросъ однимъ словомъ невозможно: пьянство—понятіе собирательное; сюда относится и однократное

опьяненіе (т. е. преходящее алкогольное отравленіе), опьяненіе повторное, но обусловливаемое собственно порочностью даннаго лица, и, наконецъ, опьяненіе (хроническое или періодическое), столь же неизбѣжное, какъ, выражаясь фигурально, отклоненіе магнитной стрѣлки; человѣкъ и алкоголь въ такихъ случаяхъ составляютъ какъ бы одно цѣлое—стремленіе перваго ко второму ничѣмъ неудержимо. Въ такомъ именно случаѣ пьянство — болѣзнь. Замѣтимъ здѣсь кстати, что подъ понятіемъ «пьянство» разумѣютъ не только опьяненіе отъ спирта, но и отъ многихъ другихъ наркотическихъ веществъ (эфиръ, опій, морфій, хлороформъ, кокаинъ и пр.).

Въ виду неопредѣленности выраженія «пьянство», слѣдовало бы лучше, какъ предлагаетъ д-ръ Керръ, подразумѣвая болѣзнь, употреблять терминъ «наркоманія» (т. е. болѣзненное стремленіе къ наркотикамъ вообще) и «алкоголизмъ» (къ спирту въ частности). Насъ будетъ занимать въ данномъ очеркѣ исключительно алкоголизмъ.

Можно ли въ настоящее время сомнѣваться въ томъ, что алкоголизмъ—болѣзнь? Нѣтъ, это болѣзнь нервной системы точно такая же, какъ и другія болѣзни,—болѣзнь, въ значительной степени изученная, имѣющая свою клиническую картину, свои патолого-анатомическія особенности, свою этіологію (причины) и наконецъ, лѣченіе, дающее, къ счастью, довольно значительный процентъ выздоровленій.

Наиболѣе удачно опредѣленіе алкоголизма, данное д-ромъ Керромъ, именно—это «конституціональная болѣзнь, характеризующаяся крайне выраженнымъ болѣзненно-неудержимымъ побужденіемъ къ употребленію алкоголя и неотвратимой къ нему жаждой». Итакъ, слѣдуетъ замѣтить, что алкоголизмъ заключается уже въ самомъ болѣзненномъ стремленіи къ алкоголю и что удовлетвореніе этого стремленія можетъ и не привести къ опьяненію, ибо нерѣдко алкоголики пьютъ и не пьянѣютъ, между тѣмъ, какъ, напротивъ, весьма часты случаи опьяненія безъ болѣзни алкоголизма. Нужно въ данномъ случаѣ не смѣшивать сущности съ слѣдствіемъ, какъ, напримѣръ, при такъ называемомъ ударѣ или параличѣ сущность болѣзни не въ томъ, что больной не можетъ поднять руки, ноги, произносить словъ, а въ томъ, что разрывается кровеносный сосудъ мозга, и кровь, изливаясь въ мозгъ, нарушаетъ функцію послѣдняго.

Обыкновенно, наступленію вполнѣ выраженной картины алкоголизма предшествуютъ такъ называемыя продромальныя явленія (т. е. предвѣстники). Они заключаются въ явленіяхъ нейра-

стеніи и притомъ—именно алкогольной нейрастеніи, которую характеризуютъ: недомоганіе, раздражительность и быстрая утомляемость, холодныя конечности и горячая голова, нарушенное питаніе, головокруженіе, безсонница, недостатокъ вниманія, ослабленіе памяти, умственная тупость, эпилептиформные симптомы и пр. Далѣе, характерно для алкогольной нейрастеніи непреклонное стремленіе къ алкоголю или вообще къ наркотическимъ веществамъ, чтобы побороть свое умственное или физическое безсиліе. Начиная такимъ образомъ съ желанія поддержать въ себѣ энергію, бодрость, такіе нейрастеники становятся истыми наркоманами — ихъ жизнь становится немыслимой безъ наркотическихъ.

Въ этомъ продромальномъ періодѣ появляются нерѣдко своеобразныя странности: такъ, иной, лишь только начинаетъ понемногу пить, становится страстнымъ любителемъ лошадей, и эта страсть исчезаетъ, когда онъ перестаетъ пить; другой набираетъ къ себѣ пріемышей; третій начинаетъ массами принимать пилюли безъ всякой надобности; четвертый испытываетъ влеченіе къ испорченной пищѣ, и т. п.

Интересно, что, при извѣстномъ предрасположеніи къ алкоголизму (унаслѣдованномъ или пріобрѣтенномъ), бываетъ иногда состояніе полнаго опьяненія безъ употребленія хмельныхъ напитковъ. Такъ, одинъ банкиръ, сынъ алкоголика, ѣхалъ въ поѣздѣ, потерпѣвшемъ крушеніе; физическихъ послѣдствій онъ не получилъ никакихъ, а нравственный шокъ, въ видѣ совершеннаго опьяненія, продолжавшагося нѣсколько часовъ: его движенія, мимика, рѣчь по произношенію и содержанію представляли картину опьяненія; такое состояніе повторялось съ нимъ и впослѣдствіи подъ вліяніемъ дѣловыхъ неудачъ и семейныхъ невзгодъ. Другой примѣръ: адвокатъ, 44 лѣтъ, совершенно трезвый труженикъ, дѣлается сразу пьяницей послѣ того, какъ въ него ударила молнія, и чрезъ 3 года умираетъ отъ бѣлой горячки (мать его злоупотребляла алкоголемъ). Извѣстны и такіе случаи опьяненія безъ употребленія напитковъ: бывшій алкоголикъ, напримѣръ, становится дѣятельнымъ членомъ общества трезвости, и вотъ такой субъектъ, произнося горячую рѣчь противъ пьянства и увлекаясь изображаемой имъ картиной пьянства и вызываемыхъ имъ послѣдствій, становится къ концу рѣчи пьянымъ. Иногда бываетъ, что дѣти рождаются въ состояніи опьяненія, если родители ихъ были пьяницами.

Изображенный нами продромальный періодъ болѣзни, по Crothers'у, представляетъ патологическія условія мозга и нервовъ, сильно предрасполагающія къ пьянству, подготовляя почву и по-

рождая побужденія, развивающія пьянство по самымъ ничтожнымъ импульсамъ. Такимъ импульсомъ для перехода алкоголизма изъ періода продромальнаго въ вполнѣ выраженную болѣзнь можетъ быть: физическое повреждeніе, нравственное потрясеніе, болѣзнь, быстрая потеря крови и т. п.—обстоятельства, уменьшающія устойчивость организма, физическую или нравственную.

Переходъ продромальнаго періода въ періодъ вполнѣ выраженнаго алкоголизма даетъ слѣдующая картина, мастерски набросанная проф. П. И Ковалевскимъ; она вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ картину перехода отъ употребленія алкоголя, какъ вкусоваго и возбуждающаго вещества, къ болѣзни—алкоголизму. «Вначалѣ человѣкъ пьетъ рюмку передъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ; при этомъ онъ чувствуетъ, какъ по его организму разливается тепло, довольство и наслажденіе. Онъ испытываетъ прекрасный аппетитъ, хорошее настроеніе духа, бодрость и энергію. Такъ длится дѣло годы. Пускай человѣкъ не выпьетъ рюмки водки передъ завтракомъ! При этомъ аппетитъ его не тотъ, онъ пьетъ мало, ѣда не доставляетъ удовольствія, онъ не въ духѣ. Его духъ теперь тѣсно связанъ съ спиртнымъ духомъ. Его хорошее настроеніе, довольство и энергія живутъ въ алкоголѣ. Чтобы быть цѣльнымъ человѣкомъ, ему нужно добавленіе въ видѣ рюмки водки. Такимъ образомъ, въ силу привычки, въ силу повторности ощущеній, алкоголь сталъ для этого человѣка частицею его существа, безъ котораго онъ уже не цѣльный человѣкъ. Это пьяница? Нѣтъ. Почему? Потому, что онъ еще не безобразничаетъ и только. Но по существу онъ уже пьяница, онъ уже дефективный человѣкъ. Онъ уже не можетъ существовать безъ частицы алкоголя. Правда, его дефектъ ничтоженъ, его дефектъ не можетъ служить и намекомъ на болѣзнь; но кто желаетъ быть безпристрастнымъ, тотъ долженъ согласиться, что этотъ прекрасный гражданинъ, примѣрный семьянинъ и во всѣхъ отношеніяхъ достойный подражанія человѣкъ уже начинаетъ проявлять дефективность. Но время идетъ. Жизнь далеко не сладка и не гладка каждому изъ насъ. Масса шиповъ и терній устилаетъ нашъ жизненный путь. Разъ такой человѣкъ приходитъ къ завтраку усталый, огорченный, разбитый. Одна рюмка водки уже не даетъ ему прежней энергіи. Онъ не имѣетъ прежняго аппетита. Онъ ѣстъ машинально. По предложенію жены онъ выпилъ вторую рюмочку. Слава Богу. Эта рюмочка нейтрализовала огорченіе. Въ нѣсколько минутъ организмъ вошелъ въ свою колею. Прежнее довольство, энергія и жизнь возвратились гражданину. Онь бодро смотритъ на непріятность и голова его поднялась вверхъ. Благо. Что зна-

чить еще одна рюмочка. Съ завтра онъ уже пьетъ по двѣ рюмочки передъ завтракомъ. Дефектъ увеличивается. Плюсъ къ цѣльному существу тоже увеличивается. А годы идутъ. Непріятности не подаютъ. Борьба уже заплатаннаго организма еще больше его подрываетъ. И чѣмъ больше организмъ подрывается, тѣмъ больше онъ чинится, а, къ несчастью, чѣмъ больше онъ чинится, тѣмъ больше онъ разрушается, ибо это уравновѣщивающее энергію начало, эта искусственно вводимая мощь въ сто кратъ гибельнѣе для организма, чѣмъ всѣ другія непріятности. Такъ человѣкъ примѣрный самъ себя сожигаетъ. Мало-по-малу онъ прибавляетъ рюмочку къ рюмочкѣ и... становится пьяницей. Сначала онъ пьетъ потому, что ему это нужно, а потомъ — потому, что онъ безъ этого уже не можетъ быть. Ничтожно дефективный человѣкъ становится сильно дефективнымъ человѣкомъ или горькимъ пьяницей. И это человѣкъ ровный, энергичный, работающій равномѣрно и обладающій сильнымъ самообладаніемъ. Пригрѣвъ змѣю сознательно, онъ безсознательно палъ ея жертвою. Бывши совершенно здоровымъ, онъ теперь сталъ больнымъ—пьяницей. Но это его личная болѣзнь. А потомство? У этого трезваго, ровнаго и воздержаннаго человѣка потомство унаслѣдуетъ пьянство. Не въ правѣ ли мы воскликнуть вмѣстѣ съ Beard'омъ «Resist the beginnings of evil» *).

Посмотримъ теперь, какъ проявляется вполнѣ выраженная форма алкоголизма. Замѣтимъ, что не слѣдуетъ смѣшивать болѣзней, являющихся *послѣдствіемъ* алкоголизма, какъ, напр., delirium tremens (бѣлая горячка) и др., съ собственно алкоголизмомъ, болѣзнью, характеризующейся неудержимымъ стремленіемъ къ алкоголю.

Алкоголизмъ различаютъ *хроническій* и *періодическій*; первая форма длится рядъ лѣтъ или всю жизнь, вторая проявляется періодическими приступами, продолжающимися нѣсколько дней или недѣль, за которыми слѣдуютъ болѣе или менѣе продолжительные свѣтлые промежутки; эта вторая форма извѣстна, какъ запой или *дипсоманія*.

Хроническій алкоголизмъ уродуетъ весь духовный и физическій складъ человѣка и послѣдовательно приводитъ его даже къ слабоумію; прежде всего это выражается въ нравственномъ паденіи человѣка; «особенно характерно,—какъ говоритъ д-ръ Керръ, — вліяніе его (алкоголизма) на нравственный складъ. Одною изъ наиболѣе отличительныхъ чертъ, какъ привычнаго, такъ и пе-

*) Противься злымъ искушеніямъ.

ріодическаго пьянства, является замѣчательное равнодушіе пьяницы къ истинѣ. Въ этомъ отношеніи женщины превосходятъ даже мужчинъ. Я видѣлъ лэди, которыя, будучи пойманы, такъ сказать, на мѣстѣ преступленія, въ моментъ, когда онѣ выпускали изъ рукъ только-что опорожненный стаканъ, спокойно и торжественно отвергали, что онѣ прикасались къ этому стакану. Употребленіе алкоголя, повидимому, разстраиваетъ воспріятіе истины, сознаніе которой почти совершенно утрачивается жертвами Бахуса. Это свойство мозга сохраняется даже въ моменты трезвости и мы не можемъ поэтому придавать ни малѣйшей вѣры заявленіямъ субъекта, существо котораго изуродовано подъ вліяніемъ алкоголя». Далѣе—взамѣнъ добрыхъ, высшихъ началъ, начинаютъ рѣзко выступать грубо-эгоистическія наклонности: такъ, религіозность человѣка падаетъ, семейныя привязанности глохнутъ, интересъ къ общественнымъ вопросамъ, къ искусству совершенно атрофируется; всѣ интересы алкоголика, всѣ стремленія сосредоточиваются на одной лишь водкѣ; для добыванія ея пускаются въ ходъ всякія средства: обманъ, кража, мошенничество, насиліе. Изъ человѣка вполнѣ благопристойнаго получается типъ кабацкаго завсегдатая, дерзкаго, наглаго; жена, дѣти, весь трагизмъ ихъ положенія, — все это становится совершенно безразличнымъ для алкоголика. На ряду съ этими дефектами въ духовной сферѣ, обнаруживаются признаки и со стороны соматической: головокруженіе, шумъ въ ушахъ, тошнота, дрожаніе рукъ и ногъ, ощущеніе ползанія мурашекъ; постепенно развиваются глубокія, стойкія измѣненія во всемъ организмѣ, причемъ ни одинъ почти органъ не бываетъ пощаженъ. Память слабѣетъ въ рѣзкой степени, появляются галлюцинаціи зрѣнія, слуха, подъ вліяніемъ которыхъ возможно даже убійство; на сцену выступаютъ картины бредовыхъ идей — бредъ преслѣдованія, бредъ величія и особенно ревности и т. п. Все это сильнѣе и сильнѣе уродуетъ духовную сторону несчастнаго, и если смерть не наступила на почвѣ перерожденныхъ органовъ, то онъ впадаетъ въ полное отупѣніе, слабоуміе—состояніе, гдѣ уже нѣтъ и слѣда человѣческаго образа, а вмѣсто него лишь бездушная масса съ исключительно животными отправленіями.

Представлю здѣсь одну изъ картинокъ съ натуры хроническаго алкоголизма, изображаемыхъ д-ромъ Керромъ. «Случай относится къ выдающемуся литератору, замѣчательному джентльмену, любящему и преданному сыну, нервнаго темперамента, безъ явной наслѣдственности. Онъ былъ до извѣстной степени воздержанъ до 26 лѣтъ, но съ этого времени, вслѣдствіе неудачи въ любви,

сильно на него подѣйствовавшей, началъ пить. Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ онъ сдѣлался привычнымъ пьяницей. Параллельно съ развитіемъ пьянства измѣнялся и характеръ его. Меньше чѣмъ чрезъ 12 мѣсяцевъ онъ представлялъ картину, безнадежнѣе которой я никогда не встрѣчалъ. Платья, драгоцѣнности, книги, словомъ, все, что попадалось ему въ руки, его ли, чужое ли, тотчасъ пропивалось. Всѣ усилія повліять на него, отъ кого бы они ни исходили, оказались тщетными. Только три раза оставался онъ трезвымъ, и это случилось, когда острая, случайная болѣзнь абсолютно приковала его къ постели и когда онъ лежалъ неподвижный, между жизнью и смертью. Но и въ этомъ случаѣ ему удалось обмануть бдительность друзей и пользовавшаго врача и достать контрабанднымъ путемъ немного водки, частью хитростью, частью подкупомъ. Онъ умеръ на 34 году такъ, какъ умираютъ миріады одержимыхъ пьянствомъ. Во время этой болѣзни вся натура его, казалось, радикально измѣнилась. Нѣкогда любящій и послушный сынъ, неоднократно билъ свою мать и даже пытался умертвить ее. Нѣкогда счастливый и добродушный литераторъ, выродился въ придирчиваго, суроваго, недовольнаго и эгоистичнаго пьяницу. Потребность пить постепенно росла въ этомъ случаѣ и пріобрѣла, наконецъ, такую силу, что овладѣла всѣмъ существомъ его. Все, что нѣкогда было дорого ему, принесено въ жертву удовлетворенію болѣзненнаго импульса, который сталъ непобѣдимъ и прекратился лишь съ преждевременною смертью. Онъ не разъ говорилъ мнѣ, что, если бы бездна разверзлась между нимъ и стаканомъ водки, онъ и тогда пытался бы достать этотъ стаканъ». Неужели кто-либо рѣшится признать такого, напримѣръ, человѣка порочнымъ, а не больнымъ?

Обратимся теперь къ *періодическому алкоголизму*, *запою*, *дипсоманіи*. Эта форма, какъ извѣстно, характеризуется приступами пьянства, повторяющимися періодически, съ свѣтлыми промежутками; приступъ дипсоманіи имѣетъ, какъ и эпилепсія, напримѣръ, цѣлый рядъ предвѣстниковъ: грусть, угрюмость, такъ-называемая предсердечная тоска, головная боль, общее недомоганіе, боязливость, безпокойство, ворчливость, обидчивость, подозрительность и, въ заключеніе, неудержимое стремленіе къ алкоголю, и, если ихъ не удовлетворить въ данный моментъ, то больные унижаются, пресмыкаются и, наконецъ, начинаютъ неистовствовать, буйствовать, и способны на всѣ возможныя преступленія—убійство, поджогъ и т. п. Продолжительность періода предвѣстниковъ различна: иногда нѣсколько часовъ, иной разъ нѣсколько дней, иногда же этотъ періодъ едва выраженъ, и стремленіе къ алкоголю является

почти внезапно. Наиболѣе тяжела бываетъ картина предвѣстниковъ у давнихъ пьяницъ и людей, занимающихся умственнымъ трудомъ; говорятъ, что періодъ предвѣстниковъ продолжительнѣе у тѣхъ, кто въ промежуткахъ между приступами совсѣмъ не употребляетъ спиртныхъ напитковъ, и чѣмъ продолжительнѣе періодъ предвѣстниковъ, тѣмъ и самъ приступъ запоя бываетъ продолжительнѣе.

Ужасно трагично подчасъ бываетъ психическое состояніе алкоголиковъ въ періодъ предвѣстниковъ: они сознаютъ наступающую грозу, но у нихъ нѣтъ силъ отъ нея укрыться; иногда въ такомъ состояніи они возводятъ на себя вымышленныя преступленія, желая добиться тюрьмы, чтобы быть оторванными отъ алкоголя.

Если больной во время приступа запоя выпиваетъ хотя бы и немного алкоголя, онъ тотчасъ преображается: становится довольнымъ, покойнымъ, приличнымъ и даже способнымъ къ работѣ, но... не на долго; чрезъ 1/4 часа или болѣе снова жажда пить, и т. д. Такъ дѣло тянется 3—10 дней, больной, наконецъ, пресыщается алкоголемъ, онъ становится ему отвратительнымъ, и тогда больной перестаетъ пить. Начинаютъ затѣмъ рѣзко выступать на сцену послѣдствія приступа запоя: безсонница, тоска, безпокойство, отчаяніе, галлюцинаціи, иногда попытки самоубійства. Этотъ послѣдній періодъ продолжается 1—4 дня, и тогда наступаетъ свѣтлый промежутокъ въ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ. Часто больной совершенно не помнитъ происходившаго съ нимъ во время приступа запоя.

Что касается свѣтлаго промежутка, то и тутъ человѣкъ далеко не вполнѣ нормаленъ, особенно чѣмъ больше онъ перенесъ приступовъ: его духовная и тѣлесная сферы все болѣе и болѣе калѣчатся, и въ концѣ концовъ онъ доходитъ до слабоумія. Даже во время такъ называемыхъ свѣтлыхъ промежутковъ слухъ и зрѣніе притупляются, появляется раздражительность, боязливость, тоска, подавленность; нравственная сторона такого человѣка особенно страдаетъ: теряется чувство долга и чести, вмѣсто нихъ эгоизмъ, цинизмъ, нахальство, всевозможныя порочныя наклонности; мыслительная сторона атрофируется, память слабѣетъ и т. п.

Иногда дипсоманія переходитъ въ хроническій алкоголизмъ иногда наоборотъ—хроническая форма становится запойной.

Не буду здѣсь изображать картины бѣлой горячки (delirium tremens), въ общихъ чертахъ знакомой и не врачамъ; скажу лишь что это одна изъ душевныхъ болѣзней, развивающихся на почвѣ алкоголизма и ошибочно ставить ее въ связь съ прекращеніемъ

употребленія алкоголя, какъ прежде думали. Она можетъ проявиться какъ во время пьянства, такъ и вскорѣ послѣ прекращенія его, и это будетъ лишь простымъ совпаденіемъ обстоятельствъ.

Представивъ, такъ сказать, клиническую картину алкоголизма, т. е. разобравъ тѣ симптомы, которыми болѣзнь проявляется, посмотримъ, какія измѣненія встрѣчаются на трупахъ умершихъ алкоголиковъ, иначе говоря, каковы патолого-анатомическія измѣненія.

Алкоголь не щадитъ ни одного важнаго органа человѣческаго тѣла—въ каждомъ производитъ глубокія патологическія измѣненія, да и не мудрено: такой ядъ, какъ спиртъ, всасываясь, изъ желудка и кишекъ, попадаетъ въ кровеносную систему, циркулируетъ по всему организму, по всѣмъ его органамъ и, естественно, долженъ гибельно подѣйствовать на нихъ, особенно, если количество его значительно или появленіе его въ крови повторяется часто. Безъ преувеличенія можно сказать, что ни одинъ органъ не бываетъ пощаженъ у алкоголиковъ. Такъ, въ оболочкахъ *головнаго мозга* замѣчается гиперемія (приливы крови) и ограниченныя кровоизліянія вслѣдствіе хрупкости сосудовъ; далѣе—сращеніе мозговыхъ оболочекъ съ тканью мозга; мозговыя извилины нерѣдко уплощены, а соединительная ткань избыточно развита; подобныя же измѣненія замѣчаются и въ спинномъ мозгу.

Весь *пищеварительный* путь пораженъ. Слизистая оболочка пищевода покраснѣвшая, припухшая, иногда изъязвлена. Желудокъ увеличенъ у злоупотребляющихъ пивомъ или уменьшенъ у злоупотребляющихъ крѣпкими напитками, слизистая его оболочка красна, утолщена, изъязвлена; железы его закупорены, измѣнены; мышечный слой утолщенъ; понятно, при такомъ желудкѣ у алкоголиковъ бываетъ тошнота, изжога, отрыжка, потеря аппетита, рвота и т. п. Аналогичныя же, но въ болѣе слабой степени, измѣненія имѣются также и въ кишечникѣ.

Особенно сильно поражается *печень,* въ особенности при употребленіи крѣпкихъ спиртныхъ напитковъ; сперва бываетъ переполненіе ея кровью, а затѣмъ усиленное разростаніе соединительной ткани, благодаря наклонности которой къ сморщиванію, печень уменьшается въ объемѣ, послѣдствіемъ чего является водянка (переполненіе брюшной полости жидкостью), геморроидальныя кровотеченія и увеличеніе селезенки; печеночныя клѣтки распадаются, жирно перерождаются.

Сердце и вообще *кровеносная система* подвергается рѣзкимъ патологическимъ измѣненіямъ. Сердце значительно увеличивается

въ размѣрахъ, какъ насчетъ толщи самихъ стѣнокъ (гипертрофія), такъ и насчетъ увеличенія полостей его (расширеніе сердца), что особенно рѣзко выражено у пьющихъ много пива; мускулатура его подвергается жировому перерожденію, нерѣдко сердечные клапаны также поражаются; такимъ образомъ, получается картина полнаго разстройства сердечной дѣятельности, грудная жаба, сердечная астма. Сосудистая система подвергается такъ называемому атероматозному перерожденію: сосуды теряютъ свою эластичность, въ ихъ стѣнкахъ отлагаются известковыя соли, они становятся твердыми на ощупь, хрупкими и легко разрываются; нерѣдко развиваются аневризмы (расширеніе сосудовъ).

Дыхательные органы поражаются въ значительной степени: слизистая оболочка ихъ переполняется кровью, развиваются катарры гортани (отсюда обычный хриплый голосъ пьяницъ), бронховъ, а катарры эти, вызывая постоянно кашель, приводятъ къ расширенію легкихъ (эмфизема) и предрасполагаютъ къ заболѣванію воспаленіемъ легкихъ, которое у алкоголиковъ принимаетъ весьма опасный характеръ и нерѣдко сопровождается бѣлой горячкой.

Почки, выводящія изъ организма значительную часть выпиваемаго алкоголя, весьма естественно, подвергаются рѣзкимъ и опаснымъ для жизни измѣненіямъ. Почечные элементы жирно перерождаются, соединительная ткань разростается и сморщивается; столь рѣзко измѣненный органъ, конечно, становится неспособнымъ выполнять свою функцію—выдѣлать накопляющіяся въ крови вредныя и опасныя для жизни вещества.

Не будемъ перечислять измѣненій въ другихъ органахъ, отмѣтимъ лишь, что общее питаніе алкоголиковъ, естественно, должно сильно страдать: они анемичны, предрасположены къ заболѣваніямъ, организмъ ихъ не въ состояніи бороться съ разными инфекціонными болѣзнями. Мышцы ихъ дряблы, даже кости становятся хрупкими и отъ незначительныхъ насилій подвергаются переломамъ.

IV.

Обратимся теперь къ этіологіи алкоголизма, т. е. къ тѣмъ причинамъ, которыя вызываютъ данную болѣзнь.

Различаютъ причины *предрасполагающія* къ заболѣванію и *вызывающія* его. Къ предрасполагающимъ прежде всего должна быть отнесена *наслѣдственность*. Еще Аристотель говорилъ, что «пьяная женщина рождаетъ подобныхъ себѣ дѣтей». Насколько

велика сила закона наслѣдственности въ данномъ случаѣ, можно судить потому, что насчитываютъ отъ 50% до 80% наслѣдственныхъ алкоголиковъ. Crothers считаетъ 60% алкоголиковъ, обязанныхъ своей болѣзнью наслѣдственности, а изъ остальныхъ 40% въ 25% причиной являются душевныя потрясенія и физическія болѣзни, въ 10%—внѣшнія неблагопріятныя условія и лишь въ 5% причина не можетъ быть выяснена.

Различаютъ наслѣдственность *прямую*, *посредственную* и *смѣшанную*. *Прямая*—если у алкоголика родители, а иногда и болѣе отдаленныя поколѣнія были также алкоголиками; *посредственная*—если между даннымъ алкоголикомъ и кѣмъ-либо изъ его предковъ алкоголиковъ имѣются поколѣнія нервно и душевно-больныхъ, и, наконецъ, *смѣшанная* форма наслѣдственности, если отъ душевно-больныхъ родителей являются дѣти алкоголики. Съ другой стороны, весьма распространено явленіе, что дѣти алкоголиковъ наслѣдуютъ отъ родителей не данную именно форму болѣзни (алкоголизмъ), а другія нервныя и душевныя болѣзни на ряду съ очень хилой тѣлесной организаціей.

Если зададимъ себѣ вопросъ, кто изъ родителей, отецъ или мать, играетъ бóльшую роль въ вопросѣ о наслѣдственности, то слѣдуетъ отвѣтить: мать. Отецъ оказываетъ свое вліяніе лишь въ моментъ зачатія, между тѣмъ какъ мать продолжаетъ оказывать вліяніе на развивающійся плодъ во все время его утробной жизни.

Обратимся теперь къ другимъ предрасполагающимъ къ алкоголизму причинамъ.

Полъ. Алкоголизмъ гораздо распространеннѣе среди мужчинъ, чѣмъ среди женщинъ, и отношеніе первыхъ ко вторымъ приблизительно, какъ 5 : 1.

Возрастъ. По статистическимъ даннымъ Америки и Англіи наиболѣе часто заболѣваніе алкоголизмомъ въ возрастѣ между 25 и 45 годами, и особенно между 30 и 40 годами, но отъ этой ужасной болѣзни не избавлены и дѣти самаго нѣжнаго возраста. Керръ говоритъ: «Въ послѣдніе годы на свѣтъ появляется еще болѣе тяжелое пьянство въ нѣжномъ возрастѣ дѣтства и юношества. Мальчики отъ 7 лѣтъ и выше лѣчились отъ delirium tremens, а случаи повторнаго опьяненія встрѣчались въ еще болѣе раннемъ періодѣ жизни. Я встрѣчалъ проявленіе пьянства, какъ болѣзни, даже у маленькихъ дѣтей; ребенку даютъ маленькую дозу алкоголя и онъ отъ этого вполнѣ пьянѣетъ. Эксцессъ у этихъ дѣтей является, какъ сказать, внезапно. Лятентная (скрытая) склонность къ пьянству имѣлась раньше и уже гло-

токъ опьяняющаго вещества вызываетъ скрытую болѣзнь. Не мало дѣтей, даже въ двухлѣтнемъ возрастѣ, послѣ разъ принятаго крѣпкаго напитка, обнаруживаютъ жажду къ нему и, разъ его попробовавъ, требуютъ ежедневно дальнѣйшихъ его повтореній и умираютъ, истощенные и изможденные въ годъ, два и быстрѣе». «Во Франціи,—говоритъ далѣе Керръ,—обычай давать дѣтямъ вино къ завтраку и обѣду не мало способствовалъ распространенію пьянства между дѣтьми».

Если обратимся къ *религіи*, то оказывается, что алкоголизмъ наиболѣе распространенъ между христіанами, гораздо меньше между буддистами, браминами и магометанами, а среди іудеевъ почти вовсе не встрѣчается; очевидно, исповѣдуемое тѣмъ или другимъ лицомъ религіозное ученіе оказываетъ значительное вліяніе на заболѣваемость.

Что касается *національности*, то на первомъ планѣ стоитъ здѣсь Америка и Англія, затѣмъ слѣдуетъ Россія, Германія, Швеція, Франція и наименѣе распространенъ алкоголизмъ въ Италіи (NB. Здѣсь идетъ рѣчь лишь о распространенности болѣзни, а не о количествѣ выпиваемаго алкоголя). Среди краснокожихъ индѣйцевъ, среди инородцевъ, населяющихъ Сибирь, пьянство весьма распространено; среди евреевъ оно почти отсутствуетъ.

Климатъ несомнѣнно оказываетъ значительное вліяніе на распространеніе алкоголизма; такъ, туманный, влажный климатъ, напр., Англіи предрасполагаетъ къ алкоголизму, между тѣмъ какъ ясный, сухой, солнечный воздухъ Италіи не вызываетъ склонности къ употребленію алкоголя. Далѣе, насыщенная электричествомъ атмосфера при извѣстномъ предрасположеніи организма побуждаетъ къ пьянству; такъ же вліяютъ и восточные вѣтры.

Въ заведеніяхъ для алкоголиковъ сдѣланы наблюденія, что во время бури и особенно во время паденія барометрическаго давленія появляются эпидемически такія явленія: сразу, безъ какой-либо причины, у большинства паціентовъ появляется безсонница, наклонность къ буйству, особенно сильная жажда пьянства и т. п. явленія, исчезающія, приблизительно, чрезъ сутки.

Что касается *занятія*, какъ предрасполагающей къ алкоголизму причины, то, конечно, наиболѣе шансовъ подвергнуться этому недугу имѣютъ лица, по своей профессіи приходящія въ постоянное соприкосновеніе съ водкой, какъ, напр., кабатчики, служащіе на водочныхъ заводахъ и т. п. Замѣчено также, что лица, высокообразованныя и предающіяся чрезмѣрнымъ умственнымъ занятіямъ, даютъ весьма значительный процентъ заболѣваемости, вообще занятія, требующія большого и притомъ неравномѣрнаго

напряженія нервной системы. Проф. Ковалевскій представляетъ картину развитія алкоголизма у нихъ такъ: «начиналось это обыкновенно такъ, что въ тотъ или другой разъ работа была спѣшная, срочная,—желая поддержать энергію на всю ночь, приходилось возбуждать ее искусственно алкоголемъ, крѣпкимъ чаемъ, кофе и т. д. Испробовавъ съ удачей одинъ, другой разъ, они прибѣгали къ нимъ сто разъ. Употребивъ же его сто разъ, на сто первый такія лица безъ возбуждающаго не могли уже работать. Они были немощны. Имъ чего-то недоставало, ихъ тянуло выпить—и они пили... Если на эту почву падаетъ болѣзнь или несчастье—пьянство готово». Не только усиленный умственный, но также и чрезмѣрный физическій трудъ, въ особенности, что обыкновенно и бываетъ, на ряду съ бѣдностью, т. е. невозможностью возмѣщать надлежащимъ образомъ траты организма, очень часто является причиной, предрасполагающей къ алкоголизму.

Условія брачной жизни на мужчинахъ почти не отражаются: процентъ алкоголиковъ среди холостыхъ и женатыхъ почти тотъ же. Не то среди женщинъ: отношеніе дѣвицъ къ замужнимъ, какъ 1 : 6, т. е. замужнія даютъ гораздо большій процентъ страдающихъ алкоголизмомъ, чѣмъ дѣвицы.

Различныя *физическія болѣзни*, истощая организмъ, подчасъ являются косвенными причинами пьянства.

Относительно разныхъ *наркотическихъ* веществъ, какъ опій, морфій, эфиръ, хлоралъ-гидратъ и пр., можно лишь сказать, что злоупотребленіе ими находится въ извѣстномъ сродствѣ съ злоупотребленіемъ алкоголемъ; такъ, морфинизмъ легко переходитъ въ алкоголизмъ, алкоголизмъ замѣняется этероманіей (эфирнымъ пьянствомъ) и т. п. *Куреніе табаку*, повидимому, имѣетъ лишь то отношеніе къ пьянству, что они обыкновенно идутъ рука объ руку.

Разсмотрѣвъ причины, предрасполагающія къ алкоголизму, т. е. подготовляющія благопріятную почву для развитія болѣзни, перейдемъ къ обзору причинъ, *вызывающихъ* алкоголизмъ.

Такъ-называемый *нервный шокъ*, т. е. нравственныя потрясенія, попавъ на благопріятную почву—на расшатанный организмъ,—нерѣдко вызываютъ заболѣваніе алкоголизмомъ; не только горестные факты, какъ, напр., финансовый крахъ, несчастная любовь или, что весьма часто случается, неудачная семейная жизнь вызываютъ нерѣдко пьянство, но и событія пріятнаго характера, какъ напр., неожиданный крупный выигрышъ, подчасъ также обусловливаютъ алкоголизмъ.

Физическая травма. Чрезвычайно интересно, что въ числѣ алко-

голиковъ насчитывается 20% такихъ лицъ, у которыхъ пьянство появилось вслѣдъ за ударомъ въ голову, т. е. при этомъ нарушилась правильная дѣятельность центральной нервной системы. Аналогично этому отъ травмы иногда происходитъ не только сотрясеніе мозга, но и нѣкоторыя формы помѣшательства; факты эти на столько характерны, что Керръ считаетъ всякіе алкогольные напитки противопоказанными при пораженіи головы. Указываютъ на разныя физическія болѣзни, нерѣдко вызывающія пьянство, какъ, напр., тифъ, перемежающаяся лихорадка, невральгія, головная боль и т. п.

Иногда бываетъ весьма характерно вліяніе *климата* на заболѣваніе алкоголизмомъ, при чемъ онъ является не только причиной предрасполагающей, но уже прямо вызывающей болѣзнь; случается, что лица съ наслѣдственнымъ предрасположеніемъ, но никогда не пившія на континентѣ, переселившись на берегъ моря, становятся пьяницами, и стоитъ имъ возвратиться на континентъ. чтобы пьянство прекратилось. Есть наблюденія, что итальянцы, переселившись въ Англію, становились алкоголиками, или, напр., поселившіеся въ горныхъ мѣстностяхъ или долинахъ.

Опьяняющія вещества иногда въ самомъ ничтожномъ количествѣ вызываютъ взрывъ алкоголизма у лицъ, предрасположенныхъ къ нему, или у пьяницъ, но прекратившихъ пить. Это происходитъ иной разъ отъ нѣсколькихъ капель спиртной настойки какого-нибудь лѣкарственнаго вещества или отъ ложечки вина, принятаго во время причастія.

V.

Итакъ, алкоголизмъ представляетъ безспорно болѣзнь нервной системы, одинъ изъ видовъ наркоманіи; какъ при болѣзняхъ вообще, борьба сводится на лѣченіе заболѣвшихъ уже лицъ и, что несравненно важнѣе, на мѣры, предупреждающія появленіе и распространеніе болѣзни, т. е. на такъ-называемую профилактику.

Результаты, получаемые отъ лѣченія алкоголизма, можно признать довольно утѣшительными; правда, какимъ-либо специфическимъ средствомъ противъ данной болѣзни врачи не обладаютъ, но совокупностью различныхъ терапевтическихъ мѣропріятій достигается выздоровленіе почти въ 40% случаевъ. Не будемъ здѣсь подробно останавливаться на мѣрахъ, примѣняемыхъ для излѣченія алкоголизма, скажемъ только, что лѣченіе алкоголика мыслимо лишь при помѣщеніи его въ лѣчебницу, приспособленную спеціально для подобныхъ больныхъ, ибо лишь тамъ возможно достигнуть полнаго воздержанія больного отъ хмельныхъ напитковъ, тамъ

лишь можетъ быть установленъ врачемъ-спеціалистомъ строгій, хотя и гуманный, режимъ надъ образомъ жизни больного; далѣе, регулированіе труда, развлеченій, питанія больного, водолѣченіе, массажъ, электричество и, наконецъ, фармацевтическія средства— совокупностью всѣхъ этихъ мѣръ удается достигнуть благихъ результатовъ.

Къ сожалѣнію, вопросъ о лѣчебницахъ для алкоголиковъ лишь въ послѣднее время возбудилъ особенное вниманіе къ себѣ; эти несчастные находили, да и теперь въ громаднѣйшемъ числѣ случаевъ находятъ пріютъ въ тюрьмахъ, сумасшедшихъ домахъ (въ случаѣ, напр., развитія бѣлой горячки) или же оставляются на произволъ судьбы безъ возможности излѣчиться, на пагубу семьѣ, потомству и государству, ибо они-то и даютъ громадный процентъ преступниковъ, скоропостижно умирающихъ, самоубійцъ, умалишенныхъ. Если лѣченіе уже заболѣвшихъ представляетъ чрезвычайную важность, то неизмѣримо серьезнѣе задача профилактики.

Какія средства должно признать наиболѣе цѣлесообразными для предотвращенія пьянства, этого глубокаго соціальнаго зла?

Не входя пока въ разборъ этого вопроса въ частностяхъ, что до извѣстной степени выяснено будетъ ниже, скажемъ лишь въ общемъ, что единственно могучимъ орудіемъ противъ пьянства признается подъемъ умственнаго, экономическаго и вообще культурнаго уровня населенія и активная дѣятельность въ дѣлѣ борьбы съ этимъ зломъ наиболѣе сознательныхъ классовъ. Пока масса не проникнется сознаніемъ гибельности пьянства, пока недостаточное питаніе на ряду съ чрезмѣрнымъ трудомъ побуждаетъ искать въ алкоголѣ временнаго возбудителя, пока въ силу невѣжества отсутствуютъ болѣе благородные, чѣмъ кабакъ, интересы для заполненія досуга, до тѣхъ поръ на значительный успѣхъ борьбы съ алкоголемъ разсчитывать мудрено.

Перейдемъ къ обзору борьбы съ алкоголизмомъ въ разныхъ странахъ.

Начнемъ съ устройства спеціальныхъ *лѣчебницъ* для алкоголиковъ.

Впервые такая лѣчебница была устроена въ *Америкѣ* въ Бингтэмптонѣ, въ штатѣ Нью-Іоркъ, въ 50-хъ годахъ, по иниціативѣ доктора Edward'a Turner'a, на частныя средства съ правительственной субсидіей. Въ лѣчебницѣ этой, начавшей функціонировать въ 1864 г., наблюдали за физическимъ состояніемъ организма, оказывали нравственное и психическое вліяніе на паціентовъ. Результаты получались весьма утѣшительные, именно

77,5% выписались съ рѣзкимъ улучшеніемъ и лишь 22,5% безъ перемѣны.

Одновременно съ этимъ въ Бостонѣ, въ 1857 г., устроена подобная же лѣчебница на благотворительныя средства съ правительственной субсидіей съ директоромъ Альбертомъ Дэемъ во главѣ. Съ 1857 по 1876 г. выписано 5.000 человѣкъ, изъ которыхъ $^{1}/_{3}$ излѣчилась отъ своего недуга, а у остальныхъ достигнуто значительное улучшеніе; многіе изъ бывшихъ паціентовъ этой лѣчебницы стали ярыми поборниками воздержанія и образовали самостоятельное общество трезвости.

Вскорѣ подобныя же лѣчебницы были устроены въ Бруклинѣ, Нью-Іоркѣ, Чикаго и другихъ мѣстахъ. Въ лѣчебницахъ находили пріютъ, какъ лица высшихъ классовъ, такъ и заключенные въ тюрьмахъ за преступленія, совершенныя вслѣдствіе пьянства; при этихъ заведеніяхъ есть всевозможныя мастерскія, сельскохозяйственныя работы и т. п. Результаты лѣченія весьма благопріятные: процентовъ 40 выздоровленій.

Число подобныхъ лѣчебницъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ быстро растетъ, такъ что теперь ихъ насчитываютъ уже около 50, въ которыхъ содержатся почти 2.000 алкоголиковъ (также и морфинистовъ).

Вслѣдъ за Америкой также и *Англія* приложила не мало стараній къ тому, чтобы дать пріютъ алкоголикамъ. Въ ней, правда, число лѣчебницъ и содержимыхъ тамъ паціентовъ меньше, чѣмъ въ Америкѣ, но приписать это, очевидно, слѣдуетъ тому обстоятельству, что до самаго послѣдняго времени алкоголики могли быть помѣщаемы въ лѣчебницу лишь въ случаѣ полнаго на то согласія съ ихъ стороны и когда они становились уже опасными для себя или окружающихъ. Число лѣчебницъ въ Англіи 24, преобладаютъ женскія лѣчебницы; 13 изъ нихъ содержатся на благотворительныя средства, а 11 принадлежатъ частнымъ лицамъ; заведенія эти за время своего существованія дали 5.581 выздоровленій.

Въ настоящее время можно разсчитывать на гораздо большее распространеніе благотворной дѣятельности лѣчебницъ въ Англіи, такъ какъ принятъ законъ, разрѣшающій насильственное помѣщеніе алкоголиковъ въ лѣчебницы, да и процентъ выздоровленій въ такомъ случаѣ несомнѣнно повысится, ибо при раннемъ поступленіи въ заведеніе шансовъ на выздоровленіе значительно больше. Законъ *) о помѣщеніи алкоголика въ лѣчебницу, не справляясь

*) Необходимо замѣтить, что подобный законъ мыслимъ только въ странахъ, гдѣ чувство законности легло въ основу общественнаго быта и обще-

съ его на это согласіемъ, уже хотя бы потому имѣетъ основаніе, что, напримѣръ, изъ 33.000 женщинъ, ежегодно заключаемыхъ за пьянство въ тюрьмы Англіи, 11.000 судились за пьянство не менѣе 10 разъ, а многія несравненно большее число разъ заключались въ тюрьмы безъ всякаго, разумѣется, лѣчебнаго эффекта.

Швейцарія въ дѣлѣ борьбы съ алкоголизмомъ занимаетъ почетное мѣсто — правительство и общество идутъ тамъ въ этомъ дѣлѣ рука-объ-руку, и дѣло тамъ поставлено на раціональныхъ началахъ. Конституція обязываетъ кантоны изъ получаемыхъ отъ водочной монополіи доходовъ, по крайней мѣрѣ, 10% употреблять на борьбу, какъ съ причинами, такъ и съ послѣдствіями алкоголизма. Далѣе, помѣщеніе алкоголиковъ въ лѣчебницы допускается и помимо ихъ воли по постановленію муниципальнаго совѣта на основаніи медицинскаго свидѣтельства, какъ это практикуется, напр., въ кантонѣ С.-Галленѣ. Больные содержатся на свой счетъ или на счетъ кассы для бѣдныхъ, или на правительственныя средства, причемъ иногда отпускаются даже средства для содержанія семьи больного.

Изъ имѣющихся въ Швейцаріи 6-ти лѣчебницъ выдѣляется лѣчебница въ Елликонѣ въ Цюрихскомъ кантонѣ; процентъ выздоровленій довольно утѣшительный и находится въ большой зависимости отъ продолжительности пребыванія въ лѣчебницѣ, именно 33% для пробывшихъ не болѣе 4-хъ мѣсяцевъ и 71% для пробывшихъ отъ 4 до 12 мѣсяцевъ.

Упомянемъ лишь, что и въ другихъ европейскихъ государствахъ, въ Германіи, Швеціи, Норвегіи, Голландіи и др., организованы спеціальныя лѣчебницы для алкоголиковъ.

Россія, къ сожалѣнію, пока еще ни однимъ подобнымъ учрежденіемъ не располагаетъ, если не считать устраиваемую для алкоголиковъ больницу въ Казани, и лица, одержимыя такой гибельной болѣзнью, какъ алкоголизмъ, дающій въ Германіи, напримѣръ, по словамъ такого авторитета, какъ Крафтъ-Эбингъ, 50% преступленій и 28% душевно-больныхъ, продолжаютъ у насъ оставаться безъ спеціальнаго лѣченія и подвергать себя и общество всѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ этого недуга. Мы можемъ лишь отмѣтить, что вопросъ о необходимости устройства спеціальныхъ лѣ-

---

ственная жизнь широко и всесторонне развита, и каждый случай примѣненія этого закона обставленъ всѣми необходимыми гарантіями и подлежитъ общественному контролю. Въ противномъ случаѣ такой законъ могъ бы привести къ результатамъ, несравненно болѣе гибельнымъ, чѣмъ сама болѣзнь, для борьбы съ которой онъ созданъ. *Ред.*

чебницъ для алкоголиковъ у насъ въ Россіи уже вполнѣ назрѣлъ. Въ 1887 г. на первомъ съѣздѣ отечественныхъ психіатровъ вопросъ этотъ былъ обстоятельно разработанъ, онъ неоднократно обсуждался въ столичныхъ комитетахъ трезвости, въ обществѣ охраненія народнаго здравія, наконецъ, выработаны и проекты уставовъ въ Москвѣ д-ромъ Миноромъ (въ Обществѣ московскихъ невропатологовъ и психіатровъ) и въ Петербургѣ д-ромъ Данилло (при С.-Петербургскомъ Обществѣ трезвости), но проекты эти пока еще не осуществляются.

Если организація пріютовъ для алкоголиковъ имѣетъ громадное значеніе, то неизмѣримо важнѣе другая задача — профилактика алкоголизма, т. е. мѣры, стремящіяся по возможности предотвратить самое заболѣваніе; многое съ этой цѣлью создано заграницей, именно такъ-называемыми обществами трезвости съ ихъ разносторонней дѣятельностью.

Общества эти впервые стали возникать въ *С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ* еще въ началѣ настоящаго столѣтія. Въ 1813 г. въ Бостонѣ возникло впервые общество для борьбы съ пьянствомъ, но успѣхъ его былъ не великъ, ибо оно допускало умѣренное употребленіе алкоголя, а потому въ 1827 г. создалось новое общество, имѣвшее громадный успѣхъ. Члены его обязывались не только совершенно не употреблять алкоголя, но и никому не предлагать его, не торговать имъ и, вообще, прилагать всевозможныя старанія къ борьбѣ съ пьянствомъ. Это общество послужило сильнымъ толчкомъ къ обширному движенію противъ пьянства; плодотворность результатовъ этого движенія видна изъ словъ, произнесенныхъ однимъ ораторомъ на митингѣ въ Нью-Іоркѣ въ 1849 г.: «Мы заставили три милліона людей отказаться отъ потребленія спиртныхъ напитковъ, десять тысячъ винокуровъ—отказаться отъ производства этихъ напитковъ, десять тысячъ торговцевъ—отказаться отъ ихъ продажи, и болѣе чѣмъ на 2.000 судахъ, плавающихъ по всѣмъ морямъ, мы водрузили знамя воздержанія».

Этой плодотворной дѣятельности былъ нанесенъ ударъ междоусобной войной 1861 — 1865 г., когда злоупотребленіе алкоголемъ сильно распространилось въ арміи, а затѣмъ и вообще среди населенія, но не на долго. Въ 1874 г. поднимается уже весьма интересное и плодотворное движеніе подъ названіемъ «женскаго крестоваго похода»,—движеніе, проникнутое фанатической вѣрой въ свое дѣло. Б. Ф. Брандтъ такъ рисуетъ это движеніе: «Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ во многихъ штатахъ Сѣв. Америки, начиная съ штата Огайо, гдѣ впервые зародилось это движеніе,

въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ можно было наблюдать почти ежедневно слѣдующія картины: тысячи женщинъ съ наиболѣе важными представительницами мѣстнаго общества во главѣ, съ утра направляются сомкнутой процессіей въ церковь, гдѣ совершается особенно торжественное богослуженіе, а затѣмъ громадными толпами, распѣвая гимны и молитвы, онѣ расходятся по всѣмъ направленіямъ города, окружая питейные дома и не пропуская туда посѣтителей, умоляя послѣднихъ подписать обѣтъ воздержанія и убѣждая кабатчиковъ бросить свое вредное занятіе и закрывать кабаки свои. Въ большинствѣ случаевъ мольбы и увѣщанія женщинъ имѣли успѣхъ,—мужчины подписывали присягу о воздержаніи, такъ-называемую Pledge, а кабатчики, въ порывѣ великодушія и христіанскаго смиренія, сами выкатывали бочки на улицы, приносили топоры и молотки, и женщины посреди звона колоколовъ, гимновъ и пѣснопѣній молившихся и удивленныхъ взоровъ сбѣжавшейся толпы, разрубали бочки и остальную посуду въ дребезги, выливая содержимое на землю. Конечно, были случаи и сопротивленія. «Въ Цинцинатѣ, — разсказываетъ г-жа Виллардъ, — процессія женщинъ, въ которой участвовали жены наиболѣе видныхъ пасторовъ, была арестована и уведена въ тюрьму; въ Кливелендѣ на участницъ крестоваго похода были пущены собаки, а въ одномъ случаѣ даже было направлено противъ нихъ дуло орудія, въ другихъ же мѣстахъ онѣ были осмѣяны и освистаны. Но арестованныя женщины проходили по улицамъ съ пѣніемъ и устроили митингъ воздержанія въ тюрьмѣ; нападающихъ собакъ женщины встрѣчали съ протянутыми руками и молитвами, а группа, которой угрожало орудіе, подходила къ его дулу, распѣвая: «да не страшится никто работать во имя Христа!»

Результаты этого движенія просто поразительны: такъ, напр., созданъ женскій союзъ трезвости съ 10.000 развѣтвленій; онъ ведетъ обширнѣйшую устную и печатную пропаганду идеи трезвости, имѣетъ нѣсколько періодическихъ органовъ, изъ которыхъ одинъ расходится въ 85.000 экземпляровъ, издаетъ массу книгъ и брошюръ, повсюду разсылаетъ проповѣдниковъ воздержанія, имѣетъ лѣчебницу для алкоголиковъ, ночлежный домъ, убѣжище для бѣдныхъ, дѣтскій садъ и т. п. Кромѣ этого женскаго союза имѣется масса другихъ для борьбы не только съ потребленіемъ, но и съ производствомъ алкоголя. Объ успѣхѣ этой дѣятельности можно заключить уже изъ того, что въ 7 штатахъ совершенно воспрещено производство и торговля спиртными напитками, а въ 16—открытіе питейнаго заведенія зависитъ отъ усмотрѣнія общины.

Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, въ школахъ, какъ низшихъ, такъ и среднихъ, введено обученіе физіологіи, съ особымъ отдѣломъ—о вредѣ и послѣдствіяхъ пьянства. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ спиртные напитки, всѣ безъ исключенія, изгнаны изъ употребленія въ столовыхъ и, вообще, въ стѣнахъ заведеній. Существуютъ, кромѣ того, особые союзы трезвости среди молодежи, успѣшно ведущіе пропаганду и среди своихъ отцовъ.

Столь же кипучую и плодотворную дѣятельность обществъ трезвости мы видимъ и въ *Великобританіи*. Появились они впервые въ 1829 г., и уже чрезъ нѣсколько лѣтъ число ихъ стало насчитываться сотнями съ десятками тысячъ членовъ. Но результатъ ихъ дѣятельности вначалѣ былъ весьма не великъ, ибо борьба велась, главнымъ образомъ, противъ водки, такъ что распространилось употребленіе и злоупотребленіе пивомъ. Въ виду этого установленъ былъ принципъ абсолютнаго воздержанія отъ употребленія хмельныхъ напитковъ, и въ этомъ направленіи была поведена широкая пропаганда. Въ этомъ дѣлѣ получилъ выдающуюся, вполнѣ заслуженную, популярность въ концѣ 30-хъ годовъ ирландскій католическій священникъ патеръ Мэтью, названный даже «апостоломъ воздержанія»; странствуя по странѣ, онъ своими горячими проповѣдями придалъ движенію характеръ общенаціональнаго, и вскорѣ число членовъ ирландскаго общества воздержанія достигло 1.800.000, давшихъ обѣтъ полнаго воздержанія отъ хмельныхъ напитковъ; употребленіе водки въ Ирландіи уже спустя 3 года уменьшилось вдвое.

Дѣятельность обществъ трезвости заключается, кромѣ устной и печатной пропаганды (журналы, брошюры, проповѣди, митинги, конгрессы и т. п.), въ устройствѣ клубовъ, читаленъ, спектаклей, загородныхъ праздничныхъ прогулокъ, чайныхъ и т. п.; далѣе—въ устройствѣ лѣчебницъ для алкоголиковъ, въ агитаціи предъ законодательствомъ объ урегулированіи торговли спиртными напитками и даже о запрещеніи продажи ихъ, о лучшей очисткѣ водки и т. п. Не входя въ подробный обзоръ дѣятельности англійскихъ обществъ трезвости, отмѣтимъ лишь, что каждое изъ нихъ имѣетъ свои спеціальныя сферы дѣятельности, напр., армію, желѣзнодорожныхъ служащихъ, студенчество и пр. Многія общества съ религіознымъ оттѣнкомъ, многія исключительно женскія, съ выдающимися по общественному положенію женщинами во главѣ, агитируютъ спеціально среди женщинъ, иныя общества ведутъ свою пропаганду исключительно среди юношей и дѣтей. Объ успѣхѣ дѣятельности всѣхъ этихъ обществъ можно судить уже по тому, что $^1/_5$ англійской арміи и $^1/_3$ индійской состоитъ изъ непьющихъ; число пре-

ступленій въ арміи въ послѣднія 5 лѣтъ уменьшилось на 95%; число абстинентовъ въ настоящее время составляетъ 7 милліоновъ, общества трезвости за время своего существованія спасли 300.000 пьяницъ, а лѣчебницы дали 5.571 излѣченіе отъ алкоголизма; далѣе, въ послѣднее время отмѣчено оффиціальными источниками уменьшеніе потребленія алкоголя, не смотря на приростъ населенія, и увеличеніе потребленія чая, какао и т. п.

Упомянемъ здѣсь еще о Британскомъ медицинскомъ обществѣ, распространяющемъ взгляды о вредѣ алкоголя на здоровый и больной организмъ и пропагандирующемъ изгнаніе его даже изъ врачебной практики, что осуществлено уже на дѣлѣ въ одной изъ больницъ. Это же общество пользуется значительнымъ вліяніемъ на законодательныя мѣропріятія по отношенію къ алкоголизму; такъ, напр., установленіе весьма важнаго закона объ обязательномъ помѣщеніи алкоголиковъ въ лѣчебницы въ значительной степени обязано этому обществу.

Кромѣ Америки и Англіи, мы видимъ широкое распространеніе обществъ трезвости и въ другихъ государствахъ: Швеціи, Норвегіи, Германіи, Франціи и пр.

Въ *Швеціи* до половины настоящаго столѣтія проповѣдывалось лишь умѣренное употребленіе алкоголя, послѣ же того полное воздержаніе отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, такъ что, напримѣръ, въ палатѣ депутатовъ въ настоящее время около 70 абстинентовъ.

Также и въ *Норвегіи* дѣятельность обществъ трезвости стала особенно плодотворной лишь послѣ того, какъ въ концѣ 50-хъ годовъ выставлено было требованіе полнаго воздержанія отъ употребленія алкоголя; во всѣхъ городахъ и чуть ли не въ каждой деревнѣ имѣется въ настоящее время отдѣленіе общества трезвости. Благодаря дѣятельности этихъ обществъ и содѣйствію имъ со стороны правительства, Норвегія, выдѣлявшаяся въ началѣ настоящаго столѣтія по своему пьянству, считается въ настоящее время наиболѣе трезвой страной, чему несомнѣнно много посодѣйствовала также такъ-называемая «Готтенборгская система», на разсмотрѣніи которой мы здѣсь нѣсколько остановимся.

Если общества трезвости, пропагандирующія абсолютное воздержаніе отъ употребленія алкоголя, оказали чрезвычайно благотворное вліяніе, то, несомнѣнно, громадную роль играетъ и организація формъ производства и продажи спиртныхъ напитковъ: благодаря усовершенствованію этихъ формъ, употребленіе алкоголя можетъ быть ограничено и среди той части населенія, у которой не хватаетъ силы воли на полный отказъ отъ его упо-

требленія. Такія-то усовершенствованныя формы и дала «Гottенборгская система». Начавшись въ шведскомъ городкѣ Готтенборгѣ (отсюда и названіе «Готтенборгская акціонерная питейная компанія») въ 1865 г., она вскорѣ распространилась по всей Швеціи, Норвегіи и Финляндіи. Система эта полукоммерческая, полуфилантропическая; городское самоуправленіе даетъ исключительное право торговли спиртными напитками акціонерной компаніи, которая, оставляя себѣ лишь 5% барыша на капиталъ, остальную всю прибыль обязана употреблять на полезныя для рабочаго класса учрежденія или передать въ распоряженіе городского самоуправленія; акціонеры, такимъ образомъ, не преслѣдуютъ никакихъ личныхъ выгодъ, а имѣютъ лишь въ виду уменьшеніе пьянства. Будучи монопольной, компанія ограничиваетъ число питейныхъ заведеній, прекращаетъ торговлю въ праздничные дни, привлекаетъ посѣтителей къ употребленію продающихся въ заведеніяхъ кушаній, отдавая весь барышъ на кушаньяхъ сидѣльцамъ, между тѣмъ какъ отъ продажи напитковъ они не получаютъ никакой выгоды; далѣе, компанія учреждаетъ столовыя, въ которыхъ отпускается посѣтителю лишь одна рюмка водки, чайныя, читальни, въ которыхъ раздаются безплатно изданія обществъ трезвости; въ питейныхъ заведеніяхъ водка не отпускается въ кредитъ, не отпускается вовсе несовершеннолѣтнимъ или пьяницамъ.

Насколько плодотворной оказалась на дѣлѣ эта система, можно заключить уже изъ того, что за 15 съ лишнимъ лѣтъ (съ 1875 г. по 1892 г.) потребленіе водки уменьшилось вдвое.

Число подобныхъ акціонерныхъ компаній росло довольно быстро, и въ настоящее время ихъ насчитывается въ Швеціи 88; онѣ вытѣснили во всѣхъ почти городахъ старую систему, и изъ 927 питейныхъ заведеній 871 принадлежитъ акціонернымъ компаніямъ. Вообще, въ Швеціи за періодъ ихъ дѣятельности потребленіе спиртныхъ напитковъ уменьшилось почти вдвое.

Не меньшій успѣхъ эта система имѣла и въ Норвегіи, гдѣ теперь функціонируетъ 51 акціонерная компанія, благодаря которымъ потребленіе спиртныхъ напитковъ уменьшилось болѣе, чѣмъ вдвое. Послѣдствіемъ этого является, конечно, уменьшеніе преступленій, случаевъ смерти отъ алкоголизма, случаевъ бѣлой горячки и т. п.

Несомнѣнно, что Готтенборгская система, считаясь, такъ сказать, съ природой человѣка, не могущаго вполнѣ отрѣшиться отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, обставляетъ торговлю ими такими внѣшними условіями, при которыхъ неизбѣжно умень-

шается пьянство. Если противъ Готтенборгской системы выставляются возраженія, что потребленіе пива увеличивается, что оптовая продажа водки, которая теперь внѣ вѣдѣнія компаніи, ростетъ, то это нисколько не подрываетъ кредита самой системы, а указываетъ лишь на то, что функціи ея слѣдуетъ расширить, т. е. и продажу пива, и оптовую продажу водки ввести въ кругъ дѣятельности монопольной Готтенборгской системы.

Возвращаясь къ обществамъ трезвости, отмѣтимъ, что кромѣ національныхъ, имѣется нѣсколько международныхъ. Таково «Международное общество борьбы съ потребленіемъ спиртныхъ напитковъ», основанное въ Швейцаріи въ 1887 г.; толчкомъ къ возникновенію его послужилъ международный конгрессъ въ Цюрихѣ противъ злоупотребленія спиртными напитками, съ многими профессорами во главѣ. Далѣе «Орденъ добрыхъ храмовниковъ», основанный въ Нью-Іоркѣ въ 1851 году, распространившій свою дѣятельность по всему цивилизованному міру, съ $1^1/_2$ милліонами членовъ и 30 печатными органами на разныхъ языкахъ, орденъ этотъ носитъ религіозный характеръ. Затѣмъ «Орденъ голубой ленты», принадлежность къ которому, между прочимъ, служитъ рекомендаціей при наймѣ прислуги, и, наконецъ, «Орденъ голубого креста», гдѣ не требуется отъ всякаго абсолютное воздержаніе отъ алкоголя.

Въ Россіи съ конца 80-хъ годовъ также стали появляться общества трезвости. Общества эти у насъ двухъ типовъ: свѣтскія и церковно-приходскія. Первыя, организованныя по преимуществу интеллигенціей, имѣютъ въ виду пропаганду трезвости среди народа и отвлеченіе его отъ кабака, организуютъ чайныя, читальни, народныя чтенія и т. п.; вторыя же имѣютъ въ виду собственно самихъ членовъ, требуя отъ нихъ воздержанія отъ употребленія спиртныхъ напитковъ. Число обществъ той и другой категоріи опредѣленно указать трудно; отмѣтимъ лишь, что число ихъ ростетъ, и считать ихъ теперь можно уже не десятками, а пожалуй, сотнями. Относительно ихъ дѣятельности нѣтъ пока никакихъ данныхъ, и потому сказать о нихъ что-либо положительное— довольно трудно. Замѣтимъ лишь, что и среди нихъ встрѣчаются счастливыя исключенія, какъ, напримѣръ, Сарапульское общество трезвости, съ плодотворной дѣятельностью котораго можно познакомиться изъ его отчета за 1895 г. *).

Въ *Финляндіи* главное общество «Друзья трезвости» состоитъ изъ 109 кружковъ съ 9.399 членами; ими издаются 3 ежемѣсяч-

---

*) См. также статью «Сарапульское общество трезвости» въ «Мірѣ Божіемъ», февр. 1897 г. *Ред.*

ныхъ журнала, масса брошюръ и пр. Имѣется также лѣчебница для алкоголиковъ.

Если коснуться осуществляемой въ настоящее время у насъ реформы—казенной питейной монополіи, то слѣдуетъ замѣтить, что въ принципѣ такая реформа должна бы оказаться полезной для дѣла борьбы съ пьянствомъ: продавецъ не заинтересованъ въ большемъ сбытѣ напитковъ, онъ не отпускаетъ въ долгъ или подъ залогъ вещей, продажа исключительно на выносъ лишаетъ кабакъ характера, такъ сказать, народнаго клуба, гдѣ происходитъ спаиваніе другъ друга, число кабаковъ уменьшается, качество водки улучшается, въ ней нѣтъ, благодаря улучшенію очистки, посторонних примѣсей, чрезвычайно вредныхъ. Хотя судить о результатахъ этой реформы пока еще преждевременно, но все же можно отмѣтить, что, къ сожалѣнію, въ дѣйствительности большинство этихъ преимуществъ оказалось фиктивнымъ. Сильно возрасло число пивныхъ лавокъ, гдѣ стали распивать также приносимую съ собой водку, и здѣсь воцарилось чисто кабацкое пьянство; далѣе, пьянство изъ кабака было перенесено прямо на улицу или въ какой-либо сосѣдній домъ, или даже въ помѣщеніе сидѣльца винной лавки *). Впрочемъ, пока еще мало данныхъ, чтобы высказаться опредѣленно о такомъ сложномъ вопросѣ, какъ казенная питейная монополія.

Но зато уже вполнѣ выяснилось, что попечительства о народной трезвости, которыя введены, какъ дополненіе къ питейной реформѣ, и на которыя возложена очень почтенная и важная функція—отвлеченіе народа отъ пьянства устройствомъ читаленъ, народныхъ чтеній и вообще пропаганда трезвости,—оказались простой фикціей, и причиной тому служитъ чисто бюрократическій характеръ ихъ организаціи.

Итакъ, многое уже сдѣлано въ дѣлѣ борьбы съ алкоголизмомъ на Западѣ, кое-что—также и у насъ, но если припомнимъ, на сколько это выдающееся современное бѣдствіе еще распространено, то станетъ яснымъ, какъ много еще предстоитъ труда въ этомъ направленіи, и только совмѣстныя усилія людей науки, правительства и общества могутъ привести къ желанному успѣху въ дѣлѣ борьбы съ такимъ глубокимъ соціальнымъ недугомъ, какъ алкоголизмъ.

Врачъ **В. Б—ть.**

---

*) См. «На родинѣ», мартъ «М. Б.» 1897 г. *Ред.*

Чудо Пура́нъ Бага́та.

Разсказъ **Р. Киплинга.**

(The Miracle of Purum Bhagat. *R. Kipling.* The Second Jungle Book).

Жилъ въ Индіи человѣкъ, который былъ первымъ министромъ одного изъ полу-независимыхъ туземныхъ государствъ на сѣверо-западѣ. Онъ былъ брахманъ такой высокой, чистой касты, что слово каста для него почти уже не имѣло значенія, и отецъ его былъ важнымъ чиновникомъ въ пестрой толпѣ придворныхъ старозавѣтнаго индійскаго двора. Когда Пура́нъ Дасъ выросъ, онъ понялъ, что старый порядокъ мѣняется и что идти дальше можно, лишь сохраняя хорошія отношенія съ англичанами и подражая имъ въ томъ, что они считали хорошимъ; но туземный чиновникъ долженъ въ то же время снискивать себѣ расположеніе своего господина, а дѣло это не легкое; однако, спокойный, молчаливый молодой брахманъ, получившій хорошее англійское воспитаніе въ бомбейскомъ университетѣ, справился со всѣми трудностями и, поднимаясь ступень за ступенью, достигъ званія премьера, т. е. сталъ, въ сущности, могущественнѣе своего господина махараджи.

Когда старый царь, относившійся подозрительно къ англичанамъ, съ ихъ желѣзными дорогами и телеграфами, умеръ, Пура́нъ Дасъ сталъ довѣреннымъ лицомъ его молодого преемника, воспитаннаго англичаниномъ. И вмѣстѣ они строили школы для дѣвочекъ, проводили дороги, устраивали амбулаторіи для бѣдныхъ и земледѣльческія выставки, каждый годъ печатали синюю книгу о «Нравственномъ и матеріальномъ прогрессѣ страны», и министерство иностранныхъ дѣлъ въ Лондонѣ и индійское правительство были въ восхищеніи; но Пура́нъ Дасъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ поступалъ такъ, чтобы честь всѣхъ начинаній принадлежала его господину. Весьма немногія туземныя государства принимаютъ безъ ограниченія англійскія новшества, потому что они не понимаютъ, какъ понялъ это Пура́нъ Дасъ, что то, что хорошо

для англичанина, вдвое лучше для азіата. Премьеръ сталъ теперь другомъ вице-королей и губернаторовъ, и вице-губернаторовъ, и миссіонеровъ врачей, и простыхъ миссіонеровъ, и англійскихъ офицеровъ, которые пріѣзжали на охоту въ его владѣнія, и той безконечной толпы туристовъ, которые странствуютъ вдоль и поперекъ по Индіи въ холодное время года, уча всѣхъ и каждаго, какъ надо вести дѣла. Въ свободное время Пура́нъ Дасъ учреждалъ по англійскимъ образцамъ стипендіи для студентовъ медиковъ и для техниковъ, и писалъ письма въ главную ежедневную англійскую газету «Піонеръ», толкуя предположенія и намѣренія своего господина.

Наконецъ, онъ посѣтилъ Англію и долженъ былъ по возвращеніи заплатить огромныя деньги жрецамъ, потому что даже брахманъ столь чистой касты, какъ Пура́нъ Дасъ, потерялъ касту, переплывъ океанъ. Въ Лондонѣ онъ видѣлся и бесѣдовалъ со всѣми выдающимися людьми, имена которыхъ гремѣли по всему міру, — видѣлъ много и говорилъ мало. Университеты дали ему почетныя ученыя степени, и онъ произносилъ рѣчи, и разсуждалъ объ индійскихъ соціальныхъ реформахъ съ дамами на обѣдахъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ. И весь Лондонъ говорилъ: «это самый очаровательный человѣкъ, съ какимъ намъ приходилось обѣдать съ тѣхъ поръ, какъ выдумали обѣды».

Когда онъ вернулся въ Индію, его тамъ ждала слава: самъ вице-король посѣтилъ махараджу и возложилъ на него знаки ордена Большого Креста Индійской Звѣзды—брилліанты, ленты, эмаль. И одновременно, при грохотѣ пушекъ Пура́нъ Дасъ былъ возведенъ въ званіе командора ордена индійской имперіи и сталъ называться отнынѣ сэръ Пура́нъ Дасъ К. О. И. И. (т. е. Командоръ Ордена Индійской Имперіи).

Вечеромъ въ большой палаткѣ вице-короля былъ обѣдъ и сэръ Пура́нъ Дасъ, возложивъ на себя знаки только-что полученнаго ордена, отвѣчалъ на тостъ за здоровье своего государя рѣчью, лучше которой не сказалъ бы и англичанинъ.

Черезъ мѣсяцъ, когда столица вернулась къ своему знойному покою, сэръ Пура́нъ Дасъ совершилъ поступокъ, который никогда не пришелъ бы въ голову англичанину: онъ умеръ для міра. Украшенные алмазами знаки ордена индійской имперіи были возвращены индійскому правительству; новый премьеръ принялъ въ свои руки бразды правленія и въ канцеляріяхъ началась смѣна чиновниковъ. Жрецы знали, что случилось, и народъ догадывался, но Индія единственная въ мірѣ страна, гдѣ человѣкъ можетъ сдѣлать все, что ему угодно, и никто не спроситъ его,

почему онъ это сдѣлалъ. Потому и никто не нашелъ удивительнымъ, что министръ сэръ Пу́ранъ Дасъ, командоръ ордена индійской имперіи, оставилъ службу, покинулъ дворцы, отказался отъ власти и ушелъ въ желтомъ платьи съ чашею отшельника. Онъ былъ, какъ велитъ древній законъ, двадцать лѣтъ ученикомъ, двадцать лѣтъ борцомъ — хотя никогда не обнажилъ меча — и двадцать лѣтъ главою семьи. Онъ употребилъ богатство и власть на то, что считалъ хорошимъ; онъ принималъ почести, когда онѣ сами шли къ нему; онъ видѣлъ людей и города до́ма и на чужбинѣ, и люди и города осыпали его почетомъ. Теперь онъ бросалъ все это, какъ человѣкъ бросаетъ плащъ, который ему болѣе не нуженъ.

Когда онъ вышелъ изъ городскихъ воротъ съ антилоповой шкурой на плечахъ, съ клюкою отшельника подъ мышкою и чашей въ рукѣ, босой, одинъ, съ опущенными глазами, за спиной его загремѣли выстрѣлы съ городскихъ стѣнъ, привѣтствуя его счастливаго преемника. Пу́ранъ Дасъ кивнулъ головой. Вся та жизнь была кончена, и онъ не вспоминалъ о ней ни съ удовольствіемъ, ни съ неудовольствіемъ, подобно тому, какъ въ памяти человѣка безслѣдно проскальзываетъ безцвѣтное сновидѣніе. Теперь онъ былъ бездомнымъ, странствующимъ нищимъ, питающимся отъ щедротъ своихъ ближнихъ, и пока въ Индіи останется хоть одинъ ломоть хлѣба, ни жрецъ, ни нищій не будутъ голодать. Никогда въ жизни онъ не ѣлъ мяса и почти не ѣлъ рыбы: пять фунтовъ стерлинговъ съ избыткомъ покрыли бы всѣ его расходы на пищу въ любой изъ годовъ, когда онъ владѣлъ милліонами. Уже въ то время, когда онъ былъ «львомъ» лондонскихъ гостиныхъ, передъ его глазами носилось видѣніе тишины и спокойствія—длинная, бѣлая, пыльная индійская дорога, вся покрытая слѣдами босыхъ ногъ, непрерывное, медленное движеніе людской толпы и острый запахъ дыма, струйкой подымающагося между деревьями у дороги, когда путники садятся за ужинъ въ вечерніе сумерки.

Теперь настало время осуществить это видѣніе; премьеръ сдѣлалъ соотвѣтствующіе шаги и черезъ три дня легче было бы найти волну, прокатившуюся по океану, чѣмъ найти Пу́ранъ Даса среди многомилліонной индійской толпы, которая постоянно бродитъ, сходится и расходится.

Къ ночи онъ разстилалъ антилоповую шкуру тамъ, гдѣ его застигали сумерки—иногда въ придорожной отшельничьей обители; иногда у какого-нибудь святилища, гдѣ іогины, братья великой семьи индійскихъ святыхъ, принимали его, какъ люди,

хорошо знающіе цѣну кастамъ; иногда на краю индійской деревушки, куда къ нему прокрадывались дѣти съ пищей, приготовленной ихъ матерями; иногда на высотахъ среди пастбищъ, гдѣ пламя его костра будило сонныхъ верблюдовъ. Пура́нъ Дасу, или какъ онъ теперь назывался, Пура́нъ Бага́ту (т. е. блаженному), было безразлично, гдѣ ночевать. Земля, люди, пища—для него все это было все равно. Но безсознательно его тянуло на сѣверъ и къ востоку; съ одного мѣста въ другое онъ шелъ все впередъ и, наконецъ, увидалъ вдали вершины великаго Гималая.

Тутъ Пура́нъ Бага́тъ улыбнулся: онъ вспомнилъ, что мать его была раджпутская брахманка съ горъ, которая всегда тосковала по роднымъ снѣгамъ, а говорятъ, что одна капля крови горца въ человѣкѣ притянетъ его, въ концѣ концовъ, туда, назадъ—въ горы.

«Тамъ,—сказалъ себѣ Бага́тъ, взбираясь на первые горные отроги, поросшіе густыми кактусами,—тамъ я остановлюсь и буду искать знанія». И свѣжій вѣтеръ съ Гималая дулъ ему въ лицо, когда онъ шелъ по дорогѣ въ Симлу *).

Послѣдній разъ онъ былъ здѣсь, окруженный блестящей кавалерійскою свитой, въ гостяхъ у добрѣйшаго и любезнѣйшаго изъ вице-королей. И цѣлый часъ они говорили объ общихъ лондонскихъ друзьяхъ и о томъ, что на самомъ дѣлѣ думаетъ индійскій народъ объ управленіи страной. Теперь Пура́нъ Бага́тъ никого не посѣтилъ, а стоялъ опершись о рѣшетку на «Гуляніи», откуда открывался дивный видъ на долины внизу, на сорокъ миль вдаль, пока туземный полицейскій мусульманинъ не сказалъ ему, что онъ мѣшаетъ прохожимъ. Пура́нъ Бага́тъ почтительно преклонился передъ олицетвореннымъ закономъ, потому что онъ зналъ цѣну закону и самъ шелъ искать себѣ свой законъ. Онъ отправился дальше искать эту ночь въ пустой хижинѣ въ Чота Симлѣ, которая кажется уже какъ бы концомъ земли; но для него здѣсь только и начинались его настоящія странствованія. Онъ пошелъ по дорогѣ черезъ Гималай въ Тибетъ, гдѣ маленькая тропинка въ десять футовъ шириной прорублена въ каменномъ скатѣ горы или перекинулась по бревнамъ черезъ глубокія пропасти; иногда тропинка спускалась въ теплыя, влажныя, закрытыя со всѣхъ сторонъ долины, а то опять извивалась по обнаженнымъ, обросшимъ лишь травою, склонамъ горъ, гдѣ солнце жжетъ, какъ черезъ зажигательное стекло; временами она входила въ сырые, темные лѣса, гдѣ папоротники покрываютъ

*) *Симла*—лѣтняя резиденція вице-короля.

стволы отъ корней до вершины и гдѣ фазанъ крикомъ зоветъ свою самку.

Пура́нъ Бага́тъ встрѣчалъ пастуховъ съ ихъ собаками и стадами овецъ, и бродячихъ дровосѣковъ, и тибетскихъ ламъ съ плащами и одѣялами, шедшихъ въ Индію на богомолье, и посольства изъ мелкихъ горскихъ царствъ, которыя бѣшено скакали на пѣгихъ лошаденкахъ, и раджу со свитою, отправлявшагося въ гости къ кому-то; а то иногда въ теченіе долгаго свѣтлаго дня онъ не видѣлъ никого, кромѣ чернаго медвѣдя, который бродилъ по долинѣ внизу и рычалъ. Когда онъ выступилъ въ путь, шумъ міра, имъ только что покинутаго, еще звучалъ въ его ушахъ, но когда онъ вошелъ въ самое сердце Гималая, все было кончено, и Пура́нъ Бага́тъ остался одинъ съ самимъ собою; онъ шелъ, восторгался и думалъ; глаза его были опущены, но мысли летѣли слѣдомъ за облаками.

Однажды вечеромъ онъ перешелъ черезъ самый высокій изъ проходовъ, какіе до сихъ поръ встрѣчались ему—въ теченіе двухъ дней пришлось подниматься въ гору — и предъ нимъ предсталъ длинный рядъ снѣжныхъ вершинъ, которыя опоясали весь горизонтъ, горы высотою въ пятнадцать тысячъ футовъ; онѣ казались такъ близко, что вотъ, вотъ добросишь до нихъ камнемъ, а на самомъ дѣлѣ разстояніе было еще пятьдесятъ, шестьдесятъ миль. На верху горнаго прохода росъ густой, темный лѣсъ: деодары, орѣховыя деревья, дикія вишни, дикія оливки, дикіе персики, но главнымъ образомъ деодары, т. е. гималайскіе кедры; и въ тѣни деодаровъ стояло покинутое святилище Кали, которая есть Дурга, которая есть Ситали и ей иногда молятся, чтобы спастись отъ оспы.

Пура́нъ Бага́тъ начисто подмелъ каменный полъ, улыбнулся оскаленному изображенію богини, устроилъ себѣ маленькій земляной очагъ позади святилища, разостлалъ антилоповую шкуру на свѣжихъ еловыхъ иглахъ, оперся на клюку и сѣлъ отдохнуть.

У самыхъ ногъ его гора спускалась крутымъ обрывомъ на полторы тысячи футовъ, а совсѣмъ внизу, пріютившись на склонѣ, стояла деревушка съ каменными избами, покрытыми земляными крышами. Вокругъ деревни лежали крошечныя поля, какъ заплаты на колѣняхъ горы, и коровы, не больше жуковъ, паслись между гумнами. Ширина долины обманывала глазъ, и трудно было представить себѣ, что то, что на противоположной горѣ казалось мелкимъ кустарникомъ, былъ на самомъ дѣлѣ лѣсъ изъ стофутовыхъ сосенъ. Пура́нъ Бага́тъ увидалъ, какъ орелъ полетѣлъ черезъ огромную пропасть и не успѣлъ онъ еще пролетѣть полъ-пути,

какъ уже казался точкою. Нѣсколько разбросанныхъ тучъ повисло тамъ и сямъ надъ долиною, цѣпляясь за выступъ скалъ; иногда онѣ поднимались и разсѣивались въ воздухѣ, когда доходили до вершины горнаго прохода. «Здѣсь я найду миръ», сказалъ Пура́нъ Бага́тъ.

Для горца ничего не значитъ подняться или спуститься нѣсколько сотъ футовъ, и какъ только жители деревни увидали дымъ въ покинутомъ святилищѣ, деревенскій жрецъ поднялся на гору привѣтствовать пришельца.

Когда онъ взглянулъ въ глаза Пура́нъ Бага́та, глаза человѣка, привыкшаго повелѣвать тысячами, онъ поклонился до земли, не говоря ни слова взялъ чашу, вернулся въ деревню и сказалъ: «У насъ, наконецъ, есть святой. Никогда я не видалъ подобнаго человѣка. Онъ изъ долинъ, но блѣднолицый—брахманъ изъ брахмановъ». И всѣ хозяйки спросили жреца: «Думаешь ты, что онъ останется съ нами?» И каждая изъ нихъ постаралась приготовить ѣды повкуснѣе для Бага́та. Пища горцевъ очень проста, но изъ гречихи и зерна, и риса, и краснаго перца, и мелкой рыбы изъ рѣчки въ долинѣ, и свѣжаго меду, и дикаго имбиря и овсяныхъ блиновъ благочестивая женщина съумѣетъ приготовить вкусныя блюда. И жрецъ понесъ Бага́ту полную чашу и сталъ спрашивать: «останется Бага́тъ здѣсь? нуженъ ему ученикъ, чтобы ходить за подаяніемъ? Есть ли у него одѣяло отъ холода? Доволенъ ли онъ ѣдой?»

Пура́нъ Бага́тъ поѣлъ и поблагодарилъ жреца: «Да, онъ думаетъ остаться». «Этого достаточно», сказалъ жрецъ, «пусть чаша стоитъ всегда снаружи святилища между двумя сплетшимися корнями, и каждый день Бага́ту будутъ приносить пищу, ибо деревня понимаетъ, какая это для нея честь, что такой чеевѣкъ—при этихъ словахъ жрецъ робко заглянулъ въ глаза Бага́ту—остался среди нихъ».

Въ этотъ день странствованія Бага́та кончились: онъ достигъ мѣста, предназначеннаго ему—тишины и необъятной шири. Теперь время для него остановилось и, сидя у входа во святилище, онъ уже не сознавалъ, продолжается ли жизнь, или настала смерть, остался ли онъ человѣкомъ, который владѣетъ своими членами, или же онъ сталъ частицею горъ, тучъ, дождя, солнечнаго свѣта. Тихо повторялъ онъ сотни разъ одно имя и при всякомъ повтореніи ему казалось, что онъ все больше и больше отдѣляется отъ своего тѣла, летя къ вратамъ какого-то потрясающаго откровенія; но въ то мгновеніе, когда врата, казалось, готовы были разверзнуться, тѣло тянуло его внизъ, и съ болью онъ чувствовалъ, что вновь заключенъ въ плоть Пура́нъ Бага́та.

Каждое утро полная чаша стояла среди корней у святилища. Иногда ее приносилъ жрецъ; иногда торговецъ изъ Ладака, жившій въ деревнѣ, но чаще всего ее приносила та женщина, которая въ первый разъ приготовила ему пищу и, принеся чашу, она шептала чуть слышно: «будь мнѣ заступникомъ передъ богами, Багáтъ! Будь заступникомъ за такую-то, жену такого-то!» Иногда какой-нибудь бойкій ребенокъ получалъ позволеніе снести чашу, и Пурáнъ Багáтъ слышалъ, какъ поспѣшно ставилась чаша и какъ быстро убѣгали маленькія дѣтскія ноги. Но самъ Багáтъ никогда не спускался въ деревню. Она разстилалась глубоко внизу у ногъ его и онъ видѣлъ вечернія сборища, которыя происходили на гумнахъ, потому что это были единственныя ровныя мѣста въ деревнѣ; онъ видѣлъ чудную зелень молодого риса, темную синеву индійской ржи и гречиху и красные цвѣты амаранта.

Послѣ жатвы крыши избъ становились золотыми, потому что на нихъ клали сушиться снопы. Пчелы роились, хлѣбъ жали, сѣяли рисъ, шелушили его передъ глазами Багáта, который, глядя на все, дивился и думалъ: къ чему это ведетъ? Даже въ густо населенной Индіи человѣкъ не можетъ просидѣть неподвижно дня, чтобы весь лѣсной міръ не надвинулся на него, подобно тому, какъ скалу обростаетъ мохъ, и въ этой глуши дикіе звѣри, которые хорошо знали святилище Кали, скоро явились, чтобы взглянуть на нарушителя ихъ покоя. *Лангары*, большія сѣдоусыя, гималайскія обезьяны, прибѣжали, конечно, первыя, потому что онѣ только и живутъ любопытствомъ; и когда онѣ опрокинули чашу и покатали ее по полу и попробовали зубами обитую мѣдью у рукоятки клюку и погримасничали передъ антилоповой шкурой, онѣ рѣшили, что человѣческое существо, которое сидѣло при всемъ этомъ такъ неподвижно, должно быть безвреднымъ. Вечерами онѣ соскакивали съ сосенъ, протягивали руки, прося пищи, и убѣгали затѣмъ изящными скачками. Онѣ также любили тепло огня и толпились вокругъ него, такъ что Пурáнъ Багáту приходилось отталкивать ихъ, чтобы подбросить дровъ. А утромъ онъ часто находилъ у себя подъ одѣяломъ мохнатую обезьяну; и цѣлыми днями которая-нибудь изъ нихъ сидѣла рядомъ съ нимъ, глядя на снѣга, и что-то нашептывала съ глубокомысленнымъ, грустнымъ видомъ.

За обезьянами пришелъ *барасинхъ*, большой олень, который похожъ на нашего оленя, но сильнѣе его. Онъ хотѣлъ потереть рога о холодный камень изображенія Кали и затопалъ ногами, когда увидалъ человѣка въ святилищѣ. Но Пурáнъ Багáтъ не двигался и мало-по-малу олень подошелъ къ нему и положилъ голову на плечо. Пурáнъ Багáтъ взялъ горячіе рога въ свою холодную руку

и это прикосновеніе успокоило безпокойное животное, которое теперь довѣрчиво наклонило голову, и Пура́нъ Бага́тъ сталъ нѣжно стирать кожу съ роговъ. Иногда олень приводилъ свою самку и дѣтеныша, иногда онъ приходилъ ночью одинъ и зеленые глаза его блестѣли при свѣтѣ огня. Наконецъ, пришла и мускусная антилопа, самая робкая и самая маленькая изъ антилопъ, съ большими заячьими ушами. Пура́нъ Бага́тъ называлъ ихъ всѣхъ «братьями» и его тихій зовъ «*бхай, бхай*» вызывалъ ихъ въ полдень изъ лѣсу, если они бродили по близости. Черный медвѣдь Гималая, угрюмый и подозрительный *Сона*—съ бѣлымъ значкомъ вродѣ римской пятерки подъ бородою, не разъ проходилъ мимо святилища, и, такъ какъ Бага́тъ не обнаруживалъ страха, то и *Сона* не сердился, а напротивъ, сталъ присматриваться къ нему и просить своей доли ласкъ и куска хлѣба или ягодъ. Часто, въ тихіе часы утренней зари, когда Бага́тъ взбирался на самый верхъ горнаго прохода, чтобы взглянуть на то, какъ розовый день перебирался съ одной вершины на другую, за нимъ, волоча ногу и ворча, шелъ *Сона*, запуская любопытную лапу подъ свалившіеся стволы и вытаскивая ее съ нетерпѣливымъ рычаніемъ; иногда рано утромъ его шаги будили медвѣдя, который спалъ, свернувшись въ клубокъ; заслышавъ шаги, огромный звѣрь вставалъ на заднія ноги, готовясь къ борьбѣ, пока не раздавался голосъ Бага́та и онъ не узнавалъ своего лучшаго друга.

Почти всѣмъ отшельникамъ и святымъ людямъ, которые живутъ вдали отъ городовъ, приписывается способность творить чудеса съ дикими звѣрями; все чудо, однако, заключается въ неподвижности, отсутствіи рѣзкихъ движеній и умѣніи не смотрѣть прямо на приходящихъ звѣрей. Жители деревни видѣли, какъ олень бродилъ точно тѣнь по темному лѣсу за святилищемъ, видѣли гималайскаго фазана, съ его блестящими перьями, стоящимъ передъ изображеніемъ Кали, и обезьянъ, играющихъ орѣховыми скорлупами внутри храма. Иногда дѣти слышали, какъ *Сона* пѣлъ самому себѣ, по медвѣжьему обычаю, за скалами; и всѣ были убѣждены, что Бага́тъ—чудотворецъ.

Между тѣмъ чудеса были ему совершенно чужды: онъ вѣрилъ, что въ мірѣ не одно великое чудо, и когда человѣкъ это знаетъ, то онъ дѣйствительно нѣчто знаетъ. Бага́тъ былъ увѣренъ, что въ мірѣ нѣтъ ни большого, ни малаго; и день и ночь онъ старался вдумываться въ сердце вещей — туда, откуда пришла его душа.

Такъ онъ сидѣлъ и думалъ, и волосы его, не обрѣзанные, падали длинными прядями по плечамъ; въ каменной плитѣ, тамъ,

гдѣ опиралась его клюка, образовалась маленькая ямка, корни, гдѣ ставилась чаша, стали гладки, какъ кокосъ, изъ котораго она была сдѣлана; и звѣри всѣ уже знали свое мѣсто у огня. Съ временами года поля мѣняли свой цвѣтъ; гумна наполнялись и пустѣли, и снова наполнялись и снова пустѣли; и опять и опять, когда приходила зима, обезьяны прыгали среди снѣжнаго пуха вѣтвей, пока самки не приносили весною изъ теплыхъ долинъ маленькихъ дѣтенышей съ грустными глазами. Въ деревнѣ мало что мѣнялось: жрецъ постарѣлъ и многія изъ тѣхъ дѣтей, которыя приносили пищу для отшельника, посылали теперь своихъ дѣтей; и когда спрашивали жителей деревни, какъ долго ихъ святой жилъ въ храмѣ Кали, на вершинѣ горнаго прохода, они отвѣчали: «всегда».

Потомъ однажды наступили такіе лѣтніе дожди, какихъ уже много лѣтъ не было въ горахъ. Три мѣсяца долина была окутана мокрымъ туманомъ и тучами, и дождь падалъ постоянно, не переставая—ливень за ливнемъ. Святилище Кали стояло почти всегда выше тучъ, и разъ даже прошелъ цѣлый мѣсяцъ, что Багáтъ не видѣлъ деревни. Она была погребена подъ бѣлыми тучами, которыя то поднимались, то опускались, то носились взадъ и впередъ, никогда не отдѣляясь вполнѣ отъ краевъ долины.

Все это время онъ слышалъ только шумъ милліона водъ: надъ собою въ деревьяхъ, у ногъ на землѣ; водà сочилась по игламъ сосенъ, падала съ папоротниковъ и стекала въ долину грязными ручьями. Потомъ вдругъ вышло солнце, и воздухъ наполнился благоуханіемъ кедровъ и рододендроновъ, и издали неслось то свѣтлое, чистое дыханіе, которое горцы зовутъ «запахомъ снѣговъ». Недѣлю солнце пекло и затѣмъ дождь собрался въ послѣдній ливень; съ неба потекли потоки, унося съ собою все съ поверхности земли. Въ эту ночь Пурáнъ Багáтъ разложилъ большой костеръ, потому что онъ зналъ, что братьямъ его нужно будетъ тепло; но ни одинъ звѣрь не пришелъ къ святилищу, хотя онъ звалъ и звалъ ихъ, пока не задремалъ, удивляясь и не понимая, что могло случиться въ лѣсу?

Въ серединѣ ночи, когда дождь непрерывно шумѣлъ, кто-то разбудилъ его, дергая за одѣяло; онъ протянулъ руку и почувствовалъ ручку обезьяны. «Здѣсь лучше, чѣмъ среди деревьевъ,—сказалъ онъ соннымъ голосомъ, раскрывая одѣяло,—завернись и согрѣйся». Но обезьяна схватила его за руку и не отпускала. «Тебѣ значитъ корму нужно», сказалъ Багáтъ, «подожди немного, я приготовлю». Онъ сталъ на колѣни передъ огнемъ, чтобъ подкинуть дровъ, но обезьяна побѣжала къ дверямъ святилища, запищала и прибѣжала назадъ.

«Въ чемъ же дѣло? Что тебя безпокоитъ, братъ?»—сказалъ Пура́нъ Бага́тъ, потому что глаза обезьяны были полны вещей, которыхъ она не умѣла сказать. «Я ни за что не выйду въ такую погоду, развѣ что кто изъ твоей братіи попался въ силокъ, да здѣсь ихъ и некому ставить. Посмотри, братъ, даже олень, пришелъ искать себѣ убѣжища».

Рога оленя застучали о стѣны святилища и стукнулись объ изображеніе Кали. Онъ опустилъ ихъ въ сторону Пура́нъ Бага́та и нетерпѣливо затопалъ, храпя полузакрытыми ноздрями.

«Хай, хай, хай»,—сказалъ Бага́тъ, щелкая пальцами.—«Такъ-то ты отплачиваешь мнѣ за кровъ? Но олень, не слушая его, толкнулъ его къ дверямъ и тутъ Бага́тъ услыхалъ какой-то вздохъ и увидѣлъ, какъ двѣ плиты пола развалились и вязкая земля подъ ними начала засасывать камень.

«Понимаю», сказалъ Бага́тъ, «братья мои были правы, что не пришли ночью сидѣть у огня. Гора обваливается. Что же? Зачѣмъ мнѣ идти?» Но тутъ глаза его упали на пустую чашу и онъ перемѣнился въ лицѣ: «они кормили меня съ тѣхъ поръ, какъ я пришелъ сюда, и если я не поспѣшу къ нимъ, то завтра не останется въ живыхъ ни души въ деревнѣ. Я долженъ предупредить ихъ. Пусти, братъ, мнѣ надо къ огню».

Олень нехотя посторонился, когда Пура́нъ Бага́тъ опустилъ факелъ въ огонь, крутя его, пока онъ совсѣмъ не разгорѣлся. «Вы пришли предупредить меня, но мы съ вами сдѣлаемъ еще лучше, еще лучше. Выходите, а ты, братъ, дай мнѣ опереться о твою шею, потому что у меня только двѣ ноги».

Онъ схватилъ правой рукой вѣтвистые рога оленя, въ лѣвую взялъ факелъ и вышелъ изъ храма въ эту страшную ночь. Вѣтра не было, но дождь почти затушилъ факелъ, когда олень сталъ спускаться ползкомъ съ горы. Когда они оставили за собой лѣсъ, къ нимъ присоединились и другіе друзья Бага́та, и онъ слышалъ рядомъ съ собою, хотя и не могъ ихъ видѣть, торопящихся обезьянъ, и за нимъ раздавался ревъ Соны. Дождь мочилъ длинные, заплетенные волосы Бага́та и они веревками падали ему на плечи; вода брызгала подъ его босыми ногами и желтое одѣяніе прилипло къ изможденному старому тѣлу, но онъ бодро спускался, опираясь на оленя. Онъ былъ уже болѣе не святой, но опять сэръ Пура́нъ Дасъ, командоръ ордена Индійской Имперіи, премьеръ большого государства, человѣкъ, привыкшій повелѣвать и шедшій теперь спасти человѣческія жизни. Внизъ по крутой, мокрой тропинкѣ мчались они всѣ вмѣстѣ, Бага́тъ и его братья, внизъ, внизъ, пока олень не стукнулся о стѣну и не засопѣлъ, почув-

ствовавъ человѣка. Они очутились у начала единственной, извилистой деревенской улицы и Багáтъ ударилъ клюкою въ рѣшетчатыя окна дома кузнеца, гдѣ подъ навѣсомъ крыши вновь запылалъ его факелъ. «На ноги и вонъ», закричалъ Пурáнъ Багáтъ, и онъ не узналъ звука собственнаго голоса, потому что уже годы онъ ни съ кѣмъ громко не говорилъ: «гора падаетъ, гора сейчасъ упадетъ; на ноги и вонъ, эй вы, въ домахъ».

«Это нашъ Багáтъ», сказала жена кузнеца, «онъ стоитъ среди своихъ звѣрей; собирай дѣтей и кликни кличъ».

И отъ дома къ дому понесся кличъ, пока Багáтъ стоялъ среди столпившихся вокругъ него звѣрей. Народъ выскочилъ на улицу— всѣхъ было человѣкъ семьдесятъ — и при свѣтѣ факеловъ они увидали, какъ ихъ Багáтъ удерживалъ испуганнаго оленя, въ то время, какъ обезьяны жалобно дергали его за платье, а медвѣдь сидѣлъ на заднихъ лапахъ и ревѣлъ.

«Черезъ долину и вверхъ на противоположную гору», закричалъ Багáтъ, «не оставляйте никого, мы бѣжимъ за вами».

Тогда народъ побѣжалъ, какъ только горцы умѣютъ бѣгать— они всѣ знали, что при обвалѣ надо взбираться какъ можно выше на противоположную гору. Они кинулись вбродъ черезъ рѣчку въ глубинѣ долины и вверхъ по уступчатымъ полямъ, а за ними Багáтъ и его братья. Вверхъ, вверхъ взбирались они, перекликаясь, чтобы сосчитаться, и за ними по пятамъ взбирался олень, поддерживая изнемогавшаго Пурáнъ Багáта. Наконецъ, олень остановился подъ густыми соснами, на пятистахъ футахъ вверхъ по горѣ. Чутье, которое предупредило его объ обвалѣ, подсказало ему, что здѣсь онъ въ безопасности.

Пурáнъ Багáтъ обезсиленный, упалъ возлѣ него на землю: холодъ, дождь и страшный подъемъ убивали его, но онъ еще крикнулъ тѣмъ, которые бѣжали впереди съ факелами: «стой, сосчитайтесь!» Затѣмъ падающимъ голосомъ Багáтъ шепнулъ оленю: «останься со мною, братъ. Останься, пока я уйду». Въ воздухѣ пронесся вздохъ, вздохъ сталъ шепотомъ, шепотъ сталъ ревомъ, ревомъ оглушающимъ, и та сторона горы, на которой стояли жители деревни, получила ударъ и затряслась отъ него. Затѣмъ всѣ звуки потонули въ низкой нотѣ, ниже самой низкой ноты органа, и сосны затряслись до самыхъ корней. Затѣмъ, нота эта начала замирать и шумъ воды, раньше падавшей съ грохотомъ на скалы и травянистые склоны, смѣнился теперь глухимъ звукомъ дождя, барабанившаго по мягкой землѣ — дѣло было сдѣлано.

Ни одинъ изъ жителей деревни, даже жрецъ, не рѣшился за-

говорить съ Багáтомъ, который спасъ имъ жизнь. Они скорчились подъ соснами и ждали дня. Когда день настал, они увидали, что тамъ, гдѣ стоялъ лѣсъ и разстилались поля и пастбища, испещренныя тропинками, теперь была только какая-то красная каша, гдѣ на краю лежало нѣсколько деревьевъ корнями вверхъ. Эта каша заполняла долину, поднималась высоко въ гору, куда они пріютились, запружая рѣчку, которая начала разливаться кирпично-краснымъ озеромъ. Отъ деревни, отъ дороги къ святилищу и отъ самаго святилища и отъ лѣса не осталось и слѣда. На милю въ ширину и на двѣ тысячи футовъ въ глубину гора сползла внизъ, какъ бы разрѣзанная съ ногъ до головы. И жители деревни одинъ за другимъ поползли черезъ лѣсъ помолиться Багáту. Они увидали, что олень стоитъ надъ нимъ—и олень убѣжалъ, когда они приблизились—услышали, что *лангары* плачутъ въ деревьяхъ, и *Сона* стонетъ на горѣ. Но ихъ Багáтъ былъ мертвъ и сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, прислонясь спиною къ дереву, опершись на клюку, и съ лицомъ, обращеннымъ на сѣверо-востокъ.

Жрецъ воскликнулъ: «Воззрите! Чудо послѣ чуда! Въ этомъ именно положеніи должны быть схоронены отшельники. Поэтому мы и построимъ храмъ нашему святому здѣсь, гдѣ онъ теперь».

И не успѣлъ годъ кончиться, какъ они выстроили храмъ—маленькое святилище изъ земли и камня. И гору они назвали Горою Багáта, и тамъ они и донынѣ приносятъ жертвы—свѣтильники, цвѣты и разныя приношенія. Но они не знаютъ, что святой, которому они молятся—покойный сэръ Пурàнъ Дасъ, командоръ ордена Индійской Имперіи, докторъ обычнаго права, докторъ философіи и проч. и проч., нѣкогда премьеръ передового и просвѣщеннаго государства Мохинивала, почетный членъ и членъ-корреспондентъ бóльшаго числа ученыхъ и научныхъ обществъ, чѣмъ можетъ пригодиться на этомъ свѣтѣ и на томъ.

ПѢСНЬ КАБИРА *).

Легокъ былъ міръ, который онъ вѣсилъ на дланяхъ своихъ; тяжела была дань многихъ земель и владѣній его.

---

*) *Кабиръ*—индійскій религіозный реформаторъ, жившій во второй половинѣ XV и началѣ XVI вѣка. Онъ училъ вѣрѣ въ единаго Бога, всемогущаго и всеблагого, образомъ котораго на землѣ служитъ человѣкъ. Человѣкъ вѣченъ, но поскольку онъ не сознаетъ свою связь съ Богомъ и свое происхожденіе отъ него, онъ подверженъ постояннымъ перерожденіямъ въ новыхъ жизняхъ. Разъ онъ позналъ себя въ Богѣ, его перерожденія кон-

Онъ ушелъ изъ совѣта и саванъ надѣлъ, и ушелъ какъ *байрáги* *) уходитъ.

Теперь бѣлый путь въ Дели разостлался ковромъ подъ ногами его; и тѣнью своею деревья отъ зною спасаютъ его.

чаются и онъ вступаетъ въ вѣчное общеніе съ божествомъ. Рай и адъ такія же существованія, какъ и жизнь здѣсь на землѣ, и такъ же временны, какъ она. Богу надо поклоняться лишь въ духѣ, а не въ храмахъ и черезъ идоловъ, «ибо,—говоритъ Кабиръ,—если Господь обитаетъ въ храмахъ, чье же жилище міръ? Кто видѣлъ Его возсѣдающимъ среди идоловъ, или кто находилъ Его въ святилищахъ, куда направляютъ стопы свои богомольцы?» И Кабиръ сказалъ: «Зачѣмъ вы брѣете головы, кладете земные поклоны, совершаете омовенія въ рѣкахъ? Вы проливаете кровь и зовете себя чистыми и хвалитесь добродѣтелями, а дѣлъ вашихъ не видитъ никто. Зачѣмъ вы очищаете уста свои, перебираете четки, совершаете омовенія, молитесь въ храмахъ и пока вы молитесь или ходите на богомолье въ Мекку и Медину, сердце ваше полно обмана? Индіецъ постится каждый одиннадцатый день, а мусульманинъ весь Рамазанъ; кто же создалъ остальные мѣсяцы и дни, что вы чтите только эти?» И такъ же горячо, какъ онъ возставалъ противъ обрядности, убивающей истинную вѣру, Кабиръ возставалъ и противъ основы всей индійской общественной жизни—касты: «каждый мужъ и каждая жена, которые когда-либо родились—одной природы съ вами», говорилъ онъ. Нравственность, которую онъ проповѣдывалъ, была проста: не убивай, ибо жизнь есть даръ Божій и созданія Божіи не могутъ отнимать ее; не лги, ибо все зло въ мірѣ и даже невѣдѣніе Бога происходятъ отъ лжи; живи вдали отъ міра, ибо только въ тишинѣ и уединеніи ты можешь безпрепятственно отдаться мысли о Богѣ. Слушайся во всемъ своего учителя, но выбирай себѣ не слѣпого и испытуй его раньше, и узнай ученіе его и дѣла его: «ибо если учитель слѣпъ, то что станется съ ученикомъ? Когда слѣпой ведетъ слѣпого, оба они падутъ въ пучину». Учителю надлежитъ быть добрымъ и терпѣливымъ съ ученикомъ: онъ можетъ наказать его только увѣщаніемъ, если же онъ не раскается и не исправится, то учитель можетъ отказать ему въ привѣтѣ; если же ученикъ откажется исправиться, то единственнымъ и послѣднимъ наказаніемъ можетъ быть только удаленіе отъ общины.

Такимъ ученіемъ, соединеннымъ съ самою широкою терпимостью, которая всегда составляла отличительную черту индійскихъ религій, Кабиръ стремился объединить и индійцевъ, и мусульманъ. Одна изъ многочисленныхъ легендъ о Кабирѣ повѣствуетъ о томъ, какъ и послѣ смерти онъ съумѣлъ чудомъ примирить и тѣхъ, и другихъ, заспорившихъ объ останкахъ учителя. Когда умеръ Кабиръ, говоритъ преданіе, надъ тѣломъ его заспорили мусульмане и индійцы: мусульмане хотѣли погребенія останковъ учителя, индійцы требовали сожженія, и каждый стоялъ за свой обычай, и споръ шелъ и примиренія не было. Какъ вдругъ кто-то сдернулъ покровъ съ тѣла Кабира и—о чудо—тѣло учителя исчезло, а тамъ, гдѣ оно было, теперь лежали цвѣты. Индійцы взяли половину цвѣтовъ, сожгли ихъ и надъ пепломъ насыпали могильный холмъ, а мусульмане взяли другую половину цвѣтовъ, погребли ихъ и построили надъ ними гробницу.

*) Байрáги—человѣкъ, отрекшійся отъ міра.

Его домъ—на дорогѣ привалъ, и толпа, и пустыня. Онъ ищетъ свой Путь, онъ *байрáги* теперь.

Онъ глядѣлъ на людей и взоръ его ясенъ. (Былъ Одинъ, есть Одинъ и есть лишь Одинъ, говоритъ Кабиръ).

Красный туманъ Дѣяній сталъ легкимъ облакомъ. Онъ выступилъ на Путь, онъ *байрáги* теперь.

Онъ пошелъ, чтобъ познать, и узнать, и учиться отъ брата земли, отъ брата дикаго звѣря, отъ брата своего Бога.

Онъ ушелъ изъ совѣта и саванъ надѣлъ. (Внемлите вы? говоритъ Кабиръ). Онъ *байрáги* теперь.

Индійская жизнь для европейца представляетъ рядъ противорѣчій—смѣсь высокой европейской культуры съ остатками глубокой старины; европейцу трудно бываетъ понять, какъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ передовыя идеи девятнадцатаго вѣка уживаются съ преданіями, которыя и теперь такъ же живы, какъ они были двадцать вѣковъ тому назадъ. Между тѣмъ, эта двойственность на самомъ дѣлѣ существуетъ и яркій разсказъ Киплинга рисуетъ намъ картину изъ дѣйствительной жизни современной Индіи. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, мы укажемъ хотя бы только на бывшаго *перваго министра* Махараджи Бхаунагарскаго, *Кавалера ордена Индійской имперіи* г. Гаури-шанкáръ Удай-шанкара, который недавно еще вышелъ въ отставку и сдѣлался отшельникомъ. Онъ поступилъ, какъ велитъ древній законъ, и онъ и Пурáнъ Багáтъ только сдѣлали то, что до нихъ дѣлали милліоны брахмановъ въ теченіе десятковъ вѣковъ.

Чтобы показать, какъ мало съ теченіемъ времени измѣнилась въ Индіи жизнь отшельниковъ, подобныхъ Пурáнъ Багáту, мы приведемъ описаніе жизни отшельника изъ *Законовъ Ману*, которые даютъ намъ картину индійскихъ нравовъ, по крайней мѣрѣ, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ.

Изъ шестой книги Законовъ Ману.

«Прочтя, какъ велитъ законъ, Веды, произведя на свѣтъ сыновей, принеся по мѣрѣ силъ жертвы, пусть человѣкъ направитъ мысли свои на конечное освобожденіе...

Принеся жертву Творцу, раздавъ жрецамъ все имущество свое... пусть Брахмáнъ покинетъ свой домъ.

Пусть онъ идетъ одинъ, безъ спутника... пусть онъ не имѣетъ дома, безразличный ко всему, твердый въ своихъ начинаніяхъ, молчаливый, пусть онъ размышляетъ о божествѣ.

Да не желаетъ онъ умереть, да не желаетъ онъ жить; пусть ждетъ онъ своего времени, какъ слуга ожидаетъ мзды своей...

Однажды въ день пусть онъ ходитъ за подаяніемъ и не стремится получить многое, ибо отшельникъ, который заботится о подаяніи, прилѣпляется къ страстямъ.

Когда перестанетъ дымъ подыматься изъ деревенскихъ трубъ, когда пестики въ ступкахъ замолкнутъ, и уголья потухнутъ, и народъ кончитъ

ѣду свою и уберутъ со столовъ остатки, тогда пусть отшельникъ идетъ за своимъ подаяніемъ.

Пусть не скорбитъ онъ, когда ничего не получитъ, пусть не радуется, когда получаетъ; пусть беретъ только то, что нужно для поддержанія жизни и пусть будетъ ему безразлична пища, которую онъ получаетъ.

Мало вкушая, стоя или сидя въ одиночествѣ, пусть онъ обуздываетъ чувства свои, если остались въ немъ вожделѣнія. Обузданіемъ чувствъ, пресѣченіемъ любви и ненависти, воздержаніемъ отъ насилія онъ готовитъ себѣ безсмертіе.

Да размышляетъ онъ о перерожденіяхъ людей, которыя происходятъ отъ ихъ грѣховъ, объ адахъ, куда попадаютъ люди, о мученіяхъ въ мірѣ Ямы (богъ смерти).

Да размышляетъ онъ о томъ, что надо разставаться со всѣмъ, что мило, и соединяться съ тѣмъ, что ненавистно; и о томъ да размышляетъ онъ, что страсть одолѣваетъ человѣка и мучатъ его болѣзни. И о томъ, какъ душа покидаетъ тѣло и воплощается въ новое тѣло, и странствуетъ по десяткамъ тысячъ милліоновъ существованій. И о томъ, какъ страдаетъ душа черезъ тѣло—плодъ ея дурныхъ дѣлъ; и о томъ да размышляетъ онъ, какъ правдою достигается высшее, непреходящее блаженство.

Глубокимъ созерцаніемъ да познаетъ онъ природу Міровой Души, которая живетъ во всѣхъ существахъ, высшихъ и низшихъ».

Переводъ съ примѣчаніями **С. Ольденбурга.**

Эволюція рабства у различныхъ человѣческихъ расъ.

Шарля Летурно.

Переводъ съ французскаго Э. Пименовой.

Глава I.

Рабство въ царствѣ животныхъ.

Предварительныя замѣчанія.—Методъ въ позитивной соціологіи.—Человѣкъ и животное. — Превосходство нѣкоторыхъ обществъ животныхъ. — Рабочія касты у муравьевъ и термитовъ.—Трудъ равноправный и трудъ дифференцированный.—Касты у термитовъ.—Органическое приспособленіе къ различнымъ функціямъ.—Недостаточность наличнаго военнаго состава.—Рабство у муравьевъ.—Въ первобытномъ рабствѣ обнаруживается прогрессъ.—Прирученіе и рабство.—Пастушескіе муравьи.—Грабительскіе набѣги.—Мирмекофагія. — Война и рабство. — Набѣги муравьевъ для пріобрѣтенія невольниковъ.—Какъ пріобрѣтаются вѣрные рабы. — Любовь къ господину. — Неинтеллигентная аристократія.—Функціональное уродство —Возмущенія слугъ.—Нравственная метаморфоза посредствомъ воспитанія.—Расы, рожденныя для рабства. — Раболѣпство у высшихъ животныхъ. — Деспотизмъ и рабство. — Соціальный вопросъ у животныхъ.—Анархическія стаи.—Равноправный трудъ у бобровъ.—Специализація функцій у высшихъ позвоночныхъ.—Касты.—Эволюція въ обществахъ животныхъ.

Въ своихъ предшествующихъ работахъ я послѣдовательно изучилъ нѣкоторые изъ большихъ отдѣловъ этнографической соціологіи и всегда при этомъ старался придать объективный характеръ своимъ соціологическимъ изслѣдованіямъ, избѣгая всякихъ апріорныхъ системъ и обобщеній, лишенныхъ основы. Мои теоріи были только простымъ и непосредственнымъ выраженіемъ фактовъ, наблюдаемыхъ мною.

Такой методъ, безъ сомнѣнія, отличается медленностью и требуетъ продолжительныхъ изысканій, но безъ него нельзя было бы построить никакой соціологіи, которая была бы достойна называться научной; соціологія можетъ существовать лишь подъ условіемъ, чтобы она была наукою, основанною на наблюденіяхъ.

Предметъ, который я собираюсь изучать въ этой книгѣ, не уступаетъ въ важности предшествующимъ. Мнѣ предстоитъ здѣсь доказать аналитическимъ путемъ, какъ народилось рабство и почему, какую роль оно играло въ эволюціи обществъ, какія оно могло оказать услуги, какія породило бѣдствія, по какой причинѣ его первоначальная суровость мало-по-малу смягчилась, какія оно претерпѣло превращенія и какіе слѣды, еще довольно глубокіе, оно оставило на умственной организаціи человѣчества и на всѣхъ учрежденіяхъ нашего современнаго общества. Дѣйствительно ли оно теперь совершенно исчезло, какъ намъ желательно было бы думать и утверждать?

Чтобы освѣтить всѣ эти стороны исторіи рабства, мнѣ придется перечислить, произвести оцѣнку и классифицировать цѣлую массу фактовъ, заимствованныхъ преимущественно изъ исторіи и этнографіи, разъясняя одни посредствомъ другихъ. Много разъ мнѣ приходилось говорить, что въ научномъ изслѣдованіи нельзя слѣдовать дурному примѣру, который намъ даютъ метафизики и, такъ же какъ они, отводить человѣку отдѣльное мѣсто во вселенной. Человѣкъ, даже самаго низшаго разряда, конечно представляетъ много особенностей и сознательная жизнь дикаря, даже самаго первобытнаго, все-таки обладаетъ такою глубиной, которая совершенно недоступна ни одному, даже самому умному животному. Но между человѣкомъ и животнымъ разница заключается лишь въ степени, а не въ сущности; то, что находилось лишь въ зародышѣ у второго, подверглось простому развитію у перваго. Съ точки зрѣнія физической, нравственной и интеллектуальный «Genus homo» не болѣе, какъ такое же животное, только достигшее высшаго развитія. Подъ вліяніемъ условій, которыя до сихъ поръ намъ очень мало извѣстны, мозгъ, а слѣдовательно и умъ человѣка, достигли развитія, недоступнаго даже самому умному изъ животныхъ, но, тѣмъ не менѣе, человѣкъ все-таки животное, высшее, позвоночное, млекопитающее, и не долженъ отрекаться отъ своего происхожденія. Поэтому-то, въ началѣ всѣхъ своихъ соціологическихъ монографій, я и считалъ всегда своимъ долгомъ отыскивать въ нравахъ соціальныхъ животныхъ аналогичныя и даже идентичныя черты тѣмъ, которыя я изучалъ въ данный моментъ въ человѣческихъ обществахъ. Такія сопоставленія чрезвычайно интересны, потому что они показываютъ намъ въ схематическомъ или зародышевомъ состояніи тѣ способности, потребности и учрежденія, которыя достигли у человѣка такого развитія и сложности, что ихъ роскошный ростъ, въ концѣ концовъ, совершенно заслонилъ ихъ происхожденіе. Чтобы не измѣнять та-

кому разоблачающему методу, мы должны и теперь, прежде чѣмъ приступить къ изученію рабства у человѣческихъ расъ, поискать аналогій въ обществахъ животныхъ.

Извѣстно, что въ отношеніи соціальной организаціи у животныхъ, пальма первенства далеко не принадлежитъ такимъ типамъ, на которые мы привыкли смотрѣть какъ на высшіе, т.-е. позвоночнымъ млекопитающимъ, не исключая и наисовершеннѣйшихъ изъ нихъ. Именно у безпозвоночныхъ, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ изъ нихъ, мы встрѣчаемъ наиболѣе соціальные организмы, оставляющіе даже далеко позади общества нѣкоторыхъ низшихъ человѣческихъ расъ. Съ точки зрѣнія рабства наиболѣе интересны для насъ муравьи-рабовладѣльцы, но прежде чѣмъ описывать, какъ у нихъ понимается рабство, необходимо вкратцѣ изслѣдовать общества термитовъ, у которыхъ соціальный вопросъ разрѣшился далеко не такъ, какъ онъ разрѣшается человѣческими обществами.

Для всѣхъ живущихъ родовъ, какъ животныхъ, такъ и растительныхъ, жизнь составляетъ вѣчную борьбу, потому что надо питаться и размножаться подъ страхомъ смерти и вопреки ожесточенной конкурренціи, существующей между соперничествующими родами. Кромѣ того, между индивидами, принадлежащими къ одному и тому же виду, существуетъ такое же соперничество и однимъ только фактомъ своего существованія они взаимно увеличиваютъ трудности жизни. По крайней мѣрѣ такъ бываетъ до тѣхъ поръ, пока индивиды находятся въ періодѣ анархіи и имѣютъ своимъ девизомъ: «каждый для себя». Для смягченія суровости этой борьбы, гдѣ одинъ выступаетъ противъ всѣхъ и всѣ противъ одного, существуетъ единственный способъ—ассоціація, и этотъ способъ тѣмъ болѣе дѣйствительный, чѣмъ ассоціація тѣснѣе. Таковъ всеобщій законъ, которому одинаково подчиняются какъ люди, такъ и животныя.

Въ нѣсколько болѣе сложномъ обществѣ необходимыя соціальныя функціи должны отличаться разнообразіемъ: надо защищать себя отъ вредныхъ вліяній внѣшней среды, отъ нападенія соперничествующихъ родовъ и обществъ; надо въ то же время заниматься домашними дѣлами и работами, которыя можно назвать промышленными и добросовѣстное выполненіе которыхъ необходимо для общаго блага. Такъ бываетъ въ человѣческихъ обществахъ; такъ бываетъ и въ обществахъ животныхъ, напримѣръ, у муравьевъ, пчелъ, термитовъ, промысловыя способности которыхъ уже довольно развиты.

Для удовлетворенія общественныхъ потребностей существуютъ различныя средства и учрежденія и самымъ простымъ способомъ

будетъ равенство обязанностей. Въ обществахъ, гдѣ придерживаются этого способа, не существуетъ еще никакого раздѣленія соціальнаго труда; каждый индивидъ одновременно производитель, рабочій и воинъ. Нѣтъ также никакой іерархіи; члены соціальнаго организма добровольно исполняютъ всѣ работы и обязанности, необходимыя для общей пользы. Такой простой соціальный типъ встрѣчается у собакъ, бобровъ, дикихъ лошадей и бизоновъ. Наоборотъ, въ муравьиныхъ общинахъ существуетъ уже рѣзкое подраздѣленіе, выражающееся даже органическими признаками; вопроизводители мужского и женскаго рода рѣзко отличаются отъ рабочихъ, но среди рабочихъ имѣетъ силу режимъ свободной, произвольной и анархической коопераціи. Соціальный организмъ, впрочемъ, нисколько не страдаетъ отъ этого, такъ какъ психическая организація рабочихъ совершенно одинакова и всѣ они съ одинаково-страстнымъ рвеніемъ заботятся объ общей пользѣ и въ случаѣ нужды даже жертвуютъ собою для общаго блага.

У муравьевъ-рабовладѣльцевъ соціальная организація сложнѣе. У нихъ возникъ искусственнымъ образомъ, вслѣдствіе войнъ и набѣговъ, классъ рабовъ, настолько хорошо выдрессированныхъ съ самаго дѣтства, по выходѣ изъ куколки, что имъ даже въ голову никогда не приходитъ избавиться отъ рабства. Въ то время, какъ ихъ господа занимаются исключительно хищническими войнами для постояннаго пополненія своего безплоднаго класса рабочихъ-рабовъ, эти рабы съ неустаннымъ рвеніемъ выполняютъ всѣ прочія соціальныя обязанности и, повидимому, находятъ въ рабствѣ величайшее наслажденіе.

Но поддержаніе соціальнаго строя и выполненіе необходимыхъ для этого работъ можетъ быть достигнуто и другимъ путемъ, безъ помощи рабства. Достаточно для этого, чтобы члены одного и того же общества раздѣлились на классы, отличные другъ отъ друга и несущіе различныя обязанности; на однихъ будетъ спеціально возложена обязанность воспроизведенія. другіе будутъ нести на себѣ домашнія обязанности, третьи—военныя. Тогда уже ассоціація перестанетъ служить бичомъ для своихъ сосѣдей. Нѣтъ надобности въ невольничьихъ набѣгахъ; соціальный организмъ удовлетворяетъ собственными средствами всѣмъ своимъ потребностямъ и военные классы могутъ ограничиться только единственною законною войной—оборонительной.

Первый соціальный типъ, указанный нами, типъ рабочей анархіи, равноправной и произвольно организованной, осуществляется, повидимому, въ нѣкоторыхъ обществахъ млекопитающихъ, у лошадей, бизоновъ, дикихъ собакъ и въ особенности у бобровъ. Такой же

типъ мы находимъ у пчелъ и у большинства муравьиныхъ видовъ, за исключеніемъ воспроизводительной функціи, которая у нихъ спеціализировалась. Второй типъ—рабовладѣльческій, имѣетъ своимъ представителемъ кровожадныхъ муравьевъ-амазонокъ, о которыхъ я буду говорить дальше. Третій типъ—общество, раздѣленное на военную и промышленную касты можно наблюдать наилучшимъ образомъ у африканскихъ, американскихъ и азіатскихъ термитовъ. У этихъ умныхъ насѣкомыхъ, архитектурныя постройки которыхъ значительно превосходятъ своею относительною величиной египетскія пирамиды, существуютъ воспроизводители, также какъ у пчелъ и муравьевъ, затѣмъ рабочіе и еще одинъ классъ или каста—военная каста.

Такія раздѣленія соціальнаго труда невольно напоминаютъ намъ организацію древнихъ имперій, а именно: королевствъ Индіи. Впрочемъ, у термитовъ спеціализація функцій имѣетъ гораздо болѣе глубокій характеръ, чѣмъ въ нашихъ человѣческихъ обществахъ. Дѣло въ томъ, что индивидуальная жизнь термитовъ, также какъ жизнь муравьевъ и пчелъ, очень кратковременна; у нихъ поколѣнія смѣняются въ тридцать-сорокъ разъ быстрѣе, чѣмъ у человѣка, и функціи оставляютъ поэтому на органахъ гораздо болѣе глубокіе слѣды, чѣмъ это наблюдается въ нашихъ человѣческихъ обществахъ. Безъ сомнѣнія, у термитовъ профессіональныя касты существуютъ уже многія тысячи лѣтъ и ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что онѣ предшествовали даже появленію человѣка на землѣ, поэтому-то онѣ и отличаются другъ отъ друга очень значительными органическими измѣненіями. Такъ у термитовъ рабочихъ ротъ круглый и гладкій, прекрасно приспособленный для выполненія своей работы: вспахиванія земли и передвиганія строительныхъ матеріаловъ. Наоборотъ, у воиновъ термитовъ голова относительно велика и снабжена сильными роговыми клещами, напоминающими своею формою наши пики и трезубцы. Эти профессіональныя приспособленія очень выгодны для тѣхъ обязанностей, которыя надо выполнить, но онѣ навсегда прикрѣпляютъ индивидовъ къ той кастѣ, къ которой они принадлежатъ. Воинъ термитъ годится только для того, чтобы сражаться; рабочій—только для работы; поэтому они никогда и не присвоиваютъ себѣ чужихъ обязанностей. Термиты рабочіе — это каменщики, архитекторы и инженеры; они постоянно сооружаютъ и расширяютъ городъ термитовъ, строя новые покои для удовлетворенія новыхъ нуждъ и прокладывая крытыя галлереи и защищенныя дороги; они воспитываютъ и заботятся о молодомъ поколѣніи, а также о такъ называемой королевской четѣ—воспроизводитель-

ной парѣ и, наконецъ, они же наблюдаютъ и руководятъ воспроизводительною функціей этой пары.

Воины термиты, наоборотъ, ограничиваются лишь тѣмъ, что защищаютъ республику съ величайшею энергіей противъ всѣхъ внѣшнихъ враговъ, каковы бы они ни были. Рабочіе всегда готовы трудиться, стачекъ у нихъ не бываетъ; воины же всегда готовы сражаться и, смотря по обстоятельствамъ, обѣ касты быстро уступаютъ другъ другу мѣсто. Рабочіе никогда не сражаются, а воины никогда не работаютъ. Если внезапно разрушить часть стѣнки гнѣзда термитовъ и обнажить уголокъ галлерей и внутреннихъ комнатъ, то рабочіе немедленно скрываются въ глубь «термиторіума» и на ихъ мѣсто появляются воины, очень озабоченные, бѣгающіе взадъ и впередъ и изслѣдующіе брешь своими усиками. Убѣдившись, что дѣло идетъ только о матеріальномъ ущербѣ и нѣтъ враговъ, съ которыми надо было бы сразиться, воины тотчасъ же уступаютъ мѣсто рабочимъ и эти послѣдніе немедленно принимаются исправлять повреждeніе; воины же возвращаются въ свои глубокія, темныя убѣжища, отрядивъ изъ своей среды лишь нѣсколькихъ индивидовъ, которые остаются, вѣроятно, на случай возможнаго возвращенія опасности. Эти воины-термиты представляютъ опасныхъ противниковъ; своими ужасными клещами они наносятъ глубокія раны и заставляютъ отступать даже человѣка.

Въ этомъ любопытномъ распредѣленіи соціальныхъ обязанностей мы должны указать на одно обстоятельство, на разумную соразмѣрность, существующую между числомъ воиновъ и числомъ рабочихъ. Термиты преподаютъ намъ хорошій примѣръ: они ничего не приносятъ въ жертву военному безумію, выражающемуся въ стремленіи владѣть чудовищными военными силами; военная каста у нихъ относительно немногочисленна и составляетъ лишь одну сотую часть всего населенія. Соціальное дифференцированіе произошло у термитовъ, слѣдовательно, безъ содѣйствія рабства, которое мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ другихъ породъ муравьевъ.

Изучая рабство у муравьевъ, мы увидимъ, что оно имѣло для нихъ дурныя послѣдствія, такія какъ и для человѣческихъ обществъ, основанныхъ на рабствѣ, но намъ придется все-таки не разъ, говоря о рабствѣ въ первобытныхъ обществахъ, признать, что оно составляло большой шагъ впередъ въ этихъ обществахъ, такъ какъ уничтожило жестокія избіенія и дозволило объединившимся группамъ выйти до нѣкоторой степени изъ состоянія дикаго звѣрства. Въ царствѣ животныхъ мы встрѣчаемъ рабство только у муравьевъ, т. е. у наисовершеннѣйшихъ изъ класса

безпозвоночныхъ. Очевидно, что инстинктъ рабства и инстинктъ прирученія нѣкоторыхъ животныхъ стоятъ другъ къ другу очень близко; оба указываютъ на существованіе предусмотрительности, заглядыванія въ будущее, не свойственнаго какъ большинству животныхъ, такъ и низшимъ человѣческимъ расамъ. Даже у муравьевъ эти инстинкты, или вѣрнѣе: идеи, встрѣчаются только у нѣкоторыхъ породъ, не примѣняющихъ ихъ однако одинаково разумно и не обладающихъ ими въ одинаковой степени. Такъ рыжіе, чернобурые и красные муравьи умѣютъ доить тлей и поэтому ежедневно отправляются на поиски за ними, но мысль о заключеніи ихъ въ свое гнѣздо или о помѣщеніи ихъ наружи какъ-бы въ стойлахъ, еще не возникала у нихъ; они ограничиваются лишь доеніемъ тлей, оставляя ихъ на свободѣ. Нѣкоторыя же другія породы муравьевъ поступаютъ наоборотъ и, захвативъ тлей въ неволю, превращаютъ ихъ въ настоящій домашній скотъ, котораго они доятъ и въ случаѣ нужды съѣдаютъ. На первомъ мѣстѣ мы должны поставить желтыхъ муравьевъ, уносящихъ тлей въ свои гнѣзда, гдѣ они остаются подъ постояннымъ надзоромъ; эти муравьи переносятъ тлей съ мѣста на мѣсто единственно только для того, чтобы ихъ доить, но никогда не съѣдаютъ ихъ и, слѣдовательно, поступаютъ съ ними такъ же, какъ индуссы со своими коровами. Желтые муравьи тщательно оберегаютъ свой скотъ и въ случаѣ нужды уносятъ его въ своихъ челюстяхъ, чтобы избавить отъ нападенія другихъ муравьевъ. Иногда они заключаютъ тлей въ родъ стойлъ, приспособленныхъ для этой цѣли.

Изучая войну у различныхъ человѣческихъ расъ, мы можемъ видѣть, что у пастушескихъ народовъ обладаніе скотомъ служитъ постоянною причиною распрей, поводомъ къ грабительскимъ набѣгамъ. То же самое происходитъ и у муравьевъ и обитатели ближайшихъ муравейниковъ никогда не упускаютъ случая забраться къ своимъ сосѣдямъ, чтобы похитить у нихъ тлей. Между тѣмъ, несмотря на существенную аналогію между рабомъ и домашнимъ животнымъ, одинъ можетъ все-таки существовать безъ другого, какъ это наблюдается у муравьевъ и въ нѣкоторыхъ человѣческихъ обществахъ.

Извѣстно, какъ распространена антропофагія у низшихъ человѣческихъ расъ. Ея эквивалентъ: мирмекофагія, т. е. поѣданіе себѣ подобныхъ, гораздо рѣже встрѣчается у муравьевъ, но все-таки ее можно встрѣтить и у нихъ и иногда она существуетъ одновременно съ инстинктомъ рабства. Это можно наблюдать, напримѣръ, у кровавыхъ муравьевъ, которые, имѣя въ своемъ муравейникѣ цѣлое населеніе рабовъ чернобурыхъ муравьевъ, настолько еще не вышли изъ со-

стоянія, первобытной дикости, что отправляются устраивать засады для другихъ муравьевъ, хватаютъ ихъ и пожираютъ, поступая въ этомъ отношеніи совершенно такъ, какъ нѣкоторыя низшія человѣческія расы. Наоборотъ, настоящіе невольничьи муравьи, напримѣръ амазонки, вполнѣ избавились отъ звѣрской наклонности къ мирмекофагіи. Именно у муравьевъ амазонокъ и надо изучать учрежденіе рабства, такъ какъ оно у нихъ лучше понято и организовано, чѣмъ во многихъ человѣческихъ обществахъ.

У этихъ муравьевъ, какъ и у людей, война служитъ поставщицею рабства. Въ этомъ отношеніи способъ дѣйствія муравьевъ чрезвычайно напоминаетъ способы дѣйствія людей, съ тою лишь разницею, что муравьи дѣйствуютъ обдуманнѣе и менѣе жестоко, нежели низшіе типы человѣчества. Такъ, муравьи вовсе не пускаются наудачу. Прежде чѣмъ отправиться въ походъ, они стараются разузнать, насколько возможно все, что касается положенія муравейника, который они собираются ограбить, о его средствахъ защиты и всѣхъ препятствіяхъ, которыя надо будетъ побѣдить. Съ этою цѣлью муравьи организуютъ настоящую службу шпіоновъ и развѣдчиковъ. Отдѣльные муравьи, исполняющіе эти должности, изслѣдуютъ округъ и въ особенности сухія мѣста, гдѣ устраиваются муравейники. Выполнивъ свою миссію, они возвращаются въ свой муравейникъ, гдѣ ихъ уже ожидаетъ экспедиціонный корпусъ, готовый выступить въ походъ. Двигая челюстями, усиками и ударяясь лбами о лбы своихъ товарищей, эти муравьи развѣдчики и шпіоны передаютъ имъ всѣ собранныя ими свѣдѣнія. Тогда муравьи-воины, ознакомившіеся уже во время предшествовавшихъ экспедицій и изслѣдованій, съ топографіей окрестностей, съ числомъ и положеніемъ въ ней муравейниковъ, отправляются въ походъ цѣлою колонною, фронтъ которой составляютъ восемь или десять легіонеровъ. Въ этомъ муравьиномъ войскѣ начальниковъ нѣтъ; каждый солдатъ прекрасно знаетъ, чего онъ хочетъ и куда идетъ и одно общее желаніе воодушевляетъ всю армію. Всѣ торопятся, стараются пройти впередъ, но не разбрасываются и не опережаютъ фронта, а умѣряютъ до нѣкоторой степени свой пылъ и входятъ въ ряды. Нѣкоторые муравьи, или болѣе ретивые, или же обладающіе большимъ авторитетомъ, постоянно перебѣгаютъ отъ одного конца колонны къ другому, вѣроятно чтобы возбудить ея рвеніе и заставить ее двигаться быстрѣе. Другіе возвращаются въ свой муравейникъ, чтобы подогнать опоздавшихъ, не присоединившихся почему-либо къ экспедиціонному отряду.

Такія экспедиціи, набѣги, организуются обыкновенно противъ

муравьевъ другой породы, меньшаго размѣра и болѣе темнаго цвѣта, названныхъ мирмекологами «чернобурыми». Муравьи этой негритянской породы менѣе сильны, нежели рыжіе муравьи, но такъ же мужественны, какъ и они, и гораздо болѣе искусны и трудолюбивы. Однако, имѣя несчастье быть болѣе слабыми, нежели менѣе умные аристократическіе муравьи-амазонки, они часто становятся жертвами грубаго насилія со стороны этихъ послѣднихъ, служа по своему доказательствомъ того, что въ военной конкурренціи побѣда вовсе не остается непремѣнно на сторонѣ наиболѣе достойныхъ, какъ это утверждаютъ многіе изъ нашихъ софистовъ. Притомъ же эти маленькіе муравьи никогда не сдаются безъ борьбы, они умѣютъ защищать свое государство и даже жертвовать собою ради него. Не разсчитывая и не принимая во вниманіе неравенства силъ, первые муравьи, завидѣвшіе приближеніе непріятельской арміи, кидаются на нее и такимъ образомъ поднимаютъ тревогу; тотчасъ же къ нимъ на помощь являются ихъ сотоварищи. Послѣ жаркаго боя, чернобурые муравьи обыкновенно бываютъ побѣждены и муравьи-амазонки проникаютъ во внутрь ихъ городка либо черезъ входныя отверстія, либо черезъ бреши. Человѣческіе воины, въ такихъ случаяхъ, при взятіи приступомъ какого-нибудь города производятъ въ немъ полное опустошеніе, поджигаютъ и убиваютъ, только ради удовлетворенія своей кровожадности. Муравьи-амазонки совсѣмъ не обнаруживаютъ подобной воинственной ярости; они убиваютъ лишь тогда, когда это безусловно необходимо для достиженія цѣли. Они даже не забираютъ въ плѣнъ взрослыхъ муравьевъ, плѣненіе которыхъ было бы для нихъ безполезно и даже причинило бы имъ затрудненія, но они набрасываются на личинки чернобурыхъ муравьевъ, въ которыхъ заключаются всѣ надежды побѣжденнаго города. Поступая такъ, они вовсе не думаютъ объ уничтоженіи этихъ личинокъ чуждой породы, но о похищеніи ихъ, и, захвативъ эти личинки и куколки, амазонки торопятся вернуться въ свой муравейникъ, унося добычу въ своихъ челюстяхъ. Нѣкоторые изъ чернобурыхъ муравьевъ, несмотря на свое пораженіе, бросаются всетаки вслѣдъ за побѣдителями и иногда имъ удается вырвать у нихъ нѣсколько куколокъ. Случается, что амазонки возвращаются снова, послѣ нѣкотораго промежутка, во второй и третій разъ и снова грабятъ муравейникъ, но тогда уже чернобурые муравьи серьезно оспариваютъ у нихъ побѣду, устраиваютъ баррикады у входа въ свой городокъ и увеличиваютъ внутреннюю стражу. Но, къ сожалѣнію, все это мужество обыкновенно ни къ чему не ведетъ, сила побѣждаетъ право, и чернобурымъ муравьямъ ничего

болѣе не остается, какъ спасаться бѣгствомъ, пока есть время, и гдѣ-нибудь подальше основать новый муравейникъ.

Если муравьи-амазонки и совершаютъ эти воинственные набѣги и похищаютъ личинки другихъ муравьевъ, то дѣлаютъ они это вовсе не изъ страсти къ убійству, какъ это дѣлаютъ люди, а чтобы пополнить ряды своихъ рабовъ. Раньше, говоря о человѣческихъ войнахъ, я описалъ ужасные набѣги охотниковъ за невольниками въ Центральной Африкѣ, сожженіе селеній и безжалостное истребленіе всего населенія, по краймей мѣрѣ той части, которая не предназначается ни для продажи, ни для тяжелаго рабства. Насколько же разумнѣе поступаютъ амазонки! Они даже не пробуютъ обращать въ рабовъ взрослыхъ муравьевъ, вѣроятно уже по опыту зная, что такая попытка не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Но они замѣтили, что съ личинками дѣло обстоитъ иначе. Въ самомъ дѣлѣ, изъ этихъ послѣднихъ выходятъ муравьи, не имѣющіе никакихъ воспоминаній о своемъ родномъ муравейникѣ, такъ какъ они его не знали никогда. Кромѣ того, они не испытали никакого насилія со стороны своихъ похитителей и поэтому не имѣютъ никакихъ причинъ ненавидѣть ихъ. Сами не зная этого, они перемѣнили отечество и къ своему новому отечеству питаютъ такую же безкорыстную преданность, какую они питали бы къ своему настоящему отечеству, еслибъ знали его. Въ своемъ новомъ отечествѣ они обнаруживаютъ такое же неустанное трудолюбіе, такую же разумную дѣятельность, какая вообще является преобладающею чертой у рабочихъ муравьевъ всѣхъ породъ. Къ своимъ господамъ, муравьямъ-амазонкамъ, они питаютъ чувства привязанности. Впрочемъ эти послѣдніе никогда и не обращаются съ ними дурно. Въ смѣшанныхъ муравейникахъ между амазонками и чернобурыми муравьями не замѣчается ни притѣсненій съ одной стороны, ни раболѣпства—съ другой. Въ основаніи этого разнороднаго муравьинаго общества лежитъ кастовый режимъ, но примѣняется онъ разумно и между высшими и низшими существуетъ только раздѣленіе труда. Исключительное достояніе амазонокъ составляетъ военная карьера и ихъ соціальныя обязанности заключаются лишь въ пополненіи, посредствомъ воинственныхъ набѣговъ, класса чернобурыхъ рабовъ. Другихъ услугъ отъ нихъ не требуется и сами рабы наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы ихъ господа выполняли какъ слѣдуетъ свою миссію; поэтому, напримѣръ, они не пускаютъ амазонокъ въ походъ раньше извѣстнаго срока, пока личинки состоятъ частью изъ самцовъ и самокъ, такъ что ихъ пришлось бы сортировать. Смѣшанный муравейникъ нуждается исключительно лишь въ личинкахъ рабочихъ,

поэтому-то чернобурые помощники амазонокъ разрѣшаютъ невольничьи набѣги лишь послѣ того, какъ крылатые муравьи совершили всѣ свои превращенія. Но когда амазонки предпринимаютъ свою экскурсію своевременно, то чернобурые рабы обнаруживаютъ къ ней величайшій интересъ. Они съ безпокойствомъ поджидаютъ возвращенія воиновъ и бросаютъ свои работы внутри муравейника, чтобы поспѣшить къ нимъ на встрѣчу и взять отъ нихъ похищенную добычу, куколки и личинки, которыхъ они уносятъ и кладутъ въ отведенныя для этой цѣли мѣста.

Занятія чернобурыхъ рабовъ въ муравейникѣ весьма разнообразны; они должны ухаживать за куколками, мужскими и женскими, переносить ихъ съ мѣста на мѣсто, кормить ихъ, устраивать жилище, прорывать новыя галлереи, если нужно, и, кромѣ того, охранять муравейникъ извнѣ,—однимъ словомъ, рабы ведутъ самый дѣятельный образъ жизни, а въ это время ихъ господа, амазонки, пребываютъ въ благородной праздности, ожидая лишь случая выказать свою доблесть; поэтому они много глупѣе своихъ чернобурыхъ помощниковъ. Если повредить муравейникъ, то воины тотчасъ же теряютъ голову и не знаютъ, куда имъ направиться, но рабы, болѣе хладнокровные, тотчасъ же являются къ нимъ на помощь, уносятъ ихъ, прокладываютъ для нихъ дорогу, если нужно; амазонки сознаютъ эти услуги и выказываютъ свою благодарность, лаская усиками своихъ вѣрныхъ слугъ. Амазонки до такой степени спеціализировались, исполняя только военныя обязанности, что отвыкли даже отъ самыхъ простыхъ и необходимыхъ въ жизни актовъ. Говорятъ же, что въ средніе вѣка наши аристократы похвалялись тѣмъ, что не умѣли подписывать свое имя, на томъ основаніи, что они благороднаго происхожденія (vu leur qualité de gentilhomme). На этомъ пути амазонки зашли еще дальше—они не могутъ сами ѣсть и никогда не прикасаются ни къ фруктамъ, ни къ меду, которые ставятъ передъ ними. Когда они голодны, то глупѣйшимъ образомъ подходятъ къ своимъ слугамъ и тѣ услужливо вливаютъ имъ въ ротъ сокъ тлей, которыхъ они выдоили. Извѣстенъ опытъ Гюбера съ муравьями-амазонками, положенными въ стеклянную коробку, на слой земли, вмѣстѣ съ куколками и медомъ. Эти муравьи покорно умирали съ голода, даже не попробовавъ питаться и работать, и только когда экспериментаторъ посадилъ въ коробку чернобураго муравья, то онъ все привелъ въ должный порядокъ, построилъ изъ земли убѣжище для личинокъ, воспиталъ ихъ и спасъ отъ голодной смерти оставшихся муравьевъ-амазонокъ, начавъ ихъ кормить.

Аналогичный опытъ Леспеса вполнѣ подтверждаетъ опытъ Гю-

бера. Леспесъ положилъ кусочекъ смоченнаго сахара возлѣ муравейника амазонокъ. Чернобурые муравьи, вышедшіе изъ муравейника, тотчасъ же поспѣшили воспользоваться неожиданною подачкой и начали лакомиться сиропомъ. Но муравьи амазонки, случайно попавшіе на это мѣсто, только бѣгали вокругъ куска сахара, который имъ очень хотѣлось попробовать, не зная, какъ приступить къ этому. Наконецъ они рѣшились напомнить своимъ обжорливымъ слугамъ объ ихъ обязанностяхъ и стали тащить ихъ за лапки. Эти послѣдніе тотчасъ же поняли въ чемъ дѣло, повиновались и принялись кормить своихъ господъ. Впрочемъ, амазонки (f. rufescens) отказываются работахъ и ѣсть безъ помощи не изъ одной только аристократической гордости. Въ обществахъ муравьевъ, какъ и въ человѣческихъ обществахъ, наблюдается иногда нѣчто въ родѣ естественнаго возмездія. У насъ не составляютъ рѣдкости случаи вырожденія, упадка нравственнаго и физическаго, среди классовъ, ведущихъ праздный паразитный образъ жизни; атрофія является карою за бездѣятельность. У муравьевъ, жизнь которыхъ очень коротка и у которыхъ смѣна поколѣній совершается очень быстро, дегенерація, или если угодно—приспособленіе къ извѣстной слишкомъ спеціальной функціи, уже успѣла вызвать измѣненія даже въ устройствѣ органовъ. Исключительно занимаясь воинственными побоищами, муравей-амазонка сдѣлался органически неспособенъ ни къ какому другому занятію. Въ самомъ дѣлѣ, его челюсти измѣнили свою форму, сдѣлались узкими, длинными, сильными и рѣзко выдѣляются своими острыми клещами, прекрасно приспособленными для прокалыванія головы врага, но никуда негодными для работы. Однимъ словомъ: у этихъ муравьевъ орудіе превратилось въ оружіе. Вмѣстѣ съ этимъ произошло и умственное паденіе; въ этомъ отношеніи муравьи-амазонки стоятъ много ниже своихъ рабовъ. Если въ смѣшанномъ муравейникѣ начинаетъ становиться тѣсно вслѣдствіе пріумноженія населенія, то не господа, а слуги рѣшаютъ, слѣдуетъ ли эмигрировать и когда наступитъ моментъ, то выносятъ изъ муравейника въ челюстяхъ своихъ господъ, хотя объемъ этихъ послѣднихъ вдвое больше. Никогда муравьи-амазонки не разыскиваютъ тлей, никогда не выполняютъ ни малѣйшей работы; чернобурые муравьи выполняютъ всѣ работы и для нихъ военное ремесло не имѣетъ никакой привлекательности, такъ какъ они питаютъ склонность больше всего къ домашнему хозяйству. Муравьи другой породы, f. rufibarbis, превратившись въ рабовъ, однако, охотно сражаются рядомъ со своими господами, если ихъ общее жилище подвергается нападенію. Но чернобурые, f. fusca, очень рѣдко принимаютъ участіе въ битвѣ и довольствуются лишь тѣмъ, что призы-

ваютъ воиновъ отбить непріятеля. Они даже не безъ труда привыкаютъ въ своей молодости къ набѣгамъ муравьевъ-амазонокъ и въ началѣ всегда стараются отклонить ихъ отъ этого. Но мало-по-малу чернобурые муравьи привыкаютъ къ этимъ разбойничьимъ нравамъ и даже настолько одобряютъ похищенія куколокъ, что выражаютъ неудовольствіе своимъ господамъ, если они возвращаются съ пустыми челюстями изъ своего похода.

Съ возрастомъ чернобурые муравьи начинаютъ испытывать къ своимъ господамъ ту привязанность, которую мы называемъ «собачьей», такъ какъ она весьма рѣдко встрѣчается среди людей. Они взваливаютъ на себя всѣ обязанности внутри муравейника, прикармливаютъ своихъ господъ и какъ бы опекаютъ ихъ. Эти воины, обладающіе импульсивнымъ темпераментомъ, иногда подвергаются настоящимъ приступамъ слѣпой ярости, послѣ болѣе или менѣе продолжительной битвы. Тогда они болѣе не владѣютъ собой и кусаютъ что попало, куколокъ, личинокъ и даже куски дерева. Въ эти моменты настоящаго безумія амазонки-муравьи бѣснуются даже въ своемъ собственномъ муравейникѣ; но чернобурые рабы окружаютъ ихъ и стараются ихъ успокоить, что во всякомъ случаѣ не безопасно, такъ какъ Форель, напримѣръ, видѣлъ, что эти бѣшеные вóины убивали слугъ, старавшихся ихъ усмирить. Муравьи амазонки вообще легко совершаютъ звѣрскіе поступки. Такъ, Гюберъ видѣлъ, что одинъ изъ воиновъ, получившій выговоръ отъ раба за то что не принесъ личинки, пришелъ въ такое бѣшенство, что прокололъ своими ужасными клещами голову дерзновенному. Но какъ ни преданы чернобурые муравьи, какъ ни привыкли они видѣть въ своихъ господахъ друзей, нѣсколько нервнаго темперамента, какъ ни поглощены они работой, постройками, воспитаніемъ куколокъ какъ своей породы, такъ и породы муравьевъ-амазонокъ, все-таки имъ случается порою терять терпѣніе и возмущаться противъ глупости своихъ господъ. Эти маленькія возмущенія рабовъ чаще всего наблюдаются во время долгихъ періодовъ засухи. Муравьи-амазонки въ качествѣ аристократовъ не только не помышляютъ о какихъ-либо запасахъ, но утомляютъ своихъ рабовъ своими постоянными требованіями питья, такъ что тѣ, въ концѣ концовъ, выходятъ изъ себя и производятъ возмущенія. Однако, такіе случаи бываютъ рѣдко и въ смѣшанномъ муравейникѣ абсолютное повиновеніе составляетъ правило. Между тѣмъ, вѣдь, эти добровольные рабы взяты изъ разныхъ муравейниковъ, гдѣ попало и принадлежатъ къ породѣ, являющейся наслѣдственнымъ врагомъ амазонокъ. Очевидно, достаточно было воспитанія, чтобы окончательно измѣнить чувства молодого поколѣнія и заставить его

видѣть въ прирожденныхъ врагахъ своей породы своихъ друзей. Правда, воспитателями молодого поколѣнія рабовъ были муравьи ихъ же породы, но уже извращенные рабствомъ, это любопытный фактъ, который не мѣшаетъ отмѣтить; быть можетъ, человѣческіе воспитатели могли бы извлечь изъ него нѣкоторую пользу.

Но не одни только рыжіе муравьи примѣняютъ режимъ рабства; въ Европѣ есть еще двѣ другія породы муравьевъ: f. srongylognathus и кровавые муравьи. Эти послѣдніе очень умны, хотя и мирмекофаги, и очень способны измѣнять свой образъ жизни сообразно съ обстоятельствами, какъ это дѣлаетъ человѣкъ. Кровавый муравей вовсе не находится въ такой зависимости отъ услугъ своихъ рабовъ, какъ муравей-амазонка, и можетъ обходиться безъ нихъ, работать самъ и ѣсть безъ ихъ помощи; поэтому въ нѣкоторыхъ муравейникахъ и нѣтъ рабовъ. Безъ сомнѣнія, рабство у этихъ муравьевъ введено недавно и дѣйствительно оно еще не вызвало измѣненій въ формѣ челюстей воиновъ. Кровавые муравьи соперничаютъ съ амазонскими муравьями и это всегда происходитъ насчетъ чернобурыхъ муравьевъ. Говоря о людяхъ, Аристотель утверждалъ, что нѣкоторыя расы рождены для рабства; повидимому это справедливо и относительно чернобурыхъ муравьевъ, которые въ этомъ отношеніи могутъ быть сравниваемы съ негритянскими расами человѣческаго рода.

Въ своихъ невольничьихъ набѣгахъ кровавые муравьи придерживаются другой тактики, нежели невольничьи. Вмѣсто того, чтобы набрасываться цѣлою массой и врасплохъ на муравейникъ, который они рѣшили ограбить, они нападаютъ сначала маленькими отрядами, происходятъ стычки; однако чернобурые муравьи энергично отражаютъ ихъ нападеніе, выходятъ изъ муравейника и даже сами начинаютъ наступленіе. Но мало-по-малу подкрѣпленія, требуемыя нападающими, настолько увеличиваютъ ихъ силы что чернобурымъ муравьямъ приходится уступить, и тогда они заботятся лишь о сохраненіи своихъ драгоцѣнныхъ куколокъ, уносятъ ихъ въ самый дальній конецъ муравейника, противоположный атакѣ; когда же всякое сопротивленіе оказывается безполезнымъ, то чернобурые муравьи обращаются въ бѣгство, унося съ собою столько куколокъ, сколько въ состояніи захватить. Кровавые муравьи преслѣдуютъ бѣглецовъ. Многіе изъ чернобурыхъ муравьевъ доходятъ до героизма въ защитѣ своихъ личинокъ. Не взирая на превосходство силъ врага, они бросаются на него и порою даже прокладываютъ себѣ дорогу между его рядами къ муравейнику, чтобы спасти нѣсколько личинокъ. Муравьи побѣдители похищаютъ всѣхъ личинокъ и куколокъ въ муравейникѣ;

иногда же они водворяются въ немъ вмѣстѣ со своими слугами, чернобурыми муравьями, и дѣлаютъ его центромъ новыхъ операцій. Надо замѣтить, что эти воинственные муравьи, въ то же время, и мирмекофаги; существуетъ порода маленькихъ муравьевъ, на которую они охотятся, какъ на дичь. Однако, къ своимъ чернобурымъ рабамъ они выказываютъ большую привязанность, и если имъ случится, въ свою очередь, подвергнуться нападенію рыжихъ муравьевъ, то они поспѣшно уносятъ своихъ слугъ подальше, въ подземелья, или же, съ замѣчательною предусмотрительностью, оказывая сопротивленіе врага, отдѣляютъ часть своего отряда со спеціальною цѣлью унести подальше отъ мѣста битвы своихъ чернобурыхъ рабовъ, которые и устраиваютъ тамъ новое убѣжище.

Ни въ одномъ человѣческомъ обществѣ рабство не имѣетъ такого разумнаго устройства, какъ у муравьевъ, и въ остальномъ мірѣ животныхъ, повидимому, ни у одной породы не обнаруживается пониманія рабства. Въ этомъ отношеніи наисовершеннѣйшія изъ млекопитающихъ, человѣкообразныя обезьяны, стоятъ гораздо ниже муравьевъ, такъ какъ въ своемъ обращеніи со слабѣйшими онѣ обнаруживаютъ лишь одинъ грубый произволъ, капризную тиранію и непредусмотрительность. Въ общихъ клѣткахъ, гдѣ содержатся большія обезьяны съ маленькими, эти послѣднія подвергаются постояннымъ притѣсненіямъ и лишь покорностью и угодливостью имъ удается добиться снисходительности отъ своихъ притѣснителей. Но иногда терпѣніе ихъ истощается и онѣ соединяются вмѣстѣ, чтобы сообща защищаться отъ притѣсненій.

На свободѣ маленькія стаи обезьянъ деспотически управляются самцомъ, наиболѣе сильнымъ изъ стада. Ревнивый и грубый самецъ, находясь во главѣ стада, заботится объ общемъ благѣ, но требуетъ взамѣнъ, чтобы безпрекословно исполнялись всѣ его фантазіи и чтобы молодые самцы, мѣшающіе ему, немедленно убирались прочь. Обыкновенно все стадо покорно повинуется такому деспоту; въ особенности самки ласкаютъ его и постоянно предъявляютъ ему такія доказательства преданности, какія наиболѣе цѣнятся обезьянами, т. е. неустанно ищутъ у него насѣкомыхъ съ величайшимъ стараніемъ и онъ съ величественною безпечностью предоставляетъ имъ заниматься этимъ. Но въ этомъ раболѣпствѣ съ одной стороны и тираніи—съ другой, нѣтъ ничего похожаго на рабство въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ у муравьевъ. Это просто деспотическая анархія; въ человѣческомъ обществѣ также можно встрѣтить примѣры подобнаго же рудиментарнаго соціальнаго состоянія, лишеннаго всякой разумной и предусмотрительной организаціи.

Я заканчиваю этимъ свою экскурсію въ область соціологіи животныхъ. Я коснулся ея только вкратцѣ, полагая, что много фактовъ, приведенныхъ мною, извѣстны большинству читателей; но, прежде чѣмъ перейти къ изслѣдованію рабства въ человѣческихъ обществахъ, необходимо было соединить въ краткомъ изложеніи такія черты, встрѣчающіяся въ обществахъ животныхъ, которыя могутъ быть намъ полезны для руководства. Изъ нашего бѣглаго обзора мы можемъ видѣть, что общества животныхъ слѣдуетъ раздѣлить на двѣ категоріи: 1) Анархическія стада (лошади, бизоны) безъ всякой организаціи, потому что условія ихъ жизни очень просты. Дикія лошади, бизоны и т. д. не имѣютъ надобности совершать какую-нибудь сложную работу, имъ надо только отыскать или пріобрѣсти пастбища, достаточныя для своего пропитанія, и по временамъ общими силами отбиваться отъ хищныхъ животныхъ. Бобры находятся уже въ другихъ условіяхъ: имъ приходится строить для себя жилища и устраивать плотины, но такъ какъ ихъ общества немногочисленны, то въ спеціализаціи труда имъ не представляется надобности. 2) У наиболѣе умныхъ безпозвоночныхъ, живущихъ большими обществами, условія мѣняются совершенно. Имъ нужно было организовать трудъ и по своему рѣшить соціальный вопросъ. Въ каждомъ обществѣ, сколько-нибудь сложномъ, будь то общество животныхъ или людей, этотъ великій вопросъ непремѣнно возникаетъ и требуетъ разрѣшенія. Работа, которую надо выполнить, очень значительна въ такихъ обществахъ, такъ какъ надо устроить такъ, чтобы огромная агломерація индивидовъ имѣла возможность жить на ограниченномъ пространствѣ; надо строить обширныя помѣщенія, дѣлать большіе запасы, воспитывать молодое поколѣніе, удерживать соперниковъ на почтительномъ разстояніи, сокращать враговъ и поэтому вопросъ труда въ такомъ обществѣ пріобрѣтаетъ особенную жгучесть, такъ какъ тутъ дѣло идетъ о томъ быть или не быть соціальному организму.

Пчелы, муравьи, термиты нашли выгоднымъ для себя спеціализацію функцій, организацію отдѣльныхъ классовъ воспроизводителей и рабочихъ или скорѣе--работницъ. Воспроизводители не роботаютъ; великая и неизбѣжная функція воспроизведенія рода поглощаетъ всю ихъ дѣятельность. Безплодныя работницы выполняютъ всю остальную общественно-необходимую работу, какова бы она ни была. У термитовъ спеціализація пошла еще дальше; они учредили касту исключительно воинственную, на обязанности которой защитить республику и гарантировать безопасность, столь необходимую для занятій внутри муравейника. Муравьи-амазонки еще болѣе

усложнили свою соціальную организацію, учредивъ три класса или касты: воспроизводителей, воиновъ и работниковъ-рабовъ, пополняемыхъ посредствомъ набѣговъ, причемъ будущіе рабы похищаются тогда, когда они еще находятся въ состояніи личинокъ и куколокъ и сознательная жизнь у нихъ еще не пробудилась. Въ этомъ типѣ невольничьяго общества мы уже можемъ видѣть появленіе соціальной несправедливости: воинственная аристократія, презирающая всякую работу, возложила все бремя труда на касту рабовъ, которыхъ она набираетъ силою и которымъ покровительствуетъ, но лишь подъ условіемъ быть избавленной отъ всякой тяжелой работы.

Эта организація представляетъ замѣчательное сходство съ организаціей многихъ человѣческихъ обществъ и въ обоихъ случаяхъ она имѣетъ роковыя послѣдствія для привилегированныхъ классовъ, болѣе рѣзко выраженныя у муравьевъ-амазонокъ, которые, въ концѣ-концовъ, превращаются въ безсмысленныя машины для убійства, неспособныя даже прокормиться безъ чужой помощи. На первый взглядъ можетъ показаться удивительнымъ, насколько эти сложныя общества животныхъ выше первобытныхъ человѣческихъ обществъ. Но дѣло въ томъ, что они вовсе не первобытны. Они также, вѣроятно, представляли въ началѣ соціальную группировку низшаго разряда и такъ же, какъ и наши цивилизованныя общества, явились результатомъ медленной эволюціи. Я уже указывалъ въ этой главѣ на существованіе мирмекофагіи у нѣкоторыхъ породъ муравьевъ и на то, что не всѣ общества муравьевъ одинаково сложно организованы. Извѣстно также, что и пчелы не всѣ достигли одинаковой степени цивилизаціи и нѣкоторыхъ можно сравнить съ первобытными человѣческими расами. Такимъ образомъ, во всѣхъ обществахъ, какъ человѣческихъ, такъ и въ обществахъ животныхъ, высшія цивилизаціи являются лишь конечнымъ результатомъ медленной эволюціи. Многія общества муравьевъ еще не ввели у себя рабство; то же самое наблюдается и у человѣческихъ расъ, стоящихъ на очень низкой степени развитія. Мы разсмотримъ этотъ фактъ у негритянскихъ расъ, называемыхъ меланезійскими, и вмѣстѣ съ этимъ прослѣдимъ происхожденіе и причины возникновенія рабства.

Глава II.

Негритянскія подъ-расы (sous races).—Африканскіе чернокожіе.—Меланезійцы и ихъ подъ-группы въ Австраліи и Папуазіи.—Рабство женщинъ въ Австраліи.—Почему рабство возникло позднѣе? — Женщина—домашнее животное.—Работа женщинъ.—Рабство женщинъ.—Обязательный трудъ.—Похищеніе женщинъ. — Женщины-поставщицы семьи. — Полигамія—признакъ богатства. — Женщина весталка.—Женщина—запасный пищевой матеріалъ.—Наказанія за супружескую измѣну.—Вдова—товаръ. — Женщины и старики.—Рабство въ Папуазіи. — Война и каннибализмъ. — Женщина — вьючный скотъ. — Трудъ женщинъ.—Рабство на островахъ Соломона. — Рабы—убойный скотъ.—Бракъ посредствомъ купли.—Охота за невольниками.—Невольничьи набѣги.—Отсутствіе у раба какихъ бы то ни было правъ.—Земледѣльческій трудъ въ Вити.—Трудъ пролетаріевъ.—Принесенія въ жертву рабовъ.—Рабъ и женщина въ Вити.—Эволюція рабства въ Меланезіи.—Общее происхожденіе австралійцевъ и папуасовъ.—Первобытное распредѣленіе труда.—Женщина—прирожденная раба, вьючный и убойный скотъ.—Каннибализмъ и рабство.

Въ моихъ предшествующихъ работахъ мнѣ приходилось не разъ говорить о черныхъ расахъ и указывать на ихъ распредѣленіе по поверхности земного шара, поэтому я считаю лишнимъ снова возвращаться къ этому предмету и напомню лишь то, что двѣ главныя группы негровъ составляютъ меланезійскіе и африканскіе чернокожіе. Изъ этихъ двухъ группъ на болѣе низшей ступени развитія находится меланезійская группа; поэтому мы и начнемъ съ нея свое изслѣдованіе и изучимъ рабство у этой низшей расы. Но раньше я долженъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: антропологи обыкновенно присвоиваютъ названіе меланезійцевъ только папуасской расѣ чернокожихъ съ курчавыми волосами, представителемъ которыхъ служитъ новогвинейскій типъ, но тщательно выдѣляютъ австралійцевъ, имѣющихъ волнистые волосы. Сходство между этими двумя «подъ-расами» негровъ все же настолько велико, что я считаю возможнымъ соединить ихъ подъ однимъ общимъ именемъ меланезійцевъ, хотя все-таки я начну свое изслѣдованіе съ самой низшей расы, съ австралійцевъ.

Австралійцы и тасманцы, ихъ сородичи, принадлежатъ къ самымъ первобытнымъ типамъ современнаго человѣчества, такъ какъ среди нихъ встрѣчается во всей своей чистотѣ первобытная соціальная форма, форма клана, о которой мнѣ уже столько разъ приходилось говорить. Первобытный соціальный режимъ, однако, внушилъ этимъ низшимъ представителямъ человѣчества нѣкоторыя болѣе возвышенныя чувства, составляющія рѣзкій контрастъ съ крайнею дикостью нравовъ, напримѣръ: чувство солидарности и порядка, ограниченіе войны и т. п. Однако это не мѣшаетъ этимъ

дикарямъ убивать своихъ плѣнныхъ и даже съѣдать ихъ; война по всей землѣ служитъ главною поставщицей рабовъ, но австралійцамъ не нужны рабы въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Однако, какъ ни просты условія жизни этихъ первобытныхъ клановъ, всетаки они требуютъ выполненія нѣкоторыхъ трудныхъ работъ и такъ какъ мужчины питаютъ сильное отвращеніе къ такому труду, то они и навязываютъ его женщинѣ. Во всѣхъ цивилизаціяхъ наиболѣе первобытнаго характера женщина всегда играетъ роль домашняго животнаго, вьючнаго скота, который имѣютъ въ своемъ распоряженіи общества, стоящія на болѣе высокой ступени развитія. Въ дѣйствительности съ женщиною обращаются какъ съ рабой и, безъ сомнѣнія, это обстоятельство было одною изъ причинъ, почему рабство, въ собственномъ смыслѣ этого слова, появилось позднѣе; въ періодъ соціальной эволюціи нужды въ рабствѣ не было.

Австралійскія женщины, по заключенію одного добросовѣстнаго изслѣдователя, на самомъ дѣлѣ настоящія рабы. Съ ними всегда обращаются дурно и никакого вниманія имъ не оказываютъ. Вся трудная работа лежитъ на нихъ; онѣ должны строить незатѣйливыя хижины для семьи, носить воду и дрова и все, что нужно для хозяйства. Одинъ французскій путешественникъ слѣдующимъ образомъ описываетъ жизнь австралійской женщины: «Посмотрите на нее, когда она, имѣя за спиной ребенка (а иногда и двухъ дѣтей), навьюченная тяжелымъ мѣшкомъ, въ которомъ заключаются запасы и орудія для рыбной ловли, странствуетъ по лѣсамъ и болотамъ или по песчанымъ дюнамъ вслѣдъ за своимъ господиномъ, свободнымъ отъ всякой ноши, который понукаетъ ее, не вѣдая чувства состраданія. Вотъ, взгляните на племя (вѣрнѣе: кланъ), перемѣняющее мѣстожительство или же отправляющееся въ какуюнибудь воинственную экспедицію. Оно останавливается на отдыхъ, но отдыху предаются только мужчины, женщины же отправляются собирать сучья, чтобъ поддерживать огонь въ теченіе ночи, и улитки по берегамъ ручья, чтобъ поджарить ихъ на угольяхъ и угостить своихъ мужей. Если онѣ не находятъ улитокъ въ достаточномъ количествѣ, то отыскиваютъ ящерицъ и опоссумовъ, которыхъ онѣ преслѣдуютъ въ ихъ норахъ, на самой верхушкѣ деревьевъ, гдѣ эти животныя считали себя въ безопасности. Я бы могъ назвать еще много другихъ способовъ, къ которымъ прибѣгаютъ эти несчастныя созданія, чтобы раздобыть пищу для своихъ тирановъ и дѣтей. Иногда онѣ ложатся на пригоркѣ, держа въ полуоткрытыхъ рукахъ кусочки мяса для привлеченія птицъ, и лежатъ такъ неподвижно до тѣхъ поръ, пока имъ не удастся схватить которую-нибудь изъ

птицъ въ тотъ моментъ, когда она собирается овладѣть приманкой. Когда племя собирается на берегу, то судьба женщинъ становится, пожалуй, еще тяжелѣе, такъ какъ, чтобы поймать рыбу или набрать ракушекъ, имъ приходится цѣлые дни, а иногда и ночи проводить въ водѣ или на утлыхъ плотахъ, забрасывая грубыя сѣти, сплетенныя изъ древесной коры и оканчивающіяся удочками, сдѣланными изъ устричной раковины, почти безъ всякой обработки. Всѣ эти трудныя работы исключительно возлагаются на слабѣйшій полъ, и каждой дѣвочкѣ, почти тотчасъ послѣ рожденія, отсѣкаютъ двѣ послѣднія фаланги на мизинцѣ лѣвой руки съ тою цѣлью, чтобы легче было обвертывать лесу вокругъ другихъ пальцевъ».

Въ общемъ эта картина вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности, но только въ Австраліи, какъ и во многихъ другихъ странахъ, уродованіе пальцевъ производится обыкновенно съ цѣлью жертвоприношенія тѣнямъ умершихъ и злымъ духамъ, чтобы обезоружить ихъ гнѣвъ. Съ другой стороны, къ этому перечисленію занятій австралійской женщины надо еще кое-что прибавить и поэтому намъ приходится прибѣгнуть еще къ свидѣтельствамъ другихъ путешественниковъ.

Итальянскій миссіонеръ Рудезиндо Сальвадо горюетъ о судьбѣ австралійки. «Бѣдная женщина!—говоритъ онъ.—Твоя жизнь и твое рожденіе находятся во власти жестокосердой матери, если ты, рождаясь на свѣтъ, служишь для нея лишь увеличеніемъ ея бремени или, если въ довершеніе несчастья, ты — третья дочь. Въ годы дѣтства, въ случаяхъ крайняго голоданія, твои члены служатъ пищею семьѣ, повинующейся только чувству голода!.. Когда же ты выростешь, то и тогда твоя жизнь, даже въ глазахъ твоего мужа, не будетъ имѣть ровно никакой цѣны».

Тотъ же самый изслѣдователь прибавляетъ, что вся жизнь австралійки заключается въ послѣдовательной смѣнѣ похищеній, которымъ она подвергается. Первый ея мужъ обыкновенно бываетъ пожилой человѣкъ, ревнивый, не позволяющій ей удаляться ни на шагъ, такъ какъ молодые похитители всегда подстерегаютъ ее. За одинъ только нескромный взглядъ, случайно имъ подмѣченный, такой мужъ протыкаетъ своей женѣ ногу копьемъ или разбиваетъ ей голову... Одно присутствіе мужа уже заставляетъ дрожать австралійскую женщину, такъ какъ мужья имѣютъ обыкновеніе вымещать на женахъ побоями и ранами свое дурное расположеніе духа.

Женщины всюду сопровождаютъ своихъ мужей въ ихъ кочевой жизни и если начинается дождь, то долгъ женщины, по знаку

своего повелителя, немедленно соорудить шалашъ. Во время пути она уже набрала, въ виду этого, подходящіе куски дерева: она продѣлываетъ въ нихъ, при помощи заостренной палки, съ которою никогда не разстается, восемь или девять дыръ, куда вкладываетъ гибкія палки. Затѣмъ она сгибаетъ ихъ верхніе концы по направленію къ центру и укрѣпляетъ ихъ, не связывая; исполнивъ это, она переплетаетъ сдѣланный ею остовъ шалаша прутьями, придающими прочность постройкѣ и сверху все покрываетъ кусками древесной коры, которую она отдираетъ отъ ствола при помощи своей палки—«опапа», замѣняющей ей всѣ инструменты.

Норвежскій путешественникъ Карлъ Лумгольцъ, прожившій довольно долго среди австралійцевъ, находящихся въ состояніи крайней дикости, такъ какъ каннибальскіе обычаи еще у нихъ не исчезли, подтверждаетъ свидѣтельство отца Сальвадо. По словамъ Лумгольца, австралійскіе туземцы, среди которыхъ ему пришлось жить, охотно съѣдаютъ своихъ военноплѣнныхъ, но обыкновенно щадятъ женщинъ, когда онѣ молоды. Но и въ своемъ родномъ кланѣ молодая австралійка не находится въ безопасности. Всѣ мужчины хотятъ ею обладать и она принадлежитъ тому, кто сильнѣе и могущественнѣе. Когда въ извѣстное время года мужчины различныхъ клановъ собираются вмѣстѣ для разрѣшенія своихъ распрей поединками, заранѣе установленными, то женщины держатся позади сражающихся, поднимаютъ оружіе своихъ мужей или доставляютъ имъ новое. Исходъ поединка ихъ сильно интересуетъ, такъ какъ если ихъ мужья погибаютъ, то онѣ въ тотъ же день переходятъ въ руки новыхъ владѣльцевъ.

Лумгольцъ также сообщаетъ подробныя свѣдѣнія объ обязательной работѣ женщинъ. «У австралійскихъ негровъ,—говоритъ онъ,—женщины обязаны заботиться о ежедневномъ пропитаніи... Имъ предоставляются самыя трудныя работы. Единственное орудіе, дозволенное женщинѣ — палка, безъ которой онѣ не могутъ обойтись въ своемъ отыскиваніи пищи... Каждая замужняя женщина, отправляясь на танцы, заботится о томъ, чтобы не забыть палку. Эта палка является знакомъ ея достоинства, доказательствомъ, что на нее возложена обязанность заботиться о прокормленіи семьи. Кромѣ того, она должна нести за плечами своего ребенка и эту ношу снимаетъ лишь тогда, когда ей нужно бываетъ рыть землю или лазить. Въ лагерѣ, по возвращеніи, ее также ожидаетъ цѣлый рядъ обязанностей: она должна жарить, собирать ягоды и фрукты, вымывать ихъ и выдавливать изъ нихъ сокъ, заключающій въ себѣ иногда ядовитое начало; она же

должна строить шалашъ, собравъ для этого предварительно всѣ нужные матеріалы. Положимъ, что мужчина помогаетъ ей въ этомъ—онъ рубитъ деревья, чтобы водрузить четыре или пять тонкихъ палокъ, которыя должны послужить основою для хижины, но все же тащить громадныя связки листьевъ пальмъ или травы, до избраннаго для постройки мѣста, составляетъ удѣлъ женщины. Она же при помощи своей палки и рукъ сглаживаетъ всѣ неровности почвы, на которой выстроенъ шалашъ и она же обязана заботиться, чтобъ всегда были вода и дрова, нужныя для домашняго хозяйства.

Женщина укладываетъ и несетъ всѣ пожитки при переходѣ съ одного мѣста на другое. Мужчина всегда идетъ впереди, большею частью съ пустыми руками, или же несетъ только легкое оружіе, между тѣмъ какъ женщина слѣдуетъ за нимъ, навьюченная точно мулъ, везущій багажъ, четырьмя-пятью корзинами со всякаго рода провизіей. Если даже въ одной изъ этихъ корзинъ уже сидитъ одинъ ребенокъ, то это все же не мѣшаетъ австралійкѣ другого ребенка нести на плечѣ.

Мужчина доставляетъ для пропитанія медъ, иногда яйца, дичь, ящерицъ, но обыкновенно сохраняетъ для себя животную пищу. Женщина, также какъ и дѣти, должна питаться только растительною пищей, которую она сама обязана находить для себя. Для мужчины же охота составляетъ скорѣе развлеченіе; онъ вовсе не считаетъ себя обязаннымъ снабжать семью пищевыми припасами и вообще, какъ мужъ и отецъ, не несетъ на себѣ никакого долга. Онъ живетъ только для собственнаго удовольствія; съ утреннею зарей уходитъ на охоту и возвращается только вечеромъ, иногда съ пустыми руками, такъ какъ съѣдаетъ свою добычу на мѣстѣ.

Но хотя австралійскій мужъ и не несетъ никакихъ обязанностей по отношенію къ женѣ, права его все-таки очень велики. Онъ можетъ, если ему вздумается бить, ранить и даже убить свою жену. Ночью, какова бы ни была погода, ей приходится идти за водой и добывать дрова. Одинъ изъ наиболѣе интеллигентныхъ проводниковъ Лумгольца однажды всю ночь колотилъ свою жену и даже сломалъ ей два пальца, только потому, что она, по его словамъ, подъ предлогомъ холодной ночи, не хотѣла идти за дровами. Вотъ именно потому, что всѣ работы выпадаютъ на долю женщины, число женъ у австралійца считается мѣриломъ его богатства. Жены эти и есть настоящія рабы, и чтобы еще болѣе подтвердить это, я приведу нѣсколько примѣровъ, заимствованныхъ у разныхъ путешественниковъ.

Австралійская женщина должна сохранять огонь и умѣть до-

*

бывать его. Охотиться и сражаться—это исключительныя занятія мужчины, котораго женщина сопровождаетъ во всѣхъ его походахъ, перенося на себѣ не только своихъ дѣтей, но и всю домашнюю утварь семьи и, кромѣ того, горящую головешку, которую она должна не допустить погаснуть. Въ награду за все это съ нею обращаются такъ худо, какъ только возможно «Рѣдко,—говоритъ Ольдфильдъ,—австралійка умираетъ естественною смертью. Обыкновенно ее убиваютъ прежде, чѣмъ она состарится и похудѣетъ, чтобы не потерять даромъ такой запасъ хорошей пищи... Короче говоря: женщинѣ такъ мало оказывается вниманія какъ при жизни, такъ и послѣ смерти, что невольно возникаетъ вопросъ, не ставитъ ли мужчина свою собаку на одну доску со своею женой и не вспоминаетъ ли онъ чаще и съ большею нѣжностью о первой, послѣ того, какъ съѣлъ обѣихъ?» Жизнь австралійки—непрерывное мученіе, часто, однако, довольно кратковременное. Ей разрѣшается ѣсть лишь послѣ мужчины и только то, что онъ бросаетъ ей черезъ плечо, какъ собакѣ. И это еще не все: австралійская женщина можетъ быть продана, отдана внаймы, избита и даже убита своимъ мужемъ властелиномъ. Мужчина можетъ по желанію прогнать свою жену, но жена не смѣетъ бросить своего мужа или измѣнить ему, такъ какъ въ такомъ случаѣ ее приговариваютъ къ ударамъ по головѣ, которые наносятся ей мужемъ, или если его нѣтъ, то его родственниками. Каждый изъ нихъ наноситъ ей опредѣленное число ударовъ, и чѣмъ родство ближе, тѣмъ это число больше. Одна женщина, подвергнутая такому наказанію за то, что бросила въ чащѣ своего мужа, теперь умершаго, получила отъ родственниковъ покойнаго шесть ударовъ: одинъ отъ дальняго родственника, два—отъ другого и три—отъ самаго близкаго. Кровь лилась у нея рѣкою съ волосяного покрова головы, но она находила это вполнѣ естественнымъ и поэтому сказала спрашивавшимъ ее европейцамъ: «Это было ихъ право; я должна была это перенести».

Въ Австраліи похищеніе женщинъ составляетъ дѣло самое обыкновенное и считается какъ бы самымъ почетнымъ способомъ добыванія женщинъ, служа, такимъ образомъ, причиною непрекращающихся столкновеній между кланами. Если женщина даетъ себя похитить какому-нибудь мужчинѣ, то весь кланъ можетъ пуститься за нею въ погоню, и если овладѣетъ ею, то она становится общею собственностью всѣхъ мужчинъ клана, пока не будетъ возвращена своему мужу или его родственникамъ. Подобный обычай существовалъ также у фиджійцевъ и, вмѣстѣ со многими другими обычаями, указываетъ на общее происхожденіе австралійцевъ и папуасовъ.

Взятыхъ въ плѣнъ во время войны женщинъ постигала разная участь, смотря по тому, существовали или нѣтъ брачныя отношенія между кланомъ похитителей и кланомъ плѣнницъ. Въ первомъ случаѣ ихъ присуждали кланамъ, которые имѣли право добывать ихъ мирнымъ путемъ посредствомъ обмѣна, купли и т. п.; во второмъ же случаѣ онѣ поступали въ собственность завоевателей, особенно тѣхъ, кто убилъ ихъ прежнихъ мужей.

Вдовъ обыкновенно выдавали замужъ или, точнѣе, кланъ уступалъ ихъ другому ради собственной выгоды. Но если не удавалось отдѣлаться отъ нихъ такимъ выгоднымъ для себя образомъ, то онѣ становились общественною собственностью. Прибавимъ, что въ каждомъ кланѣ монополіей выбирать для себя женщинъ пользуются старики, вѣроятно потому, что они окружаются особеннымъ почетомъ, а также потому, что они очень мало, или даже совсѣмъ не плодовиты. Австралійцы—большіе мальтузіанцы, какъ это ясно указываетъ операція «міка», имѣющая цѣлью, по всей вѣроятности, помѣшать чрезмѣрному росту населенія. Подобныя черты нравовъ доказываютъ, конечно, что въ Австраліи женщина замѣняетъ, къ собственной невыгодѣ, но къ выгодѣ мужчины, обыкновеннаго раба; настоящихъ же рабовъ нѣтъ совсѣмъ въ Австраліи. Мы увидимъ далѣе, что то же самое наблюдается и на нѣкоторыхъ папуасскихъ архипелагахъ, между тѣмъ какъ у другихъ племенъ уже введено рабство.

Папуасскіе архипелаги не одинаковы съ точки зрѣнія рабства; на нѣкоторыхъ островахъ оно не существуетъ, напримѣръ, на Новогебридскихъ и въ Новой Каледоніи, на другихъ же, въ Новой Гвинеѣ, Витійскомъ архипелагѣ, мы можемъ наблюдать его со всѣми его первобытными ужасами. На Новогебридскихъ островахъ, гдѣ населеніе, также какъ и во всей Папуазіи, земледѣльческое, до сихъ поръ еще не прибѣгаютъ къ рабству для выполненія земледѣльческихъ и иныхъ работъ, поэтому войны, не прекращающіяся между племенами, отличаются особенною свирѣпостью. На этихъ островахъ пищевые рессурсы весьма ограничены и часто недостаточны и поэтому, въ случаѣ голода, племена производятъ набѣги на своихъ сосѣдей. Голодъ и похищеніе женщинъ по австралійскому способу являются самыми обыкновенными причинами войнъ. Плѣнныхъ съѣдаютъ. Каннибальскіе вкусы также часто служатъ поводомъ къ вооруженнымъ столкновеніямъ, такъ какъ побѣдители устраиваютъ каннибальскія пиршества, также какъ и въ Австраліи. Въ Сан-Кристовалѣ, на одномъ изъ острововъ Соломона, туземцы не только съѣдаютъ тѣла убитыхъ враговъ, какъ это дѣлается на Новогебридскихъ островахъ и въ Новой Кале-

доніи, но даже торгуютъ этими драгоцѣнными трупами. Но лишь на нѣкоторыхъ только островахъ убиваютъ людей съ цѣлью употребленія ихъ въ пищу, война же вездѣ бываетъ безпощадна и иногда ведетъ къ окончательному истребленію побѣжденныхъ, которыхъ и не помышляютъ щадить ради извлеченія изъ нихъ какой-либо выгоды и пользы.

На всѣхъ этихъ архипелагахъ, какъ и въ Австраліи, самыя трудныя работы выполняются женщинами, которыя замѣняютъ вьючный скотъ для мужчинъ и неустанно работаютъ, нося при этомъ за спиною своихъ дѣтей. Впрочемъ, разведеніе плантацій ямса является во многихъ мѣстахъ дѣломъ обоихъ половъ. Предводитель клана, послѣ совѣщанія со старѣйшими его членами, въ одинъ прекрасный день указываетъ на участокъ земли, который надо разработать, и за работу принимаются всѣ, мужчины, женщины и дѣти. То же самое происходитъ и тогда, когда наступаетъ время жатвы, продукты которой раздѣляются между всѣми членами подъ высшимъ руководствомъ вождя племени.

Грустная судьба женщинъ на Новогебридскихъ островахъ замѣчена была еще капитаномъ Кукомъ, который сказалъ по поводу женщинъ племени Танна: «Наклонность туземцевъ къ праздности въ особенности выражается въ томъ, какъ они обращаются со своими женщинами, представляющими, въ сущности, ничто иное, какъ рабочій скотъ. Я видѣлъ женщину, несущую огромный узелъ и ребенка за спиной и другой узелъ въ рукахъ; мужчина же, сопровождавшій ее, имѣлъ въ рукахъ только дубинку или копье». Въ первобытныхъ обществахъ новогебридскихъ папуасовъ вся домашняя и промышленная работа взваливается по преимуществу на женщину; поэтому-то тамъ и не возникала идея рабства, такъ какъ имѣется готовый эквивалентъ. Но, тѣмъ не менѣе, мужчины все таки принимаютъ участіе въ земледѣльческихъ работахъ и обычай, различный въ разныхъ мѣстностяхъ, устанавливаетъ въ данномъ случаѣ размѣры работы, возлагаемой на мужчину.

Въ Новой Каледоніи также обходятся безъ рабства, замѣняя его аналогичнымъ способомъ. Вообще новокаледонскіе канаки и туземцы Новогебридскихъ островов обнаруживаютъ много сходныхъ чертъ. До французской оккупаціи каннибализмъ былъ очень распространенъ въ Новой Каледоніи и влеченіе къ нему часто бывало причиною войнъ, такъ какъ побѣда всегда завершалась каннибальскими пирами. Но и во время мира нѣкоторые изъ вождей съѣдали иногда семейнымъ образомъ кого-нибудь изъ своихъ подданныхъ, да и теперь случается, что старые канаки лакомятся тайкомъ мясомъ женщинъ, которыхъ они убили или приказали убить.

Каннибализмъ и похищеніе женщинъ служили въ Новой Калидоніи, какъ и на Новогебридскихъ островахъ обычными причинами войнъ. Но обыкновенно съѣдали лишь людей, принадлежавшихъ къ постороннимъ кланамъ и во внутреннихъ войнахъ уважали мертвыхъ, по крайней мѣрѣ не обращали ихъ въ пищу. Въ собственномъ смыслѣ этого слова рабства тутъ не существуетъ; оно замѣняется общею рабскою покорностью по отношенію къ вождямъ, которымъ по принципу все принадлежитъ: земля, хижины, оружіе, мужчины, женщины и дѣти. Кромѣ того, наиболѣе ничтожные изъ членовъ обязаны еще выполнять извѣстную обязательную работу. Но женщины — это настоящіе рабы. Мужчина имѣетъ свои спеціальныя занятія; онъ ходитъ на охоту, дѣлаетъ сѣти для рыбной ловли, строитъ лодки и хижины; работа женщины гораздо тяжелѣе. Она обязана собирать голотуріи и ракушки во время отлива стряпать, убирать хижину, собирать хворостъ для топлива, ухаживать за посадками на плантаціяхъ, собирать и сжигать сорную траву и т. д., а за всѣ эти услуги мужчинѣ она часто награждается только побоями и мужчина едва удостоиваетъ разговаривать съ нею. Накакой близости между обоими полами не существуетъ; женщина ѣстъ отдѣльно, спитъ отдѣльно и даже танцуетъ отдѣльно. Часто ея судьба бываетъ такъ невыносима, что она кончаетъ самоубійствомъ. Такъ какъ она служитъ вьючнымъ скотомъ для мужчины, то они и стараются раздобыть женщинъ сколько могутъ, но обыкновенно одни только предводители племени бываютъ настолько богаты, что могутъ придерживаться полигаміи въ широкихъ размѣрахъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ при себѣ 12 или 13 женщинъ, которыя и замѣняютъ имъ рабовъ и слугъ.

Но если на этихъ архипелагахъ до сихъ поръ еще неизвѣстно рабство, то на другихъ, именно на островахъ Соломона туземцы уже начали сознавать выгоды, которыя можно извлечь изъ этого учрежденія; поэтому-то они ведутъ постоянныя войны исключительно съ цѣлью добыть военноплѣнныхъ. Атропофагія еще не совсѣмъ исчезла у нихъ, но они, тѣмъ не менѣе, стараются извлечь изъ своихъ плѣнныхъ самую разнообразную пользу, превращая ихъ въ рабовъ и заставляя работать на плантаціяхъ до того дня, когда они находятъ полезнымъ принести ихъ въ жертву для ознаменованія какого-либо важнаго событія, напримѣръ, спуска пироги или сооруженія новой общественной хижины. Въ такихъ случаяхъ куски мяса жертвъ распредѣляются между главными лицами клана или племени. Въ обыкновенныя времена рабы на островахъ Соломона не терпѣли ни дурного обращенія, ни презрѣнія. Мало-помалу они стали служить предметомъ торговли; начальники племени

покупали плѣнныхъ, чтобы принести ихъ въ жертву богамъ. Такъ поступилъ одинъ изъ вождей, испытавшій на себѣ гнѣвъ боговъ: его сынъ умеръ и жена ему измѣнила. Отцы, съ своей стороны, желая извлечь выгоду изъ своихъ дѣтей, стали торговать ими и продавать ихъ въ рабство. Намъ придется еще не разъ приводить примѣры въ различныхъ мѣстахъ земного шара такого ужаснаго злоупотребленія отцовскою властью.

Въ Новой Гвинеѣ нравы туземцевъ мѣняются, смотря по округамъ, хотя вездѣ очень сходны. Малайскіе негроторговцы часто добываютъ тамъ рабовъ и возбуждаютъ дикія войны, совершенно напоминающія невольничьи набѣги, которые опустошаютъ центральную Африку. Однако и въ Новой Гвинеѣ существуютъ еще такіе пункты, гдѣ обычай рабства не успѣлъ развиться, но бракъ посредствомъ купли подготовляетъ къ этому населеніе, охотно торгующее молодыми дѣвушками. Въ другихъ мѣстахъ охота за невольниками постоянно приводитъ къ истребительнымъ войнамъ, Племена только и помышляютъ, что о набѣгахъ и постоянно выжидаютъ къ этому случая. Обыкновенно въ то время, когда все мужское населеніе какой-нибудь деревни находится на охотѣ, вооруженная шайка врывается въ нее, убиваетъ безъ пощады стариковъ и больныхъ и уводитъ женщинъ и дѣтей, убивая также тѣхъ изъ женщинъ, которыя оказали какое-нибудь сопротивленіе. Избіеніе слабыхъ и безполезныхъ членовъ составляетъ самое обычное явленіе въ Новой Гвинеѣ и войны поэтому очень жестоки. У батаковъ въ Суматрѣ репутація мужчины зависитъ отъ числа головъ, которыя онъ имѣлъ случай отрубить. Въ нѣкоторыхъ округахъ еще не исчезъ старинный обычай съѣдать военноплѣнныхъ, но вездѣ обезглавливаютъ слабыхъ и стариковъ. Въ случаѣ побѣды только забота о собственныхъ интересахъ обуздываетъ свирѣпость побѣдителей. Если побѣдители щадятъ жизнь дѣтей, женщинъ, юношей и даже сильныхъ взрослыхъ мужчинъ и уводятъ ихъ съ собою, то лишь для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ рабовъ, продать или заставить работать на себя. Конечно, если плѣнницы нравятся побѣдителю, то онъ оставляетъ ихъ у себя. Вообще новогвинейскіе рабы обоего пола представляютъ полную собственность владѣльца, который можетъ дѣлать съ ними что ему угодно. Юридическіе обычаи, передающіеся по преданію и имѣющіе силу закона у новогвинейскихъ туземцевъ, не примѣняются къ рабамъ. Положимъ, что происхожденіе этихъ обычаевъ очень древнее и, вѣроятно, далеко предшествуетъ рабству въ Новой Гвинеѣ, которое, какъ, повидимому, указываютъ это многочисленные признаки, сравнительно недавняго происхожденія.

Не имѣя возможности говорить подробно обо всѣхъ папуасскихъ архипелагахъ, я все-таки хочу сказать нѣсколько словъ о витійцахъ или фиджійцахъ, до прихода къ нимъ европейцевъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи цивилизація этихъ племенъ сравнительно ушла впередъ или, по крайней мѣрѣ, она была равна цивилизаціи полинезійцевъ, съ которыми они имѣли частыя сношенія. Племена имѣли монархическую организацію; у нихъ такъ же, какъ и въ Полинезіи, существовали классы аристократовъ и жрецовъ. Витійцы были земледѣльцы и воздѣлывали ямсовыя поля. Земледѣльческія работы въ Вити исполнялись, главнымъ образомъ, мужчинами, по крайней мѣрѣ, тогда, когда нужно было разрыхлить сухую землю остроконечными палками, замѣнявшими у нихъ заступы. Работа эта, въ самомъ дѣлѣ, была довольно тяжелая и требовала большой затраты силъ. Большія глыбы земли, взрываемыя мужчинами, разбивались потомъ дѣтьми. Пололи также мужчины при помощи костей или кусочковъ черепашьихъ или устричныхъ раковинъ большой величины. Для этой работы предводители племени не нуждались въ рабахъ, такъ какъ они имѣли въ своемъ распоряженіи цѣлый классъ рабочихъ,—классъ пролетаріевъ, такъ какъ въ Вити подданный составлялъ собственность предводителя и тотъ могъ налагать на него какой угодно трудъ: при встрѣчѣ же съ предводителемъ подданный непремѣнно падалъ ницъ въ знакъ своей покорности.

Мнѣ уже не разъ приходилось говорить о необыкновенной свирѣпости витійцевъ, поэтому я не буду болѣе возвращаться къ этому предмету, войны ихъ отличались необыкновенною жестокостью и чаще всего причиною этихъ войнъ являлась необузданная склонность къ каннибализму. Также жестоки были и мелкія стычки между населеніемъ отдѣльныхъ деревень, приводившія иногда къ полному истребленію цѣлыхъ округовъ. Плѣнные разрубались на куски, жарились и пожирались, главнымъ образомъ, предводителями, которые удѣляли своимъ подданнымъ лишь небольшіе куски, да и то въ знакъ особенной милости. Тѣ изъ плѣнныхъ, которыхъ обращали въ рабство, превращались въ настоящій домашній скотъ, на который, между прочимъ, смотрѣли, какъ на хорошій пищевой запасъ. Поэтому ихъ откармливали, чтобы потомъ съѣсть, или продавали для этой же цѣли на рынкахъ. Иногда ихъ жарили или варили живыхъ въ огромныхъ котлахъ. Нѣкоторыя лакомки предпочитали уже тронувшееся человѣческое мясо, другія—нѣтъ, но ни одного пиршества въ Вити не обходились безъ этого лакомаго блюда и мясо женщины предпочиталось мясу мужчины. Въ сущности, рабство у витійцевъ не имѣло еще никакой вполнѣ опре-

дѣленной экономической цѣли и существовало скорѣе ради кулинарныхъ цѣлей и часто ради похоронныхъ церемоній, во время которыхъ приносились въ жертву рабы. Если умирало сколько-нибудь значительное лицо, то на его похоронахъ приносилось въ жертву множество рабовъ, такъ какъ витійцы не могли допустить, чтобы какой-нибудь предводитель отправился на тотъ свѣтъ безъ соотвѣтствующей свиты рабовъ. Жены умершаго также входили въ эту свиту; ихъ задушали, такъ какъ смерть отъ задушенія пользовалась предпочтеніемъ въ глазахъ витійцевъ.

Этотъ обычай умерщвлять женъ со смертью ихъ мужей указываетъ самъ по себѣ, насколько была ужасна судьба женщинъ въ Вити. Въ самомъ дѣлѣ, хотя рабство военноплѣнныхъ и избавляло женщинъ отъ нѣкоторой доли тяжелаго труда, но, тѣмъ не менѣе, мужчины обращались съ ними съ величайшею жестокостью. Въ глазахъ мужей жены были простою собственностью и они считали себя въ правѣ распоряжаться ими въ полномъ смыслѣ этого слова. Женщина часто вымѣнивалась на ружье; это была даже самая обыкновенная плата за женщину и купившій ее пріобрѣталъ надъ нею всѣ права и даже право убить ее, если вздумается. Часто женщинъ привязывали, чтобы удобнѣе было ихъ стегать прутьями. Одинъ витіецъ, имя котораго заслуживаетъ того, чтобы сохраниться въ памяти потомства—онъ назывался: Лоти—вздумалъ, единственно только для того, чтобы пріобрѣсти извѣстность, сварить свою жену на огнѣ, который она должна была сама развести по его приказанію—и затѣмъ съѣлъ ее.

Въ общемъ на папуасскихъ архипелагахъ рабство все-таки находится еще только въ зародышевомъ состояніи. Въ Новой Гвинеѣ грабятъ деревни съ цѣлью добыть наложницъ или же продать женщинъ и дѣтей негроторговцамъ малайскихъ острововъ. Въ Вити, на островахъ Соломона и въ др. мѣстахъ плѣнники предназначаются для другихъ цѣлей, но все-таки не для работы, какъ это иногда наблюдается въ Новой Гвинеѣ, гдѣ не проданныхъ рабовъ заставляютъ работать; на этихъ же островахъ жители охотятся за головами и слава туземца оцѣнивается по числу этихъ трофеевъ. Случается также, что военноплѣнныхъ сохраняютъ для какого-нибудь спеціальнаго случая и тогда ихъ обезглавливаютъ. Однако, по словамъ миссіонера Бинка, въ нѣкоторыхъ округахъ Новой Гвинеи существуетъ уже настоящее рабство и сильныхъ рабовъ заставляютъ работать, но это экономическое рабство по всей вѣроятности составляетъ нововведеніе, являющееся, быть можетъ результатомъ торговли невольниками, введенной малайцами. Въ Вити и другихъ мѣстахъ, если щадили жизнь плѣнныхъ, въ

особенности дѣтей, то лишь съ цѣлью или полакомиться ими позднѣе, или же принести ихъ въ жертву богамъ, въ такихъ случаяхъ когда считаются нужными человѣческія жертвоприношенія; утилизація же рабскаго труда для земледѣльческихъ и иныхъ работъ играла тутъ лишь второстепенную роль.

Мы можемъ, на основаніи этого бѣглаго обзора, набросать въ общихъ чертахъ картину эволюціи рабства въ Меланезіи, начиная отъ его первоначальнаго появленія. Племена Меланезіи стоятъ на самой послѣдней ступени іерархической лѣстницы человѣческихъ расъ и среди этихъ племенъ совсѣмъ не встрѣчаются относительно высшіе типы, каковы, напримѣръ, нубійцы въ Африкѣ. Но зато у нихъ встрѣчается много общихъ чертъ, указывающихъ что, по всей вѣроятности, австралійцы и папуасы имѣютъ общее происхожденіе. Физическія же различія, по всей вѣроятности, происходятъ отъ помѣсей, о которыхъ теперь исчезло даже всякое воспоминаніе; съ другой же стороны они могутъ зависѣть и отъ различія въ мѣстожительствѣ. Австралійцы и папуасы находились внѣ всѣхъ цивилизующихъ вліяній и всегда были отдѣлены другъ отъ друга. Каждая группа развивалась сама по себѣ, очень медленно. Большинство попуасскихъ архипелаговъ ничего даже не знало другъ о другѣ и только попадавшіе къ нимъ иногда полинезійскіе эмигранты приносили имъ кое-какія новыя познанія.

Австралійцы были еще болѣе предоставлены сами себѣ. Разсѣянныя маленькими группами на обширныхъ пространствахъ большого и безплоднаго материка, они вели тяжелую борьбу за существованіе, имѣя въ своемъ распоряженіи лишь весьма скудныя средства. Если они не погибли, то лишь благодаря опекающему вліянію клановъ, и потому, что соединились вмѣстѣ. Но зато они совсѣмъ не прогрессировали; они не жили, а только прозябали. Тѣмъ не менѣе даже, для такой жизни имъ надо было все-таки выполнять извѣстную долю работы—таковъ уже неизбѣжный законъ, какъ для человѣческихъ обществъ, такъ и для обществъ животныхъ. Изслѣдованіе этихъ послѣднихъ указываетъ намъ, что распредѣленіе общественно-необходимой работы бываетъ различно, что оно бываетъ справедливымъ и несправедливымъ и что одна и та же несложная работа можетъ совершаться сообща и распредѣляться равномѣрно между всѣми индивидами, входящими въ составъ общества. Мы видѣли также, что у нѣкоторыхъ животныхъ соціальныя функціи могутъ спеціализироваться ради лучшаго выполненія, но никто все-таки не освобождается отъ работы и соціальнаго паразитизма не существуетъ. Такое положеніе не нарушаетъ закона справедливости. Но вотъ уже у нѣкоторыхъ

породъ муравьевъ мы замѣчаемъ появленіе соціальной несправедливости и возложеніе наиболѣе трудной общественно-необходимой работы на классъ рабовъ, который пополнялся посредствомъ насилія. Такое именно принудительное распредѣленіе труда, необходимаго для общины, намъ и приходится наблюдать почти во всѣхъ человѣческихъ соціальныхъ группахъ.

Австралійцы, близкіе къ первобытному состоянію, ввели у себя смѣшанную организацію, въ основаніи которой лежитъ жестокая несправедливость; такую организацію мы найдемъ у большинства обществъ дикарей всѣхъ расъ, не дающихъ себѣ труда обращать въ рабство индивидовъ, похищенныхъ силою у сосѣднихъ клановъ и племенъ, тѣмъ болѣе, что это сопряжено съ опасностью для нихъ самихъ; а въ предѣлахъ своей маленькой группы находятся такія существа, которыя слишкомъ слабы, чтобы противостоять насилію и притѣсненіямъ, но достаточно сильны, чтобы обезпечить нужное количество труда, хотя бы это и привело ихъ къ полному истощенію. Эти существа—женщины. Поработивъ ихъ, мужчины оставили за собою лишь такія занятія, которыя находили пріятными и благородными—охоту и войну; на женщинъ же взвалили весь самый необходимый трудъ, не имѣющій для мужчинъ никакой привлекательности и не приносящій славы. Въ австралійскихъ кланахъ не существовало рабства въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ этому слову, но добрая половина соціальной группы, наиболѣе слабая, все-таки состояла изъ рабовъ. Австралійская женщина, презираемая, но необходимая какъ слуга, всю жизнь свою проводила въ работѣ, сносила дурное обращеніе, а въ награду зачастую сама служила пищей тѣмъ, кого она прокармливала своимъ тяжелымъ и неблагодарнымъ трудомъ.

Въ папуасскихъ архипелагахъ практическое разрѣшеніе вопроса о соціальномъ трудѣ носило не вездѣ одинаковый характеръ. На нѣкоторыхъ островахъ, Новой Каледоніи, Новогебридскихъ и др. вопросъ этотъ разрѣшился согласно австралійскому методу: женщины были обращены въ домашнихъ животныхъ и играли одновременно роль вьючнаго и убойнаго скота. Но туземцы папуасскаго архипелага сдѣлали большой шагъ впередъ сравнительно съ австралійцами; они стали земледѣльцами и, вѣроятно, это случилось уже очень давно. Мужчины на этихъ островахъ не гнушаются земледѣльческою работой и выполняютъ ту часть этого труда, которая требуетъ наибольшей затраты мускульной силы. Въ земледѣльческихъ работахъ принимало участіе все населеніе, безъ различія пола и возраста, но вожди племени обыкновенно заранѣе распредѣляли эту работу между мужчинами, женщинами и дѣтьми.

Откуда же явилось рабство на нѣкоторыхъ изъ этихъ острововъ? Оно не могло быть вызвано желаніемъ взвалить на плѣнныхъ наиболѣе тяжелый и непривлекательный трудъ и возникло, главнымъ образомъ, лишь вслѣдствіе потребности въ мясной пищѣ. На папуасскихъ архипелагахъ съѣдобныя млекопитающія рѣдки или совсѣмъ отсутствуютъ, въ Новой Каледоніи даже не было собакъ. Растенія, воздѣлываемыя на этихъ островахъ въ цѣляхъ пропитанія, даютъ по преимуществу крахмалистую пищу, рыбная же ловля служитъ рессурсомъ лишь для береговыхъ жителей, люди же нуждаются въ азотистой пищѣ во что бы то ни стало. Разумѣется, туземцы могли отъ времени до времени съѣдать женщинъ для удовлетворенія этой потребности въ мясной пищѣ, но это было неудобно, такъ какъ женщины нужны для услугъ. Вотъ поэтому-то племена и воевали постоянно другъ съ другомъ и за каждой, даже самой маленькой побѣдой слѣдовало каннибальское пиршество. Въ началѣ побѣдители ограничивались лишь тѣмъ, что тутъ же на полѣ битвы разрубали на куски и съѣдали мертвыхъ раненыхъ и плѣнныхъ; затѣмъ у туземцевъ постепенно развилось чувство предусмотрительности и они стали оставлять въ живыхъ часть военноплѣнныхъ, на случай пиршествъ или жертвоприношеній. Плѣнныхъ приносили въ жертву богамъ ибо боги считались такими же антропофагами, какими были и тѣ, которые имъ поклонялись. Въ промежуткѣ между взятіемъ въ плѣнъ и принесеніемъ въ жертву плѣннаго, его иногда заставляли работать, извлекая изъ этого личныя выгоды. Плѣнницы же часто становились наложницами своихъ владѣльцевъ и въ концѣ концовъ между плѣнными и ихъ владѣльцами возникли, хотя и очень грубыя, но все-таки мирныя отношенія. Съ этого момента и началось истинное рабство; въ Папуазіи же оно оставалось въ зародышевомъ состояніи, такъ какъ тамъ оно непосредственно вытекало изъ обжорства и чревоугодія и рабъ былъ скорѣе убойнымъ, нежели вьючнымъ скотомъ. Мало-по-малу положеніе вьючной скотины становится все болѣе и болѣе удѣломъ раба, какъ мы будемъ имѣть случай убѣдиться при дальнѣйшемъ изслѣдованіи этого вопроса.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВОЛКЪ.

I.

Знойный день. Едва скользятъ облака. Дремлетъ темный лѣсъ. Тишина—все точно умерло, только рѣченка скачетъ, реветъ, бурлитъ и разноситъ все на пути, размываетъ сыпучій берегъ обрыва. Темно и прохладно въ чащѣ, у подножія вѣковыхъ елей и сосенъ; жарко и знойно на маленькой лужайкѣ, которую молча обступилъ, сдавилъ непроницаемымъ кольцомъ лѣсъ; солнце жжетъ ее и сыплетъ цѣлые снопы лучей. Лужайка подбѣгаетъ къ самому краю обрыва; она какъ будто хочетъ соскочить внизъ, сползти по сыпучей отвѣсной стѣнѣ, подбѣжать къ кипучей рѣченкѣ и насладиться ея влагой, но точно боится это сдѣлать: она видитъ, какъ старыя ели и сосны, соблазнившись заглянуть въ воду, слишкомъ близко пододвинулись къ обрыву, не удержались и рухнули со всей двадцатипяти-саженной высоты; только немногія остановились на пол-дорогѣ, судорожно ухватясь могучими корнями за сыпучій песокъ и замерли, медленно умирая подъ жаркимъ, безжалостнымъ солнцемъ.

По тропинкѣ изъ лѣсу вышла молодая дѣвушка въ простенькомъ сарафанѣ и красной шапочкѣ на темной головкѣ, и, беззаботно-весело напѣвая, стала срывать борвинокъ, запрятавшійся въ тѣни елей. Она набрала много, много синихъ глазокъ: запихала въ косы, у пояса приткнула букетикъ; умаялась, стало ей жарко и она улеглась на большомъ камнѣ, обросшемъ мягкимъ мхомъ, подъ развѣсистой елью, у самаго обрыва, такъ, чтобы сквозь вѣтви хвои ей видно было только синее небо.

То была Красная Шапочка, прозванная такъ въ шутку дома за маленькую, граціозную шапочку, съ которой она никогда не раставалась. Какъ и въ сказкѣ, жила она съ

матерью и шла навѣстить бабушку черезъ лѣсъ, въ которомъ, какъ ей всѣ говорили, водятся волки; но на это она только смѣялась и по цѣлымъ днямъ просиживала въ самой чащѣ, на своемъ любимомъ камнѣ у обрыва, не боясь нисколько волковъ. Да ихъ и не могло быть: вотъ уже сколько лѣтъ она одна и весной, и лѣтомъ, и темнымъ осеннимъ вечеромъ ходитъ по лѣсу и ни разу не видѣла не только волка, но даже зайца, или бѣлки; лѣсъ былъ совсѣмъ пустъ, птицъ и то почти нѣтъ.

Долго лежала Красная Шапочка, прислушиваясь къ бурленью рѣченки и тишинѣ лѣса. Вдругъ вѣтви ближнихъ деревъ зашевелились и изъ-за нихъ тихо вышелъ—вы думаете волкъ?—нѣтъ, молодой человѣкъ, съ ружьемъ за плечами и съ понтеромъ, который шелъ по верху, нюхая воздухъ. Красная Шапочка, испугавшись, вскочила; она никакъ не ожидала, чтобы кто-нибудь, кромѣ нея, проникъ въ такую чащу. Выросши въ деревнѣ, она не привыкла видѣть молодыхъ людей, да еще въ такомъ элегантномъ сѣромъ костюмѣ.

Молодой человѣкъ улыбнулся и, раскланиваясь, приподнялъ круглую шляпу съ фазаньимъ хвостомъ.

— Не пугайтесь, барышня. Простите, что потревожилъ васъ въ уединенiи,—мягкимъ баритономъ, весело, слегка растягивая слова, заговорилъ онъ.—Вы выбрали самое поэтическое мѣсто для вашихъ мечтанiй,—продолжалъ онъ, подходя къ обрыву;—никакъ не ожидалъ встрѣтить лѣсную фею, или не знаю, за кого вы прикажете васъ считать,—и онъ улыбнулся, показывая рядъ бѣлыхъ блестящихъ зубовъ.

Красная Шапочка успѣла оправиться отъ испуга и, тоже смѣясь, отвѣтила:

— Нѣтъ, я не фея, я просто Красная Шапочка.

— А, Красная Шапочка—и онъ опять показалъ свои бѣлые зубы.—Ну, въ такомъ случаѣ я волкъ.

— Нѣтъ, нѣтъ вы не смѣйтесь, я въ самомъ дѣлѣ Красная Шапочка; меня всѣ такъ зовутъ; но не называйте себя волкомъ, а то мнѣ станетъ страшно, что вы съѣдите меня, и я брошусь съ обрыва,—и она встала на самый край, надъ пѣнящейся рѣчкой, въ такой позѣ, будто она въ самомъ дѣлѣ сейчасъ и бросится внизъ.

— Что вы дѣлаете?—испуганно крикнулъ юноша,—у васъ закружится голова...

— Ничего, я привыкла,—и она сѣла на край, свѣсивъ

ноги надъ обрывомъ.—Нѣтъ, вы не волкъ; вотъ съ вами и собака; какъ ее зовутъ? Ісі! Какой славный понтеръ! я такъ люблю животныхъ.

— Позволите сѣсть у подножія вашего трона? Хоть вы и отрицаете, что вы лѣсная фея, но мнѣ все-таки сдается, что вы владѣлица лѣса, и что эта поляна вашъ дворецъ, а камень тронъ; я же, дерзкій, ворвался сюда, въ чемъ и прошу прощенія.—И незнакомецъ опустился на траву около камня.— Но, однако, скажите же мнѣ, кто вы, и гдѣ я нахожусь, потерялъ дорогу, брожу съ разсвѣта, изнемогаю отъ жары и усталости и не знаю, какъ отсюда выбраться.

— Если вы пойдете по этой тропинкѣ, то скоро выйдете въ большую деревню, а тамъ ужъ вамъ покажутъ дорогу, куда угодно; недалеко, версты двѣ, три...

— Благодарю покорно!—воскликнулъ Волкъ,—я и такъ измаялся, а тутъ еще три версты! Умрешь у вашихъ, фея, ногъ съ жары и жажды!

— Да нѣтъ же, говорю вамъ, я не фея, я Красная Шапочка; а если хотите, я просто Ксенія Андреевна или Ксюря по сокращенному; но всѣ меня зовутъ Красная Шапочка, и я хочу, чтобы и вы меня такъ же звали.

— Повинуюсь, — назову васъ безъ всякихъ предисловій Красная Шапочка; но за то, не смотря на то, что я Владиміръ Сергѣевичъ Понютинъ, зовите меня „Волкъ“ и не бойтесь, что я васъ съѣмъ; я предобрый и не только Красныхъ Шапочекъ, но даже дичи никакой не губилъ. Видите,—и онъ тряхнулъ охотничьей сумкой, чтобъ показать, что она пуста.— Двѣ недѣли, какъ я пріѣхалъ въ мое имѣніе (слыхали, можетъ быть, „Панютино“), каждый день хожу наохоту и застрѣлилъ только за все это время двухъ рябчиковъ да тетерку. Я тутъ въ первый разъ; соблазнился разсказами о здѣшней охотѣ, пріѣхалъ въ старое дѣдовское имѣніе; какъ водится, все заброшено, запущено, раскрадено честными чухнами, и поселился чуть не въ руинахъ, проклиная судьбу и Чухляндію. Ни одного человѣка, съ которымъ можно бы было слово сказать. Судите же, какъ мнѣ было пріятно встрѣтить русскую, да еще въ такомъ поэтическомъ видѣ и въ такой замѣчательной обстановкѣ.

Ксюря разболталась понемногу съ молодымъ человѣкомъ. Перешли они и на болѣе серьезный разговоръ. Новы и чудны были многіе взгляды Понютина для дѣвушки, выросшей въ глуши, въ обществѣ старой бабушки да матери, развившейся

на свободѣ въ лѣсу, да въ огромной библіотекѣ, читая все безъ разбора. Въ первый разъ пришлось ей обмѣняться мыслями съ молодымъ существомъ.

Панютинъ тоже былъ очень доволенъ; его заинтересовалъ этотъ самородокъ, какъ мысленно назвалъ онъ Ксюрю. Все въ ней было свѣжо, не тронуто, полно вѣры и надежды. Глаза ея искрились и горѣли, когда она говорила о Россіи, о народѣ, съ ненавистью отзываясь о чухнахъ; она бредила русскими, говорила, что ея завѣтная мечта уѣхать въ нѣдра Россіи и послужить ей.

Волкъ слушалъ этотъ, почти дѣтскій лепетъ, улыбался и скалилъ бѣлые зубы, поглядывая на оживленное личико Красной Шапочки, на каріе, большіе, умные глаза, на пунцовый ротикъ съ капризно вздернутой губой, на загорѣлую, стройную шею, на гибкія, тонкія руки, на темныя змѣиныя косы, на хорошенькую головку, увѣнчанную красной шапочкой и синимъ борвинкомъ...

Разставаясь, Волкъ съ Красной Шапочкой сговорились опять встрѣтиться здѣсь же.

II.

Волкъ и Красная Шапочка часто приходили на камень къ обрыву и немного прошло времени, какъ уже они сидѣли рядомъ, рука въ руку и Ксюрина головка покоилась на плечѣ Панютина. Довѣрчиво смотрѣла она на него и румяныя губы ея улыбались счастливой, блаженной улыбкой.

— Посмотри, Волкъ,—говорила она,—какъ эта рѣчка красива, какъ красиво бѣлая пѣна ея искрится и переливается на солнцѣ, а въ спокойныхъ мѣстахъ ели и сосны отражаются въ желтой водѣ. Посмотри, что можетъ быть лучше этого лѣса кругомъ, тишины, въ немъ царящей, и рѣчонки которая ни на минуту не спокойна и все куда-то рвется, стремится. Такъ вотъ и мое сердце: оно никогда не спокойно; оно все куда-то стремится; мнѣ здѣсь душно, тяжело, чего-то не достаетъ, мнѣ, —я только и спокойна, когда съ тобой, въ тихомъ лѣсу, и знаю, что на версты кругомъ никого нѣтъ. Рѣчонка стремится къ морю, мое сердце къ родинѣ, —я русская, а никогда не была тамъ, на моей родинѣ. Мнѣ вотъ теперь хорошо съ тобой, но кажется было бы въ тысячу разъ лучше гдѣ-нибудь на Волгѣ. Здѣсь тѣсно, здѣсь все давитъ меня, все слабо и вяло,—а тамъ должно быть такъ широко, свободно; я не была тамъ, но я чувствую, я

знаю, что тамъ хорошо и именно такъ, какъ мнѣ кажется. Знаешь, когда ѣдешь на лошади, которая дика, не объѣзжена и можетъ сбросить тебя каждую минуту—духъ захватываетъ. Тутъ и страхъ, и восторгъ!.. Лошадь летитъ и мысли твои летятъ. О, это необъяснимо чудно; но въ тысячу разъ чудеснѣе, когда я закрываю глаза и думаю о Россіи. А ты подлѣ меня и говоришь, разсказываешь, какъ тамъ все будетъ. Нѣтъ, это слишкомъ хорошо и потому невозможно. Милый Волкъ, ты смѣешься надъ предчувствіемъ, но оно вѣрно: ты разлюбишь меня и все пойдетъ прахомъ; ты скоро забудешь Красную Шапочку, а я, я умру, Волкъ. Волкъ, вѣдь ты меня съѣшь?.. Съѣшь?..

И вдругъ Ксюря вскочила, побѣжала къ камню и стала на самый край.

— Волкъ, ты меня съѣшь!—воскликнула она и тоскливо повторило эхо гдѣ-то вдали по ту сторону обрыва „Съѣшь!"

— Какая ты, Ксюра, странная! Пойми же, Панютино было заброшено, забыто, никто не платилъ податей, накопились долги, надо оправиться, заплатить ихъ... Я его продамъ и куплю имѣніе въ Россіи, гдѣ хочешь, и заживемъ мы тамъ той жизнью, о которой ты мечтаешь; но пойми же, на это нужно время, а до тѣхъ поръ я не могу на тебѣ жениться. Ты же сама зажала мнѣ ротъ, когда я заикнулся жить тутъ или въ городѣ, ты сказала, что надо раньше гнѣздышко устроить.

— Ахъ, Волкъ, ты меня не понимаешь; не въ этомъ дѣло, а то, что я чувствую, что ты не такъ меня любишь, какъ надо. Ты любишь, чтобъ съѣсть меня,—я объяснить не могу тебѣ, но я это чувствую. Прошу тебя, оставь меня, брось теперь, уѣзжай; ты видишь, я безсильна, я не могу прогнать тебя. Пожалѣй глупую Красную Шапочку, не ѣшь ея, на что она тебѣ? Уѣзжай...

— Уѣхать? нѣтъ, никогда, Ксюря. Милая, вѣдь люблю я тебя!—И Волкъ бросился къ ней.

— Стой, не смѣй подходить къ камню.

Панютинъ остановился.

— Какая ты хорошенькая, такъ во весь ростъ, вся разрумянилась. Ну, не дѣлай такихъ строгихъ минъ, не сердись, не подойду, сяду вотъ тутъ и буду любоваться тобой. Я готовъ сдѣлаться живописцемъ, чтобъ срисовать тебя.

— Волкъ, довольно глупостей, говори что-нибудь серьезное. Ты самъ сказалъ, что намъ надо поговорить о чемъ-то. Ну, начинай, я слушаю.

И Ксюря усѣлась по всегдашнему, свѣсивъ ноги съ обрыва, а подлѣ нея умѣстился понтеръ.

— Ну, хорошо, повинуюсь,—и Волкъ началъ.—Ты поморщишься, потому что опять буду говорить про Панютино; но на этотъ разъ ты должна меня выслушать и помочь мнѣ, а то погибнутъ наши замыслы объ имѣніи въ Россіи. Вчера, вечеромъ, пріѣхавъ домой послѣ такой чудной прогулки съ тобой, я былъ непріятно пораженъ, найдя повѣстку о томъ, что если я черезъ шесть недѣль не заплачу долга, накопившагося на имѣніи, оно пойдетъ съ аукціона, и, конечно, за полцѣны. Нужно, во что бы то ни стало, достать десять тысячъ. Тамъ уплаты девять тысячъ съ чѣмъ-то; тогда можно будетъ поискать, не торопясь, покупателя и, я думаю, Панютино удастся продать тысячъ за пятьдесятъ. Выплативъ десять, у меня чистыхъ останется сорокъ; на эти деньги можно будетъ купить и устроить очень хорошенькій кусочекъ земли въ Россіи; но объ этомъ рѣчь впереди; главное, нужно достать десять тысячъ на три мѣсяца, а тамъ я обернусь и выплачу. Мнѣ бы далъ ихъ одинъ товарищъ по университету; но нужно гарантію, и вотъ, что я придумалъ: пусть твоя бабушка гарантируетъ мой заемъ своимъ имѣніемъ. Подъ него всякій охотно дастъ эти деньги; оно хоть маленькое, но отлично устроено. Твоя мать тоже могла бы это сдѣлать, но я не рѣшаюсь обратиться къ ней. Прости, но мать твоя только и думаетъ, что о выгодѣ, и никакъ не рѣшится ничѣмъ рискнуть на честное слово человѣка. Бабушка твоя добрѣе, мягче и довѣрчивѣе; она, конечно, тоже не согласилась бы сдѣлать это для меня; я ей самъ по себѣ чужой, и даже мало знакомый; но для тебя она вѣдь это сдѣлаетъ, это ей ничего не стоитъ, а хлопоты, конечно, я всѣ возьму на себя. Я сегодня же напишу товарищу, а ты переговори съ бабушкой.

— Нѣтъ, Волкъ, я не рѣшаюсь. Эти всѣ дѣла такъ чужды мнѣ; я въ нихъ ровно ничего не понимаю, даже бабушкѣ объяснить не съумѣю порядкомъ. Вотъ, если ты самъ пойдешь къ ней вмѣстѣ со мной, то я уговорю ее. Ну, довольно объ этихъ противныхъ деньгахъ.—И Ксюря спрыгнула съ камня и снова усѣлась подлѣ Панютина.

— Хорошо, Красная моя Шапочка,—лаская ея тонкія руки, сказалъ Волкъ,—но еще одно слово: когда же мы отправимся къ бабушкѣ? Сегодня вѣдь уже поздно.

— Ну такъ завтра.

*

— Но когда именно, вѣдь дѣло не терпитъ, каждый часъ дорогъ.

— Да заѣзжай за мной завтра, верхомъ, утромъ, пораньше; мы и съѣздимъ, пока не жарко, тамъ покатаемся по озеру, отдохнемъ, а къ вечеру домой.

III.

Еще не взошло солнце, а уже Ксюря вскочила, отдернула занавѣску у окна, глянула: небо все чистое, голубое, чуть-чуть только розовится на востокѣ. Экій чудный денекъ будетъ!

Проворно стала она одѣваться, и не прошло получаса, какъ уже Ксюря, взобравшись по лѣстницѣ, сидѣла на крышѣ, чтобы лучше видѣть восходъ солнца.

Тихій, легкій воздухъ дрожитъ, зеленѣя, на фонѣ березовыхъ и ольховыхъ рощицъ; уходя въ даль, онъ сплочивается въ густыя синія волны, которыя, застывъ, ждутъ первыхъ лучей солнца. Тонкая бѣлая дымка тумана вьется и колышется надъ спящимъ прудомъ. Слабый запахъ меда отъ расцвѣтающихъ травъ струится съ луговъ и полей. За большими плакучими березами розовѣетъ, разгорается небо.

Широкая песчаная дорога, точно лиловая лента, лежитъ среди зелени и, извиваясь, убѣгаетъ за холмъ. И ворота, и сарай, что видны Ксюрѣ съ крыши, тоже переходятъ въ лиловый фантастическій цвѣтъ.

Тихо еще кругомъ, только иногда со стороны хлѣвовъ доносится слабый звонъ колокольчика, мычанье. Такъ все тихо, что, кажется, слышенъ вздохъ коровы, фырканье лошади.

Разгорѣлось полнеба алою краской. Туманъ надъ прудомъ расплылся. Синія волны на горизонтѣ посвѣтлѣли и ушли дальше, принявъ сѣро-серебряный оттѣнокъ. Чирикнула ласточка на крышѣ въ сажени отъ Ксюри, гдѣ-то въ полѣ залилась птичка, ей отвѣтила другая, еще и еще. Вдругъ, покрывая ихъ голоса, зычно, громко хлопая крыльями, закричалъ пѣтухъ. Вышло солнце, и, секунду подрожавъ за березами, высунуло свой край изъ за ихъ верхушекъ.

Хлопнула дверь, заскрипѣли ворота сарая, послышались голоса, всплески переливаемой воды. По двору, зѣвая, прошла баба, поплелся чухонецъ, сося люльку; словомъ, начался день.

Наконецъ, привели Ксюрину лошадь.

— Скоро шесть часовъ, а Волка все нѣтъ. — Ксюря сошла на землю, чтобы поглядѣть, какъ сѣдлаютъ Мали-

новку, и ей не стало больше видно дороги, но чуткое ея ухо слушаетъ; ему не помѣшаютъ звонки уходящаго на пастбище скота услышать топотъ. Вотъ будто далеко, далеко что-то раздалось. Она стала слушать.

— Это онъ! это топотъ его лошади!—и Ксюря уже у воротъ.

Сильныя руки подхватываютъ ее и она сидитъ на лошади; но той не нравится двойная ноша. Воронокъ пятится къ канавѣ и наклоняется бокомъ.

— Ишь, шалунъ!—и Ксюря съ хохотомъ соскальзываетъ въ мягкую густую траву, и Волкъ и она смѣются.

Красная Шапочка такая веселая, розовенькая, свѣженькая, хорошенькая въ длинной черной амазонкѣ, что Волкъ не можетъ отвести отъ нея глазъ. Быстро подбѣгаетъ Ксюря къ Малиновкѣ, нетерпѣливо роющей копытомъ землю, и быстро вскочивъ на лошадь, стройная, гибкая выѣзжаетъ изъ воротъ.

Они счастливы...

Дорога пошла лѣсомъ, становясь все у̀же и у̀же.

Волкъ подвинулъ Воронка такъ, что лошади касались другъ друга, и взялъ за руку Ксюрю. По мѣрѣ того, какъ они углублялись въ лѣсъ, она дѣлалась молчаливѣе и веселость ея стала смѣняться непонятною грустью. На пожатіе руки Волкомъ она не отвѣчала, а только глянула ему въ глаза глубоко, глубоко, точно хотѣла видѣть насквозь его душу. Но сѣрые глаза Волка только ласкали ее и ничего не было въ нихъ видно. Красная Шапочка отвернулась и еще грустнѣе стала смотрѣть въ лѣсъ... Проѣзжая дорога исчезла, пошла тропинка. Волку пришлось пропустить Красную Шапочку впередъ. Она отклонялась порою отъ вѣтвей и Волкъ смотрѣлъ на эту стройную фигуру, на ея юную, еще не опредѣлившуюся, грацію.

Неслышно шли лошади по еще не обсохшему отъ росы мху. Свѣтлый, радостный день разгорался ярче, забрасывая въ чащу лѣса теплые лучи; въ лѣсу пахло свѣжей смолой и испаряющейся влагой, насыщенной запахомъ мха и листвы. Жужжа, вились шмели и, точно золотыя нитки, прорѣзывали на солнцѣ воздухъ.

Вдругъ невдалекѣ послышались удары топора.

— Лѣсъ рубятъ,—сказала Красная Шапочка и направила лошадь съ тропинки въ чащу.

На маленькой лѣсной полянкѣ, одна среди хвои, стояла стройная, бѣлоствольная береза и среди неподвижныхъ деревъ она одна вздрагивала. Топоръ стучалъ по ея сочному, крѣп-

кому стволу. Дерево стонало чаще и чаще, колыхаясь отъ ударовъ. Вдругъ оно закачалось, точно въ предсмертной агоніи, потряслось все съ вершины до основанія и, на смерть раненое, рухнуло съ трескомъ и скрипомъ, безпомощно протягивая вѣтви, богато убранныя едва успѣвшимъ развернуться листомъ.

Ксюря вздрогнула.

— Волкъ, поѣдемъ отсюда, мнѣ больно, тяжело смотрѣть; вѣдь она страдаетъ! Волкъ, какая она несчастная, лежитъ на смерть раненая! посмотри—чуть-чуть еще дрожатъ листы; ей больно. Волкъ, поѣдемъ, поѣдемъ отсюда.

Ксюря просила его ѣхать, а сама точно прикованная къ мѣсту не могла двинуться, тоскливо глядя на срубленную березу.

— Волкъ!

— Ну поѣдемъ! Какая ты странная!—Панютинъ улыбнулся, показывая свои чудные, бѣлые зубы.

Ксюря опять вся вздрогнула; ей почудилось, что Волкъ скалитъ зубы, готовясь ее съѣсть. Она ударила лошадь и помчалась. Вѣтви били, хлестали ее, зацѣпляли за платье, за волосы, а она только погоняла, точно въ самомъ дѣлѣ за ней несся настоящій волкъ.

— Ксюря! Ксюря!—кричалъ Панютинъ, но она не слушала и все погоняла. Наконецъ, на болѣе широкомъ мѣстѣ тропинки Волку удалось ее нагнать, схвативъ за узду Малиновку, и пріостановить эту бѣшенную ѣзду.—Ксюря, да что это съ тобой? Посмотри, на что ты похожа; сучья, иглы застряли у тебя въ платьѣ. Вонъ лицо оцарапано; развѣ можно такъ?

Красная Шапочка блѣдная, вся вздрагивала, тонкія ноздри ея трепетали, глаза туманились отъ страшной тоски и грусти.

— О Волкъ, эта береза! ты не можешь понять. Береза!.. Точно молодое ея сердце кто-то смертельно ранилъ и она умерла. Какъ она страдала!.. ты видѣлъ, она вся дрожала, стонала. Какъ больно, больно, когда ранятъ сердце. Ты этого не поймешь, потому что съ тобой никогда ничего такого не случится; я же знаю, мое сердце ранятъ, и я умру—упаду, какъ береза.

— Бѣдная моя Красная Шапочка, чѣмъ же мнѣ тебя успокоить? Когда любятъ, то вѣрятъ, а ты не вѣришь, стало быть...

— Нѣтъ люблю,—горячо прервала она:—люблю и вѣрю,

только ты меня съѣшь,—тихо чуть слышно, добавила она,—съѣшь.

— Глупости,—и Волкъ приблизилъ лошадь, обхватилъ гибкую, стройную Ксюрю и сталъ цѣловать ее въ поблѣднѣвшія губы.

IV.

— Бабушка, бабунчикъ, милая, сдѣлай это для меня.

— Да что ты, матушка, пристала ко мнѣ,—сказала бабушка;—не понимаю я ничего въ вашихъ дѣлахъ и баста; какъ помру, Богъ дастъ уже не долго, тогда и дѣлай съ имѣніемъ, что хочешь: закладывай, перезакладывай, а теперь-то чего пристала?

— Бабушка, да пойми же, что деньги сейчасъ нужны, сію минуту, а то Панютино пропадетъ.—Волкъ, да объясни же все бабушкѣ, я не могу.

— Видишь, Ксюричка, и ты не понимаешь, а гдѣ ужъ мнѣ-то въ толкъ взять. Ты молода и то не разберешь; ужъ это не для бабьяго ума, это дѣло мужское и во вѣки я не возилась съ бумагами, а тутъ на-кось! на старости лѣтъ.

Панютинъ началъ терять терпѣніе. Болѣе часу объяснялъ онъ всю необходимость заложить имѣніе. Ксюря молчала, но, видя неподатливость бабушки, и она приступила. Долго нѣжно ласкалась она, просила чуть не со слезами... Бабушка стала сдаваться; гдѣ тутъ было устоять ей противъ любимой внучки. Хотя, не смотря на всѣ объясненія Панютина, она и не понимала сути, но чувствовала все-таки, что отъ ея согласія зависитъ счастье Ксюри.

Рѣшилась старушка и со вздохомъ пошла за чернилами, чтобы дать довѣренность.

— Смотри только, батенька,—говорила она Волку, надѣвая очки и разыскивая чернила среди баночекъ и стклянокъ, содержавшихъ въ себѣ разныя лѣкарственныя снадобья,—смотри, не обидь меня, старуху. Да что, положимъ, моя пѣсенка спѣта, погубишь мое гнѣздышко, пропадетъ оно съ твоими закладами да перекладами, ужъ не уѣзжать мнѣ отсюда, не мѣнять мѣста; чуть не всю жизнь скоротала въ этомъ домишкѣ, тутъ и помру; а вотъ о ней, о Красной Шапочкѣ, подумай, вѣдь она, что цвѣточекъ только что распускается; вѣтерокъ дунетъ, сломится, — не обидь ее, никто за нее не заступится, побереги; на честь

твою полагаюсь. Мать-то ея, самъ знаешь, не защититъ. Пожалѣй...

У Ксюри уже не было и слѣда страха и тоски. Личико ея было снова румяно, она улыбалась и, напѣвая, бѣгала изъ комнаты въ комнату, довольная, что бабушка согласилась; заглядывала во всѣ углы старенькаго, но полнаго довольства домика и поминутно взвизгивала отъ удовольствія при открытіи какого-нибудь животнаго. То вытаскивала она кошку откуда-нибудь изъ-за печки, то цѣлую корзинку съ только что вылупившимися цыплятами, то пѣтуха со сломанной ногой, взятаго на излѣченіе въ господскій домъ, то щенятъ, изъ-подъ шкафа выпихнула ежа, заведеннаго въ защиту отъ крысъ, и исцарапала всѣ руки объ его щетину, Ксюря стала травить имъ Каштана, понтера Панютина. Поднялась страшная возня: все народонаселеніе бабушкина дома пришло въ волненіе. Крикъ, пискъ, визгъ, кудахтанье, лай; взрывы смѣха Ксюри.

— Волкъ, иди же сюда, брось эти скучныя бумаги... Смотри, Каштанъ боится... Ай! гляди, какіе котята: одинъ совсѣмъ бѣлый, съ черной головкой; точно влѣзъ въ сажу мордочкой и выпачкался. Волкъ, иди же!

Панютинъ тоже принялъ участіе въ вознѣ, а бабушка только охала и вздыхала, глядя, какъ валятся стулья, сбиваются въ комки ковры и дорожки, плошки, поддонничкн со всевозможными кормами для животныхъ...

— Да побойтесь Бога, что только эти сумасшедшіе дѣлаютъ!

V.

Волкъ уѣхалъ. Со стѣсненнымъ сердцемъ простилась съ нимъ Красная Шапочка. Онъ обѣщалъ писать; но все рѣже приходили его письма, рѣже такъ же, какъ и ясные дни. Короче и холоднѣе становились письма, какъ и удаляющееся солнце; вотъ и совсѣмъ прекратились. Ксюря не спитъ, не ѣстъ, все ждетъ письма. Жизнь ея дѣлится на двѣ части: ожиданіе почтоваго дня и горькое, тоскливое разочарованіе, тамъ опять надежда, ожиданіе...

Тоскливы первые осенніе дни, пока еще не привыкнешь къ сѣрому небу, къ этому мелкому, все пронизывающему дождю.

Монотонно, равномѣрно падаютъ капли на землю и она отдыхаетъ отъ лѣтнихъ трудовъ и набирается новыхъ силъ.

Опустѣли поля, валяются желтые листья. Безпокойно мычатъ стада, просясь съ голодныхъ пастбищъ въ теплые хлѣва. Дорога обратилась въ кисель, вязнетъ колесо, лошадь идетъ, тяжело ступая по грязи. Ксюря ѣдетъ на почту; мысли ея все заняты тѣмъ же: „Будетъ или не будетъ письмо?“—мучаетъ она себя вопросомъ.

— Вотъ, если колесо попадетъ въ этотъ ухабъ, то будетъ,—загадываетъ она. Экипажъ накреняется на бокъ—колесо попало.—Будетъ, — шепчетъ Ксюря — будетъ письмо. Вонъ летитъ ворона; если она повернетъ сюда, то будетъ, и такъ загадываетъ Красная Шапочка каждую минуту; но никакой отвѣтъ не удовлетворяетъ ея. Выходитъ „да“, она чувствуетъ, что такъ не будетъ; выходитъ „нѣтъ“, она не вѣритъ.

Она пріѣхала слишкомъ рано,—почта еще не открыта. Будетъ—не будетъ, твердитъ она, блѣдная отъ волненія и безсонной ночи, глядя на закрытую дверь.

— Наконецъ-то! наконецъ, начинается выдача писемъ. Передаютъ ей цѣлый ворохъ.

— Мамѣ, мамѣ,—быстро проглядываетъ она письма;—вотъ еще, еще бабушкѣ пакетъ съ печатями, еще письма, но ей нѣтъ.

— Нѣтъ, повторяетъ она вслухъ и, понурая, пускается въ обратный путь.

. . . .

— Ну, Ксюрочка, есть письма? — встрѣчаетъ бабушка внучку,—нѣтъ? Ну что жъ молчишь? а есть? Ну давай, давай! Батюшки! пакетъ какой съ печатями. Что бы это такое было? Очки-то гдѣ? Куда они запропастились? Сейчасъ тутъ были. Читала новое средство отъ крысъ. Ну, все равно, почитай сама.

Красная Шапочка сломала печать. Что это?—Волкъ... Господи!..

Панютинъ не заплатилъ долга вô-время и не предупредилъ даже... Прощайте счастливыя мечты, прощай имѣніе бабушки!

Выпала бумага изъ дрожащихъ рукъ Красной Шапочки. Вскрикнула бабушка и безъ движенія, въ глубокомъ обморокѣ, откинулась на спинку кресла. Не слышитъ, не видитъ ничего Ксюря.

— Съѣлъ! съѣлъ! Сразу обострившійся профиль Ксюрина лица рисуется на черномъ фонѣ мокраго капюшона, ни кровинки; глаза полны тоски и муки. Никогда, никогда не увидятъ они Волка.

На крикъ бабушки прибѣжала прислуга. Уложили они старушку въ постель, послали за докторомъ; а Ксюря все стоитъ на томъ же мѣстѣ. Страшная печать легла на ея черты; точно вдругъ старше стала она; будто цѣлые годы страданія пронеслись надъ ея головкой. Ей все равно, что бабушкино имѣніе пропало, все равно, что докторъ сказалъ: врядъ ли она оправится; все, все равно. Она никогда, никогда не увидитъ больше Волка.

VI.

Тихій осенній вечеръ. Робко приближается ночь. Стрекочутъ позднія стрекозы. Холоденъ воздухъ... Тишина... Даль еще голубого неба съ неподвижными, какъ бы застывшими, тяжелыми облаками...

На балконѣ сидитъ Ксюря, кругомъ на куртинкахъ пестро, разрослись цвѣты; лиловыя астры, застынувъ, стоятъ, опустивъ тяжелыя, молчаливыя головки. Деревья подернуты красками; одни чуть зажелтѣли, другія закраснѣли, иныя приняли бурый оттѣнокъ. Кругомъ понемногу темнѣетъ; солнце ниже уходитъ въ свинцовыя, съ золотыми краями тучи.

На душу Ксюри вечеръ навелъ вмѣстѣ и тоску по утраченному, невозвратному и какое-то сладкое, радостное воспоминаніе о прошедшихъ, лучшихъ минутахъ. То же, что прежде—кругомъ тѣ же деревья, тѣ же кусты, даже въ душѣ, какъ и прежде—ожиданіе. Зачѣмъ? она сама знаетъ, что все это невозвратно, это только привычка сердца—ждать.

Издали слышатся колокольчики возвращающихся стадъ; изрѣдка по дорогѣ проскрипитъ возъ—хотѣлось бы Ксюрѣ услышать не то...

Она вслушивается, и вдругъ привычный звукъ поражаетъ ухо. Легкій топотъ коня... все ближе... ближе... Сердце перестаетъ биться... Нѣтъ, обманъ... все тихо...

Красная Шапочка закрываетъ глаза; холодная дрожь проходитъ по членамъ...

Снова чудится свободный, быстрый поскокъ лошади... ближе... яснѣе... Звякаютъ ворота подъ милой рукой... совсѣмъ близко легкій топотъ. Изъ за деревьевъ мелькаетъ тонкая, нервная сухая лошадка. Ксюря открываетъ глаза... мучительныя, сладкія воспоминанія! И среди сумерекъ чудится ей дорогое, привѣтливо улыбающееся лицо.

Лошадь идетъ легкой рысью.

На ходу спрыгиваетъ онъ, быстро и крѣпко цѣлуетъ...

— Волкъ, милый Волкъ!—кричитъ Ксюря и сбѣгаетъ съ балкона въ садъ, бѣжитъ по дорожкѣ, черезъ калитку, въ лѣсъ подъ темныя ели.

Молчатъ ели и хмурятся.

Солнце сѣло. Темнота расплывается и окутываетъ все... окутываетъ и лѣсъ, гдѣ бродила Красная Шапочка съ своимъ Волкомъ..

Бѣжитъ Ксюря къ обрыву, ей не страшна темнота... она хорошо знаетъ дорогу. Тихо въ лѣсу. Хмурится онъ, засыпая въ тяжелой думѣ. Вотъ слышится бурленіе рѣчки—это обрывъ. Страшна темная пропасть... Клокочетъ сердито рѣченка. Ксюря подбѣгаетъ къ самому краю. Песокъ срывается изъ подъ ногъ и катится внизъ.

— Волкъ! Волкъ!—кричитъ она, простирая руки въ тьму, и горько, тоскливо отвѣчаетъ ей эхо „Волкъ". Въ глубинѣ темно-синяго неба зажигаются звѣзды... Ксюря смотритъ... видитъ падаетъ звѣздочка, и торопливо шепчетъ: „Волкъ! будь счастливъ!"

Краснымъ кругомъ выплыла полная луна; серебрянымъ блескомъ осыпала мирно спящія поля, деревни, дорогу, лѣсъ...

Ксюря идетъ по тропинкѣ домой.

Деревья даютъ фантастичныя тѣни; невѣрно озаряетъ дорогу мѣсяцъ, бросая пятна свѣта; но Ксюря идетъ увѣренно, не оступаясь: какъ же не знать ей этой тропинки?!

Домъ ея мирно спитъ въ тѣни старыхъ березъ. Только одна дверь чуть-чуть пріотворена. Ксюря, какъ кошка, проскальзываетъ въ нее и беззвучно закрываетъ ее Спать ей не хочется, и она бѣжитъ по лѣстницѣ во второй этажъ—это библіотека.

Низкая, большая, комната подъ самой крышей, вся завалена сверху до низу старыми, запыленными томами. Красная Шапочка бросается на клеенчатый ободранный диванъ.

По всему видно, что комната эта въ загонѣ; отлѣпились обои, обсыпалась штукатурка, треснула и покосилась дверь... Видно, хозяйка не интересуется библіотекой... Книги въ безпорядкѣ; но Ксюря знаетъ, гдѣ что лежитъ. Тутъ выросла и развилась ея мысль; эти книги были единственными собесѣдниками ея одинокой юности; она сдружилась съ ними, и всѣ волненія радости, тревоги, прошли тутъ, въ библіотекѣ... И вотъ, теперь, по привычкѣ, пришла она къ своимъ друзьямъ; но мысли ея далеки отъ любимыхъ героевъ и героинь. Одинъ Волкъ владѣлъ ея существомъ... Измученная физически дол-

гимъ хожденіемъ по лѣсу, она и здѣсь не нашла покоя; мысли, ни на минуту не останавливаясь, работали все въ томъ же направленіи. Еще тяжелѣе Ксюрѣ отъ этой восхитительной осенней ночи.

— Ксюря, Ксюря!—раздался снизу раздраженный голосъ,—опять ты полуночничаешь. День-деньской бѣгаешь, къ вечеру Богъ знаетъ куда пропадешь, а тамъ всю ночь на пролетъ сидитъ... Иди спать!

Красная Шапочка очнулась...

— Оставь меня, мама,—отвѣтила она не своимъ голосомъ,—почитаю немного, и пойду.

— Да что жъ ты думаешь, даромъ я получаю керосинъ, что ли? И бабушку сгубила. Слава Богу, и меня хочешь по міру пустить. Не для проходимца, какъ твой Панютинъ, берегла я копѣйку. Поди, поди, матушка, черезъ недѣльку поглядѣть, какъ бабушку вонъ погонятъ, какъ котятъ, да щенятъ вашихъ въ воду побросаютъ, иди, сердобольная, ихъ вытаскивать, только ко мнѣ съ ними ужъ не являйся! Поди на Панютино, тамъ тебя встрѣтятъ съ почетомъ—невѣста барина. Своимъ умомъ дошли, мнѣ и слова не сказали... Заложить-то съумѣли, а о векселѣ, что думали? взяли бы съ него, такъ не ушелъ бы.

— Мама, — и голосъ Ксюри зазвенѣлъ, — ты думаешь, можно вексель взять, такъ и не разлюбитъ? Оставь меня въ покоѣ.—И столько было силы въ голосѣ этой, всегда кроткой и безотвѣтной, Красной Шапочки, что мать ея замолчала и продолжала уже тономъ ниже.

— Хорошо, хорошо, дѣлай, что хочешь, не спи, бѣгай по лѣсу, только помни, я не бабушка и за копѣйку свою постою.

Ксюря не выдержала: ужъ слишкомъ много накопилось на ея еще не окрѣпшей душѣ, и громко, судорожно всхлипнувъ, она забилась головой подъ подушку дивана, чтобъ ничего не слышать. Ей хотѣлось уйти отъ всего, отдохнуть...

VII.

Красная Шапочка ходила по лѣсу. Желтые упавшіе листья шуршали у ней подъ ногами. Уныло шумѣлъ вѣтеръ въ безлистныхъ вершинахъ. Уныло кричали сойки. Холодно, мертво въ лѣсу, а Красная Шапочка все ходитъ, да ходитъ. Щеки ея исхудали, грустныя складки легли на лбу, а блѣдныя губы шепчутъ: „Волкъ, зачѣмъ ты меня съѣлъ? Я говорила:

ты съѣшь бѣдную Красную Шапочку, которая такъ довѣрчиво ходила съ тобой въ темномъ лѣсу. Говорила тебѣ „съѣшь!“— повторяетъ Ксюря и безъ отвѣта тоскливо звучатъ ея слова въ пустомъ лѣсу.

А лѣсъ съ каждымъ днемъ все пустѣетъ да пустѣетъ; по утрамъ легкій иней ложится на мохъ. А Ксюря все бродитъ; она еще больше похудѣла, глубже врѣзались складки на лбу, а губы съ тоскою все шепчутъ „Волкъ!“.

За лѣсомъ усадьба совсѣмъ опустѣла: она продается. Баринъ, говорятъ, женится на богатой, такъ на подарки невѣстѣ нужны деньги. Вотъ Панютино и продаютъ.

Ксюря идетъ туда, все мертво, листья отъ березъ устлали ковромъ дорогу; ихъ не подметаютъ, видно даже, что давно, давно никто не проѣзжалъ. Подходитъ ближе. Никто не встрѣчаетъ. Окна заколочены. Тихо все, только свиститъ вѣтеръ и кружитъ листья. Остановилась Красная Шапочка; куда дальше идти? да и зачѣмъ пришла она? все вѣдь умерло, умерло съ послѣдними лучами лѣтняго солнца. Вдругъ тихое, мягкое ржанье донеслось изъ конюшни. Ксюря почти побѣжала туда.

Вошла въ конюшню,—черная тонкая, сухая мордочка протянулась ей на встрѣчу, и опять раздалось тихое ржанье. Ксюря охватила голову лошади, что-то внутри у дѣвушки тупо заныло, оборвалось, и вдругъ крупныя, тяжелыя слезы закапали изъ глазъ. „Воронко, ты узналъ, не забылъ, а онъ-то, Воронко... онъ-то... милый...“ И крѣпче прижимается Ксюря къ головкѣ лошади и цѣлуетъ ея въ мягкую морду и заглядываетъ въ большіе глаза. Воронко смотритъ на нее груcтнымъ глазомъ, видно, въ самомъ дѣлѣ узналъ. Входитъ собака, помахивая хвостомъ. „Каштанка! И ты не забылъ!“ и Ксюря опускается на связку соломы и плачетъ, плачетъ крупными слезами, безъ рыданій, и смотритъ то на „Воронко“, то на „Каштана“. Бока лошади уже не круглы и не лоснятся; можно пересчитать всѣ крупныя ребра; на тонкой кожѣ видны рубцы кнута; „Каштанъ“ тоже такой худой, голодный.

— Волкъ, Волкъ! ты всѣхъ и все забылъ, а они помнятъ!..

А. Ратамъ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ одной сатирической комедіи прошлаго вѣка, направленной противъ современной модной философіи, изображается въ высшей степени эффектная и, по замыслу автора, ядовитая сцена.

Философы вольтеріянскаго и энциклопедическаго направленія держатъ совѣтъ, какъ вытѣснить отовсюду своихъ противниковъ и дѣлятъ между собой вселенную. Одинъ долженъ возмутить Петербургъ и его академію, другой отправитъ памфлетъ въ Италію, третій, одаренный исключительной храбростью, разошлетъ двадцать повѣстей по обоимъ полушаріямъ, предсѣдатель совѣта беретъ на себя Англію.

Сцена по смыслу вполнѣ соотвѣтствовала дѣйствительности. Французскіе просвѣтители дѣйствительно властвовали надъ просвѣщеннымъ міромъ и могли похвалиться самыми блестящими и въ то же время самыми покорными вѣрноподданными. Но, мы видимъ, еще въ самый разгаръ этой власти является протестъ, насмѣшка, хотя и не поражающая особеннымъ талантомъ, но преисполненная злости и одушевленная надеждой на близкій конецъ ненавистнаго деспотизма.

До революціи это только партія, проникнутая самыми разнообразными реакціонными чувствами—религіознымъ фанатизмомъ, политической косностью, духовнымъ мракобѣсіемъ. Со времени переворота картина мѣняется. Философія быстро теряетъ кредитъ даже у вчерашнихъ друзей и усердныхъ проповѣдниковъ, и противниками ея теперь можно считать едва ли не всѣхъ спасшихся и разочарованныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, повидимому, банкротство полное!

Столько самонадѣянныхъ обѣщаній, такой азартъ критики и

разрушенія всего стараго, и въ результатѣ ужасы террора и тьма бонапартизма.

Некогда разбирать вопроса, дѣйствительно ли философія и критика виноваты въ кровавомъ движеніи революціи. Въ минуты запуганности, вообще сильныхъ нравственныхъ потрясеній логика у людей стремится принять самую упрощенную форму. Изслѣдованіе внутреннихъ, болѣе или менѣе глубокихъ причинъ данныхъ явленій требуетъ спокойствія и вдумчивости, легче рѣшить вопросъ на основаніи внѣшняго сопоставленія фактовъ. Что стоитъ рядомъ, что слѣдуетъ другъ за другомъ во времени, то и связано между собой причинностью.

Post hoc—ergo propter hoc, и въ результатѣ—Вольтеръ и его послѣдователи, эти искренніе монархисты и въ большинствѣ еще болѣе открытые враги матеріализма и безбожія, превращаются въ сочинителей-разбойниковъ, въ безудержныхъ отрицателей всего святаго, нравственаго и даже вообще духовной природы человѣка и принципіальныхъ основъ общественнаго порядка.

Нападенія начинаются очень рано, еще въ первый періодъ революціи. Во главѣ нападающихъ идутъ рядомъ малодушные отступники въ родѣ «незаконнаго сына философіи» Лагарпа, прирожденные враги просвѣтительной мысли—Деместръ и цѣлый рядъ пророковъ и софистовъ средневѣковой реставраціи. Къ нимъ присоединяются и несравненно болѣе благородные и искренніе искатели душевнаго мира и новой вѣры.

Не въ природѣ человѣческаго духа жить среди развалинъ и пустынь, вносить въ міръ сплошное отрицаніе и сомнѣніе, и всякій разъ непосредственно послѣ стремительнаго натиска на отжившіе идеалы жизни и мысли, у людей поднимается жгучая жажда построить новое зданіе хотя бы даже изъ стараго матеріала. А если этотъ матеріалъ оказывается безнадежно негоднымъ, наскоро изготовляется новый, часто призрачный и фантастическій, но дающій хотя бы временное удовлетвореніе неистребимымъ человѣческимъ вожделѣніямъ о гармоніи и положительной истинѣ.

И въ самой Франціи, только-что привѣтствовавшей Вольтера небывалыми восторгами, торжественно хоронившей его прахъ въ Пантеонѣ, поднимаются одинъ за другимъ безпощадные критики вольтеріянства и всего философскаго движенія, завѣщаннаго его эпохой.

Критики на первыхъ порахъ по существу продолжаютъ старое дѣло и ихъ голоса кажутся особенно внушительными и даже оригинальными только потому, что теперь они звучатъ совершенно кстати и предъ ними такая же обширная и внимательная аудиторія, какая еще такъ недавно была у энциклопедистовъ.

Рядомъ съ философами вольтеровскаго толка во французской литературѣ еще до революціи дѣйствовали писатели совершенно другого нравственнаго склада, будто не французскаго національнаго типа. Талантливѣйшій изъ нихъ Руссо отъ современниковъ стяжалъ наименованіе *нѣмецкаго* автора.

И дѣйствительно, его можно поставить во главѣ оригинальной породы публицистовъ, писавшихъ на французскомъ языкѣ, но по происхожденію не принадлежавшихъ чистой французской расѣ.

Руссо—женевскій гражданинъ, Швейцаріи будутъ принадлежать также г-жа Сталь, Бенжамэнъ Констанъ. Всѣ они потомки гугенотовъ, въ разныя времена оставившихъ Францію, и всѣ они отличаются одной въ высшей степени яркой и важной чертой.

У нихъ не могло быть узкаго національнаго духа, галльскаго часто нетерпимаго идолопоклонства предъ исключительно національными сокровищами ума и искусства. Они несравненно доступнѣе культурнымъ вліяніямъ другихъ націй и весьма часто вносятъ во французскую литературу мотивы, чуждые самой сущности французскаго генія.

Руссо страстно возставалъ противъ холодной философской разсудочности энциклопедистовъ, противъ ихъ пренебреженія къ другимъ способностямъ человѣческой природы, менѣе опредѣленнымъ и, можетъ быть, менѣе философскимъ, но тѣмъ болѣе глубокимъ и естественнымъ.

Въ противовѣсъ логическому разсудку, онъ взывалъ къ міру безсознательныхъ влеченій человѣческаго сердца, къ «внутреннему свѣту» чувства и свободной игрѣ поэтически-настроеннаго воображенія. Въ порывѣ протеста эту игру Руссо готовъ довести до «необъяснимаго бреда» и предпочесть даже такія настроенія бездушному резонерству идолопоклонниковъ чистаго ума. Высшихъ истинъ, по мнѣнію философа, слѣдуетъ искать не путемъ резонерства, а при помощи чувства, вдохновеннаго мечтательнаго созерцанія, когда «умъ молчитъ, а сердцу ясно».

На этихъ основахъ Руссо пытался утвердить свою религію и нравственность. Открывая источникъ истинной человѣчности и благородства въ таинственной области инстинктивныхъ движеній чувствительной природы, Руссо не прочь былъ бросить какимъ угодно жесткимъ обвиненіемъ въ лицо безсердечнымъ эгоистичнымъ послѣдователямъ чистой логической мысли, всемогущаго, неизмѣнно яснаго и доказательнаго разума просвѣтителей.

Этотъ разумъ, истинное дѣтище французской расы, вызвалъ у нашего мечтателя столь же рѣшительное порицаніе, какъ и нравы современнаго парижскаго общества. Руссо съ совершенно

одинаковыми чувствами отнесся и къ вольтеровской философіи, и къ аристократическому свѣту. Въ философѣ отъ начала до конца жилъ первостепенный сатирикъ своего времени, и какъ разъ съ оружіемъ, направленнымъ противъ основныхъ продуктовъ національнаго французскаго ума, вкуса и тона.

Соотечественники ни на шагъ не отстали отъ своего предшественника и учителя.

Констану въ молодости приходится переживать самый шумный періодъ парижскаго просвѣщенія. Онъ гость философскихъ салоновъ, близкій знакомый популярныхъ beaux esprits, самъ отличный говорунъ и интересный кавалеръ. Но, по настроенію и образу мысли, онъ человѣкъ другой планеты.

Онъ успѣлъ побывать въ англійскихъ университетахъ, познакомился съ германской философіей и усвоилъ несравненно болѣе сложный и разносторонній взглядъ на вещи, чѣмъ французско-энциклопедическій.

Для иного парижскаго философа достаточно одного, двухъ физіологическихъ открытій, чтобы разгадать всѣ тайны человѣческой природы, какой-нибудь остроумной гипотезы или просто фикціи, чтобы проникнуть въ основу политическихъ обществъ,— Констанъ во всѣхъ этихъ вещахъ находитъ бездну неразрѣшимыхъ или, во всякомъ случаѣ, крайне трудныхъ задачъ.

И здѣсь, какъ у Руссо, вопросъ о религіи стоитъ на первомъ мѣстѣ и создаетъ цѣлую пропасть между салонными мудрецами и «нѣмецкимъ студентомъ».

Лично Констанъ не питаетъ настоятельной склонности къ вѣрѣ и еще менѣе—къ религіозному культу. Но онъ крайне осторожно судитъ о происхожденіи религій, съ изумительнымъ терпѣніемъ допытывается общаго смысла въ каждой религіозной системѣ и считаетъ великой находкой, если ему удается проникнуть въ нравственную и общественную сущность того или другого культа...

Несоизмѣримая разница съ французскими мыслителями школы Гельвеція и Гольбаха! Для нихъ историческія религіи — сплошь результатъ хитроумія жрецовъ и легковѣрія народа, лишенный всякой почвы въ самой человѣческой природѣ.

Среди блестящаго, восторженно-беззаботнаго общества конца просвѣтительнаго вѣка Констанъ проходитъ задумчивымъ, нерѣшительнымъ и для него самого съ не вполнѣ яснымъ безпокойствомъ неудовлетвореннаго ума и сердца.

Сердца, кажется, еще болѣе, чѣмъ ума.

Изъ близкаго ежедневнаго вращенія въ парижскомъ обществѣ Констанъ выноситъ столь же безотрадныя впечатлѣнія, какъ и

Сенъ-Прэ. Его критика даже суровѣе, чѣмъ сарказмы героя Руссо, потому что касается самыхъ основъ французскаго характера и французской цивилизаціи. Это—приговоръ не одной какой-либо скоропреходящей эпохѣ, а психологическому и культурному типу.

Преобладающія черты французскаго характера — фатовство и реторика, стремленіе къ театральнымъ эффектамъ, удручающая узость идей, трусливость и, слѣдовательно, ограниченность идейнаго міросозерцанія.

По глубокому убѣжденію Констана, французы—нація, менѣе всего способная къ воспріятію новыхъ идей, а если они и мирятся съ этими идеями, непремѣнно подъ условіемъ не подвергать ихъ разбору и критикѣ.

Спорить съ французомъ совершенно безцѣльно. Во-первыхъ, французъ считаетъ своимъ долгомъ говорить обо всемъ, даже чего вовсе не понимаетъ и не знаетъ. А потомъ всякія доказательства разбиваются о разъ усвоенныя французомъ понятія. Это справедливо одинаково о людяхъ свѣта и литературы.

Гдѣ же противоположный полюсъ? Какую націю можно сравнить съ французами, чтобы представить образецъ серьезности въ идеяхъ и солидности въ практическихъ отношеніяхъ?

Нѣмцевъ,—отвѣтитъ Констанъ.

Ихъ нашъ наблюдатель знаетъ по многочисленнымъ личнымъ знакомствамъ. Онъ много разъ бесѣдовалъ съ нѣмецкими философами и просто образованными нѣмцами: впечатлѣнія остались самыя лестныя.

У нѣмцевъ, сравнительно съ французами, и идей гораздо больше, и добросовѣстности въ спорахъ, и оригинальности въ воззрѣніяхъ, если только умный нѣмецъ не порабощенъ какой-либо одной философской системой.

Констанъ признается, сколько онъ пользы вынесъ изъ бесѣдъ съ нѣмецкими учеными и какое горькое разочарованіе и даже раздраженіе овладѣвало имъ послѣ необыкновенно смѣлыхъ и бойкихъ французскихъ упражненій въ краснорѣчіи. Констанъ прямо готовъ бѣжать изъ страны, гдѣ «все заключается въ притязательныхъ и преувеличенныхъ фразахъ того или другого направленія». Захолустный Веймаръ кажется ему истинными Аѳинами достойной мысли и прочныхъ убѣжденій.

Не менѣе рѣзки отзывы и о самой прославленной силѣ французскаго просвѣщенія—«умныхъ дамахъ». Для него эта порода своего рода *безтолковое метаніе въ пространствѣ—des femmes d'esprit c'est du mouvement sans but*. Послѣ пребыванія во французскомъ обществѣ одиночество кажется блаженнѣйшимъ на землѣ состояніемъ.

Третій авторъ, родомъ изъ гельветической республики,—г-жа Сталь, выросшая на идеяхъ Руссо, связанная съ Констаномъ тѣсными сердечными узами, пошла еще дальше въ критикѣ французскаго ума и генія.

Констанъ только мимоходомъ, хотя и вполнѣ опредѣленно, указалъ на нѣмцевъ, какъ на положительный противовѣсъ французскимъ несовершенствамъ. Сталь создала изъ этого сравненія цѣлую обширную систему, воспользовалась нѣмцами для самыхъ разнообразныхъ цѣлей—нравственной и философской проповѣди, литературной критики и политической оппозиціи. Она въ началѣ XIX-го вѣка повторила роль Тацита, когда-то громившаго римскіе пороки доблестями германцевъ.

Въ предпріятіи Сталь для насъ сравнительно второстепенные вопросы—ея враждебныя чувства къ наполеоновской власти. Мы должны остановить наше вниманіе на тѣхъ мотивахъ германской эпопеи французской писательницы, какіе имѣли въ виду не временную политическую форму, а вѣковыя явленія національной мысли и творчества французовъ.

Но и здѣсь находимъ существенную разницу въ смѣлости и оригинальности идей. Въ литературномъ отношеніи у Сталь были предшественники еще въ половинѣ XVIII-го вѣка. На нѣмецкую поэзію указывалъ Мерсье, одновременно съ восторженными выхваленіями шекспировскаго таланта. На французскомъ языкѣ являлись произведенія нѣмецкой музы, повидимому, менѣе всего соотвѣтствовавшія французскому духу, *Мессіада* Клопштока, *Идилліи* Гесснера, *Басни* Лессинга. Переводились, передѣлывались и давались на сценѣ пьесы даже второстепенныхъ нѣмецкихъ драматурговъ въ родѣ Шлегеля. *Вертеръ* имѣлъ очень обширную публику, не остались безъизвѣстными въ Парижѣ Шиллеръ и Лессингъ, какъ авторы драмъ.

Все это отрывочные факты, но смыслъ ихъ любопытенъ. Задолго до революціи французская литература уже тосковала о зарейнскомъ искусствѣ, и Сталь въ этой области явилась прямой наслѣдницей старыхъ критиковъ и драматурговъ.

Иначе стоялъ вопросъ относительно *философіи*.

Проникнуть сюда было несравненно труднѣе даже для самыхъ отважныхъ поклонниковъ германской поэзіи. Даже самая простая система нѣмецкой метафизики—нѣчто недосягаемое для обыкновеннаго французскаго ума, воспитаннаго на увлекательно прозрачной философіи Вольтера и Кондильяка. А между тѣмъ, именно въ этой безднѣ тумановъ и заключались настоящія національныя сокровища германскаго генія.

*

Это чувствовалъ Констанъ и число такихъ людей увеличивалось постепенно съ эпохи революціи. Неудовлетворенность разсудочнымъ эмпиризмомъ естественно приводила къ міросозерцанію, основанному на принципахъ чистаго разума, разочарованіе въ матеріалистическихъ системахъ вызывало жажду идеализма, и нѣмецкіе философы какъ разъ шли на встрѣчу этимъ исторически-необходимымъ и нравственно-мучительнымъ запросамъ вчерашнихъ признанныхъ наставниковъ всего міра.

Въ самомъ началѣ столѣтія, въ 1804 году, въ Парижѣ основывается журналъ *Archives littéraires de l'Europe*, съ цѣлью установить литературную и философскую связь между Франціей и Европой.

Подъ Европой разумѣлась преимущественно Германія. Журналъ помѣщалъ горячія статьи во славу германской учености, поэзіи и особенно философіи.

Ея высшей заслугой признавалось обсужденіе высшихъ идеальныхъ вопросовъ человѣчества, и этимъ самымъ наносился ударъ отечественному легкому философствованію [1]).

Журналъ просуществовалъ всего три года и былъ закрытъ наполеоновскимъ правительствомъ. Но столь краснорѣчивое умственное движеніе нельзя было подавить никакой внѣшней властью. Скоро Бонапарту пришлось воздвигнуть цѣлое гоненіе на книгу такого же направленія, несравненно болѣе энергичную и искусно написанную. Что въ журналѣ разбрасывалось по разнымъ статьямъ и доказывалось далеко не всегда съ одинаковымъ талантомъ, то въ книгѣ явилось будто снопомъ блестящихъ идей и фактовъ.

Гоненіе могло только поднять значеніе книги и расширить ея популярность.

II.

Французы до сихъ поръ не могутъ вполнѣ спокойно говорить о сочиненіи Сталь, посвященномъ Германіи. Всякій критикъ и историкъ непремѣнно съ особенной тщательностью подчеркнетъ исключительныя настроенія, руководившія писательницей, и ея односторонній идеалистическій взглядъ на Германію и нѣмецкій національный характеръ. Сталь воображала сплошную идиллію тамъ, гдѣ впослѣдствіи народился Бисмаркъ и всякія другія

---

[1]) Virgil Rossel. *Histoire des rélations littéraires entre la France et l'Allemagne*. Paris 1897, p. 151.

сопутствующія обстоятельства... Это возмущаетъ французское сердце.

Намъ нѣтъ дѣла до гражданскаго гнѣва современныхъ цѣнителей книги, никакія чувства не могутъ подорвать ея великаго историческаго культурнаго значенія.

Оно велико не только для французовъ и нѣмцевъ—націй, ближе всего заинтересованныхъ. Оно также фактъ для русской литературы и для умственнаго развитія одного изъ значительнѣйшихъ поколѣній русскихъ дѣятелей.

Сталь долго оставалась авторитетомъ для русскихъ критиковъ французской философіи. Отдѣльныя главы ея книги переводились въ лучшихъ русскихъ журналахъ [2]), и наши романтики и философы отчасти французскимъ путемъ пришли къ отрицанію французскаго матеріализма и французскаго искусства. Въ разсужденіяхъ первыхъ русскихъ шеллингіанцевъ безпрестанно звучатъ отголоски остроумныхъ наблюденій писательницы надъ нѣмецкой культурой и ея достоинствами сравнительно съ французскимъ поверхностнымъ *esprit*. И когда русскіе критики указывали на владычество германскихъ музъ во французской литературѣ, они могли сослаться прежде всего на примѣръ Сталь.

Ничего, конечно, не могло быть убѣдительнѣе подобной ссылки: нѣмецкая мысль, несомнѣнно, имѣла всѣ права на интересъ русскихъ, разъ ей подчинялись сами французы [3]).

Сталь, дѣйствительно, изумительно ярко освѣтила особенности германской философіи, какъ разъ соотвѣтствовавшія настроенію европейскаго общества послѣ революціи и французскаго философскаго господства.

Писательница подвергла критикѣ міросозерцаніе, особенно распространенное Франціей XVIII-го вѣка. Матеріализмъ нанесъ великій вредъ не только уму и нравственности, но самому характеру французовъ. Онъ поставилъ дѣятельность человѣка въ исключительную зависимость отъ внѣшняго міра, поработилъ его природу впечатлѣніямъ и обстоятельствамъ, и подорвалъ всякій интересъ къ духовному міру, устранилъ изъ обращенія какъ разъ глубочайшіе вопросы психологіи и нравственности.

Убѣдите человѣка, что его душа—нѣчто пассивное, необходимое созданіе не зависящихъ отъ нея силъ, ничто иное, какъ результатъ ощущеній удовольствія или страданія,—вы до послѣдней

---

[2]) Напримѣръ, въ *Мнемозинѣ* статья о Кантѣ. Ср. Колюпановъ *Біографія А. И. Кошелева*. Москва 1889, I, 440.

[3]) Кн. Вяземскій въ статьѣ о *Бахчисарайскомъ фонтанѣ*—Пушкина.

степени съузите кругъ умственной энергіи и философскихъ интересовъ.

Напротивъ, выдвиньте на первый планъ *нравственную природу* человѣка, докажите ея свободную самодѣятельность, необходимость—въ цѣляхъ познанія истины—изслѣдовать *ея* законы и *ея* силы, вы сосредоточите наше вниманіе прежде всего на идеяхъ, на душѣ, на разумѣ и особомъ мірѣ явленій, совершенно недоступныхъ и невѣдомыхъ матеріалистическому философу.

Въ результатѣ, среди французовъ развился и утвердился особый родъ *насмѣшливаго скептицизма*, пренебреженіе ко всему, что требуетъ особыхъ умственныхъ усилій. Для нихъ метафизика, вообще отвлеченная философія звучитъ необыкновенно забавно, въ родѣ чудовищной фамиліи нѣмецкаго барона изъ романа Вольтера *Кандидъ*.

Французская публика вполнѣ напоминаетъ анекдотическаго принца, требовавшаго спеціально для себя легкаго пути къ изученію математики. Она—тоже своего рода царственная публика—немедленно поднимаетъ на смѣхъ или презрительно отталкиваетъ все недоступное первому взгляду, не похожее на газетную статью. Для нея ненавистна мысль—*подумать* или *изслѣдовать глубину сердца*, чтобы понять идею, художественный образъ.

Сталь, какъ истинная ученица Руссо, обрушивается на Вольтера, главнѣйшаго, по ея мнѣнію, виновника столь печальныхъ фактовъ. Ее особенно возмущаетъ *Кандидъ*, переполненный «адской веселостью», «сардоническимъ смѣхомъ», всѣмъ, что «представляетъ человѣческую природу съ самой плачевной стороны».

Вольтеръ попалъ подъ гнѣвъ писательницы, какъ жертва искупленія. Она сама не можетъ не признать благороднѣйшихъ чувствъ и мыслей, вдохновляющихъ его трагедіи. Она могла бы также сослаться и на біографію писателя; здѣсь многіе эпизоды—особенно касательно практической гуманности—убѣдительнѣе всякихъ драмъ и романовъ.

Сардоническій смѣхъ Вольтера являлся не столько плодомъ насмѣшливаго отрицанія, сколько горькаго пессимистическаго чувства при видѣ безконечныхъ многообразныхъ бѣдствій человѣчества и многихъ, дѣйствительно презрѣнныхъ свойствъ человѣческой природы.

Для насъ любопытно, что Вольтеръ въ изображеніи Сталь долженъ былъ встрѣтить полное сочувствіе у русскихъ противниковъ французской философіи. Наши вольтеріанцы оказали единственную въ исторіи медвѣжью услугу своему учителю,—разславили его философію именно въ смыслѣ грубѣйшаго матеріализма и ту-

пого нравственнаго безразличія къ добру и злу, къ мысли и чувству.

Новымъ русскимъ философамъ естественно приходилось вести борьбу съ первоисточникомъ отечественнаго развращенія, и Сталь только могла ободрить ихъ своей рѣшительностью.

Но сущность ея разсужденій не въ частныхъ примѣрахъ, а въ общей характеристикѣ культурнаго состоянія французскаго общества и въ указаніи путей къ спасенію.

Матеріализмъ одинаково извратилъ нравственность, понизилъ умственную жизнь и обезплодилъ литературу и философію. Онъ изуродовалъ человѣческую природу и заградилъ живые источники идейнаго и творческаго совершенствованія.

Надо возстановить полноту и цѣльность воззрѣній на человѣческую природу, возвысить нравственное достоинство человѣческаго бытія, и удовлетворить нашей естественной жаждѣ идеала и гармоніи.

Именно естественной.

«Сила ума,—говоритъ Сталь,—никогда не можетъ долго оставаться отрицательной, ограничиваться невѣріемъ, непониманіемъ, презрѣніемъ. Нужна философія вѣры, энтузіазма, философія, подтверждающая путемъ разума откровенія чувства» [1]).

Права энтузіазма Сталь защищала въ особой книгѣ *О литературѣ*, защищала въ интересахъ поэзіи, не существующей безъ свободнаго вдохновенія, безъ лирическихъ волненій сердца. Все это въ изобиліи оказывалось у нѣмецкихъ поэтовъ, и Сталь рѣшилась разъяснить французскимъ читателямъ даже *Фауста*, какъ великое созданіе нѣмецкаго генія.

Теперь она пытается раскрыть тайны нѣмецкой философіи, толкуетъ объ этомъ предметѣ вообще, особенное вниманіе посвящаетъ Канту, не пропускаетъ его послѣдователей и противниковъ.

Никто, конечно, въ настоящее время не станетъ въ книгѣ Сталь искать поучительныхъ свѣдѣній о германскихъ философахъ; дѣло ограничивается изложеніемъ выводовъ различныхъ системъ и даже пространный разговоръ о Кантѣ—ученическій пересказъ очень сложнаго и труднаго предмета. Но ради даже такого предпріятія писательница принуждена напомнить своей публикѣ о предстоящихъ трудностяхъ и объ особенномъ вниманіи, обыкновенно не свойственномъ французскимъ читателямъ, разсказать даже для поощренія анекдотъ о привередливомъ и легкомысленномъ принцѣ.

---

[1]) *De l'Allemagne*. Troisième partie, chapitre VI, Kant.

Во всякомъ случаѣ, объясненія Сталь являлись откровеніемъ не только для парижанъ; ея работа проникнута искреннимъ интересомъ къ предмету, и часто это чувство подсказываетъ писательницѣ въ высшей степени замѣчательныя критическія соображенія. Это чисто сердечное, почти поэтическое проникновеніе въ сущность дорогого вопроса.

Такъ, напримѣръ, Сталь сравниваетъ Канта съ нѣкоторыми позднѣйшими философами. Кантъ не указалъ единаго принципа, охватывающаго въ себѣ міръ духовный и матеріальный и помирился съ ихъ взаимодѣйствіемъ. Многихъ не удовлетворило это раздвоеніе, и они сочли необходимостью продолжить систему Канта и свести идеи и явленія къ цѣльному и единому.

Сталь не считаетхъ подобный усилій фактомъ философскаго прогресса. Все равно, какой бы принципъ ни признать объединяющимъ—духовный или матеріальный—онъ не дѣлаетъ міръ понятнѣе. По мнѣнію Сталь, такое воззрѣніе даже противорѣчитъ нашему непосредственному чувству, признающему міръ физическій и нравственный—двумя разными мірами.

Можно спорить, что̀ именно подсказываетъ намъ наше чувство и слѣдуетъ ли полагаться на его внушенія въ вопросахъ философіи, но несомнѣнно одно: поиски абсолюта, наравнѣ съ нѣкоторыми плодотворными вліяніями, привели философовъ къ безусловно отрицательнымъ результатамъ, по существу враждебнымъ строгой критической философіи Канта. Мы убѣдимся въ этомъ неоднократно.

Но именно стремленіе къ единому принципу являлось необходимымъ, прежде всего *исторически.*

Если дѣйствительно человѣчеству послѣ революціи требовалась философія вѣры, такую философію не могла дать чистая критика.

Она по существу продолжала дѣло разрушенія и, слѣдовательно, не вела къ всеобъемлющему единственно успокоительному идеалу.

Кантъ опредѣлилъ границы человѣческаго разума, разграничилъ, слѣдовательно, міръ познаваемаго отъ невѣдомаго. Но не этого искали наслѣдники энциклопедистовъ. Они и отъ своихъ учителей и старшихъ современниковъ достаточно слышали о недоступности истины всѣхъ истинъ. Эта увѣренность и привела многихъ къ рѣшительному отрицанію вообще подобной истины.

Что не познаваемо нашимъ умомъ, того и не существуетъ; отсюда меньше шага до матеріализма и насмѣшливаго скептицизма, столь возмущавшаго Сталь.

Очевидно, во имя спасенія новыхъ высшихъ задачъ человѣ-

ческаго духа, требовалось открытіе высшаго принципа міроздания, философскій символъ вѣры, логическая система, удовлетворяющая нравственно-религіозному настроенію общества.

Это стремленіе къ единству отнюдь не исключительная черта пореволюціонной эпохи. Оно обнаруживалось всегда и вездѣ, лишь только человѣчеству предстояло создать новыя положительныя основы личной и общественной жизни.

Въ теченіе того-же столь безпощадно-отрицательнаго XVIII-го вѣка идея единства не умирала вплоть до революціи. Не всѣ философы наслаждались только разрушеніемъ существующаго и общепризнаннаго,—рядомъ шли попытки новыхъ сооруженій въ политикѣ, въ религіи, даже въ наукѣ. Такія понятія, какъ *естественное состояніе, прирожденныя права человѣка, внутренній свѣтъ*—ничто иное, какъ формы абсолюта. Онѣ въ высшей степени произвольны, искусственны и неопредѣленны, но, мы знаемъ,— ихъ практическое дѣйствіе на современниковъ ничѣмъ не уступало позднѣйшимъ философскимъ принципамъ.

Революція поставила было себѣ задачу не только разметать полуразвалившееся зданіе стараго порядка, но и воздвигнуть новое святилище свободы, братства и равенства.

На помощь были призваны самые строгіе *принципы единства*, т. е. въ основу грядущаго общества и государства были положены чистѣйшія метафизическія понятія, и на первомъ мѣстѣ— понятіе человѣка какъ такого, какъ непосредственнаго продукта совершенной природы.

Задача оказалась невыполнимой, но неудача дискредитировала только опредѣленные принципы и философскія понятія, а не вообще принципіальность и философію.

Въ самый разгаръ революціонной бури у нѣкоторыхъ очевидцевъ совершался оригинальный умственный процессъ, ведшій къ новымъ единствамъ и грозные опыты революціи не только не мѣшали этому процессу, но будто давали ему новую пищу и подсказывали выводы.

III.

Сталь въ своей негодующей картинѣ французской философіи представила далеко не полную перспективу современнаго развитія французскихъ идей. Она ни единымъ словомъ не коснулась теченія, совершенно противоположнаго вольтеріанству, едва замѣтнаго до революціи, но чреватаго шумнымъ и продолжительнымъ будущимъ.

Въ исторіи человѣчества нѣтъ безусловно одноцвѣтныхъ эпохъ—можно отмѣтить только *преобладающія* настроенія и нельзя всѣ идеалы свести къ одной всеобъемлющей системѣ.

Вѣкъ энциклопедіи по преимуществу, но не исключительно—критическій. Даже у самого главы «философской церкви» Вольтера всю жизнь не изсякали стремленія, совершенно другого характера, чѣмъ его ожесточенная борьба съ католичествомъ. Именно Вольтеръ высказалъ восторженный отзывъ о религіи савойскаго викарія и отлично понималъ неудовлетворительность какой бы то ни было чисто-отрицательной философской системы.

Отсюда попытки Вольтера во что бы то ни стало создать нѣчто въ родѣ религіозныхъ представленій. Трудно давалась подобная работа мефистофелю всякихъ догматовъ, но отдѣлаться отъ нея совершенно, очевидно, не было силъ и воли даже у вольтеровской «адской веселости».

Разсудкомъ не создаются религіи, и Вольтеру менѣе всего къ лицу являться «патріархомъ» какой-бы то ни было церкви, кромѣ философской. Но, очевидно, вопросъ представлялъ великій жизненный смыслъ, если рѣшать его брался подобный человѣкъ. А это означало неизбѣжность другихъ попытокъ, и болѣе счастливыхъ: все зависѣло отъ личной приспособленности проповѣдника къ своему дѣлу. Сѣмена ожидались безусловно благодарной почвой.

Мы говоримъ не о пережиткахъ католичества, не о безплодныхъ усиліяхъ спасти вѣру отцовъ въ ея дѣвственной чистотѣ и силѣ. Даже и послѣ революціи Римъ напрасно будетъ поднимать голову, вооружаться такими блестящими защитниками, какъ Деместръ или Ламеннэ. Дѣло само себѣ произнесетъ приговоръ въ тотъ самый часъ, когда даровитѣйшій изъ рыцарей папства—Ламеннэ—торжественно отречется отъ него и направитъ весь свой талантъ на своего вчерашняго вдохновителя.

Нѣтъ. Никакіе перевороты и бѣдствія не могли помочь средневѣковому католичеству оправиться послѣ ударовъ Вольтера и энциклопедіи. Слуги Рима могли и до сихъ поръ еще могутъ сколько угодно отводить душу въ тщательномъ развѣнчиваніи личности Вольтера, въ укоризнахъ его писательской сварливости и тщеславію, легкомысленному всезнайству, разсчитанной льстивости предъ знатными и сильными,—все это не возстановитъ кредита ни инквизиціи, ни іезуитовъ, ни всего прочаго шарлатанства и варварства римской церкви, и не притупитъ стрѣлъ *Кандида* и *Философскаго словаря*.

И не даромъ тотъ же Деместръ всю жизнь оставался усерднымъ читателемъ вольтеровскихъ произведеній, ища у него таланта и искусства для борьбы противъ него же самого.

При такихъ условіяхъ не могли имѣть серьезнаго культурнаго значенія чисто-реакціонныя католическія вожделѣнія.

Раскройте книги Деместра и Бональда, на каждой страницѣ будутъ подвергаться жестокой пыткѣ или ваше нравственное чувство, или человѣческое достоинство и простой здравый смыслъ.

У одного вы прочтете доказательства, что міръ осужденъ на вѣчное кровопролитіе, на повальное страданіе—виновныхъ—за свои преступленія, невинныхъ—за чужіе грѣхи, что, наконецъ, палачъ—краеугольный камень общественнаго порядка.

И это вполнѣ послѣдовательно.

Чтобы подчинить человѣчество неограниченной и непогрѣшимой власти римскаго престола и *Index*'а, надо предварительно отнять у людей нравственное и естественное право самостоятельной мысли, а для этого логически слѣдуетъ дискредитировать самую природу и самыя способности человѣка.

Тѣмъ же путемъ шелъ и Бональдъ: въ лицѣ его Деместръ привѣтствовалъ свое второе *я*. Но здѣсь движеніе оказалось еще эффектнѣе.

Во имя священныхъ принциповъ пришлось отрицать шагъ за шагомъ не только науку, философію, но даже техническія открытія—въ родѣ телеграфа—подвергать проклятію. Каковы же могли быть принципы и какое будущее имъ предстояло, если они не уживались съ самыми естественными, ничѣмъ не отвратимыми результатами научной и умственной дѣятельности даже своихъ современниковъ!

Очевидно, не на сторонѣ новыхъ католиковъ было рѣшеніе великаго вопроса о вѣрѣ, объ единомъ идеальномъ принципѣ, какъ вообще никогда и нигдѣ никакая реакція не излѣчивала недуговъ своего времени и не давала прочнаго, искренняго, нравственнаго утѣшенія ни отдѣльнымъ личностямъ, ни всему обществу.

Живое теченіе пробивалось вдали отъ софистовъ и мракобѣсовъ, тщательно оберегая свой путь отъ гнилого дыханія электризуемаго трупа. Здѣсь задача предстояла неизмѣримо болѣе трудная, чѣмъ даже защита римскихъ догматовъ вольтеріанскимъ методомъ. Человѣческій умъ, по своей природѣ конечный и скептическій, не могъ собственными силами построить вѣчное зданіе положительнаго идеала. Примѣръ Вольтера навсегда остался убѣдительнымъ, независимо отъ какихъ бы то ни было теоретическихъ соображеній.

Предстоялъ единственный выходъ, указанный Руссо,—*внутренній голосъ*. Онъ не связанъ ни логикой, ни фактами. Это—

состояніе поэтическаго восторга, безотчетное и стихійное. Это не объясненіе и доказательство тайнъ, а откровеніе и ясновидѣніе. Восторгъ можетъ перейти въ «необъяснимый бредъ»; опредѣленіе дано самимъ Руссо, часто лично испытывавшимъ этотъ переходъ. Человѣкъ можетъ не *понимать* образовъ своего *внутренняго свѣта*, но съ тѣмъ болѣе напряженнымъ интересомъ онъ готовъ *созерцать*. Отсюда преобладающая, часто исключительная роль безсознательнаго, поэтическаго и таинственнаго въ ущербъ разсудку, фактическому знанію и даже здравому смыслу. Такой результатъ неразлученъ съ самой задачей. Мы видимъ его развитіе ещѐ до революціи; въ слѣдующую эпоху онъ налагаетъ свою печать на философскія, политическія и нравственныя системы. И что особенно любопытно: онъ иногда вторгается въ міросозерцаніе мыслителя будто помимо его воли.

Философъ начнетъ строить систему на самыхъ, повидимому, положительныхъ научныхъ данныхъ, не перестаетъ убѣждать насъ именно въ своемъ безусловномъ уваженіи только къ наукѣ и логикѣ, и дѣйствительно пускаетъ въ ходъ громадный запасъ фактовъ изъ исторіи и естествознанія.

Но судьба искателя единаго принципа—неотвратима. Послѣ продолжительныхъ блужданій въ ясныхъ областяхъ самыхъ строгихъ наукъ—въ родѣ математики и физики—философъ попадаетъ въ безпросвѣтное и безвыходное царство мистическихъ представленій и часто дѣло доходитъ до измышленія настоящаго религіознаго культа съ таинствами и пророчествами.

Именно такой путь прошла новѣйшая позитивистская школа, начиная съ ея основателя Сенъ-Симона и кончая Огюстомъ Контомъ.

Въ этой школѣ мистицизмъ явился послѣднимъ звеномъ движенія. У другихъ съ мистицизма началась вся философія, и именно они были вполнѣ послѣдовательными представителями поколѣнія, жаждавшаго философской вѣры.

Мы только что назвали французскія имена, но тотъ же фактъ—достояніе всей европейской мысли начала XIX вѣка. Въ Германіи, гдѣ, по указаніямъ Сталь, слѣдовало искать новыхъ умственныхъ горизонтовъ, происходило то же самое сплетеніе философіи съ мистицизмомъ, потому что и здѣсь съ такимъ же усердіемъ искали всеобъединяющаго и всетворческаго принципа.

Здѣсь также системы начинались близкимъ соприкосновеніемъ съ подлинными науками, воспринимали ихъ идеи и выводы, а кончались проповѣдью созерцанія, экстаза, священнаго безумія. Сенъ-Симону съ полнымъ основаніемъ можно противоставить

Шеллинга. Параллель между французской и германской мыслью можно провести еще дальше: открыть изумительныя совпаденія шеллингіанской *философіи* съ самымъ откровеннымъ *мистицизмомъ* Сенъ-Мартэна.

Такую пеструю и, на первый взглядъ, противорѣчивую картину представляетъ философское развитіе пореволюціонной эпохи. Въ дѣйствительности нѣтъ никакого противорѣчія между Контомъ, творцомъ классификаціи наукъ, закона трехъ стадій культурнаго прогресса и создателемъ «позитивнаго» культа, такъ же, какъ Шеллингъ вѣренъ себѣ и въ восторгахъ предъ открытіями новѣйшаго естествознанія и въ провозглашеніи поэтическаго созерцанія, какъ единственнаго пути къ познанію міровой истины.

Противорѣчіе заключалось не въ развитіи философскихъ системъ, а въ самихъ задачахъ философовъ. Они разсчитывали создать *религію* изъ матеріаловъ *науки*, *вѣру* слить съ *разумомъ* и идеальную тоску *сердца* удовлетворить доводами *разсудка*. Это значило, непознаваемое по существу пытаться сдѣлать практически доступнымъ и логически убѣдительнымъ.

Естественно, въ разсужденіяхъ философа наступалъ моментъ, когда онъ принужденъ былъ покинуть почву искренне цѣнимаго имъ знанія и логики и, подобно Сенъ-Симону, обратиться къ помощи *видѣнія* или, подобно Шеллингу, къ нестоль откровенному, но не болѣе философскому источнику—*геніальному вдохновенному творчеству*.

Такимъ путемъ, въ силу исторической необходимости, мысль начала XIX-го вѣка приняла въ высшей степени своеобразное направленіе и обнаружила крайне разнородное идейное содержаніе.

IV.

Послѣ критики предыдущей эпохи и особенно послѣ разрушительныхъ потрясеній революціи, новыя поколѣнія нуждались въ новыхъ положительныхъ основахъ дальнѣйшаго нравственнаго и культурнаго развитія. Никакіе перевороты не въ силахъ остановить духовной жизни; напротивъ, они еще больше обостряютъ исконную человѣческую жажду болѣе прочной истины и болѣе цѣлесообразной дѣйствительности.

Отсюда вѣчный взрывъ религіозныхъ настроеній какъ разъ во времена политическихъ или общественныхъ катастрофъ. Такъ было и на зарѣ нашего вѣка.

Открывалось два выхода: одинъ, простѣйшій, вернуться вспять, собрать изъ обломковъ старое зданіе и зажить въ немъ по ста-

ринѣ. Немногихъ могла удовлетворить такая перестройка даже на первыхъ порахъ; о будущемъ не было и рѣчи. Другой выходъ— признать новыя завоеванія мысли и знанія и именно ими воспользоваться для заполненія пропасти, созданной тою же мыслью и тѣмъ же знаніемъ.

Это было, конечно, несравненно разумнѣе, чѣмъ фанатическая война какого-нибудь Бональда противъ неотразимыхъ истинъ «скотологіи», т. е. естествознанія. Волей-неволей приходилось «скотологію» считать силой, потому что она вступила какъ разъ въ самый блестящій періодъ своего развитія, и не только считать, но и положить ее во главу угла возможнаго сооруженія.

Здѣсь прогрессивный шагъ новой философіи, и мы увидимъ, какіе плодотворные результаты получились отъ тѣснаго союза философіи съ опытной наукой.

Но не могъ получиться только конечный результатъ, именно самый искомый, по культурнымъ задачамъ эпохи—первенствующій.

Наука давала множество *фактовъ* и *частныхъ идей,* но совершенно не уполномочивала философа подчинить всѣ эти факты *одной силѣ* и свести идеи къ *одному принципу*. Пока дѣло шло объ отдѣльныхъ обобщеніяхъ, о группировкѣ явленій, философъ оставался ученымъ, но лишь только хотѣлъ вывести итогъ, онъ немедленно становился поэтомъ, логика уступала мѣсто фантазіи, разумъ—творчеству, философія—мистицизму.

Впослѣдствіи философы поняли фатальность такого положенія и тщательно постарались разъ навсегда отдѣлить истинную философію отъ опаснаго сосѣдства мнимаго философствованія и простого фантазерства.

Ученики позитивистской школы оцѣнили по достоинству заблужденія своего учителя, и Милль единодушно съ Литтре требовали отъ философовъ примириться съ темной областью непознаваемаго, съ безграничнымъ, но недоступнымъ намъ океаномъ, омывающимъ берегъ нашихъ фактовъ и идей. У насъ нѣтъ ни корабля, ни компаса для путешествія по этой пучинѣ...

Это, въ сущности, возстановленіе кантовскаго воззрѣнія, и оно ярко подчеркивало *регрессивную* черту въ философіи начала XIX-го вѣка. На нее могла указать еще Сталь.

Но регрессъ здѣсь явился неизбѣжнымъ симптомомъ времени и для своей эпохи, сравнительно съ другими попытками возстановить нравственную и философскую гармонію—представлялъ выигрышъ со стороны разума и науки на счетъ рабства и суевѣрія.

Это видно уже по распредѣленію того и другого теченія въ разныхъ общественныхъ слояхъ.

Деместръ вербовалъ послѣдователей среди «стараго» общества, среди обломковъ эмиграціи—во Франціи и вчерашнихъ «смѣшныхъ маркизовъ» въ другихъ странахъ. «Философская вѣра» въ различныхъ системахъ съ энтузіазмомъ воспринималась молодыми поколѣніями, цвѣтомъ просвѣщенія и нравственной силы всюду—отъ Франціи до нашего отечества.

Особенно здѣсь западно-европейская мысль вызвала богатѣйшіе идейные и практическіе результаты. На западѣ съ философіей и вѣрой вела жестокую конкурренцію политика. Парламентъ вырывалъ множество даровитыхъ силъ отъ университетской аудиторіи и изъ ученаго кабинета.

Въ Россіи ничего подобнаго. Вся умственная жизнь принуждена была сосредоточиться на литературѣ и наукѣ. Философскіе вопросы получали *исключительное* значеніе въ жизни общества и отдѣльныхъ выдающихся личностей. Въ философіи русскіе люди искали не только нравственнаго утѣшенія и научнаго единства, какъ было на Западѣ, но и отвѣта на всѣ запросы высокоодаренной, заключенной въ себѣ, души.

Отсюда необыкновенная стремительность русской воспріимчивости къ философскимъ идеямъ и страстность въ ихъ возможномъ приложеніи къ дѣйствительности. Отсюда также чисто теоретическая отважная прямолинейность выводовъ.

Вѣдь развитіе философской мысли для русскихъ философовъ не ограничивалось и не контролировалось столь же свободнымъ развитіемъ реальной жизни. Напротивъ, именно эта жизнь своими отрицательными явленіями только приподнимала авторитетъ и привлекательность отвлеченнаго идеальнаго міра. Не воспитывая у лучшихъ людей ни сочувствія къ дѣйствительности, ни опытности въ рѣшеніи жизненныхъ вопросовъ, она являлась первой причиной часто фанатическаго поклоненія философской теоріи, первымъ побужденіемъ, усвоить и развить менѣе всего положительное и практически плодотворное міросозерцаніе.

Мы увидимъ это на примѣрѣ самыхъ блестящихъ представителей русскихъ философскихъ поколѣній.

Принято думать, будто эти поколѣнія учились философіи исключительно у нѣмцевъ, будто шеллингіанство и гегеліанство начинаютъ и увѣнчиваютъ философскую полосу въ исторіи нашего общественнаго прогресса.

Дѣйствительно, имена Шеллинга и Гегеля переполняютъ литературу и производятъ впечатлѣніе единодержавной власти германской мысли подъ русской интеллигенціей вплоть до шестидесятыхъ годовъ.

Такъ предполагать тѣмъ естественнѣе, что французская *философія* послѣ революціи, отчасти даже раньше, утратила свой кредитъ повсюду, и у насъ въ то же время. Мы увидимъ, русскіе юноши даже открещивались отъ слова *философія* и вводили новый терминъ *любомудріе*. Они боялись, какъ бы ихъ не смѣшали съ поклонниками французскихъ «софистовъ»: они хотѣли быть учениками настоящей мудрости, т. е. германской.

Но именно эти нововводители съ большимъ эффектомъ пользовались *французской* мудростью, правда, не энциклопедической, но независимой отъ шеллингіанства.

Мы имѣемъ въ виду кн. Одоевскаго, его разсужденія о пагубномъ *раздорѣ* и *разрозненности* науки и жизни, о безплодной спеціализаціи знаній [5]).

Объ этомъ предметѣ очень краснорѣчиво разсуждалъ Сенъ-Симонъ [6]), и вотъ его-то слѣдуетъ поставить во главѣ русскихъ учителей по философіи.

Во Франціи впервые для всей Европы было произнесено осужденіе старой философіи, и въ той же самой Франціи, даже на почвѣ той же философіи, возникла новая система со всѣми признаками будущаго умственнаго общеевропейскаго движенія.

Изъ книги Сталь русскіе читатели могли узнать, какъ въ Германіи рѣшается вопросъ объ единомъ философскомъ принципѣ. Брошюры Сенъ-Симона *непосредственно* отъ XVIII-го вѣка приводили къ тому же вопросу.

Правда, полнота, послѣдовательность и ясность идей были на сторонѣ нѣмецкихъ философовъ, но сущность заключалась въ возбужденіи извѣстной темы, въ постановкѣ извѣстной философской задачи.

Значеніе сенъ-симонизма для русскаго просвѣщенія тѣмъ для насъ любопытнѣе, что онъ могъ прямымъ путемъ тѣхъ же русскихъ философовъ направить къ позитивизму, къ Огюсту Конту, т. е. установить тѣснѣйшую умственную связь между ранними философскими поколѣніями двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ съ дѣятелями шестидесятыхъ.

Изъ школы Сенъ-Симона вышли самые разнообразные элементы: пророки и жрецы новаго религіознаго культа, въ родѣ Базара и Анфантэна и подъ конецъ жизни—Конта, но также и величайшіе представители французской положительной науки—Огюстэнъ Тьерри, Литтре, Контъ въ наиболѣе сильную пору своей дѣя-

---

[5]) *Сочиненія кн. В. Ѳ. Одоевскаго*. Спб. 1844. I, 347 etc.

[6]) Въ *Lettres au Bureau des Longitudes*.

тельности. Съ именемъ Сенъ-Симона связано, кромѣ того, развитіе соціальныхъ идей и рѣшительная постановка рабочаго вопроса, а у послѣдователей Сенъ-Симона и вопроса о женской эмансипаціи.

Естественно, отпрыски школы въ высшей степени многочисленны и вліянія ея многообъемлющи. Прослѣдить ихъ во всей полнотѣ — задача, до сихъ поръ невыполненная даже въ европейской наукѣ и для европейскаго міра. Мы должны ограничиться освѣщеніемъ тѣхъ идей сенъ-симонизма, какія оставили ясные отголоски въ нашей философско-критической литературѣ.

V.

Одинъ изъ самыхъ отзывчивыхъ и критически одаренныхъ сыновъ русской философской эпохи разсказываетъ по личному опыту о впечатлѣніи, какое производили на русскую молодежь сенъ-симонистскія проповѣди.

За Сенъ-Симономъ шли, кого не могъ удовлетворить чисто-философскій идеализмъ, кто по врожденнымъ сочувствіямъ или разумнымъ основаніямъ стремился идею непосредственно переводить въ жизнь и всякую теорію считать значительной и цѣлесообразной по ея приложимости къ дѣйствительности.

Самъ Сенъ-Симонъ именно съ этой точки зрѣнія смотрѣлъ на философію. Ему требовался единый принципъ не для отвлеченной гармоніи міросозерцанія, а для переустройства общества и государства—на совершенномъ устраненіи чисто-отрицательныхъ завѣтовъ предыдущей эпохи и на величественномъ сооруженіи новаго положительнаго мірового идеала.

Отсюда увлеченіе сенъ-симонизмомъ именно самой энергической и даровитой молодежи начала нашего столѣтія, отсюда вѣра въ сенъ-симонизмъ, какъ самое могущественное, одновременно научное и пророческое орудіе соціальнаго переобразованія.

«Новый міръ», пишетъ русскій молодой публицистъ, «толкался въ дверь, наши души, наши сердца растворялись ему. Сенъ-симонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ» [7]).

Чѣмъ же собственно были тронуты души и сердца русскихъ послѣдователей Сенъ-Симона?

Для нихъ, несомнѣнно, прежде всего была важна преемственная связь ученія Сенъ-Симона съ французской философіей XVIII-го вѣка, столь же важна, какъ рекомендація нѣмецкаго «любомудрія» именно французской писательницей, г-жей Сталь.

---

[7]) *Былое и думы.* Изд. 1878 г., I, 197.

Русской интеллигенціи не приходилось дѣлать обходовъ и отваживаться на скачки. Они непосредственно отъ учителей своихъ отцовъ могли перейти къ ихъ преемникамъ и умственныя впечатлѣнія дѣтства связать съ идеалами молодости.

Сенъ-Симонъ называлъ себя ученикомъ Даламбера, одного изъ главнѣйшихъ представителей *Энциклопедіи*. И дѣйствительно, раннія философскія мечты Сенъ-Симона продолжаютъ замыслы просвѣтителей, но съ существеннымъ новымъ мотивомъ. Сенъ-Симонъ и впослѣдствіи его ученики вплоть до шестидесятыхъ годовъ будутъ преслѣдовать мысль объ энциклопедическомъ сводѣ научныхъ результатовъ во всѣхъ областяхъ знанія. Сенъ-Симонъ неоднократно будетъ приступать къ плану новой *Энциклопедіи*, но въ то время, когда создатели стараго словаря, съ Вольтеромъ, Дидро и Даламберомъ во главѣ, стремились преимущественно къ *разрушенію* старыхъ вѣрованій и принциповъ, Сенъ-Симонъ имѣетъ въ виду созиданіе, не *критическую*, а *органическую* работу.

Это его собственные термины. Ими обозначаются разные періоды въ исторіи культуры и Сенъ-Симонъ философовъ XVIII-го вѣка и революціонеровъ считаетъ дѣятелями критическаго момента, самъ онъ и его ученики—организаторы. Эта идея будетъ усвоена всей школой и ляжетъ въ основу книжной и общественной пропаганды сенъ-симонизма.

Но изъ какихъ же матеріаловъ возникнетъ новое зданіе?

Отвѣтъ очень простой.

Средніе вѣка имѣли свой объединяющій принципъ, но онъ теперь ни идейно, ни практически неосуществимъ, и Сенъ-Симонъ рѣшительно устраняетъ реакціонеровъ и вообще защитниковъ стараго общественнаго и церковнаго строя.

Но и противники реакціонеровъ не заслуживаютъ одобренія.

Они суевѣріямъ противоставляютъ знаніе, деспотизму—свободу, стаднымъ чувствамъ—сознаніе личности и человѣческаго достоинства, но всѣ эти благородныя понятія безсильны и безплодны. Между ними нѣтъ центральной идеи, науки находятся въ анархическомъ состояніи, не связаны другъ съ другомъ и не приведены въ дѣятельное соприкосновеніе съ жизнью.

Необходимо систематизировать все человѣческое знаніе, а первый шагъ къ этой цѣли—тщательное собираніе его результатовъ. Отсюда—идея энциклопедіи.

Если у людей будетъ въ распоряженіи «хорошая энциклопедія», явится и «совершенная наука», «общая наука»— *la science générale*. Спеціальныя науки—только матеріалъ и пути къ высшему идеалу, а идеалъ—систематизація научныхъ фактовъ и вы-

водовъ въ одной всеобъемлющей теоріи. А эта теорія, въ свою очередь, должна объяснить тайну мірозданія и въ то же время стать нравственной руководительницей человѣческой дѣятельности.

И Сенъ-Симонъ намѣчаетъ обширный планъ единенія наукъ. Путь величественный и въ то же время логическій! Отъ физическихъ тѣлъ къ организмамъ, отъ организмовъ къ животнымъ, отъ животныхъ къ первобытному человѣку, отъ первобытнаго человѣка къ историческому, вплоть до послѣдняго времени.

Философъ очень высокаго мнѣнія о своей системѣ. Это даже не *научный методъ*, а *самъ божественный законъ*, *физика и мораль вселенной*. И Сенъ-Симонъ въ патетическомъ тонѣ взываетъ къ ученымъ: оставить ученую мастерскую, проникнуться сердечнымъ жаромъ и направить свои усилія на созданіе гармоніи и всеобщаго вездѣсущаго мира [8]).

Сенъ Симонъ даже знаетъ всѣми признанный принципъ, способный объединить новыхъ организаторовъ, принципъ изъ области естествознанія. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ *законъ тяготѣнія*. На немъ и должна быть основана новая научная философія.

Для насъ можетъ звучать очень странно подобное рѣшеніе труднѣйшаго вопроса. Но на этотъ разъ Сенъ-Симонъ не оригиналенъ. Законъ, открытый Ньютономъ, въ теченіе всего XVIII-го вѣка и долго спустя привлекалъ жгучій интересъ философовъ и ученыхъ.

Законъ поражалъ своей простотой и величіемъ. Онъ подчинялъ строгому единству весь безграничный міръ небесныхъ тѣлъ. Астрономія вмѣстѣ съ открытіемъ Ньютона пріобрѣла завидное преимущество надъ всѣми другими науками — всеобъясняющій единый принципъ.

Но нѣтъ ли такого принципа и для другихъ отраслей знанія? Напримѣръ, для философіи и даже для политики и нравственности

Въ отвѣтъ одни искали такого закона, подходящаго къ той или другой наукѣ, болѣе смѣлые прямо распространяли тяготѣніе на все, что̀ доступно человѣческому вѣдѣнію. Богословамъ и ученымъ пришлось защищать отъ фанатическихъ систематизаторовъ Провидѣніе или науку. Лапласъ, напримѣръ, счелъ необходимымъ вооружиться за астрономію противъ мечтателей и дилеттантовъ. Это, въ свою очередь, вызвало гнѣвъ Сенъ-Симона, религіозно вѣровавшаго во всеобщность ньютоновскаго открытія.

Для насъ существенъ фактъ распространенія того или другаго *естественно-научнаго* открытія до принципіальнаго объединенія,

---

[8]) Ср. *Histoire du saint-simonisme*, par Sébastien Charléty, Paris 1896, 15—6.

*

при помощи этого открытія,—всѣхъ явленій жизни. Увлеченіе надолго переживетъ Сенъ-Симона, мы встрѣтимся съ нимъ въ германской философіи, вообще независимой отъ сенъ-симонизма, но—согласно духу времени—также проникнутой стремленіемъ создать универсальную науку природы и духа.

Для Сенъ-Симона, мы уже знаемъ, такая наука требовалась не для платоническихъ цѣлей, а для «соціальной физики». Краснорѣчивѣйшее выраженіе! Оно точно опредѣляетъ задушевные замыслы философа: свести науку объ обществѣ къ строгимъ законамъ естествознанія и придти къ соціальнымъ выводамъ путемъ тщательнаго научнаго изученія исторіи.

Отсюда ясна роль ученыхъ. Въ сущности, они прирожденные законодатели. Они—люди, способные не только объяснять, но и предвидѣть, и именно этотъ даръ ставитъ ихъ выше всѣхъ другихъ людей [9]).

Ученые должны владѣть духовной властью, т. е. устанавливать принципы управленія государствомъ и обществомъ. Они призванные руководители практическихъ дѣятелей, отнюдь не администраторы, а верховные наблюдатели за администраціей и вообще соціальнымъ развитіемъ. Осуществленіе научныхъ выводовъ принадлежитъ другимъ, иначе классъ ученыхъ, при сліяніи духовной и свѣтской власти въ ихъ рукахъ, превратился бы въ метафизиковъ, интригановъ и деспотовъ.

На этомъ соображеніи основано соціальное значеніе *промышленнаго* класса и сенъ-симонистская идеализація матеріальнаго труда наравнѣ съ умственнымъ.

Идеи этого порядка имѣли для французской внутренней политики большое значеніе: благодаря имъ, Сенъ-Симонъ оказался родоначальникомъ теоретическаго соціализма, такъ же, какъ его понятіе о научномъ построеніи общественныхъ и нравственныхъ идеаловъ поставило его во главѣ позитивизма.

Но есть еще третье, и для насъ важнѣйшее, открытіе сенъ-симонизма. Именно оно отводитъ мѣсто научно-соціальной школѣ въ области литературы и Сенъ-Симонъ налагаетъ не менѣе оригинальную печать своего духа на искусство, чѣмъ на философію и политику.

---

[9]) Un savant est un homme qui prévoit, c'est par la raison que la science donne le moyen de prédire qu'elle est utile, et que les savants sont supérieurs à tous les hommes. *Lettres d'un habitant de Genève*, Paris 1802, p. 35.

VI.

Въ трактатахъ по математикѣ и другимъ наукамъ Сенъ-Симонъ не переставалъ пускать въ ходъ очень своеобразный пріемъ, независимо отъ логическихъ доводовъ, обращался къ *сердцу* и *чувству* ученыхъ, говорилъ о своей *страсти* «успокоить Европу» и «перестроить европейское общество».

Это значило вводить въ философію силу, постороннюю строгой идеѣ и наукѣ,—силу паѳоса, поэзіи, вообще творчества и вдохновенія. Сенъ-Симонъ не только допускалъ подобныя *настроенія* въ своемъ философско-политическомъ предпріятіи, но настаивалъ на особомъ классѣ людей, обладающихъ нарочито этими силами, т. е. вдохновеніемъ и способностью дѣйствовать на чувство. Сенъ-Симонъ называетъ этихъ людей *артистами* и считаетъ ихъ третьимъ необходимымъ элементомъ въ политическомъ строѣ.

Это отчасти платоновская идея. Греческій философъ-законодатель поручаетъ поэтамъ и пѣвцамъ распространять среди гражданъ законы и почтеніе къ нимъ. На толпу особенно дѣйствуютъ поэтическія вдохновенныя рѣчи, кажущіяся ей внушеніемъ божества и самъ Платонъ безпрестанно впадаетъ въ патетическій прорицательный тонъ, часто совершенно затуманивающій смыслъ разсужденія» [10]).

Напомнивъ Платона-законодателя республики съ философами-правителями, сенъ-симонизмъ совпалъ съ идеями античнаго мечтателя и въ самой любопытной части своей соціальной организаціи.

Сенъ-Симонъ далъ тему, его послѣдователи разработали ее съ особенной тщательностью. Разработка шла въ направленіи, совершенно отвѣчавшемъ личности и задачамъ первоучителя. Онъ началъ разсужденіями о *культѣ* въ одномъ изъ раннихъ своихъ сочиненій [11]) и кончилъ краснорѣчивой рѣчью къ своимъ ученикамъ: «Помните,—чтобы совершать великія дѣла, слѣдуетъ быть энтузіастомъ».

Эти слова одушевили всѣ позднѣйшія теоріи сенъ-симонизма. Ученики подняли силу чувства, симпатическаго воздѣйствія, творческаго вдохновенія на небывалую высоту. Они разсуждали такъ.

Исторія—«соціальная физіологія», т.-е. должна быть наукой, имѣющей свои законы и уполномачивающей ученыхъ руководить

---

[10]) Въ діалогѣ *Законы*.

[11]) Въ *Lettres d'un habitant de Genève*.

настоящимъ и предсказывать будущее. Наука можетъ привести это будущее въ логическую связь съ прошлымъ, но дальше остается труднѣйшая часть задачи, надо осуществить воспитательную и просвѣтительную, т. е. практическую цѣль науки.

Сама наука этого не въ состояніи достигнуть.

«Научное доказательство можетъ удовлетворить логическимъ основаніямъ такихъ или иныхъ дѣйствій, но у него нѣтъ достаточно силы вызвать эти дѣйствія. Для этого требуется, чтобы оно, доказательство, заставило *полюбить* ихъ. Но это не его роль. Доказательство не заключаетъ въ самомъ себѣ неотразимаго повода дѣйствовать. Наука можетъ указать средства, какъ достигнуть извѣстной цѣли? Но почему именно данная цѣль, а не другая? Почему просто не успокоиться и не остановиться на пути къ какой бы то ни было цѣли? Почему даже не отступить вспять? Чувство, т. е. глубоко ощущаемая симпатія къ намѣченной цѣли, одно только можетъ устранить затрудненія».

На арену долженъ выступить классъ людей, нарочито одаренныхъ отъ природы «симпатической способностью».

По мнѣнію сенъ-симонистовъ, во всѣ времена, во всѣхъ странахъ вліяніе на общество принадлежало людямъ, «говорившимъ сердцу». Разсужденіе, силлогизмъ—только второстепенныя и промежуточныя средства. Общество поддавалось непосредственному увлеченію только благодаря различнымъ формамъ *чувствительнаго воздѣйствія*.

Въ органическія эпохи такое воздѣйствіе совершается *культомъ*, въ критическія—*искусствами*. Нравственное воспитаніе общества и заключается въ томъ, чтобы доказанныя истины превратить для него въ идею *долга*, въ предметъ *страсти*.

Отсюда отожествленіе художника и поэта съ жрецомъ, т. е. самое идеальное представленіе о творческомъ талантѣ и художественной дѣятельности. Сенъ-симонизмъ воскресилъ античный образъ поэта-пророка, поэта-философа и поэта-вождя и вознесъ на выспреннѣйшую чисто-романтическую высоту геній и вдохновеніе.

Сенъ-симонисты, возставая, подобно Сталь, противъ разсудочности XVIII-го вѣка и его презрѣнія къ энтузіазму, шли гораздо дальше писательницы въ защитѣ патетической силы человѣческой природы. Даже точныя науки не могутъ обойтись безъ вдохновенія и творчества.

Обыкновенно думаютъ, будто широкія обобщенія въ какой бы то ни было наукѣ составляются логически, изслѣдователь постепенно восходитъ отъ одного факта къ другому и непрерывная цѣпь фактовъ приводитъ его, наконецъ, къ закону. Открыть законъ,

слѣдовательно, значитъ связать рядъ фактовъ общей идеей, и сама эта идея—непосредственный результатъ наблюденныхъ частныхъ явленій.

По мнѣнію сенъ-симонистовъ, это безусловное заблужденіе. Еще ни одинъ научный законъ не былъ открытъ такимъ путемъ.

Въ дѣйствительности общій принципъ является плодомъ *вдохновенія.* Наличность извѣстныхъ фактовъ *внушаетъ* изслѣдователю идею, но между такой идеей и фактами всегда существуетъ нѣкоторый *промежутокъ, пропасть*, заполняемая *геніемъ*, а отнюдь не строго-научнымъ методомъ [12]).

Но и этого мало.

Даже всякая наука вообще возможна только не на основаніи строго разсудочныхъ соображеній и неопровержимыхъ удостовѣренныхъ фактовъ, а на основаніи *вѣры*, т. е. силы, противоположной разсудку и наукѣ.

Напримѣръ, почему ученый стремится опредѣлить точное логическое отношеніе двухъ какихъ-нибудь явленій? Вѣдь, по безусловному требованію разума и логики, это опредѣленіе допустимо только въ томъ случаѣ, когда изслѣдователю извѣстны *всѣ* другіе сопутствующіе факты, всѣ возможныя комбинаціи ихъ и *всѣ условія*, при какихъ совершаются данныя явленія.

Напримѣръ, мы ежедневно съ одинаковой увѣренностью ждемъ восхода солнца и на слѣдующій день. Почему?

Логически мы не имѣемъ никакого права на подобный разсчетъ. Извѣстныя намъ астрономическія явленія, касающіяся вопроса, ничто сравнительно съ бездной *неизвѣстныхъ* намъ возможныхъ фактовъ. Мы, слѣдовательно, ждемъ восхода солнца на основаніи нашего *прошлаго* опыта, а вовсе не потому, что мы *знаемъ* будущее. Мы *вѣруемъ* въ неизмѣнность порядка, мы по природѣ *влюблены въ порядокъ,* по выраженію сенъ-симонистовъ, мы *стремимся* къ нему, т. е. въ свои логическіе выводы вмѣшиваемъ силу чувства, паѳоса, вообще—силу неразсудочную, нелогическую и ненаучную.

Сенъ-симонисты, родоначальники позитивной философіи, съ блестящей проницательностью оцѣнили внутреннее достоинство и научные предѣлы такъ называемаго позитивнаго метода.

Въ сущности, позитивизма, какъ его представляютъ фанатическіе послѣдователи, не существуетъ и именно совершенно прямолинейный позитивизмъ *не позитивенъ.*

---

[12]) *Doctrine*, p. 132.

Въ самомъ дѣлѣ,—говорятъ, позитивный методъ состоитъ въ группировкѣ наблюденныхъ фактовъ, независимой отъ какого бы то ни было руководящаго чувства или предубѣжденія. Группировка даетъ изслѣдователю объективный законъ, соподчиняющій факты.

Но на самомъ дѣлѣ процессъ этотъ никогда не осуществляется въ такой идеально-безстрастной формѣ, какъ воображаютъ позитивисты.

Человѣкъ никогда не является безусловно независимымъ, *изолированнымъ* отъ привходящихъ вліяній. Или внѣшній міръ, *среда* или собственная *личность* господствуютъ надъ изслѣдователемъ и онъ или навязываетъ міру *формы своего бытія*, или уничтожается предъ нимъ, подчиняется ему.

Въ результатѣ изслѣдователь одновременно *изобрѣтаетъ* и *удостовѣряетъ*, и процессъ удостовѣренія—*vérification* ничто иное, какъ оправданіе предвидѣній, вдохновеній и откровеній, а вовсе не непрерывно послѣдовательнаго результата классификаціи фактовъ.

Отсюда значеніе личной талантливости изслѣдователя: изобрѣтеніе, вдохновеніе и есть то, что мы называемъ *геній*. Безъ него невозможны широкія обобщенія, открытіе законовъ, т. е. прогрессъ даже положительныхъ наукъ. Безъ него наука превращается въ безплодное компиляторство и безжизненный педантизмъ.

Если вдохновеніе и *симпатическія способности* имѣютъ такое значеніе даже въ опытномъ знаніи, естественно, ихъ роль еще выше въ соціальной наукѣ и въ соціальныхъ вопросахъ.

Если всѣ выводы ученаго построены на его инстинктивной *любви* къ естественному порядку, къ гармоніи, очевидно, дѣятельность общественнаго философа, историка, законодателя, преобразователя возможна только при такой же любви къ соціальному порядку, при *энтузіазмѣ* и *самоотверженіи*—*dévouement*—во имя извѣстнаго единаго положительнаго принципа.

И сенъ-симонисты берутъ на себя двойную обязанность быть учеными и вдохновителями, людьми разсудка, *raisonneurs*, и людьми страсти, *passionés*, т. е. проповѣдниками и пророками.

Наука и промышленность, умственный и матеріальный трудъ сами по себѣ не имѣютъ цѣны. У сенъ-симонистовъ они только «средства создать для человѣка условія, наиболѣе благопріятныя развитію глубокаго состраданія къ *слабымъ*, покорности *сильнымъ*, любви къ *соціальному порядку*, обожанію *всеобщей гармоніи*» [13]).

Сильные, на языкѣ сенъ-симонистовъ, означаютъ, конечно, людей духовной силы, людей знанія и особенно людей энтузіазма.

---

[13]) *Ib. Introduction.*

Поэты и пророки стоятъ на вершинѣ соціальнаго зданія: они— источники воодушевленія ради общаго дѣла, они — вожди общества по путямъ, открытымъ учеными, они—творцы священнаго огня гуманности и соціальности.

Выводы изъ всѣхъ этихъ разсужденій совершенно очевидны, именно въ вопросѣ, ближе всего занимающемъ насъ.

Творческая способность возведена сенъ-симонистами на недосягаемую высоту сравнительно со всѣми другими духовными человѣческими силами. Разъ вдохновеніе—*inspiration*—является виновникомъ даже научныхъ истинъ и естественныхъ законовъ, оно, несомнѣнно, стоитъ выше науки въ строгомъ смыслѣ, оно путемъ энтузіазма и созерцанія, *intuition*, открываетъ тайны мірозданія.

Съ другой стороны, тоже вдохновеніе—рѣшающая положительная сила и въ нравственной и общественной жизни человѣчества, такой же краеугольный камень въ политическомъ зданіи, какъ и въ научномъ. Слѣдовательно, энтузіазмъ и тоже созерцаніе, вообще безсознательное внушеніе выше историческаго изслѣдованія. Оно и въ области исторіи и соціальной политики можетъ подняться до такихъ горизонтовъ, какіе совершенно недоступны чисто-научной исторической работѣ.

Отъ этихъ понятій въ высшей степени легко перейти до крайне своеобразной идеи, съ какой мы встрѣтимся въ германской философіи и у ея русскихъ послѣдователей.

Единственный источникъ высшей истины, вѣрный путь къ тайнамъ природы и жизни—художественный геній, художественное творчество, непосредственное созерцаніе и творческое вдохновеніе.

Это шеллингіанская идея. О связи ея съ сенъ-симоновскими представленіями толковать безплодно. Первыя произведенія Сенъ-Симона не находятся ни въ какой связи съ германской философіей.

Правда, Сенъ-Симонъ побывалъ въ Германіи, но путешествіе произошло послѣ *Писемъ женевскаго обывателя* и не оставило у Сенъ-Симона никакихъ положительныхъ впечатлѣній.

Онъ нашелъ, что нѣмцы очень увлекаются отдѣльными науками, но ничего не сдѣлали для всеобщей науки, для *science générale* и не могутъ, слѣдовательно, представить ничего поучительнаго для соціальнаго преобразователя на почвѣ положительнаго знанія.

Совпаденіе сенъ-симонистскихъ воззрѣній съ послѣднимъ выводомъ шеллингіанской системы такое же исторически и нравственно-необходимое, какъ изумительное сходство идей французскаго мистика Сенъ-Мартэна съ основными философскими представленіями того же Шеллинга.

Сенъ-Мартэнъ не находился ни въ какихъ отношеніяхъ съ германскимъ философомъ, а между тѣмъ дошелъ до идеи абсолютнаго тожества. Природа ничто иное, какъ проявленіе божества, осуществленіе мысли, слова и творчества Бога. Первый моментъ творчества—*раздѣленіе* твари и творца, второй—*сліяніе въ безразличіи*, въ абсолютѣ [14]).

Сенъ-Мартэну неизвѣстны *термины* нѣмцевъ, но *мысль* не измѣняетъ своей сущности отъ менѣе философской формы.

Совершенно ясно поставленъ у Сенъ-Мартэна и вопросъ о познаніи абсолютнаго бытія. Путь тотъ же, что у Шеллинга и у Сенъ-Симона, *интуиція.* У мистика есть свое очень любопытное обозначеніе этого субъективнаго источника высшаго вѣдѣнія—*пламя стремленія*, *la flamme de notre désir*, т. е. тотъ же энтузіазмъ, поэтическій восторгъ, вдохновенное созерцаніе. Сенъ-Мартэнъ посвятилъ особое сочиненіе психологіи *человѣка стремленій*, *L'homme de désir*.

Слѣдуетъ помнить, Сенъ-Мартэнъ вовсе не представлялъ изъ себя зауряднаго искателя чудесъ и тайнъ, отнюдь не былъ послѣдователемъ особенно распространеннаго мистицизма, весьма часто сливавшаго шарлатанство съ безуміемъ или слабоуміемъ.

Сенъ-Мартэнъ оставался чуждъ разнымъ продѣлкамъ, маскарадному культу и теургическимъ операціямъ исповѣдниковъ многочисленныхъ сектъ, въ родѣ масоновъ, розенкрейцеровъ, мартинистовъ. Для французскаго мистика достаточно было личныхъ *нравственныхъ стремленій* къ совершенствованію и духовному свѣту, безъ вмѣшательства видѣній и чудесъ, вообще внѣшнихъ силъ.

Для него вдохновеніе и откровеніе—естественныя состоянія ума. Именно они отличаютъ *новаго человѣка*, *человѣка стремленій*, отъ людей холоднаго разсудка и нравственнаго безразличія.

Эти идеи были высказаны еще въ XVIII-мъ вѣкѣ, *L'homme de désir* вышло въ 1790 году, одновременно съ сочиненіемъ Вольнея *Ruines*, преисполненнымъ скептицизма, разрушительной критики и отрицанія. Очевидно, самый ходъ умственнаго развитія французскаго общества подсказывалъ протестъ въ опредѣленномъ направленіи, и во Франціи среди страшнаго переворота мысль доходила до тѣхъ самыхъ выводовъ, какіе легли въ основу германской философіи того же времени.

Мы должны теперь обратиться именно къ этой философіи. Она—первостепенная учительница русскихъ философскихъ поколѣній, но не единственная. Мы видѣли, русскіе искатели новой

---

14) Cp. Matter. S. Martin, le philosophe inconnu. Paris. 1862, p. 177.

истины могли не покидать старинной дороги своихъ отцовъ, т. е. могли продолжать интересоваться французской литературой и здѣсь найти путь къ той истинѣ, а главное, безпощадную критику французской философіи XVIII-го вѣка. Одни писатели указывали прямо на нѣмцевъ, какъ на учителей будущаго, другіе, независимо отъ нѣмецкаго учительства, давали собственныя рѣшенія настоятельныхъ современныхъ задачъ, и эти рѣшенія, въ силу исторической логики и основныхъ законовъ человѣческой природы, совпадали съ выводами германскихъ философскихъ системъ.

Но, конечно, и во французской мысли, и въ нѣмецкой было свое оригинальное и исключительное достояніе. Прежде всего въ сенъ-симонизмѣ заключался обильный источникъ вопросовъ, лежавшихъ за горизонтомъ германскаго идеализма,—вопросовъ политическихъ и соціальныхъ. А потомъ общій духъ французской научно-философской школы, неуклонно практическій, жизненно-преобразовательный былъ далекъ отъ выспреннихъ высотъ германской чистой метафизики.

Даже наиболѣе фантастическіе мотивы сенъ-симонизма, въ родѣ пророчествъ и видѣній основателя школы, неизмѣнно направлены на дѣйствительность и когда сенъ-симонисты въ лицѣ поэта рисовали пророка и энтузіаста, они разумѣли мужественнаго соціальнаго агитатора словомъ и дѣйствіемъ, т. е. рѣчами, книгами и практическими предпріятіями.

Германскихъ философовъ, по натурѣ и по направленію мыслей, не смущало такое подвижничество, вмѣсто нравственно-политическаго идеала французской философіи, здѣсь предъ нами—нравственно-философскій.

Это, сущность германскаго идеализма, но въ дѣйствительности онъ не могъ строго выдержать своего исконнаго національнаго характера,—по могущественнымъ историческимъ условіямъ.

Германія наравнѣ со всѣмъ европейскимъ міромъ была вовлечена въ жестокую—вначалѣ внѣшнюю—потомъ внутреннюю, политическую борьбу.

Наполеонъ, постепенно порабощая одно государство за другимъ, поставилъ, наконецъ, грозный вопросъ уже не правительствамъ, а націямъ. Отвѣтъ рѣшалъ не извѣстныя дипломатически-установленныя вассальныя отношенія государей, а культурную самостоятельность народовъ.

Дѣло шло не о разгромѣ той или другой арміи, не о военной дани, не о личныхъ униженіяхъ государственныхъ людей, а о самыхъ основахъ государства, о національной цивилизаціи и исторіи.

Вопросъ, очевидно, касался рѣшительно всѣхъ великихъ и

малыхъ, просвѣщенныхъ и простыхъ, прямо въ силу ихъ кровной принадлежности къ составу націи.

Правда, и теперь въ Германіи нашлись эстетики и мудрецы, въ родѣ Гёте, ощутившіе только чувство перепуга при страшной тучѣ, надвигавшейся на ихъ отечество. Но это, исключительныя явленія, знаменовавшія одновременно и рѣдкостную природную политическую ограниченность и старинную нѣмецкую безпомощность въ великихъ государственныхъ нуждахъ.

Гётевское олимпійство, оригинально уживавшееся съ слѣпымъ культомъ Бонапарта, вызвало негодованіе у самихъ нѣмцевъ, и сторицею было восполнено и въ то же время отнюдь не лестно оттѣнено великимъ воодушевленіемъ прирожденныхъ служителей отрѣшенной мысли—философовъ.

Дыханіе живой жизни немедленно оказалось въ высшей степени плодотворнымъ, и подсказало нѣмецкому профессору одну изъ величайшихъ культурныхъ идей начала нынѣшняго вѣка.

Но и здѣсь, какъ и въ идеѣ объ единомъ философскомъ принципѣ, мы находимъ тѣснѣйшую связь съ предъидущей эпохой, на столько тѣсную, что переходъ къ новой идеѣ—логическое развитіе старой мысли, неоцѣненной въ свое время и ожидавшей соотвѣтствующей общественной атмосферы и воспріимчивой исторической почвы.

VII.

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ, во время борьбы литературы противъ французскаго классицизма, естественно возникла мысль о несостоятельности основныхъ силъ, создавшихъ классическую школу и поддерживавшихъ ея господство. На первомъ планѣ являлась вѣковая вѣра французовъ въ недосягаемое преимущество своей цивилизаціи и, конечно, своего искусства предъ умственными и художественными созданіями другихъ націй.

Французы привыкли чувствовать себя аѳинянами среди европейцевъ, и эта привычка съ примѣрнымъ усердіемъ поддерживалась въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ тѣми же европейцами.

Классицизмъ, національнѣйшее дѣтище французовъ, обнаружилъ изумительное вліяніе на всѣ литературы и способствовалъ міровому блеску французскаго имени въ такой мѣрѣ, какъ ни одинъ французскій завоеватель.

Очевидно, съ правами классицизма на господство неразрывно были связаны вообще исключительныя права французской культуры, и врагамъ расиновской поэзіи логически слѣдовало напра-

вить оружіе на аѳинское самодовольство французовъ и попытаться перемѣнить ихъ взглядъ на заграничныхъ «варваровъ».

Эту тяжелую и неблагодарную роль взялъ на себя прямой предшественникъ новѣйшихъ литературныхъ школъ—Мерсье.

Путемъ драмы онъ разсчитывалъ произвести не только литературную реформу, но и уничтожить культурную пропасть между французами и другими націями Европы.

Рѣчь его и на эту тему звучитъ такой же страстью, какъ и въ защитѣ Шекспира.

Ему ненавистно національное тщеславіе соотечественниковъ, увѣренность въ безусловномъ превосходствѣ французской образованности надъ цивилизаціей всѣхъ другихъ народовъ. Безпристрастное изображеніе характеровъ, нравовъ и образа мыслей чужихъ націй показало бы французамъ, что имъ не достаетъ еще многихъ добродѣтелей. Писатели должны взять на себя эту задачу, помочь развитію своего народа, сгладить предубѣжденія между націями, питающими взаимную ненависть и презрѣніе только по плохому знакомству другъ съ другомъ [15]).

Сталь какъ разъ послѣдовала совѣту Мерсье, только не въ драматической формѣ, и впала даже въ нѣкоторую крайность, для насъ очень важную. Въ противовѣсъ французскому національному самообольщенію, Сталь снабдила романтически восторженными красками Германію. Что же должно было произойти, когда за критику французской исключительности примутся писатели другихъ національностей, и особенно наиболѣе пренебрегаемыхъ французами?

Одни изъ такихъ, несомнѣнно, нѣмцы, по мнѣнію Вольтера, лишенные даже человѣческой членораздѣльной рѣчи.

А между тѣмъ, именно нѣмцамъ исторія судила стать на стражѣ національной идеи. Ихъ отечество подверглось особенно чувствительнымъ униженіямъ послѣ побѣдъ французскаго цезаря и оно же вмѣстѣ съ Россіей стало во главѣ европейской войны противъ Наполеона. Настала *политическая* національная борьба, культурная шла уже давно, еще въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ жестокихъ нападкахъ Лессинга на Вольтера и на классицизмъ.

Теперь литературѣ предстояло стать великой исторической силой, если только она хотѣла и была способна проявить жизненность и стяжать національную славу.

И она не могла не выполнить этого назначенія.

Даже въ Россіи, не знавшей ни Шиллеровъ, ни «бурныхъ

15) *Du Théâtre*, Amsterdam 1773, pp. 111—2.

геніевъ», нашествіе Бонапарта вызвало отечественную народную войну и до самыхъ основъ всколыхнуло спокойно и едва замѣтно прозябавшую русскую публицистику. Въ Германіи то же явленіе должно было принять несравненно болѣе обширные размѣры, и на почвѣ политическаго освобожденія страны создать новые мотивы общественной и даже философской мысли.

Возбужденіе оказалось до такой степени могущественнымъ что философія и публицистика совпали, и даровитѣйшимъ представителемъ общественнаго мнѣнія и народныхъ чувствъ Германіи явился профессоръ университета, философъ.

Когда мы въ настоящее время перечитываемъ знаменитыя рѣчи Фихте, мы не перестаемъ чувствовать себя въ самой подлинной атмосферѣ *восемнадцатаго* вѣка и предъ нами возстаетъ типичнѣйшій образъ германской просвѣщенной эпохи—маркизъ Поза.

Вы помните, шиллеровскій герой умоляетъ испанскаго короля почеркомъ пера измѣнить существующій порядокъ вещей и возродить человѣчество къ новой жизни...

При какомъ настроеніи можно обратиться съ подобной мольбой къ деспоту и фанатику и твердо надѣяться на непосредственные плоды благодѣтельнаго законодательнаго акта?

При единственномъ настроеніи, проникавшемъ лучшихъ людей всей просвѣтительной эпохи, при восторженной вѣрѣ въ силу человѣческаго разума и человѣческой преобразовательной воли.

Это—чисто религіозное преклоненіе предъ творческимъ геніемъ философскаго *слова*, безпрепятственно изъ нѣдръ хаоса вызывающаго новый молодой міръ, *весну* исторіи.

Вѣра дожила во всей своей дѣвственной чистотѣ до самой революціи и именно она устремила французскихъ законодателей на трагическій путь не—преобразованій въ политикѣ или въ общественныхъ отношеніяхъ, а гораздо дальше—на путь коренныхъ передѣлокъ человѣка вообще, его природы и его вѣками выросшихъ привычекъ и вѣрованій.

И напрасно нѣкоторые новѣйшіе якобинцы бѣлаго цвѣта, въ родѣ историка Тэна, усиливаются заклеймить безуміемъ и преступленіемъ героевъ революціи. Они гораздо больше жертвы, чѣмъ герои, жертвы того самаго воззрѣнія на ходъ человѣческихъ дѣлъ, какое исповѣдуетъ шиллеровскій идеалистъ.

Вообразите человѣка, непоколебимо убѣжденнаго въ торжествѣ своего *естественнаго* и *разумнаго* идеала надъ какой-угодно дѣйствительностью, представьте, однимъ словомъ, не менѣе искренняго и прямолинейнаго послѣдователя *разума*, все равно, въ ка-

комъ угодно смыслѣ, чѣмъ въ средніе вѣка были у католичества и папы, вы непремѣнно съ такимъ прозелитомъ дойдете до фанатизма и жестокости.

Надо только помнить, — отвлеченный разумъ дѣйствительно былъ религіей восемнадцатаго вѣка и впослѣдствіи революціонеровъ, и историкъ обнаружитъ крайнее неразуміе или партійный политическій разсчетъ, если теоретиковъ и идеалоговъ смѣшаетъ съ обыкновенными злодѣями и съумасшедшими, если вмѣсто тщательнаго психологическаго анализа займется полицейскимъ протоколированіемъ внѣшнихъ фактовъ.

Если ужъ дѣйствительно мы обязаны произнести судебный приговоръ «учредителямъ» и «законодателямъ», мы должны направить свой гнѣвъ прежде всего не на отдѣльныхъ личностей, а на общій нравственный источникъ заблужденій и насилій, на дѣйствительно неосновательную *философію*, на фантастическое представленіе о всемогуществѣ чисто разсудочныхъ понятій и всевозможныхъ художественныхъ идеаловъ.

Сущность этой философіи перешла далеко за предѣлы Франціи—въ среду, гдѣ не было рѣшительно никакой почвы для политическаго якобинства. Лучшее доказательство, что и такая философія по условіямъ времени являлась *исторической* необходимостью, а не произвольнымъ преступнымъ умысломъ нарочитыхъ злодѣевъ.

Это не значитъ *оправдывать* ужасы французскаго переворота, вызвавшаго на сцену несомнѣнно не мало и дурныхъ страстей и годами накипѣвшей личной ненависти и желчи, и темныхъ инстинктовъ честолюбія и мести. Это значитъ явленія, фактическіе результаты связывать съ причиной и почвой, т. е. совершать единственно цѣлесообразную и поучительную работу всякаго историческаго изслѣдованія.

Философская вѣра въ непреодолимо-побѣдоносное воздѣйствіе *идеи*, т. е. нравственной человѣческой *личности* на дѣйствительность явилась логическимъ оружіемъ культурной борьбы восемнадцатаго вѣка съ преданіями. Вѣдь у человѣка вообще въ распоряженіи только два пути: установить извѣстный жизненный строй: или воспользоваться общимъ готовымъ матеріаломъ, или въ случаѣ его явной непригодности попытаться извлечь основы бытія изъ собственнаго духовнаго міра, изъ своего *я*.

Просвѣтительная философія безповоротно порвала съ прошлымъ, и особенно какъ разъ въ самой важной по человѣчеству необходимой области—*съ духовными идеалами* и вѣрованіями, т. е. съ католическимъ ученіемъ и папской церковью.

Ясно, единственнымъ прибѣжищемъ осталась та же самая сила, какая со временъ реформаціи обнажала язвы старины и постепенно разрушала ветхое зданіе.

Это и былъ *разумъ*, т. е. обобщенная человѣческая *личность*.

Онъ одновременно велъ разрушительный процессъ противъ преданій и создавалъ свои положительныя понятія, создавалъ очень простымъ путемъ, въ прямую противоположность съ представленіями своего непримиримаго врага.

Самая распространенная идея восемнадцатаго вѣка—идея *естественнаго человѣка* ничто иное, какъ логическій полюсъ старому культу традиціоннаго, исторіей освященнаго, будь это вопіющее злоупотребленіе и несправедливость.

Это культурный смыслъ, психологическій еще яснѣе. Свести человѣка къ естественному состоянію, т. е. оторвать его отъ исторической почвы и всякихъ условій дѣйствительности, значитъ провозгласить крайній индивидуализмъ, на мѣсто религіи массы и законовъ жизни поставить религію *я* и внушенія *личности*.

Такой результатъ отнюдь не открытіе вольтеровской критики, онъ вообще плодъ всякаго коренного культурнаго протеста, онъ развился задолго до *энциклопедіи* въ нѣдрахъ лютеровскаго религіознаго движенія. Просвѣтительная философія только сдѣлала дальнѣйшій шагъ. Протестантизмъ усиливался разумъ и личность привести въ гармонію съ священнымъ писаніемъ, философы отвергли и это ограниченіе и остались на пути такъ-называемой естественной логики и метафизики. Прямымъ ученикомъ французскихъ просвѣтителей явился Фихте, столь же тѣсно связанный съ философіей и психологіей энциклопедистовъ, какъ Шиллеръ съ ихъ политикой.

VIII.

Фихте началъ съ восторговъ предъ французской революціей и, слѣдовательно, предъ французской философіей. Ему, какъ и маркизу Позѣ, казались высшей мудростью «права человѣка» внѣ времени и пространства и онъ путемъ публицистики дѣлалъ то же самое для французскихъ идей среди германской публики, что Шиллеръ путемъ поэзіи.

Идея всепреобразующей философской личности развилась у Фихте подъ прямымъ вліяніемъ французской мысли и практики, и Фихте служилъ этой практикѣ своимъ словомъ, пока она сама служила міровому культурному прогрессу.

Но на сценѣ идеологовъ и законодателей явился скоро Тимуръ XIX-го вѣка, самъ полагавшій свою гордость именно въ этой роли.

Такой оборотъ дѣла быстро разочаровалъ и французскихъ и иностранныхъ поклонниковъ революціи. Поэты въ родѣ Бэрнса и Вордсворта, горячо привѣтствовавшіе зарю свободы и правды, теперь настроили свои лиры на совершенно другой тонъ, съ общечеловѣческаго на практическій, съ французскаго на національный.

Буквально то же самое произошло и съ Фихте, и должно было произойти по еще болѣе повелительнымъ обстоятельствамъ.

Наполеонъ только грозилъ Англіи и не могъ пойти дальше континентальной системы, жестоко давившей и собственныхъ подданныхъ оригинальнаго политика. Но Германія совершенно подпала подъ дикое самовластіе завоевателя, и нѣмецкій патріотизмъ никогда еще за все существованіе германской націи не имѣлъ болѣе достойныхъ основаній проявить всю свою «тевтонскую ярость» и во всемъ блескѣ напомнить времена борьбы Лютера и Гуттена противъ Рима.

Теперь соедините чувство патріотизма, принципъ національности съ идеей личности въ смыслѣ XVIII-го вѣка, и вы получите всю философскую, политическую и культурную систему Фихте.

Все равно какъ, сама французская философія только болѣе рѣшительное проявленіе протестантскаго духа, точнѣе—идейной и нравственной оппозиціи противъ католичества, такъ Фихте прямой наслѣдникъ стариннаго гуттеновскаго гнѣва на враговъ національнаго могущества и культурной независимости Германіи.

Въ началѣ XIX-го вѣка германскому философу пришлось произвести настоящую революцію въ области національнаго сознанія. Для него это было вполнѣ свойственное предпріятіе. Онъ только что защищалъ чужую революцію, и теперь ему не предстояло даже измѣнять основного принципа, а только перенести его въ другую среду и направить къ другимъ цѣлямъ.

Личность въ философской системѣ Фихте останется на той же высотѣ, на какую поставили ее французскіе просвѣтители, а *внѣшній міръ* снизойдетъ до еще болѣе низкаго уровня, окажется еще призрачнѣе и безсильнѣе въ сравненіи съ человѣческимъ разумомъ, чѣмъ полагали энциклопедисты. Это будетъ результатомъ болѣе строгой систематичности отвлеченной мысли и болѣе напряженныхъ практическихъ стремленій нѣмецкаго профессора.

Ему предстоитъ дѣйствовать на менѣе воспріимчивыхъ слушателей, чѣмъ французская публика XVIII вѣка, и достигнуть болѣе трудныхъ идейныхъ преобразованій и въ несравненно болѣе короткій срокъ, чѣмъ Вольтеру среди давно уже скептическаго и недовольнаго общества вызвать какое угодно отрицательное чувство къ старой церкви и старому общественному строю.

Еще такъ недавно первостепенный умъ Германіи—Лессингъ—считалъ политическіе вопросы исключительнымъ достояніемъ государей и министровъ, первостепенный нѣмецкій поэтъ готовъ бѣжать на край свѣта, лишь бы спастись отъ политики, что же могли думать средніе люди, не геніи, а просто бюргеры и ихъ дѣти?

А между тѣмъ государи и министры безнадежно склонялись подъ гнетомъ иноземнаго властителя, вся надежда оставалась на тѣхъ, кто до сихъ поръ не занимался политикой и шелъ покорно во слѣдъ призваннымъ *оффиціальнымъ* распорядителямъ своихъ судебъ, однимъ словомъ, на бюргеровъ, на народъ, на молодежь.

И Фихте изъ профессора превращается въ трибуна.

«Я не могу просто думать, я хочу дѣйствовать, дѣйствовать внѣ меня!»—восклицаетъ онъ и направляетъ весь свой талантъ, всю свою логику на это *внѣшнее.*

Борьба не особенно трудна, доказываетъ философъ. Что̀ такое внѣшній міръ? Призракъ, не имѣющій самостоятельнаго бытія. Онъ созданъ нашимъ *я*, онъ—совокупность нашихъ представленій. Мы не можемъ познать *сущности* явленій вовсе не потому, что она непостижима для нашего разума, а просто потому, что ея не существуетъ. Ихъ творитъ наше *я*, единственно реальная сущность. Это—высшій единый принципъ, не ограниченная творческая сила, одновременно познающая и создающая все *не я.*

Очевидно, это *я* безусловно свободно, неограничено никакими внѣшними законами и условіями ни въ своихъ силахъ, ни въ своихъ цѣляхъ. *Я* создаетъ внѣшній міръ своей внутренней дѣятельностью, то же *я* указываетъ и цѣли своему созданію. Смыслъ внѣшняго міра заключается въ его соотвѣтствіи нашей волѣ, его прогрессъ ничто иное, какъ осуществленіе нашей нравственной свободы, и природа существуетъ за тѣмъ, чтобы *я* могло проявлять свою независимость и свое творчество.

Такимъ образомъ, *непознаваемость* сущности внѣшняго міра превратилась для Фихте въ *небытіе* и духовный міръ, *субъектъ* сталъ единственнымъ источникомъ бытія и его развитія.

Практическіе выводы очевидны: проповѣдь безусловной свободы личности, совершенное устраненіе всякаго внѣшняго авторитета и восторженная вѣра въ творческое воздѣйствіе духа, разума, *идей* на дѣйствительность, политическій и общественный строй, на самый ходъ исторіи.

До сихъ поръ это—понятія XVIII вѣка, и еще составляя критику на сочиненія Кондорсе, Фихте въ глубинѣ человѣческаго духа видѣлъ законъ историческаго прогресса. Но дальше начи-

нались *временныя* приложенія теоріи, подсказанныя философу его личнымъ положеніемъ среди современныхъ событій.

Французамъ культъ разума былъ необходимъ затѣмъ, чтобы сломить иго старой церкви и стараго государства. Фихте принципъ всемогущаго творческаго *я* требовался, какъ оружіе противъ вообще старой цивилизаціи, господствовавшей надъ нѣмецкими умами, т.-е. противъ французской духовной и политической власти.

Вѣками установился порядокъ считать французовъ привилегированной націей, аристократами и избранными талантами среди всего человѣчества. Это повлекло всѣ европейскіе народы къ постыдному національному самоотреченію, къ умственному рабству, а теперь—и къ политическимъ униженіямъ.

Правы ли французы въ своихъ притязаніяхъ и дѣйствительно ли нѣмцы столь безнадежные данники чужой силы?

Для Фихте отвѣтъ заранѣе предрѣшенъ.

Еще до завершенія философской системы Фихте задумалъ «пробудить отъ усыпленія и нравственно поднять своихъ соотечественниковъ».

Система давала ему могущественное оружіе. Понятіе абсолютнаго *я* на политической почвѣ непосредственно переходило въ идею національнаго *я* и все, что Фихте—въ качествѣ философа—открывалъ въ области личнаго творчества и воздѣйствія на внѣшній міръ, все это—въ качествѣ политика—онъ неизбѣжно долженъ былъ перенести на первоисточникъ возрожденія Германіи, національность.

Сами французы XVIII вѣка выразили насмѣшливое сомнѣніе въ исключительныхъ правахъ на міровое господство французской цивилизаціи и литературы; германскій ученикъ французской мысли пошелъ гораздо дальше. Въ силу законовъ рѣшительной борьбы, одна крайняя идея вызвала другую, и на мѣсто аѳинскихъ воззрѣній французскаго народа на свое провиденціальное назначеніе, выросли такія же воззрѣнія у ихъ противниковъ.

Отъ общаго принципа *національности* Фихте логически перешелъ къ идеализаціи *германизма* и во имя настоятельныхъ побужденій современности именно на эту цѣль направилъ свое стремленіе дѣйствовать, свою страсть — воодушевить родину на культурную и политическую борьбу.

IX.

Въ самой натурѣ Фихте жили всѣ задатки довести разъ воспринятую идею до послѣднихъ отвлеченныхъ и практическихъ

результатовъ. Какъ у всякаго бойца, да еще чувствующаго себя въ очагѣ всеобщаго возбужденія и сосредоточивающаго на себѣ общественное вниманіе, у Фихте не могло быть чисто-теоретическихъ взглядовъ. Всякая мысль превращалась у него въ *убѣжденіе*—не въ смыслѣ доказанной и безусловно усвоенной истины, а въ смыслѣ непосредственно дѣйствующей, стихійно стремящейся къ осуществленію—идеи.

Отсюда, рѣзкая прямолинейность, даже фанатизмъ міросозерцанія, близкій въ вѣрѣ въ личную непогрѣшимость и не вступающій въ сдѣлки съ разными ограниченіями, частными подробностями, т. е. отдѣльными отвлеченными или жизненными препятствіями.

Этотъ психологическій законъ превосходно выраженъ Сенъ-Симономъ, философскую и научную мысль также ставившимъ во главѣ общественныхъ преобразованій.

«Создать систему — значитъ создать мнѣніе — по самой природѣ—рѣзко-рѣшительное, безусловное, исключительное» [16]).

Такую систему создалъ и Фихте изъ національнаго вопроса.

Онъ родоначальникъ *національной идеи* въ ея безусловномъ смыслѣ, т. е. основатель религіи національности, всякихъ сильныхъ чувствъ и энергическихъ предпріятій на поприщѣ національной политики, національной литературной дѣятельности и національнаго просвѣщенія.

Подробности совершенно очевидны.

Фихте вполнѣ логически перешелъ къ идеѣ народности, самобытности, къ защитѣ всѣхъ основъ національной духовной оригинальности—народнаго языка, народной поэзіи и народныхъ преданій, вѣрованій и вѣнецъ всего — проповѣдь всеобщаго народнаго просвѣщенія.

Только оно можетъ окончательно освободить націю отъ унизительныхъ чужихъ вліяній, только оно упрочитъ ея самобытный, свободный путь положительнаго и культурнаго прогресса, обезпечитъ ея творческому генію жизненную силу и безсмертную славу.

Естественно, Фихте могъ договориться до народничества въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, превознести собственно народъ, низшіе классы надъ высшими, потому что послѣдніе впитываютъ въ себя чужое просвѣщеніе и даже чужіе нравы, вырываютъ пропасть между своей духовной жизнью и народной нравственной почвой.

---

[16]) Produire un système, c'est produire une opinion qui est par sa nature tranchante, absolue, exclusive. *Cathèchisme politique des Industriels.* Paris 1832. p. 44—5.

Основная язва этого чужебѣсія—усвоеніе чужого языка и пренебреженіе роднымъ, и Фихте прямымъ путемъ отъ своей философской системы подошелъ къ вопросамъ литературы и искусства.

Національное *я* и значитъ ничто иное, какъ національное *творчество*, т. е. народное — по языку и содержанію.

Фихте неистощимъ на эту тему, и здѣсь его оригинальная заслуга не предъ одной нѣмецкой литературой.

Но философъ не могъ обойти мотива, съ такимъ блескомъ развитаго у сенъ-симонистовъ, о поэтѣ-проповѣдникѣ и общественномъ вождѣ.

Именно Фихте и долженъ былъ особенно увлечься вопросомъ объ идейномъ и творческомъ вліяніи слова на людей и жизнь. Онъ самъ въ рѣчахъ къ германскому народу является пророкомъ, то грознымъ и карающимъ, то восторженнымъ и одушевляющимъ. Онъ даже приводилъ изреченія древнихъ израильскихъ пророковъ, имѣя въ виду современную дѣйствительность и, конечно, возлагалъ самыя выспреннія надежды на вдохновенную, прочувствованную рѣчь. Недаромъ онъ просилъ у прусскаго правительства позволенія выступить передъ войскомъ съ патріотической проповѣдью. Философъ готовъ былъ превратиться въ Тиртея и отвлеченную мысль смѣнить на паѳосъ краснорѣчія.

Надо помнить, дѣятельность Фихте падаетъ на самыя тяжелыя времена для германскаго народа, послѣ тильзитскаго мира, когда власть Наполеона, казалось, не имѣла предѣла и философъ на каждомъ шагу могъ жестоко поплатиться за свое гражданское мужество.

Это положеніе сообщило особый страстный характеръ рѣчамъ Фихте и рѣзко раздѣлило его систему на два момента. Одинъ неразрывно связанъ съ современностью: это — самый принципъ фихтіанства, *субъективный идеализмъ* и въ практическихъ выводахъ культурная исключительность германской націи. Обѣ идеи внушены философу борьбой и ея развитіемъ и могли не пережить историческихъ условій, вызвавшихъ къ жизни идеи.

Но другому моменту суждено было остаться прочнымъ капиталомъ въ европейской мысли.

Фихте до такой степени тщательно и полно раскрылъ понятіе національности, его историческое и культурное значеніе, такъ ярко освѣтилъ нравственный и творческій смыслъ самобытной стихіи въ жизни народа и государства, такъ горячо защищалъ именно основныя права народа въ политическомъ и умственномъ прогрессѣ страны, что съ этихъ поръ *національное*, *національзмъ*,

народничество стали аксіомами сами по себѣ, независимо отъ частныхъ историческихъ обстоятельствъ.

Легко, конечно, представить, идея Фихте, въ общей принципіальной основѣ одинаково обязательная для писателей и политиковъ всѣхъ націй, являлась различной въ своихъ мѣстныхъ, историческихъ опредѣленіяхъ.

Фихте доказывалъ міровое назначеніе германской стихіи, его ученики—не германцы—тѣ же доказательства естественно могли приложить къ *своимъ* національностямъ.

Почва приложенія въ началѣ XIX-го вѣка повсюду оказывалась не менѣе подготовленной, чѣмъ въ Германіи, и прежде всего въ нашемъ отечествѣ.

Оно шло во главѣ грандіозной борьбы противъ бонапартизма, и до такой степени путь этотъ былъ внушителенъ и націоналенъ, что, мы увидимъ впослѣдствіи, именно эти черты отмѣчены прежде всего самими иностранцами.

Вполнѣ послѣдовательно, къ русскимъ умамъ быстро привилось фихтіанство, какъ мощная проповѣдь національнаго принципа и, разумѣется, германофильство нѣмецкаго философа неизбѣжно превратилось въ соотвѣтствующее *русское* направленіе, впервые посѣяны были идейныя сѣмена *славянофильства*.

Мы отнюдь не должны представлять здѣсь школьническаго прозелитизма, чистокнижныхъ вліяній и еще менѣе модныхъ увлеченій, какъ это было съ русско-французскимъ аристократическимъ просвѣщеніемъ XVIII-го вѣка. Все равно, какъ было бы несправедливо философскій субъективизмъ Фихте считать только вѣяніемъ вообще духа просвѣтительной философіи, такъ и русскую національную мысль начала столѣтія невозможно привязывать къ *внѣшнимъ* заимствованіямъ. Мы увидимъ, русскіе журналисты, навѣрное не читавшіе произведеній Фихте и вообще не обладавшіе ни малѣйшими философическими наклонностями, съ необычайнымъ азартомъ развивали символъ національной вѣры.

У нихъ только не было логической стройности ни въ основѣ, ни въ подробностяхъ, говорила кровь и страсть, непосредственное чувство патріотизма, но смыслъ оставался тотъ же—*доказывалась ли* и *раскрывалась* идея или только *провозглашалась* и *внушалась*.

Великая культурная сила философскаго періода русскаго общественнаго развитія и заключается именно въ *исторической причинности* явленія, въ его *реальной почвенности*, проще и точнѣе въ совпаденіи запросовъ практической, глубоко переживаемой дѣйствительности съ извѣстными выводами философскаго разума.

Только этимъ фактомъ и обусловливается вообще плодотворность

всякаго умственнаго движенія вездѣ и всегда, только при такихъ сопутствующихъ обстоятельствахъ иноземныя вліянія на нашу общественность дѣйствительно являлись положительными, жизненно-производительными.

И мы должны теперь же установить основной законъ русскаго культурнаго прогресса. Безусловно просвѣтительныя и преобразовательныя теченія въ русской жизни создавались отнюдь не усвоеніемъ тѣхъ или другихъ западныхъ идей, а назрѣвали въ сознаніи самихъ лучшихъ представителей русскаго общества, съ исторической послѣдовательностью и нравственной повелительностью подсказывались всѣмъ русскимъ людямъ, кто желалъ искренне и глубоко вдуматься въ русскую дѣйствительность,

Если не было этой искренности и вдумчивости, если, независимо отъ иностранныхъ книгъ, у русскихъ просвѣщенныхъ читателей не болѣло сердце своей родной болью, не проявляло чуткости и отзывчивости не къ отвлеченнымъ разсужденіямъ, а къ реальнымъ фактамъ, самая гуманная иноземная философія не мѣшала разцвѣтать самому дикому эгоизму и варварству какъ разъ среди вольтеріанцевъ и энциклопедистовъ, среди покорнѣйшихъ подданныхъ великой философской республики.

Поколѣніе начала XIX-го вѣка отнюдь не отличалось такой покорностью. Мы встрѣтимся съ изумительной силой критической мысли, съ твердымъ сознательнымъ скептицизмомъ, направленнымъ на самыхъ вліятельныхъ учителей, и между тѣмъ не можетъ быть и сравненія между нравственными и умственными отраженіями германскихъ идей на міросозерцаніи русской молодежи двадцатыхъ и позднѣйшихъ годовъ и вольтеріанскими пошлостями екатерининскихъ «орловъ».

Германская философія не служила пищей праздному тунеядному любопытству и не являлась также единственнымъ духовнымъ достояніемъ русскихъ критиковъ и философовъ. Она только давала *обобщенія* готовымъ фактамъ и идеямъ, она приводила въ систему понятія и стремленія, внушенныя вовсе не ею, а силой, несравненно болѣе настоятельной—русской жизнью, русской политической и общественной исторіей.

Такъ будетъ повторяться со всѣми дѣйствительно преобразовательными отраженіями западныхъ идей въ русской средѣ.

Философское понятіе Фихте о національности для русскаго общества начала XIX-го вѣка будетъ такимъ же логическимъ, желаннымъ фактомъ, какимъ впослѣдствіи окажутся идеи сороковыхъ и отчасти шестидесятыхъ годовъ.

Здѣсь и заключается величайшій культурный переворотъ, раз-

бивающій исторію русскаго прогресса на двѣ эпохи—просвѣщеннаго эпикурейскаго модничанья высшихъ сословій прошлаго вѣка, какъ разъ заинтересованныхъ въ практической безплодности европейскаго просвѣщенія на русской почвѣ, и подлинной нравственно воспринимаемой образованности новыхъ поколѣній начала текущаго столѣтія, *интеллигенціи* въ истинномъ смыслѣ слова.

Мы говоримъ *нравственно-воспринимаемой*: это значитъ сознательно, свободно, не ради извѣстнаго авторитета, эстетическихъ или умственыхъ цѣлей, а ради настоятельныхъ жизненныхъ потребностей и ради духовной мучительной жажды. А это значитъ воспріятіе идей будетъ совершаться не въ сплошной, хаотической формѣ, какъ это было съ вольтеріанцами, а въ соотвѣтствіи съ принципами и причинами, стоящими выше самихъ авторитетовъ и ихъ идей, въ соотвѣтствіи съ приложимостью понятій къ дѣйствительности.

Отсюда совершенно самостоятельный интересъ русскихъ философскихъ теченій.

Въ каждомъ изъ нихъ заключается зерно той или другой европейской философской системы, но одушевленное и развитое русской средой и русскимъ умомъ.

Въ результатѣ, многое изъ каждой системы отпадаетъ и остается лишь то, что̀ дѣйствительно можетъ служить объединяющимъ принципомъ въ міросозерцаніи русскихъ учениковъ иностранной мысли. И исторія русскихъ философскихъ направленій и просто увлеченій, исторія, разработанная непремѣнно въ подробностяхъ и оттѣнкахъ, исторія, до сихъ поръ совершенно отсутствующая, была бы въ полномъ смыслѣ исторіей русской культуры, по крайней мѣрѣ, до эпохи реформъ.

Фихтіанство имѣло у насъ ту же судьбу, какъ и его преемники: отъ него осталась идея національности, необходимая русскому просвѣщенію по русскимъ же историческимъ условіямъ и выросшая изъ русскихъ же историческихъ событій.

Что же касается основного принципа философіи Фихте, онъ— принципъ по преимуществу боевой, революціонный, и на родинѣ не могъ пережить соотвѣтствовавшей ему эпохи уже въ силу своей философской односторонности и узко-практической преднамѣренности.

Оба эти недостатка одинаково способны вызвать оппозицію, особенно первый. Для этого философу достаточно другой *личной* натуры, чѣмъ у Фихте — агитатора и проповѣдника. Ничего не могло быть легче, какъ появленіе полнаго контраста именно среди нѣмецкихъ философовъ, т. е. новое воплощеніе исконнаго германскаго типа мыслителя: отрѣшеннаго созерцателя, идеально-

примирительнаго ума, готоваго пренебречь какой угодно дѣйствительностью во имя цѣльности и гармоніи отвлеченной системы и скорѣе философію превратить въ поэзію и даже религію, чѣмъ въ политику.

Не могъ остаться безъ дѣйствія и другой недостатокъ фихтіанства: его прямолинейная приспособленность къ извѣстнымъ практическимъ нуждамъ. Разъ онѣ миновали или даже утрачивали свой острый характеръ, ослаблялось значеніе и самой системы. Тѣмъ болѣе, что она, вся исполненная нервной стремительности и страстныхъ призывовъ, уже сама по себѣ не могла удовлетворить извѣстное намъ основное стремленіе начала XIX-го вѣка къ единому прочному философскому принципу—успокоительному послѣ разрушеній предыдущей эпохи и созидательному послѣ бурь революціи.

Изъ среды учениковъ самого Фихте вышелъ философъ, какъ нельзя болѣе способный на мѣсто *субъективизма* и *политики* выдвинуть объективное созерцаніе.

X.

Система Фихте могла оказать большую услугу Германіи въ нравственно-общественномъ отношеніи, воодушевить равнодушныхъ и ободрить павшихъ духомъ, но она по существу была безсильна какъ теорія, какъ система. Безусловное отрицаніе внѣшняго міра, какъ сущности и реальной силы, встрѣчалось съ противорѣчіями на каждомъ шагу—и въ наукѣ, и въ жизни.

Та самая темная сила, съ какой боролся Фихте,—деспотизмъ Наполеона, являлась наглядным доказательствомъ безсилія философскаго разума и могущества исторической дѣйствительности.

Наполеонъ всю свою нехитрую систему внѣшней и внутренней политики построилъ именно на рѣшительномъ устраненіи идей въ смыслѣ общихъ принциповъ, на эксплоатированіи фактовъ самаго грубаго почвеннаго характера—низменныхъ инстинктовъ у отдѣльныхъ личностей, и чувствъ страха и эгоизма у общества. Цезарь являлъ изъ себя воплощенный *тактъ обстоятельствъ*: такъ любилъ онъ самъ характеризировать свою философію, и достигъ поразительныхъ успѣховъ, какіе и не грезились идеологамъ.

Очевидно, въ міровомъ порядкѣ имѣло значеніе нѣчто помимо *я*—нравственнаго и свободнаго.

А потомъ, независимо отъ возникновенія первой имперіи, права органической жизни политическихъ обществъ, такъ-называемые законы историческаго развитія, т. е. та же дѣйствительность, су-

ществующая внѣ нашего *я* и независимо отъ него, пріобрѣли небывалый кредитъ послѣ разгрома благороднѣйшихъ и теоретически-стройныхъ государственныхъ идеаловъ.

Уже Сенъ-Симонъ жестоко ополчался на адвокатовъ и метафизиковъ революціонныхъ собраній, обзывалъ ихъ кандидатами въ сумасшедшій домъ за ихъ пренебреженіе къ урокамъ исторіи. Эта идея даже въ такой рѣзкой формѣ нашла не мало сочувственниковъ, и продолжаетъ находить ихъ до сихъ поръ, но сущность ея—признаніе закономѣрнаго развитія общества въ ущербъ неограниченно-героическимъ воздѣйствіямъ личности на дѣйствительность—перешла даже къ искреннимъ защитникамъ самой революціи.

И эти защитники, въ родѣ Минье, Тьера, Гизо и многочисленныхъ либеральныхъ политиковъ и ученыхъ девятнадцатаго вѣка, нашли единственный надежный путь оправдать революцію—доказать ея *фактическую* неизбѣжность, связать ее съ неизбѣжнымъ *ходомъ вещей* и оставить возможно меньше мѣста *творчеству отдѣльныхъ* личностей. Только при такомъ взглядѣ революція пріобрѣтала свои права въ культурной исторіи человѣчества.

Наконецъ, другой внѣшній міръ—природа—также съ чрезвычайной настойчивостью заявлялъ о своемъ бытіи какъ разъ въ эпоху фихтіанства. Наивныя мечты Сенъ-Симона распространить законъ тяготѣнія на явленія нравственнаго порядка не могли имѣть никакого серьезнаго значенія и даже логическаго смысла.

Совсѣмъ другой матеріалъ представило естествознаніе философамъ въ сравнительно очень короткій срокъ, въ теченіе двадцати-тридцати лѣтъ. За это время сдѣлано множество въ высшей степени важныхъ открытій въ области электричества, и каждое изъ нихъ вызывало сильнѣйшее возбужденіе философской мысли.

Открытіе «животнаго электричества», т. е. гальванизмъ немедленно отразился на судьбѣ «единаго принципа». Нашлись рѣшительные люди, готовые всѣ явленія органической и неорганической жизни свести къ электрической силѣ, особаго рода нервной жидкости. Міръ сразу получилъ удивительно стройное и простое единство, и новый принципъ давалъ сколько угодно мотивовъ и поводовъ къ самымъ смѣлымъ выводамъ въ области глубочайшихъ тайнъ бытія.

Физика и химія не остановились на гальванизмѣ. Дальнѣйшія открытія все рѣшительнѣе, казалось, утверждали единство міровыхъ силъ. Была доказана тѣснѣйшая взаимная связь электричества и магнетизма. Становилось очевиднымъ, — вся природа проникнута единымъ органическимъ двигателемъ, *естественной*

силой, творящей многообразныя формы по извѣстнымъ неуклоннымъ законамъ.

Вопросъ о неразрывномъ единствѣ всего, подлежащаго изслѣдованію человѣческаго ума, неотразимо ставился не метафизическими соображеніями, а совершенно наглядными открытіями и наблюденіями. Уже Сенъ-Симонъ, ища логическаго естественнаго закона для созданія новаго общественнаго строя, призналъ за аксіому непрерывную цѣпь развитія отъ неорганическаго міра до соціальныхъ явленій высшаго порядка, исторію называлъ «соціальной физикой» и свое собственное подготовительное поприще проходилъ по строгому плану: началъ съ изученія неорганизованныхъ тѣлъ, перешелъ къ организмамъ и закончилъ *новымъ христіанствомъ*, т. е. новымъ законодательствомъ.

Практическіе результаты не соотвѣтствовали отвлеченной стройности проекта, но для насъ важно отмѣтить *идею развитія*, объединяющаго, по представленію сенъ-симонистской школы, всѣ явленія физическаго и нравственнаго міра.

При свѣтѣ этой идеи организмы—продуктъ не преднамѣренныхъ цѣлей, лежащихъ въ основѣ мірозданія, а необходимыя проявленія единой естественной творческой силы, дѣйствующей по законамъ, ей безусловно присущимъ.

Такимъ образомъ, всѣ организмы ничто иное, какъ только различныя ступени естественнаго развитія, между ними нѣтъ пропастей и произвольныхъ перерывовъ и скачковъ, такъ же какъ нѣтъ вмѣшательства спеціальной силы въ созданіе организмовъ рядомъ съ неорганической природой.

Этотъ взглядъ одновременно наносилъ удары и старой философіи естествознанія, и старой назидательной метафизикѣ, уничтожалъ теорію витализма и доказывалъ неосновательность узкихъ морализирующихъ телеологическихъ воззрѣній на міръ.

Ясно, при такихъ условіяхъ внѣшняя дѣйствительность пріобрѣтала сама по себѣ громадный интересъ и безусловныя независимыя права не только на опытное изслѣдованіе, но и на чистофилософскія системы.

Именно философское вліяніе новыхъ естественно-научныхъ выводовъ особенно важно и оригинально.

Идея единой естественной силы, проходящей черезъ всѣ формы и явленія и въ силу законовъ создающая столь совершенные цѣлесообразные организмы, эта идея, независимо отъ какихъ бы то ни было нравственныхъ и метафизическихъ выводовъ, преисполнена величія и поэзіи, глубины и красоты. Она какъ нельзя болѣе способна увлечь съ одинаковой силой и мысль, и воображеніе, раз-

вернуть заманчивѣйшія перспективы предъ творческимъ, логическимъ разумомъ и свободной вдохновенной фантазіей.

Въ результатѣ ни въ одной идеѣ не заключается такихъ богатыхъ источниковъ для противоположныхъ наклонностей и запросовъ человѣческой природы, для строгой науки и для «патетической силы». Философъ съ одинаковымъ успѣхомъ можетъ пользоваться фактами и образами, доказательствами и лиризмомъ. Вѣдь понятіе естественной творческой стихіи не даетъ рѣшительнаго отвѣта на высшій вопросъ философіи о первопричинѣ, и здѣсь послѣ какихъ угодно опытовъ и открытій оставалось обширное поприще для личнаго *творчества* философа.

Система, просто стремясь къ возможной полнотѣ и цѣлостности, неизбѣжно сливала въ себѣ разнообразнѣйшіе элементы, чего могло не быть въ фихтіанской системѣ рѣзко практическаго, нравственно-просвѣтительнаго характера.

Шеллингъ и по внѣшнимъ внушеніямъ, и особенно по разносторонней талантливости своей натуры создалъ оригинальное философское ученіе, изобилующее и плодотворнѣйшими логическими истинами, и въ полномъ смыслѣ романтическимъ творчествомъ.

Ив. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЕРЕЛОМЪ.

Романъ Эммы Брукъ.

Перев. съ англійскаго Л. Давыдовой.

*(Окончаніе *).*

Глава XIX.

Мечты Люциллы улетучились, какъ мыльные пузыри.

Всю ночь она пролежала неподвижно, съ широко-раскрытыми глазами. Стыдъ и отчаяніе душили ее. Ея чувствительности была нанесена жестокая рана.

— Я убита, — говорила она себѣ. — Я убита и никогда не оправлюсь отъ этого, никогда не смогу смотрѣть на міръ прежними глазами.

Когда наступило утро, она немного успокоилась и къ ней вернулась способность разсуждать. Въ окно виднѣлся кусочекъ сѣраго неба, съ котораго лилъ дождь на крыши и трубы. Температура воздуха сразу понизилась, и утромъ было такъ же сыро и холодно, какъ ночью было душно и тепло. Люцилла встала и начала одѣваться. Полуодѣтая, она затопила каминъ, и въ это время вдругъ опять вспомнила всѣ событія прошлой ночи, слова д'Овернэ о готовящемся покушеніи и клятву молчанія, которую она дала ему.

Гребенка упала у нея изъ рукъ на колѣни и на лбу образовалась глубокая складка. Что ей теперь дѣлать? Должна ли она сдержать данную клятву, или же совѣсть подскажетъ ей нарушить ее? Она откинулась на спинку стула и закрыла глаза, стараясь сосредоточиться и найти какой-нибудь выходъ. Мысль о Полѣ промелькнула въ ея головѣ и вмѣстѣ съ нею явилась и нѣкоторая надежда. Но надежда эта быстро исчезла. Она не могла

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

написать Полю, или кому-нибудь другому. Прежнія, простыя и свободныя отношенія къ людямъ были для нея теперь немыслимы. Все измѣнилось и въ ней самой, и вокругъ нея. Тяжелыя, безнадежныя слезы медленно скатывались по ея щекамъ.

— Я не могу писать. Я не могу жить—прошептала она.

Вслѣдъ затѣмъ она быстро вскочила со стула и стала торопливо одѣваться. Она чувствовала потребность уйти отъ этихъ удручающихъ мыслей и рѣшила поѣхать къ Онорѣ.

Было еще очень рано, и Люцилла пріѣхала въ школу, когда Онора еще не успѣла напиться чаю. Она сидѣла за чайнымъ столомъ и читала письма; неожиданное появленіе Люциллы крайне поразило ее.

— Какъ, это вы, моя маленькая, тихенькая мышка,—воскликнула она съ радостнымъ удивленіемъ.—Какъ вы сюда попали такъ рано?

— Взяла и пріѣхала,—отвѣчала Люцилла слабымъ голосомъ.

— Пили вы что-нибудь?

Люцилла вздрогнула и слегка покраснѣла.

— Нѣтъ, ничего еще не пила. Говоря откровенно, я забыла о существованіи чая.

— Гм! — проговорила Онора, топнувъ ногою. — Дайте мнѣ ваши руки. Ну, конечно, холодныя, какъ ледъ. Садитесь сейчасъ къ камину, и я стащу съ васъ сапоги. Ужасная вы женщина! Отчего вы такъ дрожите? Ну, полноте, голубчикъ, пріободритесь. Что еще у васъ случилось? Дайте мнѣ посмотрѣть вамъ въ глаза.

— Нѣтъ, только не смотрите мнѣ въ глаза, Онора, милая.

— Очевидно, вы проливали слезы надъ страданіями Истъ-Энда и рѣшили уморить себя съ голоду для возстановленія равновѣсія. Если бы я только могла убѣдить васъ взвалить страданія міра на какія-нибудь болѣе сильныя плечи, чѣмъ ваши, напр,, на плечи м-ра Шеридана, и заняться своимъ маленькимъ дѣломъ. Я не стала бы запрещать вамъ оказывать м-ру Шеридану извѣстную помощь, но въ благоразумныхъ размѣрахъ. Не слѣдуетъ забывать, что вы все-таки женщина.

— Да, — сказала Люцилла, почти шопотомъ. — Въ этомъ и заключается весь ужасъ.

— Что-жъ тутъ ужаснаго? Просто это одинъ изъ тѣхъ фактовъ, съ которыми нельзя не считаться. Напр., я увѣрена, что м-ръ Шериданъ обладаетъ очень добрымъ и мягкимъ сердцемъ—хотя вообще я считаю его препротивнымъ господиномъ,—и я не сомнѣваюсь, что онъ также сочувствуетъ всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ, какъ и вы. Но у мужчинъ другіе нервы. Они

легче переносятъ бремя жизни и впечатлѣнія у нихъ ложатся не такъ глубоко. Уже одно то, что они не плачутъ отъ усталости или отъ обиды, показываетъ, какая разница между ними и нами. Если у нихъ случается какая-нибудь непріятность, *они* идутъ играть на билліардѣ, курятъ, словомъ, какъ-нибудь развлекаются. А *мы* забираемся къ себѣ въ уголъ и плачемъ.

Онора стояла на колѣняхъ около Люциллы, и снимала съ нея сапоги. Люцилла задумчиво смотрѣла на ея наклоненную головку съ вьющимися темными волосами. Ей было жаль, что она раньше не довѣрилась своему другу и не разсказала ей всего, что ее мучило. Можетъ быть, Онора, со своимъ яснымъ, трезвымъ умомъ, съумѣла бы успокоить ее и поддержать въ ея внутренней борьбѣ.

— Когда-то я тоже увлекалась разговорами объ эмансипаціи,— продолжала Онора. — Конечно, я и теперь стою за уничтоженіе всякаго неравенства, включая сюда и наши слезы, и прочее, если только это возможно. Но дѣло въ томъ, Люцилла, что въ тотъ самый моментъ, какъ я нашла себѣ подходящее дѣло и принялась за него, я сразу почувствовала, что я уже эмансипировалась. И этой премудрости вы научили меня. Вы внушили мнѣ мысль о плодотворности работы въ своемъ узкомъ кругу, которая оказывается гораздо полезнѣе безплодныхъ порывовъ къ чему-то необычайному.

— Да,—сказала Люцилла.

— Ну, вотъ, наконецъ, сапоги стащены,—проговорила Онора, подымаясь съ колѣнъ.—Не знаю почему, Люцилла, но вы всегда вызываете во мнѣ предчувствіе, что я рождена быть матерью— имѣть вокругъ себя кучу голодныхъ, несносныхъ ребятишекъ, которыхъ мнѣ придется кормить и умиротворять. Я рада, что вы такая маленькая. Мнѣ всегда хочется васъ ласкать и возиться съ вами, какъ съ ребенкомъ. Да вы и въ самомъ дѣлѣ ребенокъ, Люцилла. Я ни у кого не видѣла такого дѣтскаго выраженія лица, какъ у васъ, выраженія полной невинности и невѣдѣнія жизни.

— О, я все знаю... теперь.

Она подняла голову и посмотрѣла на Онору широко-раскрытыми глазами. Признаніе чуть было не сорвалось съ ея устъ.

— Неужели? Воображаю, какъ вы много знаете, въ самомъ дѣлѣ! Милое, маленькое существо! Когда я съ вами, я чувствую себя какой-то неповоротливой великаншей, чѣмъ-то вродѣ мудраго матріарха. Не знаю, существуетъ ли такой терминъ; кажется, я сама его и выдумала. А можетъ быть, онъ и встрѣчается гдѣ-нибудь въ исторіи. Лесли увѣряетъ, что я очень слаба по части исторіи.

Онора расхаживала по комнатѣ и хлопотала о завтракѣ.

— Дать вамъ кофе, Люцилла? Я сама приготовляю его сейчасъ. И горячіе гренки тоже. Вы непремѣнно должны также съѣсть чего-нибудь мясного. Если бы женщины поняли наконецъ, что питательная пища есть основа правильнаго мышленія, я думаю, онѣ могли бы излѣчиться отъ своего безразсудства.

— Развѣ я такъ безразсудна, Онора?

— Къ сожалѣнію, да, мой милый другъ.

— Онора!

— Что скажете?

— Эту недѣлю будетъ моя очередь вести занятія въ классѣ «англійскихъ гражданъ»?

— Да. У васъ есть уже что-нибудь наготовѣ?

— Я хотѣла поговорить съ ними объ обобщающей способности. Вы замѣтили одну странную особенность у женщинъ?

— Не одну, а очень много. Но мы всѣ точно сговорились надѣлять женскій полъ какими-то совершенствами, и приберегаемъ наши осужденія для отдѣльныхъ личностей.

— Мнѣ некого осуждать, кромѣ самой себя. Мнѣ очень грустно теперь, Онора. Я бы хотѣла разъяснить дѣтямъ, что женщина, главнымъ образомъ, должна добиваться двухъ вещей: во-первыхъ, она должна побороть свою умственную апатію, которая мѣшаетъ ей дѣлать какія бы то ни было обобщенія. А во-вторыхъ она должна болѣе критически относиться ко всему. Когда женщины сдѣлаютъ какое - нибудь обобщеніе, то уже держатся за него слѣпо, бросаются очертя голову, и совершаютъ величайшія безразсудства.

Несмотря на свою веселую болтовню, Онора была серьезно озабочена состояніемъ Люциллы. Она убѣдила ее остаться ночевать въ школѣ слѣдующія четыре ночи. Оставаться еще дольше Люцилла ни за что не соглашалась. Но Онора взяла съ нея обѣщаніе, что она, уходя изъ своей комнаты, будетъ оставлять ключъ сосѣдкѣ, съ тѣмъ, чтобы та въ ея отсутствіе топила комнату и убирала ее. Люцилла согласилась. Она съ большимъ волненіемъ ждала пятницы. Въ этотъ день, по ея разсчетамъ, д'Овернэ долженъ былъ пріѣхать въ Парижъ.

Ей хотѣлось тогда вернуться къ себѣ и одной выжидать событій. Между тѣмъ, она старалась скрывать отъ Оноры свою тревогу и припадки нервнаго страха, случавшіеся съ нею по временамъ. Въ пятницу утромъ, за кофе, Онора взяла газету и мелькомъ пробѣжала ее. Люцилла, увидѣвъ газету, не могла уже проглотить ни одной капли.

— Вотъ газета,—сказала Онора, передавая ее Люциллѣ.—У меня никогда нѣтъ времени прочесть ее. Я думаю, правительство само справится со своими дѣлами, а я ужъ буду заниматься своей школой.

Люцилла раскрыла газету. Въ иностранныхъ извѣстіяхъ, на которыхъ она тотчасъ же сосредоточила все свое вниманіе, не было ничего особеннаго. Она неслышно переворачивала газетные листы, когда вдругъ ей бросился въ глаза заголовокъ, который сразу приковалъ ея вниманіе.

Наканунѣ вечеромъ, т. е. въ четвергъ, Шериданъ и Литтльтонъ были въ засѣданіи школьнаго совѣта. Было уже темно, когда они вышли оттуда и направились домой по набережной. Оба они замѣтили подъ аркой около Вестминстерскаго аббатства фигуру человѣка, стоявшаго прислонившись къ стѣнѣ. Но ни одинъ изъ нихъ не замѣтилъ, что онъ, завидя ихъ, перешелъ на другую сторону и въ отдаленіи слѣдовалъ за ними. Впрочемъ, если бы даже они и замѣтили его движенія, то не придали бы имъ никакого значенія. Два дня шелъ снѣгъ, но теперь небо было ясное, и покрытыя снѣгомъ деревья и крыши красиво выдѣлялись на его фонѣ. Они рѣшили идти по набережной, чтобы полюбоваться картиной зимней ночи. Было тепло и хорошо; они остановились у рѣки и смотрѣли на громадный городъ, разстилающійся передъ ними. Шериданъ особенно живо чувствовалъ своеобразную красоту Лондона. Рѣка, усѣянная безчисленными огоньками, громады домовъ и церквей, смутно рисующіяся во мракѣ, уличный шумъ, доносящійся сюда издалека, и тишина ночного неба, простирающагося надъ городомъ—все это было для него полно поэзіи.

— Завтра будетъ таять и все испортится,—сказалъ Литтльтонъ, осматриваясь кругомъ.—Но сегодня здѣсь необыкновенно красиво.

Они продолжали путь и дошли до Вестминстерскаго моста. Здѣсь они повернули и пошли на сѣверъ. Незнакомецъ все слѣдовалъ за ними.

— Пойдемте черезъ паркъ,—сказалъ Шериданъ.—Времени еще много, а тамъ будетъ спокойнѣе.

Они направлялись въ Спрингъ-Стритъ, гдѣ у Шеридана было назначено дѣловое свиданіе въ помѣщеніи совѣта графства, а конецъ вечера онъ долженъ былъ провести въ обществѣ одного бывшаго министра, который хотѣлъ поговорить съ нимъ объ одномъ изъ вопросовъ, стоявшихъ теперь на очереди въ парламентѣ. По дорогѣ Шериданъ заговорилъ своимъ обычнымъ насмѣшливымъ тономъ о либеральной партіи.

— Они мнѣ страшно надоѣли,—говорилъ онъ.—Насколько я теперь убѣждаюсь, они не въ силахъ выработать порядочной программы. Они ищутъ Богъ знаетъ гдѣ какого-нибудь избирательнаго лозунга, когда у нихъ передъ носомъ находится Лондонъ, со всѣми его неустройствами и ужасами. Они не могутъ придумать ничего, кромѣ гомъ-руля и питейной реформы. Можно думать, что у насъ все уже обстоитъ вполнѣ благополучно и мы не знаемъ, чего и желать. Гартхэдъ просилъ меня зайти къ нему сегодня и поговорить о заработной платѣ. Я охотно сдѣлаю это, но при случаѣ вверну ему и нѣсколько словъ о программѣ. Имъ придется принять мою программу, разъ они не могутъ выдумать своей. Но что прикажете дѣлать съ людьми, которые стоятъ у кормила правленія и заимствуютъ у другихъ руководящія начала для своей дѣятельности, когда достаточно только посмотрѣть вокругъ себя, чтобы понять, куда слѣдуетъ направить свои силы Все это меня просто злитъ. Сами они ищутъ, какъ бы обновить свою программу. Когда же является кто-нибудь и предлагаетъ программу, болѣе соотвѣтствующую интересамъ большинства избирателей—они почему-то отъ него отворачиваются.

Они повернули на Парламентскую улицу и приближались къ парку. Здѣсь было тихо и безлюдно. На улицѣ никого не было, кромѣ ихъ двухъ и одинокой фигуры, слѣдовавшей за ними, которая теперь перешла на ихъ сторону. Въ увлеченіи разговоромъ они и не замѣтили его. Онъ подошелъ совсѣмъ близко къ нимъ, потомъ вдругъ повернулся и толкнулъ Шеридана. Литтльтонъ тотчасъ же защитилъ собою своего друга и повлекъ его направо, но Шериданъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, вскрикнулъ и упалъ на снѣгъ.

— Боже мой!—закричалъ Литтльтонъ.—Я видѣлъ ножъ въ рукѣ этого человѣка. Бѣгите за нимъ, господа. Онъ убѣжалъ въ сторону парка. Высокій человѣкъ, съ большой бородой!

Улица, казавшаяся передъ этимъ пустою, быстро наполнялась народомъ. Литтльтонъ стоялъ на колѣняхъ около лежащаго Шеридана и старался приподнять его. Шериданъ протянулъ ему руку. Ножъ все еще торчалъ въ ранѣ. Рукоятка его была обернута въ бумагу, на которой было что-то написано, но она была такъ залита кровью, что нельзя было разобрать надписи.

— Я не думаю, чтобы онъ былъ серьезно раненъ,—сказалъ чей-то спокойный голосъ.—Я не докторъ, но немного смыслю въ этихъ дѣлахъ. Я помогу вамъ поднять его. Тотъ негодяй, очевидно, промахнулся и не туда попалъ.

— Я видѣлъ его,—сказалъ Литтльтонъ,—и видѣлъ, какъ онъ

поднялъ ножъ. Но я не могъ ничего сдѣлать и успѣлъ только пихнуть моего друга впередъ.

— Вотъ именно этимъ вы и спасли его.

Слѣдующіе нѣсколько часовъ показались Литтльтону ужаснѣйшимъ кошмаромъ. Положеніе Шеридана еще не было выяснено, а тутъ пришлось вынести всю тяготу полицейскаго допроса. Литтльтонъ не могъ пролить никакого свѣта на это загадочное дѣло. Онъ могъ только еще разъ разсказать о внезапномъ поворотѣ незнакомца, который бросился на Шеридана, когда тотъ былъ совершенно увлеченъ разговоромъ, и о необыкновенной быстротѣ удара. Кто былъ человѣкъ, нанесшій ударъ,—онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Онъ замѣтилъ только его смуглый цвѣтъ лица и пушистую бороду. Относительно мотивовъ покушенія онъ также не могъ ничего сказать.

До субботы вечера Литтльтона не пускали къ Полю. Доктора, впрочемъ, съ самаго начала высказались въ благопріятномъ смыслѣ; рана, хотя и очень мучительная, была не опасна, но она вызвала сильное нервное потрясеніе и поэтому больного рѣшили продержать нѣсколько дней въ полномъ одиночествѣ. Покушеніе произошло въ четвергъ вечеромъ, а къ субботѣ Шериданъ уже настолько оправился, что былъ въ состояніи дать нѣсколько показаній полиціи, которая тщетно усиливалась отыскать убійцу. Въ субботу же вечеромъ Литтльтону разрѣшили навѣстить своего друга. Литтльтонъ засталъ его лежащимъ въ кровати, слабымъ и блѣднымъ отъ потери крови, но внѣ всякой опасности.

— Какъ вы себя чувствуете, дружище?—спросилъ онъ нѣжно.

— Довольно хорошо. Рана, конечно, немного побаливаетъ. Но я собственно не знаю, зачѣмъ я долженъ лежать здѣсь, хотя доктора почему-то на этомъ настаиваютъ. Мнѣ запрещаютъ говорить, и читать, и даже думать. Я долженъ только лежать смирно и выздоравливать.

— Потерпите еще немного. Это навѣрное будетъ продолжаться недолго.

— Они то же самое говорятъ. Рана, оказывается, была самая пустяшная.

— Я думаю, теперь ужъ мнѣ позволятъ отъ времени до времени приходить къ вамъ?

— Вѣроятно. А кстати, видѣли вы ту бумагу?

— Какую бумагу?—Литтльтонъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Бумагу, въ которую былъ обернутъ кинжалъ. Полиція приходила сегодня утромъ. Я долженъ былъ давать показанія.

*

— Ну?

— Они показали мнѣ эту бумагу и на ней можно было, хотя и съ трудомъ, разобрать надпись: «предателю». Литтльтонъ, кого это я предалъ?

— Богъ знаетъ, дружище, я не знаю.

Легкая улыбка мелькнула на губахъ у Шеридана.

— Знаете, что я вамъ скажу,—началъ онъ.—Этотъ таинственный незнакомецъ—очень неглупый господинъ. Онъ понялъ, что человѣкъ моего направленія гораздо опаснѣе для анархистовъ, чѣмъ всѣ полицейскіе коммиссары вмѣстѣ взятые. Наша партія—самый серьезный врагъ анархистовъ въ Англіи.

— Вы, значитъ, имѣете подозрѣнія на кого-нибудь, Шериданъ?

— Видите ли,—спокойно продолжалъ тотъ,—когда человѣкъ вонзаетъ въ васъ кинжалъ, то вы естественно взглядываете на него, прежде чѣмъ упасть. По крайней мѣрѣ, я это сдѣлалъ. И я увидѣлъ глаза этого человѣка надъ его приставной бородой.

— И узнали его?

— Мнѣ кажется, что да. Но, во всякомъ случаѣ, онъ теперь уже навѣрное далеко отъ Англіи.

Литтльтонъ задумался.

— И никогда не вернется сюда,—сказалъ послѣ небольшой паузы. Я догадываюсь, кого вы имѣете въ виду. Но дѣло въ томъ, что онъ уже арестованъ—по другому преступленію. Онъ отправился въ Парижъ и, повидимому, замышлялъ тамъ нѣчто грандіозное—взорвать палату депутатовъ, или что-то въ этомъ родѣ. Но—нервы ли его не выдержали, или онъ просто сдѣлалъ какую-нибудь оплошность—во всякомъ случаѣ онъ бросилъ свою бомбу слишкомъ рано.

— Были пострадавшіе?

— Нянька съ ребенкомъ на рукахъ. Кажется, этотъ маленькій представитель буржуазіи погибъ, а нянька осталась жива, хотя и серьезно ранена. Кромѣ того, было разбито нѣсколько оконъ. Полиція тотчасъ же арестовала виновника происшествія.

— Бѣдный д'Овернэ! Онъ все-таки былъ вполнѣ искреннимъ человѣкомъ.—Поль нѣкоторое время лежалъ молча, и затѣмъ проговорилъ мягко:—я думаю, намъ съ вами незачѣмъ сообщать кому бы то ни было своихъ предположеній и увеличивать сумму обвиненій противъ него. Сегодня утромъ, когда приходила полиція, я дѣйствительно не могъ еще связать двухъ словъ и ничего имъ не говорилъ. И дальше тоже ничего не скажу. А вы прочли объ этомъ въ сегодняшней газетѣ?

— Да.

Поль молчалъ. Онъ медленно повернулъ голову къ стѣнѣ—это было единственное движеніе, которое было ему позволено. Литтльтонъ замѣтилъ признаки возбужденія на его лицѣ. Онъ ласково дотронулся до его руки.

— Я уйду теперь,—сказалъ онъ.—Вамъ нужно отдохнуть.

Поль поднялъ на него глаза.

— У меня есть къ вамъ просьба,—сказалъ онъ.—Дѣло не спѣшное, но все-таки вы его, при случаѣ, исполните.

— Непремѣнно. Скажите же мнѣ, что я долженъ сдѣлать?

— Когда вы будете у миссъ Кэмбаль?

— Завтра, должно быть. Я обыкновенно захожу къ ней по воскресеньямъ.

— Если вы увидите Люциллу...

— Люцилла не бываетъ тамъ по воскресеньямъ. Но если я пойду въ понедѣльникъ, то, навѣрное, застану ее.

— Ну, въ понедѣльникъ, такъ въ понедѣльникъ. Если вы увидите ее, то скажите ей... *отъ меня*... что я чувствую себя прекрасно, и скоро буду уже на ногахъ. Вообще, объясните ей, что все это были одни пустяки.

— Хорошо. Я буду помнить и нарочно зайду въ школу въ понедѣльникъ.

— Большое вамъ спасибо. Что, холодно сегодня вечеромъ?

— Ужасно холодно. Вчера весь день таяло, а сегодня настоящій морозъ.

Глава XX.

Въ пятницу, вечеромъ, т.-е. въ тотъ день, когда сообщеніе о покушеніи на Шеридана появилось въ газетахъ, Люцилла вернулась къ себѣ. Весь день она держала себя въ рукахъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, исполняла свои обязанности, надѣясь такимъ образомъ успокоить опасенія Оноры и избѣгнуть ея разспросовъ. Это ей, дѣйствительно, удалось: Онора ничего не замѣтила и спокойно отпустила ее домой. Погода была ужасная. Снѣгъ таялъ и шелъ проливной дождь. Сырость такъ и стояла въ воздухѣ. Люцилла промокла до костей, пока добралась до дому. Старуха-сосѣдка, которой она, по настоянію Оноры, поручила убирать и топить свою комнату, встрѣтила ее у дверей, передала ей ключъ и спросила, не потребуется ли еще чего-нибудь. Люцилла, всѣми силами стараясь скрыть свое волненіе, отвѣтила, что нѣтъ, постаралась даже улыбнуться, заплатила старухѣ за ея услуги, и увѣрила ее, что въ слѣдующіе дни ей ничего отъ нея не будетъ нужно.

Затѣмъ она поднялась къ себѣ, закрыла и заперла за собой дверь на замокъ.

Въ каминѣ горѣлъ огонь. Люцилла съ трудомъ сняла съ себя пальто и опустилась на полномъ изнеможеніи. Она была смертельно блѣдна, и чувствовала себя не въ силахъ ни двигаться, ни даже думать. Она точно впала въ какое-то оцѣпенѣніе, и, когда пришла въ себя, то оказалось, что огонь въ каминѣ уже потухъ. Тутъ только ей пришло въ голову, что слѣдовало бы снять съ себя мокрые чулки. Она поднялась и съ удивленіемъ почувствовала, что у нея все болитъ. Боль была такая острая, что ей нужно было сдѣлать надъ собою большое усиліе, для того, чтобы перейти комнату и подложить дровъ въ каминъ, но ей было очень холодно, и поэтому она, наконецъ, рѣшилась на это. Тутъ она вспомнила, что у нея не было припасено никакой ѣды. Но этотъ вопросъ нисколько не заботилъ ее, потому что самая мысль о пищѣ была ей противна. Она зажгла свѣчки и стала снимать съ себя промокшее платье. Потомъ, сѣвши на скамеечку передъ каминомъ, она поставила свои ноги ближе къ огню, чтобы согрѣть ихъ. Мало-по-малу она начала отогрѣваться и успокаиваться. Она все время могла думать только о Полѣ, который лежитъ теперь раненый, и, можетъ быть, смертельно.

— Я должна написать ему, — рѣшила она, наконецъ. — Мнѣ нужно сказать ему...

Она встала, взяла съ письменнаго стола карандашъ и бумагу и вернулась на прежнее мѣсто; но какъ только она опустилась на стулъ, то почувствовала такую слабость, что была не въ состояніи написать ни одного слова. Она знала, что должна написать что-то, но никакъ не могла припомнить, что именно.

— Если-бы я только могла добраться до постели, — думала она, — и полежать немного въ теплѣ и покоѣ, тогда я навѣрное припомню. Что-то мнѣ нужно сказать Полю, нужно объяснить ему, но что—не могу вспомнить.

Наконецъ она сдѣлала надъ собою усиліе, раздѣлась и легла въ постель, положивъ рядомъ на столикѣ бумагу и карандашъ. Вскорѣ она заснула—или вѣрнѣе, впала въ тяжелое забытье. Все время ее преслѣдовали кошмары. Рано утромъ она проснулась совсѣмъ разбитая. Въ головѣ и въ ногахъ чувствовалась невыносимая боль. Тутъ она поняла, что серьезно расхворалась, и будетъ хворать здѣсь одна, въ этой маленькой комнаткѣ, лишенная всякаго ухода и отрѣзанная отъ всего остальнаго міра до понедѣльника, когда Онора навѣрное хватится ея отсутствія и пріѣдетъ къ ней.

— Ну, ничего, по крайней мѣрѣ, эти два дня никто не будетъ меня безпокоить,—думала она.

Ей было очень холодно, огонь въ каминѣ давно потухъ, а она была совершенно не въ силахъ встать и подложить туда дровъ. Она была такъ слаба, что не могла даже поднять головы съ подушки.

Она опять впала въ горячечное забытье и все время ее преслѣдовала мысль о Полѣ. Наконецъ, она заснула, и видѣла ужасный сонъ. Она была уже не на землѣ, а гдѣ-то въ высшихъ сферахъ, гдѣ царила справедливость. И Поль былъ тамъ. Ей снилось, что онъ былъ отступникомъ, и что праведные духи осудили его; ей снилось, что она первая подняла руку и осудила его и этимъ осужденіемъ завоевала себѣ право на высшее блаженство; но рай, завоеванный такимъ образомъ, казался ей страшнѣе и ужаснѣе ада.

Она проснулась отъ ужаса. Яркій день смотрѣлъ въ ея окно. Небо прояснилось и погода стояла хорошая. Но Люциллѣ солнечный свѣтъ былъ непріятенъ, и предметы, освѣщаемые его лучами, были ей ненавистны, хотя она понимала, что это ничто иное, какъ ея старая мебель и всячески старалась не давать воли своимъ больнымъ нервамъ. Но было одно обстоятельство, смущавшее ее и не дававшее ей покою. На стѣнѣ, напротивъ кровати, она видѣла окруженный туманною дымкою профиль Шеридана. Онъ вырисовывался ясно и отчетливо, но казался холоднымъ и загадочнымъ, какъ сфинксъ. Ей было бы не такъ страшно, если бы онъ повернулся и посмотрѣлъ на нее. Но онъ неподвижно смотрѣлъ куда-то въ сторону. Этотъ странный призракъ приводилъ ее въ трепетъ. Она повернула голову въ другую сторону и закрыла глаза.

— Голова у меня не въ порядкѣ, — думала она. — Должно быть, я сильно простудилась. Надо закрыть глаза и тогда видѣніе исчезнетъ.

Она пролежала нѣкоторое время съ закрытыми глазами, потомъ робко пріоткрыла ихъ и со страхомъ посмотрѣла на стѣну. Профиль Поля все еще былъ тамъ.

Ужасъ объялъ ея душу и она вдругъ припомнила, что собиралась написать ему. Она быстро взяла бумагу и карандашъ, положенные рядомъ на столикѣ, и, сдѣлавъ надъ собою страшное усиліе, медленно и съ трудомъ написала слѣдующія слова:

«Дорогой Поль, простите...»

Потомъ бумага и карандашъ упали у нея изъ рукъ и она снова впала въ забытье.

Мысли ея перешли на Онору. Что̀ бы она ни дала, чтобы услышать ея шаги на лѣстницѣ, увидѣть ея милое лицо въ дверяхъ, ея ласковые темные глаза, что̀ бы она ни дала, чтобы почувство-

вать прикосновеніе ея руки! Но никто не приходилъ, исключая молочника. Онъ постучался въ дверь и его громкій голосъ разбудилъ ее. Ей страстно захотѣлось выпить молока и она попробовала позвать его, но такимъ слабымъ голосомъ, что онъ не услыхалъ ея призыва. Она знала, что онъ оставилъ за дверьми бутылку молока, но это молоко было такъ же недоступно для нея, какъ если бы оно было за сто верстъ: она не могла встать и взять его. И эта мысль на минуту такъ огорчила ее, что она заплакала.

Потомъ она начала соображать, что въ сущности всѣ событія послѣдняго времени были случайностью. Она не предавала своихъ друзей и всегда въ глубинѣ души любила ихъ. Мысль объ Онорѣ опять мелькнула въ ея головѣ и принесла съ собою успокоеніе и утѣшеніе. Если бы она разсказала все Онорѣ, то ничего бы этого не случилось. Потомъ она подумала о Полѣ, о своемъ вѣрномъ другѣ, спокойная, но неизмѣнная симпатія котораго длилась уже столько лѣтъ. Но воспоминаніе объ его отношеніи къ ней и о томъ, какъ она отплатила за это отношеніе, снова вызвало прежнее отчаяніе въ ея душѣ. Ей хотѣлось плакать и молить его о прощеніи. И онъ бы навѣрное простилъ, если бы только услышалъ ее. Она хорошо знала Поля и знала, что онъ не способенъ къ злопамятству.

Между тѣмъ время шло и она чувствовала себя все хуже и хуже. Очевидно, она простудилась и схватила сильную инфлуэнцу. Иначе нельзя было объяснить ея лихорадочнаго состоянія и необычайной слабости. Она разсчитала, что Онора въ понедѣльникъ навѣрное пріѣдетъ къ ней, замѣтивъ ея отсутствіе въ школѣ и догадавшись, что съ ней случилось что-нибудь неладное. Но до понедѣльника вечера, послѣ окончанія занятій въ школѣ, не было никакой надежды на ея пріѣздъ. А долго ли еще осталось до этого? Люцилла совершенно утратила сознаніе времени и не знала, долго ли она лежала такъ въ одиночествѣ.

Потомъ ей вдругъ пришло въ голову, что, можетъ быть, Онора не сразу обезпокоится ея отсутствіемъ; можетъ быть, она рѣшитъ подождать до слѣдующаго дня, или написать ей письмо, на которое она не въ состояніи будетъ отвѣтить, и такъ пройдетъ еще день.

Эта мысль показалась ей такой ужасной, что здѣсь нить ея размышленій опять порвалась. У нея начался бредъ, за которымъ послѣдовала полная потеря сознанія. Часы шли, и она лежала совершенно неподвижно. Наконецъ, она очнулась. Въ комнатѣ было тихо, какъ въ могилѣ, и такъ же темно. Сначала она подумала, что настала ночь; потомъ у нея явилось сознаніе, что тишина и мракъ—въ ней самой. Сдѣлавъ усиліе, она пріоткрыла рѣсницы и увидѣла, что кругомъ также темно и тихо.

— Это смерть!—сказала она себѣ.—Я ничего не вижу и не слышу. Зрѣніе и слухъ уже исчезли. Скоро исчезнетъ и сознаніе.

Но сознаніе еще не покидало ее и къ ней на время вернулась способность разсуждать.

«Я умру,—думала она,—и, пожалуй, для меня теперь лучше всего умереть. Видитъ Богъ, что я всегда была искренняя; но я не понимала условій нашего времени. Лучшій исходъ для меня—смерть. Если бы я осталась жить, я бы, все равно, погибла.

Между тѣмъ наступилъ понедѣльникъ и Онора, встревоженная ея отсутствіемъ и еще болѣе приходомъ Литтльтона съ его неожиданными вѣстями, поспѣшила къ Люциллѣ, но пришла уже слишкомъ поздно.

Въ понедѣльникъ, утромъ, Люцилла въ послѣдній разъ пришла въ себя и увидѣла, что въ комнатѣ опять свѣтло. Ей страстно хотѣлось повернуться къ окну и посмотрѣть въ послѣдній разъ на клочекъ сѣраго лондонскаго неба, но такое движеніе превышало ея силы. Тогда она стала пристально всматриваться въ дверь, находящуюся какъ разъ противъ ея кровати. Неужели эта дверь не отворится? Вотъ она уже немного пріотворяется. Передъ глазами у нея стоялъ туманъ и она не могла хорошенько разглядѣть, что тамъ дѣлалось. Но она чувствовала, что все кругомъ нея мѣняется, чувствовала около себя присутствіе друга. Всѣ ея страданія и слабость разомъ исчезли. Можетъ быть, все это былъ только сонъ. Тяжесть спала съ ея души и въ ней воцарилось глубокое успокоеніе. Она чувствовала себя совсѣмъ здоровой, кошмаръ, угнетавшій ее въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, прошелъ.

Она вспомнила, что туфли ея стоятъ около постели, ей стоитъ только протянуть руку, чтобы взять ихъ. Ей хотѣлось надѣть ихъ, сбѣжать внизъ и самой снести Полю письмо. Эта мысль была у нея послѣднимъ проблескомъ сознанія. Больше она уже не приходила въ себя.

Глава XXI.

Снѣгъ густымъ слоемъ покрывалъ садъ стараго ректорскаго дома и облѣплялъ собою деревья и оконные выступы.

Онора стояла у окна въ своей прежней комнатѣ и задумчиво смотрѣла въ садъ. Послѣ долгаго пребыванія въ Лондонѣ, этотъ широкій просторъ покрытой снѣгомъ земли и сѣраго зимняго неба, покрытаго тяжелыми облаками, эта тишина кругомъ вызывала въ ея душѣ чувство безпомощности и одиночества. Она была въ траурѣ и лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго, а въ глазахъ появилось выраженіе глубокой грусти, которое дѣлало ихъ несравненно прекраснѣе, чѣмъ они были раньше. Каждое утро, когда

она просыпалась, то первою мыслью ея было, что Люциллы уже нѣтъ на свѣтѣ.

Это были первые каникулы, которые Онора проводила дома послѣ ея отъѣзда въ Лондонъ. Когда первый, острый періодъ горя прошелъ, Лесли привезъ ее сюда, и тотчасъ же уѣхалъ, не желая присутствовать при свиданіи отца съ дочерью. Она пріѣхала въ ректоратъ поздно вечеромъ и въ первую же минуту, когда передъ нею открылись двери отчаго дома, могла убѣдиться въ происшедшихъ тамъ за ея отсутствіе перемѣнахъ. Когда она въ прежнія времена возвращалась домой, передняя всегда была ярко освѣщена и изъ дверей виднѣлась цѣлая анфилада также ярко освѣщенныхъ комнатъ. Нѣсколько человѣкъ прислуги встрѣчали ее въ передней. Теперь же на порогѣ стоялъ только ея отецъ. Лицо его дышало искренней радостью, но Онору съ перваго взгляда поразило обветшаніе его костюма. Передняя, очевидно, изъ экономическихъ соображеній, освѣщалась одной маленькой керосиновой лампочкой. Всѣ комнаты были темныя, и только изъ полуотворенной двери кабинета виднѣлась слабая полоска свѣта.

Въ тотъ моментъ, когда отецъ ввелъ ее къ себѣ въ кабинетъ, Онора готова была бы отдать все на свѣтѣ, чтобы скрыть отъ него свою нарядную мѣховую шубку и предстать передъ нимъ въ самомъ простомъ и поношенномъ изъ своихъ платьевъ.

Слѣдующій день принесъ съ собою совершенно такія же впечатлѣнія. На весь домъ и садъ полагалась только одна прислуга—здоровая деревенская дѣвушка, которая завѣдывала хозяйствомъ ректора и прибирала его комнаты. Заботиться объ его одеждѣ не входило въ кругъ ея обязанностей. Онора къ ужасу своему замѣтила, что ботинки его, за неимѣніемъ чернаго шнурка, завязываются простою веревкою.

«Это мой отецъ,—думала она, невольно обращая взглядъ на свое модное, красиво сшитое платье,—и онъ одѣтъ, какъ нищій, между тѣмъ какъ я хожу въ новомъ платьѣ.

Въ это утро она вышла изъ своей холодной спальни и отправилась искать единственную, обитаемую комнату, въ которой былъ накрытъ чай. Со времени своего пріѣзда она постоянно старалась доставлять отцу, безъ его вѣдома, разныя маленькія роскоши. Когда она вошла въ комнату онъ стоялъ у камина и распечатывалъ какое-то письмо. Онора незамѣтно подкралась къ нему, овладѣла его рукою и принялась обрѣзывать бахрому, свисавшую съ рукава его рубашки.

— Онора, filia mea,—сказалъ старикъ,—ты вернулась ко мнѣ, чтобы дать мнѣ почувствовать всю прелесть дочерней любви и заботливости.

Давайте-ка другой рукавъ, папа. Вотъ такъ. Боже мой, здѣ нигдѣ нѣтъ пуговицъ!

екторъ повиновался и съ любящимъ удивленіемъ смотрѣлъ ньловкіе бѣлые пальчики Оноры, распоряжавшіеся надъ его равами. Онора въ такихъ случаяхъ всегда съ трудомъ сдерживала слезы.

— Онъ пріѣзжаетъ завтра, Онора,—проговорилъ м-ръ Кэмбаль.

— Лесли? О, я знаю,—отвѣчала она разсѣянно.—Обѣщайте мнѣ одну вещь.

— Въ чемъ дѣло, дорогая?—спросилъ ректоръ, съ легкимъ страхомъ въ голосѣ.

— Что вы съѣдите яичницу, которую я сейчасъ вамъ приготовлю? Одного какао вамъ мало къ завтраку.

Яичница, приготовленная Онорой, оказалась необыкновенно вкусной. Молодая дѣвушка напрактиковалась въ Лондонѣ въ кулинарномъ искусствѣ. Щеки ея разгорѣлись отъ плиты и отъ борьбы съ кухаркой, которая была недовольна вторженіемъ чуждаго элемента въ ея сферу. Ректоръ въ молчаніи ѣлъ приготовленную для него яичницу и съ любовью посматривалъ на дочь. Ему казалось страннымъ и непривычнымъ, что эта красивая, цвѣтущая дѣвушка, жизнь которой почти ничѣмъ не была связана съ его жизнью, заботилась о немъ, окружала его своими попеченіями. Взглядъ его прояснялся каждый разъ, когда онъ смотрѣлъ на нее.

Онора, съ своей стороны, тоже рада была вернуться къ нему. То, что раньше отталкивало ее, казалось ей теперь привлекательнымъ. Атмосфера чистоты и святости, окружавшая старика, доставляла ей ни съ чѣмъ несравнимое утѣшеніе въ ея горѣ. Она посвящала большую часть времени заботамъ объ отцѣ, стараясь всевозможными хитростями побороть его аскетическія привычки. Ректоръ въ большинствѣ случаевъ уступалъ ей, какъ иногда уступаютъ ребенку то, чего не уступятъ равному. Но иногда онъ пробовалъ протестовать.

— Дитя мое, ты, невѣрно, понимаешь нѣкоторыя вещи—говорилъ онъ.—Мое самоотреченіе, какъ ты его называешь, является не только средствомъ искупленія прежнихъ грѣховъ, но оно также поддерживаетъ мой духъ на извѣстной высотѣ и представляетъ смиренное усиліе слѣдовать по стопамъ Господа, которому негдѣ было преклонить голову.

Но противостоять голоду было легче, чѣмъ прелестному личику дочери, смотрѣвшей на него умоляющими глазами, и въ концѣ концовъ ректоръ уступалъ.

Однажды, вечеромъ, Онора, усѣвшись у ногъ отца, разсзала ему все, что она знала изъ исторіи Люциллы. При этомъ с не могла удержаться отъ слезъ. Ректоръ положилъ ей на голову ку.

— Ты любила эту странную дѣвушку, Онора?—спросилъ ъ.

— Очень, дорогой отецъ, очень любила.

— Не думай, filia mea, что жизнь ея прошла безплодно. Я г… боко тронутъ этимъ стремленіемъ молодого, неопытнаго сущест. облегчить страданія міра. Она добровольно разсталась съ сокро вищами на землѣ и приготовила себѣ сокровище на небѣ. Мы не должны сожалѣть объ ея смерти, Онора. Она отдала свою жизнь. Что же больше можетъ отдать человѣкъ? Не забывай, Онора, что Тотъ, кто вложилъ въ душу этой дѣвушки такое страстное стремленіе къ добру, дастъ ей покой и счастіе въ вѣчной жизни.

Онора благоговѣйно поднесла къ губамъ старческую руку отца и поцѣловала ее. Взгляды ихъ по прежнему расходились, но любовь смягчила ея отношеніе къ этимъ разногласіямъ. Она теперь иначе понимала его слова и придавала имъ другое значеніе.

— Есть еще одна вещь, о которой я хотѣла бы поговорить съ вами,—начала она смущенно.

— Открой свое сердце человѣку, который любитъ тебя, дочь моя.

— Дѣло вотъ въ чемъ: я знаю, что вы не тратите тѣхъ 150 фунтовъ, которые остались послѣ моей матери. Я теперь богата: я получаю въ годъ гораздо болѣе 150 ф.,—гораздо болѣе, чѣмъ мнѣ нужно. А съ тѣхъ поръ, какъ я узнала Люциллу, я стала совсѣмъ иначе относиться ко всякой роскоши. Но вы уже слишкомъ суровы къ себѣ, вы лишаете себя необходимаго. Пожалуйста, дорогой отецъ, тратьте эти деньги для меня, иначе я не буду спокойна. — Она положила голову къ нему на колѣни и продолжала умоляюще:—если вы мнѣ этого не обѣщаете, я никогда не надѣну своей мѣховой накидки, а мнѣ очень холодно.

Ректоръ любовно погладилъ ее по волосамъ.

— Надѣнь свою накидку, filia pretiosa. Боже сохрани, чтобы ты страдала отъ холода. А служеніе Господу даетъ миръ моей душѣ.

Въ голосѣ его не слышалось ни малѣйшаго колебанія.

— Мнѣ кажется, — сказала Онора еще болѣе робко, — что еслибъ мама знала, она пожелала бы, чтобы было по моему.

Ректоръ не отвѣчалъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, но потомъ проговорилъ рѣшительно:

— Если бы я это думалъ, то я бы уступилъ. Но ты ошибаешься. Она раньше меня вступила на этотъ путь. Дорогая моя,

не заботься обо мнѣ. Я чувствую себя очень хорошо и знаю, что благословеніе Божіе на мнѣ.

Онора поняла, что настаивать дальше было бы безполезно. Она сидѣла молча и смотрѣла на тлѣющіе уголья. И вдругъ ей пришла въ голову новая мысль. Она взяла руку отца въ свои и подняла на него глаза.

— Тогда обѣщайте мнѣ другое,—сказала она живо.

Онъ съ улыбкой взглянулъ на нее.

— Что, дорогая моя?—спросилъ онъ.

— Деньги эти нѣсколько лѣтъ накоплялись, и, кромѣ того, есть вѣдь еще и капиталъ. Возьмите все это, отецъ, и употребите на то же дѣло, куда вы тратите и свои деньги. Я не трону этихъ денегъ ради Люциллы. Я никогда хорошенько не понимала ее, но мнѣ кажется—я даже увѣрена, что она одобрила бы такой поступокъ. Возьмите эти деньги, отецъ.

Ректоръ откинулся на спинку кресла и ничего не отвѣчалъ. Невозможно было отказаться отъ предложенія Оноры, а между тѣмъ чувство справедливости не позволяло соглашаться на него. То, что было церковной собственностью, должно было идти на церковныя нужды. Но эти деньги не имѣли никакого отношенія къ церкви, и та дѣвушка, въ память которой Онора хотѣла пожертвовать ихъ, навѣрное пожелала бы сдѣлать изъ нихъ другое употребленіе. Въ концѣ концовъ они рѣшили, что состояніе матери Оноры будетъ передано черезъ Литтльтона тому человѣку, къ которому были обращены послѣднія предсмертныя слова Люциллы, и онъ употребитъ ихъ на какое-нибудь общественное дѣло.

. . . .

На этотъ разъ Лесли пріѣхалъ надолго.

Однажды днемъ, вскорѣ послѣ его пріѣзда, погода прояснилась и голубое небо выглянуло изъ-за тяжелой облачной пелены. Лесли отправился осматривать общинныя владѣнія деревни. Хотя домъ ректора обветшалъ, зато церковь имѣла цвѣтущій видъ. Зданіе церкви было обновлено и расширено; теперь оно свободно могло вмѣщать въ себя массу простого люда, стекавшагося со всѣхъ сторонъ слушать проповѣдника, у котораго горячее, убѣжденное слово вполнѣ согласовалось съ его жизнью. Органъ былъ новый и гораздо лучше прежняго. Ректоръ стремился къ тому, чтобы согласовать внѣшнюю красоту и торжественность богослуженія съ глубокимъ внутреннимъ смысломъ церковной службы. Двери церкви всегда были открыты для всѣхъ; каждый день, въ удобный для крестьянъ часъ, тамъ игралъ органъ, а подъ вечеръ происходила краткая служба. Школы также были расши-

рены и увеличены въ числѣ; кромѣ того, недавно была открыта читальня.

Онора съ удивленіемъ смотрѣла на всѣ эти преобразованія, произведенныя въ такое короткое время, и поражалась широтой идей отца и успѣшностью ихъ примѣненія.

Лесли отправился бродить среди холмовъ. Ему нужно было уединиться, чтобы собраться съ мыслями и обдумать свое рѣшеніе.

Онора у себя дома была новой дѣвушкой, измѣненной лондонской жизнью, но ему она опять напоминала прежнюю. Рядомъ съ ея цвѣтущею молодостью выдѣлялась старческая фигура ректора, жизнь котораго медленно угасала въ атмосферѣ подвижничества, которое онъ наложилъ на себя. Лесли всегда думалъ о немъ съ чувствомъ глубокаго умиленія. Но Онора заслоняла въ его душѣ фигуру ректора: она постоянно была у него передъ глазами. Гуляя теперь по холмамъ, покрытымъ бѣлымъ снѣговымъ покровомъ, онъ видѣлъ передъ собою лицо Оноры, ея жесты, ея улыбку, и не могъ думать ни о чемъ другомъ.

Когда Лесли вернулся, уже начинались сумерки. Лампы еще не были зажжены, потому что изъ экономіи въ ректорскомъ домѣ лампы зажигались поздно. Лесли засталъ Онору въ маленькой гостиной, которая въ дѣтствѣ была ея классной комнатой. Но она тоже никогда не зажигала у себя огня, пока не зажигалась лампа у ея отца. Когда Лесли пришелъ, она сидѣла у камина, съ книжкой на колѣняхъ, погруженная въ раздумье.

Вокругъ нея на полкахъ стояли учебныя книги. Нѣкоторыя изъ нихъ лежали передъ нею на столѣ, вмѣстѣ съ тетрадками, въ которыхъ она дѣлала выписки.

Онора взглянула на него съ улыбкой. Лесли сѣлъ противъ нея, довольный тепломъ и уютностью этой полутемной комнаты.

— Я уѣзжаю сегодня съ ночнымъ поѣздомъ,—сказалъ онъ— и отослалъ уже свои вещи на станцію.

— Теперь нѣтъ экипажа, чтобы отвезти васъ, — сказала Онора, улыбаясь.

— Зато я буду имѣть удовольствіе прогуляться пѣшкомъ подъ звѣзднымъ небомъ.

— Мнѣ жаль, что вы уже уѣзжаете.

— Въ самомъ дѣлѣ? — спросилъ онъ мягко со сдержаннымъ волненіемъ.

— Да, Лесли. Вы непремѣнно должны еще пріѣхать.

Голосъ ея звучалъ ласково. Литтльтонъ смотрѣлъ въ окно, на небо, гдѣ высыпали рои звѣздъ. Ему казалось, что онъ приблизился къ краю пропасти.

— Я скоро тоже вернусь въ Лондонъ, — опять заговорила Онора.—Для меня тамъ теперь такъ многое перемѣнилось. А вы? Что вы теперь будете дѣлать?

— То же, что и раньше. Я получилъ, наконецъ, сегодня письмо отъ Шеридана.

— Что-же онъ вамъ пишетъ?

— Онъ соглашается на вашу просьбу. Онъ пишетъ, что долгое время колебался, потому что не былъ увѣренъ, что въ состояніи распорядиться вашимъ состояніемъ по желанію Люциллы. Но потомъ его убѣдила посмертная записка Люциллы, которую я передалъ ему. Онъ думаетъ, что понимаетъ смыслъ этихъ словъ и считаетъ, что, употребивъ ваши деньги на соціалистическія дѣла, онъ выполнитъ ея посмертную волю, выраженную въ запискѣ. Для него будетъ несказаннымъ облегченіемъ сдѣлать что-нибудь въ память ея.

— Вы понимаете все это?—спросила Онора.

— Не совсѣмъ. Я знаю, что ея смерть глубоко поразила и потрясла Шеридана. Когда я передалъ ему ея посмертную записку, онъ сразу понялъ ее иначе, чѣмъ я.

— Была ли у нихъ какая-нибудь ссора?

— Я убѣжденъ, что обыкновенной ссоры между ними не было. Но, во всякомъ случаѣ, у нихъ были какія-то разногласія, отъ которыхъ они оба очень страдали.

Онора ничего не сказала. Мысли ея были заняты Люциллой. Лесли подошелъ къ окну и смотрѣлъ на засыпанныя снѣгомъ деревья, и на звѣзды, мерцавшія надъ ними.

— Ваша работа удовлетворяетъ васъ, Онора?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Моя работа? — она сразу оживилась, заговоривши объ этомъ.—Да, конечно она меня совершенно удовлетворяетъ. Даже удивительно, до чего я люблю ее. Кромѣ того, мнѣ нравится, что она даетъ мнѣ полную независимость. Я никогда не буду желать никакой перемѣны въ своей судьбѣ и никогда не выйду замужъ.

Онора сама не знала, почему эти слова сорвались у нея съ языка. Въ ту же минуту въ каминѣ вспыхнулъ догорающій огонь и освѣтилъ лицо Лесли, смотрѣвшаго на нее печальными глазами, и сердце у нея упало. Она вдругъ почувствовала, что сказала неправду и что въ жизни есть еще нѣчто, до сихъ поръ бывшее ей чуждымъ.

Оба молчали нѣсколько минутъ.

Лесли заговорилъ первый, твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ.

— Вы правы,—сказалъ онъ.—Вы совершенно правы.

Затѣмъ оба опять замолчали. Часы на каминѣ пробили десять. Лесли поднялся.

— Мнѣ надо идти,—сказалъ онъ.

— Вы надѣнете свой плащъ?—спросила Онора разсѣянно.

— Да,—отвѣчалъ онъ.

Они пожали другъ другу руки и разстались, къ удивленію Оноры, очень спокойно. Когда онъ ушелъ, она стояла у двери и прислушивалась къ его удалявшимся шагамъ. Вотъ они стихли, вотъ хлопнула входная дверь... Онора, сама не зная почему, почувствовала себя такой одинокой и несчастной, что глаза ея наполнились слезами.

— Лесли, вернитесь ко мнѣ! Я такъ одинока!—воскликнула она.

Лесли въ это время шелъ уже по деревнѣ. Проходя мимо церкви, онъ увидѣлъ, что она была ярко освѣщена, изъ оконъ ея неслись звуки органа и пѣніе хора. Тамъ шла вечерняя служба.

Музыка только усилила грустное чувство, которое испытывалъ Лесли. Онъ старался какъ-нибудь успокоиться и увѣрялъ самого себя, что полученная имъ рана не смертельна. Но, дойдя до станціи, онъ почувствовалъ, что не можетъ такъ уѣхать. Онъ испытывалъ непреодолимую потребность еще разъ увидѣть Онору, хоть издали. И, хотя до отхода поѣзда оставалось уже немного времени, онъ повернулъ назадъ и направился къ дому ректора. Онъ шелъ очень быстро среди пустынныхъ бѣлыхъ полей и наконецъ увидѣлъ маленькій огонекъ въ окнахъ ректорскаго дома. Это была маленькая лампа въ комнатѣ Оноры. Подойдя ближе, онъ увидѣлъ въ окнѣ фигуру молодой дѣвушки. Она сидѣла за столомъ, опустивъ голову на руки, и плакала.

Лесли, не помня себя, вбѣжалъ въ домъ, вошелъ въ комнату Оноры и тихонько окликнулъ ее. Она подняла голову и они посмотрѣли другъ другу въ глаза. И въ этотъ моментъ Онора впервые увидала его такимъ, какъ онъ есть, и поняла свое чувство къ нему. Она положила обѣ свои руки ему на плечи. На ея лицѣ появилась новая красота, которой онъ еще не видѣлъ, и эта красота была для него.

— Я чувствую большую потребность въ любви, Лесли,—сказала она, улыбаясь милой, смущенной улыбкой.

КОНЕЦЪ.

ШКОЛА И ШКОЛЬНИКИ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА *).

Новыя изслѣдованія по исторіи французскаго общества въ средніе вѣка неопровержимо доказываютъ, что, по крайней мѣрѣ, съ XII вѣка не только во всѣхъ французскихъ городахъ, но и во множествѣ деревень существовали уже школы, гдѣ дѣтей состоятельныхъ за деньги, а бѣдныхъ и безплатно учили читать, писать и считать съ прибавленіемъ началъ латинской грамматики. Первымъ указалъ на это явленіе Леопольдъ Делиль **). Такимъ образомъ, долго державшееся убѣжденіе, будто средніе вѣка не знали ничего похожаго на народное образованіе въ современномъ значеніи этого понятія, для новыхъ историковъ является, по выраженію Люса ***), «грубой ошибкой». Упоминаніе о школахъ мы встрѣчаемъ нерѣдко даже въ такихъ памятникахъ, гдѣ ихъ всего менѣе можно было бы ждать, но, конечно, едва ли возможно принять безъ существенныхъ оговорокъ мнѣніе почтеннаго аббата Аллэна, автора извѣстной сводной работы по исторіи народной школы ****), что «многія изъ французскихъ провинцій въ средніе вѣка пользовались благодѣяніями народнаго образованія и что начальныя знанія уже тогда были удѣломъ трудящихся классовъ».

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, о какихъ «благодѣя-

*) Книга Н. Сперанскаго «Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ». Съ приложеніемъ автобіографіи Ѳ. Платтера. Москва. 1896. Счастливое сочетаніе основательнаго знакомства съ ученой литературой вопроса (главнымъ образомъ французской), широты историческаго кругозора и дара талантливаго и увлекательнаго изложенія невольно привлекаетъ вниманіе къ книгѣ г. Сперанскаго и вызываетъ желаніе познакомить съ нею возможно обширный кругъ читателей-неспеціалистовъ, но интересующихся все же вопросомъ развитія и движенія европейской цивилизаціи. Такова именно задача настоящаго очерка.

**) Delisle. «Etudes sur la condition de la classea gricole en Normandie».

***) Luce. «Histoire de Dugeusclin».

****) «L'instruction primaire en France avant la Révolution».

ніяхъ» можетъ быть рѣчь и что собственно давала средневѣковая школа «трудящимся классамъ».

Прежде всего, необходимо замѣтить, что деревенская школка въ средніе вѣка несомнѣнно была школой латинской—о преподаваніи въ ней родного населенію языка мы не слышимъ ничего вплоть до XV-го столѣтія. Уже одно это обстоятельство предостерегаетъ отъ проведенія сколько-нибудь полной аналогіи съ нашей народной школой и заставляетъ насъ видѣть въ такой школѣ явленіе совершенно особаго порядка.

Школка эта только буквально выучивала читать и писать, не давая вовсе ученику пониманія того, что онъ читаетъ и пишетъ. С.-Галленскій монахъ, біографъ императора Карла Великаго, давая картину двора этого императора, главнаго очага европейскаго просвѣщенія въ ту эпоху, и описывая заботы Карла о безошибочномъ чтеніи богослужебныхъ книгъ, замѣчаетъ: «И такимъ путемъ онъ добился того, что во дворцѣ всѣ отлично читали, даже и безъ пониманія» *). А съ какимъ слабымъ знаніемъ латинскаго языка выходили иногда ученики даже изъ лучшихъ школъ въ XI вѣкѣ, краснорѣчивымъ примѣромъ можетъ служить, напр., Падерборнскій епископъ Мейнверкъ († 1036): уже въ бытность его епископомъ, Генрихъ II велѣлъ однажды потихоньку подчистить у него въ текстѣ заупокойной обѣдни первый слогъ въ словахъ famulis et famulabus («за рабовъ и рабынь»). Какъ императоръ и ожидалъ, Мейнверкъ этого не замѣтилъ и, служа обѣдню, торжественно пѣлъ: «Pro mulis et mulabus» («за ословъ и ослицъ твоихъ») **).

Въ XII вѣкѣ, т. е. уже въ эпоху зарожденія университетовъ, Абеляръ († 1142) горько жалуется на современныя ему монастырскія школы и на монаховъ, утверждая, что «они до того коснѣютъ въ глупости, что довольствуются звуками и не хотятъ имѣть помышленія объ ихъ пониманіи». И даже на зарѣ уже новаго времени Ѳома Платтеръ ***) говоритъ: «Каждый день можно было видѣть въ школахъ, какъ давалось посвященіе глупымъ бакхантамъ (бродячіе школьники) потому только, что они умѣли немного пѣть, хотя они ничего не понимали по-латыни».

Господствующій порядокъ былъ таковъ: дѣти заучивали съ голоса не только главнѣйшія молитвы, но и весь латинскій псалтырь, такъ что не грамота помогала осиливать его, а, наоборотъ,

*) Iaffé Ph. «Biblioteca rerum Germanicarum 6 v.» Berolini 1864—1873.

**) См. Wattenbach. «Deutschlands Geschichtsquele».

***) «Автобіографія», гл. VI.

псалтырь служилъ преддверіемъ грамоты *). Быть можетъ, однимъ изъ главныхъ побужденій къ созданію и укрѣпленію такого порядка вещей служило то обстоятельство, что многое множество школьниковъ добывало себѣ средства существованія безконечнымъ пѣніемъ надъ могилами состоятельныхъ людей, и по мѣткому выраженію г. Сперанскаго, школьная наука являлась для нихъ своего рода ремесломъ. О какомъ бы то ни было образованіи, въ привычномъ смыслѣ, во всю первую половину среднихъ вѣковъ въ низшей школѣ не было и помина, и, за малыми исключеніями, мы напрасно стали бы искать въ современныхъ явленіяхъ аналогіи этому своеобразному учрежденію. Роль средневѣковой низшей школы въ народной жизни кажется совершенно непонятной, пока мы не составимъ себѣ опредѣленнаго представленія о всей системѣ, созданныхъ католическимъ духовенствомъ, образовательныхъ учрежденій, а для этого необходимо прежде всего выяснить, на какіе запросы общества эта система отвѣчала и какими средствами она разрѣшала поставленныя ей задачи.

Крупную особенность среднихъ вѣковъ, какъ извѣстной стадіи развитія западно-европейскихъ народовъ, составляетъ глубокое несоотвѣтствіе внутренняго содержанія жизни съ ея внѣшними формами. Сперанскій справедливо замѣчаетъ, что средневѣковой человѣкъ съ замѣчательнымъ постоянствомъ говоритъ одно, а дѣлаетъ другое. «Онъ твердитъ объ отреченіи отъ міра, и жадно бросается въ пучину житейскихъ волненій и наслажденій; онъ прославляетъ бѣдность, онъ ставитъ нищенствующаго монаха выше ангела и создаетъ всемірный рынокъ; онъ проповѣдуетъ презрѣніе къ наукѣ и стремится за ней повсюду, не гнушаясь принимать ее изъ рукъ невѣрныхъ: отъ опаснѣйшаго своего врага, араба, и отъ паріи христіанскаго общества—іудея. Онъ вѣчно занятъ разрушеніемъ и созиданіемъ общественныхъ формъ, оставаясь въ то же время вполнѣ убѣжденнымъ, что всѣ учрежденія даны людямъ свыше, что они не должны и не могутъ мѣняться, что міръ всегда былъ такимъ, какимъ онъ его видитъ, и такимъ останется до Суднаго Дня. И при всемъ этомъ онъ—сама искренность. Онъ глубокій язычникъ, но считаетъ самъ себя вѣрнѣйшимъ сыномъ христіанской церкви и за славу ея имени не щадитъ своей жизни». Задача изслѣдователя этой эпохи чрезвычайно усложняется, благодаря этой двойственности и тому обаянію искренности, какимъ дышатъ объясненія самими средневѣковыми дѣятелями своихъ поступковъ и дѣйствительныхъ побужденій.

*) Ср. Specht. «Geschichte des Unterrichtswesen».

Пр. Паульсенъ *), въ главнѣйшемъ изъ своихъ превосходныхъ трудовъ по исторіи европейскаго образованія, сравниваетъ средніе вѣка съ молодымъ человѣкомъ, «который является передъ нами переряженнымъ въ стариковское платье». По его словамъ, молодые германскіе народы переняли у «состарившейся и ставшей набожной древности», вмѣстѣ съ элементами культуры, также и формы своего міросозерцанія, не чувствуя несоотвѣтствія этихъ формъ съ ихъ юношескимъ возрастомъ: «какъ не чувствуетъ его сейчасъ ребенокъ, которому въ школѣ преподаютъ ученіе о грѣхопаденіи и искупленіи». Съ другой стороны, необходимо имѣть въ виду и обратное дѣйствіе,—вліяніе старыхъ, заимствованныхъ формъ на молодое, самобытное содержаніе средневѣковой жизни.

Обычное, ставшее избитымъ общимъ мѣстомъ, представленіе объ общественныхъ силахъ, создавшихъ средневѣковую школу, не считается съ указанной выше двойственностью и, говоря о спасеніи образованія католицизмомъ, вноситъ въ этотъ вопросъ путаницу понятій, такъ какъ оно позволяетъ видѣть въ средневѣковыхъ школахъ и университетахъ произведеніе тѣхъ же силъ, которыми въ наше время создаются духовныя семинаріи, академіи и богословскіе факультеты. Но нужно замѣтить прежде всего, что положеніе служителей религіи въ средневѣковомъ католицизмѣ было настолько же запутаннымъ, насколько представляется путаной и самая эта религія, являющаяся механической смѣсью грубаго политеизма германцевъ, т. е. религіи, имѣвшей цѣлью «измѣненіе въ расположеніи духа боговъ» **), и встрѣченнаго варварами въ Римской Имперіи христіанства, т. е. религіи, имѣвшей цѣлью преобразованіе человѣческой души».

Средневѣковое духовенство было, конечно, произведеніемъ средневѣкового общества, и на его характерѣ эта смѣсь двухъ фазисовъ религіознаго развитія сказалась весьма рѣзко. Взглядъ на средневѣковое духовенство, какъ на какой-то обособленный классъ, стоящій по своему развитію неизмѣримо выше окружавшаго его общества и основывающій свое притязаніе на первенствующее положеніе на своемъ умственномъ и нравственномъ превосходствѣ, на превосходствѣ своего образованія, сложился въ науку еще въ то время, когда считали возможнымъ возстановлять картину средневѣковой жизни по памятникамъ, въ родѣ католическихъ законодательныхъ сборниковъ, Summa theologica и т. п., упуская изъ виду, что законодательство и теоріи нерѣдко отражаютъ въ себѣ

*) Paulsen «Geschichte des gelehrten Unterrichts», S. 6.

**) См. характеристику религіозныхъ системъ у «Sabatier S. François d'Assise» Introduction, p. XIV.

не реальную дѣйствительность, а только «благія пожеланія» законодателей и мыслителей. Позднѣйшая разработка подлинныхъ бытовыхъ матеріаловъ доказала несостоятельность этого взгляда.

Начать съ того, что духовенство, являясь отдѣльнымъ сословіямъ (Stand, Etat), никогда не было замкнутымъ классомъ: рано установившееся безбрачіе духовныхъ лицъ сдѣлало неизбѣжнымъ пополненіе ихъ рядовъ изъ другихъ сословій-классовъ. Порядокъ такого пополненія, лишь по наружности, напоминалъ порядки прежней христіанской церкви, т. е. оно должно было совершаться путемъ свободнаго соглашенія между отдѣльной общиной и членами іерархіи. Фактически же, владѣльцы феодальныхъ замковъ, къ которымъ жались христіанскія общины беззащитныхъ и безправныхъ вилллановъ, оказывались полными хозяевами во всѣхъ дѣлахъ приходовъ и епископствъ *). Высшія духовныя должности вплоть до папскаго престола замѣщались также по усмотрѣнію свѣтскихъ сеньеровъ, такъ что даже право духовныхъ властей отказать представленному «патрономъ» кандидату въ посвященіи не мѣшало владѣтельной паствѣ создавать для себя пастырей «по образу своему и по подобію». Такимъ путемъ духовенство скоро стало глубоко отражать въ себѣ классовыя дѣленія общества: пастырь мужицкихъ душъ обыкновенно и самъ изъ крестьянскихъ дѣтей, его духовный начальникъ—въ большинствѣ случаевъ дворянинъ и живетъ по дворянски. При этомъ существенныя податныя и судебныя привилегіи все же отличаютъ нѣсколько сельскаго кюре и викарія отъ простого мужика, а множество канониковъ и епископовъ уже до неузнаваемости почти похожи на обыкновенныхъ феодаловъ.

Что же касается «образованія», якобы рѣзко отличавшаго духовенство отъ другихъ классовъ, то памятники въ родѣ Синодики, извѣстнаго веронскаго епископа Ратерія, (около половины X вѣка) доказываютъ, что требованія, предъявлявшіяся къ служителямъ алтаря, немногимъ превышали требованія католической церкви отъ всѣхъ ея членовъ: «Молитвы за обѣдней,—пишетъ Ратерій,—надо хорошо понимать, а кто не можетъ, тотъ, по крайней мѣрѣ, долженъ знать на память и отчетливо выговаривать»; другія требованія, или, скорѣе, пожеланія епископа, жившаго въ просвѣщенной, сравнительно, Италіи, въ такомъ же родѣ, и конечное отличіе

*) О значеніи права «патроната» въ исторіи католической церкви см. краснорѣчивыя страницы у Imbart de la Tour «De ecclesiis rusticanis aetate carolingica». Ср. его же «Les elections épiscopales dans l'Eglise de France du IX au XII-e siècle».

духовенства сводится къ умѣнью механически читать по латыни, да къ знанію порядка церковныхъ службъ и праздниковъ.

По образному выраженію г. Сперанскаго, «подъ облаченіемъ католическаго священника мы безъ труда различаемъ знакомый намъ образъ языческаго жреца, пѣвца заклинаній». Въ результатѣ такого порядка вещей катехизація и проповѣдь почти умолкаютъ, исповѣдь изъ «врачеванія больной совѣсти» обращается въ полицейское дознаніе по книгамъ, въ которыхъ иной разъ ни духовникъ, ни исповѣдывающійся ровно ничего не понимаютъ; отъ молитвъ и обрядовъ, съ утратой пониманія латинскаго языка, остаются только безсмысленныя движенія и пустые звуки.

Но, при всемъ томъ, положеніе духовенства, обратившагося изъ духовныхъ наставниковъ въ служителей суевѣрія, не похоже на положеніе жрецовъ у индоевропейскихъ язычниковъ. Сохраняя въ цѣлости свою старую могучую правительственную организацію, пользуясь по прежнему всей той долей власти, какую свѣтскіе государи нѣкогда уступили его христіанскимъ предшественникамъ, католическое духовенство все же воздѣйствовало на жизнь и общество, поскольку простое предписаніе извѣстныхъ дѣйствій и запрещеніе другихъ, могутъ имѣть воспитательное значеніе. Въ кодексѣ, полученномъ средними вѣками отъ христіанства, на ряду съ непреложными началами евангельской нравственности, вписаны были и предписанія Моисеева закона, и преданія восточнаго монашества, и принятыя церковью подъ охрану нѣкоторыя постановленія римскаго права. Духовные вожди каждой средневѣковой эпохи, всегда стремившіеся довести свою паству до возможно полнаго подчиненія правиламъ и предписаніямъ этого кодекса, вычитывали изъ него, подъ вліяніемъ интересовъ и страстей своего времени то тѣ, то другія главы, не очень заботясь о связи ихъ съ цѣлымъ, свободно приспособляя христіанскіе завѣты къ ходу развитія молодыхъ германскихъ племенъ. Чаще всего и правильнѣе всего вычитывали они какъ разъ то, что всего дальше было отъ религіи. Римское государственное устройство было этимъ правителямъ понятнѣе евангельской проповѣди царства Божія, и главной заслугой ихъ было именно проведеніе римскихъ принциповъ въ германскую жизнь: борьба съ частными войнами, упорядоченіе судопроизводства, охрана формъ римской семьи и т. д. Основная же заповѣдь Евангелія: «возлюби ближняго, какъ самого себя» цѣлые вѣка не находитъ себѣ отклика ни въ сердцахъ пастырей, ни въ сердцахъ паствы. Католицизмъ, покорившихъ римскую имперію германцевъ, представлялъ скорѣе всего новую религію, не нашедшую для себя новыхъ формъ, и если отъ ея служителей не тре-

бовалось прежнихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, то взамѣнъ этого съ нихъ спрашиваются такія знанія и навыки, о которыхъ не было и помышленія у истинныхъ поборниковъ Христовыхъ заповѣдей. При глубокомъ мракѣ невѣжества, въ который погрузилась Западная Европа послѣ завоеванія ея варварами, спасеніе даже однѣхъ внѣшнихъ формъ христіанской религіи было нелегкой общественной задачей, а спасти ихъ было необходимо уже потому, что волна «великаго переселенія народовъ, перенесшая рядъ молодыхъ германскихъ племенъ въ совершенно новыя условія жизни, смыла все ихъ прошлое, нанесла жестокій ударъ ихъ первобытному консерватизму и унесла съ собой и древнюю ихъ религію, этотъ послѣдній оплотъ «принциповъ традиціи и авторитета», т. е. тѣмъ принциповъ, какими держится всякое первобытное общество. Лишенные возможности подражать старому, варвары неудержимо обращаются къ подражанію новому и видятъ себѣ одно спасеніе—какъ можно скорѣе стать похожими на римлянъ, а для достиженія этой цѣли имъ необходимо было стать членами христіанской церкви. Они и дѣлаются сразу горячими ревнителями не только христіанства, но и всѣхъ формъ и обрядовъ принявшей ихъ въ свое лоно христіанской церкви, такъ какъ различіе между этими двумя вещами для нихъ не только не ясно, но, можно сказать, прямо-таки не существуетъ. Разсказъ Григорія Турскаго *) о современномъ ему галльскомъ отшельникѣ Госпиціи прекрасно характеризуетъ въ этомъ отношеніи психологію тогдашнихъ людей. Этотъ Госпицій, желая сравняться въ святости съ египетскими отшельниками, считалъ необходимѣмъ ѣсть тѣ же самыя травы, что и они. Этихъ травъ не нашлось въ Галліи: ихъ нарочно привозили для него его почитатели, провансальскіе купцы, изъ Египта.

Естественно поэтому, что новобращенный германецъ требовалъ отъ богослуженія не только тѣхъ же молитвъ, а даже тѣхъ же звуковъ молитвъ; да и сбереженіе стараго сложнаго церковно-правительственнаго зданія, въ основу котораго былъ положенъ весь богатый административный опытъ Римской имперіи, было возможно только подъ условіемъ сохраненія и прежняго церковно-правительственнаго языка. Знаніе этого языка, или, по крайней мѣрѣ, умѣнье воспроизводить на немъ механически звуки молитвословій, играло въ подборѣ пастырей новой церкви роль, пожалуй, болѣе существенную, чѣмъ святость жизни и другія, болѣе высокія требованія.

---

*) Сперанскій, стр. 64.

Подъ такимъ-то духовнымъ руководствомъ новообращенные варвары дошли почти до полнаго забвенія Единаго Бога и Евангелія. Но, забывъ Бога, они не допустили забвенія церковнаго языка, забывъ Евангеліе, не дали погибнуть латинской грамматикѣ, и, извративши начала подбора духовныхъ пастырей, сохранили все же тѣ обломки юридическихъ знаній, которыя дѣлали возможнымъ существованіе особаго класса пастырей. Этимъ, въ сущности, и исчерпываются заслуги католичества въ дѣлѣ образованія: спасаясь отъ распаденія и стремясь остаться, хотя бы по внѣшности, похожей на римскую церковь, католическая церковь вынуждена была спасать съ собой и другое наслѣдіе древняго міра—школу.

Но «не сбираютъ съ терновника винограда», и уродливая церковь могла породить лишь уродливую школу. Господствующее до сихъ поръ мнѣніе видитъ *) въ «богословіи» основу всѣхъ научныхъ занятій въ средніе вѣка. Сами средневѣковые писатели единодушно утверждаютъ, что изученіе священнаго писанія одно придаетъ смыслъ всѣмъ прочимъ наукамъ. Извѣстный кардиналъ Іаковъ изъ Витріака, напримѣръ, прямо говоритъ: «Всѣ науки должны восходить ко Христу», и поясняетъ свою мысль такъ: «Добрая наука геометрія, такъ какъ она учитъ насъ измѣрять землю, куда отойдетъ наше тѣло; добрая наука и ариѳметика, или искусство считать, такъ какъ съ помощью ея мы можемъ убѣдиться въ ничтожномъ числѣ нашихъ дней»... «добрая наука астрономія, такъ какъ небесныя свѣтила блещутъ передъ лицомъ Создателя».

Однако, ближайшее знакомство съ общимъ уровнемъ образованія духовенства, т. е. того сословія, которымъ и ради котораго поддерживались школы, безпристрастное разсмотрѣніе программъ этихъ школъ и затѣмъ того, что скрывалось подъ громкимъ заглавіемъ: «Septem artes liberales» (семи свободныхъ искусствъ), убѣждаетъ насъ, что по выраженію Сперанскаго, «богословіе было вовсе не фундаментомъ школьнаго зданія, а не болѣе, какъ развѣвавшимся на его вершинѣ флагомъ».

Каково было образованіе массы духовенства, мы уже указывали выше; а вотъ и программа соотвѣтствующей школы, за предѣлы которой не выступало подавляющее большинство «образованныхъ» людей почти до XVI столѣтія, мы находимъ ее въ законахъ Карла Великаго: «При каждомъ монастырѣ и въ каждомъ епископствѣ должна быть школа, гдѣ мальчики должны учиться

*) Ср., напр., Guizot. «Histoire de la civilisation en France» II, 5.

псалмамъ, буквамъ, пѣнію, святцамъ, пасхаліи и грамматикѣ». Посмотримъ же, что такое изображаютъ «семь свободныхъ искусствъ», но предварительно замѣтимъ, что хотя школы съ этой программой выпускали только клириковъ, однако, далеко не всѣ клирики чрезъ нихъ проходили, и большинство ограничивалось школой, такъ сказать, первоначальной, съ другой стороны, ступенями одной лѣстницы премудрости (septemplex sapientia) эти науки, или, вѣрнѣе, обрывки прикладныхъ знаній, могли представляться только умозрѣнію Алкуина, Рабана Мавра и т. д. На дѣлѣ же онѣ не представляли никакой системы, часто преподавались порознь и имѣли лишь одно прямое назначеніе—обезпечить извѣстный кадръ профессіональнаго духовенства, способнаго сохранять для общества внѣшнія формы христіанской религіи.

Первую половину этой знаменитой лѣстницы, такъ называемой trivium, составляли грамматика, реторика и діалектика. Названія эти знакомы и современному читателю, но, конечно, уже не въ ихъ тогдашнемъ значеніи и объемѣ представляемъ мы себѣ обыкновенно эти науки. Грамматика преподавалась и въ низшей школѣ, гдѣ подъ этимъ именемъ разумѣлось изученіе элементарнаго учебника Доната *); здѣсь же, т. е. въ кругу свободныхъ наукъ, терминъ этотъ обнималъ собою полный курсъ латинскаго языка съ чтеніемъ авторовъ, съ упражненіями въ стилистикѣ и съ писаніемъ латинскихъ виршей (dictamen metricum). Ловкость и навыкъ въ этомъ послѣднемъ занятіи, казалось бы совершенно безполезны для разумѣнія священнаго писанія, служили даже въ первую половину среднихъ вѣковъ главнымъ мѣриломъ для оцѣнки дарованій учениковъ. Латинскому языку, вопреки увѣщаніямъ и примѣрамъ многихъ теоретиковъ педагогіи, обучали не на самомъ Писаніи, а на древнихъ языческихъ авторахъ: за нихъ стоялъ авторитетъ блаженнаго Августина, писавшаго, правда въ V вѣкѣ о школахъ для римскихъ дѣтей, и всесильная традиція, выразившаяся въ краткомъ постановленіи одного собора VIII вѣка: «Школы надо держать по римскому преданію». Зато богословіе вторгается въ самую глубь грамматики: при глаголѣ sum, напримѣръ, ученикамъ разъясняется таинственный смыслъ трехъ буквъ этого слова и трехъ палочекъ въ послѣдней изъ нихъ, въ качествѣ символа св. Троицы **), а въ эклогахъ Виргилія пытались указывать прообразы событій христіанской исторіи. Но слова Августина о необходимости развивать дѣтскій разумъ на свѣтскихъ авторахъ

*) Элій Донатъ, римскій грамматикъ половины IV-го вѣка по Р. Х.

**) Это любопытное толкованіе приведено у Сперанскаго въ видѣ выписки изъ распространеннаго руководства «Es tu scolaris», на стр. 108.

повторяются только по привычкѣ: выборъ чтенія не мѣняется главнымъ образомъ потому, что смыслъ читаемаго безразличенъ какъ для учителей такъ и для учениковъ, цѣлью работы, по словамъ Шпехта, было лишь возможно скорое усвоеніе внѣшней формы и пріобрѣтеніе запаса латинскихъ словъ. Грамматическій классъ долженъ былъ снабжать церковь людьми, говорящими и пишущими по латыни и никому не было дѣла до того, что ученики выходятъ изъ школы только со знаніемъ однихъ языческихъ поэтовъ, не имѣя въ большинствѣ случаевъ ни времени ни охоты знакомиться съ Отцами Церкви, и прилагая нерѣдко свои познанія не къ изученію богословія, а къ писанію тяжебныхъ актовъ и т. п.

Для чего же внесена въ программу trivium'а вторая наука — реторика? Обычное объясненіе таково: правила ораторскаго искусства необходимы для духовнаго краснорѣчія. Но этому объясненію противорѣчитъ тотъ фактъ, что, чуть ли не съ основанія германскихъ государствъ и до эпохи крестовыхъ походовъ, средніе вѣка почти не знаютъ этого высокаго искусства, и духовные пастыри довольствуются чтеніемъ старыхъ «гомилій». Дѣло же заключается въ томъ, что подъ именемъ реторики преподавалось по большей части другое искусство, привившееся къ ней и заимствовавшее отъ нея свои пріемы, т. е. искусство составлять письма, грамоты и вообще акты дѣлового и правоваго характера. Тотъ же Шпехтъ, на основаніи положительныхъ свидѣтельствъ, допускаетъ, что въ нѣкоторые періоды все преподаваніе реторики сводилось къ упражненію въ письмоводствѣ (dictamen prosaicum) и къ чтенію законовъ.

Дѣйствительно образовательный характеръ сохранила изъ всѣхъ семи свободныхъ наукъ только третья—«діалектика», которую правильнѣе бы было называть съ нашей точки зрѣнія логикой. Она дѣйствительно имѣла въ виду развитіе мыслительной способности учениковъ, тогда какъ другія сообщали имъ только профессіональныя знанія. Но когда Рабанъ Мавръ, напр., сообщаетъ намъ, что эта наука преподаволась будущимъ духовнымъ для того, чтобы они могли «насквозь видѣть всѣ хитросплетенія еретиковъ», то онъ попросту повторяетъ лишь объясненіе, имѣвшее глубокій смыслъ въ эпоху Несторія и Евтихія, но совершенно не подходящее для его времени: цѣлыя столѣтія католическая церковь не вѣдала ересей, погрязши въ грубомъ политеизмѣ, а съ новымъ появленіемъ лжеученій во второй половинѣ среднихъ вѣковъ на борьбу съ ними духовенство вышло не съ духовнымъ оружіемъ изощренной діалектики, а съ простымъ, но весьма энергичнымъ аргументомъ, въ видѣ пылающаго костра. Эта наука,

якобы направленная противъ еретиковъ, на дѣлѣ явилась въ сущности матерью всѣхъ дѣйствительно опасныхъ для церкви ересей: благодаря ей, съ XII вѣка ученые начали болѣе или менѣе самостоятельно мыслить въ области богословскихъ вопросовъ. Въ первую же половину среднихъ вѣковъ діалектика развита еще слабо, въ школѣ не отдѣляется отъ реторики, работаетъ надъ тѣмъ же матеріаломъ и отвѣчаетъ настойчивымъ потребностямъ не богословія, а практической жизни: диспуты, отыскиваніе аргументовъ pro и contra любого положенія развиваютъ юридическое мышленіе, помогаютъ пониманію остатковъ умственнаго творчества прошлыхъ поколѣній. Темы для диспутовъ, правда, берутся отвлеченныя, богослювскія, но и онѣ нерѣдко трактуются совершенно такъ же, какъ статьи законовъ о долговыхъ обязательствахъ: изыскивается, напр., размѣръ долга человѣка Богу съ одной стороны, и размѣры капитала въ знаменитой «сокровищницѣ добрыхъ дѣлъ»—съ другой. Разница между диспутами чисто юридическаго характера и богословскими почти неуловима.

Вторую половину лѣстницы семи наукъ, такъ называемой quadrivium, составляютъ ариѳметика, астрономія (computus), музыка и геометрія. Здѣсь мы опять видимъ знакомыя названія, но примѣняются они далеко не по современному, а теоретическія объясненія присутствія этихъ наукъ въ программѣ школы, какія мы читаемъ у Алкуина, Рабана Мавра и др., еще болѣе отдаляютъ ихъ отъ нашихъ современныхъ представленій, нерѣдко даже вопреки фактическому положенію дѣла.

Соотвѣтственно такому объясненію, напр., ариѳметика необходима для уразумѣнія тайнаго смысла Св. Писанія. Если бы признать это объясненіе отвѣчающимъ дѣйствительности, то слѣдовало бы предположить, что работа ариѳметическаго класса касалась, главнымъ образомъ, завѣщанной блаженнымъ Августиномъ мистики чиселъ и выражалась въ толкованіяхъ, въ родѣ приведеннаго Рабаномъ Мавромъ относительно 40 дней поста Іисуса Христа, хотя и подобную игру въ элементы чиселъ *) едва ли можно называть толкованіемъ Св. Писанія.

*) Рабанъ Мавръ разсуждаетъ такъ: число 40 содержитъ въ себѣ 4 раза 10 и тѣмъ указываетъ на все, относящееся къ временной жизни.

По числу 4 протекаютъ времена года и времена дня.

Въ числѣ 10 распознается Богъ и твореніе: 3 указываетъ на Творца, 7 на твореніе, ибо въ послѣднемъ числѣ 3 указываетъ на обязанность любить Бога сердцемъ, душою и помышленіемъ, а число 4 указываетъ на 4 элемента тѣла.

Выводъ: «Итакъ, тѣмъ, что указано въ числѣ 10 приглашаемся мы въ этой временной жизни—ибо 10 взято 4 раза—жить цѣломудренно и воздерживаясь отъ плотскихъ похотей: вотъ что значитъ поститься 40 дней».

См. Сперанскій, стр. 80.

Но на самомъ дѣлѣ ариѳметика въ тѣсномъ смыслѣ (наука о числѣ) предпосылалась логистикѣ (наукѣ о дѣйствіяхъ съ числами) и главная работа шла въ области этой послѣдней. Средневѣковые писатели подходятъ гораздо ближе къ дѣлу, когда по просту повторяютъ изученіе Кассіодора: «Отними у міра умѣнье считать, и все будетъ охвачено слѣпымъ невѣжествомъ. Людей, не разумѣющихъ счета, нельзя будетъ отличать отъ животныхъ». Въ сущности, даже и пытливое вниманіе ко всѣмъ числамъ, попадавшимся въ завѣщанныхъ этой грубой эпохѣ христіанствомъ и таинственныхъ для нея книгахъ, свидѣтельствуетъ объ упорномъ и незаглушаемомъ, никакими навязанными традиціей, якобы богословскими воззрѣніями, стремленіи человѣческаго ума къ познанію явленій природы и жизни.

Астрономія стояла въ тѣснѣйшей связи съ ариѳметикой, и приведенный нами терминъ Computus по большей части обнимаетъ собою основы обѣихъ этихъ наукъ разомъ. Школьная астрономія VIII и IX вѣка сводилась къ сохраненію понятій о способахъ дѣленія времени, о различіи солнечнаго и луннаго мѣсяца, о солнцестояніи и равноденствіяхъ, о движеніи планетъ и знакахъ Зодіака. Все это было, конечно, необходимо для Пасхаліи, но установленіе календаря, и помимо всякихъ потребностей церковнаго обихода, является всегда одной изъ первыхъ потребностей развивающагося общежитія, да и занимались крещеные германцы наблюденіемъ свѣтилъ, какъ извѣстно, не только ради календаря: на обломкахъ греческой астрономіи пышно расцвѣла астрологія.

Что касается музыки, то въ quadrivium входила только теорія музыки, которую изучали лишь исключительно одаренные люди. Совсѣмъ иное дѣло искусство пѣнія: оно входило одинаково и въ составъ курса школки, и въ trivium, и въ quadrivium, и даже занимало первенствующее положеніе во всей системѣ школьнаго образованія первой половины среднихъ вѣковъ. Однимъ изъ главныхъ просвѣтительныхъ мѣропріятій Карла Великаго было приглашеніе изъ Италіи учителей пѣнія. Въ слѣдующемъ поколѣніи Рабанъ Мавръ заявляетъ категорически: «Безъ знанія музыки нельзя быть духовнымъ». И еще въ XIV вѣкѣ папы выставляютъ главнымъ основаніемъ выдачи городамъ разрѣшеніи на открытіе собственныхъ школъ такой резонъ: «Чтобы тѣмъ торжественнѣе отправлялось богослуженіе въ приходской церкви». Характерно также, что одной изъ первыхъ примѣтъ намѣчающагося къ концу среднихъ вѣковъ различія между начальными и средними школами служила именно степень совершенства учениковъ въ церковномъ пѣніи.

Послѣдняя изъ наукъ quadrivium'a — геометрія до XI вѣка почти совсѣмъ не преподавалась. Нѣкоторые практическіе пріемы вычисленія площади треугольника, четыреугольника и круга, примѣнявшіеся въ землемѣрномъ искусствѣ, не имѣвшемъ связи съ богословіемъ, не забылись, но излагались сколько-нибудь обстоятельно лишь въ рѣдкихъ училищахъ. Въ большинствѣ же, подъ именемъ геометріи школа преподавала описаніе земли и существъ, ее населяющихъ. Сюда входили тѣ знаменитые «Физіологи», «Бестіаріи», гдѣ былъ полный просторъ средневѣковой фантазіи, создававшей растущихъ на корню барановъ, рождающихъ изъ плодовъ птицъ и т. п. небылицы.

Правда, всѣ эти измышленія неизмѣнно обращались въ поучительныя аллегоріи, но едва ли подобные учебники служили для пониманія Св. Писанія: скорѣе они, наряду съ различными Legendae aureae и Dialogi miraculorum занимали въ кругу средневѣкового чтенія именно то мѣсто, которое въ теоріи богослововъ должно было принадлежать именно Св. Писанію.

Пока продолжали существовать условія, вызвавшія въ началѣ среднихъ вѣковъ всеобщее одичанье Европы, школа держалась намѣченныхъ нами рамокъ. Лишь въ небольшой горсточкѣ выдающихся людей горитъ священный огонь стремленія къ знанію. Ради знанія и «знаменитыя», по увѣренію большинства историковъ, школы въ Турѣ, Ліонѣ, Мецѣ и Фульдѣ, въ С.-Галленѣ и Рейхенау представляютъ не прочные центры просвѣщенія, а скорѣе «блуждающіе огоньки въ болотномъ туманѣ, окутывавшемъ Европу», какъ ихъ называетъ г. Сперанскій. Цѣлые вѣка каждый отдѣльный мыслитель долженъ начинать съизнова то же самое дѣло и отсутствіе преемственности въ научной работѣ мѣшаетъ успѣхамъ человѣческой мысли. Поворотнымъ пунктомъ въ исторіи школы послужило возрожденіе въ Европѣ, выработавшей наконецъ сколько-нибудь сносныя формы общежитія крупныхъ городскихъ центровъ. Въ нихъ легко загоралась умственная работа, подъ защитой ихъ стѣнъ очагъ науки былъ обезпеченъ отъ внезапнаго удара стихійныхъ силъ, ихъ многолюдство обезпечивало ему непрерывное питаніе. Въ свою очередь, ставшія на прочную почву школы сами послужили могучимъ орудіемъ для торжества правоваго порядка, и, послѣ возникновенія университетовъ, школа связывается уже неразрывно со всѣмъ ходомъ общественнаго развитія Европы, и исторія ея перестаетъ относиться къ одной только тѣсной области исторіи церкви.

Съ внѣшней стороны, однако, школа второй половины среднихъ вѣковъ похожа на свою предшественницу: тѣ же предметы препода-

ются въ ней, только въ большемъ объемѣ, и тѣ же красуются надъ этими предметами вывѣски. Но требованія общества уже значительно расширились: духовное и свѣтское правительства предъявляютъ теперь крупный спросъ на людей съ юридическимъ образованіемъ, развивающаяся торговля и промышленность нуждаются въ простой грамотности. Школа должна была, и дѣйствительно стала служить чисто свѣтскимъ, практическимъ потребностямъ общества, хотя до самаго конца среднихъ вѣковъ вліяніе ея происхожденія, сила традиціи и умственная косность массъ тѣсно связываютъ понятіе образованности съ понятіемъ принадлежности къ церкви. Ярче всего выступаетъ на видъ эта связь въ томъ обстоятельствѣ, что почти всѣ ученые люди, чѣмъ бы они въ жизни ни занимались, живутъ въ это время въ такомъ же строгомъ безбрачіи, какъ и духовенство въ строгомъ смыслѣ этого слова. Общество все еще склонно видѣть въ человѣкѣ, знакомомъ съ книжной наукой, «клирика», и женитьба такого человѣка, не лишавшая, впрочемъ, права носить «тонзуру», освобождающую отъ подсудности свѣтскимъ властямъ, еще во времена Лютера считается чѣмъ-то ненормальнымъ: по словамъ великаго реформатора, «на него показывали пальцами», а въ XIV вѣкѣ современники одного вѣнскаго профессора объясняли его женитьбу такъ: «Сойдя съ ума, онъ женился». Эта-то тѣсная связь «грамотея» съ духовнымъ сословіемъ и является однимъ изъ основаній обычнаго преувеличеннаго представленія о роли богословія въ средніе вѣка.

Но на самомъ дѣлѣ, хотя иного пути къ наукѣ, кромѣ школьнаго, въ эту эпоху не было, а школа продолжала оставаться «церковной», однако, не только множество соборныхъ и городскихъ школъ даже въ концѣ среднихъ вѣковъ никогда не доводили своихъ учениковъ до знакомства съ богословіемъ, но даже и въ университетахъ богословіе не занимало первенствующаго положенія: по словамъ Денифле, монаха доминиканскаго ордена, далеко не склоннаго умалять заслуги церкви въ дѣлѣ образованія, «изъ 46 университетовъ, которые возникли до 1400 года, въ 28, т.-е. въ двухъ третяхъ ихъ числа, богословіе совсѣмъ не было допущено въ програму занятій».

Такимъ образомъ, о связи науки съ религіей приходится говорить съ большою осторожностью, и съ полной увѣренностью можно только указывать на ношеніе тонзуры и рясы, какъ на условія полученія образованія. Съ этой точки зрѣнія можно указать такъ же, какъ на своего рода услугу, оказанную католической церковью дѣлу возсозданія европейской образованности, на усердно проводимый ею принципъ «подбора способнѣйшихъ

личностей», воплощенный въ целибатѣ и требовавшій постояннаго притока свѣжихъ силъ изъ народа въ важнѣйшій для общества классъ интеллигентныхъ тружениковъ.

Условія полученія образованія въ теченіе большей части среднихъ вѣковъ настолько тяжелы, что удовлетворить имъ было подъ силу лишь очень немногимъ. Этимъ-то и объясняется, главнымъ образомъ, почти полное бездѣйствіе тѣхъ факторовъ, какими опредѣляется сословное распредѣленіе образованія въ другія, болѣе счастливыя эпохи. Осилить первую же задачу, какую ставила школа ищущему знанія, могли только прекрасно одаренные и обладавшіе большимъ терпѣніемъ ученики: предстояло выучить наизусть по-латыни, т. е. на непонятномъ языкѣ, «Отче нашъ, Молитву Богородицѣ, Символъ Вѣры и всѣ полтораста псалмовъ».

Эти познанія, съ одной стороны, давали ученику возможность немедленно принимать участіе въ богослуженіи, а съ другой—служили, какъ было указано, преддверіемъ къ искусству латинскаго чтенія. Для дальнѣйшихъ школьныхъ занятій такое механическое зазубриваніе могло имѣть, какъ справедливо говоритъ Шпехтъ, высокое значеніе, способствуя развитію памяти, что было необходимо при тогдашней рѣдкости и дороговизнѣ книгъ.

Покончивъ съ псалмами, мальчикъ получалъ отъ учителя досчечку, на которой стояли буквы алфавита и нѣкоторые склады. Затѣмъ шло чтеніе уставнаго псалтыря, причемъ большое вниманіе обращалось на правильный выговоръ словъ и ударенія: малѣйшая ошибка при чтеніи въ церкви могла прогнѣвить Бога, и старательно заносилась въ особый «свитокъ прегрѣшеній» спеціально завѣдующимъ этимъ дѣломъ демономъ «Tityvillus».

По мѣрѣ успѣховъ въ чтеніи, ученикъ переходилъ къ письму на, покрытыхъ зеленымъ воскомъ, дощечкахъ, и только значительно позже ему показывались пріемы каллиграфіи перомъ на пергаментѣ, когда рука уже пріобрѣла извѣстную твердость, необходимую для такого искусства, весьма близкаго къ рисованію и настолько труднаго, что въ немъ преуспѣвали далеко не многіе.

Обученіе началу счета ограничивалось запоминаніемъ таблицы умноженія и забытымъ въ наше время искусствомъ представлять числа съ помощью пальцевъ. Къ этому прибавлялось еще заучиваніе употребительнѣйшихъ латинскихъ словъ и указаніе на основныя правила латинскаго склоненія и спряженія, да сверхъ того еще масса труда и времени тратилась на пѣніе.

Изученіе употребительныхъ въ то время нотныхъ знаковъ представляло безконечныя трудности, а чтеніе ихъ было и того труднѣе. Созданная въ началѣ XI вѣка Гюи изъ Ареццо нотная

система, облегчившая этотъ трудъ, распространялась, благодаря обычной косности, довольно медленно, и самъ авторъ едва не угодилъ въ число еретиковъ—спасло его только заступничество папы. Между тѣмъ, пѣніе играло въ школьной жизни большую роль: одинъ изъ новыхъ историковъ школьнаго дѣла въ Германіи говоритъ даже такъ: *) «Пѣть утромъ, пѣть вечеромъ, пѣть латинскіе гимны, непонятные ни пѣвцамъ, ни слушателямъ, пѣть то передъ тѣмъ, то передъ другимъ алтаремъ, пѣть въ память то того, то другого въ Бозѣ почившаго мужа **),—вотъ въ чемъ заключалась тогда школьная работа». Не въ этомъ ли обстоятельствѣ, отчасти, не говоря уже о несовершенствѣ педагогическихъ пріемовъ, нужно искать объясненія тому, что, по словамъ Шпехта, «на одно обученіе механическому чтенію и началу письма уходило около трехъ лѣтъ».

Съ указанными выше начальными познаніями ученикъ могъ уже приступать къ изученію семи свободныхъ наукъ. Изученіе грамматики начиналось чтеніемъ Эзоповскихъ басенъ и сборника нравственныхъ изреченій, приписываемыхъ Катону Старшему, да заучиваньемъ руководства Доната. Затѣмъ ученики переходили къ болѣе труднымъ авторамъ и къ высшему курсу грамматики. Трудность этихъ уроковъ легко себѣ представить, если имѣть въ виду, что при рѣдкости рукописей въ лучшемъ случаѣ приходилось одно руководство на троихъ учениковъ, причемъ бѣднякамъ текстъ дается въ руки только въ классѣ и отбирается послѣ урока. Пособіемъ къ высшему курсу грамматики обыкновенно служило такъ наз. «Doctrinale» Александра изъ Вилледье (Alexander de Villa Dei † окт. 1240)—поэма, гдѣ въ леонинскихъ стихахъ, въ сжатой формѣ излагались важнѣйшія правила латинской этимологіи, синтаксиса, просодіи, причемъ особенное вниманіе обращается на исключенія. Это руководство, триста лѣтъ превозносившееся до небесъ и триста слѣдующихъ лѣтъ топтавшееся въ грязь съ легкой руки гуманистовъ, смѣнило собою учебникъ Присціана ***), писанный, разумѣется, для римлянъ, и потому мало пригодный для обученія варваровъ. Пригодность же самаго Doctrinale зависѣла, собственно говоря, отъ талантливости учителя, но даже и при наилучшихъ комментаріяхъ усвоеніе этой поэмы требовало великаго труда и терпѣнія. Не даромъ же писатели XVI вѣка, учившіеся еще по Doctrinale, сравниваютъ

---

*) Kämmel. «Geschichte des deutsch. Schulwesens u. s. w.». 1882.

**) Подъ этимъ условіемъ часто оставлялись пожертвованія на школы.

***) Римск. грамматикъ V вѣка.

12 книгъ ея съ лабиринтомъ, гдѣ жилъ Минотавръ *). Вѣнцомъ грамматическаго курса было латинское виршеплетеніе. О трудности этого искусства многіе изъ современниковъ могутъ судить по личному опыту: оно не такъ давно практиковалось и въ нашихъ школахъ. Только у средневѣковыхъ школьниковъ не было нашихъ усовершенствованныхъ словарей, да и вообще почти никакихъ пособій. Основательное изученіе латинскаго языка при такихъ условіяхъ должно было брать не мало времени даже и у людей съ выдающимися способностями, и едва ли можно счесть за фразу, внушенную христіанскимъ смиреніемъ, слова одного итальянскаго монаха XI вѣка (они приведены у Шпехта): «Девять лѣтъ учился я грамматикѣ и все же остаюсь ученикомъ».

Мы видѣли уже, что подъ пышнымъ названіемъ реторики слѣдуетъ разумѣть изученіе письмовниковъ и зазубриванье наизусть текстовъ законовъ. Томительная мучительность этихъ занятій увеличивалась еще нерѣдко слишкомъ раннимъ возрастомъ учениковъ: Германъ фонъ-Ауэ (ум. ок. 1220 г.) въ поэмѣ про «добраго грѣшника» сообщаетъ, что герой его поступилъ въ монастырскую школу 6 лѣтъ и къ 11 годамъ былъ уже лучшимъ грамматикомъ, а черезъ короткое время—«Ein tüchtiger Legist», т. е. изучилъ уже и реторику. Слишкомъ многое приходилось въ то время заучивать на память и педагоги должны были спѣшить воспользоваться юнымъ возрастомъ, пока память эта еще свѣжа и пока ученика можно принудить даже къ самой скучной работѣ однимъ страхомъ наказанія, т. е. чуть ли не единственнымъ средствомъ большинства тогдашнихъ педагоговъ.

Спѣшили, поэтому, и съ изученіемъ діалектики, которая во вторую половину среднихъ вѣковъ отняла пальму первенства у грамматики и безусловно царила въ школѣ, какъ «наука наукъ» (disciplina disciplinarum). Обученіе ей начиналось съ зубренія наизусть знаменитаго учебника Петра Испанскаго († 1277 г.) «Summulae logicales», хотя ученики ихъ сперва и не понимаютъ **). Многіе и никогда не доходили до пониманія этого «первоначальнаго» учебника, а ужъ разобраться въ Аристотелѣ, комментированномъ схоластиками, могли, конечно, только исключительно одаренные способностью формальнаго мышленія. При этомъ нужно еще замѣтить, трудныя для пониманія, сухія логическія построенія излагались учителями въ краткихъ и неудобопонятныхъ формулахъ, а студенты записывали такія профессорскія лекціи, въ видахъ эко-

*) У Беблера въ очерк. по исторіи лат. грамматики.

**) Такъ буквально говоритъ Іерсонъ, умерш. въ 1429 г.

номіи пергамента или бумаги, еще съ сокращеніемъ словъ почти до полной неузнаваемости.

Одолѣть такую премудрость могли лишь немногія головы, и въ сравненіи съ нею ариѳметика, геометрія или основы календарной астрономіи намъ могутъ казаться дѣтской забавой. Въ средніе же вѣка дѣло обстоитъ иначе: у св. Бонифація, по его собственному признанію, «захватываетъ дыханіе» отъ страха при мысли о наукахъ quadrivium'a *). Преподаватель всѣхъ семи свободныхъ наукъ въ знаменитой, благодаря ему же, Реймской школѣ, Гербертъ († 1003 г.) приступалъ къ изученію ариѳметики только съ избранными и богато одаренными учениками, а почетнымъ титуломъ «доктора абака», т. е. «доктора умноженія и дѣленія», современники отличали одного изъ знаменитыхъ общественныхъ и школьныхъ дѣятелей X вѣка—Аббона изъ Флери († 1004 г.). Даже много позднѣе, уже послѣ введенія такъ-называемыхъ арабскихъ цифръ, значительно упростившихъ письменное изображеніе чиселъ, и послѣ введенія нуля, которое облегчило дѣйствія съ ними, городскія школы долго ограничивались «словесными науками», считая преподаваніе начальной математики недоступной роскошью. Основныя ариѳметическія дѣйствія принимаютъ, видъ близкій къ теперешнему, только въ XIV—XV вѣкѣ, а до тѣхъ поръ, несмотря на открытый Гербертомъ способъ изображать любое число помощью 9 знаковъ на «абакѣ», т. е. доскѣ, разграфленной колонноми, соединяемыми дугами въ группы по три справа, гдѣ каждая колонна соотвѣтствуетъ опредѣленному разряду **), представляли прямо-таки невѣроятныя трудности, судить о которыхъ можно, напр., по такому образчику дѣленія цѣлыхъ чиселъ: дѣлится 5069 на 4. Дѣйствія располагаются такъ: Мы имѣемъ $10 - 4 = 6$; $\frac{5000}{10} . 6 = 3000$. Образуемъ произведеніе: $(\frac{3000}{10} = 300) . 6 = 1800$; $(\frac{1000}{10} = 100) . 6 = 600$; $600 + 400 = 1000$. Пользуясь тѣмъ же пріемомъ, вычисляемъ произведеніе $(\frac{1000}{10} = 100) . 6 = 600$; $(\frac{600}{10} = 60) . 6 = 360$; $(\frac{300}{10} = 30) . 6 = 180$; $(\frac{100}{10} = 10) . 6 = 60$ и образуемъ сумму: $60 + 80 + 60 + 60 = 260$. Далѣе $(\frac{200}{10} = 20) . 6 = 120$; $(\frac{100}{10} = 10) . 6 = 60$, а

*) Приведено у Шпехта.

**) Т. е. въ крайней справа пишутся единицы, далѣе десятки, затѣмъ сотни и т. д. Первоначально въ дугообразномъ концѣ ставился заголовокъ Вотъ изображеніе на абакѣ числа 781.243:

c	x	IM	c	x	I
VII	VIII	I	II	IV	III

$60+20+60=140$. Двигаясь тѣмъ же путемъ дальше, получимъ: $(\frac{100}{10}=10).6=60$, $40+60=100$; $(\frac{100}{10}=10).6=60$; $(\frac{60}{10}=6).6=36$ $(\frac{30}{10}=3).6=18$ $(\frac{10}{10}=1).6=6$; $6+8+6+9=29$. Затѣмъ находимъ: $(\frac{20}{10}=2).6=12$ $(\frac{10}{10}=1).6=6$; $6+2+9==17$; $(\frac{10}{10}=1).6=6$; $7+6=13$; $(\frac{10}{10}=1).6=6$; $3+6=9$. Эта сумма, подобно дѣлителямъ, является уже числомъ меньшимъ 10. Такимъ образомъ оказывается, что остатокъ отъ дѣленія равенъ $9-1.8=1$. Искомое частное находимъ путемъ сложенія: $\frac{1}{10}(5000+3000+1000+1000+1000)+\frac{1}{10}(600+300+100++200+100+100+100)+\frac{1}{10}(60+30+10+20+10+10++10)+2=1267$.

Къ несовершенству научныхъ пріемовъ *) присоединяется педагогическая безпомощность математиковъ, не умѣвшихъ сколько-нибудь ясно формулировать извѣстныя имъ правила: нужна была вся проницательность цѣлаго ряда серьезныхъ ученыхъ, чтобы разобраться въ средневѣковыхъ школьныхъ пособіяхъ по начальной математикѣ.

Можно представить себѣ, какого труда и какихъ способностей требовало тогда знакомство съ обрывками геометріи, астрономіи и теоретической музыки! Замѣтимъ еще, для полноты картины, что ученика постоянно отвлекали отъ занятій, спѣша пользоваться пріобрѣтенными имъ навыками: умѣешь правильно читать, хотя бы не понимая, по-латыни—служи чтецомъ въ церкви; выучился хорошо писать—списывай непонятныя рукописи и во всякомъ случаѣ—пой.

Нѣтъ ничего мудренаго, что весьма многіе изъ поступавшихъ въ школы дѣтей совсѣмъ не могли справиться съ тяжелой задачей, поставленной имъ церковью, а еще большее число прерывало ученіе на очень ранней ступени. Выше уже указывалось, что для успѣшнаго окончанія курса средневѣкового образованія нужна была необычайная память и сильно развитая способность къ діалектическому мышленію, но, сверхъ того, нужно было еще и желѣзное здоровье, и устойчивая нервная система. Школа не приспособляется ни къ индивидуальности, ни къ ходу развитія ученика и прямо-таки ломаетъ и отбрасываетъ всѣхъ, кто не подходитъ подъ такую мѣрку. Да иначе и быть не можетъ при извѣстномъ составѣ учительскаго персонала и при господствѣ розги и страха наказанія, въ качествѣ единственно понятнаго такимъ педагогамъ воспитательнаго средства.

---

*) Какъ видно изъ примѣра, абацисты прибѣгали, напр., при дѣленіи многозначныхъ чиселъ къ помощи ариѳметическихъ дополненій.

Довольно долго средніе вѣка не знаютъ особаго класса учителей: съ окончательнымъ паденіемъ римской образованности, учить чему-нибудь можетъ только духовенство, въ средѣ котораго держалась, по крайней мѣрѣ, грамотность. Только съ X вѣка встрѣчаемся мы съ новымъ явленіемъ: учительство является средствомъ къ жизни, а еще позднѣе оно обращается въ своего рода цехъ съ мастерами и подмастерьями. Учителемъ (Schulmeistre, maître d'école) называется тогда всякій самостоятельный школьный подрядчикъ въ городѣ, все равно, будетъ ли онъ ректоромъ обширной, сравнительно, латинской школы съ сотней учениковъ, или же просто хозяиномъ одной изъ возникавшихъ съ начала XIII вѣка маленькихъ французскихъ или нѣмецкихъ школокъ съ 6—12 учениками. Школьные подмастерья (Schulgesselen), т. е. помощники ректора или учителя, брались изъ старшихъ учениковъ, продолжавшихъ еще учиться у ректора. Наибольшій контингентъ ихъ даютъ для латинскихъ школъ баккалавры университета, т. е. пробывшіе въ университетѣ два года и не подвергавшіеся испытаніямъ. Учителя школокъ, обучавшихъ родному языку (in vulgari Allemanico, какъ говорится о нихъ въ Германіи), мелкіе нотаріусы, частные повѣренные и т. д., разсчитывали только на дѣтей богатыхъ людей и при маломъ числѣ учениковъ обходились обыкновенно безъ помощниковъ.

Не принадлежащіе къ духовенству въ строгомъ смыслѣ слова учителя должны брать лиценціи на право учить. Порядокъ здѣсь тотъ же, что при занятіи мѣстъ священниковъ: лиценціи выдаются сеньёрами. Только учителямъ родного языка приходилось еще вѣдаться съ главой учительской корпораціи, если можно такъ выразиться, соборнымъ схоластикомъ. Борьба такого «Схоластика» въ Гамбургѣ, съ нежелательнымъ для учителей церковныхъ школъ новшествомъ, тянулась съ перерывами до 1472 года и окончилась компромиссомъ: разрѣшена одна школа на 40 человѣкъ и учителя должны платить такую же дань, какъ и преподаватели школъ латинскихъ.

Впрочемъ, такія школы развиваются въ Германіи, напр., только въ два послѣднихъ столѣтія среднихъ вѣковъ и о нихъ не приходится особенно распространяться: мы имѣемъ въ виду только общую картину школьнаго дѣла.

А для этой картины гораздо важнѣе тѣ мелкія школки. Ихъ г. Сперанскій сравниваетъ «съ мочками корня», которыя католицизмъ пустилъ въ самые глубокіе слои общества, чтобы питать ими свою іерархію. Попутно тѣми же корнями питалось и свѣтское правительство, и классъ служителей науки.

Несомнѣнно, что такихъ школокъ было много, да иначе и быть не могло: каждая изъ нихъ могла вмѣстить лишь очень

ограниченное число учениковъ *), благодаря трудности преподаванія, отсутствію рукописей и пособій, а съ другой стороны—общество было вынуждено, въ тѣ тяжелыя времена, привлечь къ участію въ высшихъ сферахъ культурной работы сильнѣйшихъ и способнѣйшихъ изъ низшихъ классовъ. Мы видѣли уже отчасти, насколько узокъ былъ путь образованія, и легко представимъ себѣ, насколько правъ г. Сперанскій, говоря, что «безъ этихъ крестьянскихъ дѣтей самимъ господамъ трудно было бы справляться со своими господскими дѣлами».

Многія изъ такихъ школокъ во вторую половину среднихъ вѣковъ существуютъ и въ деревняхъ, но, будучи деревенскими, все же не подходятъ подъ современное понятіе народной школы, являясь то въ роли нашихъ семинарій, приготовляющихъ священниковъ, то чѣмъ-то въ родѣ приготовительнаго класса нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, а мѣстами даже принимая характеръ профессіональной школы переписчиковъ. Первоначально учителями въ этихъ школахъ были, конечно, священники. Одно постановленіе Вэзанскаго собора 529 года гласитъ: «Приходскіе священники должны брать къ себѣ въ домъ молодыхъ учениковъ, воспитывать ихъ отечески и учить псалмамъ, богослужебному чтенію и Закону Божію, чтобы приготовлять себѣ изъ нихъ достойныхъ преемниковъ». Но съ теченіемъ времени положеніе дѣлъ измѣнилось, число грамотныхъ людей стало превышать спросъ со стороны церкви, церковныхъ бенефицій и пребендъ, ради которыхъ шли въ школу, приходилось ждать иногда подолгу и путь къ нимъ становился недоступнѣе. Нѣмецкій сатирикъ XIII вѣка, Николай Биберихъ сообщаетъ намъ въ особой главѣ: «О томъ, что приходится дѣлать школьникамъ, когда имъ отказываютъ въ посвященіи», что лѣнивые школьники, занятые больше игрой въ кости и надувательствомъ, когда не попадаютъ въ священники, идутъ въ звонари и прислужники при алтарѣ. Вотъ изъ этого-то люда, такъ сказать, изъ оставшихся за штатомъ духовныхъ, и пополняются къ концу среднихъ вѣковъ ряды учителей деревенскихъ школокъ, и до самаго конца XVIII столѣтія «звонарь, причетникъ и учитель» сливаются въ одно лицо, какъ это можно видѣть изъ условія пикардійской коммуны Гербиньи съ договариваемымъ учителемъ. Этотъ документъ относится къ 1782 г. и содержитъ такіе пункты: «1) онъ долженъ заботиться о церковной утвари и мести церковь каждую субботу; 2) звонить аккуратно каждый день Angelus утромъ, въ полдень и вечеромъ; 3) трезвонить наканунѣ всѣхъ праздниковъ за вечерней и каждый четвергъ передъ обѣдней; 4) когда будетъ со-

*) Въ XIV и XV в. число это колеблется между 6 и 12.

бираться гроза, днемъ ли, ночью ли, то учитель будетъ обязанъ звонить, чтобы она не надвигалась на деревню; 5) и будетъ учитель обязанъ и долженъ аккуратно давать уроки въ школѣ дѣтямъ своего прихода, не смѣя допускать въ нее постороннихъ дѣтей, такъ какъ въ приходѣ всегда найдется довольно своихъ, чтобы занять его время и рвеніе».

Прежде чѣмъ перейти къ педагогическимъ пріемамъ охарактеризованнаго выше въ общихъ чертахъ учительскаго персонала, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ относительно стараго спора между противниками и приверженцаии католической церкви по вопросу о томъ, были ли церковныя училища въ средніе вѣка только образовательными, или вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитательными учрежденіями. Споръ этотъ основанъ, въ сущности, на недоразумѣніи: противники католической церкви правы, когда они указываютъ, что школы эти выросли не на почвѣ работы о воспитаніи народа, а сторонники ея имѣютъ полное основаніе утверждать, что воспитательный элементъ въ этихъ школахъ имѣлъ огромное значеніе,—только рѣчь здѣсь можетъ быть не объ общемъ воспитаніи, а о профессіонально-духовномъ. Задачей школы было выработать въ своихъ питомцахъ презрѣніе къ страданіямъ и привычки пассивнаго повиновенія, т. е. качества, отличающія прототипъ идеальнаго служителя церкви—спартанскаго воина.

Чистымъ типомъ средневѣковыхъ воспитательныхъ учрежденій можно считать монастырскія школы. И вотъ какъ относились въ этихъ школахъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ: совершенно въ параллель спартанскому сѣченію дѣтей, въ нѣкоторыхъ школахъ было въ обычаѣ сѣчь дѣтей въ извѣстные дни не за какіе-нибудь проступки, а всѣхъ поголовно, какъ бы въ видахъ общаго очищенія отъ грѣховъ. Однимъ изъ чудесъ св. Дунстана *) было какъ разъ освобожденіе злополучныхъ малышей отъ такого незаслуженнаго истязанія. Характерно также повѣрье XII вѣка, будто душа ребенка, не получившаго при жизни достойнаго воздаянія за прегрѣшенія въ видѣ порки, осуждена была на скитаніе, пока не будетъ высѣченъ его трупъ. Отецъ Бернаръ **) имѣлъ полное основаніе говорить, что «тогдашніе педагоги не считали для себя нравственно дозволеннымъ освобождать корень ученія отъ его горечи и христіанскую жизнь отъ ея шиповъ и терній».

И однако монастырскія школы при всей своей строгости стояли еще въ этомъ отношеніи нѣсколько выше прочихъ: мелочная регла-

*) Книга о его чудесахъ составлена въ XI вѣкѣ.

**) Bernard, «De l'enseignement élémentaire en France aux XI et XII siècle». Paris, 1894.

ментація монашескаго обихода не давала мѣста произволу и придавала наказаніямъ характеръ законности. Въ болѣе свободныхъ и многолюдныхъ городскихъ школахъ, гдѣ учителями были наемники, бравшіеся за это дѣло ради заработка, господствующая воспитательная система часто служила только прикрытіемъ полной несостоятельности этихъ наемниковъ. Такіе учителя зачастую замѣняли объясненіе палкой и Гвибертъ Ножанскій *) разсуждаетъ по этому поводу такъ: «Не найдешь ничего труднѣе, какъ объяснять то, чего не знаешь, темное для учащаго, еще темнѣе для учащихся». Стонами несчастныхъ школьниковъ полны всѣ средніе вѣка. Бьютъ жестоко и въ монастырскихъ, и въ соборныхъ, и въ городскихъ школахъ; бьютъ въ частныхъ училищахъ и въ университетскихъ коллегіяхъ.

Цезарій изъ Гейстербаха причисляетъ въ XIII вѣкѣ къ мученикамъ «дѣтей, которыя живутъ въ невинности и охотно учатся». Готье, авторъ одной латинской сатиры, посвящаетъ свое произведеніе дѣтямъ, «спины которыхъ синѣютъ отъ побоевъ и нещадно изрѣзаны трехвостными плётками», тѣмъ, чьи «скулы дрожатъ передъ пощечинами и нѣжныя шеи трепещутъ передъ затрещинами». Невольно вспоминается тутъ дѣтство Лютера, котораго въ одно прекрасное утро въ Мансфельдской школѣ исправно высѣкли 15 разъ. Сколько розогъ тогда потребляла школа, можно судить уже по тому, что въ Наварскомъ коллежѣ въ Парижѣ, въ списокъ котораго неизмѣнно вносилось имя наслѣдника престола, стипендія этого царственнаго питомца, никогда, конечно, не являвшагося, цѣликомъ уходила на покупку розогъ, а въ другихъ коллегіяхъ учениковъ облагали особымъ сборомъ на покрытіе этого расхода. Въ городскихъ школахъ Германіи вся школа отправлялась по обычаю нѣсколько разъ въ годъ въ лѣсъ запасаться этимъ педагогическимъ орудіемъ. Въ отношеніи розги исторія средневѣковой школы вращается въ какомъ-то заколдованномъ кругу: потребность въ ней вызывается мертвеннымъ характеромъ преподаванія, а щедрое употребленіе ведетъ къ одичанію и учителей, и учениковъ, и дѣлаетъ на долгое время невозможнымъ всякій прогрессъ въ дѣлѣ того же преподаванія. Школьнику нерѣдко остается одинъ исходъ,—забрать свою котомку и искать лучшей школы.

При такихъ скитаніяхъ изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню бѣднякъ подвергался всевозможнымъ опасностямъ, терпѣлъ и холодъ, и голодъ, и незамѣтно усваивалъ себѣ привычки и нравы настоящаго бродяги. Жить имъ приходилось то милостыней, то актерствомъ и скоморошествомъ, то знахарствомъ и дру-

---

*) Ум. 1124 г.

гими непохвальными занятіями, вѣчно впроголодь и подъ страхомъ наказанія. Выходомъ было полученіе мѣста причетника, учителя школы или учительскаго помощника. Съ конца XIV вѣка эти бродячіе школьники вступаютъ «въ новую стадію своего развитія», какъ говоритъ Пальмеръ *), начиная носить названіе «бакхантовъ». Любовь къ бродяжничеству и мошенничеству остается ихъ отличительнымъ свойствомъ: «Они были въ Венериной горѣ, они видѣли все будущее, они умѣютъ заговаривать человѣка противъ всякаго удара и раны, они знаютъ молитву св. Григорія, въ которой такая сила, что стоитъ ее прочесть и грѣшная душа освободится изъ ада, но имъ надо заплатить крону впередъ» и т. д. Но роль ихъ теперь двоякая: они являются матерыми школьниками, тяготѣющими уже не къ университетамъ, а къ городскимъ школамъ, и въ то же время странствующими провизорами, т. е. учительскими помощниками. Хотя они охотно берутъ на время мѣста младшихъ учителей въ городахъ, но главнымъ образомъ промышляютъ тѣмъ, что берутся доставить въ хорошую школу маленькихъ мальчиковъ, уводятъ ихъ въ свои скитанія, и вмѣсто занятій съ ними, заставляютъ ихъ просить для себя милостыню. До самой реформаціи остаются еще на большихъ дорогахъ эти члены знаменитаго въ XIII и XIV вѣкѣ «Ордена бродягъ» **), учителя-школьники, живое свидѣтельство того, что средніе вѣка не знаютъ еще строгаго различія между учащимъ и учащимся.

Обратимся же теперь именно къ этому классу «взыскующихъ града» и скажемъ сперва нѣсколько словъ о сословномъ составѣ средневѣковой школы. Уже изъ сказаннаго видно, что въ тѣ далекія времена едва ли можетъ зайти рѣчь о «правахъ на образованіе»: школьный путь представляется поистинѣ «скорбнымъ путемъ» и крестъ науки еще очень тяжелъ. Общественнымъ классамъ, обладающимъ матеріальнымъ благосостояніемъ и досугомъ, едва ли вздумается взять на себя незавидную привилегію идти по этому пути и нести этотъ крестъ: они великодушно открываютъ доступъ къ нимъ всѣмъ и каждому, кто найдетъ въ себѣ достаточно силъ и смѣлости, и легко предвидѣть, что среди этихъ смѣльчаковъ «благородные» окажутся далеко не въ большинствѣ. Весьма полную и яркую характеристику сословнаго состава средневѣковой школы даетъ знаменитая проповѣдь Лютера «О необходимости держать дѣтей въ школахъ» ***). Заговорить объ этой необходимости великому реформатору пришлось, какъ онъ самъ пи-

*) Въ энциклоп. Шмида.

**) Юмористическая «Грамота, данная примасомъ вагантовъ своему ордену», составлена въ 1209 г.

***) 1530 г.

шетъ, по слѣдующему поводу: «Повсюду, во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ, мы видимъ одно и то же. Университеты запустѣли, начальныя школы также, и никто больше не хочетъ учить своихъ дѣтей. Что же за пагубное существо этотъ діаволъ! Прежде онъ насъ губилъ школами *), а едва намъ удалось раскрыть эту его хитрость, какъ онъ готовъ уже утопить насъ въ полномъ невѣжествѣ». Руководясь здравымъ практическимъ смысломъ, проповѣдникъ обращается, главнымъ образомъ, къ простымъ, «подлымъ», какъ у насъ говорилось когда-то, людямъ (gemeine, schlechte Leute) и его главнѣйшимъ, и надо полагать, убѣдительнѣйшимъ аргументомъ является указаніе на всѣмъ очевидные факты: «Почти всѣ эти настоящіе владыки земли,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — были въ юности бѣдны», а въ другомъ мѣстѣ смѣло утверждается: «Такъ это есть, такъ это всегда и будетъ; дѣти бѣдныхъ, простыхъ людей всегда будутъ править міромъ и въ свѣтской, и въ духовной жизни». Изъ нихъ, по свидѣтельству проповѣдника, образуется духовное правительство—пастыри душъ; изъ нихъ же выходитъ и та часть правительства свѣтскаго, которая представляетъ въ немъ, по выраженію Лютера, голову въ противоположность кулаку.

Конечно, въ составѣ ученаго средневѣкового люда есть и лица, принадлежащія по рожденію къ привилегированнымъ классамъ: дворянство можетъ гордиться такими именами, какъ Иннокентій III и Бернаръ Клервоскій, Абеляръ и Ѳома Аквинскій, и не даромъ же въ тѣ времена слышались постоянно жалобы на дворянство, которое смотритъ на всѣ почетныя и доходныя церковныя мѣста, какъ на свою собственность. Однако, весьма знаменателенъ первый же изъ европейскихъ законовъ относительно правъ различныхъ сословій на образованіе: Карлъ Великій уже долженъ напоминать служителямъ церкви, что они «должны готовить себѣ преемниковъ не только изъ дѣтей рабовъ, но изъ дѣтей благородныхъ людей». Объясненіемъ этому служитъ своеволіе и строптивость такихъ «благородныхъ» воспитанниковъ, спѣшившихъ при первой возможности оборвать свое ученіе, вырваться изъ тяжкой школьной неволи и съ крохами знаній, безъ которыхъ человѣкъ не имѣлъ права называться клирикомъ, заполучить предназначенныя для нихъ почетныя мѣста епископовъ, соборныхъ декановъ, канторовъ и схоластиковъ, чтобы проживать затѣмъ на дворянскій манеръ связанные съ этимъ званіемъ доходы. Разумѣется, дѣй-

*) Въ пылу борьбы, Лютеръ раньше не щадилъ ни духовнаго, ни свѣтскаго образованія: церковныя школы и университеты были для него равно «ослиными заводами и чертовыми училищами».

ствительное отправленіе пастырскихъ и учительскихъ обязанностей слагалось при этомъ на плечи наемниковъ-плебеевъ: секретарей, учителей и регентовъ, довольствовавшихся весьма скромнымъ вознагражденіемъ. Но не мало встрѣчалось, особенно во вторую половину среднихъ вѣковъ, именъ настоящихъ ученыхъ клириковъ-аристократовъ, которымъ аристократическое происхожденіе въ связи съ плебейскимъ образованіемъ открывало широкую дорогу и давало доступъ, по выраженію г. Сперанскаго, «въ главный штабъ средневѣковой ученой арміи». И все же низшіе чины этой арміи, да значительное число и «штабныхъ» вербуются изъ людей скромнаго происхожденія, и такимъ образомъ остается въ силѣ утвержденіе Лютера: «Перестань простые люди учить своихъ дѣтей, такъ погибли бы и церковь, и государство, и возвратились бы времена варварства».

То-же самое можно сказать и относительно Франціи. Первый историкъ парижскаго университета *), т. е. одного изъ учебныхъ учрежденій, наименѣе доступныхъ людямъ небогатымъ, сообщаетъ намъ, что «въ XIII столѣтіи благочестивые люди, видя, что бѣдные съ гораздо большимъ рвеніемъ, чѣмъ дворяне, стремятся заниматься науками, но что бѣдность ихъ на каждомъ шагу служитъ имъ въ этомъ препятствіемъ, стали учреждать въ университетѣ коллегіи, или пріюты для бѣдняковъ»... Это, по ея словамъ, и былъ общій питомникъ «профессоровъ, служителей королевской власти, церковныхъ прелатовъ и монаховъ». Сознаніе необходимости дать бѣднякамъ доступъ къ высшему образованію было настолько сильно во французскомъ обществѣ, что съ конца XII до конца XIV вѣка въ парижскомъ университетѣ на одни частныя пожертвованія основано 50 коллегій съ 1.000 — 1.100 стипендіями. Замѣтимъ еще, что ни студенты-стипендіаты, ни полунищіе «стрижи», ухитрявшіеся содержать себя работой или милостыней во время ученія, не составляли большинства ни въ одномъ университетѣ, а о составѣ его можно судить по приведеннымъ Паульсеномъ даннымъ о среднихъ расходахъ своекоштнаго студента. Для Германіи въ началѣ XV вѣка мы встрѣчаемъ сумму въ 20 флориновъ, т. е. годовой заработокъ чернорабочаго, въ Парижѣ—21—27 флориновъ, немногимъ больше. Не очевидно ли, что тонъ жизни дается и въ богатѣйшемъ изъ университетовъ все тѣми же дѣтьми простыхъ «подлыхъ» людей? Студентъ-поэтъ XII вѣка **) пишетъ съ натуры, когда говоритъ о студенчествѣ: «Бѣдность—все ихъ жилище; не заглядываетъ къ ихъ пенатамъ

*) Boulaeus, C. «Historia Universitatis Parisiensis 1665—1679».

**) Architrenius. «De miseriis scholasticorum» y Boulaeus II, 689.

довольство, и изобиліе не посѣщаетъ несчастнаго Парнаса». Въ общемъ, мы едва ли будемъ далеки отъ истины, если скажемъ, что въ тогдашнихъ училищахъ различные общественные классы представлены почти прямо пропорціонально своей численности. Да иначе средневѣковая школа и не могла бы справиться съ поставленной ей обществомъ задачей: вся она держится только суровымъ подборомъ, не давая пощады малодушнымъ и слабосильнымъ, отыскивая только особенно счастливо одаренныя отъ природы организаціи, разбивая въ дребезги даже, быть можетъ, наиболѣе чуткія, тонко организованныя натуры тѣхъ «юношей съ прекраснѣйшими способностями, подававшихъ самыя блестящія надежды», о которыхъ намъ говоритъ Эразмъ, что они «на моихъ глазахъ умерли и сошли съ ума, не выдержавъ ужасной дисциплины той знаменитой парижской школы, гдѣ я учился».

Чтобы представить себѣ сколько-нибудь наглядно, какое количество «живого матеріала» потребляла эта школьная машина, построенная на такомъ принципѣ, необходимо еще имѣть въ виду поистинѣ ужасающія внѣшнія условія жизни учащейся молодежи. Филиппъ Красивый, давая парижскимъ студентамъ привилегіи, совершенно правъ, упоминая не только о трудахъ, но и «объ опасностяхъ, которымъ они подвергаются въ своихъ поискахъ драгоцѣнной жемчужины знанія» *). Начать съ того, что когда бѣднякъ-отецъ поручаетъ отвести въ школу своего маленькаго сынишку странствующему школьнику, то очень многое говоритъ въ пользу того, что ребенокъ угодитъ въ руки невѣжественнаго и жестокаго бродаги, который выучитъ его только христарадничать, а при случаѣ и воровать. Во всякомъ случаѣ, мальчику уже не миновать тяжкой повинности «презентовать» своему бакханту, часто цѣною собственнаго голоданія, а въ школѣ ждетъ его, по словамъ Эразма **), нерѣдко «неразвитый, развращенный мужланъ» — учитель. Но, положимъ, судьба благопріятствуетъ бѣдному школьнику: среди ректоровъ, всегда имѣвшихъ возможность набрать порядочный персоналъ учителей, встрѣчаются просвѣщенные и дѣльные люди, а въ крупныхъ центрахъ, въ родѣ парижскаго университета, куда стекаются ученики буквально со всѣхъ концовъ Европы, учителя уже безспорно свѣдущи и нерѣдко озабочены даже до излишества сохраненіемъ доброй нравственности своихъ учениковъ. Каково же живется при такихъ, сравнительно, счастливыхъ условіяхъ тѣмъ баловнямъ судьбы, которые пристраиваются, напр., въ университетскую коллегію?

*) «Chartularium Universitatis Parisiensis». II nº 701.

**) Erasmus. «Declamatio de pueris liberaliter instituendis», p. 23.

Вотъ что разсказываетъ Эразмъ про ректора коллежа Монтэгю Іоанна Стандонка, человѣка, преданнаго наукѣ и добившагося своего почетнаго мѣста цѣною почти нечеловѣческихъ усилій и при самыхъ ужасныхъ матеріальныхъ условіяхъ [1]): «Заставляя спать на голыхъ doскахъ, давая самую скудную [2]) и плохую [3]) пищу, требуя непосильной работы по цѣлымъ ночамъ на пролетъ, онъ доводилъ множество юношей, за первый же годъ по ихъ поступленіи, кого до смерти, кого до слѣпоты, кого до сумасшествія, кого до проказы... Онъ одѣлъ насъ монахами и совсѣмъ изгналъ изъ нашей пищи мясо... Я уже не стану говорить о тѣхъ неслыханныхъ, варварскихъ истязаніяхъ розгами, которымъ подвергались тамъ даже невинные»... Положимъ, коллежъ Монтэгю славился строгостью своего устава, но едва ли можно ждать большой снисходительности и лучшихъ условій существованія и отъ другихъ учебныхъ заведеній, когда мы имѣемъ такія свидѣтельства, какъ разговоръ одного аббата съ Ансельмомъ Кентерберійскимъ [4]), гдѣ почтенный педагогъ выражается такъ: «День и ночь бьемъ мы порученныхъ намъ мальчиковъ, а они становятся не только не лучше, а все хуже и хуже», или сообщеніе Ѳомы Платтера [5]) о «хорошемъ» содержаніи больныхъ школьниковъ въ Бреславлѣ.

Школьная бѣднота, ютившаяся въ узкихъ, вонючихъ улицахъ Латинскаго квартала, буквально пропадала отъ всякаго рода болѣзней. Хроника маленькаго Бреславля сообщаетъ подъ 1502 годомъ, что новой, занесенной изъ Франціи, болѣзнью заражено 250 человѣкъ бѣдныхъ школьниковъ. Уже самый фактъ широкаго распространенія этой заразы среди школьниковъ указываетъ до извѣстной степени на ту моральную порчу, какой угрожала молодежи «улица» тогдашнихъ большихъ городовъ.

Одинъ поэтъ XII вѣка описываетъ студента такъ: «Въ пустомъ его животѣ свирѣпствуетъ давній его обитатель—голодъ», а это, какъ извѣстно, «плохой совѣтчикъ», а при тогдашнемъ неустройствѣ въ большомъ городѣ легко оставались нераскрытыми

---

[1]) Довольно сказать, что онъ, будучи служкой въ аббатствѣ Св. Женевьевы, работалъ надъ логикой ночью на колокольнѣ, при первыхъ лучахъ восхода солнца или при лунномъ свѣтѣ.

[2]) По статуту полагается младшимъ на обѣдъ и ужинъ по 1 куску хлѣба и по 1 яйцу или по 1/2 селедки.

[3]) По свидѣтельству того же Эразма, яйца не разъ бывали тухлыми, воду приходилось добывать самимъ изъ «зараженнаго» колодца, а вино, дававшееся старшимъ по 1/3 пинты, отпускалось прокисшее.

[4]) Приведенъ у г. Сперанскаго на стр. 132.

[5]) Автобіографія. У Сперанскаго, стр. 348.

не только проступки, но и прямыя преступленія; къ тому же, и университетскій судъ, который въ Парижѣ, напр., одинъ имѣлъ право судить студента, нерѣдко приговаривалъ виновнаго къ розгамъ, когда онъ вполнѣ заслуживалъ висѣлицы. Что же мудренаго, что при такихъ условіяхъ извѣстный кардиналъ Іаковъ изъ Витріака *) даетъ такую картину нравовъ студенческихъ кварталовъ, что привести ее въ сколько-нибудь подробныхъ выдержкахъ на русскомъ языкѣ не дозволяетъ чувство благопристойности! Для нашей цѣли достаточно указать (въ смягченныхъ выраженіяхъ) только на одну фразу этого описанія: «Въ одномъ и томъ же домѣ школы помѣщались наверху, а веселыя учрежденія—внизу».

Выжить въ такихъ условіяхъ и не погибнуть морально или физически могли только исключительныя натуры. Восхищаясь мощными фигурами средневѣковыхъ ученыхъ и мыслителей, съ успѣхомъ прошедшихъ эту школу, не забудемъ печальныхъ образовъ безвѣстныхъ жертвъ, которыя гибли или уродовались на тернистомъ пути тогдашней науки.

Б. Р.

ИЗЪ ТЕОФИЛЯ ГОТЬЕ.

На высотѣ.

I.

Я выше поднялся, чѣмъ тучи и орлы;
Безмолвно я стоялъ на выступѣ скалы,
Внизу, лазурью водъ и неба окаймленный,
Лежалъ предо мной сіяющій просторъ,
Какъ отмели въ волнахъ пучины разъяренной—
Изъ бездны высились обломки павшихъ горъ.

И разрушенья видъ былъ грозенъ и печаленъ,
На горныхъ высотàхъ—подобіи развалинъ
Чудовищныхъ—снѣгà виднѣлися вокругъ,
Какъ пѣна на волнахъ, окаменѣвшихъ вдругъ.
То было хаоса подобье мірового,
Гдѣ ожидаетъ все лишь творческаго слова!

---

*) Въ своей «Historia Occidentalis, cap. VII. У Сперанскаго, стр. 136»

Здѣсь—усыпальница исчезнувшихъ племенъ,
Ихъ смыло бурное теченіе временъ,
Какъ унесло оно съ собой левіаѳановъ;
И цѣпь скалистая разбросанныхъ громадъ—
Напоминаетъ мнѣ могилъ гигантскихъ рядъ,
И основанье ихъ—не остовъ ли титановъ?

II.

Люблю я высокія горы во всемъ ихъ величьи суровомъ!
На дѣвственно чистыхъ вершинахъ, одѣтыхъ сребристымъ покровомъ,
Нѣтъ мѣста для зябкихъ растеній и робко таящихся гнѣздъ
И плугомъ въ землѣ каменистой никто не проложитъ бороздъ.

Здѣсь лозы не вьются узоромъ и рожь не цвѣтетъ золотая.
Въ свободномъ, прозрачномъ эфирѣ кружится орлиная стая,
Не вѣдомъ на этомъ просторѣ труда подневольнаго гнетъ,
Здѣсь вѣтеръ гуляетъ въ ущельяхъ и буйныя пѣсни поетъ,

Но дышется легче, вольнѣе на этихъ вершинахъ свободныхъ,
Ихъ дикая прелесть милѣе прекрасныхъ долинъ плодородныхъ,
Гдѣ такъ далека отъ лазури цвѣтущихъ полей мурава,
Что какъ-то не чувствуешь сердцемъ присутствіе въ нихъ Божества.

О. Чюмина.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Неослабѣвающій интересъ къ деревнѣ.—«Мужики» г. Чехова.—Вѣрность изображаемой имъ картины и отсутствіе утрировки.—Его новое въ литературѣ противопоставленіе города и деревни.—Конецъ идеализаціи деревни.—«Въ голодный годъ» Вл. Короленко.—Отмѣчаемый авторомъ антагонизмъ интересовъ въ деревнѣ. — Разочарованіе въ общинѣ и новое направленіе общественной мысли.—Пятидесятилѣтіе ученой, литературной и общественной дѣятельности М. М. Стасюлевича.

Много воды протекло съ того времени, какъ надъ «Антономъ Горемыкой» г-на Григоровича проливались потоки слезъ, и много эта вода унесла съ собой и еще больше всякихъ наносовъ оставила послѣ себя. Одного только она не могла унести и разрушить—интереса къ деревнѣ. Теперь, какъ и прежде, всякое живое изображеніе деревни и ея быта вызываетъ глубокое вниманіе, является центромъ, вокругъ котораго закипаютъ словесные и журнальные споры. Это доказали еще разъ «Мужики» г. Чехова.

За послѣднее время мы не помнимъ, чтобы какое-либо другое произведеніе вызвало такой общій интересъ, какъ это. Успѣхъ его отчасти напоминаетъ вниманіе, съ какимъ былъ встрѣченъ послѣдній разсказъ Л. Н. Толстого «Хозяинъ и работникъ», хотя сущность этого вниманія глубоко различна. Широкая и безотрадная картина деревенской жизни, нарисованная г. Чеховымъ, далека отъ всѣхъ вопросовъ личной морали. Художникъ какъ бы говоритъ намъ этой картиной, что пока мы занимаемся ими, углубляясь въ невозможныя дебри личнаго самоусовершенствованія, мистики, и т. п. милліоны людей бредутъ въ безпросвѣтной ночи, живутъ безъ утѣшенія въ настоящемъ, не имѣя никакихъ надеждъ на лучшее будущее. Въ этомъ и заключается огромное общественное значеніе чеховскаго разсказа. Онъ снова и снова напоминаетъ читателю незабвенныя слова Щедрина о «бѣдной пошехонской сторонѣ», которую «надо любить»...

Сущность разсказа чрезвычайно проста, до примитивности, какъ и жизнь, которую изображаетъ авторъ. Больной лакей изъ московскаго трактира «Славянскій Базаръ», Николай Чикильдѣевъ возвращается на родину, къ себѣ въ деревню, вмѣстѣ съ женой и маленькой дочкой. Всю жизнь онъ прожилъ въ половыхъ, еще мальчикомъ будучи посланъ въ Москву, «добывать» хлѣбъ. Ихъ вся деревня занимается этимъ промысломъ, съ легкой руки ихъ однодеревенца Лонгина Иваныча, ставшаго легендарнымъ, который первый вышелъ на эту дорогу и, ставъ буфетчикомъ, началъ выписывать своихъ земляковъ. Не сладка была эта жизнь, давшая въ концѣ разбитыя ноги и неизлѣчимую болѣзнь. Но то, что на первыхъ же порахъ встрѣчаетъ бывшій лакей у себя дома, еще хуже. «Въ воспоминаніяхъ дѣтства родное гнѣздо представлялось ему свѣтлымъ, уютнымъ, удобнымъ, теперь же, войдя

въ избу, онъ даже испугался: такъ было темно, тѣсно и нечисто... Печь покосилась, бревна въ стѣнахъ лежали криво, и казалось, что изба сію минуту развалится. Въ переднемъ углу возлѣ иконъ были наклеены бутылочные ярлыки и обрывки газетной бумаги — это вмѣсто картинъ. Бѣдность, бѣдность!»

И чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе удручающее впечатлѣніе производитъ эта бѣдность и ея неизмѣнные спутники—невѣжество, дикіе семейные нравы, взаимное самопоѣданіе, попреки, брань, ссоры. Въ первый же день московскіе гости посвящаются въ суть этой жизни. «По случаю гостей поставили самоваръ. Отъ чая пахло рыбой, сахаръ былъ огрызанный и сѣрый, по хлѣбу и посудѣ сновали тараканы; было противно пить, и разговоръ былъ противный—все о нуждѣ да о болѣзняхъ». Возвращается братъ лакея, Кирьякъ, пьяный, и слѣдуетъ семейная сцена, написанная, какъ и весь разсказъ, просто, безъ желанія что-либо прикрасить, съ тою особенною тонкою наблюдательностью, которая отличаетъ вообще манеру г. Чехова. Приводить ее мы не станемъ, отчасти за недостаткомъ мѣста, а главнымъ образомъ потому, что слишкомъ она обычна для деревенской семейной жизни, для «народнаго уклада». Пьяный мужъ бьетъ зря жену, при общемъ молчаніи присутствующихъ, и никто не только не считаетъ себя въ правѣ вступиться и унять буяна, но, вѣроятно, очень удивился бы, если бы ему со стороны сказали, что это его обязанность. «Народный укладъ» еще не дошелъ до понятія о необходимости вступаться за женъ, которыхъ колотятъ мужья.

Противъ г. Чехова раздаются голоса, что онъ утрируетъ мракъ деревни, что его сцены намѣренно подобраны такъ, чтобы сгустить краски. Можетъ быть, но намъ вспоминается книга бывшаго мирового судьи г. Лудмера «Бабьи стоны», въ которой авторъ, подводя итоги своей судейской дѣятельности, приводитъ своеобразную статистику «бабьяго боя»,—и мы не помнимъ, чтобы его книгу находили «утрированной». А безчисленныя сообщенія провинціальныхъ газетъ, повѣствующихъ о томъ же, судебные отчеты, раскрывающіе такія семейныя картинки «народнаго уклада», что при чтеніи ихъ волосы на головѣ шевелятся отъ страха!

Братъ Кирьякъ и Марья — одна семья; Ѳекла—жена другого брата, отслуживающаго повинность въ солдатахъ,—дополняетъ картину ихъ семейной жизни. Марья — баба забитая, слезливая, Ѳекла—бойкая, «гульливая, озорная», красивая и смѣлая, она ищетъ удовольствія на сторонѣ, погуливая съ приказчиками. И опять приходится отмѣтить, что художникъ ничего не прибавляетъ отъ себя. Явленіе хорошо знакомое, давно изслѣдованное, отмѣченное, занесенное въ медицинскіе отчеты о санитарномъ состояніи деревни...

Могутъ замѣтить, что эти двѣ семьи—продуктъ новѣйшаго времени, а старый укладъ давалъ и лучшіе семейные устои. Авторъ приводитъ и представителей старой семьи—отца и мать этихъ новыхъ семей. «Старуха, которую и мужъ, и невѣстки, и дѣти, и внуки, всѣ одинаково звали бабкой, старалась все дѣлать сама, сама топила печь и ставила самоваръ, сама даже ходила наполдень и потомъ роптала, что ее измучили работой. И все она безпокоилась, какъ бы кто не съѣлъ лишняго куска, какъ бы старикъ и невѣстки не сидѣли безъ работы... Сердилась и ворчала она съ утра до ночи и часто поднимала такой крикъ, что на улицѣ останавливались прохожіе. Съ своимъ старикомъ она обращалась неласково, обзывала его то лежебокомъ, то холерой. Это былъ

неосновательный, ненадежный мужикъ и, быть можетъ, если бы она не понукала его постоянно, то онъ не работалъ бы вовсе, а только сидѣлъ на печи да разговаривалъ». Старики ни въ чемъ не уступали молодымъ, ни въ чемъ не могли служить для нихъ примѣромъ. Тоже пьянство, ругань, отупѣлое, животное отношеніе другъ къ другу, къ дѣтямъ, къ жизни. Ольгу, жену больного Николая, «удивляло, что брань слышалась непрерывно и что громче и дольше всѣхъ бранились старики, которымъ пора уже умирать. А дѣти и дѣвушки слушали эту брань и нисколько не смущались, и видно было, что они привыкли къ ней съ колыбели».

Неудивительно, если, сравнивая безсознательно эту жизнь съ прежней, московскій лакей мечтаетъ о своемъ старомъ трактирѣ, какъ о раѣ. Въ разсказѣ есть одна удивительно тонкая психологическая черта, когда въ безсонную ночь, послѣ разговоровъ о бѣдности и нуждѣ, да о старыхъ временахъ, отъ которыхъ остались въ воспоминаніи одни ужасающіе разсказы о крѣпостной жизни, больной Николай слѣзаетъ съ печи и надѣваетъ свой старый, захваченный имъ изъ города фракъ,—остатокъ былой жизни. «Онъ досталъ изъ зеленаго сундучка свой фракъ, надѣлъ его и, подойдя къ окну, погладилъ рукавъ, подержался за фалдочки и улыбнулся. Потомъ осторожно снялъ фракъ, спряталъ въ сундукъ и опять легъ». Для него этотъ смѣшной съ нашей точки зрѣнія костюмъ былъ символомъ всего хорошаго, что вставало въ его памяти при видѣ окружающей бѣдности и дикости. Онъ говорилъ ему, что есть и иная жизнь, гдѣ не только съ утра брань, попреки, ссоры, подсчеты кусковъ, пьянство, недоимки. Пусть и въ той, иной жизни онъ занималъ самое маленькое, послѣднее мѣсто,—онъ видѣлъ, зналъ, что есть она, эта иная жизнь, и это одно уже служило ему утѣшеніемъ.

А его родные, всѣ жители Халуевки, всѣ, которые не отсылались въ Москву «добывать», даже въ уѣздный городъ не знали дороги, не бывали тамъ, не видѣли ничего, кромѣ своей деревни. «Марья считала себя несчастной и говорила, что ей очень хочется умереть; Ѳеклѣ же, наоборотъ, была по вкусу вся эта жизнь: и бѣдность, и нечистота, и неугомонная брань. Она ѣла, что давали, не разбирая; спала, гдѣ и на чемъ придется; помои выливала у самаго крыльца: выплеснетъ съ порога, да еще пройдется босыми ногами по лужѣ. И она съ перваго же дня бранила Ольгу и Николая именно за то, что имъ не нравилась эта жизнь.

— Погляжу, что вы тутъ будете ѣсть, дворяне московскіе!—говорила она съ злорадствомъ.—Погляжу-у?

«Однажды утромъ,—это было уже въ началѣ сентября,—Ѳекла принесла снизу два ведра воды, розовая отъ холода, здоровая, красивая; въ это время Марья и Ольга сидѣли за столомъ и пили чай.

— Чай да сахаръ! — проговорила Ѳекла насмѣшливо.—Барыни какія,—добавила она, ставя ведра, — моду себѣ взяли каждый день чай пить. Гляди-кось, не раздуло-бы васъ съ чаю-то!—продолжала она, съ ненавистью глядя на Ольгу. — Нагуляла въ Москвѣ пухлую морду, толстомясая!

«Она замахнулась коромысломъ и ударила Ольгу по плечу, такъ что обѣ невѣстки только всплеснули руками и проговорили: «Ахъ, батюшки!»

«Потомъ Ѳекла пошла на рѣку мыть бѣлье и всю дорогу бранилась такъ громко, что было слышно въ избѣ».

Весь ужасъ картины деревенской жизни въ томъ и заключается, что не видно выхода, нѣтъ надежды на то, что это должно измѣниться.

*

Вы не видите силы, указывая на которую могли бы сказать: здѣсь спасеніе! Общинные порядки, пресловутый міръ? Представителемъ его является староста Антонъ Сидельниковъ. «Не смотря на молодость,—ему было только 30 лѣтъ съ небольшимъ,—онъ былъ строгъ и всегда держалъ сторону начальства, хотя самъ былъ бѣденъ и платилъ подати неисправно. Видимо, его забавляло, что онъ староста, и нравилось сознаніе власти, которую онъ иначе не умѣлъ проявлять, какъ строгостью»,—онъ глупъ, невѣжественъ, смѣшонъ и такъ же жалокъ, какъ его избиратели. Внѣшнее начальство представляетъ становой, пріѣзжающій для сбора недоимки. «Скоро онъ уѣхалъ; и когда онъ садился въ свой дешевый тарантасъ и кашлялъ, то даже по выраженію его длинной худой спины видно было, что онъ уже не помнилъ ни объ Осипѣ, ни о старостѣ, ни о жуковскихъ недоимкахъ, а думалъ о чемъ-то своемъ собственномъ». За недоимки у семьи Чикильдѣевыхъ староста уноситъ самоваръ. «Безъ самовара въ избѣ Чикильдѣевыхъ стало совсѣмъ скучно. Было что-то унизительное въ этомъ лишеніи, оскорбительное, точно у избы вдругъ отняли ея честь». Это, вѣдь, была единственная связь съ чѣмъ-то не отъ «міра», говорившая о какой-то иной невѣдомой обстановкѣ,—и она описывается, какъ вещь, не представляющая предмета «первой необходимости въ хозяйствѣ». Власть оберегаетъ лишь то, что непосредственно необходимо для выполненія обязанностей хозяйства предъ нею... Далѣе, идетъ земство, о которомъ мужики знаютъ одно, что во всемъ виновато оно.

«— Земство!—говорилъ Осипъ.— Кто-жъ!

«— Извѣстно, земство.

«Земство обвиняли во всемъ, и въ недоимкахъ, и въ притѣсненіяхъ, и въ неурожаяхъ, хотя ни одинъ не зналъ, что значитъ земство. И это пошло съ тѣхъ поръ, какъ богатые мужики, имѣющіе свои фабрики, лавки и постоялые дворы, побывали въ земскихъ гласныхъ, остались недовольны и потомъ въ своихъ фабрикахъ и трактирахъ стали бранить земство».

Можетъ быть, есть высшіе запросы, смутно назрѣвающіе въ душѣ, запросы, на которые такъ или иначе деревня ищетъ отвѣта? Прежде всего, конечно, религіозное чувство, которое не можетъ оставаться безъ удовлетворенія, обязательно должно искать его. И оно есть, и вотъ какъ описываетъ его художникъ.

«Старикъ не вѣрилъ въ Бога, потому что почти никогда не думалъ о Богѣ: онъ признавалъ сверхъестественное, но думалъ, что это можетъ касаться однѣхъ лишь бабъ, и когда говорили при немъ о религіи или о чудесномъ и задавали ему какой-нибудь вопросъ, то онъ говорилъ нехотя, почесываясь:

«— А кто-жъ его знаетъ!

«Бабка вѣрила, но какъ-то тускло; все перемѣшалось въ ея памяти, и едва она начинала думать о грѣхахъ, о смерти, о спасеніи души, какъ нужда и заботы перехватывали ея мысли, и она тотчасъ же забывала, о чемъ думала. Молитвъ она не помнила и обыкновенно по вечерамъ, когда ложилась спать, становилась передъ образами и шептала:

«— Казанской Божьей Матери, Смаленской Божьей Матери, Троеручицы Божьей Матери...

«Марья и Ѳекла крестились, говѣли каждый годъ, но ничего не понимали. Дѣтей не учили молиться, ничего не говорили о Богѣ, не внушали никакихъ правилъ и только запрещали въ постъ ѣсть скоромное. Въ прочихъ семьяхъ было почти тоже. Мало кто вѣрилъ, мало кто понималъ; въ тоже время всѣ любили священное писаніе, любили нѣжно, благоговѣйно, но не было книгъ, некому было читать

и объяснять, и за то, что Ольга иногда читала Евангеліе, ее уважали, и всѣ говорили ей и Сашѣ «вы»...

Какъ видимъ, запросы на нѣчто, хотя и смутное и крайне неопредѣленное, есть въ душѣ деревни, но, ничего не видя, не зная, не имѣя даже возможности знать, деревня не ищетъ отвѣта. Ей надо принести его извнѣ, такъ какъ сама она не заключаетъ въ себѣ силы, которая распахнула бы двери въ міръ,—не деревенскій, а настоящій, божій, свѣтлый и широкій.

Въ концѣ концовъ, Николай умираетъ, залѣченный по-деревенски, а его жена и дочь возвращаются въ городъ.

«Въ полдень Ольга и Саша пришли въ большое село... Остановившись около избы, которая казалась побогаче и новѣе, передъ открытыми окнами, Ольга поклонилась и сказала громко, тонкимъ пѣвучимъ голосомъ:

«— Православные христіане, подайте милостыню Христа ради, что милость ваша, родителямъ вашимъ царство небесное, вѣчный покой.

«— Православные христіане,—запѣла Саша,—подайте Христа ради, что милость ваша, царство небесное»...

Этотъ конецъ подчеркиваетъ своимъ припѣвомъ еще одну особенность деревни, которая за тысячи лѣтъ существованія не додумалась до формъ общественной помощи. «Хожденіе въ кусочки»—единственное, что знаетъ деревня, какъ помощь своему брату. Общинный бытъ съ круговой порукой, и не могъ додуматься до иной формы, такъ какъ примитивность ея ему вполнѣ по плечу.

Итакъ, деревня не приняла «московскихъ гостей», думавшихъ найти здѣсь отдыхъ и покой. Художникъ какъ будто желаетъ дать отвѣтъ на прежніе призывы въ деревню, въ которой одной спасеніе отъ золъ современнаго «капиталистическаго строя», развращающаго нравственно, губящаго физически народную массу. Правду жизни можно найти только въ деревнѣ; добрые нравы—только въ деревнѣ, сколько разъ мы это слышали, сколько бумаги истрачено на краснорѣчивыя доказательства деревенскаго превосходства предъ городской распущенностью, нищетой и всяческой скверной!

«Бѣдная это страна, ее надо любить». Но любить не значитъ—закрывать глаза на всѣ недостатки и видѣть достоинства тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Картину г. Чехова мы ни въ чемъ не находимъ утрированной, такъ какъ все, что онъ собралъ въ небольшемъ разсказѣ, можетъ быть подтверждено самыми точными изслѣдованіями и наблюденіями. Правда, онъ слишкомъ все сконцентрировалъ, вслѣдствіе чего получился букетъ необычайной яркости и крѣпости, но въ этомъ мы видимъ достоинство, а не недостатокъ. Онъ облегчаетъ этимъ выводы, заставляетъ даже невнимательнаго и непривыкшаго самостоятельно думать читателя—понять простую, но глубокую истину, до сихъ поръ признаваемую за ересь въ русской литературѣ, — что городская жизнь, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, все-таки культурнѣе, выше, человѣчнѣе, чѣмъ деревенскій пресловутый «укладъ».

Пожившій въ городѣ мужикъ, обжившійся и свыкшійся съ условіями работы и городской обстановки, уже рѣдко мирится съ деревенской жизнью. Она возбуждаетъ его на каждомъ шагу и во всемъ—въ семейныхъ отношеніяхъ, личныхъ и общественныхъ. Онъ не находитъ въ деревнѣ того разнообразія жизни, которое давало бы ему возможность сравненія, служило бы ему объектомъ для работы мысли, будило бы послѣднюю, толкало впередъ. Деревня не развиваетъ своихъ дѣтей, она притупляетъ ихъ своимъ одно-

образіемъ. Фабричный, мастеровой, дворникъ, кухарка, лакей и прочій рабочій людъ города живетъ куда не сладко, но онъ видитъ кругомъ себя иную жизнь, онъ въ одинъ часъ, проведенный внѣ круга своихъ обычныхъ занятій, увидитъ и узнаетъ больше, чѣмъ мужикъ въ деревнѣ за день. Сталкиваясь въ городѣ съ массой новыхъ людей, онъ невольно воспринимаетъ что-нибудь, чего въ немъ не было ранѣе и что уже составляетъ нѣкоторый плюсъ. Онъ начинаетъ замѣчать такія вещи, которыхъ раньше не видѣлъ даже, до того онѣ казались ему естественны. Тамъ, Николая и его семью поражаетъ нечистоплотность, грязь, которую остальные члены семьи не замѣчаютъ, а Ѳеклѣ, никогда не выходившей за предѣлы деревни, эта грязь даже нравится, какъ нѣчто свое, родное. Жену Николая удивляетъ неугомонная безстыдная брань, которая никого—ни дѣтей, ни дѣвушекъ не смущаетъ. Николай заступается за свою дѣвочку, когда бабка бьетъ ее, его это возмущаетъ, когда чужой, хотя бы и бабка, бьетъ его дочь, и т. д.

На это развивающее, культурное вліяніе города наша литература не обращала до сихъ поръ вниманія, съ избыткомъ рисуя дурныя стороны городской жизни. Изслѣдователи и беллетристы какъ-то стороной проходили городъ, видя только его зады, и, возмущенные ихъ неприглядностью, съ отрадой и упованіемъ устремляли взоры въ деревню, гдѣ съ ними происходило обратное: они видѣли все хорошее деревни и сквозь розовые очки смотрѣли на дурное. Будучи слишкомъ правдивы, чтобы умолчать о послѣднемъ, они сейчасъ же находили или подыскивали «смягчающія вину обстоятельства», и въ результатѣ сложилось ходячее мнѣніе, что городъ губитъ, деревня — спасаетъ. О «трактирной цивилизаціи» написаны цѣлые трактаты, и въ публицистической, и беллетристической формѣ, но изнанка деревенской жизни если и фигурировала въ народнической литературѣ, то лишь какъ нѣчто наносное, временно привитое деревнѣ, которая сама по себѣ чиста и прекрасна. А между тѣмъ, деревня въ ея современномъ видѣ обладаетъ всѣми недостатками трактирной цивилизаціи, ея грязью, невѣжествомъ, развратомъ, и ни однимъ изъ ея достоинствъ. Да, достоинствъ, такъ какъ деревенская дичь и некультурность въ сравненіи даже съ трактирной цивилизаціей—поразительны. Главное, въ деревенской жизни не видно никакихъ культурныхъ зачатковъ. Здѣсь—одна борьба за существованіе, поставленная въ примитивныя условія, мало чѣмъ отличающіяся отъ условій животной жизни.

Нѣтъ, къ сожалѣнію, ничего не преувеличилъ г. Чеховъ. Онъ только какъ художникъ собралъ отдѣльныя, разсѣянныя черты, изобразивъ ихъ въ видѣ общей картины житья-бытья Халуевки. Такой конкретной Халуевки, можетъ быть, вы и не найдете. Но въ десяткахъ тысячъ «Халуевокъ», разсѣянныхъ по обширному лицу «пошехонской стороны», вы встрѣтите все то, что имъ описано, а во многихъ — многое и похуже...

Мало книгъ можно указать настолько поучительныхъ, какъ «Въ голодный годъ» В. Г. Короленко, вышедшая недавно третьимъ изданіемъ. Изъ всей литературы голоднаго гола уцѣлѣла только она одна, но и ея довольно, чтобы составить себѣ ясное представленіе какъ о самомъ голодномъ годѣ, такъ и о томъ, какое огромное значеніе долженъ былъ онъ получить въ развитіи общественнаго самосознанія. Въ исторіи народнаго хозяйства онъ послужилъ гранью, годомъ перелома, когда давно назрѣвавшія вну-

три деревни явленія «разлада» и «антагонизма» прорвались и выступили наружу. Одновременно съ этимъ въ сознаніи общества тоже насталъ переломъ, обнаружившійся рѣзко и громко въ литературѣ. Разочарованіе въ народнической доктринѣ, недовѣріе къ упованіямъ, возлагавшимся на общину, и все болѣе и болѣе выяснявшаяся иллюзорность ея, получила въ этотъ годъ полное подтвержденіе.

Что же обнаружилъ голодный годъ?

На этотъ вопросъ пусть отвѣчаетъ талантливый лѣтописецъ, вдумчивый наблюдатель и несравненный художникъ по образной передачѣ своихъ наблюденій.

Онъ обнаружилъ «опасность», говоритъ онъ на стр. 218—219.

«Опасность, во-первыхъ, въ народномъ невѣжествѣ, которое по объему равно народному долготерпѣнію. Опасность, во-вторыхъ, въ огромной бреши, которую послѣдніе годы сдѣлали въ народномъ хозяйствѣ. «Крестьянство рушится»,—эта фраза слышится теперь слишкомъ часто... Рушится крестьянство, какъ рушится дорога, подтопленная снизу весенней ростепелью. Опасность въ этихъ четвертяхъ мельницъ, въ этихъ тысячахъ мельничныхъ крыльевъ, быстро переходящихъ въ кулацкія руки изъ-за нѣсколькихъ мѣръ хлѣба, не выданнаго своевременно; въ этихъ тысячахъ головъ скота, безсильно падающихъ отъ безкормицы или тоже переходящихъ къ кулакамъ за безцѣнокъ... Годъ за годомъ оставлялъ свою рытвину, точно слѣдъ рѣки на отлогомъ берегу. Два послѣдніе года произвели уже настоящій обрывъ, точно послѣ наводненія... Рѣка народной жизни опять войдетъ въ русло, но теченіе уже будетъ не то».

И далѣе авторъ рисуетъ цѣлую деревню, все населеніе которой такъ аттестуетъ себя:

«— Нѣшто мы жители, поглядите на насъ.

«— Какіе мы жители, что ужъ...

«Житель — это крестьянинъ, хозяинъ, человѣкъ самостоятельный, въ противоположность бездомному, безхозяйному, нищему. Трудно себѣ представить впечатлѣніе этихъ словъ «какіе мы жители», когда цѣлая деревня говоритъ это о себѣ. Уничиженіе, уныніе, потупленные глаза, стыдъ собственнаго существованія... И невольно, какъ посмотришь, соглашаешься съ ними: какіе ужъ это жители!» (стр. 231).

И такими «жителями» оказался населеннымъ цѣлый уголъ уѣзда, который авторъ окрестилъ именемъ «Камчатки». Читателю, которому стали извѣстны, одновременно съ сообщеніями г. Короленко, десятки другихъ такихъ же Камчатокъ, становилось жутко, и невольно напрашивались недобрыя мысли объ «укладѣ», при которомъ живутъ эти «жители». А наблюдатели, одинъ за другимъ, торопились докладывать, что «антагонизмъ» интересовъ въ «Камчаткахъ» ничѣмъ не уступаетъ такому же антагонизму въ городѣ. «Въ томъ и дѣло,—говоритъ г. Короленко,—что «мужика», единаго и нераздѣльнаго, просто мужика—совсѣмъ нѣтъ; есть Ѳедоты, Иваны, бѣдняки, богачи, нищіе и кулаки, добродѣтельные и порочные, заботливые и пьяницы, живущіе на полномъ надѣлѣ и дарственники, съ надѣлами въ одинъ лапоть, хозяева и работники» (стр. 106 — 107)... Словомъ, въ общинѣ все обстоитъ совершенно такъ, какъ у насъ.

Причемъ же, спрашивается, община, на которую намъ указывали, какъ на базисъ «благополучія», какъ на спасительницу, ограждающую насъ отъ всѣхъ золъ?

«Міръ въ цѣломъ, со своимъ «равненіемъ по душамъ», становится между голытьбой и помощью. Первую партію муки, присланной въ началѣ осе-

ни въ деревню, крестьяне тотчасъ же раздробили на микроскопическія доли. Досталось каждому по 5 фунтовъ! «Пошло на распылъ», — острили по этому поводу. Въ одномъ уѣздѣ исправникъ, получивъ 100 р. отъ благотворительнаго комитета, сдалъ ихъ на руки властямъ большого села для помощи наиболѣе нуждающимся. «Міръ» съ быстротою паровой машины раздѣлилъ деньги опять «по душамъ»: пришлось на душу по 7 к.» И авторъ, а вмѣстѣ съ нимъ и читатели, находятъ такое отношеніе вполнѣ правильнымъ: стоитъ только отдѣлаться отъ навязаннаго, фиктивнаго «міра» и взглянуть на дѣло просто, какъ оно есть. «Представьте только, что въ городѣ, гдѣ вы живете, ввели бы принудительныя и притомъ довольно крупныя пожертвованія, и скажите, какъ бы вы отнеслись къ этому. Деревня жертвуетъ не мало, по своему и добровольно: посмотрите на эти массы нищихъ, у каждаго окна получающихъ кусокъ дорогого хлѣба... Но принудительнаго пожертвованія, хотя бы и въ пользу своихъ односельцевъ, она избѣгаетъ тѣми средствами, какія у нея подъ руками. Въ этомъ отношеніи средній деревенскій мужикъ похожъ на средняго горожанина: онъ хочетъ платить только за себя. А такъ какъ ссуду потребуютъ со всего міра, т.-е. съ плательщика, то и взять ее считаетъ себя въ правѣ плательщикъ».

Такимъ образомъ, «гармонія интересовъ въ средѣ крестьянскаго міра оказывается фикціей», по выраженію автора.

Потерявъ вѣру въ общину, убѣдившись наглядно въ голодный годъ въ фикціи особеннаго русскаго народнаго уклада, общественная мысль не могла успокоиться, не искать выхода изъ современнаго положенія. Прежде всего она отказалась отъ иллюзіи относительно общины, и это былъ огромный шагъ впередъ, за которымъ не замедлилъ второй. Понятія «капитализмъ», «капиталистическій строй хозяйства» перестали быть пугаломъ, отъ котораго всякій правовѣрный интеллигентъ долженъ былъ открещиваться, какъ отъ сатаны и дѣлъ его.

Выяснились всѣ темныя стороны общиннаго быта. Мы увидѣли «сельскій пролетаріатъ», въ сравненіи съ которымъ городской, лучше сказать фабричный пролетаріатъ можетъ считаться обезпеченнымъ. Увидѣли невѣжество, болѣзни, пьянство и нищенство, процвѣтающія у насъ въ деревнѣ подъ покровомъ общины. Конечно, не одна она ихъ создала, но она ничего не выдвинула для борьбы съ ними, ни одного учрежденія, которое выросло бы въ ея нѣдрахъ и, глядя на которое, можно было бы сказать, что община обладаетъ внутренней созидательной силой. Что невѣжество, пьянство, болѣзни, нищенство являются непосредственнымъ отраженіемъ экономическаго строя, съ этимъ едва ли кто станетъ спорить теперь. Но если такъ, то стоитъ ли такъ усиленно цѣпляться за хозяйственный строй, создавшій перечисленныя прелести?

30-го мая исполнилось пятидесятилѣтіе ученой, литературной и общественной дѣятельности М. М. Стасюлевича.

Мало именъ въ нашей общественной жизни можно указать столь безупречныхъ и чистыхъ, пользующихся общимъ уваженіемъ друзей и противниковъ. Въ разнообразной и многосторонней дѣятельности, какъ профессоръ, ученый, литераторъ, редакторъ, думскій и земскій гласный, М. М. Стасюлевичъ, въ теченіе полувѣковой работы, оставался неизмѣнно человѣкомъ принципіальнымъ, всегда стоявшимъ не на личной или временной, обусловленной злобою дня, точкѣ зрѣнія, а общественной и только общественной.

Хорошую закалку своихъ убѣжденій получили эти люди шестидесятыхъ годовъ, къ которымъ принадлежитъ г. Стасюлевичъ. Дѣятельность его, правда, началась раньше, но расцвѣтъ и разносторонность ея несомнѣнно относятся ко времени эпохи «великихъ реформъ». Въ жгучемъ огнѣ этого времени они закалялись настоящими бойцами, навсегда сохранившими неизмѣнную вѣру въ силу права и справедливости.

Не мало черныхъ моментовъ пришлось пережить ему на протяженіи полувѣка, и нужны почти сверхъестественныя усилія, чтобы сохранять съ неизмѣннымъ блескомъ ту искру божью, съ которой М. М. Стасюлевичъ взошелъ на каѳедру, какъ профессоръ, вступилъ въ журналистику, какъ издатель и редакторъ, сталъ въ ряды только что созданной новой общественной силы—думы и земства. Глубоко интересна должна быть психологія такого человѣка, который съумѣлъ сохранить въ себѣ стойкость и силы тамъ, гдѣ падало такъ много другихъ, когда-то подававшихъ столько лучшихъ надеждъ, вступавшихъ въ жизнь съ горячимъ желаніемъ добра и кончавшихъ ее подъ градомъ проклятій, подавленные общимъ презрѣніемъ и молчаливою ненавистью. Оглядываясь назадъ, сколько любопытныхъ исторій подобныхъ паденій долженъ вспоминать невольно М. М. Стасюлевичъ, и какая горечь должна быть въ этихъ воспоминаніяхъ!.. Онъ—какъ живая хроника—и какого времени!—хроника, въ которой не одна блестящая страница написана его, не знавшей усталости, рукой.

Какъ ученый, онъ вписалъ въ нее свое имя одной изъ лучшихъ работъ по философіи исторіи, трактатомъ о Вико. Какъ профессоръ, онъ составилъ классическую хрестоматію по исторіи среднихъ вѣковъ, до сихъ поръ лучшее пособіе для ихъ изученія въ средней школѣ. Какъ редакторъ, создалъ единственный въ наше время журналъ, который въ теченіе тридцати пяти лѣтъ не измѣнилъ ни въ чемъ лучшимъ традиціямъ русской литературы. Можно сказать, что въ «Вѣстникѣ Европы» съ удивительной цѣльностью отразилась, какъ въ зеркалѣ, личность самого М. М. Стасюлевича: просвѣщенный въ лучшемъ, широкомъ значеніи слова, гуманный и мягкій, джентльменски-корректный, спокойный и стойкій, журналъ этотъ внушилъ уваженіе всѣмъ противникамъ, къ какому бы лагерю они ни принадлежали. Клевета и личныя попадки, къ сожалѣнію, играющія немалую роль въ журналистикѣ, никогда не касались этого журнала, такъ же какъ и на его страницахъ для нихъ не было мѣста.

Такимъ же, какъ въ журналистикѣ, явился и былъ все время М. М. Стасюлевичъ и въ общественной дѣятельности. Въ думѣ и земствѣ онъ отмежевалъ себѣ область народнаго просвѣщенія, а въ исторіи народной школы Петербурга его имя вписано навсегда и на первомъ мѣстѣ. Какое исключительное положеніе занимаетъ въ думѣ М. М. Стасюлевичъ показали послѣдніе выборы. Не смотря на партійную ожесточенность, ознаменовавшую эти выборы, онъ одинъ изъ немногихъ, къ которому всѣ партіи отнеслись съ равнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, и прошелъ въ числѣ первыхъ по количеству голосовъ. Въ думѣ М. М. Стасюлевичъ занимаетъ все время особое мѣсто, всегда одно и то же среди постоянно мѣняющихся думскихъ партій, и когда раздается его плавная, спокойная, всегда проникнутая вполнѣ общественными мотивами, рѣчь,—всѣ голоса смолкаютъ, и самые задорные слушаютъ этого Нестора петербургской думы съ равнымъ вниманіемъ и преклоненіемъ.

Да, что бы ни говорили факты со-

временной жизни, есть нравственная сила, и она—единственная, которой нѣтъ конца и которой всегда въ концѣ концовъ принадлежитъ побѣда. Кто владѣетъ ею, тому не страшны измѣнчивыя настроенія дня, какъ бы сильны они ни казались, не страшны именно потому, что они измѣнчивы. безсвязны, неустойчивы, въ самихъ себѣ нося зародышъ безвременной дряблости и смерти. Пусть временно они преобладаютъ на поверхности общественной жизни, задаютъ тонъ слабымъ и ничтожнымъ,—ихъ власть мимолетна и проходитъ безслѣдно. Значеніе нравственной силы въ общественной жизни вѣчно, ею создаются основы будущаго, ею намѣчается путь будущимъ поколѣніямъ, и они не забудутъ одного изъ лучшихъ и чистѣйшихъ ея носителей—М. М. Стасюлевича.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Нѣсколько итоговъ переписи. Въ статистическомъ отдѣленіи Императорскаго географическаго общества г-номъ Вильсономъ было прочитано интересное сообщеніе о результатахъ послѣдней переписи въ Петербургѣ. Всѣхъ переписей въ С.-Петербургѣ произведено четыре: въ 1869, 1881, 1890 и 1897 годахъ. Въ промежутокъ времени между двумя первыми переписями населеніе возросло значительно, за время между второю и третьею увеличеніе населенія было нѣсколько замедлено, а между третьею и четвертою опять замѣтно большое увеличеніе населенія: мѣстами въ городѣ до 3 проц. Особенное увеличеніе замѣчается среди крестьянскаго населенія столицы, которое достигло 750.000 чел. и увеличилось съ предшествовавшей переписи на 57 проц., тогда какъ увеличеніе среди другихъ классовъ населенія гораздо меньше. Приростъ населенія особенно замѣтенъ на окраинахъ города. Относительно роста населенія по поламъ оказывается, что на 100 мужчинъ въ настоящее время приходится 82 женщины, а по прежнимъ тремъ переписямъ 76,82 и 86 т.; въ пригородахъ на 100 мужчинъ приходится 74 женщины. Данныя относительно лицъ, «живущихъ въ частныхъ и казенныхъ квартирахъ, показываютъ, что въ петербургскихъ дворцахъ, казармахъ, закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, благотворительныхъ учрежденіяхъ, тюрьмахъ и другихъ казенныхъ домахъ живетъ 160 т. человѣкъ.

Общее число лицъ, живущихъ въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ пригородами, равняется 1.267.023 человѣка.

Изъ опубликованныхъ до сихъ поръ результатовъ переписи чрезвычайно любопытны цифры, показывающія ростъ нашихъ городовъ. Оказывается, напр., что пятымъ по числу жителей городомъ является Лодзь, фабричный городъ, имѣющій 314.780 населенія и уступающій посему лишь: С.-Петербургу, имѣющему съ пригородами 1.267.023 жит., Москвѣ 988.610, Варшавѣ 614.752 и Одессѣ 504.651.

Городовъ съ населеніемъ, превышающимъ 100 тыс., оказалось 19.

Въ число ихъ, кромѣ приведенныхъ выше пяти, вошли:

Рига	282.943
Кіевъ	248.750
Харьковъ	170.682
Тифлисъ	159.862
Вильна	159.568
Ташкентъ	156.506
Саратовъ	133.116
Казань	131.508
Екатеринославъ	121.216
Ростовъ-на-Дону	119.889
Астрахань	113.075
Баку	112.253
Тула	111.048
Кишиневъ	108.506

Городовъ съ населеніемъ отъ 100 до 50.000 имѣется у насъ теперь 35, между ними появилось такое мало знакомое имя, какъ Намангамъ (61.907 ж.), и незнакомые прежнимъ переписямъ города Самаркандъ и Коканъ, ставшіе выше нашихъ Твери, Полтавы и Курска. Вообще города Средней Азіи заняли далеко не послѣднее мѣсто.

Заживо погребенные. Южныя газеты сообщаютъ объ ужасномъ случаѣ религіознаго изувѣрства, происшедшемъ недавно въ окрестностяхъ Тирасполя, Херсонской губ.: два старовѣра замуровали въ ямѣ погреба 9 человѣкъ, «желавшихъ принять мученичество».

Въ самомъ городѣ Тирасполѣ и его окрестностяхъ проживаетъ много старообрядцевъ. Большею частію это садоводы собственники или арендаторы садовъ. Послѣднихъ, какъ вообще въ Поднѣстровьи, очень много въ чертѣ Тирасполя и на земляхъ сливающихся съ нимъ поселеній. Въ садахъ, кромѣ фруктовыхъ деревьевъ, выращивается виноградъ, идущій главнымъ образомъ на вино, для сохраненія котораго имѣются погреба. Въ одномъ изъ подобныхъ погребовъ случилось происшествіе, о которомъ идетъ рѣчь:

Года два тому назадъ, среди старообрядцевъ распространился слухъ, что около 1 января 1897 г. будетъ конецъ міра. Большая комета уничтожитъ все живущее на землѣ, послѣ чего настанетъ страшный судъ. Во второй половинѣ минувшаго года стало извѣстно, что перепись населенія скоро будетъ совершившимся фактомъ. Перепись эта вмѣстѣ съ грядущимъ страшнымъ судомъ заставила скитниковъ подумать о спасеніи своихъ душъ, о томъ, чтобы предстать на судъ Божій угодниками и пострадавшими во имя Христа. Когда, наконецъ, 21 января явился переписчикъ въ усадьбу однихъ изъ старообрядцевъ Ковалевыхъ и Фоминыхъ, то нашелъ двери скита запертыми, а только черезъ отверстіе получилъ письменное заявленіе, что скитники никакихъ свѣдѣній не дадутъ. Ихъ, въ числѣ 5, взяли въ городъ, но такъ какъ они принадлежали несомнѣнно къ мѣстнымъ жителямъ, а отъ пищи отказывались, то имъ предоставили отправиться куда угодно.

Прошелъ слухъ, что до 17 человѣкъ, боясь переписи и кометы, отправились въ Яссы и въ другія мѣста Румыніи. Однако, скоро появились слухи, что обитатели скита въ Румынію не ушли, къ роднымъ своимъ не явились и никакихъ извѣстій о себѣ не подаютъ. Тирасполецъ, раскольникъ Соловьевъ, выдавшій свою дочь за Ковалева, настойчиво требовалъ отъ мужа дочери указанія, куда дѣлась его жена съ двумя малютками-дочерьми. Другіе также искали: кто брата, кто отца или мать. Наконецъ, сама старуха Ковалева Александра, 60 л., исчезла со своимъ сыномъ и дочерью. Скитъ начали осаждать со всѣхъ сторонъ: Ѳедору Ковалеву и Горжеву, женатому на дочери Ковалевой, проходу не было. Эти экзальтированные преступники еще не сознавались въ своей винѣ, какъ молва прямо указала на погребъ,

гдѣ въ ямѣ замуровано 17 душъ живьемъ.

Всѣ эти толки скоро стали общеизвѣстными, и вотъ въ Ковалевскую усадьбу нагрянули власти, которые прежде другихъ допросили Ѳедора Ковалева и Горжева. Не отнѣкиваясь незнаніемъ, они подробно разсказали, что 9 человѣкъ ими замурованы въ ямѣ погреба, что яма была спеціально выкопана. «Для чего же вы это сдѣлали?»—спросили ихъ. «Они пожелали принять мученичество. Если бы они попросили ихъ убить, я бы это сдѣлалъ», пояснилъ Ковалевъ. Спустились въ погребъ, проломали отверстіе въ яму и, къ общему удивленію и ужасу, при освѣщеніи увидѣли груду разложившихся тѣлъ, покрытыхъ землей, въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. Ковалевъ назвалъ всѣхъ по именамъ и фамиліямъ.

Яма, въ которой были замурованы раскольники, убоявшіеся переписи, была въ ширину и въ длину не болѣе 5 арш., а въ вышину около 2 аршинъ. Что тамъ всѣмъ умершимъ было очень тѣсно, доказывается тѣмъ, что одинъ вырылъ въ стѣнѣ яму, въ которой помѣстилъ голову и плечо. Замѣчательно, что эти люди, рѣшившіе предать себя смерти, по мучительности страданій самой ужасной, захватили съ собой съѣдобное, постели, молитвенники, свѣчи. Не думали ли они, что въ этомъ помѣщеніи они проживутъ до разгрома земли и всего живущаго на ней кометою? Можетъ быть, они надѣялись въ этой трущобѣ пожить до дня переписи, и потомъ уйти, но въ такомъ случаѣ надо допустить, что всѣ другіе жильцы Ковалевской усадьбы знали все происшедшее.

Видъ труповъ ужаснѣйшій. Всѣ умерли въ судорогахъ; руки, ноги скорчены, туловища согнуты, одежда разорвана, нижнія части тѣлъ оголены, лица до того покрыты мхомъ, въ $1/2$ вершка вышины, что трудно разобрать, кто мужчина и кто женщина. У грудного ребенка нижняя часть трупа сохранилась, верхняя—одинъ комъ. Можно было допустить, что мать обниметъ дѣтей въ моментъ смерти, но нѣтъ—дѣти найдены отдѣльно. Въ числѣ труповъ были и старики, и молодые...

Въ находящемся невдалекѣ погребѣ земля также оказалась вскопанной и, повидимому, недавно.

Есть предположеніе, что и тамъ должны быть трупы. Самъ Ковалевъ, арестованный, намекаетъ на это, хотя и говоритъ, что онъ этого не знаетъ.

Одинъ молодой раскольникъ передаетъ, что есть еще мѣсто, гдѣ погребены были живые люди, что ихъ замуровали послѣ 23 декабря, но тѣ, кто знаетъ это, ни за что, хоть рѣжьте ихъ, не откроютъ.

Корреспондентъ «Од. Листка» разсказываетъ слѣдующія подробности объ этомъ ужасномъ дѣлѣ: «Послѣ того, какъ было рѣшено предстать предъ Всевышнимъ мучениками, всѣ скитники раздѣлились на двѣ партіи. Одни, болѣе заслуженые, какъ Ковалева и ея дѣти, избрали себѣ мѣсто вѣчнаго упокоенія главный Ковалевскій погребъ; другіе должны были опочить въ томъ погребѣ, что около дома Ѳоминыхъ. Первый давно уже слылъ за пещеру, гдѣ хоронили особенно прославившихся скитниковъ. Въ каждой партіи находился прославленный начетчикъ-скитникъ. Вотъ почему въ первомъ погребѣ нашли мантію и молитвенникъ на славянскомъ языкѣ. На сколько искусство писать процвѣтало въ Ковалевскомъ скитѣ можно судить по красивымъ почеркамъ печатными славянскими буквами, по писанному посланію, которое было вручено переписчику около 21 января обитателями скита. Въ Ковалевскомъ скитѣ обитали раскольники безпоповскаго толка. Скитники-безпоповцы почитаются не только раскольниками

Плоскаго и Тирасполя, поповцами, шалопутами, скопцмми Слободзеи, но и раскольниками, пріемлющими священство, т. е. старообрядцами въ Тирасполѣ».

Дѣло это возбудило большое волненіе въ окрестномъ населеніи. По словамъ газетъ, на мѣсто преступленія ежедневно пріѣзжаютъ не только изъ Тирасполя, но и изъ другихъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ тысячи народа, чтобы посмотрѣть на трупы лицъ, рѣшившихся умереть столь мучительной смерью во имя дикаго суевѣрія... Выяснилось, между прочимъ, что садъ служилъ для «бѣгуновъ» чѣмъ-то вродѣ «скита», куда часто пріѣзжали изъ другихъ мѣстъ на поклоненіе и молитву. За нѣсколько дней до всеобщей переписи сюда заѣхала нѣкая авантюристка, назвавшая себя «Виталіей», и подъ видомъ пророчицы предсказала, что вскорѣ-де послѣ переписи наступитъ царство антихриста, и лишь тотъ спасетъ свою душу, кто не попадетъ въ перепись: «лучше наложить на себя руки, — говорила она,—чѣмъ отдать себя въ руки «нечистой силы»... Когда послѣ переписи человѣкъ 8 изъ этой компаніи въ томъ числѣ и пророчица «Виталія», были посажены, по распоряженію судебнаго слѣдователя, въ мѣстную тюрьму, то всѣ они отказались наотрѣзъ отъ пріема какой-либо пищи и не хотѣли дать о себѣ никакихъ показаній. Судебная власть, опасаясь, что всѣ эти лица могутъ умереть голодной смертью, вынуждена была подъ конецъ освободить ихъ послѣ недѣльнаго ареста, отдавъ ихъ подъ надзоръ сельской власти. Вскорѣ послѣ освобожденія ихъ изъ тюрьмы, одинъ изъ этой компаніи умеръ, а другіе семь ночью скрылись изъ сада и больше ихъ никто не видѣлъ. Этотъ именно эпизодъ и наводитъ на предположеніе, что и скрывшіеся сектанты гдѣ-нибудь заживо похоронены, причемъ не остается болѣе сомнѣнія въ томъ, что и тѣ девять лицъ, трупы которыхъ обнаружены въ пещерѣ, подвергли себя добровольной смерти лишь изъ опасенія попасть во всеобщую перепись. Циркулируютъ упорные слухи, что въ терновскихъ садахъ есть еще не мало живыхъ могилъ съ трупами сектантовъ, тщательно скрытыхъ отъ взоровъ, въ виду чего судебная власть производитъ энергичные розыски.

Жилища для рабочихъ. При обществѣ охраненія народнаго здравія въ Петербургѣ существуетъ коммиссія «для выработки мѣръ къ доставленію бѣдному классу населенія дешевыхъ и гигіеничныхъ жилищъ». Возникновеніе этой коммиссіи вызвано необыкновенно тяжелымъ положеніемъ бѣднаго населенія столицы и особенно рабочихъ, въ отношеніи жилищъ. По изслѣдованію женщины-врача М. И. Покровской, въ Петербургѣ живетъ 400.000 бѣдняковъ въ самыхъ неблагопріятныхъ, въ гигіеническомъ отношеніи, условіяхъ. Въ то время, какъ самыя скромныя гигіеническія требованія въ отношеніи объема воздуха, приходящагося на каждаго взрослаго человѣка въ занимаемомъ имъ помѣщеніи, не оказалось возможнымъ понизить болѣе, какъ до $^3/_4$ кубич. саж., въ жилищахъ этихъ бѣдняковъ средній объемъ воздуха не превышаетъ $^1/_7$ куб. саж. на человѣка; несмотря на законъ, запрещающій житье въ подвалахъ, 50 тысячъ бѣдняковъ ютятся въ 7.307 подвалахъ. Коммиссія занялась подробнымъ изслѣдованіемъ жилищъ рабочихъ. Жилища эти можно раздѣлить на семь категорій: 1) угловыя, 2) смѣшанныя, 3) угловыя кустарей, 4) артельныя отъ хозяевъ, 5) семейныя, 6) казарменныя для одинокихъ и 7) такъ называемыя «каморочныя». Изслѣдованіе стоимости квартиръ выяснило крайнюю ихъ дороговизну: рабочая семья за квартиру безъ дровъ платитъ 7 р., за отдѣльную ком-

нату—отъ 2 до 12 р., за кровать—отъ 1 до 3 р., но чаще всего по 3 р.; рабочимъ знакомо и такое размѣщеніе, какъ по два человѣка на одной кровати, и за полкровати средняя плата составляетъ отъ 1 до 2 руб., чаще же 1 руб. 50 коп.; кромѣ того существуютъ еще мѣста на нарахъ и на верстакахъ: за первыя взимается по 1 р. 35 к. въ мѣсяцъ, а за послѣднія—2 р. 50 к. Въ пригородахъ огромное большинство рабочихъ занимаетъ полкровати, платя за это въ среднемъ 2 р. 20 коп. При такихъ цѣнахъ самая плохая комната даетъ хозяину 16 руб въ мѣсяцъ. Домовладѣльцы, промышляющіе сдачею квартиръ рабочимъ, получаютъ 20% чистой прибыли, тогда какъ обычный дивидендъ домовладѣльцевъ не превышаетъ 5—6%. Принимая во вниманіе это соображеніе, коммиссія разсчитала, что квартиры, устроенныя по всѣмъ правиламъ гигіены и санитаріи, должны стоить не болѣе 8 рублей съ дровами и водою—для семейнаго рабочаго, а кровати въ общежитіи для одинокихъ—не болѣе 2 р. въ мѣсяцъ.

Коммиссія остановилась на нѣсколькихъ типахъ рабочихъ жилищъ: 1) въ густо населенныхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля стоитъ дорого, подходящимъ типомъ можетъ служить многоэтажный домъ съ большимъ количествомъ квартиръ; 2) на окраинахъ и тамъ, гдѣ земли много, болѣе удобными могутъ быть небольшіе отдѣльные домики въ 2—8 квартиръ, двухъэтажные, или такіе же домики, но соприкасающіеся другъ съ другомъ и отдѣленные брандмауерами; разстояніе между отдѣльными домиками должно равняться ихъ высотѣ; каждая квартира состоитъ изъ 1 комнаты и кухни; 3) отдѣльные домики въ одну квартиру для одной семьи и, наконецъ, 4) общежитія для одинокихъ рабочихъ. При этомъ коммиссія предъявляетъ къ этимъ домамъ слѣдующій минимумъ гигіеническихъ требованій: распредѣленіе свѣта въ помѣщеніяхъ должно быть равномѣрное; дома должны быть изолированы отъ почвенныхъ водъ и отнюдь не имѣть подъ квартирами подваловъ; полъ нижняго этажа долженъ быть выше поверхности земли не менѣе, какъ на одинъ футъ; всѣ дома должны быть снабжены хорошею здоровою водою, теплыми отхожими мѣстами, имѣтъ приспособленія для скораго удаленія нечистотъ, чуланы для грязнаго бѣлья (при каждой квартирѣ), кладовыя. Минимальная высота комнатъ—4 арш.; на каждаго взрослаго человѣка комната должна содержать отъ 2 до 3 кубич. саж. воздуха и половинный размѣръ на каждаго малолѣтняго. Вентиляція обязательна; углы потолковъ и стѣнъ должны быть закруглены; стѣны на высоту до 2½ арш. должны быть закрашены масляною краской; лѣпные карнизы не допускаются. Если требованіе объема воздуха понизить до 1½ кубич. саж., то, при соблюденіи всѣхъ остальныхъ условій, стоимость семейной квартиры можно понизить до трехъ рублей въ мѣсяцъ. Переходя къ вопросу о томъ, сколько потребуется домовъ для удовлетворенія нужды всѣхъ бѣдняковъ, коммиссія высчитала, что за исключеніемъ 77.000 рабочихъ, получающихъ квартиры отъ хозяевъ, нуждается въ жилищахъ не менѣе 306.000 чел., а за исключеніемъ изъ этого числа части людей, могущихъ остаться въ прежнихъ помѣщеніяхъ по приведеніи этихъ послѣднихъ въ надлежащій порядокъ, отвѣчающій санитарнымъ требованіямъ, получится 150.000 чел., которые должны быть выселены изъ своихъ жилищъ за негодностью послѣднихъ. Такимъ образомъ, оказывается, что нужно устроить цѣлый городъ для размѣщенія этого населенія.

Дѣятельность попечительствъ о народной трезвости. «Русскія Вѣд.» сообщаютъ интересныя свѣдѣнія о дѣятельности попечительствъ о народной трезвости, извлеченныя изъ отчета главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1895 г.

По уставу, дѣлами попечительствъ о трезвости завѣдуютъ губернскіе и уѣздные комитеты, членами которыхъ состоятъ, главнымъ образомъ, чиновники разныхъ вѣдомствъ и немногіе представители мѣстнаго общественнаго управленія. Частныя лица могутъ войти въ составъ попечительствъ или въ качествѣ почетныхъ членовъ,—званіе, предоставляемое, конечно, за особыя заслуги, — или какъ члены-соревнователи, пользующіеся лишь совѣщательнымъ голосомъ въ уѣздныхъ комитетахъ. Такимъ образомъ, организація этого дѣла находится всецѣло въ рукахъ администраціи и частная иниціатива чрезвычайно стѣснена; не говоря уже о томъ, что частныя лица могутъ быть только членами-соревнователями, пользующимися только совѣщательнымъ голосомъ въ уѣздныхъ комитетахъ, но даже и такого участія добиться нелегко: кромѣ избранія уѣзднымъ комитетомъ для этого требуется еще утвержденіе губернскаго. На практикѣ, какъ и слѣдовало ожидать, далеко не вездѣ уѣздные комитеты озаботились привлеченіемъ въ свою среду достаточнаго числа членовъ-соревнователей, а тамъ, гдѣ въ желаніи усилить составъ попечительствъ людьми, готовыми не по обязанности, а по доброй волѣ содѣйствовать борьбѣ съ пьянствомъ, нерѣдко встрѣчались препятствія къ утвержденію членовъ-соревнователей со стороны губернскаго комитета. Такъ, ирбитскимъ комитетомъ избрано было въ отчетномъ году въ члены-соревнователи 65 лицъ, но изъ нихъ до истеченія года утверждено было въ этомъ званіи всего 10 человѣкъ. «Тѣмъ же фактомъ неутвержденія губернскими комитетами избранныхъ лицъ приходится, вѣроятно,—по словамъ отчета, — объяснять то обстоятельство, что по мензелинскому и стерлитамакскому уѣзднымъ комитетамъ вовсе не числилось въ 1895 году членовъ-соревнователей». Но, какъ видно изъ отчета, и въ тѣхъ комитетахъ, куда допускались члены-соревнователи, отношенія между ними и представителями администраціи оставляли желать очень многаго.

«Нѣкоторые комитеты, — свидѣтельствуетъ отчетъ, — правильно оцѣнили пользу сближенія органовъ, завѣдующихъ дѣлами попечительства въ данномъ районѣ, съ невходящими въ составъ ихъ лицами, фактически проводящими въ жизнь предпринимаемыя комитетами мѣры, и потому старались привлекать въ засѣданія комитетовъ возможно бо̀льшее число мѣстныхъ членовъ-соревнователей». Но поступали такъ лишь нѣкоторые комитеты изъ числа имѣвшихъ членовъ-соревнователей, «въ общемъ же отчетныя данныя свидѣтельствуютъ, что въ 1895 году сказанное общеніе комитетовъ съ членами-соревнователями не успѣло проявиться въ достаточнй степени». Итакъ не всѣ комитеты обнаружили желаніе привлечь къ дѣлу достаточное число добровольныхъ сотрудниковъ; добиться утвержденія избранныхъ лицъ удалось еще меньшему числу комитетовъ, и только нѣкоторые изъ нихъ проникались сознаніемъ, что имъ необходимо сблизиться съ соревнователями на почвѣ совмѣстнаго обсужденія дѣлъ попечительства. Общество, слѣдовательно, не получило желательнаго широкаго доступа въ попечительства, а руководящіе ихъ дѣлами комитеты между тѣмъ нерѣдко оказывались далекими отъ яснаго пониманія выпавшей на нихъ задачи. Доказательствомъ этого можетъ слу-

жить слѣдующій примѣръ: законъ установилъ институтъ участковыхъ попечителей, на обязанности которыхъ лежитъ проведеніе въ жизнь постановленій комитетовъ и наблюденіе за питейной торговлей. Въ участковые попечители могутъ быть выбраны какъ члены комитетовъ, такъ и соревнователи, и каждый уѣздъ долженъ быть раздѣленъ на попечительскіе участки съ такимъ разсчетомъ, чтобы ни одинъ населенный пунктъ не находился внѣ надзора участковыхъ попечителей. На дѣлѣ же вышло такъ, что большинство комитетовъ возложило исполненіе обязанностей участковыхъ попечителей на земскихъ начальниковъ. «Вслѣдствіе этого,—повѣствуетъ отчетъ,—на одного попечителя приходится отъ 25 до 278 поселеній, размѣры же района, подчиненнаго вѣдѣнію одного попечителя, составляютъ площадь по Уфимской губ. 1.000—1.500 квадр. верстъ и по Пермской—230—9.143 кв. вер.». Многіе комитеты, впрочемъ, вовсе не распредѣляли уѣздовъ на попечительскіе участки: попечители «дѣйствовали въ качествѣ таковыхъ исключительно въ мѣстахъ ихъ жительства, вся же остальная территорія уѣзда оставалась внѣ ближайшаго наблюденія со стороны участковыхъ попечителей». На обязанности попечительствъ, какъ извѣстно, лежитъ борьба съ пьянствомъ путемъ устройства чайныхъ и читаленъ, съ цѣлью отвлеченія народа отъ кабака, распространеніе въ народѣ здравыхъ понятій о вредѣ пьянства, и пр.

Но попечительства, сообщая о своей дѣятельности главному управленію, не даютъ «никакихъ опредѣленныхъ указаній, чтобы ими было что-нибудь сдѣлано» съ этою спеціальною цѣлью. Почему же попечительства пренебрегли этимъ дѣломъ? Отчетъ отвѣчаетъ указаніемъ на очень простую причину: «какой бы способъ ни избрали попечительства для воздѣйствія въ сказанномъ смыслѣ на населеніе,—распространеніе ли соотвѣтствующихъ изданій, или устройство народныхъ, на соотвѣтствующія темы, чтеній,—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ требовалось разрѣшеніе подлежащихъ властей». Но подобныя разрѣшенія не легко даются, какъ можно видѣть изъ того же отчета, даже и комитетамъ трезвости, состоящимъ изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ.

Какъ видно изъ отчета, попечительства о народной трезвости проявили особенную энергію въ дѣлѣ открытія читаленъ: въ Уфимской губ. ихъ устроено 16, въ Оренбургской—20, въ Самарской—24, въ Пермской даже 60. Впрочемъ, въ нѣсколькихъ уѣздахъ (напр. Ставропольскомъ, Мензелинскомъ, Стерлитамакскомъ) за отчетный періодъ не было открыто даже и чайныхъ; но все же чайныя учреждались въ большинствѣ уѣздовъ безъ промедленія именно потому, что «въ этомъ отношеніи дѣятельность попечительствъ не тормазилась необходимостью полученія какихъ-либо разрѣшеній». Не то съ другими родами дѣятельности попечительствъ. Такъ, напр., для борьбы съ пьянствомъ очень важно, чтобы чайныя не были, говоря словами отчета, «простыми заведеніями трактирнаго, такъ сказать, типа». Желательно, чтобы онѣ являлись «чѣмъ-то въ родѣ простонародныхъ клубовъ, гдѣ бы мѣстное населеніе могло проводить досуги и внѣ времени, потребнаго собственно для чаепитія». Этотъ взглядъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ раздѣляютъ, какъ видно изъ отчета, и попечительства о народной трезвости. Но такая мѣра приближенія чайныхъ къ желательному типу, какъ открытіе при нихъ читаленъ, осуществлено, однако, въ немногихъ сравнительно случаяхъ. Въ Уфимской губерніи удалось открыть 10 читаленъ, въ Оренбург-

ской—9, въ Пермской всего 7, въ Самарской не устроено ни одной читальни: самарскій уѣздный комитетъ,—читаемъ мы въ поясненіе этого факта, — признавая «необходимымъ устроить при чайныхъ читальни, ассигновалъ даже на этотъ предметъ 700 р., но дѣло задержалось неполученіемъ въ отчетномъ году на сей предметъ разрѣшенія».

Очень важною мѣрою для борьбы съ пьянствомъ является также организація народныхъ чтеній, пользующихся вездѣ большими симпатіями населенія. «Къ сожалѣнію,—читаемъ мы въ отчетѣ,—формальности, которыми обставлено разрѣшеніе на устройство чтеній, въ особенности внѣ губернскихъ городовъ, настолько сложны, что въ отчетномъ году народныя чтенія состоялись лишь въ гг. Самарѣ, Оренбургѣ, Орскѣ и Троицкѣ. Что основаніемъ столь малаго распространенія народныхъ чтеній являлись именно вышеуказанныя формальности, видно какъ изъ неоднократныхъ въ этомъ смыслѣ указаній годовыхъ отчетовъ попечительствъ, такъ и изъ того обстоятельства, что сверхъ комитетовъ указанныхъ 4-хъ городовъ еще 9-ю комитетами были пріобрѣтены въ отчетномъ году волшебные фонари и необходимыя къ нимъ картины, которыми они не могли воспользоваться лишь за неполученіемъ разрѣшенія на устройство чтеній». И вотъ комитеты, призванные по закону внѣдрять въ населеніи трезвость, состоящіе почти сплошь изъ государственныхъ чиновниковъ, членовъ ex officio, должны прибѣгать къ посредничеству «другихъ установленій и частныхъ лицъ, которыя уже получили разрѣшеніе на устройство народныхъ чтеній», чтобы воспользоваться этимъ наилучшимъ, по мнѣнію названнаго главнаго управленія, средствомъ отвлеченія народа отъ кабака.

Итакъ, мы видимъ, что, благодаря формализму, которымъ обставлена дѣятельность попечительствъ о народной трезвости, дѣятельность эта развивается очень медленно и приводитъ къ самымъ ничтожнымъ результатамъ.

Дешевые учителя. Въ кіевской газетѣ «Жизнь и Искусство» помѣщена интересная статейка о «дешевыхъ» народныхъ учителяхъ церковно-приходскихъ школъ въ Уманьскомъ уѣздѣ, Кіевской губ. Авторъ статейки учитель, г-нъ Казаринскій, разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ двумя такими учителями. «Пять лѣтъ тому назадъ,—разсказываетъ онъ,—я заѣхалъ въ с. Заячковку, гдѣ мнѣ предстояло прожить два мѣсяца у мѣстнаго помѣщика г. Г. Узнавъ, что въ селѣ имѣется церковно-приходская школа и что учитель ея живетъ въ селѣ и лѣтомъ, я отправился въ село, чтобы познакомиться съ учителемъ. Я засталъ его на гумнѣ, гдѣ онъ молотилъ пшеницу. Мы зашли въ избу. Передо мной былъ плечистый рыжебородый крестьянинъ, лѣтъ 32—33. Лицо его было изрыто оспой и покрыто веснушками. Говорилъ онъ по малорусски, немилосердно коверкая свою рѣчь русскими словами и выраженіями. Мы разговорились, и я узналъ отъ него слѣдующее. Онъ—отставной солдатъ, даже не унтеръ; первое время по возвращеніи со службы онъ былъ сидѣльцемъ въ кабакѣ, открытомъ помѣщикомъ, но погрѣшилъ противъ правилъ о питейной торговлѣ (насколько мнѣ помнится, продавалъ водку боченками), и кабакъ его принципала былъ закрытъ. Что ему было дѣлать? Онъ подумалъ, подумалъ и послѣ долгихъ колебаній рѣшилъ перейти изъ кабака въ школу. А колебался онъ такъ долго потому, что занятія въ кабакѣ были гораздо выгоднѣе, чѣмъ занятія въ школѣ, такъ какъ заячковская школа платитъ учителю *50 руб. въ годъ*, между тѣмъ какъ въ кабакѣ онъ по-

лучалъ, кажется, 12 руб. въ мѣсяцъ. О какомъ-нибудь свидѣтельствѣ на званіе учителя, о правѣ заниматься въ школѣ не можетъ быть, конечно, и рѣчи. При этомъ онъ сообщилъ мнѣ, что онъ очень тяготится своими учительскими обязанностями и рано или поздно окончательно броситъ учительство, какъ совершенно невыгодное занятіе. Узнавъ, что я, несмотря на то, что были каникулы, былъ бы не прочь посмотрѣть школу, онъ вызвался пойти со мною туда. Школа была самая обыкновенная въ нашемъ уѣздѣ: крестьянская хата, раздѣленная на двѣ половины: въ одной комнатѣ помѣщается школа, въ другой— «расправа», куда запираютъ арестантовъ и гдѣ подчасъ производятся экзекуціи. Комната низкая съ двумя маленькими, едва пропускающими свѣтъ, оконцами; полъ земляной. Вдоль стѣнъ—двѣ длинныя скамьи: одна, низкая, для письма, другая, повыше, для чтенія. Кромѣ этой мебели въ комнатѣ стоялъ еще шкафчикъ для письменныхъ принадлежностей. Когда учитель отворилъ его, мнѣ бросилась въ глаза большая самодѣльная скамейка.

— Это зачѣмъ?—«А для порядку», пояснилъ, улыбаясь, учитель: «дюже балуются». Я понялъ и не сталъ больше разспрашивать».

Передъ отъѣздомъ учитель вдругъ обратился къ г ну Казаринскому съ неожиданной просьбой — помочь ему устроиться въ Умани — городовымъ. Разсчетъ у него простой и ясный: учительство даетъ ему 50 руб. въ годъ, тогда какъ уманскій городовой получаетъ 10 руб. въ мѣсяцъ, что составитъ въ годъ 120 руб., а съ двумя моргами земли «жінка» и сама справится, и дѣятельность городового окажется выгоднѣе дѣятельности учителя на цѣлыхъ 70 рублей.

Другой учитель, о которомъ пишетъ г-нъ Казаринскій, также далекъ отъ идеальнаго типа «сѣятеля знанія на ниву народную», какъ и первый. Вотъ что разсказываетъ онъ объ этомъ деревенскомъ педагогѣ, учительствующемъ въ деревнѣ Вербоватой, близъ Умани. Пріѣхавъ въ эту деревню, онъ сталъ наводить справки о школѣ и учителѣ и узналъ, что у нихъ учитель «молодой» и изъ «ученыхъ». Эти слова возбудили его любопытство и онъ поспѣшилъ въ школу, но, увы!— тамъ его ждало разочарованіе. Про школу онъ говоритъ: «Такой низкой, темной, холодной и сырой конуры я еще не видалъ. Холодъ былъ такъ великъ, что дѣти не раздѣвались и сидѣли въ своихъ подпоясанныхъ свиткахъ, а дѣвочки еще въ платкахъ. Потолокъ совсѣмъ надсѣдался и подпирался двумя столбиками. Когда я пришелъ въ школу, было около 2-хъ часовъ. Учителя тамъ не было. «Винъ пишовъ полуднаты», объяснили мнѣ дѣти. Въ комнатѣ царствовалъ какой-то полумракъ. Дыханіе дѣтей производило паръ. Кромѣ двухъ наръ, въ комнатѣ не было никакой мебели. Вообще такую примитивную обстановку не часто увидишь даже въ деревенской школѣ!

«Но вотъ появился и учитель. Я увидѣлъ хлопца лѣтъ 18, въ большихъ сапогахъ и огромной свитѣ. Сначала онъ растерялся и на всѣ мои вопросы только отвѣчалъ: «такъ точно». Но скоро моя простота въ обращеніи успокоила его, и онъ разговорился. Говорилъ онъ, конечно, также по малорусски, такъ какъ по русски не могъ сказать и двухъ словъ. Я сталъ было разспрашивать его о занятіяхъ въ школѣ, о программѣ ея, но вскорѣ убѣдился, что только смущаю его такими вопросами. Ни о какихъ программахъ, отдѣленіяхъ и т. п. онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Заячковскій учитель могъ, по крайней мѣрѣ, щегольнуть передо мною шкафчикомъ съ аккуратно сложенными въ немъ книжками, тетрадками и грифелями,

ничего подобнаго не было у вербоватскаго педагога: не было даже класснаго журнала. Самъ учитель получилъ свое образованіе въ такой же церковно-приходской школѣ гдѣ-то въ «Шукай-Воды»; никакого свидѣтельства на званіе учителя не имѣетъ. Получаетъ онъ здѣсь *40 рублей за учебный годъ*: изъ нихъ отдаетъ старостихѣ 22 р. за столъ и квартиру».

Этотъ учитель передъ отъѣздомъ также обратился къ г-ну Казаринскому съ просьбою еще болѣе скромною, чѣмъ просьба перваго учителя, желавшаго быть городовымъ: онъ просилъ похлопотать ему на каникулярное время о мѣстѣ кучера у сосѣдняго помѣщика. Эти факты чрезвычайно характерны для оцѣнки «дешевыхъ» учителей церковно-приходскихъ школъ.

Деревенская газета. «Волгарь» сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о ежемѣсячномъ изданіи крестьянскаго самоуправленія, издаваемомъ въ селѣ Павловѣ, Нижегородской губ. Этотъ журналъ называется: «Дѣйствія органовъ павловскаго крестьянскаго общества». Исторія возникновенія его слѣдующая: въ 1896 г., уполномоченные сельскаго общества, обсуждая вопросъ о напечатаніи общественныхъ отчетовъ, пришли къ заключенію, что необходимо знакомить всѣхъ общественниковъ съ дѣлами. Уже съ 1883 г. годовые отчеты крестьянскаго общества печатались, но въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, такъ что большинство общественниковъ не имѣли возможности знакомиться съ дѣлами. Поэтому на сходѣ было постановлено печатать «Дѣйствія органовъ павловскаго крестьянскаго общества» въ количествѣ 1.300 экземпляровъ, по числу домохозяевъ въ Павловѣ. Сельскій сходъ ассигновалъ на это изданіе 100 руб. въ годъ.

Въ этомъ изданіи печатаются свѣдѣнія, касающіяся всѣхъ сторонъ общественной жизни въ Павловѣ: отчеты, свѣдѣнія о текущихъ общественныхъ дѣлахъ (постройка больницы, учрежденіе сельской общественной библіотеки, и пр.), приговоры схода, уставы и разъясненія, касающіеся павловскаго общества. Предполагается печатать выдающіяся дѣла и рѣшенія волостного суда и извѣщенія по мѣстной торговлѣ и промышленности.

Объемъ газеты небольшой — отъ 4-хъ до 25 страницъ формата «Книжекъ Недѣли».

Газета составляется уполномоченнымъ и, помимо московскаго цензурнаго комитета, подчинена еще контролю мѣстнаго земскаго начальника. О характерѣ этого контроля можно судить по слѣдующему предписанію г-на земскаго начальника, напечатанному въ декабрьскомъ номерѣ «Дѣйствій», относительно исключенія изъ номера одного изъ сообщеній, приготовленныхъ къ печати; «По обозрѣнію мною заготовленнаго къ отпечатанію номера «Дѣйствія» и пр.,—пишетъ онъ,—мною исключается «прошеніе Варыпаевыхъ» по нижеслѣдующимъ основаніямъ: во-первыхъ, прошеніе это изложено не въ видѣ прошенія о необходимости справки, а какъ бы критика распоряженій земскаго начальника, что не подлежитъ обсужденію уполномоченныхъ павловскаго общества, избранныхъ для обсужденія нуждъ и пользъ мѣстнаго общества, а не для оцѣнки тѣхъ или другихъ дѣйствій правительствомъ установленныхъ властей; а затѣмъ обществу необходимо знать только распоряженія уполномоченныхъ по ввѣренпымъ имъ дѣламъ, а никакъ не кляузныя измышленія Варыпаевыхъ и ему подобныхъ, и безспорно такіе бестактные документы не подлежатъ оповѣщанію ихъ обществу».

*

Павловцы надѣются съ теченіемъ времени расширить программу своей газеты и придать ей болѣе общій интересъ.

За границей.

Восточный вопросъ и его развѣтвленія. Въ 1830 году принцъ Леопольдъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи бельгійскимъ королемъ, въ письмѣ, адресованномъ Веллингтону, въ слѣдующихъ словахъ мотивировалъ свой отказъ отъ греческой короны. «Исключеніе Крита изъ состава греческаго государства калѣчитъ это государство какъ физически, такъ и нравственно, дѣлаетъ его бѣднымъ и ослабляетъ. Это обстоятельство создаетъ безчисленныя затрудненія и послужитъ источникомъ постоянныхъ опасностей для того, кто будетъ находиться во главѣ правительства».

Событія нынѣшняго года вполнѣ подтверждаютъ эти слова. Война между Греціей и Турціей временно окончена. Греція потерпѣла полное пораженіе и должна была вывести свои войска изъ Крита и вручить свою дальнѣйшую судьбу въ руки державъ, для того, чтобы тѣ установили болѣе сносныя условія мира и заставили бы Порту умѣрить свои требованія, но тѣмъ не менѣе вопросъ нельзя считать разрѣшеннымъ; онъ только временно отсроченъ — не болѣе.

Побѣдитель всегда правъ и поэтому общественное мнѣніе Европы болѣе чѣмъ когда-либо расположено въ данную минуту видѣть въ войнѣ, затѣянной греками, необдуманный шагъ, легкомысленный поступокъ. Обвиненія сыплются теперь на голову могущественной греческой ассоціаціи, «Національной гетеріи», главной виновницы патріотическаго движенія, охватившаго Грецію. Нельзя, конечно, отрицать, что гетерія дѣйствительно играла и продолжаетъ играть роль во всѣхъ греческихъ движеніяхъ, имѣвшихъ и имѣющихъ цѣлью освобожденіе и объединеніе Греціи, но тѣмъ не менѣе несправедливо приписывать этому обществу революціонныя намѣренія, заговорческія цѣли. Гетерія вовсе не есть тайное общество въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы привыкли это понимать. Къ ней принадлежатъ почти всѣ образованные греки, состоятъ ли они въ рядахъ арміи и флота или занимаются либеральными профессіями, засѣдаютъ въ парламентѣ или принадлежатъ къ духовному или торговому сословію. Трудно найти грека который бы не сочувствовалъ цѣлямъ этого общества. Вся мыслящая, пишущая и дѣйствующая Греція принадлежитъ къ этому обществу; среди нею можно встрѣтить депутатовъ, адвокатовъ, высшихъ офицеровъ, епископовъ, профессоровъ и даже членовъ королевской семьи. Это ужъ одно указываетъ, что это общество не преслѣдуетъ никакихъ преступныхъ цѣлей. Съ самаго начала своего возникновенія общество это стремится лишь къ тому, чтобы доставить государству нравственныя и матеріальныя средства къ выполненію національнаго желанія и содѣйствовать осуществленію этой цѣли. Первымъ дѣломъ. конечно, общество позаботилось объ образованіи фонда, составленнаго пожертвованіями греческихъ милліонеровъ, проживающихъ заграницей, затѣмъ, располагая уже громадными средствами, оно на свой счетъ соорудило цѣлый отрядъ миноносцевъ и сдѣлало громадные запасы оружія. Въ настоящее время оно содержитъ цѣлое войско въ 25.000 человѣкъ и въ прошломъ году поддерживало своими средствами въ теченіе цѣлыхъ пяти мѣсяцевъ возстаніе критянъ и

македонцевъ противъ турокъ. Когда были прекращены военныя дѣйствія, гетерія устроила торжественное богослуженіе во всѣхъ церквахъ Греціи, въ одинъ и тотъ же день и часъ, за упокой душъ павшихъ греческихъ героевъ. Глубокое впечатлѣніе, произведенное этимъ на весь греческій народъ, ясно указываетъ, что гетерія нашла въ данномъ случаѣ откликъ въ душѣ каждаго грека.

Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ со всѣми политическими дѣятелями славянскихъ государствъ на Балканахъ, съ армянскими комитетами, съ предводителями друзовъ и арабовъ и имѣя своихъ агентовъ даже во дворцѣ султана, гетерія, въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, не упустила изъ виду ни одного изъ признаковъ, указывающихъ на разложеніе турецкой имперіи. Чтобы лучше понять факты настоящаго, мы должны вспомнить въ чемъ заключалось соперничество двухъ министровъ, Трикуписа и Дельяниса, раздѣлявшихъ между собою въ теченіе тридцати лѣтъ правительственную власть въ Греціи. Трикуписъ въ парламентѣ и въ странѣ служилъ воплощеніемъ великой національной идеи. Онъ самъ лелѣялъ эту идею съ юныхъ лѣтъ и, находясь у власти, прежде всего сталъ заботиться о томъ, чтобы создать такія условія, которыя помогли бы реализовать эту идею. Флотъ, на которомъ Греція основывала всѣ свои надежды, былъ его твореніемъ. Онъ построилъ укрѣпленія, снарядилъ армію. Но на все это ему нужны были деньги, а онъ не умѣлъ просить смиреннымъ тономъ и въ парламентѣ его рѣчи всегда имѣли высокомѣрный оттѣнокъ. Для того, чтобы добыть средства, онъ учредилъ налоги, которые не понравились народу, что и дало возможность его сопернику Дельянису побѣдить его на выборахъ. Надо помнить, что новогрекъ представляетъ въ большинствѣ случаевъ соединеніе героя съ торговцемъ и поэтому Дельянисъ тотчасъ же привлекъ на свою сторону всѣхъ купцовъ и собственниковъ, какъ только взялъ подъ свою защиту частные интересы, впрочемъ тщательно скрывая, что такимъ образомъ приносится до нѣкоторой степени въ жертву великая идея. Народъ видѣлъ въ немъ только министра, отмѣняющаго налоги. Когда Трикуписъ снова вернулся къ власти, то ему опять пришлось взять на себя неблагодарную задачу изысканія необходимыхъ средствъ для осуществленія своей цѣли, но постоянный антагонизмъ между обоими направленіями греческой правительственной политики, воплощающимися въ Трикуписѣ и Дельянисѣ, мѣшалъ современной Греціи имѣть болѣе или менѣе стойкій бюджетъ и въ немъ постоянно происходили колебанія и переходы изъ одной крайности въ другую.

Трикуписъ умеръ и тѣ же греки, приверженцы панэлленистской идеи, рѣшили, что эта идея выиграетъ, если она воплотится въ такой ассоціаціи, которая стоитъ совершенно независимо отъ теченій, господствующихъ въ парламентѣ. Разумѣется, національная гетерія лучше всего подходила для такой цѣли. Въ исторіи современной Греціи гетерія играла выдающуюся роль. Нѣкогда она много содѣйствовала освобожденію Греціи отъ турецкаго ига. Въ началѣ, основанная въ 1795 году Константиномъ Ригасомъ, эта ассоціація дѣйствительно носила характеръ тайнаго союза, направленный исключительно къ ниспроверженію турецкаго ига. Смерть основателя прекратила дальнѣйшее развитіе ассоціацій, но она прошла бесслѣдно для Греціи, такъ какъ вызванный ею патріотическій энтузіазмъ и стремленіе къ свободѣ побудили грековъ образовать новую гетерію, опять-таки имѣвшую характеръ тайнаго общества. Судьба ея была печальна; гетеристы погибли въ борьбѣ

съ турками въ 1821 году, остатки ихъ подъ начальствомъ капитана Іордаки еще долго сражались въ лѣсахъ и горахъ Молдавіи, но и они не избѣгли общей участи. Израненный Іордаки, чтобы не попасть въ руки турокъ, поджегъ монастырь, гдѣ скрывался, и самъ погибъ подъ его развалинами. Послѣ этого погрома въ Греціи уцѣлѣла только та часть гетеріи, которая называлась товариществомъ друзей наукъ—«филомузой». Филомуза была основана въ Аѳинахъ въ 1812 году и главною ея цѣлью было распространеніе образованія въ Новой Греціи, открытіе школъ, воспитаніе молодыхъ грековъ въ европейскихъ школахъ и университетахъ. Это общество издавало газеты, открывало библіотеки, заботилось о раскопкахъ и сохраненіи древностей. Филомуза много сдѣлала для культуры страны, но не преслѣдовала ровно никакихъ политическихъ цѣлей. Съ образованіемъ греческаго королевства это общество окончательно распалось; на сцену выступили новыя стремленія и воплотились въ современной гетеріи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что національная гетерія играла какъ въ критскихъ, такъ и во всѣхъ прочихъ событіяхъ, касающихся Греціи, далеко не послѣднюю роль. Европейская дипломатія, со своей точки зрѣнія, вправѣ негодовать на нее за то, что она, возбуждая волненія въ Македоніи. осложняетъ еще больше и безъ того уже достаточно сложный восточный вопросъ. Ничего не можетъ быть легче, какъ рѣшать этотъ вопросъ въ кабинетѣ и приравнять, напримѣръ, анатолійцевъ и армянъ, къ болгарамъ, проведя параллель между избіеніями тѣхъ и другихъ. Это всегда служило очень благодарною темою для всѣхъ высокопарныхъ политическихъ рѣчей. Но иное дѣло практическое разрѣшеніе этого вопроса. Какъ только Европа собирается приступиться къ нему, то возникаютъ такія затрудненія, которыя немедленно заставляютъ ее отступать. Вопросъ до того запутанъ, что до сихъ поръ еще не нашлось ни одного настолько искуснаго дипломата, который бы отыскалъ въ немъ руководящую нить. Однако, все-таки та часть восточнаго вопроса, которая касается Дунайской области, представляетъ несомнѣнно меньшую запутанность, чѣмъ та, которая относится къ азіатской Турціи. На Балканахъ главную роль играетъ оппозиція, существующая между славянскими расами и турками, но рядомъ съ этимъ существуетъ не мало побочныхъ вопросовъ, запутывающихъ основной вопросъ. Въ азіатскихъ же горахъ существуетъ полное смѣшеніе расъ и стремленій; что хочетъ одна раса, то не нравится другой, и наоборотъ.Тамъ не такъ-то легко устроить все къ общему удовольствію, какъ, напримѣръ, въ Сербіи и Болгаріи; но ядромъ всѣхъ осложненій европейскаго восточнаго вопроса является въ настоящее время, кромѣ Крита, еще и Македонія. Этой послѣдней не такъ легко добиться автономіи и европейскимъ дипломатамъ придется очень и очень потрудиться надъ рѣшеніемъ проблемы македонскаго вопроса. Дѣло въ томъ, что на Македонію заявляютъ притязанія, кромѣ Турціи, которая владѣетъ ею, еще другія три государства: Сербія, Болгарія и Греція. Каждое изъ этихъ притязаній обосновывается извѣстнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что населеніе Македоніи состоитъ дѣйствительно изъ разнородныхъ элементовъ и въ него входятъ не только греки, сербы, болгары, но даже румыны, что даетъ право и Румыніи заявлять на нее свои права Ясно, слѣдовательно, что македонскій вопросъ представляетъ одно изъ развѣтвленій восточнаго вопроса, затрудняющихъ его разрѣшеніе. Турокъ говоритъ: «j'y suis et j'y reste», и европейская дипломатія также поддержи-

ваетъ этотъ принципъ, опасаясь малѣйшаго нарушенія statu quo. Безъ сомнѣнія, въ воображеніи европейскихъ дипломатовъ рисуются картины страшныхъ катаклизмъ, которыя должны произойти въ томъ случаѣ, если рушится оттоманское царство. Какъ бы тамъ ни было, но, взявшись поддерживать во что бы то ни стало неприкосновенность государства, расползающагося по всѣмъ швамъ, европейская дипломатія безспорно взяла на себя очень неблагодарную задачу и въ силу необходимости должна безпрестанно прибѣгать къ компромиссамъ, опасаясь прямого рѣшенія вопроса.

Молодая берлинская литература. Изучать проявленіе новыхъ теченій въ литературѣ всегда бываетъ очень интересно. Во всѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ болѣе или менѣе интензивная эволюція интеллектуальныхъ силъ и гдѣ новыя идеи вступаютъ въ борьбу съ прошлымъ, эта борьба выражается новыми стремленіями и новыми литературными теченіями, являющимися нетолько знаменіемъ времени, но и характернымъ признакомъ броженія умовъ, старающихся проложить новые пути. Старыя проторенныя тропинки отвергаются совершенно такъ же, какъ и старыя литературныя формы; въ новой литературѣ появляются новыя формы, новый стиль, соотвѣтствующій современнымъ требованіямъ и понятіямъ и символы частью замѣняютъ прежнія вѣрованія. Въ поискахъ за новыми формами, новыми идеалами и повергая въ прахъ старыхъ боговъ, молодая литература все болѣе углубляется въ дебри абстракціи, замѣняя прежнюю ясность и опредѣленность образовъ какими-то туманными картинами.

За послѣднія десять лѣтъ такое новое теченіе обнаруживается во всей европейской литературѣ. Гдѣ его источникъ—опредѣлить теперь трудно, но сторонники его существуютъ вездѣ и вездѣ стремятся ввести въ литературу своей страны новыя правила, новые законы. Въ Берлинѣ эта тенденція обнаружилась особенно сильно. «Десять лѣтъ тому назадъ,—замѣчаетъ авторъ статьи въ «Revue dos Revues», посвященной новымъ теченіямъ въ германской литературѣ,—въ Германіи уже укрѣпилось мнѣніе, что сабельный режимъ, введенный Бисмаркомъ, убилъ германскій геній. Тѣ, кто не высказывалъ этого открыто, молча соглашались съ этимъ; когда же ихъ спрашивали, куда дѣвались великіе писатели, великіе мыслители, получившіе наслѣдіе оставленное Гёте, Шиллеромъ, романтической школой и поэтами 1840 года, то они отвѣчали ѣдкими словами одного изъ своихъ критиковъ, что «молодая Германія — это условная ложь (konventione Lüge). Существуетъ только одинъ единственный современный нѣмецкій писатель, единственный мыслитель — Ницше, да и тому боги уготовили печальную судьбу. Германская имперія и нѣмецкій народъ—два несовмѣстимыя понятія!»

Мало-по-малу это убѣжденіе стало проникать въ народъ, который нашелъ, что вознагражденніе, полученное имъ за содѣйствіе образованію имперіи, весьма недостаточно. Народъ и вмѣстѣ съ нимъ нѣмецкій геній очутились въ кандалахъ и то немногое, что осталось отъ прежняго германскаго свободомыслія, сосредоточилось въ лагерѣ притѣсненныхъ и страдающихъ отъ режима крови и желѣза.

Берлинъ, главный очагъ имперіи, сдѣлался также и главнымъ очагомъ реакціи противъ заглушенія интеллектуальныхъ стремленій. Проницательный наблюдатель могъ уже давно подмѣтить появленіе тревожныхъ признаковъ и чувствовать колебаніе почвы подъ ногами. Молодые поэты и писатели Германіи не могли прими-

риться съ тѣмъ строемъ, который былъ введенъ въ странѣ, и съ тѣмъ, что имъ было предоставлено только одно единственное право—право записываться въ ряды германскаго войска и жить въ казармахъ, такъ что цѣлая нація приносилась въ жертву политическимъ цѣлямъ того, кто держалъ власть въ своихъ рукахъ. Протестующее настроеніе, конечно, прежде всего выразилось въ литературѣ, но случилось это внезапно, по крайней мѣрѣ, внезапно для тѣхъ, кто предполагалъ, что всякое стремленіе къ прежней свободѣ и независимости почти совсѣмъ вытравлено въ германскомъ народѣ. Первымъ проявленіемъ протеста была такъ называемая «Книга времени» (Buch der Zeit) Арно Гольца, на которую яростно ополчилась вся рептильная печать. Но нападки рептилій только увеличили популярность этой книги и вскорѣ идеи, высказанныя въ этой книгѣ, составили ядро, вокругъ котораго сгруппировались всѣ молодые берлинскіе поэты; они-то и положили начало такъ называемой «молодой Германіи» («Jung Deutschland»), для которой служили какъ бы авангардомъ.

Новая литературная школа подняла знамя противъ старой школы Карла Френцеля, Линдау, Блументаля и др., занимавшихъ до этого времени первое мѣсто въ библіотекахъ и театрѣ.

Между тѣмъ мало-по-малу въ германское общество проникли книги, не только восхищавшія, но и вызывавшія трепетъ въ душѣ «молодого Берлина». Это были произведенія Золя, Додэ, Достоевскаго и Ибсена. Эти романы читались съ жадностью, причемъ молодые германскіе писатели краснѣли за Германію, которая такъ упала въ области литературы. Русскіе романы читались съ величайшимъ увлеченіемъ, но вскорѣ это увлеченіе замѣнилось другимъ. Появился Генрихъ Ибсенъ. Когда были поставлены въ 1887 году на сцену «Привидѣнія» Ибсена, то результатомъ этого явился расколъ въ лагерѣ молодыхъ. Одни сдѣлались приверженцами Ибсена, другіе же пошли вслѣдъ за тѣмъ, кто затрогивалъ у нихъ патріотическія струны въ душѣ, т. е. за Вильденбрухомъ.

Приверженцы Ибсена, однако, нисколько не огорчились такимъ «отпаденіемъ и соединивъ всѣ свои силы, учредили «свободный театръ» (Freie Bühne), на сценѣ котораго ставились по преимуществу произведенія любимаго писателя.

Но Ибсенъ былъ чужеземецъ и потому молодая Германія ждала собственнаго литературнаго мессію. И онъ появился и вызвалъ огромный энтузіазмъ своей пьесой: «До восхода солнца» (Vor Sonnenaufgang), послѣ которой пріобрѣло громадную популярность имя Гауптмана и такъ электризовало берлинскую молодежь, что въ театрѣ происходили эпическія сцены безпорядковъ. Популярность автора возрастала не по днямъ, а по часамъ, хотя это первое его драматическое произведеніе было довольно-таки слабо. Второе произведеніе Гауптмана: «Праздникъ мира» (Friedenfest) было также твореніемъ дебютанта, съ тою лишь разницею, что оно отличалось бо̀льшею тщательностью отдѣлки, нежели первое. Онъ по прежнему до крайности слѣдовалъ по стопамъ школы Ибсена, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже можно было подмѣтить собственную личность автора. Мало-по-малу онъ освободился изъ-подъ всѣхъ постороннихъ вліяній и самъ сталъ во главѣ отдѣльной школы. Но у него уже былъ серьезный соперникъ въ лицѣ Германа Зудерманна, очень быстро стяжавшаго славу и завоевавшаго всѣ симпатіи въ публикѣ, что было, конечно, необходимо для успѣха. Однако, появленіе «Ткачей» Гауптмана произвело

до нѣкоторой степени переворотъ; публика рѣшительнымъ образомъ стала на сторону автора этой пьесы, а молодая Германія объявила, что онъ указалъ новые пути и что надо слѣдовать за нимъ.

Въ январѣ 1889 года въ домъ съумасшедшихъ былъ заключенъ человѣкъ, долгое время отчаянно боровшійся съ господствующимъ направленіемъ современной мысли. Это былъ Фридрихъ Ницше. Онъ писалъ книги за книгами, набрасывая въ нихъ искусною рукой картины будущаго цивилизаціи. Но его философскія размышленія не находили читателей и не доставляли ему славы, такъ что, когда онъ попалъ въ пріютъ душевнобольныхъ, то это событіе не произвело особеннаго впечатлѣнія. Никто не обратилъ большого вниманія на печальную участь, которая постигла современнаго философа. Вслѣдъ затѣмъ внезапно наступила реакція и люди, читавшіе произведенія Ницше, заговорили о нихъ съ величайшимъ увлеченіемъ. Но хотя въ этихъ восторженныхъ отзывахъ и заключалось, по всей вѣроятности, много преувеличеній, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что чтеніе произведеній Ницше произвело на многихъ поразительное впечатлѣніе, въ которомъ они даже съ трудомъ могли дать себѣ отчетъ.

Въ Скандинавіи, въ первой изъ странъ, обратившихъ вниманіе на новую философію, послышались также крики восторга. Какъ же, Германія, которую считали умершей, парализованной во всѣхъ проявленіяхъ своего генія, создаетъ философа, поражающаго глубиною, оригинальностью и новизною своихъ философскихъ воззрѣній? Это новый, высшій типъ человѣчества,— восклицали всѣ,—и Карлейль, навѣрное, зачислилъ бы его въ разрядъ великихъ. А между тѣмъ среди цивилизованныхъ народовъ не было мѣста этому замѣчательному философу и слава его настигла лишь тогда, когда онъ уже не могъ ею пользоваться!

Образованный міръ узналъ о новой философіи отъ Георга Брандеса и затѣмъ отъ Олы Гансонъ, а Стриндбергъ постарался популяризировать его идеи въ цѣломъ рядѣ публичныхъ лекцій, прочитанныхъ имъ въ Скандинавіи. Тогда-то въ молодой Германіи началось также внимательное изученіе новой философіи, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ полное распаденіе лагеря молодыхъ, среди которыхъ обнаружились два противоположныя теченія; одно изъ нихъ продолжало слѣдовать по пути натурализма, другое же отправилось искать новыхъ путей, болѣе самобытныхъ, находя, что натурализмъ — это продуктъ экзотическаго происхожденія, и надо возбудить реакцію противъ иностранныхъ вліяній въ нѣмецкой литературѣ во что бы то ни стало, хотя бы для этого и пришлось пожертвовать въ нѣкоторыхъ случаяхъ велѣніями здраваго смысла. Съ этою цѣлью въ 1892 году было основано изданіе: «Verlag Deutscher Fantasten», душою котораго сдѣлался Шеербартъ. Съ этого времени начался культъ стиля, стремленіе къ его полнотѣ и усовершенствованію, къ новымъ формамъ, къ туманнымъ выраженіямъ и символамъ и т. п. У Шеербарта дѣйствительно нѣтъ ни образцовъ, ни предшественниковъ въ современной литературѣ и только отчасти онъ напоминаетъ какого-нибудь стараго повѣствователя въ средніе вѣка или на востокѣ. Онъ пишетъ коротенькія исторійки, параболы, дѣйствіе которыхъ происходитъ въ какой-то сказочной обстановкѣ и уловить смыслъ которыхъ часто бываетъ очень трудно.

Шеербартъ, однако, скоро прогорѣлъ со своими изданіями и тогда на сцену выступилъ другой новаторъ, полякъ, Станиславъ Пшибышевскій. Онъ поставилъ своимъ девизомъ: «Лучше быть безумнымъ, нежели раз-

судительнымъ», который онъ и проводилъ въ жизни самымъ безусловнымъ образомъ. Онъ былъ, кромѣ того, піанистъ, но признавалъ только Шопена, одного Шопена. Онъ увлекалъ своею игрой, своимъ энтузіазмомъ, своимъ страннымъ краснорѣчіемъ, своими удивительными парадоксами. Онъ подчинялъ своему обаянію всѣхъ, хотя его и находили без умнымъ, но въ кружкахъ, центромъ которыхъ онъ былъ, происходила настоящая игра новыми идеями, перебрасывающимися точно разноцвѣтные шары въ воздухѣ. Эта была постоянная смѣна, какъ въ калейдоскопѣ; Ницше, Гюисмансъ, Достоевскій, Верленъ, то появлялись, то исчезали, точно мыльные пузыри, отливавшіе разными цвѣтами и разлетавшіеся въ воздухѣ. На ихъ мѣсто появлялись все новые и новые, и такъ до безконечности.

Къ этому же времени блистанія Пшибышевскаго, въ берлинскихъ салонахъ относится мистическое и лирическое произведеніе Ричарда Демеля «Verwandlungen der Veneus» (превращенія Венеры) и Эверса—«Королевскія пѣсни», чрезвычайно напоминающія французскаго мага Сара Пеладана. Успѣхъ этихъ произведеній, однако, не оправдалъ ожиданій. Большая публика, повидимому, не оцѣнила ихъ, но «посвященные» преклонялись передъ новымъ словомъ поэтическаго генія. Поэтъ считался существомъ совершенно особеннымъ, предопредѣленнымъ и запечатлѣннымъ; все человѣчество находилось у его ногъ, но онъ былъ нечувствителенъ къ его страданіямъ, не зналъ человѣческихъ нуждъ, преклоняясь только передъ красотой и питаясь только амврозіей и нектаромъ идеала.

Понятно, что такой взглядъ на поэта долженъ былъ имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что поэты молодой Германіи даже своею наружностью старались не походить на другихъ людей. Однако, въ здравомыслящемъ нѣмецкомъ обществѣ, которое сначала какъ будто и заинтересовалось новымъ теченіемъ, новыя идеи распространялись туго. Чтобы подвинуть дѣло, молодая Германія основала журналъ «Pan», но онъ просуществовалъ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Ассоціація распалась, не находя благопріятной почвы въ нѣмецкомъ обществѣ. Изъ прежнихъ ея членовъ въ Берлинѣ остались только: Гартлебенъ, Шербартъ и Гольцъ, но они рѣдко выступаютъ на сцену. Остальные же блеснули и исчезли, какъ метеоры. Но толчокъ, данный ими, не прошелъ безслѣдно. Общество, во всякомъ случаѣ, проснулось отъ того оцѣпенѣнія, въ которое погрузилъ его сабельный режимъ Бисмарка и броженіе, несомнѣнно существующее теперь въ германскомъ обществѣ, вѣроятно, весьма скоро дастъ о себѣ знать, выдвинувъ на сцэну новую «молодую Германію», которая, быть можетъ, лучше прежней пойметъ гдѣ надо искать настоящихъ путей.

Рѣчь Бертело о научныхъ законахъ. Въ парижской Сорбоннѣ состоялось недавно годичное общее собраніе союза республиканской молодежи, въ которомъ знаменитый французскій химикъ Бертело произнесъ рѣчь о той роли, которую играетъ наука въ современномъ обществѣ. Бертело былъ избранъ предсѣдателемъ собранія и, воспользовавшись этимъ, выступилъ горячимъ защитникомъ науки, на которую въ послѣднее время обрушилось столько нападокъ и обвиненій въ банкротствѣ. По мнѣнію ученаго, XIX вѣкъ, наоборотъ характеризуется именно тѣмъ, что онъ упрочилъ преобладающее вліяніе науки въ современномъ обществѣ. Это вліяніе возрастаетъ съ каждымъ днемъ по мѣрѣ того, какъ растетъ народное образованіе и сознаніе въ народныхъ массахъ, что отражается, въ

свою очередь, рефлекторнымъ образомъ на всѣхъ учрежденіяхъ и на правительствѣ, вызывая тѣ измѣненія, которыя направлены къ облегченію физическихъ и нравственныхъ золъ, соціальныхъ страданій и традиціоннаго рабства. Лишь благодаря распространенію образованія, благодаря ознакомленію съ научными законами, общественное мнѣніе пріобрѣтаетъ въ Европѣ все большую и большую силу, заставляя подчиняться своимъ требованіямъ и ставить на первый планъ не какое-нибудь личное честолюбіе и горделивыя фантазіи, а заботы о мирѣ и общемъ благѣ народовъ. Постоянная смѣна идей и учрежденій многихъ приводитъ въ ужасъ. Приверженцы стараго режима не признаютъ этого вѣчнаго движенія: они требуютъ постоянства конечной идеи, вокругъ которой сосредоточивалась бы вся жизнь націи, забывая, что какъ по отношенію къ индивиду, такъ и всей націи и человѣчеству,—покой означаетъ смерть. Все двигается, «все непрерывно истекаетъ», какъ говорится въ древней философіи, и надо только познать законы этого истеченія, т. е. науку, чтобы сообразовать съ ея требованіями какъ индивидуальную, такъ и соціальную жизнь.

«Не думайте, господа,—прибавилъ Бертело,—что наука изсушаетъ сердце, что она развиваетъ въ человѣкѣ эгоистическое тщеславіе и суровость. Напротивъ, истинная наука всегда развиваетъ скромность, умѣренность, уваженіе къ чужимъ мнѣніямъ, т. е. терпимость. Истинная наука никогда не воздвигала костровъ, чтобы уничтожать своихъ противниковъ; она никогда не обрекала ихъ на мученія въ аду, ни въ этомъ мірѣ, ни въ будущемъ. Божество ученыхъ вовсе не представляетъ собою Молоха, которому, въ видѣ жертвоприношеній, подносятся страданія человѣчества. Наоборотъ, наука поучаетъ любви къ человѣку и къ истинѣ, развиваетъ чувство долга и стремленіе реализировать эту любовь, сообразуя свою жизнь и поступки съ требованіями этого чувства и законами нашей природы. Наука вовсе не развиваетъ того безплоднаго аскетизма, во имя котораго въ средніе вѣка изгонялись и предавались проклятію всѣ мірскія радости и наслажденія. Радости и наслажденія составляютъ такую же неотъемлемую принадлежность природы, какъ печаль и страданія. Эти чувства неразлучны съ нашею судьбой и поэтому мы не должны отрекаться отъ нихъ и бояться ихъ. Будемъ любить искусство, будемъ любить красоту, но больше всего будемъ любить истину вездѣ, гдѣ она находится! Но позвольте мнѣ, старику, дать тутъ нѣсколько совѣтовъ вамъ, молодежи, наслаждаясь, всегда уважать человѣческое достоинство; никогда не посягайте на него, не приносите его въ жертву своему личному удовольствію и въ особенности оберегайте достоинство женщины, которую вы,—болѣе сильные,—должны защищать отъ ея собственной слабости. Будемъ же строги къ себѣ, но снисходитетьны къ другимъ и будемъ всегда помнить, что единственныя воспоминанія, не оставляющія въ глубинѣ души никакого горькаго осадка, это не есть воспоминанія о нашихъ наслажденіяхъ, успѣхахъ, весьма часто отравленныхъ чувствомъ сожалѣнія. но воспоминанія о тѣхъ услугахъ, которыя мы имѣли возможность оказать другимъ людямъ!

Жизнь, господа, не должна быть ни печалью, ни удовольствіемъ; она не должна вдохновляться гордостью и личнымъ частолюбіемъ, но не должна также подчиняться неопредѣленному и разслабляющему мистицизму, которымъ теперь стремятся замѣнить ясные и раціональные идеалы нашихъ предковъ. Мы должны постоянно бороться и никогда не впа-

дать въ состояніе пассивной покорности судьбѣ. Въ особенности мы должны постоянно избѣгать растлѣвающаго вліянія доктрины «laisser faire—laisser passer», преобладаніе которой уничтожило бы всякое вмѣшательство науки въ общественную жизнь, совершенно такъ же, какъ и то роковое слово, произнесенное нѣкогда съ высоты трибуны, которое сдѣлало обогащеніе высшею цѣлью соціальной жизни. Всѣ эти доктрины находятся въ противорѣчіи съ разумомъ и справедливостью и они-то порождаютъ классовую борьбу и ненависть, отъ которыхъ такъ жестоко страдаетъ современное общество и которыя уничтожить можетъ только наука путемъ наиболѣе широкой утилизаціи всѣхъ естественныхъ силъ и путемъ отысканія новыхъ экономическихъ законовъ, въ основу которыхъ была бы поставлена самая широкая солидарность чувствъ и интересовъ всѣхъ людей, къ какому бы классу они ни принадлежали. Однимъ словомъ, жизнь должна имѣть цѣлью научную дѣятельность, направленную къ достиженію наиболѣе полнаго индивидуальнаго развитія, тѣлеснаго, нравственнаго и интеллектуальнаго, какъ своего, такъ и другихъ людей. Только такимъ путемъ, посредствомъ науки, мы можемъ стремиться къ освобожденію всѣхъ человѣческихъ расъ отъ тѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ тираній, которыя тяготѣютъ надъ ними съ незапамятныхъ временъ».

Въ заключеніе Бертело сказалъ, что Франція выросла и господствовала надъ міромъ, восторжествовавъ надъ всѣми своими противниками, лишь во имя идей, носительницею которыхъ она являлась. Всякій же разъ, когда она замѣняла нравственную пропаганду этихъ идей стремленіямъ къ превосходству грубой силы, она неминуемо становилась ея жертвой. Такова ея роковая судьба!

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Quarterly Review».—«Revue des Deux Mondes».—«Revue Bleue».

Превосходство французскаго искусства почти никѣмъ не отрицается въ нашемъ столѣтіи. Въ 1889 году иностранные художники, собравшіеся въ Парижѣ, всѣ единогласно высказались въ международномъ жюри въ пользу присужденія почетной медали французской школѣ, какъ самой передовой въ мірѣ. То же самое произошло въ Вѣнѣ, Антверпенѣ и въ Мюнхенѣ. За послѣднія десять лѣтъ не замѣчается ни малѣйшаго ослабленія художественнаго творчества во Франціи и даже, наоборотъ, интересъ къ произведеніямъ искусства какъ будто возростаетъ съ каждымъ годомъ во всѣхъ классахъ французскаго общества. «Парижъ,—говоритъ англійскій журналъ, «Quarterly Review», посвящающій большую статью изслѣдованію современнаго французскаго искусства, — это настоящій Мальштромъ, поглощающій мужчинъ и женщинъ всѣхъ національностей. Со всѣхъ концовъ свѣта стекаются туда, чтобы воспользоваться тѣми средствами, которыя такъ радушно предлагаетъ Парижъ, для самоусовершенствовании въ наукѣ или искусствахъ».

Безъ сомнѣнія, нигдѣ искусство не занимаетъ такого большого мѣста въ жизни и не возбуждаетъ столько горячихъ дебатовъ, какъ въ публичныхъ собраніяхъ, въ клубахъ и въ кафе, такъ и въ журналахъ и газетахъ, какъ въ Парижѣ. Нигдѣ не устраиваются такъ часто художественныя выставки, какъ въ Парижѣ. Декоративное искусство во Франціи также достигло въ настоящее время большого развитія.

Какъ и всѣ великія художественныя движенія, возрожденіе французскаго искусства живописи слѣдовало за очень смутнымъ и бурнымъ періодомъ національной жизни. Большинство выдающихся современныхъ французскихъ художниковъ родилось именно въ такой періодъ когда національная жизнь била ключомъ. Надъ всѣмъ европейскимъ искусствомъ тяготѣли тогда ложныя доктрины Винкельмана, который возвелъ въ культъ преклоненіе передъ классическимъ искусствомъ. Въ первой четверти нашего столѣтія во французскомъ искусствѣ нераздѣльно властвовалъ художникъ Давидъ и его послѣдователи. Никакое художественное произведеніе не удостоивалось признанія, если оно не отвѣчало всѣмъ правиламъ академическаго искусства. Еще Текерей писалъ по этому поводу, что «въ парижской «Ecole des Beaux Arts» все было классическое. Безчисленное множество Орестовъ, преслѣдуемыхъ различными фуріями, Ромуловъ, сосущихъ волчицъ, Гекторовъ и Андромахъ, заключающихъ другъ друга въ прощальныя объятія!» Дѣйствительно, всѣ сюжеты, выбираемые для снисканія премій, всегда были классическаго содержанія и когда въ 1831 году Руссо вошелъ въ списокъ соискателей и нарисовалъ скалистый ландшафтъ и горный потокъ въ Оверни, то раздался всеобщій крикъ негодованія по поводу дерзости человѣка, осмѣлившагося изобразить какой-то ничего не значущій потокъ, причемъ онъ даже не подумалъ поставить хоть какого-нибудь классическаго храма на его берегу. Всѣ художники, хотя бы они были реалистами въ душѣ, обязаны были подчиняться этимъ деспотическимъ правиламъ моды и рисовать только аллегоріи, да языческіе миѳы, а если и изображали живыхъ людей и событія, то лишь такія, которыя можно было представить въ героической формѣ.

Но, наконецъ, пробилъ часъ осво-

божденія. Когда въ Салонѣ 1819 года Жерико выставилъ свою картину, на которой изображенъ былъ плотъ съ находящимися на немъ потерпѣвшими крушеніе людьми съ фрегата «Медузы», погибшаго у береговъ Африки за три года передъ тѣмъ, то, опять-таки, послышались возгласы негодованія. Какъ это художникъ имѣлъ смѣлость вообразить, что это современное событіе достойно быть тэмою для художественнаго произведенія, и, кромѣ того, изобразилъ на своей картинѣ современныхъ людей въ естественныхъ позахъ и обстановкѣ? Но Викторъ Гюго заступился за эту картину, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ представители новой романтической школы. Произошла реакція и послѣ смерти художника, наступившей очень рано (онъ умеръ 32 лѣтъ), его картина была помѣщена въ Луврскую галлерею. Знамя, выпавшее изъ рукъ, было подхвачено Эженемъ Делакруа. Его картина, написанная подъ вдохновеніемъ байроновскихъ стиховъ, знаменуетъ цѣлую эпоху въ живописи; онъ изобразилъ эпизодъ изъ греческой войны за независимость.

Разумѣется представители старой школы пришли въ ярость отъ такого нарушенія правилъ и законовъ, считавшихся абсолютными въ живописи. Соперникомъ Делакруа, имѣвшаго громадное вліяніе на французское искусство, былъ Ингресъ. Ингресъ былъ поклонникомъ формы. «Ah! la forme, la forme, — c'est tout!» говорилъ онъ и его талантъ явился соединяющимъ звеномъ между старой и новой школой. Но какъ разъ въ самый разгаръ ожесточенной борьбы, между старой и новой школой, народилась третья школа, стоявшая посрединѣ между двумя и такъ и прозванная «Juste milieu». Представителями этой школы были Деларошъ и Шефферъ. Оба усвоили себѣ условность Ингреса, но съ примѣсью дешеваго мелодраматическаго элемента, что, какъ всегда, дѣйствовало на толпу и помогло имъ быстро добиться популярности.

Между тѣмъ художники романтической школы открыли новое направленіе въ живописи, основавъ школу французскихъ оріенталистовъ, въ которой достигли такой громкой репутаціи Фромантенъ и Марилья. Съ этого времени Марокко и Алжиръ сдѣлались для романтической школы тѣмъ, чѣмъ была Италія для художниковъ старой классической школы. Послѣдователи Делакруа нашли очень богатый матеріалъ въ роскошныхъ пейзажахъ Востока. Но какъ романтики, такъ и классики одининаково отворачивались отъ окружающей обстановки, и повседневная жизнь считалась ими недостойной фигурировать въ искусствѣ. Даже Делакруа, бывшій смѣлымъ новаторомъ въ искусствѣ, все-таки говорилъ, что «реализмъ и искусство, это— антиподы».

Салонъ 1831 года представляетъ новую эру во французскомъ искусствѣ. Теодоръ Руссо, Дюпре, Коро и Діацъ, — всѣ выставили ландшафты, въ которыхъ тѣсная связь между природой и личнымъ чувствомъ. Этотъ родъ живописи получилъ названіе: «Paysage intime». Художники стали изображать на своихъ картинахъ берега Сены, окрестности Парижа, лѣсъ Фонтенебло, гигантскіе дубы и буковыя деревья въ Бабризонъ, поросшія мохомъ скалы и гранитныя возвышенности Апремона и т. д. Они всю природу кругомъ признавали достойною кисти и постепенно возбудили въ обществѣ любовь къ этой безъискусственности и красотамъ природы.

Но слава досталась имъ не безъ труда. Теодоръ Руссо, предводитель маленькой группы художниковъ, въ особенности сдѣлался жертвою преслѣдованій всего оффиціальнаго міра и въ теченіе тринадцати лѣтъ его картины неизмѣнно отвергались и

двери салона были для него закрыты, такъ что его даже прозвали «Le Grand Refusé!» Въ концѣ концовъ такая несправедливость ожесточила его и омрачила его характеръ, но все-таки ему удалось пробить брешь въ стѣнѣ и послѣ революціи 1848 года всѣ свободные художники возстали «in corpore» и, избравъ свое собственное жюри, потребовали, чтобы его картинамъ было отведено почетное мѣсто въ салонѣ Карре.

Другой членъ этой группы Коро открылъ дорогу современнымъ импрессіонистамъ. Другими словами: Коро представляетъ соединительное звено между Клодомъ Моне съ одной стороны и Мане — съ другой. Коро былъ воспитанъ въ духѣ самыхъ строгихъ академическихъ традицій. Но онъ скоро сбросилъ съ себя вліяніе этихъ традицій и вступилъ въ ряды новой французской школы. Коро раздѣлилъ судьбу Руссо и другихъ товарищей и ему не удалось продать ни одной изъ своихъ картинъ до сорокалѣтняго возраста. Къ счастью, матеріальное положеніе его было вполнѣ обезпечено и поэтому онъ могъ не обращать вниманія на эти неудачи и все-таки идти своимъ путемъ. Любовь къ природѣ и самоотверженная преданность искусству не покидали его до послѣднихъ дней. Когда, наконецъ, послѣ многихъ лѣтъ была куплена одна изъ его картинъ, то онъ былъ очень пораженъ этимъ обстоятельствомъ и, встрѣтивъ въ тотъ же день одного изъ своихъ пріятелей, сказалъ ему: «Мой другъ, я безутѣшенъ! Моя коллекція Коро разрушена: я продалъ картину въ первый разъ въ своей жизни!» Когда же онъ достигъ и славы, и богатства, то все же остался прежнимъ добродушнымъ, веселымъ товарищемъ и преданнымъ другомъ; всѣ молодые художники называли его «Père Corot», и онъ былъ центромъ, вокругъ котораго они всѣ сосредоточивались. Очень близко къ школѣ Руссо стоитъ Жанъ Франсуа Милле, который присоединялъ къ своему знанію и пониманію природы еще и знаніе крестьянской жизни. «Человѣкъ въ природѣ» — вотъ что было его девизомъ и притомъ человѣкъ не какъ существо, стоящее отдѣльно, а какъ часть великаго цѣлаго, называемаго вселенной. Другой художникъ этой же группы, Курбе, заинтересовался жизнью ремесленника и сдѣлалъ ее предметомъ своихъ художественныхъ произведеній. Онъ провозгласилъ реализмъ въ искусствѣ и возсталъ противъ грековъ и итальянцевъ, заявивъ, что «Monsieur Raphael» былъ совершенно лишенъ идей. Во время краткаго владычества коммуны въ 1871 году, Курбе былъ избранъ директоромъ изящныхъ искусствъ. Хотя онъ и старался спасти національныя коллекціи Лувра и Люксамбурга, но впослѣдствіи его все-таки обвинили въ посягательствѣ на Вандомскую колонну и несмотря на то, что онъ былъ невиненъ, его все-таки посадили въ тюрьму и въ концѣ концовъ онъ умеръ въ изгнаніи въ Веве. Но его картины, выставленныя еще въ 1855 году, были признаны такими произведеніями, которыя создаютъ эпоху въ искусствѣ — его сцены изъ жизни рабочихъ проникнуты глубокимъ реализмомъ и жизненною правдой.

Принципы, вызвавшіе такую бурю негодованія, въ то время, когда Курбе смѣло провозгласилъ ихъ, черезъ двадцать лѣтъ были уже признаны всѣми. Реализмъ вступилъ въ свои права и повседневная жизнь признана достойной служить темой для художественныхъ произведеній.

Лѣтъ тридцать пять тому назадъ, японское искусство впервые сдѣлалось популярнымъ во Франціи и востокъ началъ оказывать новое вліяніе на западъ. Произведенія японскаго художника Хукусаи послужили

настоящимъ откровеніемъ для французскихъ художниковъ.

Названіе «импрессіонисты», окончательно присвоенное новой школѣ, получило свое начало въ 1874 году, во время первой выставки художниковъ, называющихся «непримиримыми» или «независимыми». Клодъ Моне нарисовалъ для этой выставки картинъ—эскизъ солнечнаго восхода на морѣ и, не зная какъ ее назвать, помѣстилъ въ каталогѣ подъ названіемъ «Une impression» (Впечатлeніе) Другіе художники послѣдовали его примѣру, что и дало поводъ критикамъ говорить, что въ этомъ году салонъ представляетъ выставку произведеній «импрессіонистовъ». Это прозвище такъ и осталось за ними. Однако настоящимъ творцомъ этой новой школы надо считать Мане, въ произведеніяхъ котораго замѣчаются всѣ тѣ яркія свѣтотѣни и темнофіолетовые оттѣнки, которые представляютъ характерную черту всѣхъ произведеній школы импрессіонистовъ. Какъ Мане, такъ и Дега, другой его товарищъ по таланту, явились оба настоящими лѣтописцами сложной жизни большихъ городовъ. Жофруа говоритъ, что въ ихъ произведеніяхъ выразился наиболѣе полнымъ и совершеннымъ образомъ XIX вѣкъ.

Однимъ изъ выдающихся мастеровъ школы импрессіонистовъ надо признать Ренуара, но самый великій изъ этой плеяды художниковъ это—Клодъ Моне. Онъ служитъ настоящимъ воплощеніемъ взглядовъ этой школы и больше всего заботится о томъ, чтобы въ его произведеніяхъ отражались, какъ въ зеркалѣ, всѣ малѣйшія измѣненія свѣта и тѣней, происходящія въ природѣ.

Однако наступилъ все-таки день, когда общество почувствовало усталость отъ вѣчнаго воспроизведенія въ искусствѣ исключительно только сценъ обыденной жизни. Снова сюжеты стали заимствоваться изъ греческихъ миѳовъ и среднихъ вѣковъ. На стѣнахъ Салона стали появляться сцены изъ библейской исторіи, легенды святыхъ. Тиссо пересталъ изображать на своихъ картинахъ изящныхъ дамъ и японскіе зонтики и, бросивъ живопись, отправился въ Палестину, чтобы изучить на мѣстѣ окружающую обстановку, въ которой жилъ и дѣйствовалъ Христосъ. Рядомъ съ этимъ символисты устраивали свои отдѣльныя выставки и тоже создали цѣлый рядъ послѣдователей и приверженцевъ. Возрожденіе идеализма отразилось и на декоративномъ искусствѣ и теперь не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что стѣнная живопись все болѣе и болѣе развивается во Франціи, лучше чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Выдающимся представителемъ этой именно отрасли искусства является Пюви де-Шаваннъ. Изъ послѣдователей его назовемъ Густава Моро и Евгенія Каррьэра, отличающагося отъ прочихъ тѣмъ, что въ его произведеніяхъ отражается современный «Weltschmerz», чувство неизбѣжнаго и роковаго предопредѣленія, тяготѣющаго надъ нами.

Таковы главныя вліянія, отражающіяся на современномъ французскомъ искусствѣ, но рядомъ съ ними все-таки еще удерживаются и старинныя традиціи, не потерявшія свою силу. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время надо признать, что художники «научились рисовать, не придерживаясь узкихъ условныхъ рамокъ, публика же выучилась смотрѣть и даже понимать ихъ произведенія.

Не безъинтересно, конечно, изучить положеніе женщины въ такомъ государствѣ, которое насчитываетъ три тысячи лѣтъ своего существованія и имѣетъ населеніе въ 300 милліоновъ человѣкъ. Такое государство—Китай; каково же положеніе женщины въ китайскомъ государствѣ?

«Revue des deux Mondes», посвятившій этому вопросу пространную

статью: «La femme chinoise dans la famille et dans la société», говоритъ, что женщина въ Китаѣ въ полномъ смыслѣ этого слова товаръ, который можно продать, заложить и даже ссудить на время или сдать въ наемъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ заключается настоящій законный контрактъ, который и вручается покупателю. Нѣкоторые изъ китайскихъ городовъ представляютъ въ данномъ случаѣ настоящіе невольничьи рынки; родители, желающіе продать свою дочь, наряжаютъ ее какъ можно лучше и выставляютъ на одной изъ наиболѣе бойкихъ улицъ. Отецъ и мать, дѣдъ и бабка, братья и другіе родственники въ такихъ случаяхъ стоятъ тутъ же и выхваляютъ прохожимъ предлагаемый товаръ. Средняя цѣна этого товара высчитывается, смотря по возрасту дѣвушки. За каждый годъ считается на наши деньги около полутора рубля, такъ что дѣвушка 18 лѣтъ, если только она не дурна собой, продается обыкновенно за 250 или 300 таѣлей (отъ 1.000 до 1.200 фр.). Во многихъ мѣстностяхъ однако такая торговля совершается теперь уже не такъ открыто, а при помощи посредниковъ —Въ Кантонѣ организованъ даже правильный вывозъ женщинъ, только ихъ провозятъ черезъ таможню при помощи ложныхъ фактуръ. Иногда бываетъ, что чиновники пробуютъ помѣшать такой торговлѣ, но вмѣшательство ихъ никогда не бываетъ особенно энергичнымъ. До XVII вѣка даже государство продавало въ свою пользу женщинъ, женъ и дѣтей какого-нибудь чиновника, который умеръ, оставивъ дефицитъ въ кассѣ. Такимъ образомъ рабынь въ Китаѣ очень много и въ богатомъ китайскомъ домѣ ихъ можно встрѣтить отъ 20 до 25; всѣ онѣ представляютъ абсолютную собственность господина, который распоряжается ими, какъ вещью, и дѣлаетъ съ ними что ему угодно, обращаетъ ихъ въ своихъ наложницъ или отдаетъ въ наемъ другимъ. Онъ не можетъ ихъ убить, конечно, но если онѣ умираютъ отъ послѣдствій дурного обращенія и наказаній, то онъ не отвѣчаетъ за это. Однако надо отдать справедливость китайцамъ: они не злоупотребляютъ своимъ правомъ и не тиранятъ своихъ служанокъ, которыя получаютъ даже опредѣленное вознагражденіе и откладывая его, могутъ въ концѣ концовъ выкупить свою свободу, если на то послѣдуетъ согласіе господина, который обыкновенно требуетъ только возвращенія денегъ, затраченныхъ имъ на покупку служанки. Отецъ въ Китаѣ можетъ выдать дочь замужъ, не спрашивая ея согласія; такъ же точно можетъ поступать и господинъ со своею служанкой, но, выйдя замужъ, эта послѣдняя подчиняется уже новымъ правиламъ и зависитъ прежде всего отъ своего мужа, освобождаясь такимъ образомъ отъ безусловной власти своего господина, для котораго она становится неприкосновенной; онъ не имѣетъ права разлучать ее ни съ мужемъ, ни съ дѣтьми. Въ очень многихъ китайскихъ домахъ, гдѣ рабыни остаются много лѣтъ, между ними и семействомъ господина устанавливаются отношенія, не лишенныя сердечности и искренняго расположенія. Наложницъ, конечно, слѣдуетъ также причислить къ числу рабынь. Весьма часто супругъ беретъ наложницу съ согласія своей супруги, въ такихъ случаяхъ, напримѣръ, когда эта послѣдняя бездѣтна. Но наложница всегда находится въ подчиненіи у супруги своего господина и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Китая существуетъ даже такой обычай, что наложница, переступая порогъ дома, проползаетъ на колѣняхъ подъ платьемъ своей госпожи и эта послѣдняя ударяетъ ее нѣсколько разъ хлыстомъ для вида. Такой обычай, конечно, вполнѣ характеризуетъ относительное положе-

ніе обѣихъ женщинъ въ домѣ. Если у наложницы рождаются дѣти, то они считаются дѣтьми законной супруги и называютъ эту послѣднюю матерью, а свою собственную мать теткой. Сыновья наложницы имѣютъ право на наслѣдство отца, имѣютъ право занимать общественныя должности и только въ томъ, что касается знатныхъ титуловъ, законные сыновья имѣютъ надъ ними преимущество. Господинъ никогда не перепродаетъ своей наложницы, если у нея есть дѣти и наслѣдники его также не имѣютъ права этого сдѣлать. Когда онѣ умираютъ, то ихъ хоронятъ въ семейной оградѣ и сыновья ихъ также совершаютъ на ихъ могилахъ похоронныя жертвоприношенія; однимъ словомъ, наложница, несмотря на то, что принадлежитъ къ классу рабовъ, все-таки пріобрѣтаетъ нѣкоторыя семейныя и религіозныя права, какъ только у нея есть дѣти. Въ данномъ случаѣ положеніе женщинъ-рабынь въ императорскомъ дворцѣ гораздо хуже, нежели въ частномъ домѣ, тамъ рабыни, если только онѣ не пользуются милостями императора, влачатъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, жалкое существованіе всю свою жизнь.

Лига мира породила уже цѣлую литературу въ Европѣ. Кромѣ отдѣльныхъ сочиненій и брошюръ, появляющихся во множествѣ въ послѣдніе годы и проповѣдующихъ идеи мира, распространенію этихъ идей способствуютъ статьи въ различныхъ журналахъ и газетахъ. Во Франціи многіе журналы примкнули къ этому движенію и послѣдовательно печатаютъ статьи и извлеченія изъ сочиненій различныхъ авторовъ, высказывающихся прямо или косвенно противъ милитаризма. Въ «Revue Bleue» былъ напечатанъ рядъ такихъ статей. Въ прошломъ нумерѣ нашего журнала мы говорили о статьѣ Тарда, заимствованной изъ его новой книги «Opposition universelle», теперь же укажемъ на статью Гектора Денасса «L'Arbitrage européen», въ которой проповѣдуется идея международнаго третейскаго суда въ примѣненіи къ событіямъ, разыгрывающимся въ данную минуту на Востокѣ. Авторъ возстаетъ противъ европейскаго концерта въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ, и говоритъ, что его слѣдовало бы замѣнить «конгрессомъ третейскаго суда». Авторъ полагаетъ, что во всей Европѣ не найдется ни одного свободомыслящаго человѣка, который бы не раздѣлялъ этой идеи. Если державы могли соединить свои флоты и арміи, чтобы заставить уважать свои требованія на Критѣ, то точно также онѣ могли бы сообща учредить и международный третейскій судъ, который предписывалъ бы свои рѣшенія и предупреждалъ бы кровопролитія, въ большинствѣ случаевъ служащіе источникомъ только новыхъ кровопролитій въ будущемъ, вслѣдствіе жажды возмездія, живущей въ душѣ побѣжденныхъ и возбуждающей ненависть къ побѣдителямъ.

Бюро мира въ Бернѣ выдвинуло на сцену этотъ вопросъ, который былъ поднятъ и въ бельгійской палатѣ депутатовъ. Но покамѣстъ вопросъ этотъ возбуждается лишь въ такихъ слояхъ европейскаго общества, которыя не имѣютъ ни достаточно власти, ни средствъ провести его надлежащимъ образомъ. Необходимо, чтобы сильные и власть имущіе поняли всю ненормальность европейскаго положенія и, проникнувшись идеями мира, помогли бы ихъ осуществить, обративъ свои стремленія и силу не на безпредѣльное увеличеніе войскъ, какъ теперь, а на пропаганду мира не только словами, но и дѣйствіями.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Современное положеніе парфюмерной техники. — Нѣсколько словъ о фальсификаціи.

Быть можетъ, читателю покажется страннымъ, что я ввожу въ настоящую хронику вопросъ, повидимому, ничего общаго съ наукою не имѣющій—вопросъ о духахъ.

Но я позволяю себѣ взять этотъ, такъ-называемый, предметъ роскоши подъ свою защиту. На духи и вообще на пахучія вещества и до сихъ поръ существуетъ, мнѣ кажется, не совсѣмъ правильный взглядъ. Одни смотрятъ на нихъ, какъ на излишнюю роскошь, другіе усматриваютъ въ употребленіи ихъ даже нѣчто почти неприличное. А между тѣмъ, кто же изъ насъ не любитъ цвѣтовъ и именно цвѣтовъ душистыхъ?

Вопросъ о духахъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о нашемъ органѣ обонянія, — органѣ, который, несмотря на свою несомнѣнную важность, находится въ полномъ пренебреженіи. У животныхъ этотъ органъ является могущественнымъ орудіемъ въ дѣлѣ выбора и отысканія пищи. Обезьяна, собака, лошадь — никогда не возьмутъ въ ротъ пищи, не понюхавъ ея предварительно. Человѣкъ сравнительно рѣдко прибѣгаетъ къ своему органу обонянія, благодаря, конечно, тому, что современная культура доставляетъ ему возможность находить пищу, соотвѣтственно выбранную и приготовленную и избавляетъ отъ необходимости прибѣгать къ обонянію.

Благодаря такимъ условіямъ, мы, можно сказать, на половину уже потеряли нашъ органъ обонянія.

Но помимо той пользы, которую этотъ органъ приносилъ нашимъ доисторическимъ предкамъ, онъ можетъ приносить цѣлый рядъ удовольствій и притомъ удовольствій, совершенно безвредныхъ, если, конечно, не злоупотреблять ими.

Какой-то американецъ, говорятъ, задумалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ устроить концертъ ароматовъ. Въ публику пускались или должны были пускаться струи воздуха, слегка пропитаннаго благоухающими веществами. Не знаю, состоялся ли этотъ концертъ, но полагаю, что если глазъ имѣетъ право наслаждаться созерцаніемъ красивыхъ картинъ и красокъ, если ухо получаетъ гармонію звуковъ или, лучше сказать, приноситъ эту гармонію въ нашъ органъ сознанія, если даже органъ вкуса до такой степени ублажается, то почему органъ обонянія остается до сихъ поръ, такъ сказать, въ черномъ тѣлѣ?

Быть можетъ, одною изъ существенныхъ причинъ этого является то обстоятельство, что всякіе духи, болѣе или менѣе воспроизводящіе ароматъ цвѣтовъ, весьма дороги.

Вотъ почему техника уже давно стремилась къ тому, чтобы замѣнить получаемые изъ цвѣтовъ душистыя масла такими веществами, которыя, обладая запахомъ, подобнымъ запаху цвѣтовъ, могли бы въ то же время быть приготовляемы фабричнымъ способомъ независимо отъ какихъ бы то ни было условій мѣста и времени.

*

На этотъ путь современная парфюмерія уже вступила, но пока—это еще лишь робкіе шаги ребенка, дѣлающаго первыя попытки къ самостоятельной ходьбѣ.

Но прежде чѣмъ коснуться этихъ попытокъ, я считаю не безполезнымъ сказать нѣсколько словъ о самомъ способѣ приготовленія духовъ или, правильнѣе говоря, не духовъ, а такъ-называемыхъ эссенцій и маселъ, изъ которыхъ уже готовятся духи.

Главнымъ и почти единственнымъ источникомъ для всей парфюмерной техники служатъ цвѣты. Изъ нихъ и вырабатываются душистыя масла. Способовъ приготовленія этихъ маселъ существуетъ, преимущественнно, два. Одинъ состоитъ въ томъ, что свѣжіе лепестки или цвѣты помѣщаютъ въ большой кубъ, наливаютъ въ него воду и затѣмъ подвергаютъ этотъ кубъ нагрѣванію. Нагрѣваніе ведется или на голомъ огнѣ (такъ дѣлаютъ мелкіе промышленники) или же кубъ нагрѣвается при помощи перегрѣтаго пара, дающаго температуру 120—130°. Когда вода въ кубѣ начнетъ кипѣть, то вмѣстѣ съ ея парами изъ куба уносится и душистое масло цвѣтовъ; пары эти, смѣшанные съ душистымъ масломъ, пропускаются черезъ охлаждаемые пріемники, въ которыхъ какъ они, такъ и унесенное ими душистое масло обращаются въ жидкое состояніе, при чемъ масло, въ качествѣ вещества, нерастворимаго въ водѣ, или всплываетъ на поверхность въ видѣ капель или же въ такомъ же видѣ опускается на дно. Теперь остается это масло отдѣлить отъ воды. Для этой цѣли смѣсь масла съ водою наливается въ особыя воронки (такъ-называемыя, раздѣлительныя), снабженныя краномъ; если масло легче воды, то оно скопляется на поверхности ея въ воронкѣ; жидкости даютъ отстояться и затѣмъ осторожно открывъ кранъ, спускаютъ воду, а масло задерживаютъ; продолжая приливать въ воронку все новыя и новыя количества полученной воды, смѣшанной съ душистымъ масломъ, и, сливая отстоявшуюся воду, накопляютъ такимъ образомъ все большія и большія количества масла.

Этотъ способъ представляетъ, однако, тотъ недостатокъ, что нѣкоторыя изъ душистыхъ маселъ трудно выдерживаютъ высокую температуру, нѣсколько измѣняются, а потому измѣняютъ и свой запахъ.

Другой способъ, гораздо болѣе дорогой, болѣе мѣшкотный, даетъ однако гораздо лучшее масло, такъ какъ при этомъ способѣ избѣгается всякое почти нагрѣваніе.

Способъ этотъ—одинъ изъ наиболѣе древнихъ — состоитъ въ томъ, что приготовляются деревянныя рамки, въ которыя вставляются стекла; на стекло накладывается слой жиру, напримѣръ, свиного; на этотъ слой кладутъ свѣжіе цвѣты; такая рама покрывается другою, подобнымъ же образомъ приготовленною, и т. д. Такимъ образомъ получается цѣлая какъ бы колонна, состоящая изъ наложенныхъ другъ на друга рамокъ съ цвѣтами; сало впитываетъ въ себя душистое масло цвѣтовъ и постепенно «ароматизируется». По прошествіи сутокъ, цвѣты снимаютъ съ сала и замѣняютъ новыми. Разумѣется, сало все болѣе и болѣе насыщается ароматическимъ масломъ цвѣтовъ. Теперь остается только извлечь это масло; для этой цѣли жиръ, насыщенный душистымъ масломъ, смѣшиваютъ съ абсолютно чистымъ спиртомъ и вставляютъ въ сосудъ мѣшалку, при помощи которой этотъ жиръ перемѣшивается со спиртомъ; такъ какъ душистое масло въ спирту хорошо растворяется, а жиръ почти совершенно не растворимъ, то онъ отдаетъ спирту все душистое вещество. Такой насыщенный душистымъ масломъ спиртъ называется *экстрактомъ*. Не мѣшаетъ замѣтить, что спиртъ, берущійся для этой цѣли,

долженъ обладать идеальной чистотою, т. е. не содержать никакихъ слѣдовъ сивушнаго масла и по возможности быть безводнымъ.

Если сравнить ароматъ, получаемый при первомъ способѣ приготовленія, съ ароматомъ, который получается отъ духовъ, приготовленныхъ способомъ только что приведеннымъ, то окажется, что первый всегда даетъ духи съ нѣкоторымъ постороннимъ запахомъ, между тѣмъ какъ послѣдній дастъ духи, удивительно напоминающіе собою свѣжіе цвѣты.

Весьма примѣчательно, что въ дѣлѣ приготовленія экстрактовъ не удалось ввести никакихъ усовершенствованій и маленькій городокъ Грассъ (недалеко отъ Ниццы), представляющій собою центръ, въ которомъ всего больше изготовляется духовъ, гдѣ всего больше разводится цвѣтовъ для цѣлей парфюмеріи — ведетъ полученіе экстрактовъ самымъ стариннымъ способомъ, при помощи жира.

Разумѣется, ученые не разъ высказывали свое удивленіе по поводу того, что парфюмеры держатся рутины и не хотятъ знать ни о какихъ усовершенствованіяхъ; однако, почти всякія нововведенія оказались въ дѣйствительности неудобными: слишкомъ нѣжны эти пахучія масла и слишкомъ легко подвергаются перемѣнамъ, а малѣйшія измѣненія быстро вліяютъ на «чистоту» запаха.

Вотъ почему такія вещества, какъ эфиръ, хлороформъ, сѣроуглеродъ, не разъ предлагавшіеся для извлеченія изъ цвѣтовъ ихъ душистыхъ началъ, оказались неудобными по той или другой причинѣ.

Но кромѣ вышеуказанныхъ затрудненій, при извлеченіи душистыхъ началъ изъ цвѣтовъ имѣется еще не мало другихъ, чисто физіологическихъ.

Дѣло въ томъ, что нѣкоторые цвѣты, какъ, напр., цвѣты розы или померанцовые, содержатъ свои душистыя вещества вполнѣ готовыми или по крайней мѣрѣ содержатъ порядочный запасъ ихъ въ своихъ лепесткахъ. Если эти цвѣты растирать въ рукѣ, то можно чувствовать явственный имъ принадлежащій ароматъ. Изъ такихъ цвѣтовъ можно приготовлять экстракты и помощью перегонки, и посредствомъ жира, и посредствомъ обработки летучими веществами вродѣ бензина, эфира и проч. Во всѣхъ случаяхъ получаются болѣе или менѣе удовлетворительные результаты. И это понятно: разъ цвѣтокъ содержитъ что-либо, то это что-либо можетъ быть извлечено.

Но есть и такіе цвѣты—и ихъ большинство—которые не содержатъ свое душистое начало въ готовомъ состояніи; оно понемногу развивается въ цвѣткѣ въ зависимости отъ его жизни. Это, такъ сказать, выдѣлительный актъ цвѣтка, подобно, напримѣръ, тому, какъ животное выдѣляетъ углекислый газъ, какъ продуктъ своей жизнедѣятельности. Если, напримѣръ, мы станемъ растирать въ рукѣ цвѣты жасмина или ландыша, то не получимъ никакого запаха, кромѣ спеціальнаго, всѣмъ извѣстнаго запаха «зелени». А между тѣмъ еще за минуту до этого растиранія цвѣтокъ давалъ прекрасное благоуханіе. Дѣло объясняется просто: растирая цвѣтокъ, мы его убиваемъ, прекращаемъ его жизнедѣятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаемъ и продуктъ этой жизнедѣятельности — пахучее вещество.

Вотъ почему способъ поглощенія ароматическаго вещества цвѣтовъ помощью жира и является для такихъ цвѣтовъ, какъ, напримѣръ, ландышъ или жасминъ — самымъ раціональнымъ. Сорванный цвѣтокъ, помѣщенный между двумя слоями жиру, въ довольно свободномъ пространствѣ, закрытомъ, пропитанномъ влагою, продолжаетъ еще въ теченіе по крайней мѣрѣ 24 часовъ свою жизнь, вырабатываетъ свое пахучее вещество,

которое по мѣрѣ выработки и поглощается жиромъ. Цвѣты туберозы, напримѣръ, кладутся въ такія «жировыя камеры» въ состояніи еще бутоновъ; помѣщенныя въ этомъ состояніи между слоями жира, они здѣсь распускаются и отдаютъ жиру почти все свое ароматическое вещество.

Зная это, естественно придти къ такой мысли: нельзя ли добиться того, чтобы, сохраняя по возможности долго жизнь цвѣтка, заставить его вырабатывать душистое вещество и по мѣрѣ того, какъ оно вырабатывается, извлекать его.

Такою мыслью задался французскій химикъ, спеціалистъ парфюмернаго дѣла Жакъ Пасси. Считая воду веществомъ, менѣе всего способнымъ принести цвѣтамъ вредъ, Пасси погружаетъ цвѣты въ чистую воду; они продолжаютъ свою жизнь, выдѣляютъ пахучія вещества, вода этими пахучими веществами насыщается, и затѣмъ уже изъ нея извлекаютъ ихъ при помощи эфира. Мысль оказалась очень удачною и французскій торговый домъ Роберте и К. пріобрѣлъ у Пасси право на добываніе экстрактовъ по этому способу. Не надо думать, впрочемъ, что этотъ способъ вытѣснитъ всѣ остальные. Нѣтъ, его достоинство состоитъ въ томъ, главнымъ образомъ, что онъ дастъ возможность извлекать пахучія вещества даже изъ тѣхъ цвѣтовъ, изъ которыхъ до сихъ поръ такое извлеченіе не удавалось, какъ, напр., изъ цвѣтовъ ландыша. Полезно замѣтить, что духи ландыша, имѣющіеся въ продажѣ, не содержатъ въ себѣ ароматическаго вещества ландышевыхъ цвѣтковъ— это смѣсь различныхъ душистыхъ веществъ, болѣе или менѣе удачно подобранная.

Какъ бы то ни было, но техника не могла удовлетворяться цвѣтами, какъ единственнымъ источникомъ приготовленія душистыхъ веществъ, ибо урожай цвѣтовъ находится въ слишкомъ большой зависимости отъ всевозможныхъ случайностей, какъ метеорологическихъ, такъ и всякихъ другихъ. Надо было подумать о совершенно новыхъ путяхъ.

Науки уже и раньше дѣлали такіе шаги. Достаточно вспомнить, что еще весьма недавно большинство красокъ извлекалось изъ растеній и животныхъ. Крапъ, марена, кошениль, индиго, сандалъ и т. д.—вотъ были главнѣйшія краски (я не говорю, конечно, о краскахъ минеральныхъ). Въ концѣ 40-хъ годовъ, нашъ соотечественникъ, академикъ Н. Н. Зиминъ, впервые получилъ искусственнымъ путемъ *анилинъ*. Этому веществу, благодаря капитальнымъ работамъ нѣмецкихъ ученыхъ, главнымъ образомъ А. В. Гофману, а затѣмъ Гребе, Либерману и Байеру, суждено было совершить въ техникѣ красильнаго дѣла полную революцію. Громадныя плантаціи крапа и марены,—растеній, служившихъ для приготовленія ализарина и ализариновыхъ красокъ, постепенно должны были исчезнуть съ лица земли, потому что искусственный ализаринъ и цѣлая масса другихъ искусственныхъ, такъ называемыхъ, анилиновыхъ красокъ, сдѣлала естественныя краски совершенно ненужными. Кто сравнитъ цвѣта нынѣ изготовляемыхъ шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ тканей съ цвѣтами тѣхъ же тканей, изготовлявшихся нѣсколько дѣсятковъ лѣтъ тому назадъ, тотъ, конечно, скажетъ, что никогда прежнія краски не достигали ни той чистоты оттѣнковъ, ни того блеска цвѣтовъ, ни того разнообразія ихъ, какое наблюдается теперь на тканяхъ современнаго намъ приготовленія. Какихъ причудливыхъ тоновъ ни потребовала бы капризная мода, техника безъ малѣйшаго затрудненія изготовляетъ ихъ. Когда, напримѣръ, стали говорить, что все-таки старинныя краски имѣли то пре-

имущество, что онѣ не были такъ грубо ярки, не такъ рѣзали глаза, какъ нынѣшнія, то техника приготовила такіе «выцвѣтшіе» тона (couleur fanée), что бархатныя или шелковыя ткани, ими окрашенныя, казались тканями поблекшими какъ бы подъ вліяніемъ лежанія въ теченіе цѣлыхъ столѣтій.

Единственная черная краска для окрашиванія бумажныхъ тканей не давалась въ руки техникѣ; однако, года два или три тому назадъ была получена черная краска (такъ называемая Diamant-Schwarz), которая даетъ самый частый чорный цвѣтъ и притомъ цвѣтъ не рыжѣющій.

Всѣ эти краски явились результатомъ не случайной какой-либо находки, а правильной систематической разработки вопросовъ о такъ-называемомъ строеніи вещества. Краска предварительно изслѣдовалась, дѣлались болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія о томъ, комбинаціей какихъ группъ есть надежда добиться ея искусственнаго полученія, и затѣмъ только изслѣдователи приступали къ попыткамъ синтеза.

Подобнымъ же путемъ пошли химики и въ вопросѣ объ искусственныхъ пахучихъ веществахъ. Уже давно было извѣстно одно изъ нихъ— такъ называемая мирбановая эссенція, обладающая рѣзкимъ запахомъ горькаго миндаля. Эта эссенція стала употребляться во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ желательно было придать какой-либо смѣси горько-миндальный запахъ. Всѣ такъ-называемыя «миндальныя» мыла обязаны мирбановой эссенціи (нитробензолу), своимъ запахомъ столь сильно напоминающимъ запахъ горькаго миндаля.

Лишь въ 70-хъ годахъ молодому берлинскому химику Тиманну удалось получить другое вещество, такъ называемый *ваниллинъ*. Это вещество представляетъ собою пахучую составную часть ванили; на стручкахъ хорошихъ ея сортовъ видны мелкіе бѣлые кристаллики, которые и представляютъ ничто иное, какъ ваниллинъ. Тиманнъ вмѣстѣ съ Германомъ добыли ванилинъ изъ сосновой и еловой коры, или, собственно говоря, изъ ея слоя, называемаго камбіальнымъ.

Полученіе ваниллина и добываніе его фабричнымъ способомъ имѣло большое значеніе потому, что теперь только люди мало понимающіе употребляютъ ваниль; всякій, кто понимаетъ, что между ваниллиномъ и ванилью нѣтъ никакого различія и кто, съ другой стороны, сообразитъ разницу въ цѣнѣ ванили и ваниллина, тотъ, конечно, совершенно оставитъ употребленіе ванили для какихъ бы то ни было цѣлей, въ томъ числѣ и кулинарныхъ. Но для парфюмернаго дѣла искусственное полученіе душистаго начала ванили имѣло особенное значеніе, потому что во многіе парфюмерные препараты—духи, помады, фиксатуары, туалетные уксусы и т. д. ваниллинъ входитъ, какъ существенная составная часть.

Сравнительно недавно тотъ же Тиманнъ вмѣстѣ съ другимъ химикомъ, Крюгеромъ, получили такъ-называемый іононъ, т. е. душистое начало фіалки или фіалковаго корня (Iris). Этотъ синтезъ потребовалъ десять лѣтъ упорнаго труда. Нужно было сначала извлечь изъ фіалковаго корня его пахучее начало; а такъ какъ это пахучее начало, такъ-называемый иронъ, содержится въ фіалковомъ корнѣ лишь въ количествѣ 1 части на 10.000 корня, то можно себѣ представить, какія количества его должны были подвергнуться обработкѣ для того, чтобы можно было изъ него извлечь необходимое для тщательнаго изученія количество ирона.

Коммерсанты, довѣряя опытности и знаніямъ Тиманна, дали необходимыя для опытовъ средства. Былъ добытъ иронъ, изучена обстоятельно его хи-

мическая природа и затѣмъ были сдѣланы попытки его искусственнаго полученія. Попытки не привели къ желательному результату: иронъ не былъ полученъ, но было получено другое вещество — *іононъ*, вещество по составу тожественное съ ирономъ и, къ счастью, по запаху очень похожее на иронъ. Я говорю — къ счастью, ибо легко могло случиться, что іононъ обладалъ бы запахомъ весьма непріятнымъ и тогда вся десятилѣтняя работа не принесла бы техникѣ никакихъ плодовъ.

Теперь этотъ іононъ въ большомъ ходу, и всѣ потребители духовъ, носящихъ названія «vera» (vera-violette, vera-rose и т. д.) должны знать, что главную роль въ нихъ играетъ вещество іононъ, никогда даже не видавшее ни фіалковыхъ цвѣтовъ, ни фіалковаго корня.

Другое вещество, играющее первостепенную роль въ парфюмерномъ дѣлѣ—это мускусъ. И онъ въ настоящее время замѣненъ искусственнымъ мускусомъ или мускусомъ Вапг'а. Наконецъ, Тиманнъ и Гарманъ, изслѣдовавъ запахъ цвѣтовъ геліотропа, убѣдились, что онъ получается отъ присутствія въ этихъ цвѣтахъ такъзываемаго геліотропина, въ смѣси съ ваниллиномъ. Какъ только это было узнано, такъ сейчасъ же стали готовить искусственно геліотропинъ и, смѣшавши его съ ваниллиномъ, получать настоящій запахъ геліотропа. Извѣстные всѣмъ духи «Heliotrope blanc» получаются изъ искусственнаго продукта.

Нужно при этомъ прибавить, что вопросъ о стоимости всякихъ искусственно получаемыхъ душистыхъ веществъ играетъ лишь второстепенную роль, такъ какъ даже при самыхъ невѣроятныхъ цѣнахъ этихъ веществъ, онѣ все-таки гораздо дешевле нежели естественные. Поэтому фабрикантовъ нисколько не смущаетъ то обстоятельство, что, напримѣръ, искусственный мускусъ продается по 4.000 руб. фунтъ, что іононъ продается по 2.000 рублей фунтъ и т. д, ибо одного фунта этихъ веществъ достаточно на приготовленіе сотни тысячъ флаконовъ духовъ.

Какъ читатель видитъ, наука и техника принесла въ парфюмерное дѣло свои результаты. И въ настоящее время имѣется весьма сравнительно небольшое число, такъ сказать, первичныхъ пахучихъ веществъ, изъ которыхъ уже спеціалисты парфюмеры приготовляютъ тысячи сортовъ духовъ всякихъ наименованій. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ геліотропина, іонона, ваниллина и искусственнаго мускуса, въ техникѣ парфюмернаго дѣла играютъ роль только слѣдующіе экстракты, добываемые въ Грассѣ изъ цвѣтовъ: роза, экстрактъ померанцевыхъ цвѣтовъ, жасмина, туберозы, фіалки и резеды.

Задача парфюмера состоитъ въ приготовленіи смѣсей изъ этихъ первичныхъ душистыхъ веществъ. По совершенно вѣрному замѣчанію Жака Пасси, парфюмеръ въ этомъ случаѣ уподобляется художнику, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи лишь нѣсколько основныхъ красокъ, смѣшеніемъ которыхъ онъ получаетъ всевозможные тоны. Всемірная извѣстность нѣкоторыхъ фирмъ (напр., Rogeru Gollet, Pinaud, Viollet Piver, во Франціи; Baylley, Piesse и Lubin, Atkinson—въ Англіи, Gustav Lohse—въ Германіи) основана исключительно на томъ, что эти фирмы съумѣли подобрать смѣси, всего болѣе удовлетворяющія требованіямъ и вкусамъ потребителей.

Производство духовъ, такимъ образомъ, имѣетъ не мало общаго съ производствомъ винъ—съ одной стороны, и приготовленіемъ чаевъ—съ другой.

Рѣдко, кто изъ потребителей вина знаетъ, что огромное большинство винъ, носящихъ опредѣленныя назва-

нія, представляетъ на самомъ дѣлѣ смѣсь нѣсколькихъ сортовъ вина; такъ, вино Шато-Икэмъ представляетъ такую смѣсь, точно также и многія другія вина. Совершенно то же приходится сказать о чаяхъ. Задача винодѣла и чаеторговца сводится здѣсь къ тому, чтобы, смѣшавъ извѣстные сорты, умѣть удовлетворить вкусу потребителей. Съ другой стороны, получить, напримѣръ, изъ основныхъ душистыхъ веществъ всѣ запахи, принадлежащіе всякимъ цвѣтамъ, такъ же трудно, какъ трудно приготовить искусственнымъ путемъ вино, которое бы какъ по вкусу, такъ и по букету отвѣчало натуральному вину.

И это вовсе не потому, что натуральныя вина или душистые цвѣты содержатъ что-либо такое, что не можетъ быть получено искусственнымъ путемъ. Тутъ все дѣло заключается въ томъ, что вкусъ, и въ особенности такъ называемый букетъ вина зависитъ отъ такого ничтожнаго количества какой-либо душистой составной части, что современные методы химическаго анализа не даютъ возможность ее выдѣлить и изучить. Но, во всякомъ случаѣ, позволительно надѣяться, что будетъ время, когда вино будетъ такъ же изготовляться на фабрикахъ, какъ теперь изготовляется ванилинъ или уксусъ или различныя краски, и въ этомъ будетъ огромный прогрессъ, ибо тогда винодѣліе нисколько не будетъ зависѣть отъ случайностей метеорологическихъ или отъ какой-нибудь филоксеры, которая въ одинъ годъ можетъ уничтожить плоды тяжелыхъ трудовъ цѣлой массы людей.

Я здѣсь затрогиваю вопросъ болѣе общій, вопросъ, относительно котораго даже образованное общество остается въ полномъ заблужденіи. Я чувствую, какъ у многихъ изъ моихъ читателей готово будетъ сорваться съ языка слово *фальсификація*, какъ они, пожалуй, припишутъ мнѣ стремленіе отстаивать, брать подъ свое покровительство видъ обмана, который окрещенъ словомъ фальсификація, подъ который подводится очень многое, ничего общаго съ обманомъ не имѣющее.

Такъ какъ въ каждой изъ своихъ научныхъ хроникъ я старался по мѣрѣ возможности затрогивать и вопросы чисто принципіальнаго значенія, то, надѣюсь, читатель не посѣтуетъ на меня за то, что здѣсь я позволю себѣ коснуться нашихъ понятій о фальсификаціи.

Мнѣ уже неоднократно приходилось затрагивать этотъ вопросъ и въ печати, и въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, и если я снова говорю на страницахъ «Міра Божія» о томъ же, то исключительно потому, что вопросъ о фальсификаціи до такой степени трактуется какъ въ обществѣ, такъ и въ печати вкривь и вкось, до такой степени много въ него внесено путаницы, что на обязанности каждаго, давшаго себѣ отчетъ въ этомъ дѣлѣ, должно лежать выясненіе истиннаго смысла и значенія этого термина.

Есть три слова, которыя часто между собою смѣшиваются—это: фальсификатъ, суррогатъ и искусственный продуктъ. Очень часто и суррогаты, и искусственные продукты публика считаетъ фальсификатами. Это крупная ошибка, ошибка, имѣющая часто весьма прискорбныя послѣдствія.

Для того, чтобы пояснить смыслъ этихъ терминовъ, я укажу, напримѣръ, суррогатъ. Кромѣ сахара, всѣми нами употребляемаго въ пищу и обладающаго опредѣленными химическими признаками, есть вещество, не обладающее ни однимъ изъ свойствъ сахара, за исключеніемъ сладкаго вкуса. Это вещество, такъ называемый сахаринъ, ничего общаго съ сахаромъ не имѣетъ. Сахаринъ можно называть суррогатомъ сахара до тѣхъ поръ,

пока рѣчь идетъ только о сладкомъ вкусѣ. Но сахаръ, кромѣ своего вкуса, имѣетъ еще и другія свойства, дѣлающія его веществомъ полезнымъ въ извѣстномъ смыслѣ для организма. Если обсуждать сахаринъ съ такой стороны, то его нельзя признать суррогатомъ сахара. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи суррогатомъ сахара можно будетъ считать, ну, хотя бы крахмалъ.

Такимъ образомъ, суррогатомъ даннаго вещества, можно назвать всякое такое вещество, которое можетъ замѣнить въ извѣстномъ смыслѣ первое. Чѣмъ большее число качествъ одного вещества можетъ замѣнить другое, тѣмъ лучшимъ суррогатомъ оно является, если, конечно, не имѣетъ при этомъ какихъ-либо отрицательныхъ свойствъ, мѣшающихъ ему быть введеннымъ въ употребленіе. Слѣдовательно, сахаринъ, напримѣръ, будетъ суррогатомъ сахара только по отношенію къ сладкому вкусу, а, положимъ, маргариновое масло будетъ служить суррогатомъ коровьяго масла почти во всѣхъ отношеніяхъ.

Если суррогатъ мы станемъ выдавать не за суррогатъ, а за самый продуктъ, или же если къ самому продукту подмѣшаемъ его суррогатъ, то это уже будетъ фальсификаціей. Такимъ образомъ необходимымъ элементомъ фальсификаціи является *обманъ*.

Совсѣмъ иное—искусственный продуктъ: между ваниллиномъ, полученнымъ искусственно, и ваниллиномъ естественнаго происхожденія нѣтъ *абсолютно никакой разницы* и поэтому фабрикантъ совершенно не обязанъ сообщать покупателю и потребителю, какой ваниллинъ онъ ему продаетъ—искусственный или естественный, если, разумѣется, онъ при этомъ не будетъ требовать съ покупателя высшей цѣны, говоря, что продаетъ естественный ваниллитъ. Точно также плантаторъ ванили не совершитъ ничего дурного, если полученные стручки путемъ погруженія ихъ въ растворъ ваниллина будетъ обогащать этимъ веществомъ, при условіи продажи этихъ стручковъ согласно ихъ дѣйствительной стоимости. Это совершенно подобно тому, какъ сахарный фабрикантъ можетъ продавать сахаръ, совершенно не упоминая, полученъ ли онъ изъ свекловицы, или изъ сахарнаго тростника.

Стало быть, искусственный продуктъ, *совершенно тожественный* съ естественнымъ, продаваемый вмѣсто этого послѣдняго или примѣшиваемый къ нему, не можетъ считаться фальсификатомъ. Да и многіе ли изъ такъ-называемыхъ естественныхъ продуктовъ могутъ считаться въ дѣйствительности естественными? Возьмемъ, напримѣръ, вино. Его почему-то принято называть естественнымъ продуктомъ. Но на самомъ дѣлѣ это весьма неточное названіе. Естественный продуктъ—это виноградъ, пожалуй, даже виноградный сокъ; но разъ виноградный сокъ подвергся уже переработкѣ, разъ мы его заставляемъ бродить, наблюдая извѣстныя условія, разъ путемъ выдерживанія при извѣстной температурѣ вызываемъ въ немъ образованіе различныхъ пахучихъ веществъ, составляющихъ такъ-называемый букетъ вина, что же остается отъ самого естественнаго продукта? Ничего или почти ничего! Только потому, что исходный матеріалъ — виноградный сокъ представляется естественнымъ продуктомъ, мы и самое вино считаемъ естественнымъ. Но, вѣдь, въ винѣ имѣется спиртъ, никогда въ готовомъ состояніи въ природѣ не встрѣчаемый. Спиртъ уже, стало быть, никоимъ образомъ нельзя назвать естественнымъ веществомъ, и тѣмъ не менѣе вино продолжаютъ называть естественнымъ продуктомъ. Благодаря чистой случайности, вина не могутъ содержать болѣе 17 про-

центовъ спирта, а между тѣмъ, потребители требуютъ, чтобы крѣпкія вина содержали не менѣе 21 — 25 процентовъ спирта. И что же выходитъ? Всѣ крѣпкія вина, какъ хересъ, мадера, портвейнъ, поступаютъ въ продажу лишь послѣ того, какъ къ нимъ прибавлено отъ 4 хъ до 8-ми процентовъ чистаго спирта. Что же это, фальсификація? Нѣкоторые полагаютъ, что да, другіе считаютъ, что нѣтъ. Очевидно, однако, что никакихъ данныхъ не имѣется ни въ пользу одного утвержденія, ни въ пользу другого.

Вотъ еще одинъ примѣръ: въ плохіе годы виноградъ получается неудачный — онъ содержитъ слишкомъ много кислоты и мало сахару; приготовленное изъ него вино будетъ изъ рукъ вонъ плохо, и его никто не станетъ пить. Винодѣлы прибѣгаютъ въ такихъ случаяхъ къ исправленію этого недостатка, разбавляя кислый виноградный сокъ сахарною водою. Процессъ этотъ называютъ *галлизированіемъ* вина. Въ данномъ случаѣ винодѣлъ, стало быть, исправляетъ случайные недостатки, допущенные природою. А между тѣмъ, любители отыскиванія фальсификаціи считаютъ галлизированіе вина также фальсификаціей.

То же самое съ уксусомъ. Уксусъ есть продуктъ безусловно искусственный, такъ какъ получается путемъ окисленія различныхъ спиртныхъ жидкостей. Но нѣкоторые ретивые газетные дѣятели, а за ними и публика, продолжаютъ считать уксусъ естественнымъ продуктомъ, а такъ называемую уксусную эссенцію, представляющую тотъ же самый уксусъ, только, во всякомъ случаѣ, болѣе чистый, нежели уксусъ, полученный изъ слабаго спирта, считаютъ не только суррогатомъ, но даже «вредной» фальсификаціей. И было время, когда, благодаря крикамъ газетныхъ невѣждъ, общество начало бояться уксусной эссенціи, какъ яда. Къ счастью, всѣ авторитеты въ области гигіены, химіи и медицины безусловно высказались въ пользу уксусной эссенціи и этой молодой отрасли промышленности удалось завоевать себѣ прочное положеніе на всѣхъ европейскихъ рынкахъ.

Изъ сказаннаго читатель можетъ видѣть, какъ трудно дать точное опредѣленіе слову фальсификація. Но, во всякомъ случаѣ, о фальсификаціи можно говорить лишь тогда, когда имѣется на лицо *обманъ*. Такъ, если въ варенье прибавляется, для приданія ему болѣе сладкаго вкуса и ради экономіи, сахаринъ, то это будетъ фальсификаціей; если въ молоко прибавить крахмала или мѣла, или жира, молоку не присущаго, для приданія ему большей густоты или жирности, то это будетъ фальсификаціей, но если, напримѣръ, молоко почему-либо содержитъ меньше воды, чѣмъ должно содержать въ нормальныхъ условіяхъ, и если къ этому молоку прибавить столько воды, сколько ему не достаетъ до нормы, то это никоимъ образомъ не должно быть считаемо фальсификаціей.

Вообще говоря, прежде чѣмъ говорить о фальсификаціи, нужно весьма тщательно разобрать дѣло, показать наличность обмана, присутствіе вредныхъ примѣсей или примѣсей, не присущихъ данному объекту потребленія, чуждыхъ ему. Только совокупность цѣлаго ряда признаковъ можетъ дать право примѣнить къ извѣстному предмету потребленія терминъ «фальсификація».

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".

Іюнь 1897 г.

Содержаніе. Русскія и переводныя книги: Беллетристика.—Публицистика.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература:* Изъ западной культуры. *Ив. Иванова.* — Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Робертъ Бёрнсъ. «Стихотворенія».— *П. Н. Захарьинъ-Якунинъ.* «Грёзы и пѣсни».—*М. М.* «Стихотворенія».—*В. А. Дмитріевъ.* «Грёзы юности».—*Генрихъ Ибсенъ.* «Полное собраніе сочиненій», т. 5 и 6.—«Призывъ», сборникъ.

Робертъ Бёрнсъ. Стихотворенія. Изд. М. В. Клюкина. Москва. 1897 г. Ц. 40 к. Исполнившееся въ іюлѣ прошлаго года столѣтіе со дня смерти шотландскаго поэта оживило воспоминаніе о немъ и вызвало рядъ статей въ журналахъ,—статью проф. Тернера у насъ, г. И. Иванова въ «Русск. Мысли», г. Вейнберга въ «Русск. Богатствѣ», и др. Дополненіемъ къ критико-біографическимъ статьямъ упомянутыхъ авторовъ является теперь отдѣльное изданіе произведеній Бёрнса въ переводахъ лучшихъ русскихъ работниковъ въ этой области. Имена М. Михайлова, Курочкина, Вейнберга, Чюминой, Минаева—достаточно говорятъ сами за себя, а подборъ всѣхъ болѣе извѣстныхъ вещей Бёрнса дѣлаетъ эту небольшую книжечку настоящимъ перломъ поэзіи въ русской переводной литературѣ. Бёрнсъ давно уже сталъ поэтомъ всѣхъ народовъ и любой эпохи и останется имъ, пока не заглохнетъ въ душѣ человѣка жажда поэзіи. Рекомендовать, поэтому, книжечку его стиховъ совершенно лишнее дѣло, а пожеланіе ей самаго широкаго распространенія разумѣется само собой. Лучше ограничимся одной изъ болѣе характерныхъ его пѣсенокъ въ прелестномъ переводѣ Минаева:

На чердакѣ.

День и ночь—сутки прочь;
Такъ я вѣкъ проживу.
Снится бѣдность мнѣ въ ночь,—
Нищета на яву.
    Всѣмъ я людямъ чужой
    И чужіе всѣ мнѣ,—
    Только вѣчно со мной
    Тѣнь моя на стѣнѣ.
Мнѣ подруга вѣрна,—
Я подругу цѣню,
А измѣнитъ она,—
Такъ и я измѣню.

Я спины никогда
Не согну ни предъ кѣмъ;—
Только мнѣ-то, нужда,
Спину гнешь ты зачѣмъ?

Грёзы и пѣсни. Стихотворенiе И. Н. Захарьина (Якунина). Изд. четвертое. Ц. 50 к. Спб. 1896. Хотя четвертое изданіе стихотвореній г. Захарьина-Якунина вышло въ прошломъ году, но мы находимъ, что и теперь стоитъ и не поздно указать на нихъ читателямъ. Небольшой сборникъ г. Захарьина рѣзко выдѣляется среди остального поэтическаго «творчества» послѣдняго времени. Простота и безъискусственность въ соединеніи съ теплотой и искренностью составляютъ отличительную черту его стиховъ, ради чего вы не замѣчаете невыдержанности риѳмъ и подчасъ тяжеловѣсности ихъ. Мысль автора, всегда ясная и гуманная, любовь къ родинѣ и народу еще болѣе подкупаютъ въ его пользу. Чувствуется, что онъ не ломается и не играетъ словами, когда, оглядываясь на прошлое, съ грустью говоритъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній «Конецъ»:

Жизнь пролетѣла какъ мгновенье...
И вотъ у гробовой доски
Стою я полонъ сожалѣнья
И думъ, и горя, и тоски...
Предстали грозные итоги
Всей жизни прошлой и всѣхъ дѣлъ,—
Какъ гость недобрый на порогѣ
И дерзновенъ стоитъ, и смѣлъ...
И не постигъ я, не увидѣлъ—
Зачѣмъ родился я и жилъ,
Зачѣмъ прощалъ и ненавидѣлъ,
Страдалъ, молился и любилъ...

Этимъ грустнымъ настроеніемъ проникнуто большинство стихотвореній, съ оттѣнкомъ жажды борьбы и неудовлетворенности ея результатами. Въ сущности, вся книжечка, составленная изъ произведеній, писанныхъ на протяженіи тридцати почти лѣтъ, представляетъ какъ бы исповѣдь, безъискусственно разсказанную, исповѣдь вдумчиваго человѣка, не настолько сильнаго, чтобы загорѣться гнѣвомъ и страстью при видѣ несправедливости окружающей жизни, но глубоко чувствующаго эту несправедливость и возмущеннаго ею. Особенной теплотой привлекаетъ «Пѣснь о погибшемъ сынѣ», трогательный и поэтическій разсказъ о болѣзни и смерти любимаго ребенка. По выдержанности тона и искренности это, безспорно, лучшая вещь въ сборникѣ, къ сожалѣнію, нѣсколько испорченная неумѣстными выходками противъ врачей, не отстоявшихъ дорогой автору жизни.

Стихотворенія. М. М. Спб. 1897 г. Ц. 40 к. Очевидно, предъ нами робкая попытка только-что начинающаго поэта. Простое, ничего не выражающее заглавіе, инициалы вмѣсто фамиліи, и маленькое предисловіе, въ которомъ неизвѣстный авторъ какъ бы извиняется за свою дерзость—выпустить въ свѣтъ сборникъ своихъ стихотвореній. «Авторъ,—говорится въ немъ,—любя жизнь, всегда стремился къ жизни, жаждалъ ея и больше всего пугался не жизненныхъ

невзгодъ, а отсутствія жизни. Всѣ его стихотворенія порождены непосредственной жизнью, и въ нихъ поэтому нѣтъ, съ этой стороны, лжи и неискренности». Послѣднее, можетъ быть, и справедливо, но для читателя вовсе не важно, чтобы авторъ былъ правдивъ въ изложеніи своихъ чувствъ. Важно одно, чтобы впечатлѣніе отъ его стиховъ было правдиво и искренне, чего и недостаетъ сборнику г. М. М., хотя въ немъ и попадаются недурныя отдѣльныя вещицы.

Сѣрое, скучное, хмурое небо,
Скучные, хмурые дни:
Кажется, будто тепло и отраду
Скрыли на вѣки они.
Кажется, будто природа рыдаетъ:
Нужны ей солнца лучи...
Бѣдное сердце мое умираетъ—
Каплю, хоть каплю любви!..

Есть и еще нѣсколько такихъ же въ гейновскомъ родѣ вещицъ, но общая физіономія автора до крайности тускла и нехарактерна. Преобладаетъ банальность выраженій, затасканные эпитеты и образы, давно уже потерявшіе живое содержаніе.

Грезы юности. Стихотворенія В. А. Дмитріева (Полочанина). 1897 г. Новочеркаскъ Ц. 75 к. По части стихотворной плодовитости провинція не отстаетъ отъ столицъ. Пожалуй, даже напротивъ, и насколько можно судить по цѣлымъ ворохамъ стиховъ, приносимыхъ въ редакцію почтою,—«священный огнь поэзіи прекрасной» усиленно возжигается именно въ безвѣстныхъ градахъ и весяхъ нашего обширнаго отечества. Иногда провинціальные поэты рѣшаются и на собственный рискъ выступать самостоятельными изданіями, какъ г. Дмитріевъ, Полочанинъ—тожъ, бряцающій на лирѣ на брегахъ тихаго Дона, которому посвященъ даже особый отдѣлъ въ его «Грезахъ»—«Донскія мелодіи и думы». Какъ и подобаетъ юности, «Грезы» г. Дмитріева витаютъ преимущественно въ царствѣ «лазоревыхъ глазокъ», гдѣ «небеса и море», гдѣ «столько безпечной ласки» и прочихъ пріятныхъ (не только для юности) вещей. То ему чудится, что «вдвоемъ въ саняхъ по снѣгу» онъ летитъ, то «спятъ тихіе, чудные глазки... ямочки на милыхъ щекахъ»,—словомъ, все обстоитъ благополучно у г. Дмитріева. Только намъ-то что за дѣло? «Сіяйте, чудные, лазоревые глазки» для г. Дмитріева, но онъ сдѣлалъ бы много лучше, еслибъ поменьше объ этомъ разсказывалъ.

Собраніе сочиненій Генрика Ибсена. Томы пятый и шестой. Изд. І. Юровскаго. Спб. 1897 г. Ц. за 6 томовъ по подпискѣ 4 р., съ пер. 5 р. Съ выходомъ этихъ двухъ томовъ полное собраніе сочиненій Ибсена на русскомъ языкѣ закончено. Каково бы ни было достоинство переводовъ, собранныхъ и изданныхъ г. Юровскимъ, читатели имѣютъ теперь возможность познакомиться съ великимъ норвежскимъ писателемъ и провѣрить на личномъ опытѣ тѣ разнорѣчивые выводы, заключенія и толки, объектомъ которыхъ давно служитъ Ибсенъ какъ въ иностранной, такъ и въ нашей

литературѣ. По вѣрному замѣчанію г. Мережковскаго, «каждый разговоръ объ Ибсенѣ—настоящее литературное сраженіе. Равнодушные зрители очень быстро превращаются или въ пламенныхъ враговъ Ибсена, или въ столь же пламенныхъ друзей поэта». Причины такого рѣзко-противоположнаго отношенія къ нему заключаются въ обиліи темъ, имъ закронутыхъ, что даетъ возможность каждому брать изъ нихъ болѣе себѣ близкое, а съ другой стороны—въ чрезвычайной рѣзкости рѣшеній Ибсена. Въ основѣ его характера лежитъ какая-то угловатость, почти дикая суровость, отталкивающая однихъ и тѣмъ болѣе привлекающая другихъ. Въ каждой его драмѣ нѣтъ и намека на желаніе автора привлечь зрителей на свою сторону, угодить имъ или убѣдить ихъ, но нѣтъ и тѣни оригинальничанья,—авторъ правдивъ и оригиналенъ, потому что таковъ его талантъ.

Ибсена нельзя подвести ни подъ какую мѣрку, и эта необычайность его раздражаетъ большинство читателей, привыкшихъ къ опредѣленнымъ взглядамъ, мнѣніямъ и правиламъ. Для Ибсена ничего этого не существуетъ, онъ самъ по себѣ, и къ нему надо подходить, какъ къ совершенно особому, новому міру. Понравится ли вамъ здѣсь, это другой вопросъ, во всякомъ случаѣ для автора не существующій. Съ другой стороны, въ этомъ и заключается привлекательность Ибсена. Въ какомъ бы мѣстѣ вы ни раскрыли эти шесть томиковъ, вы сразу наталкиваетесь на нѣчто, поражающее съ перваго шага, и въ тоже время нѣчто такое, къ чему нельзя относиться равнодушно. Онъ увлекаетъ читателя мало-по-малу въ свой міръ, отъ котораго вы не можете оторваться, хотя бы вы искренно возмущались на каждомъ шагу. И очень часто, вслѣдъ за возмущеніемъ наступаетъ раздумье, которое склоняетъ читателя на сторону автора, этого угрюмаго пессимиста, почти мизантропа, человѣка съ чрезвычайно рѣзкой индивидуальностью. Какъ есть люди, о которыхъ принято говорить, что они — безличны, такъ есть люди обратнаго типа, съ чрезмѣрно развитой индивидуальностью, не укладывающеюся ни въ какія рамки, — и къ такимъ принадлежитъ Ибсенъ. «Самый сильный человѣкъ тотъ, кто стоитъ одиноко», такимъ гордымъ заявленіемъ заканчивается одна изъ самыхъ характерныхъ пьесъ Ибсена. «Если всѣ завѣты альтруизма и братства возстаютъ противъ этого возвеличенія личности,—говоритъ по этому поводу г. А. Веселовскій въ своемъ этюдѣ объ Ибсенѣ,—невольный интересъ привлекаетъ къ отщепенцу, сильному духомъ среди мельчающихъ и дряблыхъ современниковъ... Не такова ли участь самого Ибсена?—замѣчаетъ онъ далѣе.—Вокругъ него, въ соціальномъ движеніи и литературномъ творчествѣ поднимались разнообразные вопросы, обозначались теченія мысли, особенно на порогѣ новаго вѣка, но въ одиночествѣ, вдали отъ партій и школъ, долгое время даже вдали отъ родной страны, стоялъ писатель, одаренный всѣми качествами вождя и проповѣдника, способнаго вести за собой массу, думалъ *свою* думу, говорилъ *свои* рѣчи, не заботясь о томъ, пойдутъ ли онѣ въ разрѣзъ съ общимъ мнѣніемъ». Въ развитіи его творческой дѣятельности на каждомъ шагу даетъ себя чувство-

вать эта чрезмѣрность индивидуальности художника, «рано задумавшагося надъ противорѣчіями и несправедливостями жизни, отдававшаго всѣ силы исканію правды, ошибавшагося, уходившаго въ сторону отъ избраннаго пути, но чуждаго всякихъ сдѣлокъ съ рутиной и выразившаго въ драмахъ и свой протестъ, и свои надежды».

Въ пятый томъ вошли, кромѣ упомянутаго этюда г. Веселовскаго, въ которомъ дана болѣе блестящая, чѣмъ глубокая характеристика Ибсена, драмы: «Строитель Сольнессъ», «Джонъ Габріель Боркманъ» и «Врагъ народа». Эти произведенія принадлежатъ различнымъ періодамъ, чѣмъ и объясняется рѣзкое различіе въ формѣ, къ которой прибѣгаетъ авторъ. «Врагъ народа»—драма, не имѣющая ничего символическаго, тогда какъ «Строитель Сольнессъ» цѣликомъ символическое произведеніе. Докторъ Штокманъ и его противники, представители общества, которому «врагъ народа» бросаетъ свой гордый вызовъ, это—живыя личности, взятыя изъ окружающей среды. Тогда какъ Сольнессъ и Гильда, при всей художественности, только символъ вѣчныхъ стремленій человѣческой души къ идеалу. «Джонъ Габріель Боркманъ», самое послѣднее по времени произведеніе Ибсена, слабѣе другихъ. Въ немъ не чувствуется той ибсеновской цѣльности и самобытности, какъ, напр., въ произведеніяхъ, составляющихъ содержаніе шестого тома, «Брандъ», «Перъ Гинтъ» и «Росмерсгольмъ», самыхъ характерныхъ и странныхъ, болѣе всего привлекающихъ однихъ и отталкивающихъ другихъ отъ Ибсена. Не мѣсто, конечно, въ небольшой рецензіи вдаваться въ подробный разборъ этихъ замѣчательнѣйшихъ произведеній норвежскаго драматурга. Замѣтимъ только, что «Брандъ» и «Перъ Гинтъ» вызвали больше всего восторговъ и осужденій, и до сихъ поръ критика не установила для нихъ сколько-нибудь общаго взгляда. Всякій критикъ понимаетъ ихъ по своему, что лучше всего свидѣтельствуетъ о глубинѣ и значительности этихъ произведеній.

«Призывъ». Литературный сборникъ въ пользу престарѣлыхъ и лишенныхъ способности къ труду артистовъ и ихъ семействъ. Ц. 3 р. 50 к. Москва. 1897 г. Симпатичной цѣли настоящаго сборника вполнѣ отвѣчаетъ его разнообразное и интересное содержаніе, въ которомъ преобладаетъ беллетристика. Здѣсь мы встрѣчаемъ лучшія имена въ этой области литературы, гг. Чехова, Мамина-Сибиряка, Потапенко, Баранцевича, Альбова, давшихъ очень милые и содержательные разсказы, стихотворенія гг. Полонскаго, Бальмонта, Чюминой и др., критическія статьи и воспоминанія старыхъ, извѣстныхъ актеровъ. Въ числѣ статей историко-публицистическаго характера помѣщены двѣ крайне интересныя—проф. Стороженко «Воспоминаніе объ Екатеринѣ II» и г. Ив. Иванова «Культурныя перспективы». Около этихъ именъ, знакомыхъ каждому читателю, группируются хорошо подобранныя стихотворенія, небольшіе этюды и разсказы, какъ оригинальные, такъ и переводные. Общее впечатлѣніе сборника, такимъ образомъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго, дѣлая честь какъ редакціи его, умѣлой и, видимо, съ любовью отнесшейся къ своей задачѣ,

такъ и ея сотрудникамъ, давшимъ лучшія вещи, какія имѣлись у нихъ при составленіи сборника. Мы не сомнѣваемся, что всѣ эти выдающіяся достоинства «Призыва» вызовутъ дружный откликъ среди читателей, чего онъ вполнѣ заслуживаетъ. Если принять во вниманіе размѣръ сборника—33 листа убористой печати, то цѣну его нельзя не признать вполнѣ умѣренной.

ПУБЛИЦИСТИКА.

К. Ф. Одарченко. «Нравственныя и правовыя основы народнаго хозяйства».— *Б. Глинскій.* «Русское судебное краснорѣчіе».—*Л. Д. Ляховецкій.* «Характеристика русскихъ извѣстныхъ судебныхъ ораторовъ».—*Н. Дружининъ.* «Юридическое положеніе крестьянъ».—*Поль-Луи-Курье.* «Сочиненія».—*В. А. Гольцевъ.* «Воспитаніе, нравственность, право».

К. Ф. Одарченко. Нравственныя и правовыя основы русскаго народнаго хозяйства. Москва 1897 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ циркахъ существуетъ обыкновеніе между двумя «серьезными» номерами программы помѣщать коротенькіе «entrée comique» клоуновъ, которые своими шутками должны нѣсколько успокоить напряженные нервы зрителей. Совершенно такое же «entrée comique» совершаетъ г. Одарченко. Глубокій комизмъ его книги усугубляется неподражаемымъ глубокомысліемъ, съ которымъ г. Одарченко проявляетъ дѣтски наивное невѣжество въ области экономическихъ вопросовъ. Основу русской общины авторъ находитъ въ характерѣ русскаго человѣка, который, чувствуя свою слабость въ личной борьбѣ, стремится къ общинѣ. «Вмѣсто раздробленія земли на отдѣльные участки, поступающіе въ индивидуальную собственность отдѣльнымъ хозяевамъ, вмѣсто связанной съ такимъ раздробленіемъ конкурренціи, при которой кулакъ долженъ задавить добросовѣстнаго труженика и, приведя его въ состояніе крайней нужды, заставить продать ему свой участокъ и затѣмъ, въ качествѣ міроѣда, давить и эксплуатировать батрака,—вмѣсто такого порядка вещей, при которомъ, по свойству русской натуры, неизбѣжно перевѣсъ силъ былъ бы не на сторонѣ болѣе талантливыхъ и способныхъ людей, а на сторонѣ болѣе беззастѣнчивыхъ и безсердечныхъ,—русскій человѣкъ инстинктивно и даже (!) сознательно ищетъ выхода изъ этой пропасти въ другомъ порядкѣ вещей»,—въ общинѣ. Одолѣвъ эту тяжкую тираду, читатель готовъ удивиться, откуда объявился г. Одарченко. Но удивленіе и негодованіе читателя сейчасъ же исчезаютъ, какъ только онъ больше и больше вникаетъ въ духъ книги г. Одарченко. Комическій характеръ послѣдняго постепенно выясняется для него, и, вмѣсто негодованія, читатель испытываетъ самое веселое настроеніе, когда доходитъ до тѣхъ страницъ, гдѣ г. Одарченко громитъ г.г. Струве, Бельтова и прочихъ «враговъ русскаго народа», подъ личиной научной теоріи желающихъ скрыть свои истинныя тенденціи — «провести капиталистическія начала хозяйства до конца и повсюду» (стр. 119). Порѣшивъ со «Струве и Бельтовымъ (псевдонимъ)» (стр. 120) такимъ раскрытіемъ ихъ затаен-

ныхъ цѣлей, г. Одарченко припираетъ дальше всѣхъ ихъ послѣдователей къ стѣнѣ неопровержимымъ заявленіемъ, что «у каждаго человѣка остается здоровая самостоятельная сила духа», что «неизбѣжнымъ результатомъ истинно-христіанскаго міровоззрѣнія является община» (стр. 127—128).

Но г. Одарченко не только христіанинъ, онъ и великій финансистъ. Въ заключительной статьѣ «Къ вопросу о деньгахъ и «золотой валютѣ» кредитнаго рубля» онъ взываетъ къ общественной мысли и совѣсти, которой одной достаточно, чтобы освѣтить со всѣхъ сторонъ экономическіе вопросы современности. Но, заканчиваетъ онъ, этого мало. «Великое дѣло—дѣло мысли и знанія; оно разсѣеваетъ предразсудки и ложныя доктрины, вырабатывая ясныя представленія о разумныхъ условіяхъ жизни; но и этого мало. Можно знать пути правды и не идти по нимъ, вслѣдствіе косности, апатіи и холодности сердца. Розбудить спящія силы на Руси не по силамъ отдѣльнымъ лицамъ: ихъ разбудитъ Господь Богъ, который, надѣемся, воскреситъ забытое и охладѣвшее чувство любви къ русскому народу въ средѣ нашей мыслящей части общества» (стр. 374).

но въ отвѣтъ на эту совсѣмъ особую финансовую политику, мы считаемъ себя въ правѣ напомнить поговорку того же русскаго.

И все-таки, въ концѣ концовъ, книга г. Одарченко сослужила добрую службу русской общественной мысли. Есть особый методъ доказательства, именуемый «reductio ad absurdum»,—сведеніе мысли, кажущейся правильной, къ абсурду, къ глупости, причемъ вся наивность и неосновательность мысли представляются во-очію. Именно такую процедуру продѣлываетъ г. Одарченко съ народническими упованіями на общину и съ ихъ воплями противъ злопыхателей изъ лагеря «экономическаго матеріализма». Поэтому, мы отъ души привѣтствуемъ «entrée comique» г. Одарченко и желаемъ ему такого же пріема и со стороны читателей.

Б. Глинскій. Русское судебное краснорѣчіе. Спб. 1897. Ц. 60 к. Г. Глинскій принадлежитъ къ многочисленному типу людей, о которыхъ еще Мефистофель сказалъ, что у нихъ «die Lust ist gross allein die Kraft ist schwach». При смертной охотѣ, но съ горькой участью берутся они за все, проявляя апломбъ удивительный, который даже на людей и неробкаго десятка производитъ извѣстное впечатлѣніе. Въ сущности, этотъ апломбъ знаменуетъ только большую развязность, съ которой авторы подобнаго типа готовы съ одинаковой свободой духа толковать, напримѣръ, о Карлѣ Марксѣ (см. статью г. Б. Глинскаго въ «Историч. Вѣстникѣ» за 1896 г. о русскихъ марксистахъ, народникахъ и о прочемъ), зная его по слухамъ, заимствуемымъ изъ «достовѣрныхъ источниковъ», и о русскихъ судебныхъ ораторахъ, тоже знакомыхъ имъ не больше, какъ о томъ свидѣтельствуетъ новая брошюрка г. Глинскаго въ шесть съ небольшимъ печатныхъ листиковъ разгонистаго шрифта. Шутка сказать—тутъ уложено тринадцать виднѣйшихъ ораторовъ, хотя одинъ г. Спасовичъ выпустилъ шесть томовъ своихъ рѣчей, а г. Кони два огромныхъ тома. Г. Спасовичу отведено въ пантеонѣ г. Глинскаго 12 страничекъ, а г. Кони — тринадцать. И это двумъ виднѣйшимъ, почему для остальныхъ один-

надцати осталось ужъ совсѣмъ немного, ровно столько, чтобы раздать имъ эпитеты «умный», «остроумный», «глубокомысленный», «строго-логическій», и въ подкрѣпленіе привести одну-двѣ цитаты изъ ихъ рѣчей. Все вмѣстѣ, по мнѣнію г. Глинскаго, должно составить опытъ характеристики русскаго судебнаго краснорѣчія, а по нашему мнѣнію—еще одну смѣлую попытку г. Глинскаго проникнуть въ область, столь же ему доступную, какъ и экономическая. Г. Глинскому нельзя отказать въ нѣкоторой бойкости пера, но,—странное дѣло!—все, что онъ пишетъ о г.г. Спасовичѣ, Кони, Андреевскомъ, Карабчевскомъ и другихъ, производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто мы все это уже слышали, только не помнимъ—гдѣ и когда. Такъ, часто васъ преслѣдуетъ знакомый мотивъ, только никакъ вы не можете ухватить его,—обрывки какіе-то, а знакомо, до чрезвычайности знакомо! Лучшія мѣста въ книжечкѣ г. Глинскаго — многочисленныя выдержки изъ рѣчей, и хотя ихъ приведено довольно много (до двухъ листовъ тонкаго петита), но книга много выиграла бы, если бы ихъ было еще больше. И намъ кажется, что книга была бы въ высшей степени интересная, если бы *вся* состояла изъ лучшихъ рѣчей собранныхъ г-номъ Глинскимъ представителей русскаго судебнаго краснорѣчія. Такая книга была-бы и любопытна, и полезна, и мы горячо поблагодарили бы г. Глинскаго за трудъ составителя.

Л. Д. Ляховецкій. Характеристика извѣстныхъ русскихъ судебныхъ ораторовъ съ приложеніемъ избранной рѣчи каждаго изъ нихъ. Спб. 1897 г., изданіе автора. Цѣна 2 рубля. Авторъ задался цѣлью, какъ видно изъ предисловія, дать характеристику нашихъ извѣстныхъ судебныхъ ораторовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомить читателей съ образцами русскаго судебнаго краснорѣчія во всѣхъ его родахъ, въ виду чего и помѣстилъ въ своей книгѣ избранныя рѣчи ораторовъ по дѣламъ уголовнымъ, гражданскимъ и политическимъ. Г. Ляховецкій останавливается на слѣдующихъ ораторахъ: П. Я. Александровѣ, С. А. Андреевскомъ, К. К. Арсеньевѣ, В. И. Жуковскомъ, Н. П. Карабчевскомъ, А. Ѳ. Кони, С. А. Муромцевѣ, А. С. Нѣжинскомъ, А. Я. Пассоверѣ, В. Д. Спасовичѣ, кн. А. И. Урусовѣ и Н. І. Холевѣ.

По ознакомленіи съ характеристиками г. Ляховецкаго и при оцѣнкѣ его книги невольно вспоминается извѣстный афоризмъ, приписываемый Плинію: nullus est liber tani malus, ut non aliqua parte prosit *). Сообщая нѣкоторые интересные и поучительные эпизоды изъ дѣятельности нашихъ судебныхъ ораторовъ,—эпизоды отчасти малоизвѣстные, отчасти позабытые, г. Ляховецкій, какъ можно было ожидать, долженъ былъ бы дать намъ рядъ характеристикъ *извѣстныхъ* русскихъ судебныхъ *ораторовъ*. Оказывается, что почти всѣ такъ называемыя характеристики ораторовъ являются характеристиками судебныхъ *дѣятелей*, о которыхъ авторъ сообщаетъ почти безъ всякой системы цѣлый рядъ свѣдѣній, фактовъ, собственныхъ изреченій и т. п., при чемъ все

---

*) Нѣтъ такой книги, которая хотя сколько-нибудь не была бы полезна.

*

это носитъ подчасъ характеръ вполнѣ анекдотическій и не имѣетъ никакого отношенія къ судебному краснорѣчію. Изъ книги г. Ляховецкаго большинство читателей впервые, быть можетъ, узнаетъ объ «извѣстномъ русскомъ судебномъ ораторѣ» А. С. Нѣжинскомъ, и не сможетъ ознакомиться съ другими, дѣйствительно, извѣстными адвокатами-ораторами, какъ столичными, такъ и провинціальными. Послѣднихъ почему-то г. Ляховецкій совершенно игнорируетъ, несмотря на то, что среди нихъ обрѣтаются ораторы съ довольно громкими именами.

Языкъ, которымъ написаны характеристики г. Ляховецкаго, оставляетъ желать многаго. Приведемъ нѣкоторыя выдержки наудачу: «Рѣчь эта останавливаетъ вниманіе остроумными сравненіями, ѣдкими сарказмами и полемическимъ увлеченіемъ оратора, *служившаго самъ лично долгое время мишенью для нападокъ и шутокъ...*» (стр. 9). «Чуть этотъ голосъ понижается, слова выходятъ не совсѣмъ ясными и вамъ начинаетъ казаться, что *у оратора во рту пища, мѣшающая ему говорить внятно*» (стр. 131).—«В. Д. Спасовичъ не любитъ *трескости* громкихъ фразъ» (стр. 236).—«Звуковые раскаты урусовскаго баритона громятъ воинственно и грозно» (стр. 273) и т. п.

По тону характеристики представляются крайне задорными; упреки по адресу многихъ ораторовъ врядъ-ли основательны, какъ напримѣръ, упрекъ въ беззаботномъ отношеніи къ вопросамъ общественной нравственности по адресу С. А. Андреевскаго; упрекъ по адресу Н. П. Карабчевскаго въ произнесеніи зачастую своихъ рѣчей безъ всякой системы, и даже по адресу А. Ѳ. Кони авторъ находитъ возможнымъ обмолвиться замѣчаніемъ, что иногда разсужденія его бываютъ софистичны (см. стр. 45, 131 и 167). Лучшими страницами разбираемой книги должны быть, несомнѣнно, признаны приложенные къ ней образцы рѣчей нашихъ судебныхъ ораторовъ. Приложенія эти дадутъ, дѣйствительно, читателямъ возможность ознакомиться съ нашимъ судебнымъ краснорѣчіемъ.

Н. Дружининъ. Юридическое положеніе крестьянъ. Спб. 1897. Изданіе юридическаго книжнаго магазина Н. К. Мартынова. Цѣна 2 рубля. Сочиненіе г. Дружинина состоитъ изъ двухъ частей: изъ изслѣдованія, посвященнаго юридическому положенію крестьянъ и занимающаго болѣе половины всей книги, и шести статей, въ которыхъ авторъ разбираетъ слѣдующіе вопросы: 1) Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія; 2) Крестьянская женщина; 3) «Вы» и «ты»; 4) Наказаніе безъ суда; 5) Преобразованный волостной судъ и 6) Юридическая безпомощность крестьянъ. Книга г. Дружинина составилась изъ статей, печатавшихся въ теченіе 1889—1895 г.г. въ ежемѣсячныхъ журналахъ, между прочимъ въ «Русскомъ Богатствѣ», «Юридическомъ Вѣстникѣ» и «Журналѣ Юридическаго Общества». Появленіе въ настоящее время сборника статей г. Дружинина можно считать вполнѣ своевременнымъ въ виду того интереса къ крестьянскому вопросу, который проявляется теперь и въ обществѣ, и въ правительствѣ. Авторъ указываетъ, что самый интересъ этотъ сдѣлался шире,

разностороннѣе и глубже: перестали обращать на себя преимущественное вниманіе вопросы экономическаго положенія крестьянъ, и вниманіе правительства и общества обратилось, въ значительно большей степени, чѣмъ прежде, къ просвѣщенію народа и къ устройству его юридическаго быта. Посвящая свою книгу разработкѣ внѣшней и внутренней исторіи *крестьянскаго права* и анализу его нынѣшняго состоянія, авторъ въ своемъ изслѣдованіи юридическаго положенія крестьянъ самостоятельно разрабатываетъ сырой матеріалъ, представляемый обширнѣйшимъ новѣйшимъ законодательствомъ о крестьянахъ. Авторъ приходитъ къ выводу о необходимости и желательности немедленнаго осуществленія многихъ мѣропріятій, изъ которыхъ отмѣтимъ слѣдующія: отмѣна круговой поруки и всѣхъ тѣхъ мѣръ взысканія платежей съ крестьянъ, которыя падаютъ на самую личность плательщика (арестъ, наложеніе опеки, отдача въ заработки, лишеніе права передвиженія и пр.); отмѣна тѣлеснаго наказанія; преобразованіе волостного суда на началѣ всесословности; скорѣйшее отдѣленіе вообще въ области сельскаго правосудія власти судебной отъ административной, въ интересахъ законности; замѣщеніе должностей земскихъ начальниковъ и непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій— лицами съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, безотносительно къ ихъ происхожденію, и вообще устраненіе сословно-дворянскаго начала изъ области управленія крестьянскими дѣлами и др. (стр. 204).

Въ статьяхъ составляющихъ вторую, какъ бы дополнительную, часть книги, г. Дружининъ весьма симпатично и гуманно относится къ крестьянской массѣ и энергично отстаиваетъ ея интересы; въ частности борется за права крестьянской женщины, настаивая на томъ, что вопросъ о правѣ крестьянской женщины на надѣльную землю и на участіе въ общественныхъ дѣлахъ требуетъ законодательнаго разъясненія; добивается приданія значенія юридическаго лица каждому селенію, не составляющему отдѣльнаго сельскаго общества, путемъ образованія въ его средѣ особаго деревенскаго схода, вѣдающаго дѣла, исключительно до этого селенія относящіяся; возстаетъ противъ постановленій нѣкоторыхъ съѣздовъ земскихъ начальниковъ говорить подчиненнымъ и непривилегированнымъ лицамъ «ты» вмѣсто «вы», въ виду того, что постановленія эти, какъ относящіяся не къ внутреннему распорядку или дѣлопроизводству съѣздовъ земскихъ начальниковъ, а къ правамъ состоянія извѣстнаго разряда гражданъ, выходятъ изъ предѣловъ вѣдомства уѣздныхъ съѣздовъ, а потому и представляются незаконными; констатируя фактъ юридической безпомощности крестьянской массы, проектируетъ учрежденіе повѣренныхъ по крестьянскимъ дѣламъ, какъ органа правительственнаго который обязанъ былъ бы безвозмездно составлять дѣловыя бумаги и брать на себя веденіе дѣлъ крестьянъ и проживающихъ въ селеніяхъ мѣщанъ во всѣхъ судебныхъ и административныхъ установленіяхъ; на нихъ же могли бы быть возложены обязанности по изслѣдованію на мѣстахъ юридическаго быта крестьянъ и по собиранію всѣхъ данныхъ, необходимыхъ для дѣйствительной реформы положенія крестьянъ.

Статьи г. Дружинина, затрогивающія животрепещущіе вопросы и прекрасно написанныя, съ удовольствіемъ прочтутся всѣми интересующимися положеніемъ нашей крестьянской массы.

Поль-Луи Курье. Сочиненія. Часть первая. Спб. Изд. Л. Ф. Пантелеева. 1897 г. Ц. 2 руб. Если вы хотите узнать, что такое представляетъ собою родъ литературы, называемый политическимъ памфлетомъ, вамъ слѣдуетъ ознакомиться съ вышеуказанными сочиненіями. Многіе талантливые, удачные и мѣткіе памфлеты не переживаютъ исторической минуты, вызвавшей ихъ появленіе, но памфлеты Свифта и Поля Курье, благодаря громадному таланту, уму и оргинальности ихъ авторовъ, читаются и въ настоящее время, если и съ менѣе страстнымъ къ нимъ отношеніемъ, то не съ меньшимъ удовольствіемъ. Послѣднее, впрочемъ, въ особенности можно сказать про сочиненія П. Курье, который, обсуждая языкомъ простачка винодѣла порядки современной ему quasi - либеральной Франціи, претензіи реставрированнаго дворянства, задоръ молодыхъ кюре, задавшихся цѣлью укрѣпить поколебленную нравственность, хотя и исходитъ каждый разъ изъ какого-нибудь частнаго случая жизни своего мѣстечка, но обсужденіе это ставитъ такъ широко, что изъ него не мало поучительнаго можно почерпнуть и въ наши дни.

Жанъ-Поль-Луи Курье пережилъ не мало историческихъ бурь, былъ свидѣтелемъ смѣны цѣлаго ряда правительствъ, служилъ въ военной службѣ, хотя дѣйствительныя склонности влекли его къ научнымъ филологическимъ занятіямъ. Но съ военной службой онъ скоро покончилъ и къ тому времени, какъ реставрація окончательно восторжествовала, мы застаемъ его удалившимся въ деревню, занятымъ своимъ хозяйствомъ, виноградникомъ, полемъ, лѣсомъ, отдающимъ досуги любимымъ литературнымъ занятіямъ и филологическимъ изысканіямъ. Но, несмотря на свое уединеніе, онъ чутко прислушивался и зорко приглядывался къ тому, что происходило вокругъ, къ новымъ порядкамъ, къ тому, какъ отражались на жизни и интересахъ ихъ маленькаго провинціальнаго уголка вѣянія, исходившія отъ центра. Онъ убѣдился, что реставрація ведетъ Францію къ окончательному нравственному упадку и что единственное честное дѣло—противодѣйствовать всѣми силами реакціи. Съ этихъ-то именно поръ и начинается литературная дѣятельность, создавшая ему вліяніе, какого онъ раньше никогда не могъ добиться, и доставившая ему имя, которое долго не умретъ во Франціи. Письмами въ редакцію газетъ, отдѣльными летучими брошюрами онъ мѣтко бьетъ въ самыя больныя мѣста современныхъ порядковъ. Естественно, что это вызывало противъ него цѣлый рядъ процессовъ, изъ которыхъ не всѣ кончались для него благополучно, и во всякомъ случаѣ вынуждали его къ постояннымъ поѣздкамъ въ Парижъ. Но П. Курье не унывалъ и продолжалъ свое дѣло до самой смерти.

Нѣкоторые даже сочувственные ему біографы упрекаютъ П. Курье въ политическомъ индифферентизмѣ, недостаткѣ политическаго развитія за его равнодушіе къ той или иной формѣ правленія, за то, что онъ не примыкалъ ни къ одной изъ боров-

шихся тогда партій. Но здѣсь сказывался не недостатокъ политическаго развитія. Въ теченіе 30 лѣтъ Полю Курье пришлось видѣть столько новыхъ властей, правительствъ, которыя слѣдовали одно за другимъ, примѣняться къ нимъ, чтобъ убѣдиться въ концѣ концовъ въ ихъ несостоятельности—дать истинную конституцію странѣ. Нѣкоторое индифферентное отношеніе къ формѣ правленія у него не могло не выработаться. Но тѣмъ непоколебимѣе росло въ немъ сознаніе необходимости дѣйствительно прочныхъ гарантій личности, дѣйствительно либеральныхъ учрежденій. И вотъ, стрѣлы его памфлетовъ направились и противъ безобразій, которыя творились черезчуръ подозрительной администраціею надъ мирными обывателями захолустья («Петиція обѣимъ палатамъ»), и противъ давленія, оказываемаго администраціею на выборахъ («Господамъ членамъ городского совѣта въ Турѣ»), и противъ явно поддерживаемой неравноправности сословій («Частныя письма»). Но больше всего хлопотъ доставилъ ему памфлетъ: «Простыя рѣчи Поля-Луи, винодѣла, по случаю подписки для пріобрѣтенія Шамбора». Процессъ по поводу этого произведенія, поднявшаго, очевидно, противъ П. Курье представителей высшаго дворянства, помѣщенъ самимъ П. Курье съ различными добавленіями въ сочиненіяхъ. Цѣлый рядъ статей посвященъ имъ лицемѣрію и ханжеству новаго католическаго духовенства, которое готово было отнять у народа самыя невинныя удовольствія, вродѣ пѣсенъ и танцевъ на площади, а само, прикрывшись обѣтомъ безбрачія, совершало подчасъ ужасныя преступленія. И памфлеты Курье читались, читались всѣми съ жадностью, нарасхватъ. Онъ самъ считалъ отличительнымъ достоинствомъ памфлета полную удобопонятность при наивозможной краткости. «Онъ,—какъ говоритъ одинъ изъ его біографовъ,—окончательно отрѣшился отъ всякой рутины, не обращалъ вниманія на литературныя приличія и дипломатическія тонкости; откинулъ отъ себя и натянутый сентиментализмъ Шатобріана, и доктринерскій тонъ Бенжамена Констана; онъ сразу и навсегда порѣшилъ съ французскимъ романтизмомъ тогдашняго времени. Курье, говоря отъ имени крестьянина, говорилъ такъ, какъ бы говорилъ со своими земляками, и въ его произведеніяхъ вы можете изучать всѣ типичныя черты народнаго французскаго характера: простодушіе, здравый смыслъ, нѣкоторую наивность, чрезвычайную воспріимчивость къ впечатлѣніямъ, инстинктивное отвращеніе отъ всякаго рода гнета».

Но наивность простачка-винодѣла, Поля-Луи, была не безъ лукавства. И онъ зналъ, что его простыя письма многимъ такъ не нравятся, что они рады были бы отъ него отдѣлаться. Упоминая о возможности подобной участи въ концѣ одного изъ послѣднихъ и лучшихъ произведеній «Памфлетъ памфлетовъ», онъ пишетъ: «Нѣтъ ужъ, да идетъ чаша мимо меня! Вкусъ цикуты горекъ, міръ перерождается самъ по себѣ безъ моего ничтожнаго вмѣшательства. Я былъ бы мухой у громаднаго рыдвана, который преспокойно можетъ обойтись и безъ моего жужжанія. Онъ двигается, мои дорогіе друзья, не перестаетъ понемногу подвигаться впередъ. Если его движеніе и кажется намъ слишкомъ медленнымъ, то это потому только, что мы живемъ мгновеніе. Какой громадный путь

сдѣлалъ онъ въ теченіе какихъ-нибудь пяти, шести вѣковъ! Теперь онъ катится по ровной долинѣ и ничто не въ состояніи преградить ему путь».

Не прошло и году, какъ 10 апрѣля 1825 г. Курье былъ убитъ пулею изъ ружья въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего дома. Слѣдствіе не выяснило, кто былъ убійцей и чѣмъ онъ руководствовался, совершая свое страшное дѣло. Преградить путь жизни и дѣятельности Поля-Курье оказалось не трудно, но міръ, двигаясь все впередъ и впередъ, несетъ съ собою благодарную память памфлетисту Курье и развиваетъ все тѣ же завѣты, которымъ онъ служилъ перомъ и жизнью.

В. А. Гольцевъ. Воспитаніе, нравственность, право. Сборникъ статей. М. Изд. 2-е. 1897. Ц. 75 к. Извѣстный московскій публицистъ въ сборникѣ своихъ статей, собранныхъ изъ разныхъ журналовъ, несмотря на разнообразіе разбираемыхъ имъ авторовъ и затрогиваемыхъ темъ, устанавливаетъ одно общее положеніе— тѣсную связь педагогическихъ вопросовъ съ вопросами нравственности и права. Такъ, разсматривая статью д-ра Сикорскаго «Задачи гигіены воспитанія», онъ пишетъ: «необходимо совмѣстное вліяніе школы и семьи: первая должна дать *общее*, вторая— *индивидуальное*» (51 стр.). «Но,—говоритъ онъ далѣе,—дѣло въ томъ, что школа находится въ неразрывной связи со всѣми сторонами общественной жизни, что въ ней отражается состояніе нравовъ даннаго общества, степень его умственной зрѣлости и нравственной устойчивости. Поэтому для современной педагогіи пріобрѣтаютъ особую важность вопросы о томъ, для какого общежитія должно воспитывать дѣтей, при какимъ общественныхъ условіяхъ придется имъ дѣйствовать, какія общественныя препятствія преодолѣвать. Естественно, что всѣ подобные вопросы могутъ быть разрѣшаемы лишь при сопоставленіи педагогическихъ требованій съ данными наукъ общественныхъ, для чего необходима значительная работа философской мысли» (61). Не отъ того ли, что способныхъ къ такой работѣ лицъ у насъ находится немного, наши педагоги рѣшаютъ обыкновенно всѣ вопросы, сообразуясь съ наличными фактическими условіями общественной жизни?

Въ дѣлѣ воспитанія г. Гольцевъ сторонникъ сближенія его съ медициной: совѣты врача должны сопровождать первые годы роста ребенка. Эти годы даютъ и обильный, и интересный матеріалъ для наблюденій естествоиспытателя. Будучи систематизированъ, матеріалъ этотъ можетъ потомъ лечь въ основу раціональнаго физическаго воспитанія.

Книга написана обычнымъ автору легкимъ и популярнымъ языкомъ и, касаясь разнообразныхъ и интересныхъ темъ, можетъ быть съ пользой прочтена лицами, интересующимися педагогикой.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Э. Лависсъ. «Очерки по исторіи Пруссіи.—*П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій.* «О древнерусской дружинѣ по былинамъ».

Эрнестъ Лависсъ. Очерки по исторіи Пруссіи. Переводъ А. Тимофеевой. М. 1897. in 8-vo. Стр. 4 нен. + 272. Ц. 1 руб. Книга Лависса—живой, свѣжій, вполнѣ доступный, достаточно научный матеріалъ для ознакомленія съ поучительной исторіей «возникновенія современной Пруссіи», которую русскому читателю надо хорошо знать и которую онъ такъ плохо знаетъ. Книжка невелика, мѣстами чрезвычайно остроумна и, написанная очень умно въ общемъ, увлекаетъ читателя многими частностями изложенія: рядомъ, напр., историческихъ параллелей, ссылокъ и сопоставленій съ современностью, ѣдкихъ насмѣшекъ надъ многими традиціонными взглядами, фальшивыми въ корнѣ, и т. д. Весьма симпатично, что авторъ, знакомя читателя съ отдаленнымъ прошлымъ прусскаго государства, вовсе не имѣетъ въ виду удовлетворить простой любознательности *немногихъ*, а законной необходимости *всѣмъ* знать современную Пруссію, понимать особенности ея политическаго и соціальнаго строя: это пониманіе, по справедливому мнѣнію Лависса, дастся лишь тогда, когда мы постараемся «углубиться въ далекое прошлое». Лависсъ не самостоятельный изслѣдователь, а умный и талантливый популяризаторъ, пользующійся лучшими произведеніями нѣмецкой исторической литературы; кромѣ того, авторъ очень искустно и кстати вставляетъ въ свое изложеніе результаты личныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ поѣздокъ по Пруссіи (стр. 82 и слѣд., 180, 232, 234). Реализмъ изложенія отъ такихъ вставокъ только выигрываетъ. Какъ *французъ*, авторъ долженъ былъ съ особенной строгостью слѣдить за своимъ изложеніемъ, чтобы современный политическій антагонизмъ французской и нѣмецкой народностей не врѣзался въ книгу слишкомъ уродливымъ клиномъ, и надо признать, что въ этомъ отношеніи усилія автора увѣнчались успѣхомъ.

Пруссія есть германское *государство*, основанное за предѣлами Германіи. Какъ Пруссія стала государствомъ?—вотъ вопросъ, который ставитъ Лависсъ, пытаясь отвѣтить на него въ своихъ *Очеркахъ*. Современное прусское государство, говоритъ авторъ, ведетъ свое начало съ XVII вѣка, съ того дня, когда великій курфюрстъ Гогенцоллернъ Фридрихъ-Вильгельмъ одѣлъ въ одинъ мундиръ своихъ солдатъ изъ прирейнскихъ герцогствъ, изъ Бранденбурга и изъ Пруссіи и надъ всѣми провинціальными органами власти и мѣстными привилегіями поставилъ центральную администрацію, какъ представительницу прусскаго отечества. Но Бранденбургъ и Пруссія были настоящими государствами уже въ средніе вѣка, когда они жили врозь—Брандербургъ подъ управленіемъ маркграфовъ Асканійскаго дома, Пруссія подъ властью тевтонскихъ рыцарей—и когда они не имѣли еще никакого понятія о Гогенцоллернахъ. Европа переживала тогда феодальный періодъ; повсюду права, связанныя съ земельной собственностью, сковывали общественную власть, которая стремилась разорвать

свои путы, а въ Бранденбургѣ и Пруссіи были уже государи, которые правили. *Очерки* раздѣлены авторомъ на четыре крупныхъ отдѣла. Первый и второй отдѣлы, трактуя вопросъ о зарожденіи Пруссіи, состоятъ изъ пяти главъ: двѣ первыя посвящены исторіи Брандербургской марки до XIV в., гдѣ изъ смѣшенія славянъ и нѣмцевъ, пришедшихъ со всѣхъ концовъ Германіи, образовалось народонаселеніе, способное постоянно принимать въ себя чужеродные элементы, выносливое и цѣпкое, какъ сосны бранденбургскихъ песковъ, работящее и не легко выпускающее изъ рукъ плоды своей работы; три слѣдующихъ главы посвящены изображенію судебъ нѣмецкой рыцарской корпораціи—Тевтонскаго ордена. Шестая и седьмая главы, составляющія третій отдѣлъ, говорятъ главнымъ образомъ о колонизаціонной дѣятельности Гогенцоллерновъ, государство которыхъ съ болѣе совершенными средствами и болѣе ясными идеями продолжало ту самую работу, которую начали маркграфы и рыцари. Пусть Гогенцоллерны, рѣзко подчеркиваетъ Лависсъ, не знали даже именъ Асканійскихъ маркграфовъ и совсѣмъ не помнили о рыцаряхъ, тѣмъ не менѣе, они все-таки дѣлали то же, что маркграфы и гросмейстеры. Четвертый отдѣлъ *Очерковъ*, т. е. послѣдняя (восьмая) глава, разсказываетъ исторію основанія берлинскаго университета, который выросъ въ то время, когда Пруссія, казалось, была осуждена на гибель и не столько вслѣдствіе своего пораженія, сколько благодаря недостаткамъ своего внутренняго строя: государство совершенно поглотило въ ней духовное достоинство личности и наполеоновскій разгромъ вскрылъ этотъ коренной недостатокъ. Учрежденіе высшей школы должно было поднять государство и явиться однимъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи отношеній прусскаго государства съ Германіей. Лависсъ тысячу разъ правъ, когда замѣчаетъ, что «много было благородства въ мысли поднять государство основаніемъ школы». Эта мысль должна быть для насъ особенно поучительной. Нѣмецкіе университеты принимали всегда дѣятельное участіе въ національной жизни; берлинскій университетъ и долженъ былъ начинать съ того, чтобы загладить военную неудачу. Берлинскій университетъ долженъ былъ, прибавляетъ Лависсъ, создать отпоръ узко-практическому, ремесленному характеру преподаванія, стать школой общеобразовательной въ высокомъ значеніи этого слова. Не менѣе любопытными для современной читающей публики будутъ и нижеслѣдующія строки въ разбираемой книгѣ Лависса (см. стр. 248—249): «къ открывавшемуся университету должны были примкнуть и многіе изъ тѣхъ «свободныхъ преподавалей», которые въ то время (до зимы 1807 г., когда начались первыя лекціи во вновь открытомъ берлинскомъ университетѣ) устраивали публичныя лекціи по всевозможнымъ предметамъ. Среди нихъ были академики, медики, юристы, администраторы, духовныя лица, учителя гимназій. Всякій, кто считалъ себя въ состояніи сказать обществу что-нибудь новое, могъ нанять помѣщеніе и объявить свой курсъ, и если только у него оказывалась доля таланта, то къ его каѳедрѣ стекалась многочис-

ленная публика, жадно слѣдившая тогда за успѣхами наукъ. Среди этихъ «свободныхъ преподавателей» было не мало простыхъ болтуновъ; но между ними встрѣчались и люди, волновавшіе умы силою своего таланта и характера. Министры и посланники скромно являлись въ ту аудиторію, гдѣ знаменитѣйшій изъ учениковъ Канта, Фихте, работалъ съ своими слушателями сократовскимъ методомъ, стремясь «разрѣшить съ математической очевидностью міровую загадку» и «доказать внутреннее единство идеи и дѣйствія, знанія и самосознанія». Мы не даромъ остановили вниманіе читателя на этихъ приватныхъ курсахъ: кто не знаетъ, какую страшную въ нихъ потребность испытываетъ теперь наше общество и какъ мало у насъ средствъ, а главное, возможности удовлетворять ей...

Авторъ заканчиваетъ свою превосходную книгу характеристикой политической роли берлинскаго университета, его участія въ національномъ движеніи 1813—1815 гг. и здѣсь ставитъ точку: онъ ввелъ насъ въ вопросъ о возникновеніи современной Пруссіи. Послѣдующіе годы, тяжелые дни пресловутаго Священнаго союза, о которомъ въ современной литературѣ всѣхъ странъ не могутъ говорить безъ чувства глубокаго негодованія, не нашли мѣста въ книгѣ Лависса, и на нихъ авторъ лишь намекаетъ въ немногихъ словахъ въ концѣ предисловія, которыя читатели должны себѣ отмѣтить (стр. 9—10), чтобы понимать дальнѣйшій процессъ развитія Пруссіи.

Проф. П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій. О древне-русской дружинѣ по былинамъ. М. 1897, in 8-vo. Стр. 90. «Русскій былинный эпосъ,— говоритъ авторъ (стр. 4),—имѣетъ несомнѣнное значеніе для исторіи русскаго права, какъ одинъ изъ ея источниковъ»; на него должны обратить большое вниманіе историки-юристы. «Но этотъ эпосъ,—продолжаетъ профессоръ-исторіи русскаго права,—давно плѣняетъ насъ въ художественныхъ образахъ и чарующихъ звукахъ безсмертныхъ твореній Пушкина, Глинки». Какое намъ дѣло до того, какъ произошли былины, импровизируетъ затѣмъ почтенный ученый, откуда взялись былинные типы богатырей съ ихъ подвигами, гдѣ они записаны и къ какой эпохѣ можетъ быть относима та или другая сторона ихъ содержанія?! На что намъ это знать, къ чему ходить далеко въ глубину научныхъ дебрей, когда намъ просто нужно скорѣе сбыть съ рукъ очередную актовую рѣчь,—и вотъ, не мудрствуя лукаво, оффиціальный сказатель запѣлъ предъ очарованной публикой, что «былина слагалась на всемъ привольѣ кіевскихъ и новгородскихъ волостей вплоть до начала волости татарской (?!) и, создавшейся на ея развалинахъ, волости московской. Пережила былина и татарское лихолѣтье, и московское собираніе и восприняла въ себя историческія черты этихъ временъ». Хотя мы, признаться, и не совсѣмъ понимаемъ, что это за волостное приволье, въ которомъ слагалась былина, не понимаемъ, что̀ надо разумѣть подъ «волостью татарской», которая то ставится въ параллель съ волостью новгородской или кіевской, то отожествляется съ чисто эпическимъ выраженіемъ «татарское лихолѣтье», хотя мы уже боимся, что читатели начинаютъ

снисходительно улыбаться, читая наши выдержки, однако, позволимъ себѣ продолжить начатое изложеніе. «*Живетъ* былина въ народѣ и въ наше время (sic!) Несмотря на государственныя и общественныя перемѣны, такъ рѣзко отдалившія насъ отъ поднѣпровскихъ и волховскихъ предковъ (еще бы!); несмотря на упорное въ теченіе вѣковъ преслѣдованіе эпической поэзіи на Руси (кѣмъ?); въ народной жизни еще пробивается живая *струна* (sic!) былиннаго эпоса, не изсякъ интересъ къ нему... былинный же строй русской жизни длился цѣлые вѣка». Если судить по разбираемой рѣчи г. Мрочекъ-Дроздовскаго, то, пожалуй, можно сказать, что былинные порядки до сихъ поръ еще живы въ русской наукѣ.

Итакъ, былина—*источникъ* для изученія древнерусской дружины. Но что же это за источникъ? Каково его происхожденіе, особенности и т. д.? У г. Мрочекъ-Дроздовскаго отсутствуетъ даже элементарная критика такого сбивчиваго и калейдоскопическаго по своему составу памятника, какъ былина. Разъ въ основу построенія положенъ такой источникъ безъ всякой критики, то легко себѣ представить, что можетъ получиться въ результатѣ. Быть можетъ, вполнѣ законно привлечь былину къ изученію древнерусской дружины, но едва ли цѣлесообразно отбрасывать другіе источники, напр., лѣтописи. У автора былина (см. стр. 5, срв. стр. 69, 65) есть «бытовое подтвержденіе и развитіе лѣтописи». Что это значитъ и откуда это видно, мы не знаемъ, потому что лѣтопись выкинута авторомъ изъ состава источниковъ для изученія дружины, хотя на нее и попадаются ссылки. Отсутствіе всякой критики основного источника и умышленная неполнота въ изученіи матеріаловъ, безспорно, могутъ быть названы *былинными пріемами* въ наукѣ исторіи русскаго права.

Авторъ хочетъ по былинѣ, и только по былинѣ, изучать древнерусскую дружину. Судя по заключительнымъ строкамъ его труда, надо думать, что его интересуетъ главнымъ образомъ дружина *кіевскаго* періода. «*Кіевская* исторія, съ ея лѣтописью, былиной (?),—говоритъ авторъ (стр. 88),—несомнѣнный истокъ исторіи владиміро-московской, и въ ней, а не гдѣ-либо за моремъ или за степью (?!), слѣдуетъ искать сѣмена московскаго уряда и искать ихъ не только въ письменности, но и въ древнихъ былинныхъ повѣстяхъ». Правда, мы не понимаемъ этой фразы г. Мрочекъ-Дроздовскаго (его рѣчь полна такихъ непонятныхъ, выражаясь деликатно, фразъ), но это не мѣшаетъ намъ думать, что дружина кіевскаго періода должна была составить преимущественный предметъ вниманія автора. Такъ ли? кое-что читавшіе студенты перваго, второго курса могли бы серьезно спросить почтеннаго профессора, не вздумалъ ли онъ шутки шутить, выступая предъ московской публикой съ открытымъ заявленіемъ о насквозь пронизывающемъ сѣверную былину кіевскомъ элементѣ. Авторъ, однако, не шутитъ, и даже не замѣчаетъ, что вся его рѣчь не больше, какъ милая шутка. При такой постановкѣ вопроса мы не будемъ вдаваться въ критику построеній г. Мрочекъ-Дроздовскаго: мы другъ друга не поняли бы, ибо говоримъ на разныхъ языкахъ.

Дружину авторъ возводитъ въ основу древнерусской жизни; по его мнѣнію, «дружинныя начала насквозь проникаютъ древнерусскій бытъ, опредѣляя его существо и внѣшній образъ». Такое заявленіе, казалось бы, должно было заставить автора отнестись къ дѣлу съ особенной серьезностью: во всей рѣчи нѣтъ и слѣда знакомства г. Мрочекъ-Дроздовскаго съ западно-европейскою литературой по вопросу о дружинѣ, но за то не мало разсыпано данныхъ, свидѣтельствующихъ о легкомысленномъ отношеніи автора къ своему сюжету, о его научной некомпетентности. Но не одна серьезность сюжета требовала отъ автора особенной осторожности; его работа предназначена для большой публики, стало быть, научная высота, точность, ясность, опрятность изложенія, цѣль послѣдняго, терминологія—все должно быть въ образцовомъ порядкѣ. Не то мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Рѣчь г. Мрочекъ-Дроздовскаго, правда, очень элементарна и по понятіямъ, и по пріемамъ; но эта элементарность именно такого рода, отъ которой мы усиленно рекомендуемъ открещиваться русской читающей публикѣ; ей нужны *научно*-популярныя работы, а не бездушныя академическія упражненія ради выполненія простой формальности, упражненія, не нуждающіяся въ *наукѣ*, очень далекія отъ послѣдней и разсчитанныя на извѣстную апатію и индифферентизмъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Н. Водовозовъ. «Экономическіе этюды».—*А. Кауфманъ.* «Крестьянская община въ Сибири».—*Л. Бухъ.* «Основные элементы политической экономіи».—«Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны народнаго хозяйства.

Н. Водовозовъ. Экономическіе этюды. Съ портретомъ автора. Изд. М. И. Водовозовой. Ц. 2 р. Москва. 1897 г. Книга этюдовъ покойнаго Н. В. Водовозова представляетъ большой интересъ для читателей, какъ начинающихъ изученіе политической экономіи, такъ и познакомившихся уже съ главными ея основами. Въ книгу вошли четыре статьи по различнымъ вопросамъ, и самая большая по размѣрамъ, а также наиболѣе существенная по содержанію, это—статья «Ученіе Мальтуса о народонаселеніи». Покойный экономистъ много занимался ученіемъ Мальтуса, и кромѣ этой статьи, въ которую вошли главнѣйшіе результаты этого изученія, ему принадлежитъ біографія Мальтуса въ серіи біографическихъ изданій Ф. Ф. Павленкова. Въ настоящей статьѣ читатели найдутъ обстоятельную критику какъ всѣхъ главнѣйшихъ положеній Мальтуса, такъ и его послѣдователей и противниковъ. Авторъ является сторонникомъ взглядовъ англійскаго экономиста о прямой зависимости между экономическимъ состояніемъ и увеличеніемъ народонаселенія, которую Мальтусъ формулируетъ въ трехъ положеніяхъ: 1) Народонаселеніе строго ограничено средствами существованія. 2) Народонаселеніе всегда увеличивается, когда увеличиваются средства существованія, если только оно не будетъ остановлено какой-нибудь могущественной встрѣчной причиной. 3) Всѣ пре-

пятствія, которыя, ограничивая силу размноженія, держатъ населеніе на уровнѣ средствъ существованія, сводятся въ концѣ концовъ къ нравственному воздержанію, пороку и несчастіямъ. На-ряду съ критикой этихъ положеній, Водовозовъ приводитъ всѣ новѣйшія біологическія и соціологическія данныя, которыми подтверждается гипотеза Мальтуса о тенденціи къ неограниченному росту населенія, при наличности требуемыхъ для этого условій. Попутно онъ касается вопроса о перенаселеніи, какъ результата современнаго капиталистическаго строя хозяйства. Въ заключеніе авторъ указываетъ, что если гипотеза Мальтуса и не стала закономъ, то во всякомъ случаѣ она не *опровергнута*, а вліяніе ея на развитіе науки объ обществѣ было и есть громадно.

Водовозовъ вовсе не является «ярымъ мальтузіанцемъ», какимъ его считаютъ нѣкоторые. «Главное,—говоритъ онъ въ концѣ,—что въ наше время умаляетъ значеніе ученія Мальтуса, это то, что оно *недостаточно* (курсивъ автора): его общія положенія вѣрны, но мы нуждаемся въ большемъ. Въ двухъ направленіяхъ доктрина Мальтуса должна быть дополнена и расширена. Авторъ «Опыта» совершенно правильно указалъ на зависимость роста населенія отъ условій экономическаго характера; современнымъ ученымъ слѣдуетъ подробно разобрать и установить настоящій характеръ этой зависимости... слѣдуетъ заняться изысканіемъ спеціальныхъ законовъ отдѣльныхъ историческихъ эпохъ». Авторъ сравниваетъ ученіе Мальтуса съ «недостроеннымъ зданіемъ: великолѣпный прочный фундаментъ, крѣпкія массивныя стѣны, но окна безъ рамъ и никакая крыша, никакой куполъ не увѣнчиваютъ прекраснаго сооруженія. Однако, оно не заброшено: рабочіе всякихъ профессій трудятся надъ нимъ, чинятъ бреши, причиненныя временемъ, замазываютъ щели и неустанно ведутъ къ завершенію столь геніально начатый великій трудъ». Тонкій анализъ автора, вмѣстѣ съ изяществомъ изложенія, дѣлаетъ его статью цѣннымъ вкладомъ въ эту общую работу.

Вторая статья—«Рабочее движеніе въ Бельгіи» имѣетъ компилятивный характеръ, представляя сжатую исторію развитія бельгійской промышленности и, на-ряду съ нею, возникновенія и роста рабочаго класса въ Бельгіи. Статья крайне любопытна фактическимъ содержаніемъ и представляетъ необходимый источникъ для лицъ, интересующихся развитіемъ западно-европейской промышленности и связаннаго съ нею соціальнаго движенія. То же самое слѣдуетъ сказать и о статьѣ «Къ исторіи идей и партій въ Соединенныхъ Штатахъ», знакомящей съ развитіемъ рабочаго движенія въ Штатахъ.

Совсѣмъ особое мѣсто въ экономической литературѣ занимаетъ послѣдняя статья «Экономическія идеи французскихъ католиковъ», какъ своего рода unicum въ русской литературѣ. Думаемъ, что читателямъ еще памятна энциклика папы Льва XIII по рабочему вопросу и тотъ живой интересъ и обмѣнъ мнѣній, какіе она вызвала въ текущей печати. Въ своей статьѣ Водовозовъ знакомитъ читателя съ исторіей развитія идей, высказанныхъ въ энцикликѣ Льва XIII. Авторъ начинаетъ съ Ламеннэ, мятежнаго аббата,

отдѣлившагося въ тридцатыхъ годахъ отъ церкви и примкнувшаго къ рабочему движенію. Постепенно, подъ давленіемъ требованій времени, когда-то объявленныя еретическими, идеи Ламеннэ получили теперь признаніе, и съ высоты папскаго престола раздается теперь призывъ къ «вѣрнымъ католикамъ»—идти на помощь рабочему классу, въ которомъ высшій руководитель католицизма усмотрѣлъ силу будущаго. Забрать по возможности эту силу въ свои руки, подчинить её себѣ, какъ нѣкогда монархію,—такова цѣль католическаго первосвященника, на которую онъ указываетъ вѣрному воинству. Нельзя не признать и теперь огромную жизненную мощь въ католичествѣ и глубокое пониманіе времени въ самой попыткѣ овладѣть рабочимъ движеніемъ и направить его въ вѣковѣчное русло католической церкви. Можно провести любопытную параллель между этой попыткой и стремленіемъ папства предъ реформаціей — объединить и направить въ желательную сторону реформаціонныя попытки европейской мысли, требовавшей свободы духа и вѣры. Какъ тогда, такъ и теперь, католическая церковь располагаетъ безподобной организаціей, единственной въ мірѣ по своей стройности, обширности и строгой дисциплинѣ. Но можно думать, что и современная попытка кончится плачевно. И тогда, и теперь папство идетъ не впереди движенія, а сзади его, не оно направляло реформацію, а послѣдняя увлекала его за собой, какъ теперь увлекаетъ рабочее движеніе. Но, наученное прежнимъ опытомъ, папство теперь примкнуло къ движенію, справедливо понявъ, что если оно и не овладѣетъ рабочимъ движеніемъ, то все же болѣе выиграетъ отъ союза съ нимъ, чѣмъ отъ открытаго разрыва и сопротивленія. Въ этомъ отношеніи заигрываніе папы Льва XIII съ рабочимъ классомъ на Западѣ очень поучительно и характерно. И тѣмъ болѣе должна быть интересна указанная статья Водовозова для русскихъ читателей, которымъ совершенно незнакома эта самоновѣйшая глава въ исторіи католической церкви.

А. А. Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири. По мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1886—1892 гг. Спб. Изд. А. Ф. Цинзерлинга. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ предисловіи къ своему почтенному труду г. Кауфманъ отмѣчаетъ значеніе, какое въ настоящее время можетъ имѣть изученіе сибирской общины. Въ то время, какъ русская община завершила циклъ своего развитія и находится въ періодѣ разложенія, сибирская еще образуется. Изученіе этого процесса, такъ сказать, на ходу можетъ въ значительной степени содѣйствовать выясненію исторіи общины въ Россіи. Авторъ ограничиваетъ свою задачу только Сибирью, не касаясь формъ общиннаго землевладѣнія въ Европейской Россіи и вообще на Западѣ. Его цѣль показать, какъ изъ захватной формы землевладѣнія послѣднее перешло постепенно въ общинную, и выяснить условія, при которыхъ этотъ переходъ совершился. «Въ Сибири,—говоритъ онъ на стр. 60,—захватныя формы пользованія переходятъ въ чисто общинныя, связанныя съ передѣлами земли,—и весь смыслъ исторіи развитія формъ землепользованія въ Сибири заключается именно въ побѣдѣ общиннаго начала надъ личнымъ, въ переходѣ отъ такихъ формъ

землепользованія, гдѣ послѣднее фактически подавляетъ собою первое, къ такимъ, которыя знаменуютъ полный перевѣсъ общиннаго начала». Авторъ задается вопросомъ, какія же причины этой побѣды общиннаго начала надъ личнымъ?—и отвѣчаетъ: «Дѣло кажется намъ... въ присущемъ, вообще, крестьянину-пахарю, независимо отъ его происхожденія, воззрѣнію на землю, какъ на «ничью», «Божію», «Государеву»,—какъ на фондъ, изъ котораго *каждый* имѣетъ равное съ другими право черпать себѣ средства существованія» (стр. 61). У Мольера есть пьеса «Докторъ поневолѣ», въ которой злополучный врачъ на вопросъ, почему опій усыпляетъ, даетъ классическій отвѣтъ: talis ejus virtus est» (таково его свойство). Народническое заключеніе г. Кауфмана напоминаетъ этотъ отвѣтъ. Къ счастью, г. Кауфманъ, будучи народникомъ pur sang, остается добросовѣстнымъ изслѣдователемъ, и въ его книгѣ мы находимъ постоянныя указанія на то, что душа тутъ не причемъ, а главную роль при переходѣ отъ захватнаго къ общинному землепользованію играла администрація и податная система съ ея круговой порукой. Напримѣръ, на стр. 28 авторъ отмѣчаетъ, что въ Туринскомъ округѣ «волостные передѣлы пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій всегда пріурочивались къ ревизіямъ». И далѣе: «Послѣдняя ревизія была въ 1858 г., и за протекшіе съ тѣхъ поръ 30 лѣтъ (до 1888 г.) ни одна изъ общинъ-волостей Туринскаго округа не приступала къ новому общему передѣлу». Но, замѣчаетъ авторъ, оно и понятно,—распредѣленіе земли было вообще довольно правильное. «На помощь естественному ходу вещей явился, однако, толчокъ извнѣ, со стороны мѣстной администрапіи. Въ началѣ 1888 г., именно въ Туринскій округъ былъ назначенъ новый крестьянскій чиновникъ, который тотчасъ же по вступленіи въ должность началъ побуждать крестьянъ «поравняться землею»... Изъ этого ясно слѣдуетъ, что причина побѣды общинныхъ порядковъ въ Туринскомъ округѣ надо видѣть въ «воззрѣніи, вообще, присущемъ крестьянину-пахарю на землю, какъ на «ничью», «Божію», «Государеву»,—словомъ, въ особенностяхъ души русскаго пахаря. Но, можетъ быть, только здѣсь замѣшался чиновникъ, и, какъ одна ласточка не дѣлаетъ весны, такъ и одинъ чиновникъ, хотя бы и чистѣйшій народникъ, не создаетъ общины. Идемъ далѣе по стопамъ г. Кауфмана, и на стр. 68 наталкиваемся на Ишимскій округъ, гдѣ «въ 80-хъ годахъ цѣлый рядъ случаевъ окончательнаго перехода къ душевому пользованію былъ вызванъ прямыми распоряженіями крестьянскихъ чиновниковъ»,—съ цѣлью упорядочить податное дѣло. На такое вліяніе «приказа чиновника» крестьяне прямо указывали изслѣдователю при опросѣ, а въ довольно многихъ приговорахъ о раздѣлѣ угодій есть прямыя ссылки на «предписаніе г. чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, въ которомъ сказано раздѣлить земли по душамъ», и не приводится никакихъ другихъ мотивовъ». А «уравненіе по божіи», а воззрѣніе на землю, какъ на «ничью»? Увы! объ этомъ ничего мы не находимъ во всей книгѣ. За то цѣлыя страницы (напр., 69 и слѣдующія) повѣствуютъ все о дѣятельности г. чиновника, какъ насадителя общинныхъ порядковъ въ Сибири (см. стр. 105, 109, 123, 124, 130, 137, 138). Сло-

вомъ, въ исторіи развитія сибирской общины администрація съ круговой порукой сыграла ту же роль, что и въ исторіи общины въ Россіи, какъ указываетъ г. Милюковъ въ своихъ «Очеркахъ по исторіи русской культуры», въ заключительной главѣ которыхъ (часть I) онъ приходитъ къ слѣдующему знаменательному и неопровержимому выводу: «Русская община есть поздній и въ разныхъ мѣстностяхъ разновременный продуктъ владѣльческаго и правительственнаго вліянія» («Міръ Божій», 1895 г., 12 кн., стр. 197).

Левъ Бухъ. Основные элементы политической экономіи. Интенсивность труда, стоимость, цѣнность и цѣна товаровъ. Спб. 1896. Цѣна 2 рубля. Странное впечатлѣніе производитъ эта книга. Авторъ видимо глубоко проникнутъ важностью излагаемыхъ имъ взглядовъ, старается придать имъ самую научную форму, держитъ себя такъ, какъ будто ему удалось открыть новыя истины огромнаго значенія, до сихъ поръ ускользавшія отъ вниманія ученыхъ и... и вызываетъ только недоумѣніе у читателя. Признавая «безсмертныя заслуги Карла Маркса», г. Бухъ полагаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что ученіе о цѣнности автора «Капитала» представляетъ собой «невѣроятный сумбуръ», вмѣсто котораго онъ предлагаетъ свою собственную теорію, логическая убѣдительность которой кажется ему настолько сильной, что онъ выражаетъ довольно наивное опасеніе, какъ бы читатель не принялъ необыкновенную «стройность вычисленій» автора за признакъ предвзятости вывода и подтасовки цифръ (стр. 226). По каждому удобному и неудобному поводу г. Бухъ дѣлаетъ обширныя цитаты на иностранныхъ языкахъ, причемъ почему-то упорно цитируетъ слова англійскихъ и американскихъ государственныхъ людей по-французски. По мнѣнію г. Буха, Маколей по-французски говорилъ въ англійскомъ парламентѣ свою знаменитую рѣчь въ защиту фабричныхъ законовъ, а президентъ Клевелэндъ по французски же обращался къ конгрессу Соединенныхъ Штатовъ. Къ чему все это? Если г. Бухъ не знаетъ англійскаго языка, то почему же нужно цитировать англійскія рѣчи во французскомъ переводѣ, а не по-русски?

Для той же цѣли—доказательства своей учености—г. Бухъ обильно уснащаетъ свою книгу изложеніемъ разныхъ, совершенно не идущихъ къ дѣлу естественнонаучныхъ истинъ. Онъ излагаетъ динамическую теорію газовъ Клаузіуса, говоритъ о механической теоріи теплоты, знакомитъ читателя съ различіемъ потенціальной и кинетической энергіи, бѣгло касается физіологіи, и затрогиваетъ вопросъ о зарожденіяхъ живыхъ организмовъ на землѣ, признавая его «великой тайной для науки»; но для чего все это нужно въ книгѣ, посвященной «основнымъ элементамъ политической экономіи», авторъ не поясняетъ. Читатель самъ догадывается, что авторъ желаетъ его огорошить своими глубокими и разнообразными познаніями въ естественныхъ наукахъ, познаніями, не идущими, впрочемъ, дальше знакомства съ распространенными учебниками и популярными сочиненіями.

Высокое мнѣніе г. Буха о своей книгѣ доказывается тѣмъ необычайнымъ фактомъ, что книга появилась сразу на двухъ языкахъ, въ двухъ изданіяхъ—русскомъ и нѣмецкомъ. Очевидно,

г. Бухъ не разсчитываетъ встрѣтить цѣнителей своего труда въ своемъ отечествѣ и пробуетъ поискать счастія на «внѣшнемъ рынкѣ».

Что касается до перваго, то г. Бухъ не ошибся. Не смотря на всѣ претензіи автора, книга его является однимъ изъ тѣхъ произведеній, которыя стоатъ, быть можетъ, значительнаго труда и напряженія мысли авторамъ, но совершенно безполезны для читателей. Основная идея г. Буха не нова и не оригинальна. Въ Германіи Брентано и Шульце-Геверницъ, а въ Англіи и Америкѣ Брассей, Маршалль и Шенгофъ обратили вниманіе на то, что низкая заработная плата и продолжительный трудъ отнюдь не равнозначущи дешевизнѣ труда. Статистическое сравненіе заработной платы, продолжительности работы и количества рабочаго продукта въ разныхъ странахъ и въ различныхъ отрасляхъ промышленности въ одной и той же странѣ показали, что при высокой заработной платѣ и короткомъ рабочемъ днѣ трудъ нерѣдко обходится предпринимателю дешевле, чѣмъ при низкой заработной платѣ и продолжительномъ рабочемъ днѣ. Объясняется это различіемъ интенсивности и производительности труда. Сокращеніе времени работы повышаетъ интенсивность послѣдней; въ этомъ же направленіи дѣйствуетъ и повышеніе заработной платы. Хорошо оплачиваемый австралійскій или американскій рабочій, работающій не болѣе 8—9 часовъ, производитъ значительно больше работы, чѣмъ дурно оплачиваемые и работающіе 12 часовъ въ сутки европейскіе континентальные рабочіе. Поэтому, интересъ капиталиста далеко не всегда требуетъ пониженія заработной платы и удлиненія рабочаго дня, какъ это полагали прежде.

Вотъ эта-то мысль и положена въ основаніе всѣхъ разсужденій и вычисленій г. Буха. Но, какъ сказано, авторство ея принадлежитъ не Буху. Въ позапрошломъ году вышелъ переводъ на русскій языкъ небольшой брошюры Брентано «объ отношеніи высоты рабочей платы и продолжительности работы къ производительности труда», въ которой та же мысль выражена несравненно яснѣе, убѣдительнѣе и содержательнѣе, чѣмъ это дѣлаетъ г. Бухъ. Правда, Брентано не строитъ на этой мысли новую теорію цѣнности, какъ пытается, и очень неудачно, г. Бухъ. Для образчика пріемовъ аргументаціи г. Буха, возьмемъ слѣдующій примѣръ. Г. Бухъ критикуетъ ученіе Маркса о цѣнности рабочей силы. Какъ извѣстно, Марксъ (слѣдуя ученію классической школы) опредѣляетъ трудовую цѣнность рабочей силы стоимостью производства рабочей силы, т. е. стоимостью всѣхъ тѣхъ предметовъ потребленія, которыя необходимы для поддержанія и воспроизведенія рабочей силы, иначе говоря, для снабженія рынка потребными рабочими руками. Г. Бухъ съ этимъ не согласенъ; по его мнѣнію, Марксъ «напуталъ», смѣшалъ воедино совершенно несовмѣстимыя вещи. «Вмѣсто яснаго и точнаго опредѣленія стоимости «товара—рабочая сила», получается (у Маркса) невѣроятный сумбуръ, на подобіе того суррогата, который добывался въ ступѣ алхимиковъ, взамѣнъ искомаго философскаго камня» (стр. 75). Г. Бухъ полагаетъ, что вообще нельзя говорить о цѣности рабочей силы. Почему же? А потому, что рабочая сила—продуктъ не внѣшняго труда, а «внутренней работы ор-

ганизма». Рабочая сила не есть результатъ хозяйственнаго процесса, производства; она создается физіологическими процессами организма «путемъ ассимиляціи кислорода, пищи» и т. д. «А все то, что не творится трудомъ человѣка, не можетъ быть, очевидно, стоимостью, и потому выраженіе «стоимость рабочей силы» такъ же фиктивно, какъ, напр., стоимость земли» (стр. 68).

Итакъ, рабочая сила не имѣетъ цѣнности (по г. Буху—стоимости; г. Бухъ слѣдуетъ неправильной терминологіи, введенной у насъ переводчикомъ «Капитала» и переводитъ нѣмецкое слово werth, словомъ стоимость, вмѣсто цѣнность), потому что физіологическіе процессы организма не составляютъ труда въ экономическомъ смыслѣ. Послѣднее, разумѣется, вполнѣ вѣрно, но къ дѣлу совершенно не относится. Если бы г. Бухъ былъ болѣе осмотрителенъ и болѣе обдумывалъ свои заключенія, то онъ увидѣлъ бы, что его аргументъ приложимъ не только къ рабочей силѣ, но и ко многимъ другимъ товарамъ. Наша пища, напр., также создается физіологическими процессами организма животнаго или растенія, что нисколько не мѣшаетъ ей быть товаромъ и имѣть цѣнность такъ же, какъ и шерсти, хлопку и другимъ растительнымъ и животнымъ продуктамъ. Все дѣло въ томъ, что хотя мускулы, кровь и нервы человѣка, также какъ и животнаго, создаются физіологическимъ процессомъ, для осуществимости послѣдняго требуются извѣстныя внѣшнія условія, создаваемыя трудомъ. И потому рабочая сила человѣка, при современныхъ условіяхъ, точно также имѣетъ трудовую цѣнность, какъ и рабочая сила лошади или вола.

И вотъ такими-то доводами, основанными на самой элементарной забывчивости, г. Бухъ думаетъ ниспровергнуть господствующія ученія политической экономіи. Если бы г. Бухъ былъ скромнѣе и ставилъ себѣ задачи, не превышающія его силъ, то, быть можетъ, онъ и могъ бы написать что-либо имѣющее значеніе; теперь же, его книга является не болѣе, какъ «покушеніемъ съ негодными средствами».

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Г. Гётчинсонъ. «Автобіографія земли».—*Д. Боголѣповъ.* «Начальныя основанія метеорологіи».—*М. Сіязовъ.* «Краткій курсъ ботаники».

Г. Н. Гётчинсонъ. Автобіографія земли. Общедоступный очеркъ исторической геологіи. Пер. съ англійскаго съ измѣненіями и дополненіями М. А. Энгельгардта. Съ 63 рис. Изд. Павленкова. Ц. 80 к. Спб. 1897 г. Съ Гётчинсономъ (правильнѣе Хэтчинсономъ), какъ съ изящнымъ, глубоко научнымъ и вполнѣ доступнымъ для всякаго популяризаторомъ, наши читатели знакомы по его «Очеркамъ первобытнаго міра», печатающимся въ текущемъ году въ журналѣ. Новый переводъ одной изъ послѣднихъ его популярныхъ работъ по геологіи отличается тѣми же достоинствами, что ставитъ его «Автобіографію земли» на одно изъ первыхъ мѣстъ въ популярной научной литературѣ. Другую, ей подобную, мы не могли бы указать у насъ, такъ какъ всѣ имѣющіяся книги по геологіи требуютъ большой предварительной подготовки, и во всякомъ случаѣ

уступаютъ ей по чрезвычайно умѣлой группировкѣ фактовъ, вполнѣ научному ихъ освѣщенію и исключительной особенности изложенія. На послѣдней стоитъ остановится. Трудно указать въ области популярной научной литературы другого автора, который обладалъ бы равной Хэтчинсону способностью заинтересовать читателя. Его изложеніе обладаетъ всѣми достоинствами художественной работы. Слогъ его легокъ и изященъ, посредствомъ образныхъ сравненій авторъ запечатлѣваетъ въ памяти читателя научные факты и истины, облегчая ему уразумѣніе самыхъ трудныхъ выводовъ и положеній современной геологіи. Отъ популяризаторовъ типа Фламмаріона авторъ выгодно отличается чисто британской серьезностью, чуть-чуть проникнутой мѣстами юморомъ. Онъ чуждъ фламмаріоновской слащавости и непріятныхъ потугъ французскаго ученаго на глубокомысліе. Хэтчинсонъ всегда глубокъ, потому что неизмѣнно держится лишь строго-научной почвы, не позволяя себѣ никакихъ экскурсій въ область предсказаній, что такъ любитъ французскій популяризаторъ.

Въ русскомъ переводѣ сдѣланы очень существенныя измѣненія и дополненія. Хэтчинсонъ писалъ, имѣя въ виду, конечно, англійскаго читателя, для котораго онъ преимущественно беретъ факты изъ геологіи Англіи. Русскій переводчикъ вездѣ, гдѣ по ходу изложенія оригинала было возможно, замѣняетъ Англію Россіей или дополняетъ факты подлинника фактами изъ геологіи Россіи и другихъ странъ, что расширяетъ и въ значительной степени увеличиваетъ цѣнность книги Хэтчинсона для русскаго читателя. То же самое надо сказать и о рисункахъ, которыхъ въ переводѣ въ три раза больше, чѣмъ въ оригиналѣ.

Начальныя основанія метеорологіи для промышленыхъ училищъ и другихъ средне учебныхъ заведеній. Съ XIV таблицами чертежей и VII картами. Составилъ заслуженный преподаватель Красноуфимскаго промышленнаго училища Д. М. Боголѣповъ. Екатеринбургъ. 1896. 230 стр. Ц. 1 р. 25 к. Авторъ ставитъ себѣ главной задачей изложить основные факты и важнѣйшіе, прочно установленные, выводы современной метеорологіи, ознакомить читателя со свойствами климата и погоды Россіи, а также съ тѣми элементами климата, которые имѣютъ значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ. Второстепенное мѣсто занимаетъ описаніе метеорологическихъ приборовъ, методовъ изслѣдованія и способовъ обработки доставленнаго наблюденіями матеріала. Книжка напечатана двумя шрифтами; при чемъ мелкимъ набраны нѣкоторыя подробности, формулы и примѣры вычисленій, вообще то, что читатели, не достаточно знакомые съ математикой, могутъ выбросить, не нарушая общей связи изложенія. Руководство г. Боголѣпова носитъ прикладной характеръ, поэтому особенно полезно для учениковъ промышленныхъ и среднихъ сельскохозяйственныхъ училищъ. Впрочемъ, предметъ изложенъ на столько обстоятельно, что книжка можетъ служить конспектомъ по метеорологіи для слушателей тѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ этотъ предметъ входитъ въ программу преподаванія въ качествѣ второстепеннаго. Изложено руководство вполнѣ научно, языкъ отличается точностью и ясностью; таблицы чертежей и карты, приложенныя въ концѣ книги, вполнѣ удовлетворительны по исполненію.

Краткій курсъ ботаники. Составилъ М. Сіязовъ, съ 120 рисунками въ текстѣ. 2 исправленное и дополненное изданіе. Ф. Павленкова. Спб. 1896 г. 112 стр. Ц. 50 к. При составленіи своего курса авторъ имѣлъ въ виду тѣ средне-учебныя заведенія, въ которыхъ естествовѣдѣніе проходится въ два года, при двухъ урокахъ въ недѣлю, въ особенности же женскія гимназіи. Первое изданіе книжки и было одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. для употребленія въ качествѣ учебника именно въ женскихъ гимназіяхъ. Г. Свіязовъ раздѣляетъ свой курсъ на три отдѣла: 1) органографію, 2) анатомію и 3) физіологію растеній, причемъ въ концѣ третьяго отдѣла въ видѣ особыхъ главъ прибавлены описанія споровыхъ растеній и изложеніе основаній классификаціи съ характеристикой нѣкоторыхъ семействъ типа цвѣтковыхъ. Такое распредѣленіе матеріала хотя и не отвѣчаетъ требованіямъ систематическаго изложенія, однако, имѣетъ большія удобства для цѣлей преподаванія. Въ самомъ дѣлѣ, органографія, какъ отдѣлъ чисто описательный, при томъ же разсматривающій всѣмъ извѣстныя части растеній, каковы листъ, цвѣтокъ, плодъ и т. д., наиболѣе доступна пониманію начинающихъ. Мы не можемъ согласиться съ авторомъ только въ необходимости изученія споровыхъ растеній послѣ анатоміи и физіологіи. Для уясненія такихъ понятій, какъ спора, дѣленіе, нѣтъ надобности въ знакомствѣ съ клѣточнымъ строеніемъ растеній; наоборотъ, знакомство съ одноклѣточными растеніями можетъ помочь изучающему усвоить понятіе о клѣткѣ и тканяхъ. Что касается изложенія сущности процесса питанія первопузырника, на что указываетъ авторъ для оправданія отмѣченнаго нами распредѣленія учебнаго матеріала, то этотъ вопросъ съ успѣхомъ можно было бы отложить, разсмотрѣвъ его въ отдѣлѣ физіологіи растеній, какъ это сдѣлано относительно питанія цвѣтковыхъ растеній. Къ числу достоинствъ учебника мы относимъ то обстоятельство, что авторъ совершенно отрѣшается отъ устарѣвшей и во многихъ случаяхъ ошибочной въ своихъ основаніяхъ методы Любена. Если еще при изученіи зоологіи эта метода имѣетъ нѣкоторыя оправданія, такъ какъ не всякій ребенокъ имѣетъ представленіе даже о главнѣйшихъ органахъ животнаго, напр., о сердцѣ, легкихъ, жабрахъ и т. д. то нельзя этого сказать относительно органографіи растеній. Даже ребенокъ до-школьнаго возраста прекрасно знаетъ, что̀ такое листъ, корень, цвѣтокъ и вполнѣ ясно представляетъ себѣ эти понятія въ отвлеченіи. Поэтому, нѣтъ никакой надобности описывать въ деталяхъ какое-нибудь опредѣленное растеніе, можно отлично пользоваться знакомствомъ ребенка съ растеніями, полученнымъ внѣ школы, и прямо приступить къ обобщеніямъ этихъ знаній.

Во 2-мъ изданіи разсматриваемаго учебника прибавлены: характеристика богатѣйшихъ семействъ типа цвѣтковыхъ, глава о безполомъ размноженіи растеній того же типа и нѣкоторыя явленія изъ области морфологіи и физіологіи. Какъ учебникъ, книжка г. Сіязова вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію. Изложеніе отличается ясностью и простотой. Рисунки совершенно удовлетворительны и цѣна книжки больше чѣмъ умѣренна.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го апрѣля по 15-е мая 1897 года.

В. П. Желиховская. Наши родичи (Изъ воспом. о славянск. землѣ). «Полезная библіотека». Изданіе Сойкина. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Е. Карновичъ. Русскіе чиновники въ былое и настоящее время. Спб. Ц. 50 к.

Н. Карышевъ. Трудъ, его роль и условія приложенія въ пройзводствѣ. Изд. Поповой. «Образовательная библіотека». Спб. 1897.

Б. Билитъ. Новѣйшія химическіи теоріи Этара. Изд. Павленкова. Ц. 75 к. 1897. Спб.

Г. Спенсеръ. Классификація наукъ. Перев. Спиридонова. Изд. магаз. «Книжное дѣло». Ц. 50 к. 1897. Москва.

Г. Н. Гетчинсонъ. Автобіографія земли. Общедоступн. очеркъ исторіи геологіи. Перев. Энгельгардъ. Изд. Ф. Павленкова. 1897. Ц. 80 к.

Г. Клейнъ. Астрономическіе вечера. Изд. Клюкина. Москва. 1897. Ц. 2 р.

М. Шиппель. Денежное обращеніе и его общественное значеніе. Перев. П. Струве. Ц. 50 к. Изданіе редакціи журн. «Образованіе». Спб. 1897.

Т. Гексли. О причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ. 6 чтеній, читанныхъ рабочимъ. Перев. Березина. Ц. 60 к. Изданіе журн. «Образованіе». Спб. 1897.

Ф. Поллокъ. Исторія политическихъ ученій. Перев. съ англ. А. М. Гердъ. Изданіе журнала «Образованіе». Цѣна 50 к. Спб. 1897.

В. Штамбергъ. Гуманность въ исторіи человѣчества. Перев. Леоньевой. Спб. 1897. Изд. журн. «Образованіе». Ц. 80 к.

Г. Лансонъ. Исторія французской литературы XIX вѣка. Перев. подъ редакціей Морозова. Изд. журн. «Образованіе». Ц. 1 р.

Гергартъ Ф. Шульце-Геверницъ. Крупное производство, его значеніе для экономич. и соціальнаго прогресса. Подъ редакц. П. Струве. Въ приложеніи лекція пр. Е. Ф. Филипповича. Экономическій прогрессъ и успѣхи культуры.

Чаннингъ. Исторія Сѣверо-Американскихъ Соединенн. Штатовъ. Перев. Бошняка. Изд. маг. «Книжное дѣло». 1897. Москва.

Д. С. Милль. Система логики силлогистической и индуктивной. Перев. подъ ред. Ивановскаго. Москва. 1897. Часть I.

Джоржъ Чемберсъ. Повѣсть о звѣздахъ. Перев. Николаева. Изданіе Поповой. Образоват. библіотека.

Чайко. Хрестоносъ. Кіевъ. 1896.

Фритіофъ Нансенъ. Во мракѣ ночи и во льдахъ. Выпускъ III. Ц. 30 к. Изд. Поповой. Спб. 1897.

Ивановскій, В. Н. Къ вопросу объ апперцепціи. Оттискъ изъ № 36 «Вопросовъ Философіи и Психологіи». Москва. 1897.

Г. Ибсенъ. Собраніе сочиненій т. V и VI. Изд. Юровскаго. Спб. 1897.

Антонъ Чеховъ. Призрѣніе душевно-больныхъ въ С.-Петербургѣ. Алкоголизмъ и возможная съ нимъ борьба. Спб. Изд. Суворина. Ц. 1 р. Спб. 1897.

Б. Глинскій. Русское судебное краснорѣчіе. Спб. 1897. Ц. 60 к.

Призывъ. Литературный сборникъ. Въ пользу престарѣлыхъ артистовъ. Изд. Д. Гаринъ-Виндичъ. Москва. 1897. Ц. 3 р. 50 к.

Н. Водовозовъ. Экономическіе этюды. Изданіе М. И. Водовозовой. Спб. Ц. 2 р.

Шершеневичъ. Очерки по исторіи кодификаціи гражданскаго права. I т. Франція. Казань. 1897. Ц. 50 к.

Оповидання про давне. Максимъ Гримачъ. Въ осены лито. Старый донца. Проскурка. Кіевъ. 1896.

Отчетъ Одесской публичной библіотеки за 1896 г. Одесса. 1897.

Отчетъ 1896 г. Лѣтнія колоніи Московскихъ городскихъ начальн. училищъ.

Отчетъ состоящей подъ Высочайшимъ покровительствомъ Нижегородской исправительной земледѣльческой колоніи малолѣтнихъ преступниковъ за 1895—1896 гг. Н. Новгородъ. 1897.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Судьбы англiйской критики.

По поводу соч. *English Literary Criticism.* With an Introduction by C. E. Vaughan. London 1896.

I.

За послѣднее десятилѣтіе въ журнальной и вообще въ популярной литературѣ ни объ одномъ предметѣ не толкуютъ такъ много и такъ горячо, какъ о критикѣ.

Года четыре тому назадъ, эстетическіе вопросы прямо стояли во главѣ всѣхъ другихъ темъ и періодическія изданія взапуски старались угощать своихъ читателей разсужденіями о красотѣ, о художественномъ творчествѣ, о чистомъ и не чистомъ искусствѣ, вообще давали ходъ новоявленной наукѣ съ величайшимъ самоотверженіемъ.

Къ великому достоинству и положительному выигрышу русской общественной мысли повѣтріе, кажется, миновало или, по крайней мѣрѣ, въ сильной степени ослабѣло. Однимъ изъ послѣднихъ его дуновеній была рекомендація, предпосланная гр. Толстымъ дневнику Аміеля, швейцарскаго эстетика.

Но даже вѣское слово автора *Анны Карениной* не поддержало потухавшаго хотя и священнаго огня. Эстетическія экскурсіи, очевидно, пришлись не по нраву и не по вкусу русской публикѣ, и мы съ полнымъ удовольствіемъ можемъ поставить крестъ еще на одномъ худородномъ «вопросѣ» современной умственной неурядицы.

Эстетика такимъ образомъ потерпѣла фіаско, но существуетъ предметъ, ей родственный — до такой степени, что печальная судьба эстетики могла дискредитировать и его права на нашъ интересъ. Мы говоримъ о литературной критикѣ.

Ее разъ навсегда слѣдуетъ отдѣлить отъ эстетики. Между ними, приблизительно, такое же отношеніе, какъ между алхиміей и химіей, астрологіей и астрономіей, метафизикой и положительной философіей.

Всякій разъ, когда критика сливается съ эстетикой, результаты для литературы и вообще для искусства оказываются самые роковые.

Эстетика—непремѣнно чистая теорія, одновременно метафизика и законодательство. Начинается дѣло на первый взглядъ очень основательно. Эстетикъ желаетъ опредѣлить, что такое искусство,

постигнуть *законы* творчества, т. е. преслѣдуетъ, повидимому, цѣль *научную* и поэтому заявляетъ рѣшительныя притязанія на титло ученаго, и свою профессію возводитъ чуть ли не въ науку всѣхъ наукъ.

Но съ первыхъ же шаговъ оказывается оригинальнѣйшее противорѣчіе.

Спросите у какого угодно геніальнаго художника, что такое по существу его талантъ, какъ создаются художественныя произведенія и какія силы управляютъ поэтическимъ вдохновеніемъ?

Въ отвѣтъ художникъ, если только онъ пожелаетъ остаться искреннимъ, дастъ одинъ классическій отвѣтъ:

Ignoratus, хотя и *possumus!*

Мой талантъ—тайна для меня самого, мои образы—дѣти моего воображенія, ума, наблюдательности, но почему они сложились именно такъ, а не иначе, почему Офелія сошла съ ума, а не вышла замужъ за Гамлета, Базаровъ влюбился въ Одинцову, а не пренебрегъ ею, *не знаю*.

Я пишу, какъ трава растетъ, скажетъ вамъ Тургеневъ, рисую героевъ, какъ грибы, листья деревья: «намозолили мнѣ глаза, я и принялся чертить». А по какому плану или внѣшнему побужденію,—вопросъ для творческаго процесса не существующій.

Такъ говорилъ писатель, прослывшій за тенденціознаго и партійнаго. Но то же самое, еще въ болѣе рѣзкой формѣ, заявляетъ Гёте.

Авторъ *Фауста* прямо не отдавалъ себѣ отчета, какъ у него складывается та или другая сцена и выходилъ изъ себя при одномъ намекѣ на внѣшнюю указку истинно-поэтическому таланту.

Художникъ, *изумляющійся* результату собственнаго труда!.. Естественнѣйшая, по мнѣнію Гёте, роль художника... Правдива ли и искренна ли она? Можетъ быть, великій поэтъ позировалъ и кокетничалъ?

Оказывается, нѣтъ.

Гоголь также *изумлялся* смыслу своихъ произведеній, когда ему объясняли другіе, и сталъ бы совершенно втупикъ, если бы у него потребовали отчета, *какъ* онъ дошелъ до подобныхъ, для него лично безусловно, нежелательныхъ и непріятныхъ результатовъ.

«Умъ съ сердцемъ не въ ладу», говорится обыкновенно о людяхъ пылкихъ страстей и горячей крови. «Сознаніе съ талантомъ не въ ладу»,—повидимому, вполнѣ точная характеристика весьма многихъ даровитѣйшихъ поэтовъ.

Можно ли послѣ этого разсуждать о *законахъ* творчества?

Вѣдь законъ—извѣстная формула, логическій выводъ изъ отдѣльныхъ удостовѣренныхъ данныхъ. Какое же можетъ быть мѣсто логикѣ, формулировкѣ и удостовѣренію тамъ, гдѣ въ психическомъ процессѣ нѣтъ ясной отчетности даже для того, кто переживаетъ этотъ процессъ, гдѣ контроль разсудка ограничивается подробностями, внѣшней техникой и безсиленъ надъ сущностью творческаго созданія?

Наблюдателю остается констатировать и оцѣнивать конечные результаты недоступнаго анализу процесса.

Его положеніе такое же, какъ, напримѣръ, ботаника и вообще естествоиспытателя.

Ученому извѣстно, изъ какихъ веществъ состоитъ древесный листъ, онъ можетъ все растеніе разложить на составные элементы и опредѣлить его практическую цѣнность. Но объяснить, *какъ* эти элементы дали въ своемъ соединеніи въ одномъ случаѣ листъ дуба, въ другомъ—цвѣтъ розы, въ третьемъ—лилію, наука безсильна.

Совершенно также можно расчленить и художественное произведеніе: выдѣлить изъ него общественныя идеи, нравственное міросозерцаніе, чисто-художественную красоту, психологическое содержаніе и многое другое. Но послѣ всей этой работы останется нѣчто неуловимое и недознанное, какая-то таинственная сила, объединившая всѣ отдѣльныя черты въ цѣльное органически-жизненное сознаніе.

Здѣсь предѣлъ всякому изслѣдованію и эстетика, вторгающаяся въ тайну творчества и генія, такое же фокусничество и хвастовство, какимъ искони оставалась мнимая философія изъ громкихъ разсужденій на тему высшаго познанія причины всѣхъ причинъ.

И къ эстетикѣ съ буквальной точностью приложимо мефистофелевское издѣвательство надъ ученостью, за недостаткомъ мыслей, выѣзжающей на хитроумныхъ словахъ.

Но все равно, какъ старая метафизика не желала ограничиться чистымъ упражненіемъ въ хитростяхъ и тонкостяхъ, а стремилась преподавать научныя и нравственныя истины, такъ и эстетики, незамѣтно для себя, отъ изслѣдованія законовъ переходятъ къ предписаніямъ, и тѣмъ болѣе настойчивымъ и притязательнымъ, чѣмъ фантастичнѣе основанія.

Можно принять за общее правило: чѣмъ у эстетика меньше художественнаго чувства, чѣмъ менѣе онъ способенъ *воспринимать* поэзію, тѣмъ деспотичнѣе его учительство и нетерпимѣе правила.

Это доказывалось и до сихъ поръ доказывается исторіей литературы безчисленное число разъ. Аристотель, напримѣръ, только *укажетъ* на общіе *факты*,—какой-нибудь темный схоластикъ; эти факты возведетъ въ непреложныя истины и примется свирѣпствовать надъ предметами, просто по существу не входящими въ его душу.

Отсюда цѣлые періоды, мертвыя точки въ развитіи искусства. Онѣ всегда совпадаютъ съ преобладаніемъ эстетики надъ вдохновеніемъ, теоретиковъ надъ художниками, буквоѣдства надъ жизнью.

Именно въ эти періоды нѣтъ *критики* въ истинномъ смыслѣ, а только инквизиціонные приговоры и школьныя отмѣтки.

Критика столь же мало имѣетъ общаго съ эстетической метафизикой и эстетическими предписаніями, какъ естественно-научные выводы и идеи съ фантазіями мистиковъ о природѣ вещей.

Наше время покончило съ этими фантазіями въ области опытныхъ наукъ, ему предстоитъ выполнить такую же задачу и въ искусствѣ.

Художественная критика, не смотря на свое многовѣковое существованіе, отстала отъ всего умственнаго движенія новаго

времени. До сихъ поръ еще не рѣшенъ вопросъ даже объ ея правахъ на существованіе и въ самомъ хаотическомъ видѣ представляются основанія и цѣли критики ея компетентнѣйшимъ представителямъ.

И происходитъ это прежде всего отъ того, что критика до сихъ поръ окончательно не раздѣлила своихъ владѣній съ эстетикой. Она все еще готова своей спеціальностью признавать вопросы о чистомъ искусствѣ, объ идеальномъ направленіи талантовъ, вообще судить не созданія, а творческую силу, не факты, а причину всѣхъ причинъ.

Въ результатѣ—реторическій туманъ и безчисленные кривотолки, только засариваюціе путь литературы.

А между тѣмъ, критика можетъ быть наукой отнюдь не въ меньшей степени, чѣмъ исторія или соціологія. Достоинство всякой науки заключается въ строгомъ опредѣленіи свой компетенціи, круга своего вѣдѣнія. И наука тѣмъ ближе къ своему дѣйствительному назначенію, чѣмъ самоотверженнѣе ограничиваетъ сферу своихъ вопросовъ.

Въ сущности, весь прогрессъ научности человѣческихъ знаній и заключается въ постепенномъ выдѣленіи доступнаго и познаваемаго изъ массы задачъ, представляющихся уму, чувству и воображенію.

Совершается этотъ процессъ въ высшей степени трудно и медленно. Еще до нашихъ дней появляются «ученые», разсчитывающіе раскрыть всѣ тайны природы и человѣческой души, одну свести къ пяти-шести *фактамъ*, а другую къ *химическому анализу*.

Эти фанфароны—опаснѣйшіе враги настоящей науки, потому что, претерпѣвая неизбѣжное личное пораженіе, они дискредитируютъ и неразумно присвоенное знамя.

Надо имѣть точное представленіе о томъ, что дѣйствительно можешь и знаешь. Это необходимое условіе всякой цѣлесообразной и успѣшной дѣятельности и въ жизни, и въ наукѣ.

То же самое правило должно быть усвоено и критикой.

Ей нужно разъ на всегда покончить съ красотой, вкусомъ и всякаго рода законами. Еще полезнѣе—безусловно отказаться отъ розги и указки и смиренно помириться съ фактомъ, засвидѣтельствованнымъ безусловно свѣдущими людьми, неизмѣримо болѣе свѣдущими, чѣмъ вивисекторы чужого вдохновенія и чужихъ творческихъ созданій.

Художественный талантъ—*естественная сила,* такая же стихійная и таинственная, какъ вообще все творящее и организующее въ нашемъ мірѣ. Мы можемъ изучать только *проявленія* этой силы и позволять себѣ извѣстныя, очень осмотрительныя соображенія объ ея свойствахъ только на основаніи проявленій. *Произведенія* художника—для насъ исходный моментъ, и задача наша даже при такой постановкѣ крайне сложна.

Художникъ самъ по себѣ явленіе, требующее громаднаго напряженія нашихъ психологическихъ способностей. Это—личность съ прибавкой чего-то лишняго, не совсѣмъ зауряднаго, и это

новое преобразуетъ самую личность до такой степени, что она, какъ человѣкъ, какъ членъ общества, совершенно выдѣляется изъ общежитейскихъ рамокъ.

Ея произведенія—показатель этой оригинальной стихіи, и мы должны прослѣдить по этому матеріалу развитіе самыхъ разнообразныхъ нравственныхъ мотивовъ человѣческой природы и внѣшнихъ отраженій жизни.

Ни на минуту мы не должны покидать твердой почвы, вполнѣ осязательныхъ фактовъ. Если намъ непремѣнно нужно произнести приговоръ, мы его отложимъ возможно дальше и будемъ имѣть дѣло только съ внѣшней для насъ дѣйствительностью, не окрашивая ея въ угодные намъ цвѣта и не врываясь въ ея строй съ своими нетерпѣливыми сужденіями и поправками.

Романистъ рисовалъ своихъ лицъ, какъ растенія; попытаемся же и мы изучить эти лица, какъ растенія, забудемъ, что Базаровъ—нигилистъ, Вронскій—полнокровная особь мужского пола, Левинъ—самоуслаждающійся, ограниченный резонёръ. Выдѣлимъ эти наши приговоры въ особый отдѣлъ, столь же посторонній для критики, какъ и эстетическая метафизика.

Возможно ли это?

Въ отвѣтъ припомните, какъ развивались естественныя науки,—объ исторіи нечего и говорить.

Сколько труда стоило ученымъ признать самый, повидимому, простой фактъ! Все существующее существуетъ не въ силу безпрестаннаго вмѣшательства внѣшней силы, а по необходимымъ законамъ органическаго развитія. Насѣкомое столь же самодовлѣющее созданіе, какъ и человѣкъ, въ природѣ нѣтъ ни низшихъ, ни высшихъ твореній въ смыслѣ взаимной подчиненности по законамъ привилегіи, и наша земля, и человѣкъ, только звенья безконечной цѣпи.

Все это теперь считается истиной, но въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ метафизика и родственныя ей отрасли неуклонно заслоняли свѣтъ, налагали властную руку на самые очевидные факты, даже свѣтила небесныя мѣняли свои пути и положенія по слову людей, никогда и въ рукахъ не державшихъ ни телескопа, ни астрономической карты.

Не то же ли самое и въ искусствѣ?

Развѣ эстетикъ не тотъ же метафизикъ и богословъ? Все равно, за какое искусство онъ ни ратовалъ бы. Писаревъ, напримѣръ, критикъ совершенно такого же типа, какъ любой французскій классикъ, авторъ піитики. Все дѣло *въ принципѣ*; творчество должно быть подчинено теоріи, а какой именно—для искусства это безразлично.

И съ писаревской точки зрѣнія *Поліевктъ* и *Цинна*,—трагедіи, прославляющія, *по правиламъ*, католичество и монархію Людовика XIV, должны быть несравненно выше, чѣмъ *Евгеній Онѣгинъ* и романы Тургенева.

У Писарева, конечно, другіе взгляды, чѣмъ у «доместика» Ришельё, но какъ критикъ — онъ тотъ же Шаплэнъ, Скюдери, вообще не психологъ, не анализаторъ, не историкъ, а приговорщикъ и деспотъ.

А это именно для литературы создаетъ какъ разъ тѣ самыя условія, въ какихъ астрономія и естествознаніе находились во время господства индекса и всякаго рода инквизиціи.

Эти времена для науки прошли.

Отчего же не настать свободѣ и для критики? Не той свободѣ, о какой вопіютъ декаденты и эстеты, по существу тенденціознѣйшіе изъ всѣхъ тенденціозныхъ литераторовъ. Во имя ихъ школы надо произвести совершенно противоестественное насиліе надъ человѣческой природой, атрофировать высшія способности разума и даже здраваго смысла и простой человѣческой впечатлительности.

Нѣтъ, мы говоримъ о свободѣ мысли и знанія, т. е. о свободѣ науки. Конечно, когда изученію подлежитъ *человѣческая* дѣятельность, становится несравненно труднѣе уберечься отъ чувствъ въ какомъ бы то ни было направленіи, чѣмъ при химическомъ анализѣ и астрономическихъ наблюденіяхъ.

Но вѣдь и астрономическія наблюденія долго, вплоть до XVII вѣка, управлялись страстью и гнѣвомъ, и солнце вертѣлось вокругъ земли буквально разсудку вопреки и наперекоръ стихіямъ.

Потомъ, вѣдь притязаютъ же историки на званіе ученыхъ. А между тѣмъ, у нихъ подъ руками гораздо менѣе уловимый матеріалъ, чѣмъ у критиковъ.

У историка всегда есть цѣлый рядъ *посредниковъ*, передающихъ ему факты для его работы; критикъ всегда стоитъ *непосредственно* у самаго факта, т. е. у художественнаго произведенія, подлежащаго его изученію. Ошибки историка безпрестанно могутъ быть ошибками его источниковъ, его матеріала, у критика недоразумѣнія—его личная вина.

Историкъ можетъ подняться на какую угодно объективную высоту, но если бы, напримѣръ, сочиненіе Ѳукидида погибло, а комедіи Аристофана сохранились, еще вопросъ, въ какомъ видѣ представился бы Периклъ современному юношеству.

Но вообразите, критикъ достигнетъ такой высоты, хотя бы даже терпимости и аристократической культурности Ранке — нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія—въ русской литературѣ не было бы войны съ Пушкинымъ, въ англійской — Байрону не выпала бы роль Марино Фальери, во французской—Гюго и Золя могли бы подать другъ другу руки къ великому выигрышу писательскаго достоинства и общественнаго идейнаго развитія.

Итакъ, эстетика или—ея полюсъ—антиэстетика должны очистить путь критикѣ, т. е. изученію искусства, какъ *естественнаго явленія*, какъ *природы*. Это, конечно, не помѣшаетъ въ результатѣ изученія и *оцѣнивать* искусство,—все равно, какъ естествознаніе, нисколько не унижая себя, служитъ цѣлямъ медицины, т. е. естествоиспытатель производитъ практическую оцѣнку научно-познанныхъ имъ явленій.

То же самое, съ точки зрѣнія нравственности и общественности, можетъ дѣлать и критикъ. Но все равно, какъ для естествоиспытателя совершенно безполезное или даже вредное растеніе не утрачиваетъ своего интереса, какъ продуктъ естественныхъ

силъ, такъ и для критика тщательному и спокойному разбору должно подлежать стихотвореніе Фета и поэма Аретина наравнѣ съ одами Гюго и романами Тургенева.

II.

Предъ нами исторія англійской критики въ образцахъ, прекрасно составленная хрестоматія изъ статей лучшихъ англійскихъ литературныхъ судей съ эпохи Елизаветы до конца дней.

Это въ высшей степени поучительное чтеніе! Именно оно невольно заставляетъ насъ представить крайне печальное положеніе современной литературной критики сравнительно съ другими науками и искусствами и въ то же время внушаетъ прочную надежду на будущее.

Дѣло въ томъ, что въ англійской критикѣ ярче, чѣмъ гдѣ-либо, сказался ядъ эстетическаго самовластія и намѣтились цѣлительныя средства отъ недуговъ.

Художественная литература Англіи безспорно самая національная и, слѣдовательно, самая оригинальная. Фактъ—стоящій въ прямой зависимости отъ политическаго развитія англійскаго общества. Оно въ теченіе вѣковъ успѣло выработать конституціонное государство не на основаніи хартій и не путемъ революцій и юридической идеологіи, а чисто органически, совершенствуя мѣстныя учрежденія и народные обычаи.

Въ результатѣ, выросло творчество, полнѣе чѣмъ гдѣ-либо отражающее психологію націи и ея исконное міросозерцаніе. Англія въ поэзіи создала рядъ талантовъ, поражающихъ своеобразной силой и въ высшей степени глубокой и яркой народной стихіей въ творчествѣ и даже въ личныхъ характерахъ.

Очевидно, въ такой литературѣ могли выработаться особенно любопытные пріемы творчества и менѣе всего могла образоваться воспріимчивая почва для иноземныхъ вліяній.

Именно въ этихъ отношеніяхъ насъ и занимаетъ англійская критика.

Какая ея судьба можетъ быть тамъ, гдѣ поэты поставлены въ возможно благопріятныя условія касательно писательской свободы и тѣснѣе всего примыкаютъ къ національной почвѣ?

Отвѣты въ высшей степени поучительные.

Исторія англійской критики начинается одновременно съ блестящимъ развитіемъ искусства. Были, конечно, въ Англіи критическіе опыты до елизаветинской эпохи, но они не представляютъ *историческихъ* моментовъ, т. е. не внесли плодотворныхъ идей въ общій капиталъ критической мысли и могутъ интересовать развѣ только библіографа и лѣтописца.

Это—понятно. Послѣдовательный ростъ критики возможенъ, когда существуютъ достаточно содержательные предметы для ея изслѣдованія. Поэты возрожденія первые создали такой матеріалъ.

Мы сейчасъ произнесли слово, заставляющее невольно ждать теорій, и, притомъ, классическаго происхожденія. Возрожденіе—вѣдь это воскресшая власть античнаго искусства надъ новымъ, и не

только искусства, но и его законодателей—Горація, Аристотеля, Квинтиліана.

Англіи, повидимому, не было основаній отставать отъ другихъ просвѣщенныхъ странъ,—приняться за комментаріи Аристотеля и составленіе точныхъ формулъ для всѣхъ поэтическихъ жанровъ.

Такъ именно происходило въ Италіи и во Франціи, и отсюда всемогущая власть классицизма стала тяготѣть надъ всѣми европейскими литературами въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двухъ вѣковъ.

Въ Англіи совершается неожиданное зрѣлище. Она производитъ цѣлый рядъ бурныхъ геніевъ, не желающихъ знать ни о какихъ правилахъ. Для нихъ возрожденіе—свобода въ самомъ полномъ и прямомъ смыслѣ. Они очень уважаютъ Гомера и Софокла, но имъ нѣтъ никакого дѣла до ихъ учительскихъ притязаній. Они сами мнятъ себя достойными стать наряду съ ними, и никакой Академіи, никакому схоластику не опутать мятежнаго духа Марло и неуловимо-разнообразнаго вдохновенія Шекспира.

Откуда эта независимость и неуловимость?

Не только отъ личной доброй воли поэтовъ. Какъ бы поэтъ ни былъ гордъ, онъ принужденъ считаться со своей публикой. А въ Англіи почти вся сила общественнаго мнѣнія, нужная для поэта, находится въ народѣ, и въ то время, какъ во Франціи салонные любители литературы требовали отъ драматурговъ пьесъ по правиламъ итальянскихъ—также аристократически-популярныхъ піитикъ.

Образовался своего рода заговоръ педантизма и свѣта противъ свободы и національнаго, точнѣе—народнаго направленія литературы.

Совершенно иной порядокъ вещей установился въ Англіи.

Театры переполняются ремесленниками и горожанами,—какое имъ дѣло, что велитъ и запрещаетъ Аристотель? Было бы занимательно, а главное, вразумительно и жизненно.

Это требованіе, почвенное, просто практически-необходимое и легло въ основу англійской критики. Ученымъ филологамъ нечего было дѣлать по части техническихъ хитростей, и въ Англіи не оказалось въ самый блестящій разцвѣтъ ея литературы критиковъ-спеціалистовъ, нарочитыхъ законодателей и судей.

Сами поэты выполнили эту роль, и чрезвычайно любопытно!

Никто самъ себѣ не врагъ, и истинный поэтъ, по природѣ нуждающійся прежде всего въ свободѣ и живой жизни, не станетъ, конечно, создавать для себя путы и барьеры изъ отвлеченныхъ формулъ и мнимо-научныхъ руководствъ.

Въ результатѣ,—сначала Шекспира, а потомъ Мильтона слѣдуетъ считать родоначальниками англійской критики.

Оба поэта по своимъ критическимъ взглядамъ дополняютъ другъ друга. Одинъ объяснилъ отношеніе художника къ дѣйствительности, другой—отношеніе художника къ своему таланту и труду.

Теорія Шекспира столь же проста, сколько и значительна, въ

полномъ смыслѣ безсмертна, такъ какъ съ XVI-го вѣка никакая эстетика не изобрѣла еще ничего современнѣе и положительнѣе.

«Цѣль искусства всегда состояла и всегда будетъ состоять въ вѣрномъ изображеніи дѣйствительности, какъ въ зеркалѣ. Добродѣтель, преступленіе, нравы вѣка—все должно быть представлено на сценѣ такимъ, какимъ оно существуетъ на самомъ дѣлѣ. Разъ такое изображеніе преувеличено или ослаблено, то, конечно, этимъ можно добиться одобренія и смѣха навѣждъ, но утонченно понимающій дѣло зритель будетъ этимъ оскорбленъ».

Кратко и ясно произнесенъ приговоръ и классическому жеманничанью и позднѣйшему натуральному и романтическому фантазерству.

Шекспиромъ указанъ не только путь для поэта, но и предписана цѣлая программа критики. Какую современную дѣйствительность выбралъ поэтъ и насколько оправдалъ свой выборъ— вотъ двѣ основныхъ задачи критическаго анализа. Онѣ не исключаютъ ни нравственной, ни общественной публицистики, потому что дѣйствительность имѣетъ безчисленныя степени по своему историческому значенію и внутреннему содержанію и, слѣдовательно, тотъ или другой выборъ характеризуетъ умственный уровень и идейную чуткость художника.

Но публицистика здѣсь не вредитъ наукѣ, насколько это вообще возможно въ литературныхъ вопросахъ. Дѣйствительность—сумма фактовъ, художественное произведеніе—ихъ зеркало. Научная тема ясна: насколько точно и жизненно зеркало отразило факты?

Снова повторяемъ,—исторія, при всѣхъ своихъ притязаніяхъ, не можетъ подняться выше этого уровня научности и критика въ своихъ сравненіяхъ жизни и искусства, героевъ дѣйствительности и ея смысла съ творческими образами и художническимъ міросозерцаніемъ имѣетъ всѣ права свою почву считать научной.

Шекспиръ положительную теорію искусства дополнилъ эффектнѣйшими издѣвательствами надъ педантизмомъ и буквоѣдствомъ, не пропуская случая бросить камнемъ во всякую попытку тунеядныхъ гробокопателей наложить свою руку на побѣдоносное свободное теченіе поэзіи и правды.

Мильтонъ, мы сказали, дополнилъ Шекспира. Авторъ *Гамлета* болѣе художникъ, чѣмъ моралистъ, и если мы можемъ изъ его трагедій извлекать высшіе уроки нравственности, мы приходимъ къ этимъ урокамъ не путемъ преднамѣренныхъ учительскихъ внушеній со стороны поэта, а въ результатѣ органическаго развитія психологіи и внѣшнихъ фактовъ въ его произведеніяхъ.

Мильтону пришлось дѣйствовать въ качествѣ вождя и своего рода пророка. Лучшую пору жизни онъ провелъ въ неустанной политической борьбѣ. Естественно, въ его представленіи сложился идеалъ поэта-публициста, не въ смыслѣ навязчиваго морализатора, а исключительной властной, просвѣтительной натуры. Не въ сентенціяхъ и урокахъ дѣло, а въ извѣстномъ художественномъ міросозерцаніи, въ естественномъ стремленіи поднять искусство на высоту совершеннѣйшей человѣческой дѣятельности.

Эта идея впослѣдствіи будетъ установлена философской систе-

мой. Мильтонъ развилъ ее подъ вліяніемъ внушеній своего поэтическаго генія и своей личной общественной роли.

Обратите вниманіе, какъ просто складываются и утверждаются важнѣйшіе принципы художественнаго творчества, именно тѣ самые принципы, за какіе впослѣдствіи литературѣ придется бороться буквально въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ.

Шекспиръ безукоризненно опредѣлилъ *реализмъ*—школу, до сихъ поръ еще не вполнѣ завладѣвшую европейской литературой, пережившую множество извращеній и до послѣднихъ дней страдающую отъ изъяновъ натурализма и декаданса.

Мильтонъ нарисовалъ идеальный образъ поэта, какъ общественнаго дѣятеля, какъ нравственно-отвѣтственнаго представителя націи, т. е. установилъ самодовлѣющую свободу поэтическаго генія и литературнаго труда, отвелъ, слѣдовательно, художественному слову одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ человѣческой культурѣ.

Опять—идея, потребовавшая впослѣдствіи упорной борьбы и многочисленныхъ жертвъ, идея, почти совершенно подавленная въ разцвѣтъ классицизма и меценатства и загорѣвшаяся нетлѣннымъ свѣтомъ только на зарѣ девятнадцатаго вѣка.

Мильтонъ свою теорію изложилъ подъ давленіемъ современныхъ политическихъ событій, требовавшихъ дѣятельнаго участія въ судьбахъ родины отъ каждаго гражданина.

Ничего не можетъ быть выше и строже поэтическаго вдохновенія. Это—подлинное служеніе божеству правды и свободы. Оно не должно зависѣть отъ легкомысленныхъ настроеній, отъ волненій страсти, отъ юношескихъ порывовъ.

Въ минуты творчества поэтъ озаряется священнымъ огнемъ отъ Вѣчнаго Духа исходящимъ, и путь творчества—путь тяжкихъ искусовъ и неустаннаго просвѣщенія ума и сердца.

Поэтическій талантъ—долгъ и нравственное иго, а не источникъ забавы. Поэтъ, въ силу своего таланта, невольникъ общественной совѣсти; въ силу своей исключительности—отвѣтственнѣйшій носитель національной славы.

И ни на кого въ годину бѣдствій очи гражданина не могутъ быть устремлены съ такимъ законнымъ и настойчивымъ ожиданіемъ, съ такими великими надеждами, какъ на поэта. И никто въ моментъ торжества свободы и мысли не понесетъ болѣе позорнаго клейма, какъ тунеядный и трусливый обладатель драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ.

III.

Сопоставьте идеи Шекспира и Мильтона, и вы получите полную эстетику со всѣми выводами, какіе бы ни представлялись необходимыми для какого угодно времени.

О томъ, что съ шекспировскимъ представленіемъ не можетъ ужиться никакая теоретически измышленная школа—нечего и говорить. Мильтоновскій принципъ, въ свою очередь, гарантируетъ искусство отъ нравственнаго вырожденія, отъ той опасности, на

какую въ нашемъ вѣкѣ стали указывать искренніе поклонники поэзіи.

Она—говорятъ эти поклонники—отживаетъ свои дни, какъ дитя воображенія и чувства—силъ наименѣе зрѣлыхъ въ человѣческой природѣ...

Но пріурочьте поэзію къ закону Мильтона, и вы не укажете ни эпохи, ни народа, гдѣ бы *такой* поэтъ и *такое* творчество не могли выполнить высшаго назначенія.

Это вѣчное жречество, но не въ таинственныхъ глубинахъ недоступнаго храма, а на виду, въ первыхъ рядахъ людской толпы, не во имя эгоистическаго самоуслажденія красотой и гармоніей, а во имя духовной жажды ближнихъ.

И какъ бы исторія ни измѣняла эту жажду, на какія бы разнообразныя цѣли ни направляла человѣчество, поэтъ во всеоружіи вдохновеннаго слова и принципіальнаго мужества всегда останется вождемъ и сыномъ времени.

На такой высотѣ стояла англійская критика къ половинѣ XVII-го вѣка. Авторъ нашего сборника не освѣщаетъ съ должной тщательностью идей Шекспира и Мильтона, повидимому, даже не отдаетъ отчета въ ихъ значеніи для литературы, какъ искусства и какъ нравственной силы. Но онъ оказываетъ большую услугу третьему критику того же періода—Сиднею.

Это авторъ очень извѣстной *Апологіи поэзіи*, но извѣстной больше по оглавленію. А между тѣмъ сущность разсужденія—въ высшей степени важна и поучительна.

Сидней собственно защищалъ театръ отъ пуританскихъ нападокъ, но въ результатѣ представилъ цѣльную и величественную картину вообще творческаго искусства.

Пуритане поэзію отожествляли съ суетной забавой и безуміемъ, именовали матерью лжи и всяческаго зла, защитникъ естественно постарался увѣнчать защищаемый предметъ.

И замѣчательно, рѣчь Сиднея часто совпадаетъ съ позднѣйшей философской идеализаціей искусства. Поэзія, по его мнѣнію, выше исторіи. Въ ней больше философіи и научности, чѣмъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ. Она вообще выше всякой науки.

Наука ничто иное, какъ человѣческое толкованіе природы на основаніи внѣшнихъ фактовъ и законовъ, поэтъ стоитъ на одномъ уровнѣ съ самой природой. Его талантъ такая же творческая сила, даже высшая, потому что поэтическое вдохновеніе истинное самооткровеніе всего, чтò есть благороднаго и возвышеннаго въ большемъ созданіи.

Въ результатѣ поэзія—«высшая форма истины», по своему содержанію, происхожденію и цѣлямъ.

Критикъ особенно настаиваетъ именно на *содержаніи* и *цѣляхъ* поэтическаго творчества. Форма лишь украшеніе, постоянно мѣняющееся, она—*моментъ*, содержаніе—*душа* поэзіи. И оно-то источникъ великихъ благодѣяній для человѣчества.

Цѣль наша не только *хорошо знать*, но и *хорошо поступать*, и никто—ни моралистъ, ни историкъ—не можетъ съ такимъ успѣхомъ проложить путь къ послѣдней цѣли, какъ поэтъ.

Одинъ живетъ исключительно въ области *идей*, другой—*фактовъ*, отъ тѣхъ и другихъ остается еще пропасть до живой *дѣятельности* ее-то можетъ заполнить только поэтъ.

То, чтó философъ *доказываетъ* какъ благо *въ идеѣ*, поэтъ показываетъ какъ благо *въ дѣйствительности*. То, что философъ *предписываетъ* при помощи разсудка и логики, поэтъ *побуждаетъ* выполнить осязательными образами и примѣрами.

Эти соображенія достойны всего нашего вниманія. Не только по смыслу, но отчасти и по формѣ они были высказаны Бѣлинскимъ въ самый зрѣлый періодъ его критики.

И если мы въ рѣчахъ Мильтона о священномъ огнѣ поэзіи невольно узнаемъ столь обычный для нашихъ поэтовъ мотивъ о поэтѣ-пророкѣ, въ идеяхъ Сиднея скрываются будто пророческіе намеки на одушевленную проповѣдь первостепеннаго русскаго критика.

Что касается отношенія поэзіи къ дѣйствительности, Сидней здѣсь остается на почвѣ шекспировской эстетики. Поэзія должна обнять жизнь со всѣми ея тѣнями и свѣтомъ.

Очевидно, не смотря на разсудочную форму *Защиты* Сиднея она вся проникнута современнымъ творческимъ духомъ. Въ ней вѣетъ геній англійскаго возрожденія, сильный не усвоеніемъ чужихъ формъ и законовъ, а инстинктомъ національной независимости и гражданскаго народнаго могущества.

Этотъ инстинктъ оказался на высотѣ своего призванія даже во времена реставраціи, т. е. оффиціально покровительствуемаго классицизма во французскомъ смыслѣ.

Любопытно сравнить англійскаго классическаго критика Драйдена съ такими же критиками въ другихъ литературахъ.

Ему приходится дѣйствовать послѣ Шекспира и Мильтона, въ атмосферѣ реставраціи, не похожей ни на елизаветинскій золотой вѣкъ, ни на бури революціи и республики.

Классицизмъ — патентованная школа всякихъ реставрацій и вообще всѣхъ эпохъ политическаго омертвѣнія страны и нравственнаго разслабленія общества. Естественно, онъ долженъ стоять во главѣ литературной политики Стюартовъ.

Тлетворное дыханіе коснулось и Драйдена. Онъ безпрестанно толкуетъ объ Аристотелевой піитикѣ, въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ пачкается въ румянахъ и иныхъ куртизанскихъ принадлежностяхъ расиновскаго стиля, но англичанинъ продолжаетъ заявлять о своихъ чувствахъ даже среди галломанскаго вздора.

Шекспиръ, конечно, пробный камень.

Для вполнѣ послѣдовательнаго классика онъ—пьяный дикарь и невѣжда, не имѣющій понятія о приличномъ обществѣ и правилахъ хорошаго тона и вкуса.

Для Драйдена онъ—національная слава. Критикъ даже усиливается оправдать трагедіи Шекспира по Аристотелю, разсчитывая такимъ путемъ на безусловную реабилитацію шекспировскаго генія. Такое же отношеніе и къ Мильтону.

Даже больше.

Драйденъ ополчается на французскую трагедію за ея монотонность и противоестественность, за ея неустанную декламацію, женственную изнѣженность, реторику, и противоставляетъ всему этому мощь шекспировской души, обиліе дѣйствія и глубину психологіи его трагедій

Но замѣчательнѣе всего идея природы, господствующая надъ Драйденомъ. Она—рѣшительное противорѣчіе духу эпохи, ремесленническимъ пріемамъ художественной литературы, умственной немощи и ограниченности міросозерцанія общества.

Толковалъ о природѣ, конечно, и Буало но для него эта была природа, прошедшая застѣнки здраваго смысла, какъ его представляли при дворѣ Людовика XIV и г-жи Ментенонъ. Драйденъ понималъ шекспировскую природу, уходя на недосягаемую даль отъ маленькихъ великихъ людей въ академическихъ кафтанахъ.

Но все это сплошной свѣтъ. О тѣняхъ мы почти не упомянули. Ихъ дѣйствительно въ англійской критикѣ несравненно меньше, чѣмъ во всякой другой. Но идеала нѣтъ нигдѣ.

Педантизмъ—явленіе столь же общечеловѣческое, какъ и геній, только еще болѣе распространенное, нетерпимость по всѣмъ направленіямъ также свойственна той странѣ, гдѣ даже при Елизаветѣ проклинали театръ. Не могла спастись и критика отъ этихъ недуговъ, хотя для англійской литературы сравнительно безвредныхъ и мимолетныхъ.

Любопытно, что резонерскій деспотизмъ и тупая нетерпимость дали генеральное сраженіе искусству въ совсѣмъ, повидимому, не подходящее время, въ XVIII вѣкѣ, одновременно съ роскошнымъ разцвѣтомъ англійскаго романа и лирики.

Въ одушевленное и юношески бодрое теченіе новыхъ идей вдругъ врывается назойливое бормотаніе книгоѣда, не обладающаго ни единой искрой художественнаго чутья и тѣмъ болѣе притязательнаго и въ результатѣ авторитетнаго.

Вы помните тэновскую живопись, по обыкновенію, безцѣльную или затемняющую сущность дѣла, посвященную Джонсону! Всѣ эти мнимо-научные штрихи — «огромный мужчина», «физіономія, изрытая золотушными шрамами», «грязная рубашка»,—праздная болтовня, не имѣющая ничего общаго съ литературнымъ и умственнымъ обликомъ удивительнаго критика.

Нѣсколько строкъ нашего автора даютъ гораздо больше, чѣмъ страницы натуральныхъ жанровъ.

И вопросъ-то очень простой.

Джонсонъ просто холодный, грубый резонеръ, ни разу въ жизни не испытавшій эстетическаго ощущенія, своего рода капралъ формальнаго литературнаго благочинія, идолопоклонникъ механическаго искусства, а не души, и идеи и, слѣдовательно, прирожденный врагъ всего оригинальнаго и творчески-свободнаго.

Въ результатѣ—настоящій варварскій натискъ на первостепенные таланты англійской поэзіи, Мильтона, Свифта, во имя удручающихъ моральныхъ банальностей и чисто средневѣковой узости умственнаго горизонта.

Дѣятельность Джонсона, какъ литературнаго приговорщика

вошла какимъ-то клиномъ въ общій ростъ англійской критики, и не нашла ни учениковъ, ни подражателей.

Но Джонсонъ будто прервалъ живую традицію, загородилъ цѣлой громоздской библіотекой своихъ твореній свѣтлое теченіе идей Шекспира и Мильтона. На нѣкоторое время настала будто анархія, царство рецензентскаго своеволія, капризныхъ газетныхъ и журнальныхъ росчерковъ, безъ всякаго вниманія къ личностямъ поэтовъ и достоинству ихъ произведеній.

Анархія знаменуется дѣятельностью двухъ періодическихъ изданій, двухъ обозрѣній—*Эдинбургскаго* и *Трехмѣсячнаго*.

Въ извѣстномъ смыслѣ они продолжали Джонсона: тотъ же мѣщанскій культъ посредственности, та же наклонность къ формальному самовластію надъ художниками, то же отвращеніе ко всякой независимой оригинальной силѣ.

Журналы только прибавили новую стихію, еще болѣе нетерпимую, чѣмъ морализирующее резонерство—церковное ханжество.

Статьи *Обозрѣній* безпрестанно превращались въ протоколы инквизиціоннаго сыска, и въ исторіи навсегда останутся памятными набѣги обозрѣвателей на Байрона и Шелли.

Остальные подвиги совершались въ соотвѣтствующемъ духѣ.

Ни одно изъ современныхъ знаменитыхъ именъ не избѣжало грязныхъ брызгъ клеветы и униженій. Вордствортъ, Бэрнсъ раздѣляютъ участь Байрона и Шелли, причемъ составъ преступленія чаще всего—безнравственность личной жизни, атеизмъ, стремленіе подорвать основы общественнаго порядка.

Журналы влили въ себя всѣ подонки, какія только могли найтись въ глубинахъ англійскаго лицемѣрія, и именно усердіе ихъ погубило. Ужъ слишкомъ мало общаго съ искусствомъ было въ принципахъ и приговорахъ обозрѣвателей, и Байронъ нанесъ имъ первый смертельный ударъ.

А главное, само время шло противъ темныхъ операцій критики.

Заслугу *Обозрѣній* можно видѣть въ окончательномъ устраненіи изъ обихода критико-эстетическаго деспотизма Джонсона, вообще правилъ и предписаній изъ области піитики. Въ этомъ смыслѣ и безпринципность, и анархія были полезны.

Но царство ихъ не могло укрѣпиться, и англійская критика не замедлила войти въ общеевропейское теченіе.

IV.

Въ новомъ направленіи для англійской литературы оказалось много стараго, давно ею завоеваннаго.

Новизна ограничилась прочнымъ установленіемъ сравнительнаго историческаго метода.

Но и этотъ методъ—логическое развитіе раннихъ идей. Если литература—зеркало современности, несомнѣнно, она—творческая исторія и изучать ее слѣдуетъ въ зависимости отъ исторической дѣйствительности.

Отсюда также послѣдовательно возникаетъ интересъ къ самымъ основамъ и первоисточникамъ національнальнаго творчества, къ поэзіи, вообще къ національной старинѣ.

Нашъ авторъ громадное значеніе придаетъ вліянію германской литературы и философіи на англійскую критику и считаетъ величайшей заслугой Карлейля—популяризацію нѣмецкихъ идей въ Англіи. По его мнѣнію даже, будто открытіе германской литературы—величайшій фактъ со временъ Возрожденія.

Это очень краснорѣчиво въ устахъ англичанина. Даже для такой національной и могучей литературы, какова англійская, явилось необходимымъ идейное оплодотвореніе извнѣ. Здѣсь убѣдительнѣйшее доказательство, насколько неизбѣжно и плодотворно взаимное литературное и идейное воздѣйствіе европейскихъ народовъ.

И все-таки, мы думаемъ, авторъ преувеличилъ значеніе карлейльской задачи, преувеличилъ именно для Англіи.

Что могла дать безусловно новаго англійской критикѣ нѣмецкая поэзія? Она сама, въ лицѣ Гёте и Шиллера, отцомъ своимъ признала Шекспира. Романтики нѣмецкіе и французскіе единодушно считали его своимъ учителемъ и вдохновителемъ, и англійскіе читатели романтической континентальной литературы на каждомъ шагу должны были чувствовать отголоски своего національнаго творчества.

Если такъ стоялъ вопросъ относительно искусства, не могла существенно измѣнить дѣла и критика.

Германская философія въ началѣ XIX вѣка сосредоточила пристальное вниманіе на искусствѣ и его задачахъ. Ни одна система не обходилась безъ эстетики.

Но конечные выводы нѣмецкихъ философовъ опять ничѣмъ не могли изумить англійскихъ критиковъ, если только они твердо знали прошлое своей критической литературы.

Мильтоновское изображеніе поэта, *Защита поэзіи* Сиднея по существу предвосхищали самыя выспреннія и совершенныя представленія о нравственномъ смыслѣ и общественномъ назначеніи поэзіи.

Дѣлая эти оговорки, мы отнюдь не желаемъ подрывать права нѣмецкихъ философовъ на оригинальность и глубину художественныхъ идей. Мы только подчеркиваемъ совпаденіе результатовъ наиболѣе зрѣлой философской мысли съ естественными внушеніями свободнаго національнаго творчества.

Шекспиръ ясно представлялъ и превосходно выразилъ принципъ художественнаго реализма; Мильтонъ блистательно опредѣлилъ поэта, какъ дѣятельную личность. Ни у того, ни у другого нѣтъ общей философской системы, обусловливающей ихъ художественный символъ вѣры. Но за то и Шекспиръ, и Мильтонъ—истинно творческіе таланты, непосредственно связанные съ живою дѣйствительностью и національнымъ геніемъ своего народа.

Результатъ какъ нельзя болѣе внушительный. Онъ безъ всякихъ подробныхъ изъясненій опредѣляетъ непогрѣшимые пути искусства и устанавливаетъ направленіе, какимъ должна слѣдовать критика въ цѣляхъ достигнуть возможно плодотворнаго идейнаго значенія и научнаго достоинства.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«On the Art of Living Together» by Robert F. Horton. (*Объ искусствѣ совмѣстной жизни*). Авторъ разсматриваетъ въ своей книгѣ, при какихъ условіяхъ совмѣстная жизнь можетъ быть счастлива. Онъ не касается только брачныхъ отношеній, а беретъ вопросъ гораздо шире и говоритъ вообще о совмѣстной жизни въ семьѣ, среди товарищей и т. д. Свои размышленія на этотъ счетъ авторъ подкрѣпляетъ примѣрами, которые заимствуетъ какъ изъ собственнаго опыта, такъ и изъ опыта другихъ людей, а также историческими примѣрами. Книга интересная и наводящая на размышленія.

(Literary World).

«The Flora of the Alps» by A. W. Bennett (*Альпійская флора*). Два небольшіе тома этого изданія заключаютъ въ себѣ прекрасное описаніе альпійской флоры, очень полезное для туристовъ и любителей ботаники.

(Literary World).

«The Condition of working Women» by Jessie Bomherett, Helene Blackburn and some others. (*Положеніе работницъ*). Въ составленіи этой книги, обрисовывающей положеніе женскаго труда въ Англіи, участвовало нѣсколько женщинъ, основывающихъ всѣ свои выводы и положенія на документахъ, фабричномъ законодательствѣ и непосредственномъ наблюденіи. Такъ какъ проблема женскаго труда представляетъ одну изъ жгучихъ проблемъ современнаго общества, то такое добросовѣстное изслѣдованіе положенія женщинъ-работницъ въ Англіи, безъ сомнѣнія, составляетъ цѣнный вкладъ въ библіотеку труда.

(Literary World).

«A Life spent for Ireland». Being the Memoirs of the late W. I. O'Neill Dauut (Fioher Unwin). (*Жизнь за Ирландію*). Авторъ этихъ воспоминаній былъ горячимъ послѣдователемъ ирландскаго борца О'Коннеля и во многихъ отношеніяхъ былъ его правою рукой. Однако, въ своихъ воспоминаніяхъ авторъ очень мало касается политической борьбы, а больше описываетъ различные факты и событія ирландской жизни, не носящіе рѣзко выраженнаго политическаго характера. Эпизоды, сообщаемые авторомъ изъ жизни О'Коннеля и другихъ выдающихся личностей, съ которыми ему приходилось вступать въ сношенія, чрезвычайно интересны и во многихъ отношеніяхъ могутъ служить для характеристики ирландской жизни и отношеній въ прежнее время.

(Literary World).

«A little history of China and Chinese Story» by Alex. Brebner (*Маленькая исторія Китая*). Двѣ трети этой небольшой книги посвящены современной исторіи Китая; древняя исторія Китая занимаетъ остальную треть. Не смотря на свою краткость (въ книгѣ немного болѣе сотни страницъ) эта исторія Китая знакомитъ въ достаточной степени со всѣми главными историческими событіями, а въ концѣ книги, для характеристики современнаго Китая помѣщенъ разсказъ изъ современной жизни, который несомнѣнно долженъ заинтересовать читателя.

(Daily News).

«Seven Lectures an Political Ecanomy» by H. M. Hgndman. (*Семь лекцій о политической экономіи*). Характеръ воззрѣній автора хорошо извѣстенъ читателямъ, интересующимся соціальными вопросами. Въ своей новой книгѣ, разсчитанной на большой кругъ читателей, авторъ излагаетъ въ наиболѣе удобопонятной формѣ новѣйшія политико-экономическія теоріи. Особеннаго вниманія заслуживаетъ глаза, трактующая о промышленныхъ кризисахъ.

(Daily News).

«La population et le système social» par Fr. S. Nitti. Paris 1897. (*Народонаселеніе и соціальная система*). Между современными соціологическими и экономическими вопросами несомнѣнно важное мѣсто занимаетъ вопросъ о народонаселеніи. Во Франціи, болѣе чѣмъ гдѣлибо, демографическая проблема требуетъ своего разрѣшенія. Книга проф.

Нитти посвящена именно этому важному вопросу. Профессоръ изучаетъ въ началѣ всѣ современныя доктрины, касающіяся народонаселенія и опредѣляетъ тѣ демократическія, экономическія, соціальныя и иныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложились эти доктрины; затѣмъ, во второй части своего труда онъ изслѣдуетъ истинные законы народонаселенія, т. е. такіе, которые вытекаютъ изъ вполнѣ объективнаго и безпристрастнаго изученія этой великой доктрины. Проф. Нитти, воздавая должное генію Мальтуса, не одобряетъ его доктрины; точно также онъ опровергаетъ классическую школу и возстаетъ противъ Дарвина и Маркса, не сочувствуя идеѣ борьбы за существованіе и гибели неприспособленныхъ. Единственная изъ современныхъ школъ, пользующаяся его сочувствіемъ, это біологическая доктрина Спенсера, но онъ и ее принимаетъ лишь съ нѣкоторыми видоизмѣненіями. Въ своемъ замѣчательномъ заключеніи онъ доказываетъ, что спасеніе заключается лишь въ коопераціи и что чрезмѣрное развитіе индивидуализма непремѣнно должно погубить цивилизацію. (Revue des Revues).

«*The Ever Green. Winter Book*» *by Patrick Geddes*. (*Fishes Unwin*). (*Вѣчно зеленное: книга зимы*). Чрезвычайно изящная книга завершающая достойнымъ образомъ серію изданій, задуманныхъ авторомъ и его ближайшими сотрудниками и посвященныхъ описанію четырехъ временъ года. Послѣдній выпускъ этой серіи раздѣляется, какъ и предыдущіе, на слѣдующія четыре части: «Зима въ природѣ», «Зима въ жизни», «Зима въ свѣтѣ», «Зима на сѣверѣ». Статьи для этого выпуска написаны извѣстными авторами и спеціалистами, въ числѣ которыхъ находятся Элизе Реклю, Поль Дежарденъ, Уингэтъ, Пирсъ, Дугласъ и мн. др. (Revue des Revues).

«*The White Slaves of England*» *by Robert H. Sherurd* (*Bowden*). (*Бѣлые рабы Англіи*). Книга представлаетъ рядъ очерковъ, относящихся къ различнымъ отраслямъ фабричнаго и ремесленнаго труда въ Англіи. Авторъ подробно изучилъ различныя отрасли промышленности и посвятилъ рядъ статей въ одномъ изъ періодическихъ журналовъ вопросу о положеніи ремесленниковъ въ Англіи. Картина, которую онъ развертываетъ передъ читателями по истинѣ ужасна и можетъ привести въ содроганіе самаго хладнокровнаго и равнодушнаго читателя. Чтобы хорошенько изучить положеніе и бытъ фабричныхъ рабочихъ и ремесленниковъ, которыхъ авторъ называетъ «бѣлыми рабами», онъ очень долго прожилъ въ ихъ средѣ. Нѣкоторыя отрасли фабричнаго труда дѣйствуютъ разрушающимъ образомъ на здоровье рабочихъ и они очень быстро погибаютъ. На это именно авторъ и желалъ бы обратить вниманіе общества, равнодушно относящагося къ участи несчастныхъ, удовлетворяющихъ своимъ трудомъ все возрастающимъ потребностямъ роскоши и цивилизаціи. Все, что разсказываетъ авторъ въ своихъ очеркахъ, подтверждается оффиціальными документами и отчетами о фабричномъ трудѣ въ Англіи. (Daily News).

«*Dictionnaire des hommes du Nord*». *Tome 1-e—Les Contemporains. — Publié sous la direction de Henri Carnoy, professeur du lycée Montaigne, Illustré de 250 partraits*. (*Словарь сѣверныхъ людей*). Подъ общимъ названіемъ: «Collection des grands Dictionnaires biographiques» Анри Карной подготовляетъ и руководитъ изданіемъ тридцати объемистыхъ сборниковъ, въ которыхъ должны заключаться біографіи всѣхъ современныхъ знаменитостей, какъ во Франціи, такъ и за границей. Эта настоящая біографическая энциклопедія будетъ приблизительно состоять изъ 60 томовъ и должна быть покончена къ выставкѣ 1900 года. Въ общемъ это изданіе должно дать наиболѣе вѣрную историческую картину міра интеллегенціи и труда конца нашего вѣка. Отдѣльные томы будутъ заключать въ себѣ біографіи ученыхъ, артистовъ, литераторовъ, врачей и хирурговъ, политическихъ и общественныхъ дѣятелей и т. д. Въ настоящее время вышелъ въ свѣтъ только первый томъ этого гигантскаго изданія, посвященный уроженцамъ сѣверныхъ провинцій Франціи, затѣмъ вскорѣ же долженъ появиться «словарь людей юга». Всѣ свѣдѣнія, заключающіяся въ словарѣ, тщательно провѣрены. Большинство біографій дополняется портретами. (Journal des Débats).

«*Les Tchèques et la Bohême contemporaine*» *essai d'histoire et de politique par Jean Bourlúr (Felis Alcan)*. (*Чехи и современная Богемія*). Цѣль этой маленькой книжки—представить въ общихъ чертахъ исторію чешскаго народа и изобразить усилія маленькаго народа вернуть свою автономію. Авторъ прожилъ довольно долго среди чешскаго населенія и имѣлъ возможность на мѣстѣ изслѣдовать политическія условія страны и результаты, достигнутые чешскимъ народомъ въ его постоянной борьбѣ съ

чешскимъ вліяніемъ. Кромѣ описанія чисто политической жизни страны, въ книгѣ заключается много данныхъ, касающихся интеллектуальнаго и экономическаго движенія въ странѣ, обрисовывающихъ ея положеніе въ австро-венгерской Имперіи.

(Journal des Débats).

«La Mendicité» par Georges Berry, deputé de Paris. (Нищенство). Въ этой книгѣ собраны результаты наблюденій надъ нищими Парижа. Авторъ этого любопытнаго во многихъ отношеніяхъ изслѣдованія высказываетъ въ заключеніе свои взгляды на средства борьбы съ нищетой. (Journal des Débats).

«L'Ile de Crite» etude géographique, historique, politique, et economique, par Paul Combes (Островъ Критъ). Краткая, но въ то же время довольно полная монографія острова, играющаго въ данную минуту выдающуюся роль въ европейской политикѣ. Въ этой монографіи не только находятся всѣ свѣдѣнія, касающіяся современнаго положенія острова, его населенія и ресурсовъ, но также сообщается его исторія и разъясняется происхожденіе той борьбы, эпилогъ которой разыгрывается въ данную минуту на Балканахъ.

(Journal des Débats).

«L'Europa Giovane: Studi e viaggi nei paesi del Nord» G. Ferrero. (Молодая Европа). Извѣстный итальянскій писатель, послѣдователь и сотрудникъ Ломброзо, издалъ книгу, въ которой сообщаетъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ пребыванія въ сѣверныхъ государствахъ Европы: Англіи, Германіи, Скандинавіи и Россіи. Какъ всегда статьи Ферреро, помѣщенныя въ этой книгѣ, блещутъ самыми смѣлыми и даже черезчуръ рискованными парадоксами, а также нѣсколько поспѣшными выводами и обобщеніями, но тѣмъ не менѣе онѣ написаны живо и увлекательно и книга читается отъ начала до конца съ большимъ интересомъ. Во всякомъ случаѣ, книгу нельзя упрекнуть въ однообразіи, на что указываютъ даже самыя названія статей, помѣщенныхъ въ ней: «Бисмаркъ и соціализмъ», «Любовь у латинскихъ и германскихъ расъ», «Лондонъ», «Москва», «Антисемитизмъ и борьба двухъ расъ и двухъ идеаловъ «Общество будущаго и т. д.

(Daily News).

«Sentiments et Idées de ce temps» pa Henry Bordeaux (Perrin et C°). (Чувства и идеи нашего времени). Въ этой книгѣ, какъ и въ предшествующемъ томѣ «Ames modernes», авторъ подвергаетъ тщательному анализу тѣ чувства и идеи которыя сохраняются въ душѣ человѣка, несмотря на всѣ перемѣны и наслоенія, образуемыя временемъ. Авторъ изучаетъ также вліяніе условій жизни и обстановки на образованіе характера при чемъ огромное значеніе придаетъ первичнымъ впечатлѣніямъ и ощущеніямъ, которыя, по его словамъ, оставляютъ неизгладимый слѣдъ въ душѣ человѣка. (Journal des Débats).

«Etude de morale sociale» (lectures et conférences) par René Lavollée (Guillaumin). (Очерки соціальной морали). Авторъ задался цѣлью въ рядѣ очерковъ познакомить читателей съ тѣми соціальными язвами, отъ которыхъ страдаетъ современное общество и изслѣдовать средства, которыми располагаетъ это общество для борьбы со зломъ.

(Journal des Débats).

«L'Idée de droit» par M. L. Vallas prof. à la Faculté de Droit, à Lille. (Идея права). Небольшая книга, заключающая въ себѣ рѣчь, произнесенную авторомъ при открытіи университета въ Лиллѣ. Профессоръ разбираетъ въ ней доктрины индивидуализма и коллективизма и, становясь на среднюю точку зрѣнія, доказываетъ, что между принципомъ индивидуальной свободы и принципомъ соціальнаго порядка ничего нѣтъ несовмѣстимаго. По мнѣнію профессора, задача современныхъ юристовъ именно и заключается въ томъ, что они должны найти примирительную формулу между этими двумя доктринами.

(Journal des Débats).

«Persian Life and Customs» by S. G. Wilson. (Персидская жизнь и обычаи). Очень интересное описаніе Персіи. Авторъ прожилъ 15 лѣтъ въ этой странѣ и хорошо изучилъ ея нравы и обычаи. Къ книгѣ приложенъ портретъ персидскаго шаха и многочисленныя иллюстраціи.

(Daily News).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

